ХРЕСТОМАТИЯ
по
РУССКОЙ ИСТОРИИ

СОСТАВИЛ

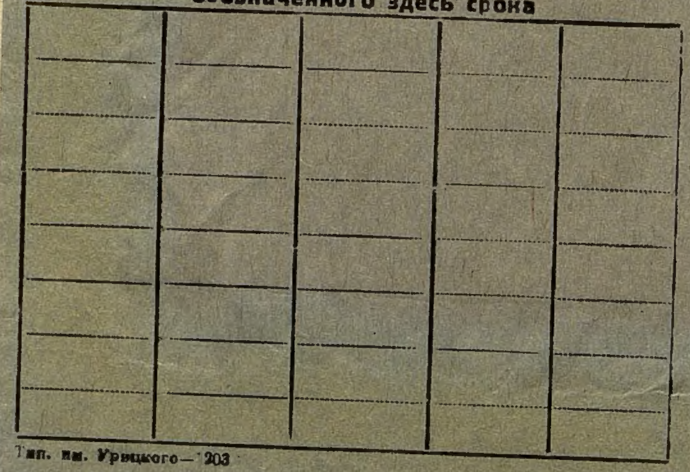
Михаил Коваленский

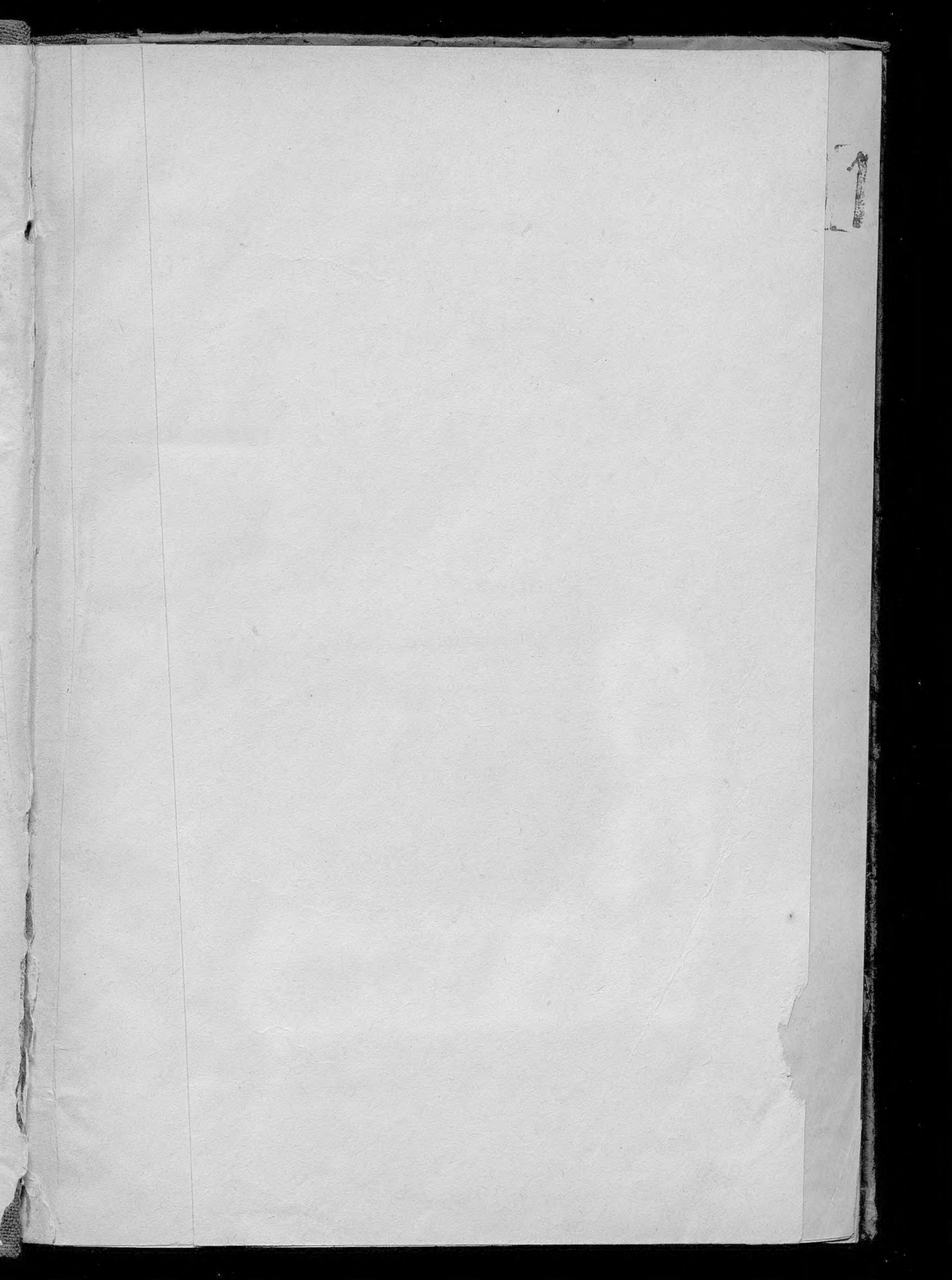
Том III

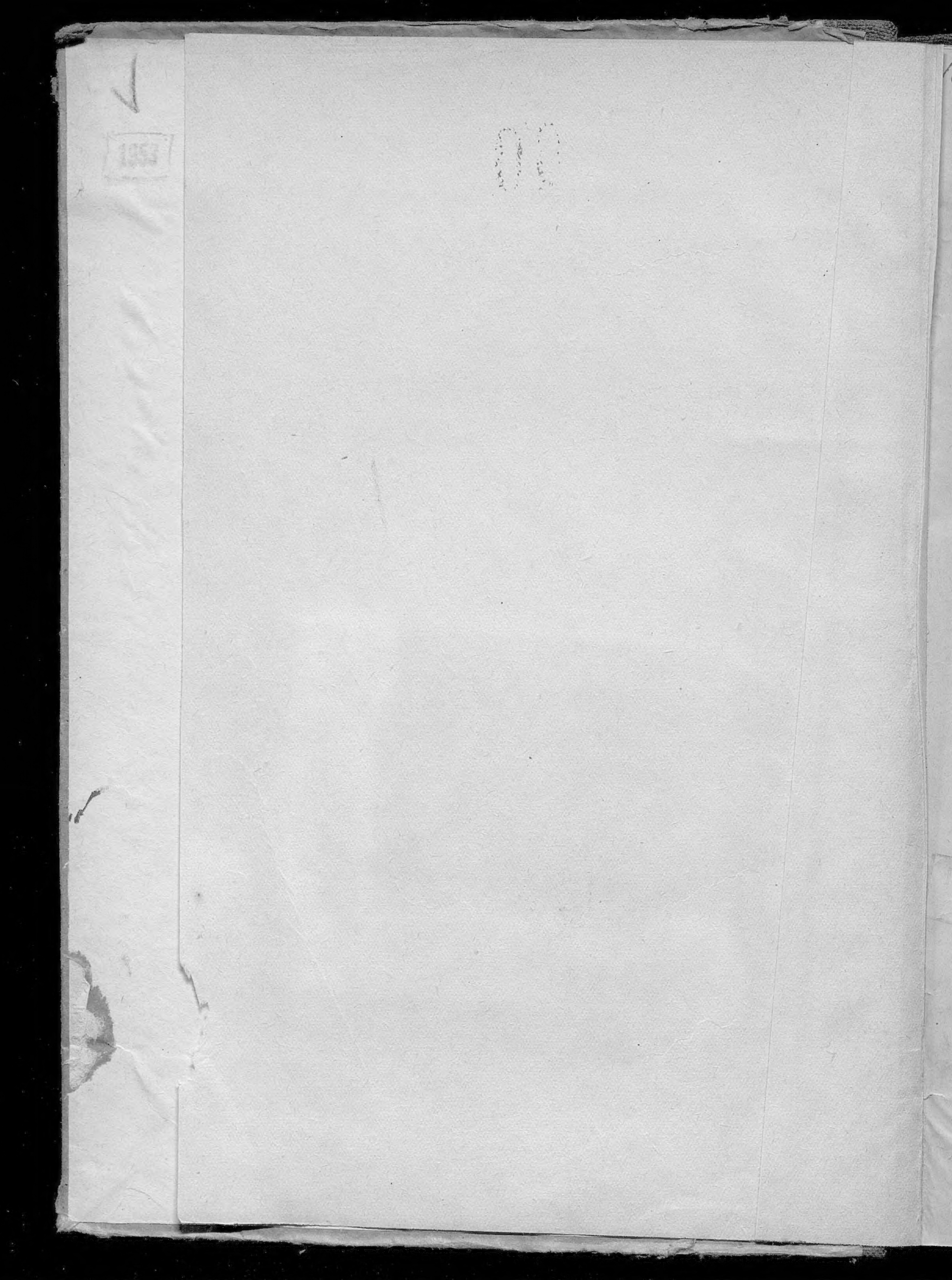
2-е ИЗДАНИЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ••• 1923 ••• ПЕТРОГРАД

1353

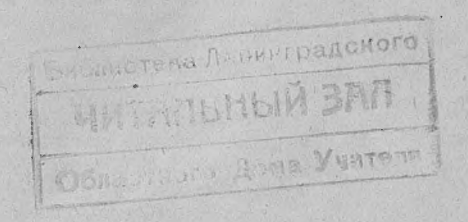
ХРЕСТОМАТИЯ
ПО
РУССКОЙ ИСТОРИИ

СОСТАВИЛ
МИХАИЛ КОВАЛЕНСКИЙ

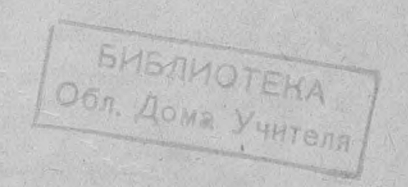
Том III

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

1—30 тысяча

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ... 1923 ... ПЕТРОГРАД

Гиз. № 3752. Отпечатано 30.000 экз. Петрооблит № 3648. IV/I—28/XI—1922 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ТОМЪ III.

Дворянскій феодализмъ и торговый капитализмъ.

IX. Дворъ императрицы.

X. Внѣшняя политика.

(Звездочкой сбоку обозначены статьи, вновь включенные въ хрестоматію.)

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРЕТЬЕМУ, ЧЕТВЕРТОМУ И ПЯТОМУ ТОМАМ.

Когда, больше десяти лет назад, составлялся третий том этой книги, третий том, посвященный новейшему периоду русской истории — XVIII и XIX векам, — многого, слишком многого невозможно было ввести в эту книгу, целые области жизни должны были оставаться за бортом. Даже из заготовленного уже материала, переписанного для издания, пришлось, по зрелом размышлении и по совещании с издателем, добрых три четверти кинуть в корзину, сохранив только четвертую четверть. Но и в этом сокращенном виде, без революционного движения, без социализма, без петрашевцев и даже почти без декабристов, — третий том не мог быть пропущен в тогдашнюю русскую школу, — он был целиком забракован тогдашним Ученым Комитетом. Хотелось бы верить, однако, что и в своем неполном виде эта книга оказалась не совсем бесполезной для школы, для учащегося и учителя, а, может быть, и для самообразования.

Теперь, в изменившихся условиях всей нашей жизни, всей нашей школы, старая книга, конечно, уже не годилась. Нужно было ее сильнейшим образом переработать, дополнить совершенно новым материалом, ввести совершенно новые отделы, заново всю ее перестроить. Теперь можно стало включить в нее и Герцена, и Желябова, и Плеханова, и Пятый и Семнадцатый год. Теперь можно было выпрямить ее всю на одном основном стержне,—на хозяйстве и классовой борьбе. Теперь можно стало вводить тексты революционных прокламаций. Но всего этого оказалось такое количество, так много надо было включить в книгу, так много надо было ввести в школьный обиход, что волей-неволей приходилось расширять рамки, раздвигать грани и материал одного тома — третьего — размещать даже не по двум, — по пяти томам.

Составитель, впрочем, полагает, что и в таком, непомерно разросшемся виде, эта книга принесет учителю и школе некоторую пользу. Работнику новой школы, действующему по новым схемам, по новым совсем программам, да еще новыми методами, нужно серьезнейшим образом перевооружиться. Пусть эта книга — не хрестоматия в прямом смысле, — пусть это Ручная библиотека — Handbibliothek учителя по русской истории, — ему нужна и такая Handbibliothek. Как использует школа этот материал, что из него действительно окажется нужным и ценным, что ненужным и лишним, выяснится в процессе работы с книгой и учтется при новых изданиях, если таковые потребуются. В такой работе трудно оградить себя от всякого рода недочетов, от пропусков и повторений. Ученая критика скажет свое веское слово, отметит недочеты в построении книги, в освещении, в выборе материалов. Школьные работники разберут, что пригодно, а что непригодно для их сложной и важной работы. Учащиеся, ради коих и возводятся все эти сооружения, — учащиеся признают эту книгу своей или чужой, для них или не для них писаной книгой. Не хотелось бы думать, что признают книгу совсем ни для кого и ни для чего ненужной.

Материал, собранный в этих томах, подбирался с возможною полнотой. Имелось в виду, что материал этот может пригодиться учащимся для студийной, рефератной, лабораторной работы, и учителю для подготовки к его школьной работе, и читателю для самостоятельного изучения. Незачем предполагать, что весь этот материал может или должен быть проработан в каждой школе, это, разумеется, и неосуществимо, и совсем ненужно. Важно дать возможность найти материал, нужный для той, и другой, и третьей темы. Важно избавить школу от неизбежной необходимости отказываться от материалов за трудностью их добыть, а как велика эта трудность, хорошо всем известно.

Третий том по новому счету посвящен русскому XVIII веку, русскому дворянскому феодализму в условиях торгового капитализма. Четвертый том — развитию промышленного капитализма, разложению феодализма и нарастанию буржуазного строя, кончая революцией декабристов. Пятый том —

феодальной реакции николаевской эпохи и либерально-буржуазным реформам 60-х годов. Эти три тома, отвечающие в общем и целом рамкам прежнего третьего тома, выходят в свет сразу, один за другим. Впереди — еще два тома, посвящаемых второй половине XIX века и началу XX века, — революционному движению и трем революциям 1905 и 1917 годов. Эти два тома — шестой и седьмой — находятся пока в работе.

С благодарностью должен отметить составитель теперь, как и прежде, что на помощь ему в работе пришли и люди, и целые учреждения. Что мог бы он сделать, если бы перед ним закрыли свои двери такие книгохранилища, как библиотеки московских Румянцевского и Исторического Музеев, Социалистической Академии, Первого и Второго Университетов? Всем этим учреждениям, богатствами коих насыщены страницы этих томов, составитель приносит свою глубокую признательность. На ряду с этим не оставили составителя ценными своими советами и указаниями и товарищи по работе, ученые специалисты, практики-педагоги. Глубокую благодарность приносит составитель за все эти советы и указания, коими он, по мере сил и умения, воспользовался, — уважаемым В. Н. Бочкареву, А. М. Васютинскому, Б. Н. Жаворонкову, К. А. Мороховцу; особенно много обязан составитель советам и указаниям уважаемого М. Н. Покровского; при его содействии устанавливался основной перечень привлекаемых к делу материалов. Наконец, не может обойти составитель и той особого рода помощи, какую оказали ему в этой работе его слушатели в различных классах и аудиториях: в живой работе с ними слагались первоначальные контуры плана, в той же работе подбирался в значительной степени материал, на опыте этой работы и проверялся подобранный материал; многое из того, что найдут они в этой книге, им уже давно знакомо, прорабатывалось вместе с ними; и без этой работы со слушателями не было бы и самой книги: для них ведь она и писана. Им приношу я в дар эти мои тома.

В заключение — несколько слов о технической стороне дела. Читателю, конечно, бросится в глаза странная пестрота правописания, принятого в этих томах. Третий том оказывается целиком по правилам старой орфографии, в четвертом и пятом томах старая и новая орфография чередуются без большого порядка и смысла. Это все получилось помимо автора. Предполагалось распределить статьи по старой и новой орфографии более рационально. Но книга печаталась далеко от составителя — в типографиях Петербурга, составитель лишен был возможности сам наблюдать за печатанием книги, а когда большая часть листов уже были набраны и сверстаны — было уже поздно менять орфографию. Извиняясь за этот невольный недочет, составитель утешает себя мыслью, что удастся это исправить в следующем новом издании.

Михаил Коваленский.

Москва, Арбат.
1923, апреля 18.

P. S. Необходимо еще оговорить, что неизбежные купюры в текстах, а равно и подчеркивания, выделения отдельных фраз и слов курсивом, жирным шрифтом, разборкой — дело рук составителя Хрестоматии.

Том III

Дворянский феодализм и торговый капитализм

I. Дворцовые перевороты.

1. Воцареніе Екатерины I.

(Изъ «Краткой повѣсти о смерти Петра Великаго», Феофана Прокоповича.)

...Что же и послѣдствовало въ нуждахъ отечествія, и сія показать нашего званія есть.

Вчера ввечеру Синодъ и Сенатъ приговорили, что ежели божіимъ изволеніемъ толикаго отца лишитися случится, тотчасъ бы на едино мѣсто въ палатахъ царскихъ собратися и все, что ни надобѣ къ безопаству и тишинѣ народной, прежде бы усмотрѣть и устроить, нежели народу о смерти государевой извѣщено будетъ. Такъ и сдѣлалось: тотчасъ по оной печальной вѣдомости сенаторы вси, и отъ Синода четыре персоны, сколько на тотъ часъ во дворцѣ ночевало, а кромѣ тѣхъ и Генералитетъ и нѣцыи отъ знатнѣйшаго шляхетства въ едину комнату въ палатахъ собралисъ, и прежде всего о наслѣдницѣ происходило слово. Иногіе говорили, что скипетръ ни кому иному не надлежитъ, кромѣ ея величеству государынѣ, какъ и самою вещію ея есть, по силѣ совершившейся недавно ея величества коронаціи. Нѣцыи же разсуждать почали, имѣетъ ли право таковое коронація, когда и въ прочихъ народахъ царицы коронуются, а для того наслѣдницами не бываютъ? Но тогда нѣкто воспомянулъ, съ какимъ намѣреніемъ государь супругу свою короновалъ, то есть, еще прежде перехода Персидскаго открылъ онъ мысль свою четыремъ изъ министровъ, двоимъ изъ Синода персонамъ, здѣсь присутствующимъ, и говорилъ, что для нужда короновать ему супругу свою (котораго обычая прежде в Россіи не бывало), что аще бы каковымъ случаемъ его не стало, праздный престолъ тако безъ наслѣдника не остался бы, и великая вина мятежей и смущеній безгодовременнѣ пресѣчена быть могла бы. О таковомъ [illegible] слался на свидѣтельство слышавшихъ оное государево слово, и здѣ присутствующихъ; что единъ первѣе ясно подтвердилъ, також и прочіе засвидѣтельствовали. И тако безъ всякаго сумнительства явно показалося, что государыня императрица державу россійскую наслѣдствовала, и что не элекція дѣлается, понеже прежде уже наслѣдница толь чинно и славно поставлена; чего для, дабы и конгрессъ тотъ не элекціею, но декларацією названъ былъ, согласно вси приговорили. Тотчасъ и декларація, которую бы всенародно публиковать и по провинціямъ разсылать, написана и всего конгресса руками закрѣплена, въ которой, извѣстивъ о смерти государевой, отъ Сената и отъ Синода, такожде и отъ генералитета объявляется, что Екатерина императрица владѣетъ, и что вси ея величеству вѣрность и всякое послушаніе чинити должны. И тако вси къ поздравленію ея величества въ комнату тѣлу умершаго государя близкую пришли: куды когда такожде и государыня изволила выйти; просили ея величество дабы бремя государственнаго владѣнія, которое богъ и супругъ ей вручили, дѣйствительно принять изволила. Но государыня сокрушенна печалію, и неутолимо плачущая, не могла почти словесно отвѣтствовать; только, воздвигши руки движущимъ, соизволеніе свое показала. И такъ все сіе дѣло великаго и всещедраго бога милостію въ единомъ часѣ совершилось.

Скоро и день насталъ. Полки, сколько ихъ ни было въ Санктпетербургѣ, отъ своихъ командировъ, по разнымъ въ городѣ мѣстамъ, извѣстіе о смерти государевой съ великимъ голосомъ и плачемъ получили: и тогожъ дня указомъ императрицы государыни заслуженное жалованье имъ выдано...

(Феофанъ Прокоповичъ. Краткая повѣсть о смерти Петра В., стр. 16—20.)

2. Учрежденіе Верховнаго Тайнаго Совѣта.

(Протоколы В. Т Совѣта.)
9-го февраля 1726 г.

1726 году февраля 9-го дня, ввечеру, е. и. в. указомъ писалъ къ господину канцлеру тайный кабинетъ секретарь Алексѣй Макаровъ, чтобъ сего 10-го числа въ 8-мъ часу поутру присутствующія персоны въ тайномъ совѣтѣ были въ собраніи въ апартаментѣ коллегіи иностранныхъ дѣлъ. И, по тому е. и. в. указу, сего 10-го числа, въ коллегію иностранныхъ дѣлъ собрались: генералъ-фелдъ-маршалъ свѣтлѣйшій князь Меншиковъ, генералъ-адмиралъ графъ Апраксинъ, канцлеръ графъ Головкинъ, дѣйствительные тайные совѣтники, графъ Толстой, князь Димитрій Голицынъ, генералъ-лейтенантъ и генералъ-прокуроръ Павелъ Ягужинскій, а вице-канцлера и дѣйствительнаго тайнаго совѣтника барона Остермана за болѣзнію его не было.

И когда всѣ вышеупомянутыя особы въ собраніи были, то пришелъ тайный кабинетъ-секретарь Алексѣй Макаровъ и принесъ отъ е. и. в. указъ, за печатью ея величества кабинетною и отдалъ господину канцлеру, который тотъ е. в. указъ распечатавъ читалъ всему собранію, въ которомъ ея величество изволила ради изображенныхъ въ томъ указѣ резоновъ учредить съ нынѣшняго времени при дворѣ ея величества быть, какъ для внешнихъ, такъ и для внутреннихъ государственныхъ важныхъ дѣлъ, Верховный Тайный Совѣтъ, при которомъ е. в. сама присутствовать изволитъ; а которымъ персонамъ быть, о томъ въ томъ е. и. в. указѣ изображено, а вмѣсто тѣхъ персонъ, которыя были выбраны будутъ другія, которыя при одномъ сенатскомъ правленіи будутъ, а для слушанья дѣлъ опредѣлены будутъ нарочные дни въ каждой недѣлѣ.

И по тому е. и. в. указу выше упомянутыя особы Верховнаго тайнаго совѣту присутствующія опредѣлили слѣдующее: 1) въ Сенатъ послать изъ Верховнаго тайнаго совѣта указъ, и съ того е. и. в. новоопредѣлительнаго указу ради извѣстія копію и велѣть имъ разослать немедленно о томъ во всѣ коллегіи и губерніи указы. 2) Въ Сенатъ и во всѣ коллегіи и въ прочія мѣста, куды будетъ подлежать, посылать указы, съ такимъ изображеніемъ въ заглавіи: «Указъ ея императорскаго величества, состоявшійся въ Верховномъ тайномъ совѣтѣ» (и имяновать въ какое мѣсто куды); 3) а изъ Сенату и изъ другихъ всѣхъ коллегій писать о чемъ самомъ важномъ случится, по сему: «Доношеніе въ Верховный тайный совѣтъ»; 4) изъ Сенату же, въ военныя, сухопутную и морскую, и иностранную коллегіи и изъ оныхъ въ сенатъ писать промемеріями; 5) во Верховномъ тайномъ совѣтѣ, хотя при присутствіи е. и. в., хотя и во отсутствіи крѣпить, что о чемъ определено будетъ, протоколы, резолюціи, всѣмъ назначеннымъ особамъ Верховнаго тайнаго совѣта, а съ того надлежащіе куды указы посылать за закрѣпою въ Верховномъ же тайномъ совѣтѣ обрѣтающагося члена иностранной коллегіи, дѣйствительнаго статскаго совѣтника, Василья Степанова; 6) и послать съ сего опредѣленія указъ въ Сенатъ, дабы они во всѣ коллегіи и другія мѣста о томъ публиковали; 7) и сіе опредѣленіе на первое время служить имѣетъ, а впредь какъ тому быть, и какихъ служителей при семъ Верховномъ тайномъ совѣтѣ имѣть, о томъ сочинить явственное и обстоятельное опредѣленіе, и со временемъ донесть е. и. величеству.

(Сборникъ Русск. Ист. О-ва, т. 55
Протоколы В. Т. Совѣта, № 1, стр. 1—2.

---

3. Мнѣніе не въ указъ о новомъ учрежденномъ Тайномъ Совѣтѣ.

(Приложеніе къ журналу В. Т. Совѣта отъ 16 марта 1726 г.)

1) Тайный совѣтъ можетъ для домашнихъ и внутреннихъ дѣлъ, въ среду, а для чюжестранныхъ дѣлъ въ пятокъ съѣзжаться, но когда много дѣла есть, или нужное дѣло приключится, то оному чрезвычайно для съѣзда повѣстить.

2) Понеже ея величество во ономъ тайномъ совѣтѣ первое президентство сама управляетъ, и причина имѣется уповать, что она персонально часто присутствовать будетъ, и того ради оной тайный совѣтъ толь наименше за особливое коллегіумъ или инако почтенъ быть можетъ, понеже оной токмо е. в-ву ко облегченію въ тяжкомъ ея правительства бремени служитъ, всѣ дѣла скорѣе отправлены и рѣшены и болѣе нежели отъ одного къ е. в-ву безопасности и государства приращенія разсужденіе имѣть будетъ, дабы толь безопаснѣе высокимъ ея имянемъ указы выходили, а, имянно, не въ указъ слѣдующимъ образомъ:

Вначалѣ писать: «Мы божіею милостію».
Въ срединѣ: «повелѣваемъ».
А во окончаніи: «данъ въ нашемъ тайномъ совѣтѣ».
Послѣ датума: «По указу е. и. в.».

3) Никакимъ указомъ прежде не выходить, пока оные въ тайномъ совѣтѣ совершенно не состоялись, протоколы не закрѣплены и е. в-ву для всемилостивѣйшей апробаціи прочтены не будутъ, и, потомъ, могутъ оные, по учиненному здѣсь опредѣленію, отъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Степанова закрѣплены и отправлены быть...... (Всехъ §§ 13.)

Сіе мнѣніе принесъ тайный кабинетъ-секретарь Алексѣй Макаровъ, марта 16, 1726 г. и объявилъ, что е. и. в. оное во всемъ апробовать соизволила, только-бъ 3-й пунктъ отмѣнить,—о чемъ предъявилъ слѣдующую записку:

На 3-й, чтобъ о важныхъ дѣлахъ поставя протоколы и на мѣрѣ и не подписавъ напередъ для апробаціи къ ея императорскому величеству взносить оной по случаю смотря по важности дѣла и двумъ персонамъ присутствующимъ отъ того Верховнаго тайнаго совѣта, и какъ уже ея императорское величество изволитъ апробовать, тогда подписывать и въ дѣйство производить...

И въ Верховномъ тайномъ совѣтѣ, слушавъ оное, приговорили: по тому ея императорскаго величества указу о чемъ подлежитъ объявить и публиковать, о томъ послать указъ въ Сенатъ и оному сочинить экземпляръ и оный прочитать въ Верховномъ тайномъ совѣтѣ...—

Оригинальный подписанъ тако: Карлъ Фридерихъ. Александръ Меншиковъ. Генералъ-адмиралъ графъ Апраксинъ. Канцлеръ графъ Головкинъ. Графъ Петръ Толстой. Князь Дмитрій Голицынъ. Василій Степановъ.

(Сб. Р. И. О., т. 55. № 43, стр. 93—97.)

---

4. Избраніе Анны Ивановны.

Разсказъ Өеофана Прокоповича.

1.

Преставился Петръ вторый 1730 года генваря 18 дня, во второмъ часу по полуночи, по учиненномъ ему (какъ въ греческой церкви обычно) отъ трехъ архіереевъ елеосвященіи, меньше часа; и пробыли архіереи въ палатахъ до кончины его; были тамъ же Верховнаго Совѣта члены, такожъ и изъ сената и генералитета не малое число.

И тогда князь Василій Владимировичъ Долгорукій, именемъ прочихъ, просилъ архіереевъ помѣшкать немного, внушили, что тамъ же скоро имѣетъ быть совѣтованіе о избраніи государя новаго, но скоро потомъ возвратясь къ нимъ сказалъ, что Верховному совѣту заблагоразсудилось, къ надходящему дню, и въ палатахъ Верховнаго совѣта, быть всѣхъ членовъ собранію въ 10 часу по полуночи, куда и они архіереи изволили бы прибыть сами и другихъ бы, какъ архіереевъ, такъ и архимандритовъ, съ собою привели, понеже сіи были синодальные. И тако архіереи всякъ во своя отошли...

Когда день насталъ и великое всѣхъ штатовъ множество въ Верховный Совѣтъ собралось, куда и синодальные и другіе прочіе архіереи и архимандриты прибыли, и великій канцлеръ въ слухъ предложилъ, что Верховный совѣтъ, Курляндской герцогинѣ царевнѣ Аннѣ, Россійскую корону должну быть усматриваетъ; но требуетъ и всѣхъ, всего отечества лице на себѣ являющихъ чиновъ, согласіе, тотчасъ всѣ въ единъ голосъ изволеніе свое показали, и ни единаго не было, который бы хотя мало задумался. Первый же архіерей, именемъ всѣхъ отвѣтствуя, сказалъ, что не только какъ онъ, такъ и вся братія его на то согласуются; но и желаютъ, тотчасъ въ престольной церкви, при всенародномъ присутствіи, торжественнымъ молебствіемъ благодарить всемилостивому богу за толикое, полученное отъ него дарованіе; но когда сей архіерей оное слово произнесъ, неприятно то стало верховнымъ господамъ: отрекли и быть тому тогда не приговорили, что, ясно весьма нечаянное, подвигло всѣхъ до великаго удивленія. И тако, великій соборъ распущенъ.

Стали же многіе разсуждать: какая бы то была отъ верховныхъ причина отлагать оное благодарственное молебствіе? И кто легко и скоропостижно разсуждаетъ, сію того вину быть думалъ, что еще неизвѣстно, соизволитъ ли царевна Анна царствовать; но осторожнѣйшія головы глубочаѣ нѣчто проницали и догадывалися, что господа верховные иный нѣкій отъ прежняго видъ царствованія устроили, и что на нощномъ ономъ многочисленномъ своемъ бесѣдованіи, сократить власть царскую и нѣкими вымышленными доводами акибы обуздать и, просто рѣщи, лишить самодержавія затѣяли. Если же и о согласіи царевны Анны надлежитъ сомнѣваться; то сомнительства сего тожъ причиною, то есть, похощетъ ли государыня Анна прикасаться за умаленную предковъ своихъ державу. И догадъ сей, какъ былъ неложный, скоро самимъ дѣломъ ясно показалось.

2.

Въ третій день февраля, превеликое множество въ назначенному мѣсту собралось, гдѣ, когда ожидано, что таковое къ совѣтованію отъ верховниковъ предложится: тогда они, указавъ молчаніе, повелѣли читать присланное изъ Курляндіи письмо, и явно явилось сущее то, что опаснѣйшіи предвидѣли: было то посланіе императрицы Анны.

Ни кого, помнится, кромѣ верховныхъ, не было, кто бы таковая слушавъ, не содрогнулся, и саміи тіи, которые вчера великой отъ сего собранія пользы надѣялись, опустили уши, какъ бѣдные ослики: шептанія нѣкая во множествѣ ономъ пронзумливали, а съ негодованіемъ откликнуться никто не посмѣлъ. И нельзя было не бояться, понеже въ палатѣ оной, по переходамъ, въ сѣняхъ и избахъ, многочисленно стояло вооруженное воинство. И дивное было всѣхъ молчаніе! Сами господа Верховные тихо нѣчто одинъ другимъ пошептывали, и остро глазами посматривая притворялись, будто бы и сіи яко невѣдомой себѣ и нечаянной вещи удивляются.

Одинъ изъ нихъ только, князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ, часто похаживалъ: «Видите де, какъ милостива государыня! и какого мы отъ нея надѣялись, таковое она показала отечеству нашему благодѣяніе! Богъ ее подвигнулъ къ писанію сему: отселѣ счастливая и цвѣтущая Россія будетъ!». Сія и симъ подобная до сытости повторялъ. Но понеже упорно всѣ молчали и только одинъ онъ кричалъ, нарѣкать сталъ: «для чего никто ни единаго слова не проговоритъ? изволилъ бы сказать, кто что думаетъ, хотя и нѣтъ де ничего другаго говорить, только благодарить толь милосердой государынѣ!». И когда нѣкто изъ кучи тихимъ голосомъ съ великою трудностію промолвилъ: «Не вѣдаю де и весьма чуждуся, отъ чего на мысль пришло государынѣ тако писать!»: то на его слова ни отъ кого отвѣта не было.

По томъ князь Алексѣй Михайловичъ Черкасскій предложилъ словесно, дабы ему и прочей братіи дано было время поразсудить о томъ свободнѣе. И на то соизволили верховныи, желая паче отпустить прочь упрямыхъ и себя отъ страха свободить, нежели вмѣняя то въ пользу свою.

3.

Того же февраля [illegible] дня, который воскресный былъ, императрица Анна въ Москву вошла съ великою славою, да сама не имѣла, чѣмъ веселиться, и многіе о бѣдномъ ея состояніи тужили и плакались. Когда вошла въ домъ царскій, тотчасъ узнали, что она [illegible] положена и заключена въ честную тюрьму. И нельзя было ей иначе думать, понеже князь Василій Лукичъ Долгорукій, который изъ Курляндіи привезъ ее въ Москву, у самыхъ дверей свѣтлицъ, по пребыванію ей уготованныхъ, занялъ себѣ другія свѣтлицы тѣмъ, что никому невозможно было доступить до государыни безъ его позволенія, да и кого допускалъ, за тѣмъ и самъ вхаживалъ, и никто отнюдь, ниже сестры ея величества не воленъ былъ, что ни есть поговорить, развѣ присутствующу и слышащу ему.

Между же тѣмъ Верховные господа прежнюю присяги форму, которою народъ на вѣрность государю своему себѣ обязуетъ, перемѣнивъ новую вычеркали, вымаравъ многія, какъ обносилось, рѣчи, самодержавію служащія, и по томъ всѣхъ чиновъ созвали для присяги въ первопрестольной церкви, которая вдругъ, по площади, многимъ воинствомъ обставлена была...

4.

Что же бы то ни было; только уже нахальная оныхъ господъ бодрость всѣмъ была съ досадой, и прежнее супротивъ ихъ востаніе возбуждало; паче же бѣдное самой государыни состояніе, аки бы предъ очами ходящее, на гнѣвъ и ярость позывало: не происходитъ она, не видитъ, не поздравляетъ ее народъ. А когда тому всюду вѣсть проносилась, что князь Василій Лукичъ, какъ бы нѣкій драконъ, блюдетъ ее неприступну, и что она, безъ воли его, ни въ чемъ не вольна, и невѣдомо, жива ли, а если жива, то насилу дышитъ, и что сіи тираны имѣютъ государыню за тѣнь государыни, а между тѣмъ злѣйшее нѣчто промышляютъ, чего другимъ и догадыватся нельзя. Симъ и симъ подобная, когда вездѣ говорено, ожидала другой компаніи ревность, и жесточаѣ, нежели прежде, воспламенялась; видать было на многихъ, что нѣчто весьма странное умышляютъ. Но тихомирныя головы къ тому всѣхъ преклонили, дабы мятежное оное господство упразднить правильнымъ и безопаснымъ дѣйствіемъ слѣдующимъ.

Снедшись во едино собраніе, многіе изъ шляхетства написали къ государынѣ челобитную, въ которой объявляют, что бывшее въ Курляндіи посольство, не только безъ согласія всѣхъ чиновъ, но и безъ вѣдома и нарочно скрытно устроено отъ приватныхъ семи человѣкъ, для домашнихъ ихъ интересовъ, и покорно просятъ ея величество, чтобъ договорное курляндское письмо, ею подтвержден-

ное (хотя оное, лживому доносу простотою повѣря, подписала) изволила отвергнуть и уничтожить, яко нѣкій незаконный извергъ и уродъ, на гибель отечеству, отъ немногихъ затѣйщиковъ изданный. И скоро великимъ множествомъ въ палаты царскія вошедъ, стали требовать, дабы до ея величества приступить имъ позволено было. И сіе услышавъ выбѣгъ къ нимъ князь Василій Лукичъ и притворяя, будто бы во всемъ томъ имъ согласенъ, сталъ сочиненной отъ нихъ челобитной просить, обѣщая тотчасъ оную подать въ руки ея величества. Но никто такъ нечувственный не былъ, кто бы коварства его не узналъ; всѣ вопить стали: что подданныхъ отъ государыни и сыновъ отъ матери отрывать не надлежитъ, а кто такъ мудрствуетъ, тотъ врагъ и есть и государыни и государства. И тако онъ, стыда, страха и ярости исполненъ, отошелъ отъ нихъ.

Была тогда у государыни сестра ея царевна Екатерина, и она прежде о такомъ шляхетства намѣреніи увѣдомлена, слыша нынѣ о собраніи ихъ, все что дѣлалось, государынѣ донесла, увѣщавая приняти ихъ къ себѣ и послушать ихъ челобитья. И свободно было о семъ говорить, понеже князь Василій Лукичъ на слухъ оного собранія выходилъ, какъ уже упомянулось.

Вышла государыня въ залу: стоя подъ балдахиномъ, впустить просителей и прошеніе ихъ прочесть повелѣла, а по прочтеніи того приказала: тотчасъ подать себѣ письмо курляндское. По томъ произнесла краткую рѣчь въ такой силѣ: что хотя весьма тяжелые поданы ей были царствованія договоры, однако же вѣруя, какъ ей докладывано, что оные отъ всѣхъ чиновъ и отъ всего россійскаго народа требуются, для любви отечества своего подписала. А понеже нынѣ извѣстно является, что лжею и лестію сдѣланъ ей обманъ, того ради, оные договоры, яко сущею неправдою отъ себя исторженные, уничтожаетъ и рукописаніе свое никому впредь имѣть за важное приказуетъ. И то сказавъ, тотчасъ упомянутое письмо, до руки ея поданное, разодрала и на землю бросила.

Воскликнуло все предстоящихъ множество, зѣло ея величеству благодарствуя и кланяясь; были же при томъ нѣкоторыи отъ Верховниковъ, и когда просители оныя благодаря, кланялись, тогда и сіи поклонились, кое дѣйство ихъ, понеже паче всякаго чаянія показалось, подало въ народъ довольную смѣха матерію.

(Д. Языков. Записки дюка Лирій-скаго, стр. 186—217.)

5. Избраніе Анны Ивановны.

(По запискамъ дюка Лирійскаго.)

...Лишь только министры Верховнаго Совѣта увидѣли, что государь скончается непремѣнно, то собрались во дворцѣ съ знатнѣйшими вельможами и стали разсуждать о наслѣдованіи престола. Мнѣнія раздѣлились на четыре стороны.

Первая сторона была Долгорукихъ, которымъ хотѣлось возвести на престолъ обрученную невѣсту царскую, для чего они и составили было духовную, что однакоже имъ не удалось, какъ сказано выше, и потому, увидѣвъ, что противники сильнѣе ихъ, они отказались отъ своего намѣренія.

Вторая сторона была царицы, бабки покойнаго царя, которой, дѣйствительно, предлагали корону, но она отказалась подъ предлогомъ глубокой своей старости и болѣзней.

Третья сторона желала видѣть на престолѣ принцессу Елизавету, дочь Петра I.

Наконецъ, четвертая старалась о герцогѣ Голштинскомъ, мать котораго была старшею сестрою принцессы Елизаветы.

Но обѣ послѣднія стороны были такъ слабы, что о предложеніи ихъ даже и не разсуждали.

Тутъ домъ Голицыныхъ, униженный было во время владычества Долгорукихъ, поднялъ голову и захотѣлъ осуществить мысль, всегда имъ лелѣянную, связать руки своимъ государямъ, до того времени очень деспотичнымъ, введя образъ правленія, подобный англійскому [1]). Князь Дмитрій Голицынъ, членъ Верховнаго Совѣта, заговорилъ первый, и к нему пристали: братъ его фельдмаршалъ, Долгорукіе и большая часть бывшихъ въ собраніи, и такимъ образомъ, положили избрать на престолъ принцессу Анну, вдовствующую герцогиню Курляндскую, дочь Царя Іоанна, старшего брата Петра I; но съ тѣмъ, чтобы она подписала условія, на которыхъ ее избрали.

Уговорившись въ этомъ, они ожидали кончины государя, которая и послѣдовала 30 января, какъ я уже сказалъ, въ 1 часъ по утру, а въ 5 часовъ Верховный Совѣтъ, Сенатъ, коллегіи, весь генералитетъ и полковники, бывшіе тогда въ Москвѣ, собрались во дворцѣ.

Собраніе открылъ, за отсутствіемъ государственнаго канцлера, страдавшаго простудой,

---

[1]) В другомъ переводѣ: вздумали привести въ исполненіе давнишнія свои желанія: ограничить власть своихъ государей, которые до того времени были деспотами, и ввести—

князь Дмитрій Голицынъ, рѣчью, въ которой сказалъ, что по елику богу угодно отозвать къ себѣ государя Петра II, надлежитъ подумать о избраніи верховнаго главы для всей Россійской Имперіи, а какъ вдовствующая герцогиня Курляндская одарена всѣми добрыми качествами, то, кажется, нельзя сдѣлать лучшаго выбора.

Это предложеніе принято было всѣми съ громкимъ одобреніемъ, и тутъ же было приказано генераламъ объявить о семъ войску.

Вмѣстѣ съ симъ были назначены три депутата для поѣздки въ Митаву, гдѣ они объявятъ герцогинѣ о избраніи ея на царство и проводятъ ее до Москвы. Депутатами были назначены: отъ Верховнаго Совѣта князь Василій Лукичъ Долгорукій, отъ Сената князь Михаилъ Голицынъ, сенаторъ и братъ князя Дмитрія Голицына, а отъ войска генералъ-лейтенантъ Леонтьевъ.

Послѣ сего общаго собранія, Верховный Совѣтъ собрался одинъ и составилъ статьи, кои царица должна была подписать прежде, нежели приметъ престолъ. Сіи статьи были вручены депутатамъ, съ приказаніемъ объявить ей, что ежели она не приметъ ихъ и не подпишетъ, то избраніе уничтожается.

Вотъ условія, которыя послали къ царицѣ, къ которымъ она должна была (что и сдѣлала) приписать собственноручно: «если я не буду поступать согласно этимъ условіямъ, я объявляю себя лишенной царской короны».

Депутаты отправились того же вечера, а Верховный Совѣтъ принялъ въ свои руки правленіе государствомъ и собственною властью назначилъ въ свои члены фельдмаршаловъ, князей Голицына и Долгорукаго... —

...Февраля 10, прискакалъ изъ Митавы курьеръ съ извѣстіемъ, что депутаты пріѣхали туда 5-го числа и что царица не только приняла престолъ, но и подписала статьи, ей предложенныя, и своеручно прибавила послѣднее обязательство, которое ей было предписано... Эта вѣсть наполнила радостью всѣхъ, кто хотѣлъ управлять государствомъ, какъ республикой...

Февраля 12, пріѣхалъ также изъ Митавы генералъ Леонтьевъ и былъ у всѣхъ первыхъ министровъ, послѣ чего было назначено собраніе Верховнаго Совѣта на слѣдующее утро. Въ это собраніе были приглашены первѣйшіе чиновники военные и гражданскіе, такъ что въ немъ находилось человѣкъ до 80.

Собраніе открылось чтеніемъ подписанныхъ царицею статей, коихъ до того не сообщали никому. Послѣ сего князь Дмитрій Голицынъ сказалъ, что каждый изъ присутствующихъ можетъ свободно объявить свое мнѣніе, и тутъ же, обратясь къ генералу Ягужинскому (который въ ту пору стоялъ подлѣ самого стола), сказалъ ему, чтобы онъ взялъ статьи, прочелъ ихъ, подумавъ, сказалъ то, что онъ думаетъ о нихъ. Ягужинскій смутился отъ сего предложенія и не зналъ, что дѣлать, а Голицынъ, замѣтивъ это, велѣлъ ему не выходить изъ комнаты. Отъ сего Ягужинскій поблѣднѣлъ, и тутъ Голицынъ, подозвавъ къ себѣ статсъ-секретаря Степанова, велѣлъ ему поговорить яснѣе съ генераломъ. Степановъ вывелъ Ягужинскаго въ ближнюю комнату, куда, черезъ нѣсколько минутъ, пришелъ фельдмаршалъ князь Долгорукій съ однимъ майоромъ гвардіи, которому велѣлъ взять у генерала шпагу и отвести его въ дворцовую караульню, гдѣ не выпускать изъ глазъ. Послѣ сего министры Верховнаго Совѣта объявили дворянству, что ежели кто изъ присутствующихъ желаетъ предложить что-либо для лучшаго образа правленія, то можетъ изложить это письменно, и мнѣніе его будетъ разсмотрѣно послѣ...

Февраля 15, князь Черкасскій, вслѣдствіе дозволенія, даннаго въ собраніи 13 числа, подалъ Верховному Совѣту мнѣніе, подписанное слишкомъ 30 человѣками. Генералъ Матюшкинъ подалъ также свое подписанное не болѣе какъ 25 человѣками. Князь Черкасскій подалъ свое мнѣніе для того только, чтобы пока оно будетъ разсматриваться, выиграть время и приготовить все то, что онъ замыслилъ въ пользу царицы. Мнѣніе Матюшкина состояло въ томъ, чтобы всю власть вручить Верховному совѣту, оно было составлено тѣми, кои держали сторону Долгорукихъ.

Февраля 20, явилось третье мнѣніе, подписанное 15 человѣками; говорили, что оно было написано княземъ Куракинымъ. Но всѣ сіи три мнѣнія остались безъ разрѣшенія отъ Верховнаго совѣта, который заботился только о томъ, чтобы въ немъ было не болѣе осьми человѣкъ, кои распоряжались бы всѣмъ, т.-е. Долгорукіе и Голицыны. Въ ожиданіи пріѣзда царицы, Верховный Совѣтъ и дворянство собирались каждый день, но никакъ не могли согласиться на новую систему правленія.

Наконецъ, 21 февраля, царица пріѣхала и остановилась въ подмосковномъ селѣ Всесвятскомъ, гдѣ вознамѣрилась остаться до торжественнаго своего въѣзда въ Москву... Новая государыня жила во Всесвятскомъ, казалось, была довольна, что взошла на престолъ; она даже повелѣла, чтобы всѣ дѣла

шли такъ точно, какъ она подписала въ Митавѣ. Но 23-го числа сдѣлала она такое дѣло, которое заставило всѣхъ призадуматься. Выйдя въ переднюю комнату, она велѣла позвать къ себѣ всѣхъ офицеров гвардіи Преображенскаго полка, кои тутъ случились, и сказала имъ, что поелику богу угодно было призвать ее на престолъ, то она желаетъ быть ихъ полковникомъ, подобно своимъ предшественникамъ, и дала уже повелѣніе объявить о томъ. Всѣ офицеры пришли въ восторгъ отъ сихъ словъ и бросились лобызать руки своего новаго полковника, орошая ихъ слезами. Тотчасъ за симъ, ея величество велѣла призвать къ себѣ кавалергардовъ и сказала имъ то же, послѣ чего была провозглашена полковникомъ гвардіи Преображенскаго полка и капитаномъ кавалергардовъ. Такая рѣшимость удивила и поразила всѣхъ тѣхъ, кои не хотѣли видѣть ее самодержавною: ибо въ числѣ многихъ другихъ ихъ замысловъ былъ и тотъ, чтобы царица не имѣла никакой власти надъ гвардіею, но когда она сдѣлала это, то всѣ замолкли и даже восхваляли ее за это.

Февраля 25 прибыли во Всесвятское Верховный Совѣтъ, Сенатъ, генералитетъ и дворянство. Князь Дмитрій Голицынъ говорилъ за всѣхъ и просилъ ея величество удостоить принятіемъ ордена св. Андрея и быть гросмейстеромъ онаго, подобно своимъ предшественникамъ. Она приняла это милостиво, послѣ чего государственный канцлеръ, какъ старшій изъ кавалеровъ, взявъ знаки сего ордена, поднесъ ихъ ея величеству.

Власть Верховнаго Совѣта, который вздумалъ было дерзновенно управлять по своей волѣ не только государствомъ русскимъ, но и самою государынею, кончилась 8-го марта, и къ счастію, очень спокойно, хотя и надлежало бы опасаться какого-либо смятенія. Я считаю небезполезнымъ описать подробно это великое событіе.

Князь Черкасскій всегда думалъ возвратить царицѣ самодержавіе, съ которымъ царствовали ея предшественники. По сему дѣлу былъ онъ въ согласіи съ Ягужинскимъ, и когда послѣдняго арестовали, то онъ сильно вступился за него. Черкасскій считался человѣкомъ совѣстливымъ и большихъ способностей, въ чемъ, дѣйствительно, отдавали ему справедливость. Мало-по-малу онъ приготовилъ многихъ для исполненія своего намѣренія, несмотря на Верховный Совѣтъ, который всячески старался привлечь его на свою сторону: но сей честный человѣкъ никогда не хотѣлъ согласиться на дѣлаемыя ему предложенія, такъ что Совѣтъ принялъ было намѣреніе арестовать его и сослать въ Сибирь; но Черкасскій, узнавъ о томъ, рѣшился предупредить своихъ враговъ. Вслѣдствіе сего, 7 числа, онъ, переговоря съ приверженными къ нему, коихъ было слишкомъ 300 человѣкъ дворянъ, да сверхъ того офицеры гвардіи, велѣлъ имъ собраться 8 числа безъ шума въ пріемныя дворцовыя комнаты. Они исполнили это, и Черкасскій, пріѣхавъ, велѣлъ доложить государынѣ, что онъ проситъ дозволенія предстать предъ нею. Царица уже знала о намѣреніи Черкасскаго, посредствомъ жены его. Ея величество велѣла позвать къ себѣ Верховный Совѣтъ, чтобы въ присутствіи онаго принять дворянство, и когда послѣднее было введено, то Черкасскій подалъ слѣдующее прошеніе, которое, царица приказала ему прочесть вслухъ.

«Высочайшая и всемилостивѣйшая государыня императрица.

Хотя ваше императорское величество возсѣли на престолъ Россіи по волѣ высочайшаго царя царей и по желанію всего народа, по вашему императорскому величеству угодно было подписать условія, предложенныя Верховнымъ Совѣтомъ, чѣмъ засвидѣтельствовали ваше благоволеніе къ сему государству. Мы приносимъ вашему императорскому величеству всеподданнѣйшую благодарность за такую великую милость, и не токмо мы, но и дѣти ваши будемъ всегда сохранять чистосердечную признательность и чтить имя вашего величества.

Несмотря, однако же, на это, всемилостивѣйшая государыня, въ сказанныхъ условіяхъ находятся нѣкоторые статьи, кои заставляютъ народъ вашъ опасаться бѣдственныхъ на будущее время происшествій, изъ которыхъ враги нашего отечества могутъ извлечь величайшую для себя пользу. Разсмотрѣвъ внимательно условія, мы изложили въ письмѣ мнѣнія наши, и съ достодолжнымъ почтеніемъ представили ихъ Верховному тайному совѣту на разсмотрѣніе и просили, чтобы послѣ сего, для блага и спокойствія всей Имперіи, была установлена, по большинству голосовъ, форма правленія надежная и твердая. Но, всемилостивѣйшая государыня, Верховный Тайный Совѣтъ не только не разсмотрѣлъ представленныхъ отъ насъ различныхъ предположеній, но объявилъ намъ, что ничего нельзя сдѣлать безъ соизволенія вашего императорскаго величества.

По сему, зная врожденное милосердіе вашего величества и желаніе удостовѣрить всю свою Имперію въ своемъ благорасположеніи, мы дерзаемъ, съ глубочайшимъ почтеніемъ, просить, дабы вы соизволили повелѣть, чтобы представленныя нами различныя мнѣнія были

разсмотрены генералитетомъ и дворянствомъ, назначенными для сего по одному или по два человѣка изъ каждаго семейства и чтобы, по обсужденiи всѣхъ статей, была установлена такая форма правленiя, которая изберется большинствомъ голосовъ, и послѣ сего представлена на высочайшее вашего императорскаго величества благоусмотрѣнiе.

Мы обѣщаемъ вашему величеству всевозможную вѣрность и употребимъ всѣ усилiя для утвержденiя благоденствiя вашего, почитая васъ, какъ мать отечества, и хотя это прошенiе подписано немногими, потому что мы боимся собираться во множествѣ для подписанiя онаго, однако же большая часть вашего дворянства изъявила на то согласiе, въ доказательство чего многiе подписали уже высказанныя мнѣнiя.

Москва, 25 февраля, 1730 года.»

По прочтенiи сего прошенiя, министры Верховнаго Совѣта просили ея величество войти въ кабинетъ для разсужденiя, но герцогиня Мекленбургская, сестра ея, подошедъ къ ней, сказала, что тутъ разсуждать не о чемъ, а надобно подписать. Вдругъ въ залѣ поднялся большой шумъ, и государыня, призвавъ къ себѣ караульнаго капитана, сказала ему, что, находясь не въ безопасности, она приказываетъ ему, чтобы онъ не повиновался никому, кромѣ генералъ-лейтенанта Салтыкова, подполковника гвардiи и родственника ея величества. Послѣ этого она, взявъ перо, подписала прошенiе дворянства, которое, поцѣловавъ ей руку, вышло въ другую комнату. Тамъ единогласно положили облечь государыню самодержавiемъ, и затѣмъ, возвратясь, просили новой аудiенцiи. Государыня назначила ее послѣ полудня, и тогда, по собранiи всего дворянства, было представлено ея величеству слѣдующее прошенiе, которое она велѣла прочесть вслухъ князю Кантемиру.

«Высочайшая и всемилостивѣйшая государыня.

Вашему императорскому величеству благоугодно было, для величайшаго блага отечества, подписать наше прошенiе, и мы не находимъ словъ для выраженiя вашему величеству благодарности нашей за сей знакъ высочайшаго ея благоволенiя.

Обязанность наша, какъ вѣрныхъ подданныхъ вашего императорскаго величества, требуетъ отъ насъ не оставаться неблагодарными, и потому мы являемся передъ ваше величество, съ величайшимъ благоговѣнiемъ, для изъявленiя нашей признательности, и всенижайше просимъ соизволить принять самодержавiе, съ которымъ царствовали ваши предшественники, и уничтожить условiя, присланныя вашему величеству отъ Верховнаго Совѣта и подписанныя вами. Всеподданнѣйше просимъ ваше императорское величество соизволить вмѣсто Верховнаго Тайнаго Совѣта и Высокаго Сената учредить Правительствующiй Сенатъ, такъ какъ онъ былъ учрежденъ Петромъ I-мъ, дядею вашего величества, составивъ его изъ 21-го члена, и чтобы теперь и впредь убылыя мѣста въ этомъ Правительствующемъ Сенатѣ, также губернаторы въ губернiяхъ и президенты въ Коллегiяхъ, были замѣщаемы людьми, избираемыми дворянствомъ по жребiю, какъ то было установлено Петромъ I-мъ. Всеподданнѣйше просимъ, чтобы ваше величество, вслѣдствiе того, что подписать изволили, благоволили теперь же составить Правленiе такъ, какъ оно должно оставаться на будущее время.

Наконецъ, мы, всенижайшiе подданные вашего императорскаго величества, надѣемся быть счастливыми при новой формѣ правленiя и при уменьшенiи налоговъ, по врожденному вашего величества милосердiю, и можетъ спокойно кончить жизнь свою у ногъ вашихъ.

Москва, 25-го февраля, 1730 года».

Министры Верховнаго Совѣта, при чтенiи сего прошенiя, стояли, какъ пораженные громомъ, и никто изъ нихъ не осмѣлился сдѣлать ни малѣйшаго движенiя.

Тотчасъ за симъ царица велѣла государственному канцлеру, который, хотя и былъ членомъ Совѣта, но держался стороны дворянства, принести всѣ бумаги, подписанныя ею, какъ въ Митавѣ такъ и въ Москвѣ, и когда онъ принесъ ихъ, то ея величество изорвала ихъ въ присутствiи всѣхъ, и тутъ дворянство и военные, съ громкимъ крикомъ радости, стали цѣловать руки государыни, своей самодержицы.

Немедленно за симъ ея величество приказало ген. Чернышеву освободить изъ-подъ стражи генерала Ягужинскаго, а фельдмаршалъ Долгорукiй отдалъ ему шпагу и орденъ святаго Андрея при входѣ въ залу собранiй, гдѣ государыня всемилостивѣйше допустила его къ своей рукѣ, изъявляя ему знаки своего благоволенiя.

Послѣ сего царица велѣла князю Василiю Долгорукому оставаться у себя дома, опредѣливъ на его мѣсто оберъ-гофмейстера, вышесказаннаго генерала Салтыкова. Долгорукiй занималъ это мѣсто съ выѣзда изъ Митавы и обращался съ царицею, какъ съ плѣнницею, чтобы достичь цѣли собственныхъ своихъ намѣренiй. Онъ то воспламенилъ Верховный Со-

вѣтъ, каковаго были членами, къ ограниченію власти государыни, такъ что ея величество сдѣлалась бы не болѣе какъ невольницею въ золотыхъ цѣпяхъ. Но мы скоро увидимъ, что неограниченное его высокомѣріе было наказано по достоинству.

Въ тотъ же самый день государственный канцлеръ послалъ ко всѣмъ чужестраннымъ министрамъ объявленіе о томъ, что случилось, приглашая ихъ пріѣхать завтра во дворецъ для принесенія поздравленія ея величеству.

Такъ кончились всѣ замыслы министровъ Верховнаго Совѣта.

(Русск. Архив. 1909, № 3, стр. 377—386.)

---

6. Революція 1730 г.

по депешамъ Датскаго посланника Вестфалена.

№ 6.

Москва, 16/5 февр. 1730 г.

...Члены Верховнаго Совѣта Россіи, за исключеніемъ барона Остермана, который со времени кончины юнаго монарха, по нездоровью, не посѣщаетъ засѣданій, до сихъ поръ продолжаютъ неустанно работать надъ преобразованіемъ существующаго въ Россіи правленія; главная цѣль членовъ Верховнаго Совѣта заключается въ ограниченіи самовластія монарховъ этой страны, но такому плану сильно противодѣйствуетъ мелкое россійское дворянство; усилія обѣихъ сторонъ дѣлаютъ исходъ этого вопроса весьма сомнительнымъ.

Между тѣмъ, Ягужинскій, кавалеръ нашего перваго ордена, оберъ-шталмейстеръ, командующій корпусомъ кавалергардовъ и зять великаго канцлера графа Головкина, арестованъ по приказанію Верховнаго Совѣта за то, что тайно отправилъ къ царицѣ преданнаго ему человѣка съ предупрежденіемъ о заговорѣ противъ ея власти и совѣтомъ не поддаваться Верховному Совѣту, а положиться на его шпагу и на оружіе большинства націи, которой ненавистно поведеніе Верховнаго Совѣта. Ягужинскаго лишили знаковъ ордена и содержатъ подъ надзоромъ. Въ виду этой опасной конъюнктуры я рѣшилъ не выходить изъ дому и ни малѣйшимъ разсужденіемъ не вмѣшиваться въ то, что происходитъ въ Кремлѣ. Отъ глубины души сожалѣю старика великаго канцлера по случаю непріятности, поразившей его въ лицѣ зятя, и весьма опасаюсь, какъ бы не случилось еще подобныхъ катастрофъ. Въ смыслѣ укора неограниченной власти въ Россіи выставляютъ случай, бывшій въ правленіе царицы Екатерины: въ кратковременное свое правленіе она израсходовала для своего двора венгерскихъ винъ на 760 000 р. и на 10,000 р. венгерскихъ устрицъ. — въ то самое время, когда тысячи ея подданныхъ терпѣли недостатокъ въ насущномъ хлѣбѣ. На этотъ разсказъ люди иныхъ воззрѣній отвѣчаютъ: «одна ласточка весны не составляетъ».

№ 7.

Москва, 20/9 февраля 1730 г.

Милостивый государь.

Двери залы, гдѣ засѣдаетъ Верховный Совѣтъ Россіи, были цѣлую недѣлю открыты для всѣхъ желающихъ высказаться и предложить что-нибудь за или противъ предполагаемаго преобразованія въ прежнемъ правленіи Россіи.

Это право получили генералы, бригадиры и полковники, а также и всѣ члены Сената и другихъ государственныхъ коллегій съ чиномъ не ниже полковника; были приглашены архіепископы и архимандриты, но не всѣ за разъ, а группами изъ трехъ епископовъ и трехъ архимандритовъ. При этомъ наговорили столько хорошаго и дурного за и противъ новаго учрежденія, защищали и оспаривали это съ такимъ ожесточеніемъ, что смятеніе достигло, наконецъ, громадныхъ размѣровъ и можно было опасаться возстанія, но оба фельдмаршала не изъ такихъ людей, которые скоро поддаются страху.

Но такъ какъ я не привыкъ отступать сегодня отъ сказаннаго мною наканунѣ, то, въ виду броженія, которому подвергается теперь это важное дѣло, откладываю на нѣсколько дней мое сужденіе, относительно его окончанія, пока скажу лишь одно, что, по-моему, можно столько же опасаться успѣха предпріятія Долгорукихъ и Голицыныхъ, сколько надѣяться, что все останется въ прежнемъ видѣ.

Не сомнѣваюсь, милостивый государь, что вы возьмете на себя трудъ сообщить королю и его совѣту мое предварительное мнѣніе.

№ 8.

Москва, 23/12 февраля 1730 г.

Милостивый государь.

Въ настоящемъ моемъ письмѣ имѣю честь предупредить васъ, что смуты здѣсь все увеличиваются и приняли даже столь обширные размѣры, что образовалась партія съ княземъ Черкасскимъ, членомъ Сената, во главѣ, которая желаетъ и во всеуслышаніе требуетъ не только сохраненія старинной формы правленія, но даже удаленія Долгорукихъ и Голицыныхъ изъ Верховнаго Совѣта съ оставленіемъ лишь одной персоны изъ каждой фамиліи. Изъ этой партіи расхо-

дятся громогласныя обвиненія, словесныя и письменныя, противъ Голицыныхъ и Долгорукихъ за непримиримую ихъ ненависть къ памяти Петра Великаго и къ его несчастному потомству, на которое они смотрятъ какъ на нѣчто совершенно чуждое Россіи. Вслѣдствіе этого дѣла начинаютъ принимать направленіе, согласное съ интересами короля. По счастію, избраніе царицы (Анны Ивановны) уже произошло: будь это дѣло еще впереди и не имѣй уже Долгорукіе и Голицыны силы, видитъ богъ, что голштинскій ребенокъ былъ бы государемъ Россіи.

№ 13.

Москва, 13/2 марта 1730 г.

Ваше величество.

Революціи были такъ часто въ этой странѣ, въ особенности со времени непозволительной связи царицы Екатерины съ камергеромъ Монсомъ, повлекшей за собой уничтоженіе завѣщанія, составленнаго Петромъ I въ ея пользу, въ которомъ онъ назначалъ ее своей преемницей, что ни въ чемъ нельзя быть увѣреннымъ и не знаешь, какому святому молиться.

Вскорѣ, вслѣдъ за трагической смертью Монса, умеръ царь, и на россійскій престолъ, отстранивъ законныхъ наслѣдниковъ, вошла его вторая супруга, несмотря на то, что завѣщаніе царя было уничтожено,—несмотря на свое темное происхожденіе и на чрезвычайно безпорядочную жизнь, которую она вела до того времени, какъ изъ рукъ Меншикова имѣла счастье перейти къ царю. Ея смерть дала возможность Петру II, при помощи обѣщанія жениться на дочери Меншикова, овладѣть короной предковъ помимо герцогини голштинской, которая предъявляла на нее свои права, не имѣя на то должнаго основанія; по всей вѣроятности, герцогиня успѣла бы въ своемъ предпріятіи, если бы Меншикова не заманили обѣщаніемъ этого брачнаго союза; смѣю сказать, что я и покойный графъ Рабутинъ принимали не мало участія въ этомъ дѣлѣ, и что оно дорого стоило моему тощему кошельку.

Едва Петръ II заболѣлъ оспой, какъ благонамѣренные и власть имущіе русскіе люди согласились между собою, съ моего вѣдома, отстранить изъ престолонаслѣдія ребенка изъ Киля и принцессу Елизавету, дочь Петра I-го отъ второго супружества, но рожденную внѣ брака, что, по основнымъ законамъ этой страны и по канонамъ греческой церкви, остается неизгладимымъ пятномъ, несчастіемъ, которому не въ состояніи помочь самое торжественное узаконеніе, какъ гласитъ моя депеша отъ 26-го декабря 1729 года; покойный монархъ былъ еще живъ, когда я увѣрялъ, что это непремѣнно произойдетъ.

Въ виду этого рѣшенія, три дня спустя послѣ котораго умеръ Петръ II, Верховный Совѣтъ Россіи, увеличенный въ своемъ составѣ еще двумя членами — фельдмаршалами Голицынымъ и Долгорукимъ, дѣйствительно занявшими въ немъ мѣсто, возвелъ на россійскій престолъ единодушнымъ избраніемъ вторую дочь царя Ивана Алексѣевича, вдовствующую герцогиню Курляндскую; избраніе это было одобрено Сенатомъ, генералитетомъ и всѣми другими русскими государственными коллегіями, при чемъ ни откуда не послѣдовало возраженія, даже въ видѣ размышленія. Если бы Верховный Совѣтъ удовольствовался счастливымъ своимъ избраніемъ и всеобщимъ одобреніемъ, встрѣченнымъ имъ повсюду, онъ сохранилъ бы за собой уваженіе, силу и власть, но онъ самовольно, не посовѣтовавшись съ другими коллегіями, даже и съ генералитетомъ, предпринялъ измѣненіе образа правленія, обязавъ новую царицу подписать пункты, которые лишали ее самыхъ значительныхъ царскихъ преимуществъ и давали Совѣту власть царствовать на-ряду съ ней. Это побудило нѣкоторыхъ лицъ изъ генералитета и изъ мелкихъ чиновниковъ Сената и другихъ государственныхъ коллегій, принадлежащихъ къ низшему дворянству, которое по многимъ причинамъ естественно болѣе склонно къ монархическому, чѣмъ къ аристократическому правленію, возразить противъ того, что Верховный Совѣтъ по собственному побужденію сдѣлалъ для измѣненія прежняго образа правленія.

Но такъ какъ никто изъ нихъ не хотѣлъ выставить себя противникомъ учрежденія національной свободы, то они высказывали единственное желаніе, чтобы Верховный Совѣтъ былъ преобразованъ, чтобы число его членовъ было увеличено до 21-го, а Долгорукіе и Голицыны удалены, за исключеніемъ одного лица изъ каждой фамиліи. Это служило покровомъ для ихъ истиннаго намѣренія, состоявшаго въ сохраненіи прежняго образа правленія, хотя ни словесно, ни письменно они этого не касались въ своихъ заявленіяхъ Совѣту.

Виновники этого раздора и вражды противъ Голицыныхъ и Долгорукихъ были высшее духовенство, баронъ Остерманъ съ женой, Салтыковы — родственники царицы по матери, ея тетка по матери — жена князя Ромодановскаго, княгиня Черкасская, расположенная къ Салтыковымъ и державшая въ рукахъ своего мужа и, наконецъ, друзья и сто-

ронники принцессы Елизаветы и голштинскаго ребенка. Послѣдніе дѣйствуютъ только изъ негодованія, чтобы запутать дѣла и уязвить Голицыныхъ и Долгорукихъ, которые, кромѣ высшаго духовенства, оскорбили и великаго канцлера, графа Головкина, арестовавъ его зятя Ягужинскаго и обращаясь съ нимъ какъ съ государственнымъ преступникомъ, по причинѣ, означенной мною в депешѣ отъ 16/5 февраля: этимъ поступкомъ они лишили разума почтеннаго старца, и Верховный совѣтъ съ горестью увидалъ, что онъ тоже присоединился къ партіи недовольныхъ; число ихъ до того, наконецъ, увеличилось, что 8-го марта болѣе 800 человѣкъ изъ дворянства, занимающихъ гражданскія, или военныя должности, подписали свое всеподданнѣйшее заявленіе, думая, что настала пора нанести рѣшительный ударъ. 150 человѣкъ изъ главныхъ военныхъ отправились въ этотъ день въ Кремль, требуя отъ Верховнаго Совѣта, въ то время засѣдавшаго, чтобы ихъ выслушали. Получивъ согласіе Верховнаго Совѣта, они вручили бумагу, съ изложеніемъ своихъ справедливыхъ неудовольствій. Верховный Совѣтъ приказалъ прочесть эту бумагу вслухъ и, уразумѣвъ ея содержаніе, объявилъ имъ свою готовность удовлетворить ихъ желанія и доложить самой государынѣ. Во главѣ представившихъ прошеніе находились: сенаторъ князь Черкасскій, человѣкъ умный, знаменитаго и древняго рода, но татарскаго происхожденія и поэтому не особенно почитаемый другими древними фамиліями Россіи; генералъ-лейтенантъ, майоръ гвардіи, князь Юсуповъ, тоже татарскаго происхожденія, первый изъ своего рода принявшій крещеніе (отецъ его умеръ магометаниномъ), вслѣдствіе этого сильно презираемый древними русскими фамиліями, наконецъ, генералъ-лейтенантъ Чернышевъ, Александровскій кавалеръ, изъ низшаго дворянства и при томъ великій интриганъ.

Челобитчики удалились и вздумали отправиться къ государынѣ, у которой тайно заручились обѣщаніемъ милостиваго пріема и благосклоннаго принятія просьбы. Объ нихъ доложили, ея величество соизволила тотчасъ же дать имъ аудіенцію и, выслушавъ ихъ жалобы, выразила желаніе, чтобы установилось полное согласіе между дворянствомъ и Верховнымъ Совѣтомъ, прибавивъ, что, какъ только Верховный Совѣтъ рѣшится уступить ихъ желаніямъ, она съ своей стороны будетъ содѣйствовать и все одобрить.

Послѣ такого пріема, челобитчики возвратились въ Верховный Совѣтъ и разсказали о происшедшемъ на аудіенціи у государыни.

«По моему мнѣнію, снисходительность нашей всемилостивѣйшей государыни и обращеніе ея съ подданными заслуживаетъ съ нашей стороны искренней признательности», сказалъ князь Юсуповъ.

Чернышевъ добавилъ къ этому: «Мы не можемъ лучше возблагодарить ея величество за всѣ милости къ народу, какъ возвративъ ей похищенное у нее, т.-е. ту самодержавную власть, которой пользовались всѣ ее предки».

Князь Черкасскій, поддерживаемый великимъ канцлеромъ графомъ Головкинымъ, громогласно воскликнулъ вмѣстѣ съ остальными: «да здравствуетъ наша самодержавная государыня Анна Ивановна!».

Князья Голицыны и Долгорукіе, не будучи въ состояніи долѣе этому сопротивляться, сказали:

«Пойдемъ, соединимся къ другимъ и да будетъ такъ, какъ предопредѣлено св. провидѣніемъ».

Предупрежденная о происшедшей сценѣ, государыня, съ улыбкой, приказываетъ отворить двери своихъ покоевъ, говоря: «скоро у меня соберется большое общество».

Челобитчики являются первые, предлагая государынѣ самодержавіе отъ имени всего дворянства, что съ своей стороны повторяетъ Верховный совѣтъ минуту спустя. Государыня, не колеблясь, принимаетъ ихъ предложеніе и въ ихъ присутствіи разрываетъ пункты, которые заставили ее подписать въ Митавѣ, затѣмъ она всѣхъ милостиво благодаритъ и дозволяетъ разойтись по домамъ. Она отзываетъ въ сторону кавалера нашего перваго ордена Василія Лукича Долгорукова и даетъ ему понять, что очень желаетъ, чтобы онъ оставилъ ея кремлевскіе покои, такъ какъ она предназначаетъ ихъ своему родственнику генералъ-лейтенанту и майору гвардіи Симону Салтыкову, которому приказываетъ смѣнить дворцовую стражу и лично быть всю ночь на караулѣ. Вслѣдъ за этимъ она велитъ выпустить Ягужинскаго, который, получивъ обратно свою шпагу и орденъ, тотчасъ же возвращается домой. Государыня повелѣваетъ снять трауръ на 3 дня и въ теченіе трехъ вечеровъ сряду иллюминовать всѣ дома этого большого города и его предмѣстьевъ. На другой день иностранные министры, а за ними все высшее и низшее дворянство допущены къ принесенію ей поздравленій со столь великимъ и важнымъ событіемъ. Безъ сомнѣнія, послѣдуютъ большія перемѣны въ министерствѣ и при дворѣ.

Вотъ вкратцѣ вѣрная исторія революціи, бывшей здѣсь въ прошедшій четвергъ, 9-го марта новаго стиля. Иные думаютъ, что

дѣло этимъ не кончится, что отрубять еще нѣсколько головъ для внушенія страха тѣмъ, которые при первомъ удобномъ случаѣ могли бы [illegible] самодержавія — этой первой и прекраснѣйшей конституціи россійской короны. Я не совсѣмъ раздѣляю подобное [illegible] по-моему, послѣ всего [illegible] предполагать, чтобы Долгорукіе и Голицыны заняли первыя мѣста въ довѣріи царицы; они рискуютъ даже лишиться своихъ должностей. Такъ какъ, однако, вѣрно и несомнѣнно, что безъ Голицыныхъ и Долгорукихъ, нынѣ царствующая государыня не взошла бы на престолъ, а [illegible] ребенокъ, или принцесса Елизавета, т.-е. царица, будучи [illegible] и умной, и благодѣтельной, по моему мнѣнію, какъ подобаетъ великодушной государынѣ, признаетъ добро и услугу, оказанныя ей этими двумя знатными фамиліями, не забывая при томъ зла, которое они хотѣли сдѣлать ей, лишая ее самодержавія...

(«Русская Старина», 1909, Т. 137, стр. 281—292.)

---

7. Разсказъ бригадира Козлова казанскому губернатору Волынскому.

...Теперь у насъ прямое правленіе государства стало порядочное, какого нигдѣ не бывало, и нынѣ уже прямое теченіе дѣламъ будетъ, и уже больше бога не надобно просить, кромѣ чтобъ только между главными согласіе было. А если будетъ между ними согласіе такъ, какъ подобно, конечно, никто сего опровергнуть не можетъ. Есть нѣкоторые бездѣльники, которые трудятся и мѣшаютъ, однакожъ ничего не сдѣлаютъ, а больше всѣхъ [illegible] съ своею партіею князь Алексѣй Михайловичъ (Черкасскій); однакожъ ничего не успѣваетъ и не сдѣлается. И о государынѣ такъ положено: что хотя въ малом въ чемъ не такъ будетъ поступать, какъ ей опредѣлено, то ее, конечно, вышлютъ назадъ въ Курляндію, и для того будь она довольна тѣмъ, что она государыня россійская; полно и того. Ей же опредѣляютъ на годъ 100,000 и тѣмъ ей можно довольной быть, понеже взяли ея [illegible], и съ теткой ея довольствовались [illegible] въ годъ, а сверхъ того [illegible] брать себѣ ничего, развѣ съ позволенія Верховнаго Тайнаго Совѣта; также и деревень [illegible], ни денегъ не повинна давать никому, и не токмо того, ни послѣдней [illegible] изъ государевыхъ сокровищъ не [illegible] [illegible] [illegible] будетъ, что будутъ давать ей съ росписками. А всего лучше положено, чтобъ ей при дворѣ своемъ свойственниковъ своихъ не держать, и другихъ ко двору никого не брать, кромѣ развѣ кого ей позволитъ верховный тайный совѣтъ. И теперь Салтыковыхъ и духу нѣтъ, а впредь никого не допустятъ. И что она сдѣлана Государынею, и то только на первое время, — помазка по губамъ.

(С. Соловьевъ, Исторія Россіи, т. 19. Нов. изд. т. IV, стр. 1164—1165.)

---

8. Изъ письма казанскаго губернатора Волынскаго.

Слышно здѣсь, что дѣлается у васъ или уже и сдѣлано, чтобъ быть у насъ республикѣ. Я зѣло въ томъ сумнителенъ. Боже сохрани, чтобъ не сдѣлалось, вмѣсто одного самодержавнаго государя, десяти самовластныхъ и сильныхъ фамилій: и, такъ, мы, шляхетство, совсѣмъ пропадемъ и принуждены будемъ горше прежняго идолопоклонничать и милости у всѣхъ искать, да еще и сыскать будетъ трудно, понеже нынѣ между главными какъ бы согласно ни было, однакожъ, впредь, конечно, у нихъ безъ раздоровъ не будетъ, итакъ, одинъ будетъ миловать, а другіе, на того яряся, вредить и губить станутъ. Второе, понеже народъ нашъ наполненъ трусостію и похлѣбствомъ, и для того оставя общую пользу, всякъ будетъ трусить и манить главнымъ персонамъ для бездѣльныхъ своихъ интересовъ или страха ради. Итакъ, хотя бы и вольные всего общества голосы требованы въ правленіе дѣлъ были, однакожъ бездѣльные ласкатели всегда будутъ то говорить, что главнымъ надобно; а кто будетъ правду говорить, — тѣ пропадать станутъ, понеже уже всѣ совѣты тайны быть не могутъ. Къ тому же главные для своихъ интересовъ будутъ прибирать къ себѣ изъ мелочи больше партизановъ, и въ чьей партіи будетъ больше голосовъ, тотъ что захочетъ, то и станетъ дѣлать, и кого захочетъ, того выводить и производить станутъ, а безсильный, хотя-бъ и достойный былъ, всегда позади оставаться будетъ. Третіе, не допусти боже, если война на насъ будетъ, и въ то время потребно расположить будетъ обществомъ или рекрутскій наборъ, или прочій какой сборъ для пользы и обороны государства, для того надлежитъ тогда всякому понести самому на себѣ для общей пользы нѣкоторую тягость, въ томъ голосовъ сообразить [illegible] [illegible] [illegible]

сдѣлаютъ; а что и положено будетъ, то будетъ на главныхъ всегда въ доимкахъ, и мы, среднiе, одни будемъ оставаться въ платежахъ и во всѣхъ тягостяхъ.

(С. Соловьевъ. Ист. Россіи. Том IV, стр. 1151—1153.)

9. Кондиціи имп. Анны Ивановны.

1730.

Понеже, по волѣ всемогущаго бога и по общему желанію россійскаго народа, мы, по преставленіи всепресвѣтлѣйшаго, державнѣйшаго великаго государя Петра Втораго, императора и самодержца всероссійскаго, нашего любезнѣйшаго государя племянника, императорскій всероссійскій престолъ восприяли и, слѣдуя божественному закону, правительство свое такимъ образомъ вести намѣрена и желаю, дабы оное въ началѣ къ прославленію божескаго имени и къ благополучію всего нашего государства и всѣхъ вѣрныхъ нашихъ подданныхъ служить могло.— Того ради, чрезъ сіе наикрѣпчайше обѣщаемся, что наиглавнѣйшее мое попеченіе и стараніе будетъ не токмо о содержаніи, но и о крайнемъ и всевозможномъ распространеніи православныя нашея вѣры греческаго исповѣданія, такожде, по принятіи короны россійской, въ супружество во всю мою жизнь не вступать и наслѣдника, ни при себѣ, ни по себѣ никого не опредѣлять. Еще обѣщаемся, что понеже цѣлость и благополучіе всякаго государства отъ благихъ совѣтовъ состоитъ, того ради мы нынѣ уже учрежденный Верховный Тайный Совѣтъ въ восьми персонахъ всегда содержать и безъ онаго Верховнаго Тайнаго Совѣта согласія:

1) Ни съ кѣмъ войны не вчинать.

2) Миру не заключать.

3) Вѣрныхъ нашихъ подданныхъ никакими новыми податми не отягощать.

4) Въ знатные чины, какъ въ статцкіе, такъ и въ военные, сухопутные и морскіе, выше полковничья ранга не жаловать, ниже къ знатнымъ дѣламъ никого не опредѣлять, и гвардіи и прочимъ полкамъ быть подъ вѣдѣніемъ Верховнаго тайнаго совѣта.

5) У шляхетства живота и имѣнія и чести безъ суда не отымать.

6) Вотчины и деревни не жаловать.

7) Въ придворные чины, какъ русскихъ, такъ и иноземцевъ, безъ совѣту Верховнаго тайнаго совета не производить.

8) Государственные доходы въ расходъ не употреблять—

И всѣхъ вѣрныхъ своихъ подданныхъ въ неотмѣнной своей милости содержать. А буде чего по сему обѣщанію не исполню и не додержу, то лишена буду короны россійской.

(Д. Корсаковъ. Воцареніе Анны Ивановны, стр. 17—18.)

10. Письмо кн. В. Л. Долгорукова къ Верховному Тайному Совѣту изъ Митавы.

Пріѣхали мы въ Митаву 25 сего мѣсяца, въ 7-мъ часу по полудни и того-жъ числа донесли ея величеству государынѣ императрицѣ, въ началѣ о преставленіи его императорскаго величества, а потомъ, что избрали ея величество на россійскій престолъ и просили, чтобъ изволила подписать посланныя съ нами кондиціи. Ея величество изволила печалиться о преставленіи его величества, а потомъ, по челобитью нашему, изволила тѣ кондиціи предъ собою прочесть и, выслушавъ, изволила ихъ подписать своею рукою такъ: «По сему обѣщаюсь все безъ всякаго изъятія содержать, Анна». Тѣ подписанныя кондиціи мы удержали и привеземъ ихъ съ собою, а ея курьеровъ не посылали въ слѣдствіе, чтобъ какихъ отписокъ въ дорогѣ не утратить. Ея величество намѣрена отсюда ѣхать сего мѣсяца 28, или конечно 29 числа, и въ пути медлить не изволитъ. Для провоза ея величества чрезъ Ригу приказалъ я генералу Ласію стрѣлять изъ пушекъ и полки гарнизонные поставить въ строй. О въѣздѣ ея величества въ Москву зѣло нужно мнѣ вѣдать: публичной ли будетъ и съ какою церемоніею? О томъ буду ожидать отвѣту. Государыня изволила требовать 10 тысячъ на всякіе расходы и на подъемъ, и я, по ея указу, писалъ къ оберъ-инспектору, Ильѣ Исаевичу, въ Ригу, чтобъ тое сумму выдать тому, кому ея величество принять повелитъ.—Митава, 26 генваря.

(Д. Корсаковъ. Воцареніе Анны Ивановны, стр. 108—109.)

11. Проектъ кн. Черкасскаго.

(Шляхетскій.)

...О государынѣ императрицѣ, хотя мы ея мудростію, благонравіемъ и порядочнымъ правительствомъ въ Курляндіи довольно увѣрены, однакожъ, какъ есть персона женская, къ такъ многимъ трудамъ неудобна; паче жъ ей знанія законовъ недостаетъ; для

того на время, доколѣ намъ всевышній мужескую персону на престолъ даруетъ, потребно нѣчто для помощи ея величеству вновь учредить; но какимъ порядкомъ, то, довольно третьяго дня разсуждая, въ великомъ собраніи положили слѣдующее:

1) Быть при ея величествѣ въ вышнемъ правленіи, Сенатѣ, двадцати одной персонѣ, въ которомъ нынѣшній Верховный Совѣтъ останется.

2) Чтобъ оный дѣлами внутренней экономіи отягченъ не былъ, другое правительство учредить во стѣ персонахъ, которымъ, по третямъ года, третьей части въ правленіи оставаться, а двѣ части могутъ въ домахъ своихъ управлять; но въ каждой трети въ концѣ, т.-е. въ декабрѣ, апрѣлѣ, августѣ, или въ началѣ: въ январѣ, маѣ и сентябрѣ, для разсмотрѣнія важныхъ дѣлъ каждогодно собираться; или когда чрезвычайное что случится, яко война, кончина государя, или другое такъ великое дѣло, то по повѣсткѣ всѣмъ съѣзжаться, и не болѣе мѣсяца общее собраніе продолжать.

3) Ежели случится упалое мѣсто въ вышнемъ собраніи, сенатѣ, коллегіи, президента и вице-президента, въ губерніи губернатора или вице-губернатора, въ войскѣ главнаго командира, то избирать балотированіемъ онымъ двумъ правительствамъ президентовъ отъ коллегіи; а командира въ войско, вмѣсто президентовъ, военнымъ генераламъ всѣмъ, сколько ихъ обще съ оными правительствы. Балотированіе же таким порядкомъ отправлять: герольдмейстеръ долженъ прочесть роспись всѣхъ достойныхъ въ кандидаты по рангамъ; потомъ каждый избиратель повиненъ написать на бумажкѣ одно имя, кого кто за достойнаго мнитъ, и положить въ скрынѣ приготовленную. Оныя бумажки разобравъ при всѣхъ, написать на роспись, котораго имя сколько голосовъ получило, и которымъ больше голосовъ дано, изъ оныхъ трехъ балотировать, и кому болѣе баловъ въ достойную положатъ, того представить ея величеству, а если балы не угодны, то довольно по голосамъ тѣхъ трехъ, которымъ болѣе голосовъ дано, представить ея величеству, кого изъ нихъ опредѣлить. Чрезъ сей способъ можно во всѣхъ правленіяхъ людей достойныхъ имѣть, не смотря на высокородство, въ которыхъ много негодныхъ въ чины производятъ.

4) Законоизданіе хотя состоитъ единственно во власти монаршеской, какъ о томъ выше показано, однакожъ, разсудя намѣреніе государя, ни въ чемъ иномъ, какъ пользѣ общей и справедливости состоитъ, такъ оное точно наблюдать должно; и какъ ея величеству не угодно самой сочинять, но нужно кому-либо сочиненіе онаго повѣрить, въ которомъ опасность не малая, чтобъ кто по прихоти чего непристойнаго и правости несогласнаго, или паче вреднаго, не внесъ; какъ то Петръ Великій, хотя и мудрый государь былъ, но въ своихъ законахъ многое усмотрѣлъ, что перемѣнить нужно, для котораго велѣлъ всѣ оные, собравъ, разсмотрѣть и вновь сочинить; того ради лучше оное прежде изданія разсматривать, нежели издавъ перемѣнять, что съ честію монарха не согласуетъ; оное же сочиненіе никакъ не возможно одному повѣрить, хотя бъ онъ искусенъ и въ намѣреніи ни коея собственныя страсти не имѣлъ, по природѣ легко погрѣшить можетъ; того ради какъ скоро ея величества повелѣніе будетъ какой законъ сочинить, оный послать во всѣ коллегіи, чтобъ довольно разсмотрѣли, и чрезъ семь дней сочиня каждая общее, или кто собственное свое, въ собраніи вышнему правительству объявили, и по довольномъ разсужденіи сочиня, ея величеству къ утвержденію представили.

5) Весьма безпорядочно бываетъ, когда въ одномъ правленіи отецъ съ сыномъ, или два брата, и дядя съ племянникомъ, тесть съ зятемъ присутствуютъ, которое равно какъ бы оному два голоса присвоены были; для того въ вышнемъ правительствѣ не быть двумъ одной фамиліи; а въ нижнемъ и въ коллегіяхъ токмо ближнимъ сродникамъ, как выше показано, не присутствовать.

6) Въ тайной канцеляріи хотя присутствовать опредѣленному отъ ея величества, а къ тому опредѣлять отъ сената помѣсячно двухъ человѣкъ, чтобъ смотрѣли на справедливость; а паче чтобъ при взятіи до пожитковъ нимало не касается, и для того брать всегда отъ полиціи по одному знатному человѣку.

7) Для производденія шляхетства въ войскѣ и гражданствѣ искать лучшаго способа нежели нынѣ: 1. Устроить во всѣхъ градѣхъ потребныя училища, опредѣля на то доходы и домы. 2. Меньше восемнадцати лѣтъ въ службу, а болѣе двадцати лѣтъ въ войскѣ служить не принуждать. 3. Въ матросы и ремесла не писать. 4. Чтобъ подлинное шляхетство извѣстно было, того ради всему во всемъ государствѣ сдѣлать роспись, не включая тѣхъ, которые изъ солдатъ, гусаръ, однодворцевъ и подъячихъ, хотя-бъ и многія деревни имѣли, развѣ на шляхетство, или на жалованныя деревни грамоты жалованныя имѣютъ; однакожъ и тѣхъ всѣхъ хотя бъ изъ какого чина ни были, а деревни уже имѣютъ, написать въ особую книгу.

8) Духовенство въ ихъ доходахъ разсмотрѣть, чтобъ деревенскіе могли дѣтей своихъ въ училищахъ содержать и сами не пахали-бъ; а у которыхъ есть избытки, оные на полезныя богу и государству дѣла употребить.

9) Купечество колико можно отъ постоевъ уволить и отъ утѣсненія избавить, а подать способъ къ размноженію мануфактуръ и торговъ.

10) Пункты о наслѣдствѣ отставить, а сочинить о томъ достаточный законъ на основаніи Уложенія.

Сіе представя Верховному Совѣту, требовать, чтобы опредѣлили, выбравъ всѣмъ шляхетствомъ къ разсмотрѣнію сего людей достойныхъ, не меньше ста человѣкъ.

И чтобы сіе не опущая времени начать, о томъ прилежно просить, чтобъ конечно того жь дня или на завтра, черезъ герольдмейстера шляхетству о собраніи объявить, и покой для того назначить.

Сіи пункты по два раза въ немалыхъ собраніяхъ шляхетства читаны, и дополнивая въ домѣ Василія Новосильцева, февраля 4-го числа 1730 года подписали:

Семенъ Салтыковъ. Графъ Михаилъ Головкинъ. Василій Новосильцевъ. Василій Татищевъ. Грековъ Максимъ (и другіе, всего 36 чел.).

Да подъ копіями: лейбъ-гвардіи оберъ-офицеровъ 51; военной коллегіи штабъ и оберъ-офицеровъ 158; кавалергардовъ 48.

(Всего 288).

(«Утро», лит. сб., с. 375—378.)

12. Проектъ М. Грекова.

(Шляхетскій.)

Сего февраля 7 дня, при собраніи въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ военнаго и статскаго генералитета, по прочтеніи присланныхъ отъ ея величества государыни императрицы за подписаніемъ ея пунктовъ объявлено, отъ Верховнаго Тайнаго Совѣта: ежели кто что можетъ изобрѣсти къ лучшей пользѣ государству и обществу не для собственныхъ интересовъ, боялся суда божія, посовѣтовавъ по совѣсти, предъявили бъ; и по тому объявленію, что могли изыскать по совѣсти къ лучшей пользѣ государству и обществу, предъявляемъ нижеслѣдующее:

1) въ началѣ учредить вышнее правительство въ 21 персонѣ; 2) дабы онаго вышняго суда правительства множествомъ дѣлъ не отягчить, того ради для отправленія протчихъ дѣлъ учинить сенатъ въ 11 персонахъ; 3) въ вышнее правительство и въ сенатъ и въ губернаторы и въ президенты въ коллегіи кандидатовъ выбирать и балатировать генералитету и шляхетству, а въ кандидаты болѣе одной персоны изъ одной фамиліи не выбирать, также и при балатированіи болѣе двухъ персонъ изъ одной фамиліи не быть,—а при балатированіи быть не меньше ста персонъ, а изъ которой фамиліи выбраны будутъ въ кандидаты, и той фамиліи при балатированіи не быть; 4) въ вышнемъ правительствѣ и въ сенатѣ впредь кромѣ обрѣтающихся нынѣ въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, болѣе двухъ персонъ изъ одной фамиліи не быть, щитая въ обоихъ какъ въ вышнемъ правительствѣ, такъ и въ сенатѣ; 5) въ важныхъ государственныхъ дѣлахъ также, и что потребно будетъ впредь сочинить въ дополненіе уставовъ, принадлежащихъ къ государственному правительству,—оные сочинять и утверждать вышнему правительству и сенату, генералитету и шляхетству общимъ совѣтомъ; 6) для произвожденія въ службу шляхетству искать лучшаго способу, а далѣе 20-ти лѣтъ неволею въ службѣ не содержать, также въ матросы и мастерства неволею не брать, а которые нынѣ имѣются въ матросахъ и въ мастерствахъ изъ шляхетства, и объ оныхъ надлежитъ разсмотрѣніе учинить; 7) духовенству, купечеству въ квартирахъ и протчихъ трудностяхъ, также крестьянству въ податяхъ по разсмотрѣнію надлежащее облегченіе учинить; 8) о порядочномъ произвожденіи офицеровъ и солдатъ и о справленіи въ заплатѣ жалованья разсмотрѣніи учинить, чтобъ на сроки могло проходить; 9) о отставкѣ, первенство въ наслѣдствѣ, и какъ впредь быть надлежитъ надлежащее разсмотрѣніе учинить; 10) которые офицеры и солдаты за раны и за старостью отставлены будутъ отъ службы, а собственнаго своего пропитанія не имѣютъ, онымъ надлежитъ учинить разсмотрѣніе, и о награжденіи имъ пропитанія.

У сего 330 рукъ приложено (имена).

Въ такой силѣ мнѣніе объявлено лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка отъ штабъ и оберъ-офицеровъ.

(В. Кашпиревъ. Памятники новой рус. исторіи. Т. I, отд. II. с. 4—5.)

13. Депеша Рондо

(англ. посла).

(Съ изложеніемъ проекта Д. Голицына.)

Я слышалъ, что самыя значительныя лица изъ знати заняты вопросомъ объ измѣненіи формы правленія этой страны; и увѣряютъ, что были составлены пункты, ограничиваю-

80 6-10

щі [illegible] [illegible]; ей [illegible] [illegible] [illegible] [illegible].

[illegible]

1) Императрица будетъ имѣть опредѣленную сумму на расходы по своему дому, и [illegible] будетъ [illegible] гвардія, [illegible] [illegible].

2) [illegible] Верховн[illegible] совѣтъ изъ 12 [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] Верховному Совѣту въ [illegible].

3) [illegible] 36 [illegible] [illegible] [illegible] Верховный Совѣтъ.

4) Будетъ [illegible] 200 [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] Верховный [illegible].

5) Будетъ собраніе [illegible] и купцовъ, которые будутъ [illegible] за тѣмъ, чтобъ не было [illegible] [illegible].

[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible].

([illegible] [illegible] [illegible] p. [illegible])

---

14. Челобитная кн. Трубецкого.

(Гвардейская)

Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая великая [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] признаемъ къ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] того въ знакъ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]

[illegible]ли, а присланные къ вашему императорскому величеству отъ Верховнаго Совѣта и [illegible] вашего величества рукою пункты [illegible]. Только всеподданнѣйше вашe императорское величество просимъ, чтобъ [illegible] сочинить вмѣсто Верховнаго Совѣта и высокаго Сената одинъ правительствующій Сенатъ, какъ при его величествѣ, [illegible] памяти дядѣ вашего императорскаго величества Петрѣ Первомъ было, и [illegible] его [illegible] числомъ 21 персоною; также нынѣ въ члены и впредь на [illegible] мѣста въ [illegible] правительствующій Сенатъ и въ губернаторы, и въ президенты [illegible] было шляхетству выбирать балл[illegible], какъ то при дядѣ вашего [illegible], его императорскомъ величествѣ, Петрѣ Первомъ уставлено было; и притомъ [illegible] просимъ, чтобъ по вашему [illegible] подписанію форму правительства государства для предбудущихъ временъ нынѣ установить...

Мы [illegible] вашего императорскаго [illegible] всепокорнѣйшіе рабы надѣемся, что [illegible] правленіи государства, [illegible] и въ облегченіи податей по [illegible] величества вашего благоутробію [illegible] не будемъ, но во всякомъ благо[illegible] и [illegible] тихо и безопасно житіе [illegible] вашего императорскаго величества [illegible] рабы.

(166 подписей).

(Д. Корсаковъ, с. 275—276.)

---

15. Генеральный проектъ Волынского.

(По Корсакову.)

«Генеральный проектъ» не дошелъ до насъ [illegible] составѣ. [illegible] его редакцію Волынской сжегъ до [illegible], а нѣкоторые черновые отрывки [illegible] проекта, во время слѣдствія надъ Волынскимъ, были запечатаны начальникомъ Тайной канцеляріи Ушаковымъ въ особый «кувертъ» и представлены Аннѣ Іоанновнѣ. [illegible] можемъ только до нѣкоторой степени [illegible] съ содержаніемъ «Генеральнаго проекта» изъ весьма неточныхъ показаній [illegible] Тайной канцеляріи какъ самаго Волынского, такъ и его конфидентовъ и чиновниковъ, переписывавшихъ проектъ на-бѣло. [illegible] лица, хорошо знавшіе проектъ, [illegible] затемняли его дѣйствительный [illegible], а чиновники переписывали проектъ [illegible] не были [illegible]

образованы, чтобы понимать [illegible] идеи, въ немъ выраженныя. На [illegible] этихъ неполныхъ данныхъ «Генеральный [illegible]» представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Онъ открывался предисловіемъ, съ [illegible] ніемъ къ высшимъ правительственнымъ [illegible] скимъ сановникамъ, какъ былъ [illegible] (по замѣчанію послѣдующихъ [illegible] Волынского) несмотря на то, что авторъ проекта высказывался за самодержавную форму правленія въ Россіи и [illegible] замыслы верховниковъ объ ограниченіи самодержавія Анны Іоанновны. Это порицаніе, по мнѣнію тѣхъ же обвинителей, онъ вставилъ не искренно, а «для прикрытія другого всего». За предисловіемъ слѣдовалъ обзоръ русской исторіи отъ Владиміра святого до императрицы Анны Іоанновны включительно. Послѣ историческаго обзора шло разсужденіе о высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ: Кабинетѣ министровъ и Сенатѣ.

Воззрѣнія Волынского на значеніе Сената сложились подъ вліяніемъ [illegible] порядковъ. «Вотъ какъ польскіе сенаторы живутъ — говаривалъ онъ не разъ своимъ конфидентамъ — ни на что не смотрятъ, все [illegible] даромъ! Польскому шляхтичу не смѣетъ ни самъ король ничего сдѣлать, а у насъ всего бойся». Онъ думалъ преобразовать Сенатъ по примѣру высшихъ представительныхъ учрежденій Польши и Швеціи и, по словамъ обвинительнаго акта, въ главѣ о Сенатѣ написалъ «многія острыя рѣчи о несамодержавіи въ Польшѣ и въ Швеціи и другіе [illegible] ства».

Самый проектъ былъ раздѣленъ на шесть частей: 1) объ укрѣпленіи границъ и объ арміи, 2) о церковномъ чинѣ, 3) о шляхетствѣ, 4) о купечествѣ, 5) о правосудіи, 6) объ экономіи. Но эти части проекта не исчерпываютъ всѣхъ преобразовательныхъ идей Волынского. Его «Инструкція о управленіи дому и деревень», данная дворецкому Ивану Немчинову въ 1725 году, замѣчанія на проектъ «объ экономическихъ и промышленныхъ нуждахъ Россіи», поданный въ 1735 г. генеральному собранію при Кабинетѣ министровъ, и нѣкоторые другіе мнѣнія и проекты дополняютъ во многомъ «Генеральный проектъ».

На основаніи всѣхъ этихъ источниковъ, политическія убѣжденія и преобразовательные намѣренія Волынского могутъ быть формулированы въ слѣдующихъ чертахъ:

Правленіе въ Россійскомъ государствѣ, по воззрѣнію Волынского, должно было быть монархическое съ широкимъ участіемъ въ правительствѣ [illegible]

[illegible] Россійскаго [illegible] [illegible] Т.-е. [illegible] [illegible] т.-е. [illegible] [illegible] и [illegible] [illegible] родословныхъ людей, а за Сенатомъ, по всей [illegible], слѣдуетъ, какъ въ проектѣ [illegible]. «Нижнее правительство», [illegible] [illegible] отъ [illegible] [illegible]. Генералъ-прокурору [illegible] должность, какъ соединенную съ [illegible] обер[illegible] властію, Волынской [illegible] отмѣнить вовсе, ибо генералъ-прокуроръ можетъ препятствовать Сенату [illegible] въ свободныхъ дѣйствіяхъ, а оставить при Сенатѣ только оберъ-прокурора. Различныя отрасли государственнаго управленія должны [illegible] [illegible]. Правительство [illegible] [illegible] изъ русскихъ людей, потому что «отъ иноземцевъ государство всегда находится въ худомъ состояніи, отъ чего вредъ государству и государю быть можетъ». [illegible] быть, по мнѣнію Волынского, «свои природные» и притомъ [illegible] шляхетства, для чего нужно [illegible] молодыхъ людей знатныхъ [illegible] въ [illegible] западно-европейскія государства для обученія [illegible] наукамъ, въ особенности политическимъ.

Шляхетство [illegible] первенствующимъ сословіемъ въ государствѣ. Изъ него должны выходить не только высшіе государственные сановники и офицеры, но и приказные, какъ это [illegible] въ европейскихъ государствахъ. Но [illegible] этихъ же государствъ слѣдуетъ [illegible] и въ духовный чинъ.

Чинъ духовный долженъ быть [illegible] [illegible] [illegible] учредить для содержанія [illegible] [illegible] по примѣру [illegible] [illegible] въ [illegible] [illegible] хлѣбе[illegible] [illegible]. [illegible] хамъ большихъ монастырей слѣдуетъ [illegible] [illegible] содержаніе, а бѣдные и [illegible] ные монастыри [illegible] въ богадѣльни.

Купечество [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], какъ было при Петрѣ Великомъ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], а для того, чтобы русскіе [illegible] [illegible] за границу [illegible] [illegible]. Волынской [illegible] [illegible] [illegible]

дить въ торговыя компаніи съ иноземцами.

Для улучшенія быта крестьянъ необходимо, чтобы помѣщики вникали въ нужды крестьянъ и заботились о ихъ благосостояніи, не утруждая ихъ непосильными работами; то же должно наблюдать и правительство. «Чтобы было крестьянамъ легче и чтобы не было имъ напрасныхъ убытковъ» — вотъ основной принципъ, которымъ должны руководствоваться по отношенію къ крестьянамъ какъ помѣщики, такъ и государство. Общинное самоуправленіе крестьянъ должно быть строго соблюдаемо во всѣхъ дѣлахъ, касающихся ихъ собственныхъ нуждъ и общественныхъ дѣлъ. Волынской имѣлъ самъ много деревень въ разныхъ губерніяхъ и въ своей инструкціи дворецкому Немчинову твердо держится вышеприведенныхъ основаній.

Должно усердно заботиться о развитіи образованія во всѣхъ сословіяхъ русскаго народа. Посылка знатнаго шляхетства за границу является главнѣйшимъ источникомъ для его просвѣщенія. Воеводы и вообще гражданскіе чиновники должны назначаться изъ людей ученыхъ. Для высшаго образованія всѣхъ сословій народа Волынской предполагалъ основать высшее учебное заведеніе университетъ, а для обученія духовенства учредить академіи; не обученныхъ же въ священники не ставить. Для «разночинцевъ» Волынской проектировалъ (а частію и исполнилъ на дѣлѣ) низшія профессіональныя училища и школы грамотности. Необходимость грамотности для крестьянъ вызывается, главнымъ образомъ, настоятельною для нихъ потребностью «познать законъ божій и должность христіанскую», а потому сельскіе священники обязаны обучать крестьянъ грамотѣ и важнѣйшимъ молитвамъ и объяснять въ церкви послѣ литургіи десять заповѣдей, Символъ вѣры и ученіе о блаженствахъ.

Дабы развить въ государствѣ правосудіе, необходимо опредѣлять на административные и судебные должности людей ученыхъ и составить сводъ изъ массы несистематизированныхъ и противорѣчащихъ другъ другу указовъ.

Въ государственныхъ финансахъ, прежде всего, нужно заботиться о равновѣсіи въ государственномъ бюджетѣ доходовъ съ расходами, для чего слѣдуетъ сократить расходы и учредить государственную окладную книгу. Волынской въ особомъ проектѣ «объ экономическихъ и промышленныхъ нуждахъ Россіи» предлагаетъ цѣлый рядъ мѣръ относительно порядка, свѣдѣній для ревизіи и для подушнаго налога, для предотвращенія побѣговъ, улучшенія быта ясачныхъ инородцевъ и для народнаго продовольствія.

Въ арміи и во флотѣ должны быть произведены существенныя улучшенія: на окраинахъ государства слѣдуетъ учредить военныя поселенія и приводить въ лучшее состояніе крѣпости.

(Д. Корсаковъ. Изъ жизни русс. дѣятелей XVIII в., с. 30—312.)

———

16. О подготовкѣ заговора въ пользу Елизаветы.

(Изъ переписки маркиза де-ла-Шетарди съ франц. дворомъ. Копія письма изъ С.-Петербурга)
(20 дек. 1739 г.)

Уже давно русское дворянство, называемое иначе «бояре», выражало свое недовольство по поводу того, что здѣшняя имперія управляется иностраннымъ министромъ, всецѣло преданнымъ вѣнскому двору. Это недовольство увеличилось по поводу войны съ турками, совершенно истощившей страну, денежныя средства и подданныхъ сего государства.

Дворянство русское, видя страну до такой степени разоренной и земли, остающіяся безъ обработки, обратилось ко двору съ жалобами, на которыя не обращалось большого вниманія; существовало даже постоянное стремленіе унизить дворянъ предоставленіемъ главныхъ должностей иностранцамъ, въ ущербъ русскимъ людямъ.

Рѣшеніе возвести на престолъ принцессу Анну мекленбургскую и устранить принцессу Елизавету, дочь Петра I, еще болѣе ожесточило умы; наконецъ, миръ, заключенный съ турками, недовольные сочли весьма невыгоднымъ и позорнымъ послѣ такого количества потраченной крови и денегъ, и въ то самое время, какъ на основаніи громкихъ побѣдъ, одержанныхъ, какъ хвалились, надъ турками, русскіе, казалось, должны бы были ужъ находиться у воротъ Константинополя.

Всѣ такого рода обстоятельства побудили нѣкоторыя изъ значительнѣйшихъ русскихъ фамилій искать наиболѣе подходящихъ средствъ, чтобы освободиться отъ ига чужеземцевъ и ввести въ Россіи, при помощи революціи, новую форму правленія. Князья Долгоруковы, Нарышкины и Голицыны составили съ этой цѣлью неудавшійся заговоръ, пытаясь возбудить всеобщее волненіе и заставить взяться за оружіе подданныхъ, принадлежавшихъ къ ихъ партіи; рассчитывая на поддержку со стороны Швеціи, они хотѣли,

такимъ образомъ, устранить царицу, принцессу Анну и супруга ея, принца Вольфенбюттельскаго, равно какъ и всю семью герцога курляндскаго, истребить, кромѣ того, нѣмцевъ или прогнать ихъ изъ страны. Еврей Либерманъ, придворный банкиръ и фаворитъ герцога курляндскаго, долженъ быть быть преданъ въ руки разъяренной черни.

Согласно этому невыполненному замыслу принцесса Елизавета должна была быть провозглашена императрицей; Нарышкина, который давно уже находится во Франціи и ведетъ тайныя сношенія съ принцессой Елизаветой, предполагалось отозвать оттуда. Но проектъ этотъ, довѣренный стольким лицамъ, не могъ оставаться долгое время втайнѣ. Виновники заговора, вынужденные пытками сознаться въ своихъ преступленіяхъ, были казнены въ Новгородѣ. Князь Долгоруковъ, котораго колесовали, былъ раньше посломъ въ Польшѣ. Новгородскіе гарнизоны получили подкрѣпленія, чтобы обуздывать жителей, желавшихъ воспротивиться выполненію казни. Казненные громко жаловались на эшафотѣ, что та, которую они сами возвели на престолъ, лишила ихъ жизни. Императрица, будучи отъ природы характера кроткаго и сострадательнаго, долго не рѣшалась подписать приговоръ. Вице-канцлеръ Остерманъ представился, по своему обыкновенію, больнымъ во время слѣдствія. Принцесса Елизавета удалилась въ свой дворецъ, гдѣ она держится на сторожѣ, изъ опасенія какого-нибудь непріятнаго происшествія. Есть еще нѣсколько другихъ руководителей заговора, участь которыхъ вскорѣ сдѣлается извѣстной.

Разсказываютъ также и о другомъ заговорѣ въ Москвѣ. Несомнѣнно, что въ имперіи замѣчается сильное броженіе. Оно именно является причиной, на основаніи которой фельдмаршаламъ Миниху и Ласси было приказано возвратиться съ наибольшею частью ихъ войскъ, изъ господствующаго здѣсь опасенія, чтобы Швеція не воспользовалась при этомъ случаемъ вступить въ завоеванныя у нея земли. Отъѣздъ царицы въ Москву никоимъ образомъ не состоится, вслѣдствіе такихъ опасныхъ усложненій.

На основаніи послѣднихъ писемъ изъ Риги сдѣлалось извѣстнымъ, что войска, вернувшіяся изъ похода и предназначенныя для завоеванныхъ областей, прибыли въ Смоленскъ, откуда они отправятся въ Лифляндію и Курляндію, дабы присоединиться къ 80 тысячамъ войска, уже находящимся тамъ. Остальная часть, состоящая изъ 20 тысячъ строевыхъ солдатъ, прослѣдуетъ къ шведской границѣ. Все лѣто происходили работы надъ укрѣпленіями Риги и Динамюнде, которыя теперь сдѣланы неприступными.

Въ Ригѣ нѣсколько знатныхъ особъ подверглось тюремному заключенію въ домѣ, называемомъ Кокенгаузъ; затѣмъ они были тайно переведены въ другое мѣсто; подозрѣваютъ, что они были причастны къ помянутому заговору.

(Сборникъ Русс. Ист. О-ва, томъ 86, № 33, с. 133—36.)

17. Подготовка переворота въ пользу Елизаветы.

(Разсказъ Манштейна.)

Къ счастію для нея (для Елизаветы), она была вынуждена ускорить это предпріятіе; многія причины побудили ее принять окончательное рѣшеніе.

Во-первыхъ, она узнала, что великая княгиня рѣшилась объявить себя императрицею. Всѣ лица, приверженныя къ царевнѣ Елизаветѣ, совѣтовали ей не дожидаться осуществленія этого намѣренія и представляли, что она встрѣтитъ тогда больше затрудненій и что даже всѣ мѣры ея могли не удасться.

Во-вторыхъ, по извѣстіямъ, полученнымъ дворомъ о движеніи графа Левенгаупта, тремъ гвардейскимъ баталіонамъ было приказано быть готовыми двинуться къ Выборгу для соединенія тамъ съ арміей; многія лица, принимавшія участіе въ дѣлѣ царевны, должны были итти съ этимъ отрядомъ. Они отправились къ царевнѣ и сказали ей, что нужно было непремѣнно торопиться исполненіемъ ея замысла, такъ какъ лица, наиболѣе ей преданныя, уйдутъ въ походъ, а на нѣкоторыхъ другихъ можетъ напасть страхъ, который заставитъ ихъ донести обо всемъ этомъ дѣлѣ.

И, наконецъ, неосторожность принцессы Анны, которая говорила царевнѣ о тайныхъ совѣщаніяхъ сей послѣдней съ де-ла-Шетарди, главнымъ образомъ ускорила это дѣло. 4-го декабря, пріемный день при дворѣ, великая княгиня отвела царевну Елизавету въ сторону и сказала ей, что она получила много свѣдѣній о ея поведеніи; что хирургъ ея имѣлъ часто тайныя совѣщанія съ французскимъ министромъ и что оба они замышляли опасный заговоръ противъ царствующаго дома; что великая княгиня не хотѣла еще вѣрить этому, но что если подобные слухи будутъ продолжаться, то Лестока арестуютъ, чтобы заставить его сказать правду.

Царевна прекрасно выдержала этотъ разговоръ; она увѣрила великую княгиню, что

[illegible] не [illegible] въ мысляхъ посвинить что-[illegible] [illegible] въ эти [illegible] ея врагами, желавшими [illegible] (это было [illegible] такъ какъ оба они избирали всегда особое мѣсто для своихъ свиданій), но что тѣмъ не менѣе [illegible] еще болѣе обнаружится. Царевна [illegible] много плакала во время этого свиданія и такъ сумѣла убѣдить въ своей невинности великую княгиню [illegible], что послѣдняя повѣрила, что царевна ни въ чемъ не была виновна.

[illegible] царевна Елизавета тотчасъ же [illegible] о своемъ разговорѣ съ [illegible] опасность [illegible] были разсѣяны по своимъ квартирамъ [illegible]

[illegible] къ царевнѣ, онъ подалъ ей небольшой [illegible] карандашомъ царевну Елизавету съ [illegible] на головѣ. На оборотной [illegible] изображена съ покрываломъ, [illegible] и колеса и висѣлицы; при [illegible] быть ли [illegible] ночь.

([illegible] 231—233)

---

11. О воцареніи Елизаветы Петровны.

([illegible]
С.-Петербургъ, [illegible] 1741.

[illegible]

[illegible]

рѣзкость со стороны правительницы при [illegible] у нея въ понедѣльникъ съ принцессой Елизаветой, могла бы отсрочить еще на нѣкоторое время проявленіе недовольства этой принцессы. Точно [illegible] гренадеры Преображенскаго полка не были бы поставлены въ необходимость торопить принцессу воспользоваться безъ дальнѣйшихъ промедленій ихъ благопріятнымъ настроеніемъ, еслибъ не было дано [illegible] во вторникъ, послѣ полудня, всѣмъ гвардейскимъ полкамъ быть наготовѣ къ выступленію въ Финляндію.

Семеро изъ этихъ гренадеръ явились во вторникъ между одиннадцатью часами и полуночью къ принцессѣ. Они поставили ей на видъ, что они наканунѣ своего выступленія, что не будутъ болѣе въ состояніи служить ей, и она останется вполнѣ преданной въ руки своихъ враговъ; поэтому нельзя терять ни минуты, и они готовы сами вести ее, если она не сдастся на ихъ увѣщанія. Принцесса спросила у нихъ, можетъ ли она положиться на нихъ. Ихъ желанія выразились вполнѣ въ тѣхъ увѣреніяхъ, какія они ей стали высказывать. Она болѣе не колебалась. [illegible] своего камеръ-юнкера, котораго она обыкновенно отправляла ко мнѣ, при особыхъ порученіяхъ, и повелѣла ему сопровождать себя, равно какъ довѣренному лицу и посреднику. Въ сопровожденіи лишь этихъ трехъ особъ—и никто болѣе не былъ посвященъ въ тайну—она отправилась въ казармы лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка. Она направилась прямо въ казармы гренадеръ, изъ которыхъ иные ожидали ее. Собравъ нѣкоторое число ихъ въ большой комнатѣ, она имъ сказала: «Вы знаете, кто я, хотите слѣдовать за мною?». Всѣ отвѣчали ей, что она можетъ имъ приказывать, и они исполнятъ свой долгъ, какъ храбрые солдаты. «Не какъ солдаты», начала она снова, «хочу я, чтобъ вы мнѣ служили: вы мои дѣти; все дѣло въ томъ, чтобы знать, готовы ли вы умереть со мной, если понадобится». Они поклялись въ этомъ всѣ съ полной готовностью. Тогда ея первой заботой было [illegible] у барабановъ, [illegible] чтобы никакъ [illegible] произвести тревогу.

[illegible] ее увѣдомили, что это сдѣлано, она взяла крестъ и стала на колѣни; ея примѣру [illegible] всѣ, и она сказала имъ: «Я клянусь этимъ крестомъ умереть за васъ! клянетесь ли вы сдѣлать то же самое за меня?». [illegible] была единодушной. «Такъ въ путь. [illegible] о томъ, чтобы [illegible] то ни было цѣной, сдѣлать наше [illegible] счастливымъ!». Гренадеры не только

послѣдовали за ней, но объщали хранить полное молчаніе и пронзить своимъ штыкомъ всякаго, кто будетъ имѣть низость отступить хотя на шагъ.

По мѣрѣ того, какъ проходили передъ нѣкоторыми домами въ казармахъ, они стучали въ двери и вызывали тѣхъ, кто тамъ жилъ. Такимъ способомъ была весьма быстро собрана цѣлая рота гренадеръ этого полка, числомъ въ триста человѣкъ, при чемъ каждый былъ снабженъ шестью зарядами и тремя гранатами. Въ то же время былъ отдѣленъ отрядъ для отправки къ фельдмаршалу Миниху, какъ наиболѣе далеко живущему, чтобы извѣстить унтеръ-офицера, командовавшаго его карауломъ, которому заранѣе было поручено захватить этого генерала и отвести его вмѣстѣ съ гренадерами, какіе будутъ находиться подъ его начальствованіемъ, во дворецъ принцессы Елизаветы...

Дабы дѣлать менѣе шума, гренадеры сочли необходимымъ, чтобы принцесса вышла изъ саней. Тутъ, едва прошла она нѣсколько шаговъ, кто-то сказалъ ей: «Матушка наша, такъ не довольно скоро, надо [illegible]»; а когда они замѣтили, что принцесса, хотя имѣла довольно увѣренную поступь, не могла за ними слѣдовать, они подхватили ее и пронесли такимъ образомъ до самаго двора въ Зимнемъ дворцѣ.

Прежде всего была выполнена такая же предосторожность, какъ и прежде, относительно барабановъ. Принцесса прошла прямо въ караульню. «Проснитесь, мои дѣти»,—сказала она солдатамъ,—«и слушайте меня. Хотите ли вы слѣдовать за дочерью Петра I? Вы знаете, что престолъ мнѣ принадлежитъ: несправедливость, причиненная мнѣ, отзывается на всемъ нашемъ бѣдномъ народѣ, и онъ изнываетъ подъ игомъ нѣмцевъ. Освободимся отъ нашихъ гонителей!». Офицеры, у которыхъ она спросила затѣмъ, что они объ этомъ думаютъ, затруднились высказаться откровенно. «Арестуйте мнѣ этихъ людей», присовокупила она, «я вамъ повелѣваю, повинуйтесь же». Повелѣніе это было выполнено немедленно и даже было бы превышено, если бы принцесса Елизавета не отвела ружья одного изъ солдатъ, который хотѣлъ проколоть одного изъ помянутыхъ офицеровъ своимъ штыкомъ. Такъ какъ гвардейскіе солдаты выказали готовность, способную на всякія испытанія, то принцесса распредѣлила своихъ приверженцевъ и осталась окруженной сорока гренадерами.

Прежде всего она приказала охранять всѣ лѣстницы и всѣ свободные выходы. Часть гренадеръ, вмѣстѣ [illegible]

[illegible] въ апартаменты [illegible] принцесса [illegible] Брауншвейг[illegible] [illegible] своихъ товарищей...—

[illegible] саней, которые принцесса поручила [illegible] фрейлины [illegible] Елизаветы [illegible] въ саняхъ обратно въ свой дворецъ...

Принцесса Елизавета, будучи тогда признана государыней Россіи, [illegible] принимала поздравленія отъ первыхъ чиновъ монархіи. Войска и народъ, которымъ она показалась съ своего [illegible], обнаружили такую радость, какой, по [illegible] лицъ, живущихъ въ этой странѣ уже болѣе тринадцати лѣтъ, никогда не было видано ни при какомъ случаѣ. [illegible] на сильный холодъ [illegible] манифеста. [illegible] Швеція [illegible] распространилась; этимъ надеждамъ предается тѣмъ сильнѣе, что нѣтъ теперь никого, среди знатныхъ или простыхъ людей, кто бы не считалъ восшествія на престолъ принцессы Елизаветы и прекращенія [illegible] нѣмцевъ причинами, наиболѣе способными склонить В. В. къ доставленію мира Россіи.

Парадъ [illegible] тотчасъ же [illegible] въ Зимній дворецъ. Войска [illegible] на улицахъ, воздухъ [illegible] «ура». Гренадеры, [illegible]

заняли всѣ входы въ него. оспаривая ихъ другъ у друга. Тѣ, которые находились уже тамъ на караулѣ, никакъ не хотѣли согласиться на смѣну. Послѣ нѣсколькихъ минутъ отдыха, царица отправилась въ свою молельню, чтобы присутствовать тамъ на благодарственномъ молебнѣ. По пути туда. она была окружена всѣми гренадерами Преображенскаго полка. Ты видѣла, матушка наша, сказали они ей, «съ какимъ усердіемъ мы возстановили твои справедливыя права. Какъ единственную награду. мы просимъ тебя объявить себя капитаномъ нашей роты, и чтобы мы первые могли тебѣ присягнуть у ступеней алтаря, въ неизмѣнной вѣрности». Ихъ просьба была исполнена съ готовностью, равной ихъ желанію, и вызвала всеобщее одобреніе ихъ... —

Фельдмаршалъ Минихъ, графъ Остерманъ и баронъ Менгденъ, какъ болѣе преступныя и опасныя лица, были переведены къ шести часамъ въ крѣпость. Передъ этимъ они были лишены различныхъ орденовъ, какіе имъ были пожалованы...—

(Сб. Р. И. О., т. 96, № 124, с. 641—645.)

19. Восшествіе на престолъ Елизаветы.

(Реляція о переворотѣ 6 Декабря 1741 г.)

Хотя и невозможно еще передать вѣрно всѣ обстоятельства, сопровождавшія важное событіе, которое произошло въ Петербургѣ 6 декабря (по н. с.), однако вотъ подробности. на счетъ которыхъ въ общихъ чертахъ всѣ извѣстія довольно согласны.

Съ одной стороны нѣжный возрастъ послѣдняго государя. зависть между министрами, и особенно между Остерманомъ и Головкинымъ недостатокъ согласія между герцогинею-правительницею и герцогомъ, ея супругомъ. возбуждали всеобщее недовольство; съ другой стороны, принцесса Елизавета привлекала сердца всѣхъ русскихъ сколько происхожденіемъ, столько же и другими высокими достоинствами своими.

Эта принцесса, казалось, не имѣла большой партіи при дворѣ; ни одно значительное лицо не смѣло посѣщать ее, и изъ всѣхъ своихъ приближенныхъ она довѣрила тайну только своему камеръ-юнкеру Воронцову, хирургу Лестоку и одному нѣмцу, по имени Шварцу, который въ прежнее время служилъ музыкантомъ. пользовался небольшимъ пенсіономъ отъ императорской академіи наукъ и притомъ имѣлъ свободный доступъ ко двору принцессы, которая отъ времени до времени выдавала ему значительныя пособія. Эти три лица, и особенно двое послѣднихъ, при помощи значительныхъ денегъ, давно пріобрѣли множество преданныхъ лицъ, какъ при дворѣ, такъ и въ другихъ мѣстахъ, и особенно большое число гвардейскихъ гренадеровъ, на вѣрность которыхъ можно было положиться. Исполненіе предпріятія назначалось на слѣдующей недѣлѣ; но, несмотря на всѣ предосторожности, дворъ и министры начали что-то подозрѣвать, и правительница, 5-го декабря (по н. с.), въ частномъ разговорѣ съ принцессою въ собраніи во дворцѣ, сказала, что ее предупреждаютъ въ письмѣ изъ Бреславля быть осторожною съ принцессой Елизаветою и особенно совѣтуютъ немедленно арестовать хирурга Лестока; что она поистине не вѣритъ этому письму, но надѣется, что если бы означенный Лестокъ признанъ былъ виновнымъ, то, конечно, принцесса не найдетъ дурнымъ, когда его задержатъ. Принцесса Елизавета отвѣчала на это довольно спокойно увѣреніями въ вѣрности и возвратилась къ игрѣ. Однако сильное волненіе, замѣченное на лицахъ этихъ особъ, подало случай къ подозрѣнію, что разговоръ долженъ былъ касаться важныхъ предметовъ.

Въ тотъ же вечеръ, 5 декабря, четыре тысячи гвардейцевъ получили вдругъ приказаніе выступить къ Выборгу въ 24 часа...

Но какъ партія Елизаветы считала этотъ слухъ распространеннымъ съ намѣреніемъ, чтобы имѣть случай удалить гвардейцевъ, которыхъ приверженность къ принцессѣ была извѣстна, то сторонники ея сколько своими настояніями, столько же и вслѣдствіе извѣстія, что дворъ намѣренъ арестовать самую принцессу, убѣдили ее рѣшиться исполнить свое намѣреніе въ ту же ночь, съ 5 на 6 число.

Тогда она сначала помолилась богу въ присутствіи трехъ вышеозначенныхъ лицъ и надѣла кирасу на свое обыкновенное платье. Между тѣмъ ея повѣренные убѣдили десятка два изъ подкупленныхъ гренадеровъ ходить вокругъ казармъ Преображенскаго полка подъ предлогомъ своихъ собственныхъ дѣлъ. Немного спустя, принцесса, въ сопровожденіи трехъ своихъ приверженцевъ и 7 гренадеровъ, въ часъ пополуночи сѣла въ сани и прямо отправилась въ названные казармы. Тотчасъ же по прибытіи туда, она явилась къ солдатамъ съ тростью въ рукѣ, сказала имъ въ нѣсколькихъ словахъ, что они видятъ въ ней законную императрицу, и что тѣ, которые ее любятъ, должны тотчасъ же слѣдовать за ней. При этой рѣчи вдругъ явилось 200 гренадеровъ. Они всѣ поклялись защищать ее до послѣдней капли крови. Приняли предосторож-

ность запастись десятками двумя осѣдланныхъ лошадей для объявленія о такомъ счастливомъ событіи въ казармахъ другихъ гвардейцевъ и по отдѣльнымъ отрядамъ, что и произвело, что менѣе чѣмъ въ часъ всѣ полки собрались передъ дворцомъ принцессы.

Между тѣмъ она отправилась во дворецъ и объявила караулу о своемъ намѣреніи. Солдаты приняли предложеніе съ радостью, но четыре офицера отвѣчали въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, почему и были заперты въ комнатѣ, а принцесса, проходя въ покои герцогини-правительницы, не встрѣтила никакого затрудненія отъ прочихъ караульныхъ, кромѣ одного унтеръ-офицера, который было сопротивлялся, но его тотчасъ арестовали. Найдя герцогиню еще въ постели и дѣвицу Менгденъ, лежавшую около нея, она объявила первой объ ея арестѣ. Герцогиня тотчасъ же повиновалась ея приказаніямъ, умоляя только не дѣлать насилія ни ей съ семействомъ, ни дѣвицѣ Менгденъ, которую бы она очень желала сохранить при себѣ. Новая императрица обѣщала ей это и, для большей безопасности, приказала присягнуть и цѣловать крестъ гренадерамъ, которые за ней слѣдовали, что они будутъ повиноваться ея приказаніямъ и не станутъ проливать крови. Послѣ этого она посадила герцогиню въ свои сани и отвезла ее во дворецъ, который занимала до того времени.

За этими санями слѣдовали двое другихъ съ семействомъ герцогини, именно: младенецъ императоръ и новорожденная принцесса...

Въ то же время арестовали герцога, генералиссимуса войскъ, который былъ отвезенъ въ тотъ же дворецъ съ дѣвицею Менгденъ; тамъ разставили повсюду часовыхъ...

Еще приказано было арестовать и перевести въ прежній дворецъ императрицы гр. Остермана и фельдмаршала Миниха, съ которыми солдаты обошлись жестоко: съ первымъ за то, что онъ оборонялся противъ нихъ, а со вторымъ—изъ давнишней ненависти, которую питала къ нему армія. Президентъ баронъ Менгденъ съ женою были ужасно оскорблены по случаю сопротивленія ихъ гренадерамъ. Ихъ отвезли въ тотъ же дворецъ...

Все это происходило безъ шума и въ такомъ порядкѣ, что въ 8 часовъ утра немногіе изъ обывателей города знали о чрезвычайной перемѣне, произшедшей въ минувшую ночь.

Императрица сама дала знать о случившемся знатнѣйшимъ семействамъ въ городѣ, и въ короткое время дворецъ наполнился толпою знатныхъ лицъ обоего пола, которые представлялись новой государынѣ.

Сначала она созвала Совѣтъ... Тамъ составлена новая форма присяги, ее подписала императрица и отправила съ курьерами во всѣ области государства...

(Пекарскій. Маркизъ де-ла-Шетарди въ Россіи, с. 397—410.)

20. Изъ донесеній Пецольда.

9 декабря. Всѣ мы, чужеземцы, живемъ здѣсь постоянно между страхомъ и надеждою, такъ какъ отъ солдатъ, дѣлающихся все болѣе и болѣе наглыми, слышны только угрозы, и надобно приписать провидѣнію, что до сихъ поръ не обнаружились ихъ злыя намѣренія.

12 декабря. Многие офицеры и знатные показываютъ тайно полное недовольство. Все дѣло было начато чернью, и недостаточно цѣлой тетради для описанія наглости ея, и потому мы, бѣдные иноземцы, трепещимъ и дрожимъ здѣсь, особенно когда извѣстно, что за враги намъ были Долгорукіе и прочіе возвышенные.

23 декабря. Гвардейцы, и въ особенности гренадеры, которые еще не отрезвились почти отъ сильнаго пьянства, предаются множеству крайностей. Подъ предлогомъ поздравленія съ восшествіемъ на престолъ Елизаветы, ходятъ они по домамъ и никто не смѣетъ отказать имъ въ деньгахъ, или въ томъ, чего они пожелаютъ. Одинъ солдатъ, смѣненный съ караула и хотѣвшій на возвратномъ пути купить на рынкѣ деревянную посуду, застрѣлилъ на мѣстѣ русскаго продавца, который не рѣшилъ уступить ему ее за предложенную цѣну. Не говоря уже о другихъ насиліяхъ, въ особенности противъ нѣмцевъ.

(Рус. бытъ XVIII в., т. I, с. 290.)

21. Солдаты во дворцѣ 25 ноября 1741 года.

(Изъ зап. польскаго дворянина.)

Моя галера прибыла въ Кронштадтъ лишь на 3 день. Мы оставались тамъ 3 недѣли въ безполезныхъ занятіяхъ, пока на морѣ не появились льдины, что и помѣшало намъ покинуть портъ. Черезъ 3 дня море, вплоть до Ораніенбаума, совершенно замерзло.

Испросивъ разрѣшеніе отъ генералъ-аншефа де-Любраса отправиться въ Петербургъ, я, въ сопровожденіи четырехъ надежныхъ матросовъ, добрался по нетвердому льду, пѣшкомъ, перекидывая доски черезъ трещины, до Ораніенбаума. Когда я отъѣхалъ отъ Петергофа, то послышалась пальба въ Петербургѣ, прекратившаяся лишь при приближе-

ніи къ Калинкиной. Подъѣхавъ къ императорскому дворцу, я былъ пораженъ звуками флейтъ и барабановъ. Я приписалъ эту музыку военнымъ забавамъ генералиссимуса, но скоро убѣдился въ своей ошибкѣ. Вошедъ въ квартиру моего зятя, я засталъ тамъ съ дюжину Преображенскихъ гренадеръ, стоявшихъ на колѣнахъ. Одинъ изъ нихъ, назвавъ меня братомъ, сказалъ: «выпьемъ-ка за здоровье нашей матушки-императрицы Елизаветы». Догадываясь о совершившемся переворотѣ и не желая возбуждать подозрѣнія, я также опустился на колѣна и, дѣлая видъ, что пью, сталъ кричать за одно съ компаніей: «да здравствуетъ Елизавета!» Осушивъ до 20 бутылокъ вина и проглотивъ по большому стакану водки, преображенцы поднялись и стали просить денегъ на угощеніе ихъ женъ и дѣтей за здоровье матушки-императрицы. Мой зять далъ имъ 5 рублей, но они потребовали больше. Тогда я рѣшительнымъ тономъ объявилъ имъ, что у интенданта нѣтъ времени, что я привезъ отъ императрицы съ приказаніемъ ему тотчасъ же явиться къ ея величеству. Они повѣрили моей выходкѣ и удалились. Моя мать и зять, узнавъ, что я только что прибылъ изъ Кронштадта, сообщили мнѣ, что принцесса Елизавета не болѣе какъ часъ назадъ вступила на престолъ, и пригласили меня идти съ ними во дворецъ, чтобы взглянуть, что тамъ происходитъ.

Большой залъ дворца былъ полонъ преображенскими гренадерами. Большая часть ихъ были пьяны; одни, прохаживаясь, пѣли пѣсни (не гимны въ честь государыни, но неблагопристойные куплеты); другіе, держа въ рукахъ ружья и растянувшись на полу, спали. Царскіе апартаменты были полны простымъ народомъ обоего пола. Не мало удивило меня встрѣтить здѣсь Лестока, врача, находившегося на жалованіи при моемъ отцѣ, фамильярно разговаривавшимъ съ ея величествомъ. Императрица сидѣла въ креслѣ, и всѣ, кто желалъ, даже простые бурлаки и женщины съ ихъ дѣтьми, подходили цѣловать у нея руку...

Моя сестра замѣтила мнѣ, что г.г. гренадеры не забыли взять съ собою изъ дворца золотые часы, висѣвшіе около зеркала, два серебряные шандала и золотой футляръ.

(Превратности судьбы. Русс. арх. 1878 г., № 4, с. 495—7.)

---

22. Обѣдъ офицерамъ лейбъ-гвардіи. 1750 г.

Маія 3. Въ сей день ея императорскаго величества всевысочайшее соизволеніе было и всемилостивѣйше изволила за обѣденнымъ кушаньемъ въ зимнемъ домѣ въ С.-Петербургѣ присутствовать за столомъ всей лейбъ-гвардіи съ штабъ-офицерами. Столъ поставленъ былъ фигурою наподобіе короны. Въ срединѣ изволила сидѣть всемилостивѣйшая государыня, всѣхъ лейбъ-гвардіи полковъ г. полковникъ. Господа подполковники сидѣли по нумерамъ старшинства своего:

1) Преображенскаго, его императорское высочество государь Великій Князь.
2) Лейбъ-гвардіи Конной, генералъ-поручикъ, ордена Александра Невскаго кавалеръ, Юрья Ливенъ.
3) Семеновскаго, генералъ-аншефтъ, ордена Александра Невскаго кавалеръ, Степанъ Апраксинъ.
4) Измайловскаго, генералъ-майора, ордена св. Анны кавалеръ, Іосифъ Гампфъ.
5) Лейбъ-гвардіи Конной, оберъ-егермейстеръ, лейбъ-компаніи капитанъ-поручикъ, дѣйствительной камергеръ, ордена св. Апостола Андрея и другихъ орденовъ кавалеръ, графъ Алексѣй Разумовской.
6) Измайловскаго, войскъ Малороссійскихъ гетманъ, Десіянсъ Академіи президентъ, дѣйствительной камергеръ, орденовъ Польскаго, Александра Невскаго и св. Анны кавалеръ, графъ Кирила Разумовской.
7) Преображенскаго, генералъ-аншефтъ, сенаторъ, ея императорскаго величества генералъ-адъютантъ и ордена Александра Невскаго кавалеръ, Александръ Бутурлинъ.

Лейбъ-гвардіи полковъ господа майоры:

1) Преображенскаго, дѣйствительный тайный совѣтникъ, генералъ-прокуроръ, орденовъ Апостола Андрея и Александра Невскаго кавалеръ, князь Никита Трубецкой.
2) Лейбъ-гвардіи Конной, генералъ-майоръ и ордена св. Анны кавалеръ, князь Петръ Черкасской.
3) Семеновскаго, генералъ-майоръ и Анненскаго ордена кавалеръ, Никита Соковнинъ.
4) Измайловскаго, генералъ-майоръ и Анненскаго ордена кавалеръ, Иванъ Гурьевъ.
5) Того жъ полку, Василій Нащокинъ.
6) Преображенскаго, Андреянъ Лопухинъ.
7) Того жъ полку, князь Александръ Меншиковъ.
8) Измайловскаго, Гаврила Рахмановъ.
9) Семеновскаго, Иванъ Майковъ.
10) Того жъ полку, Андрей Вельяминовъ.

И отъ того стола поставлены четыре стола, въ четыре лучи, за которыми сидѣли, по старшинству полковъ, офицеры, а столы по нумерамъ и каждой чинъ сидѣлъ по старшинству.

1) Преображенскаго.

2) Измайловскаго.

3) Лейбъ-гвардіи Конной.

4) Семеновскаго.

И тако старшей 1, и по немъ старшей въ замкѣ 4 нумера.

При томъ обѣденномъ кушаньи, съ пушечною стрѣльбою пили: первой покалъ за здоровье всемилостивѣйшей нашей государыни; второй, при стрѣльбѣ же изъ пушекъ, здоровье гвардіи штабъ и оберъ-офицеровъ.

И по окончаніи того обѣденнаго кушанья, ея императорское величество изволила итить въ лѣтній домъ, и его высочество, а штабъ и оберъ-офицеры, при отданіи всеподданнѣйшаго благодаренія, разъѣхались по домамъ...

А особливаго того числа торжества ни о чемъ не было, точію лейбъ-гвардіи штабъ и оберъ-офицеровъ трактованы за обѣденнымъ кушаньемъ, по особливому ея императорскому величества соизволенію, а приказано было быть въ собственномъ платьѣ, чего ради всѣ штабъ-офицеры въ богатомъ платьѣ были и оберъ-офицеры, а въ мундирахъ нѣкоторые офицеры были по необходимости, не имѣя собственнаго параднаго платья.

(Записки В. А. Нащокина, с. 97—100.)

23. Семейная жизнь Екатерины до ея воцаренія.

(По ея запискамъ.)

Въ Москвѣ мы съ великимъ княземъ... заняли покои, въ которыхъ я жила съ моей матерью въ 1744 году. Ничего не могло быть неудобнѣе того, какъ мы были помѣщены, великій князь и я. Нашимъ помѣщеніемъ служилъ флигель, состоявшій изъ двойного ряда комнатъ; направо отъ входа находились мои комнаты, налѣво комнаты великаго князя, одинъ изъ насъ не могъ двинуться безъ того, чтобы не обезпокоить другого: этотъ князь въ то время имѣлъ два единственныхъ занятія: одно — пилить на скрипкѣ, другое — дрессировать для охоты пуделей извѣстной породы, которую называютъ charlos. Такимъ образомъ постоянно съ семи часовъ утра до самой поздней ночи мнѣ раздирали уши либо нестройные звуки, которые онъ съ чрезвычайной силой извлекалъ изъ своей скрипки, либо ужасный крикъ и вой пяти или шести собакъ, которыхъ онъ жестоко колотилъ остальную часть дня... Признаюсь, я была измучена и ужасно страдала отъ той и другой музыки, которая съ утра до поздней ночи раздирала мнѣ барабанную перепонку; послѣ этихъ собакъ не было созданія, болѣе несчастнаго, чѣмъ я. Несмотря на это, я читала; я тогда принялась за «Исторію Германіи» отца Барра, каноника св. Женевьевы, девять томовъ въ четвертку; я окончила всѣ девять томовъ въ теченіе зимы и части весны...

Что касается великаго князя, такъ какъ отъ него отняли людей, которыхъ онъ больше всего любилъ, то онъ выбралъ новыхъ, среди камеръ-лакеевъ.

На дачѣ онъ составилъ себѣ свору собакъ и началъ самъ ихъ дрессировать; когда онъ уставалъ ихъ мучить, онъ принимался пилить на скрипкѣ; онъ не зналъ ни одной ноты, но имѣлъ отличный слухъ и для него красота въ музыкѣ заключалась въ силѣ и страстности, съ которою онъ извлекалъ звуки изъ своего инструмента. Тѣ, кому приходилось его слушать, часто съ охотой заткнули бы себѣ уши, если бы посмѣли, потому что онъ ихъ терзалъ ужасно. Этотъ образъ жизни продолжался какъ на дачѣ, такъ и въ городѣ. Когда мы вернулись въ Лѣтній Дворецъ, Крузе, которая продолжала быть всѣми признаннымъ Аргусомъ, настолько стала добрѣе, что очень часто соглашалась обманывать Чоглоковыхъ, которые стали всѣмъ ненавистны. Она дѣлала больше того, а именно: доставляла великому князю игрушки, куклы и другія дѣтскія забавы, которыя онъ любилъ до страсти; днемъ ихъ прятали въ мою кровать и подъ нее. Великій князь ложился первый послѣ ужина и, какъ только мы были въ постели, Крузе запирала дверь на ключъ, и тогда великій князь игралъ до часу или двухъ ночи; волей неволей я должна была принимать участіе въ этомъ прекрасномъ развлеченіи такъ же, какъ и Крузе. Часто я надъ этимъ смѣялась, но еще чаще это меня изводило и безпокоило, такъ какъ вся кровать была покрыта и полна куклами и игрушками, иногда очень тяжелыми. Не знаю, провѣдала ли Чоглокова объ этихъ ночныхъ забавахъ, но однажды, около полуночи, она постучалась къ намъ въ дверь спальной; ей не сразу открыли, потому что великій князь, Крузе и я спѣшили спрятать и снять съ постели игрушки, чему помогло одѣяло, подъ которое мы игрушки сунули. Когда это было сдѣлано, открыли дверь, но Чоглокова стала намъ ужасно выговаривать за то, что мы заставили ее ждать, и сказала намъ, что императрица очень разсердится, когда узнаетъ, что мы еще не спимъ въ такой часъ, и ушла, ворча, безъ всякаго другого слѣдствія. Когда

она ушла, великій князь продолжалъ свое, пока не захотѣлъ спать...

Съ нимъ случилось въ этой недѣлѣ другое приключеніе, которое немного его озаботило. Въ своей комнатѣ въ то время онъ былъ такъ или иначе цѣлый день въ движеніи: въ тотъ день онъ щелкалъ громаднымъ кучерскимъ кнутомъ, который нарочно себѣ заказалъ; онъ размахивалъ имъ по комнатѣ направо и налѣво, и заставлялъ своихъ камеръ-лакеевъ шибко бѣгать изъ угла въ уголъ, такъ какъ они боялись, что онъ ихъ исполосуетъ. Не знаю, какъ это онъ сдѣлалъ, но какъ бы то ни было, онъ самъ очень сильно хватилъ себя по щекѣ; рубецъ шелъ вдоль всей лѣвой части лица и былъ до крови; онъ очень встревожился, боясь, что ему даже на Пасхѣ нельзя будетъ выходить изъ-за этого, и что императрица изъ-за его окровавленной щеки снова запретитъ ему говѣть, а когда узнаетъ о причинѣ, то его щелканіе кнутомъ навлечетъ на него непріятный выговоръ...

Что касается до великаго князя, то онъ былъ, большею частью, въ своей комнатѣ, гдѣ одинъ украинецъ, его камердинеръ, по имени Карновичъ, такой же дуракъ, какъ и пьяница, забавлялъ его, какъ умѣлъ, снабжая его, сколько могъ, игрушками, виномъ и другими крѣпкими напитками, безъ вѣдома Чоглокова, котораго, впрочемъ, всѣ обманывали и надували. Но въ этихъ ночныхъ и тайныхъ попойкахъ великаго князя со своими камердинерами, среди которыхъ было нѣсколько калмыковъ, случалось часто, что великаго князя плохо слушались и плохо ему служили, ибо, будучи пьяны, они не знали, что дѣлали и забывали, что они были со своимъ господиномъ, что этотъ господинъ — великій князь; тогда е. и. в. прибѣгалъ къ палочнымъ ударамъ или обнажалъ шпагу, но, несмотря на это, его компанія плохо ему повиновалась, и не разъ онъ прибѣгалъ ко мнѣ, жалуясь на своихъ людей и прося сдѣлать имъ внушеніе; тогда я шла къ нему и выговаривала имъ всю правду, напоминая имъ объ ихъ обязанностяхъ, и тотчасъ же они подчинялись, что заставляло великаго князя неоднократно говорить мнѣ и повторять также Брессану, что онъ не знаетъ, какъ я справляюсь съ его людьми; что онъ ихъ сѣчетъ и не можетъ ихъ заставить себѣ повиноваться, а я однимъ словомъ добиваюсь отъ нихъ всего, чего хочу.

Однажды, когда я вошла съ этой цѣлью въ покои е. и. в., я была поражена при видѣ здоровой крысы, которую онъ велѣлъ повѣсить, и всей обстановкой казни среди кабинета, который онъ велѣлъ себѣ устроить при помощи перегородки. Я спросила, что это значило; онъ мнѣ сказалъ тогда, что эта крыса совершила уголовное преступленіе и заслуживаетъ строжайшей казни по военнымъ законамъ, что она перелѣзла черезъ валъ картонной крѣпости, которая была у него на столѣ въ этомъ кабинетѣ, и съѣла двухъ часовыхъ на караулѣ, сдѣланныхъ изъ крахмала, на одномъ изъ бастіоновъ, и что онъ велѣлъ судить преступника по законамъ военнаго времени; что его лягавая собака поймала крысу, и что тотчасъ же она была повѣшена, какъ я ее вижу, и что она останется тамъ, выставленная напоказъ публикѣ въ теченіе трехъ дней, для назиданія. Я не могла удержаться, чтобы не расхохотаться надъ этимъ сумасбродствомъ, но это очень ему не понравилось, въ виду той важности, какую онъ этому придавалъ; я удалилась и прикрылась моимъ женскимъ незнаніемъ военныхъ законовъ, однако, онъ не переставалъ дуться на меня за мой хохотъ. Можно было, по крайней мѣрѣ, сказать въ оправданіе крысѣ, что ее повѣсили, не спросивъ и не выслушавъ ея оправданіе...

(Записки Екатерины II, с. 144, 260, 298, 341.)

24. Петръ III.

(По запискамъ А. Болотова.)

По нѣкоторымъ дѣламъ, произведеннымъ имъ въ первые мѣсяцы его правленія, о которыхъ упоминается ниже, можно было судить, что онъ отъ натуры не таковъ былъ дуренъ, но имѣлъ сердце, наклонное къ добру и такое, что могъ бы онъ быть добродѣтельнымъ, если бъ не окруженъ былъ злыми и негодными людьми, развратившими его совсѣмъ, и когда бъ по несчастію не предался онъ уже слишкомъ всѣмъ порокамъ и не послѣдовалъ внушаемымъ въ него злымъ совѣтамъ, болѣе нежели сколько надобно было...

Все сіе и предпринимаемое въ самое то же время скорое и дружное перековерканіе всѣхъ дѣлъ и прежнихъ распорядковъ, а особливо, преобразованіе всего войска и передѣлываніе всего, до воинской службы относящегося, на прусскій манеръ, и явно оказуемая къ тогдашнему нашему непріятелю, королю прусскому, приверженность и безпредѣльное почтеніе и ко всему прусскому уваженіе, приводило всѣхъ въ неописанное изумленіе и негодованіе, и я не знаю, что воспослѣдовало бъ уже и тогда, если бъ не поддержалъ онъ себя нѣсколько оказанными въ первые дни своего правленія нѣкоторыми важными милостями и благотворительностями.

Первѣйшею и наиглавнѣйшею милостію изо всѣхъ было прежде уже упомянутое осво-

бождение всего россійскаго дворянства изъ прежде бывшей неволи и дарованіе ему навсегда совершенной вольности, съ дозволеніемъ ѣздить всякому, по произволенію своему въ чужіе земли и куда кому угодно. Великодушное сіе дѣяніе толико тронуло все дворянство, что всѣ неописанно тому обрадовались, и весь сенатъ, преисполнясь радостью, приходилъ именемъ всего дворянства благодарить за то государя, и удовольствіе было всеобщее и самое искреннее. Другое и не менѣе важное благотворительство состояло въ томъ, что онъ уничтожилъ прежнюю нашу и столь великій страхъ на всѣхъ наводившую и такъ называемую *тайную канцелярію*, и запретилъ всѣмъ кричать по прежнему «слово и дѣло», и подвергать чрезъ то безчисленное множество невинныхъ людей въ несчастія и напасти. Превеликое удовольствіе учинено было и симъ всѣмъ россіянамъ, и всѣ они благословляли его за сіе дѣло.

Далѣе восхотѣлъ было онъ, для пресѣченія всѣхъ злоупотребленій, господствующихъ у насъ въ судахъ и расправахъ, по причинѣ уже умножившихся слишкомъ указовъ и перепутавшихся законовъ, велѣть сочинить и издать новое уложеніе по образцу прусскаго, и сенатъ велѣлъ-было уже переводить такъ называемое «Фридрихово уложеніе», но какъ дѣло сіе препоручено было людямъ неискуснымъ, то и не возымѣло оно тогда успѣха...

Сими и нѣкоторыми другими благотворительностями началъ было сей государь вперять о себѣ лучшія мысли въ своихъ подданныхъ, и всѣ начали-было ласкаться надеждою нажить въ немъ со временемъ государя добраго; но послѣдовавшіе за симъ другіе и немало съ ними несообразныя дѣянія, скоро въ нихъ сію надежду паки разрушивъ, увеличили въ нихъ ропотъ и негодованіе къ нему еще болѣе. Къ числу сихъ принадлежало наиглавнѣйшее то, съ крайнею неосторожностью и неблагоразуміемъ сопряженное дѣло, что онъ вознамѣрился было перемѣнить совсѣмъ религію нашу, къ которой оказывалъ особливое презрѣніе. Начало и первый приступъ къ тому учинилъ онъ изданіемъ указа объ отобраніи въ казну у всѣхъ духовныхъ и монастырей всѣ ихъ многочисленныя волости и деревни, которыми они до сего времени владѣли, и объ опредѣленіи архіереямъ и прочему знатному духовенству жалованья, также о непостриженіи никого вновь въ монахи ниже 30-ти лѣтняго возраста. Легко можно всякому себѣ вообразить, каково было сіе для духовенства и какой ропотъ и негодованіе произвело во всемъ ихъ корпусѣ; всѣ почти въявь изъявляли крайнюю свою за сіе на него досаду, а вскорѣ послѣ сего изъявилъ онъ и всѣ мысли свои въ пространствѣ, черезъ призваніе къ себѣ первенствующаго у насъ тогда архіерея Дмитрія Сеченова и приказаніе ему, чтобы изъ всѣхъ образовъ, находящихся въ церквахъ, оставлены были въ нихъ одни изображенія Христа и богородицы, а прочихъ бы не было; также, чтобъ всѣмъ попамъ предписано было бороду свою обрить и, вмѣсто длинныхъ своихъ рясъ, носить такое платье, какое носятъ иностранные пасторы. Нельзя изобразить, въ какое изумленіе повергло сіе приказаніе архіепископа Дмитрія. Сей благоразумный старецъ не зналъ, какъ и приступить къ исполненію такого всего меньше ожидаемаго повелѣнія. И усматривалъ ясно, что государь не иное что имѣлъ тогда въ намѣреніи своемъ, какъ примѣненіе религіи во всемъ государствѣ и введеніе лютеранскаго закона. Онъ принужденъ былъ объявить волю государеву знаменитѣйшему духовенству, и хотя сіе притомъ только однимъ до времени осталось, но произвело уже во всѣхъ духовныхъ великое на него неудовольствіе, поспѣшествовавшее потомъ очень много къ бывшему перевороту...

Но никогда такъ много не поражался я досадными зрѣлищами таковыми, какъ въ то время, когда случалось государю ѣзжать обѣдать къ кому-нибудь изъ любимцевъ и вельможей своихъ и куда должны были послѣдовать всѣ тѣ, которымъ оказывалъ онъ отмѣнное свое благоволеніе, какъ, напр., и генералъ мой и многіе другіе, а за ними и всѣ ихъ адъютанты и ординарцы. Табунъ бывало цѣлый поскачетъ вслѣдъ за поѣхавшими, и хозяинъ успѣвай только всѣхъ уташивать и потчивать: ибо натурально вездѣ и для насъ даваемы были столы. Одни только трубки и табакъ привaживали мы съ собой изъ дворца своей. Ибо, какъ государь былъ охотникъ до куренія табаку и любилъ, чтобъ и другіе курили, а всѣ тому натурально въ угодность государю и подражать старались, то и приказывалъ государь всюду, куда ни поѣдетъ, возить съ собой цѣлую корзину голландскихъ глиняныхъ трубокъ и множество картузовъ съ кнастеромъ и другими табаками, и не успѣемъ куда пріѣхать, какъ и закурятся у насъ нѣсколько десятковъ трубокъ и въ одинъ мигъ вся комната наполнится густѣйшимъ дымомъ, а государю то было и любо: и онъ ходючи по комнатѣ только что шутилъ, хвалилъ и хохоталъ. Но сіе куда бы уже ни шло, если бы не было ничего дальнѣйшаго и для всѣхъ россіянъ постыднѣйшаго. Но та-то была и бѣда наша. Не успѣваешь бывало сѣсть за столъ, какъ и загремятъ

рюмки и бокалы и стали прыгать, что, вставши изъ-за стола, сдѣлались тогда всѣ, какъ маленькія ребятишки, и начали шумѣть, кричать, хохотать, говорить нескладицы и несообразности сущія. А однажды, какъ теперь вижу, дошло до того, что вышедши съ балкона прямо въ садъ, ну играть всѣ тутъ на усыпанной пескомъ площадкѣ, какъ играютъ маленькія ребятки... Ну, всѣ прыгать на одной ножкѣ, а другіе согнутымъ колѣномъ толкать своихъ товарищей подъ задницы, и кричать: «ну, ну, братцы, кто удалѣе, кто сшибетъ съ ногъ кого первый» ... и т. д. А по сему судите, каково же намъ было тогда смотрѣть на зрѣлище сіе изъ оконъ и видѣть первѣйшихъ въ государствѣ людей, украшенныхъ орденами и звѣздами, — вдругъ спрыгивающихъ, толкущихся и другъ друга на землю валяющихъ.

Хохотъ, крикъ, шумъ, біеніе въ ладоши раздавалось только всюду, а бокалы только что гремѣли. Они должны были служить наказаніемъ тому, кто не могъ удержаться на ногахъ и упадалъ на землю. Однако, все сіе было еще ничто противъ тѣхъ разнообразныхъ сценъ, какія бывали послѣ того и когда доходило до того, что пунши Бекхусовы оглумляли всѣхъ пирующихъ даже до такой степени, что у иного, наконецъ, и силы не было вытти изъ свѣтъ въ линію, а гренадеры выносили уже туда на рукахъ своихъ.

(Зап. Болотова, II, с. 169—173, 204—205.)

---

25. Петръ III.

(По запискамъ кн. Дашковой.)

Императоръ ничуть не измѣнился со времени своего воцаренія. По поводу мира съ прусскимъ королемъ, онъ выражалъ прямо неприличную радость и рѣшилъ отпраздновать это событіе большимъ парадным обѣдомъ, къ которому были приглашены особы первыхъ трехъ классовъ и иностранные министры.

Императрица заняла свое мѣсто посреди стола; но Петръ III сѣлъ на противоположномъ концѣ рядомъ съ прусскимъ министромъ. Онъ предложилъ подъ громъ пушечныхъ выстрѣловъ съ крѣпости выпить за здоровье императорской фамиліи, его величества, короля Пруссіи, и за заключеніе мира. Императрица начала съ тоста за императорскую фамилію. Тогда Петръ III послалъ своего дежурнаго генералъ-адъютанта Гудовича, стоявшаго за его стуломъ, спросить императрицу, почему она не встала съ мѣста, когда пила за здоровье императорской фамиліи. Императрица отвѣтила, что такъ какъ императорская фамилія состоитъ изъ ея супруга, сына и ея самой, она не предполагала, что ей нужно было встать. Гудовичъ сообщилъ ея отвѣтъ императору; тотъ велѣлъ ему передать государынѣ, что она «дура» и что ей слѣдовало бы знать, что къ императорской фамиліи принадлежатъ и оба его дяди, голштинскіе принцы; сказавъ, однако, что Гудовичъ не передастъ императрицѣ его словъ, онъ самъ сказалъ ихъ ей громко на весь столъ. Императрица залилась слезами и, желая разсѣять свои тягостныя мысли, попросила дежурнаго камергера графа Строганова, моего родственника, стоявшаго за ея стуломъ, развлечь ее своимъ веселымъ, остроумнымъ разговоромъ, въ которомъ онъ былъ мастеромъ. Онъ былъ очень преданъ императрицѣ и на дурномъ счету у императора, тѣмъ болѣе, что его жена, ненавидѣвшая его, была очень дружна съ моей сестрой и съ Петромъ III; онъ превозмогъ огорченіе, которое ему причинила эта сцена, и приложилъ всѣ усилія къ тому, чтобы развеселить императрицу. По окончаніи обѣда ему было повелѣно отправиться на свою дачу на Каменный Островъ и не выѣзжать изъ нее впредь до новаго приказанія.

Всѣ эти событія сильно взволновали общество. Съ каждымъ днемъ росли симпатіи къ императрицѣ и презрѣніе къ ея супругу. Онъ какъ бы намѣренно облегчалъ намъ нашу задачу свергнуть его съ престола и это должно бы быть урокомъ для великихъ міра сего, что ихъ низвергаетъ не только ихъ деспотизмъ, но и презрѣніе къ нимъ и къ ихъ правительствамъ, неизбѣжно порождающее безпорядки въ администраціи и недовѣріе къ судебной власти и возбуждающее всеобщее и единодушное стремленіе къ перемѣнамъ.

(Зап. кн. Дашковой 35—36.)

---

26. Воцареніе Екатерины II.

(Изъ письма ея къ Станиславу Понятовскому, бывшему позднѣе королемъ Польскимъ.)

Уже шесть мѣсяцевъ, какъ замышлялось мое вшествіе на престолъ. Петръ III во всемъ шелъ напроломъ; онъ хотѣлъ сломить гвардію, для этого онъ велъ ее въ походъ: онъ замѣнилъ бы ее своими голштинскими войсками, которыя должны были остаться въ городѣ. Онъ хотѣлъ перемѣнить вѣру, жениться на Л. В. (Елисаветѣ Воронцовой), а меня заключить въ тюрьму. Въ день празднованія мира, нанеся мнѣ публично оскорбленія за столомъ, онъ приказалъ вечеромъ арестовать меня. Мой дядя, принцъ Георгъ, заставилъ отмѣнить этотъ приказъ.

Съ этого дня я стала вслушиваться въ предложенія, которыя дѣлались мнѣ со времени смерти императрицы [1]. Планъ состоялъ въ томъ, чтобы схватить его въ его комнатѣ и заключить, какъ принцессу Анну и ея дѣтей. Онъ уѣхалъ въ Ораніенбаумъ. Мы были увѣрены въ большомъ числѣ капитановъ гвардейскихъ полковъ. Узелъ секрета находился въ рукахъ трехъ братьевъ Орловыхъ. Это—люди необычайно рѣшительные, и, служа въ гвардіи, очень любимые большинствомъ солдатъ. Я очень многимъ обязана этимъ людямъ; весь Петербургъ сему свидѣтель.

Умы гвардейцевъ были подготовлены, и подъ конецъ въ тайну было посвящено отъ 30 до 40 офицеровъ и около 10,000 солдатъ. Не нашлось ни одного предателя въ теченіе трехъ недѣль, такъ какъ было четыре отдѣльныхъ партіи, начальники которыхъ созывались на совѣщанія, а главная тайна находилась въ рукахъ этихъ троихъ братьевъ; Панинъ хотѣлъ, чтобъ это совершилось въ пользу моего сына, но они ни за что не хотѣли согласиться на это.

Я была въ Петергофѣ. Петръ III жилъ въ Ораніенбаумѣ. Согласились на случай предательства не ждать его возвращенія, но собрать гвардейцевъ и провозгласить меня. Рвеніе ко мнѣ вызвало то же, что произвела бы измѣна. Въ войскахъ 27-го распространился слухъ, что я арестована. Солдаты волнуются; одинъ изъ нашихъ офицеровъ успокаиваетъ ихъ. Одинъ солдатъ приходитъ къ капитану Пассеку, главарю одной изъ партій, и говоритъ ему, что я погибла. Онъ увѣряетъ его, что имѣетъ обо мнѣ извѣстія. Солдатъ, все продолжая тревожиться за меня, идетъ къ другому офицеру и говоритъ ему то же самое. Этотъ не былъ посвященъ въ тайну, испуганный тѣмъ, что офицеръ отослалъ солдата, не арестовавъ его, онъ идетъ къ майору, а этотъ послѣдній послалъ арестовать Пассека. И вотъ весь полкъ въ движеніи. Въ эту же ночь послали рапортъ въ Ораніенбаумъ. И вотъ тревога между нашими заговорщиками. Они рѣшаютъ прежде всего послать втораго брата Орлова ко мнѣ, чтобы привезти меня въ городъ, а два другіе идутъ всюду извѣщать, что я скоро буду. Гетманъ [2], Волконскій, Панинъ знали тайну.

Я спокойно спала въ Петергофѣ, въ 6 часовъ утра, 28-го. День прошелъ очень тревожно для меня, такъ какъ я знала всѣ приготовленія. Входитъ въ мою комнату Алексѣй Орловъ и говоритъ мнѣ съ большимъ спокойствіемъ: «Пора вамъ вставать; все готово для того, чтобы васъ провозгласить». Я спросила у него подробности; онъ сказалъ мнѣ: «Пассекъ арестованъ». Я не медлила болѣе, одѣлась какъ можно скорѣе, не дѣлая туалета, и сѣла въ карету, которую онъ подалъ. Другой офицеръ подъ видомъ лакея находился при ея дверцахъ; третій выѣхалъ навстрѣчу ко мнѣ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Петергофа. Въ пяти верстахъ отъ города я встрѣтила старшаго Орлова съ кн. Барятинскимъ младшимъ; послѣдній уступилъ мнѣ свое мѣсто въ одноколкѣ, потому что мои лошади выбились изъ силъ, и мы отправились въ Измайловскій полкъ; тамъ было всего двѣнадцать человѣкъ и одинъ барабанщикъ, который забилъ тревогу. Сбѣгаются солдаты, обнимаютъ меня, цѣлуютъ мнѣ ноги, руки, платье, называютъ меня своей спасительницей. Двое привели подъ руку священника съ крестомъ; вотъ они начинаютъ приносить мнѣ присягу. Окончивъ ее, меня просятъ сѣсть въ карету; священникъ съ крестомъ идетъ впереди; мы отправляемся въ Семеновскій полкъ; послѣдній вышелъ къ намъ навстрѣчу съ криками vivat (да здравствуетъ). Мы поѣхали въ Казанскую церковь, гдѣ я вышла. Приходитъ Преображенскій полкъ, крича vivat и говорятъ мнѣ: «Мы просимъ прощенія за то, что явились послѣдними; наши офицеры задержали насъ, но вотъ четверыхъ изъ нихъ мы приводимъ къ вамъ арестованными, чтобы показать вамъ наше усердіе. Мы желали того же, чего желали наши братья». Пріѣзжаетъ Конная гвардія: она была въ дикомъ восторгѣ, которому я никогда не видѣла ничего подобнаго, плакала, кричала объ освобожденіи отечества. Эта сцена происходила между садомъ гетмана и Казанской. Конная гвардія была въ полномъ составѣ, во главѣ съ офицерами. Я знала, что дядю моего, которому Петръ III далъ этотъ полкъ, они страшно ненавидѣли, поэтому я послала къ нему пѣшихъ гвардейцевъ, чтобы просить его остаться дома, изъ боязни за его особу. Не тутъ-то было: его полкъ отрядилъ, чтобы его арестовать; домъ его разграбили, а съ нимъ обошлись грубо.

Я отправилась въ новый Зимній дворецъ, гдѣ Синодъ и Сенатъ были въ сборѣ. Тутъ наскоро составили манифестъ и присягу. Оттуда я спустилась и обошла пѣшкомъ войска, которыхъ было болѣе 14.000 человѣкъ гвардіи и полевыхъ полковъ. Едва увидали меня, какъ поднялись радостные крики, которые повторялись безчисленной толпой.

Я отправилась въ старый Зимній дворецъ, чтобы принять необходимыя мѣры и закончить дѣло. Тамъ мы совѣщались, и рѣшили

---

[1]) Елизаветы Петровны.

[2]) К. Разумовскій.

отправиться, со мною во главѣ, въ Петергофъ, гдѣ Петръ III долженъ былъ обѣдать. По всѣмъ большимъ дорогамъ были разставлены пикеты, и время отъ времени къ намъ приводили лазутчиковъ.

Я послала адмирала Талызина въ Кронштадтъ. Прибылъ канцлеръ Воронцовъ, посланный для того, чтобы упрекнуть меня за мой отъѣздъ: его повели въ церковь для принесенія присяги. Пріѣзжаютъ князь Трубецкой и графъ Шуваловъ, также изъ Петергофа, чтобы удержать вѣрность войскъ и убить меня; ихъ повели приносить присягу безо всякаго сопротивленія.

Разославъ всѣхъ нашихъ курьеровъ и взявъ мѣры предосторожности съ нашей стороны, около 10 часовъ вечера я одѣлась въ гвардейскій мундиръ и приказала объявить меня полковникомъ — это вызвало неописуемые крики радости. Я сѣла верхомъ, мы оставили лишь немного человѣкъ отъ каждаго полка для охраны моего сына, оставшагося въ городѣ. Такимъ образомъ я выступила во главѣ войскъ, и мы всю ночь шли въ Петергофъ. Когда мы подошли къ небольшому монастырю на этой дорогѣ, является вице-канцлеръ Голицынъ съ очень льстивымъ письмомъ отъ Петра III. (Я не сказала, что когда я выступала изъ города, ко мнѣ явились три гвардейскихъ солдата, посланные изъ Петергофа, распространять манифестъ среди народа, говоря: «Возьми, вотъ что далъ намъ Петръ III; мы отдаемъ это тебѣ и радуемся, что могли присоединиться къ нашимъ братьямъ»). За первымъ письмомъ пришло второе; его доставилъ генералъ Михаилъ Измайловъ, который бросился къ моимъ ногамъ и сказалъ мнѣ: «Считаете ли вы меня за честнаго человѣка»? Я ему сказала, что да.—«Ну такъ,—сказалъ онъ, — пріятно быть за одно съ умными людьми. Императоръ предлагаетъ отречься. Я вамъ доставлю его послѣ его совершенно добровольнаго отреченія. Я безъ труда избавлю мое отечество отъ гражданской войны». Я возложила на него это порученіе; онъ отправился его исполнять. Петръ III отрекся въ Ораніенбаумѣ безо всякаго принужденія, окруженный 1590 голштинцевъ, и прибылъ съ Елисаветой Воронцовой, Гудовичемъ и Измайловымъ въ Петергофъ, гдѣ, для охраны его особы, я дала ему шесть офицеровъ и нѣсколько солдатъ...

Послѣ того я послала, подъ начальствомъ Алексѣя Орлова, въ сопровожденіи четырехъ офицеровъ и отряда смирныхъ и избранныхъ людей низложеннаго императора за 25 верстъ отъ Петергофа, въ мѣстечко, называемое Ропша, очень уединенное и очень пріятное, на то время, пока готовили хорошіе и приличные комнаты въ Шлиссельбургѣ и пока не успѣли разставить лошадей для него на подставу.

Но господь богъ расположилъ иначе. Страхъ вызвалъ у него понось, который продолжался три дня и прошелъ на четвертый; онъ чрезмѣрно напился въ этотъ день, такъ какъ имѣлъ все, что хотѣлъ, кромѣ свободы. Попросилъ онъ у меня, впрочемъ, только свою любовницу, собаку, негра и скрипку: но изъ боязни скандала и усиленія броженія среди людей, которые его караулили, я ему послала только три послѣднія вещи. Его схватилъ приступъ геморроидальныхъ коликъ вмѣстѣ съ приливами крови къ мозгу; онъ былъ два дня въ такомъ состояніи, за которымъ послѣдовала страшная слабость, и, несмотря на усиленную помощь докторовъ, онъ испустилъ духъ, потребовавъ лютеранскаго священника. Я опасалась, не отравили ли его офицеры. Я велѣла его вскрыть; но вполнѣ удостовѣрено, что не нашли ни малѣйшаго слѣда отравы: онъ имѣлъ совершенно здоровый желудокъ, но умеръ онъ отъ воспаленія въ кишкахъ и апоплексическаго удара. Его сердце было необычайно мало и совсѣмъ сморщено...

Въ городъ я въѣхала при безчисленныхъ крикахъ радости, и такъ ѣхала до Лѣтняго дворца, гдѣ меня ждали дворъ, Синодъ, мой сынъ и все то, что является ко двору. Я пошла къ обѣднѣ; затѣмъ отслужили молебенъ; потомъ пришли меня поздравлять. Я почти не пила, не ѣла и не спала съ 6 часовъ утра въ пятницу до полудня въ воскресенье; вечеромъ я легла и заснула. Въ полночь, только что я заснула, капитанъ Пассекъ входитъ въ мою комнату и будитъ меня, говоря: «Наши люди страшно пьяны; одинъ гусаръ, находившійся въ такомъ же состояніи, прошелъ передъ ними и закричалъ имъ: къ оружію! 30,000 пруссаковъ идутъ, хотятъ отнять у насъ нашу матушку.—Тутъ они взялись за оружіе и идутъ сюда, чтобъ узнать о состояніи вашего здоровья, говоря, что три часа они не видѣли васъ и что они пойдутъ спокойно домой, лишь бы увидѣть, что вы благополучны. Они не слушаютъ ни своихъ начальниковъ, ни даже Орловыхъ». И вотъ я снова на ногахъ, и, чтобы не тревожить мою дворцовую стражу, которая состояла изъ одного батальона, я пошла къ нимъ и сообщила имъ причину, почему я выхожу въ такой часъ. Я сѣла въ свою карету съ двумя офицерами и отправилась къ нимъ; я сказала имъ, что я здорова, чтобъ они шли спать и дали мнѣ также покой, что я только что легла, не спавши три ночи, и что я желаю,

чтобъ они слушались впредь своихъ офицеровъ. Они отвѣтили мнѣ, что у нихъ подняли тревогу съ этими проклятыми пруссаками, что они всѣ хотятъ умереть за меня. Я имъ сказала: «Ну, спасибо вамъ, но идите спать». На это они мнѣ пожелали покойной ночи и добраго здоровья, и пошли, какъ ягнята, домой, и все оборачивались на мою карету, уходя. На слѣдующій день они прислали просить у меня извиненія и очень сожалѣли, что разбудили меня, говоря: «Если каждый изъ насъ будетъ постоянно хотѣть видѣть ее, мы повредимъ ея здоровью и ея дѣламъ»...

(Сб. «Переворотъ 1762 г.», с. 102—108.

27. Воцареніе Екатерины II.

(По разсказу датскаго посла фонъ-Ассебурга со словъ гр. Н. Панина.)

Неудовольствіе противъ Петра III было всеобщее. Елизавету оплакивали еще прежде ея смерти, а когда она скончалась, общая печаль до того всѣми овладѣла, что довольно было взглянуть другъ на друга, и слезы лились у всѣхъ изъ глазъ...

Итакъ, она пользовалась любовью; а потому не удивительно, что общество, видя въ Петрѣ III человѣка жестокаго (не по природѣ, а въ силу того убѣжденія, будто воинъ не долженъ поддаваться состраданію), человѣка трусливаго, ненадежнаго... съ горемъ узнало о кончинѣ столь доброй государыни, какова была Елизавета, и о восшествіи на престолъ ея преемника, столь недостойнаго занять оный.

Неудовольствіе противъ него росло со дня на день. Онъ пренебрегалъ дѣлами и совѣтами людей, которые всего менѣе того заслуживали. Онъ говорилъ во всеуслышаніе, что такой-то и такой-то изъ людей, состоявшихъ при кабинетѣ Елизаветы, помогали ему доставлять королю прусскому свѣдѣнія обо всемъ, что здѣсь дѣлалось, въ наибольшей тайнѣ, хотя именно эти люди никогда не позволяли себѣ такой измѣны и держались совсѣмъ противоположнаго образа мыслей. Напалъ онъ также и на господина Панина; и вотъ какимъ образомъ:

Приблизительно за сутки до кончины Елизаветы, когда она была уже въ безпамятствѣ и агоніи, у постели ея находился Петръ вмѣстѣ съ врачомъ государыни и съ Панинымъ, которому было разрѣшено входить въ комнату умирающей. Петръ сказалъ врачу: «лишь бы только скончалась государыня, вы увидите, какъ я расправлюсь съ датчанами. Я выступлю противъ господина де Сенъ-Жермена; онъ станетъ воевать со мною на французскій манеръ, а я — на прусскій» и т. д. Окончивъ эту рѣчь, обращенную ко врачу, Петръ повернулся къ Панину и спросилъ его: «А что ты думаешь о томъ, что я сейчасъ говорилъ?». Панинъ отвѣтилъ: «Государь, я не понялъ, въ чемъ дѣло; я думалъ о горестномъ положеніи императрицы». «А вотъ дай срокъ», воскликнулъ Петръ, и затѣмъ, показавъ рукой на умирающую, прибавилъ: «Скоро я тебѣ ототкну уши и научу получше слушать».

Петръ изнурялъ солдатъ и мучилъ дурнымъ обращеніемъ. Случалось, что на ежедневныхъ ученіяхъ солдаты падали отъ изнеможенія, и Петръ приказывалъ ихъ убирать, а на ихъ мѣсто ставить другихъ. Всѣ его любимцы были глупцы или измѣнники. Вмѣстѣ съ ними онъ предавался самой грубой невоздержанности. Его любимица, дѣвица Воронцова, была некрасива, глупа, скучна и неприятна. Петръ III думалъ, что приличіе требуетъ, чтобъ у него была любимица. Говорилъ онъ только по-нѣмецки и хотѣлъ, чтобы всѣ знали этотъ языкъ; по-русски онъ говорилъ рѣдко и всегда дурно. Онъ хотѣлъ все измѣнять, все передѣлывать. Голштинія, какъ ни мала она была въ сравненіи съ обширною Россійскою Имперіею, казалась ему больше ея, и богаче, и достойнѣе его любви. Всѣ отшатнулись отъ него, всѣ негодовали на него; едва онъ воцарился, какъ всѣ стали желать другого повелителя. Неудовольствіе въ особенности распространилось между солдатами, и гвардія громко роптала на него. За нѣсколько недѣль до переворота, Панинъ вынужденъ былъ вступить съ ними въ объясненіе и обѣщать перемѣну, лишь бы воспрепятствовать немедленному взрыву раздраженія. Зналъ ли о томъ Петръ, или нѣтъ, только онъ дѣйствовалъ попрежнему, что и побудило Панина за 4 недѣли до переворота, озаботиться предоставленіемъ престола другому лицу безъ пролитія крови и не причиняя несчастія многимъ лицамъ.

(«Русс. Архивъ» 1879 г., т. I, стр. 3?3—364.)

28. Письма Петра III

(послѣ сверженія.)

I.

Сударыня.

Я прошу ваше величество быть увѣренной во мнѣ и не отказать снять караулы отъ второй комнаты, такъ какъ комната, въ которой я нахожусь, такъ мала, что я едва могу въ ней двигаться. И такъ какъ вамъ

извѣстно, что я всегда хожу по комнатѣ, и то отъ этого распухнутъ у меня ноги. Еще я васъ прошу не приказывать, чтобы офицеры находились въ той же комнатѣ со мной, когда я имѣю естественныя надобности — это невозможно для меня; въ остальномъ я прошу ваше величество поступать со мной по меньшей мѣрѣ, какъ съ большимъ злодѣемъ, не думая никогда его этимъ оскорбить. Отдаваясь вашему великодушію, я прошу отпустить меня въ скоромъ времени съ извѣстными лицами въ Германію. Богъ ей заплатитъ непремѣнно.

Вашъ нижайшій слуга Петръ.

P. S. Ваше величество можетъ быть увѣренной во мнѣ, что я ни подумаю ничего, ни сдѣлаю ничего, что могло бы быть противъ ея особы или ея правленія.

II.

Ваше Величество.

Если вы совершенно не желаете смерти человѣку, который достаточно уже несчастенъ, имѣйте жалость ко мнѣ и оставьте мнѣ мое единственное утѣшеніе — Елизавету Романовну. Вы этимъ сдѣлаете большое милосердіе вашего царствованія; если же ваше величество пожелало бы меня видѣть, то я былъ бы совершенно счастливъ.

Вашъ нижайшій слуга Петръ.

III. [1]

Ваше Величество.

Я еще прошу меня, которой Ваше воле исполнялъ во всемъ, отпустить меня въ чужіе краи стеми, которие я Ваше величество прежде просилъ и надеюсь на ваше великодушие, что вы меня не оставите безъ пропитанія.

Верный слуга Петръ.

(«Переворотъ 1762 г.», изд. «Образованія».)

---

29. Письма Орлова изъ Ропши. [1]

I.

Матушка Милостивая Государыня, здравствовать вамъ мы все желаемъ нещетныя годы. Мы теперь по отпускѣ сего письма і со всею командою благополучны, только уродъ нашъ очень занемогъ і схватила Ево нечаяная колика, і я опасенъ, штобъ онъ севоднишную ночь не умеръ, а больше опасаюсь, штобъ не ожилъ. Первая опасность для того, што онъ всё здоръ говоритъ і намъ ето несколько весело, а другая опасность, што онъ действительно для насъ всехъ опасенъ для тово што онъ іногда такъ отзывается хотя в прежнемъ состоянии бытъ.

Везлу Імянова вашего повеленія я солдатамъ денги за полгода отдалъ, такожъ і ундерафицерамъ, кроме одного Патіомкина вахмистра для того што служитъ бесжалованья. І салдаты некоторые сквозь слезы говорили про милость вашу, што оне еще такова для васъ не заслужили за шобъ іхъ такъ вкороткое время награждать іх. При семъ посылаю списокъ вамъ всей команде, которая теперь здесь, а тысячи рублиовъ матушка не достало і я дополнилъ червонными, і у насъ здесь было много смеха надъ гранодерами объ червонныхъ, когда оне у меня брали, иные просили для того што не видовали и опять іхъ отдавали, думая, што оне ничево не стоятъ. Посланный Чертковъ къ вашему величеству обратно еще къ намъ не бывалъ и для того я опоздалъ васъ репортовать, а сие пишу во вторникъ вдевятомъ часу вполовине.

Посмерть вашъ верный рабъ

Алексей Орловъ.

II.

Матушка наша, милостивая Государыня, не знаю, што теперь начать, боясь гнева отъ вашего величества, штобъ вы чево на насъ негтовсго подумать не ізволили и штобъ мы не были притчиною смерти злодея вашего і всей Роси также и закона нашего, а теперь и тотъ приставленной къ нему услуги лакей Масловъ занемогъ, а онъ самъ теперь такъ боленъ, што не думаю, штобъ он дожил до вечера и почти совсемъ уже вбеспаметстве о чемъ уже и вся команда здешняя знастъ і молитъ бога, чтобъ онъ скорей снашихъ рукъ убрался, а оной Масловъ і посланной афицеръ можетъ вашему величеству донесть, вкакомъ онъ состояніи теперь ежели вы обо мне усумнится ізволете писалъ сие рабъ вашъ верны.

(подпись оторвана).

III.

Вечеромъ, часовъ в 6, нарочный, прискакавшій изъ Ропши, подалъ Екатеринѣ пакетъ отъ Алексѣя Орлова. На листѣ сѣрой, нечистой бумаги неумѣлымъ почеркомъ, пьяной рукою Алексѣя Орлова было написано:

«Матушка, милосердая Государыня. Какъ мнѣ изъяснить, описать, что случилось: не повѣришь верному своему рабу; но какъ перед Богомъ скажу истину. Матушка! Готов итти на смерть; но сам не знаю, какъ эта бѣда случилась. Погибли мы, когда ты не

[1] Печатается съ соблюденіемъ орфографіи подлинника.

помилуешь. Матушка его нѣтъ на свѣтѣ... Но никто сего не думал, и какъ нам задумать поднять руки на Государя. Но, Государыня, свершилась бѣда. Онъ заспорилъ за столомъ съ князь Федором Барятинскимъ: не успели мы разнять, а его и не стало. Сами не помнимъ, что делали; но всѣ до единого виноваты, достойны казни. Помилуй меня, хоть для брата. Повинную тебѣ принес, и разыскивать нечего. Прости или прикажи скорее окончить. Свѣтъ немилъ: прогнѣвили тебя и погубили души на вѣкъ».

(Бильбасовъ, «Исторія Екатерины Второй», т. II, стр. 128—129).

(«Переворотъ 1762 г.» изд. «Образованія».)

---

30. Смерть Петра III.

(По разсказу Рюльера.)

Уже прошло 6 дней послѣ революціи и сіе великое происшествіе казалось конченнымъ такъ, что никакое насиліе не оставило непріятныхъ впечатлѣній. Петръ содержался въ прекрасномъ домѣ, называемомъ Ропша, въ шести миляхъ отъ Петербурга. Въ дорогѣ онъ спросилъ карты и состроилъ изъ нихъ родъ крѣпости, говоря: «я въ жизнь свою болѣе ихъ не увижу». Пріѣхавъ въ свою деревню, онъ спросилъ свою скрипку, собаку и негра.

Но солдаты удивлялись своему поступку и не понимали, какое очарованіе руководило ихъ къ тому, что они лишили престола внука Петра Великаго и возложили его корону на нѣмку. Большая часть безъ цѣли и мысли были увлечены движеніемъ другихъ, и когда всякій вошелъ въ себя и удовольствіе располагать короною миновало, то почувствовали угрызенія. Матросы, которыхъ не льстили ничѣмъ во время бунта, упрекали публично въ кабачкахъ гвардейцевъ, что они на пиво продали своего императора, и состраданіе, которое оправдываетъ и самыхъ величайшихъ злодѣевъ, говорило въ сердцѣ каждаго. Въ одну ночь, приверженная къ императрицѣ толпа солдатъ взбунтовалась отъ пустого страха, говоря: «что ихъ матушка въ опасности». Надлежало ее разбудить, чтобы они ее видѣли. Въ слѣдующую ночь новое возмущеніе еще опаснѣе; однимъ словомъ, пока жизнь императора подавала поводъ къ мятежамъ, то думали, что нельзя ожидать спокойствія.

Одинъ изъ графовъ Орловыхъ (ибо съ перваго дня имъ дано было сіе достоинство), солдатъ, извѣстный по находящемуся на лицѣ знаку, и нѣкто по имени Тепловъ, достигшій изъ нижнихъ чиновъ по особому дару губить своихъ соперниковъ, пришли вмѣстѣ къ несчастному сему государю и объявили при входѣ, что они намѣрены съ нимъ обѣдать. По обыкновенію русскому передъ обѣдомъ подали рюмки съ водкою и представленная императору была съ ядомъ. По тому ли, что они спѣшили доставить свою новость или ужасъ злодѣянія понуждалъ ихъ торопиться, черезъ минуту они налили ему другую. Уже пламя распространялось по его жиламъ и злодѣйство, изображенное на ихъ лицахъ, возбудило въ немъ подозрѣніе — онъ отказался отъ другой, они употребили насиліе, а онъ противъ нихъ оборону. Въ сей ужасной борьбѣ, чтобы заглушить его крики, которые раздавались далеко, они бросились на него, схватили его за горло и повергли его на землю; но какъ онъ защищался всѣми силами, какія придаетъ послѣднее отчаяніе, а они избѣгали всячески, чтобы не нанести ему раны, опасаясь за сіе наказанія, то и призвали на помощь къ себѣ двухъ офицеровъ, которымъ поручено было его караулить и которые въ сіе время стояли у дверей внѣ тюрьмы. Это былъ младшій князь Барятинскій и нѣкто Потемкинъ, 17-лѣтъ отъ роду. Они показали такое рвеніе въ заговорѣ, что, несмотря на ихъ первую молодость, имъ ввѣрили сію стражу. Они прибѣжали, и трое изъ сихъ убійцъ, обвязавъ и стянувши салфеткою шею сего несчастнаго императора, между тѣмъ какъ Орловъ обѣими колѣнями давилъ ему грудь и запёръ дыханіе: такимъ образомъ его задушили и онъ испустилъ духъ въ рукахъ ихъ.

Нельзя достовѣрно сказать, какое участіе принимала императрица въ семъ приключеніи; но извѣстно то, что въ сей самый день, когда сіе случилось, государыня садилась за столъ съ отмѣнной веселостью.

Вдругъ является тотъ самый Орловъ, растрепанный, въ потѣ и пыли, въ изорванномъ платьѣ и съ безпокойнымъ лицомъ, исполненнымъ ужаса и торопливости. Войдя въ комнату, сверкающіе и быстрые глаза его искали императрицы. Не говоря ни слова, она встала, пошла въ кабинетъ, куда и онъ послѣдовалъ; черезъ нѣсколько минутъ она позвала къ себѣ графа Панина, который былъ уже наименованъ ея министромъ. Она извѣстила его, что государь умеръ, и совѣтовалась съ нимъ, какимъ образомъ публиковать о его смерти народу. Панинъ совѣтовалъ пропустить одну ночь и на другое утро объявить сію новость, какъ будто сіе случилось ночью. Принявъ сей совѣтъ, императрица возвратилась съ тѣмъ же лицомъ и продолжала обѣдать съ тою же веселостью. На утро, когда узнали, что Петръ

умеръ отъ геморроидальной колики. Она показалась орошенная слезами и возвѣстила печаль свою указомъ.

Тѣло покойнаго было привезено въ Петербургъ и выставлено напоказъ. Лицо черное и шея уязвленная. Несмотря на сіи ужасные знаки, чтобы усмирить возмущенія, которыя начинали обнаруживаться, и предупредить, чтобы самозванцы подъ его именемъ не потрясли бы нѣкогда имперію, его показывали три дня народу въ простомъ нарядѣ голштинскаго офицера. Его солдаты, получивъ свободу, но безъ оружія, мѣшались въ толпѣ народа и, смотря на своего государя, обнаруживали въ лицахъ своихъ жалость, презрѣніе, нѣкоторый родъ стыда и поздняго раскаянія.

Скоро ихъ посадили на суда и отправили въ свое отечество; но по роковому дѣйствію на нихъ жестокой ихъ судьбы бури потопила почти всѣхъ сихъ несчастныхъ. Нѣкоторые спасались на ближайшихъ скалахъ и берегу, но были тоже потоплены тѣмъ временемъ, какъ Кронштадтскій губернаторъ посылалъ въ Петербургъ спросить, позволено ли будетъ имъ помочь.

(«Переворотъ 1762 г.,» изд. «Образованія».)

II. Комиссія 1767 года.

31. Наказъ Комиссіи о составленіи проекта Новаго Уложенія.

Глава II.

8. Россійскаго государства владѣнія простираются на 32 степени широты, и на 165 степеней долготы по земному шару.

9. Государь есть самодержавный: ибо никакая другая, какъ только соединенная въ его особѣ власть не можетъ дѣйствовать сходно со пространствомъ толь великаго государства.

10. Пространное государство предполагаетъ самодержавную власть въ той особѣ, которая онымъ правитъ. Надлежитъ, чтобы скорость въ рѣшеніи дѣлъ изъ дальнихъ странъ присылаемыхъ награждала медленіе отдаленностію мѣстъ причиняемое.

11. Всякое другое правленіе не только было бы Россіи вредно, но и въ конецъ разорительно.

12. Другая причина та, что лучше повиноваться законамъ подъ однимъ господиномъ, нежели угождать многимъ.

13. Какій предлогъ самодержавнаго правленія? Не тотъ, чтобъ у людей отнять естественную ихъ вольность, но чтобы дѣйствія ихъ направити къ полученію самаго большаго ото всѣхъ добра.

14. И такъ правленіе къ сему концу достигающее лучше прочихъ, и при томъ естественную вольность меньше другихъ ограничивающее, есть то, которое наилучше сходствуетъ съ намѣреніями въ разумныхъ тваряхъ предполагаемыми, и соотвѣтствуетъ концу, на который въ учрежденіи гражданскихъ обществъ взираютъ неотступно.

15. Самодержавныхъ правленій намѣреніе и конецъ есть слава гражданъ, государства и государя.

Instruction...

Chapitre II.

8. Les possessions de l'Empire de Russie occupent sur le globe une étendue de 32 dégrés en latitude et de 165 en longitude.

9. Le Monarque de Russie est Souverain. Il n'y a qu'un pouvoir unique, résidant en sa personne, qui puisse agir convenablement à l'étendue d'un Empire aussi vaste.

10. Un grand Empire suppose une autorité souveraine dans la Personne qui le gouverne. Il faut, que la promptitude des résolutions supplée à la distance des lieux, où elles sont envoyées.

11. Tout autre gouvernement, non seulement seroit nuisible à la Russie, mais il entraineroit même, à la fin, sa ruine.

12. Joignez à cela qu' il vaut mieux obéïr aux Loix sous un seul Maître, que de dépendre de plusieurs.

13. Quel est l'objet de la souveraineté? Ce n'est point d'ôter aux hommes leur liberté naturelle; c'est de diriger leurs actions vers le plus grand de tous les biens.

14. Or le gouvernement qui produit le plus efficacement cet effet, en limitant le moins la liberté naturelle, est celui qui répond le mieux aux vues qu'on doit supposer dans des êtres raisonnables, et au but que les hommes se proposent constamment dans l'établissement des Sociétés civiles.

15. L'objet et le but d'un Gouvernement Monarchique est la gloire des Citoyens, de l'Etat et du Prince.

16. Но от сея славы происходитъ въ народѣ единоначаліемъ управляемомъ разумъ вольности, который въ державахъ сихъ можетъ произвести столько же великихъ дѣлъ, и столько споспѣшествовать благополучію подданныхъ, какъ и самая вольность.

16. Et de cette gloire il résulte un ésprit de liberté, qui, dans ces Etats, peut produire d'aussi grandes choses, et, peut-être, contribuer autant au bonheur des sujets que la liberté même.

Глава X.

О обрядѣ криминальнаго суда.

192. Вопросъ III. Пытка не нарушаетъ ли справедливости, и приводитъ ли она къ концу намѣреваемому законами?

193. Суровость, утвержденная употребленіемъ весьма многихъ народовъ, есть пытка, производимая надъ обвиняемымъ, во время устроиванія судебнымъ порядкомъ дѣла его, или чтобъ вымучить у него собственное его въ преступленіи признаніе, или для объясненія противурѣчій, которыми онъ въ допросѣ спутался, или для принужденія его объявлять своихъ сообщниковъ, или ради открытія другихъ преступленій, въ которыхъ его не обвиняютъ, въ которыхъ однако жъ онъ можетъ быть виновенъ.

194. 1) Человѣка не можно почитать виноватымъ прежде приговора судейскаго, и законы не могутъ его лишить защиты своей прежде, нежели доказано будетъ, что онъ нарушилъ оныю. Чего ради какое право можетъ кому дать власть налагати наказаніе на гражданина въ то время, когда еще сомнительно, правъ ли онъ или виноватъ? Не очень трудно заключеніями дойти къ сему соразсужденію. Преступленіе или есть извѣстное, или нѣтъ. Ежели оно извѣстно, то не должно преступника наказывать инако, какъ положеннымъ въ законѣ наказаніемъ; и такъ пытка не нужна. Есть ли преступленіе не извѣстно, такъ не должно мучить обвиняемаго по той причинѣ, что не надлежитъ невиннаго мучить, и что по законамъ тотъ не виненъ, чье преступленіе не доказано. Весьма нужно, безъ сомнѣнья, чтобъ никакое преступленіе, ставши извѣстнымъ, не осталось безъ наказанія. Обвиняемый, терпящій пытку, не властенъ надъ собою въ томъ, чтобъ онъ могъ говорить правду. Можно ли больше вѣрить человѣку, когда онъ бредитъ въ горячкѣ, нежели когда онъ при здравомъ разсудкѣ и въ добромъ здоровьи? Чувствованіе боли можетъ возрасти до такой степени, что, совсѣмъ овладѣвъ всею душею, не оставитъ ей больше ни какой свободы производить какое либо ей приличное дѣйствіе, кромѣ какъ въ то же самое мгновеніе ока предпріять самый кратчайшій путь, коимъ бы отъ той боли избавиться. Тогда и невинный закричитъ, что онъ виноватъ, лишь бы только мучить его перестали.

Chapitre X.

De la forme des Jugemens Criminels.

192. Question III. La Question ne blesse t'elle pas la Justice, et conduit elle au but que se proposent ses Loix?

193. Une des cruautés, consacrées par l'usage de la plus grande partie des Nations, est la Question donnée à l'accusé pendant le cours de l'instruction de la procédure, ou pour tirer de lui l'aveu du crime, où pour éclaircir les contradictions dans lesquelles il est tombé, ou pour le forcer à déclarer ses complices, ou pour découvrir d'autres crimes, dont il n'est pas accusé et dont il pourroit être coupable.

194. (1) Un homme ne peut-être regardé comme criminel avant la sentence du Juge, et les Loix ne peuvent lui retirer leur protection, qu'après qu'il a été prouvé, qu'il les a violées. Quel droit peut donc autoriser à infliger une peine à un Citoyen, lorsqu'on doute encore, s'il est innocent ou coupable? Ce n'est pas un raisonnement bien difficile à saisir que celui-ci: Le délit est certain ou incertain. S'il est certain, il ne doit être puni, que de la peine fixée par la Loi, et la torture est inutile. Si le délit est incertain, on ne doit pas tourmenter l'accusé, par la raison, qu'on ne doit pas tourmenter un innocent, et que, selon les Loix, celui-la est innocent, dont le crime n'est pas prouvé. Il est important, sans doute, qu'aucun crime connu ne demeure impuni: L'Accusé mis à la question n'est pas le maître de dire la vérité. Peut on en croire un homme, quand il rêve dans la fièvre chaude, plutôt qu'un homme, qui est dans son bon sens et en santé? L'impression de la douleur peut croître à un tel dégré, qu'en occupant l'âme toute entière, elle ne lui laisse aucune liberté, aucune activité à éxercer, que de prendre, au moment même, la voie la plus courte pour écarter la douleur. Alors l'innocent criera qu'il est coupable, pour faire cesser ses tourmens; et le même moïen employé, pour distinguer l'innocent et le criminel, fera évanouir toute différence entre eux; et les Juges seront aussi incertains s'ils ont devant eux un innocent, ou un coupable,

И то же средство, употребленное для различенія невинныхъ отъ виноватыхъ, истребитъ всю между ними разность, и судьи будутъ такъ же неизвѣстны, виноватаго ли они имѣютъ предъ собою или невиннаго, какъ и были прежде начатія сего пристрастнаго распроса. По сему пытка есть надежное средство осудить невиннаго, имѣющаго слабое сложеніе, и оправдать беззаконнаго, на силы и крѣпость свою уповающаго.

195. 2) Пытку еще употребляютъ надъ обвиняемымъ для объясненія, какъ говорятъ, противурѣчій, которыми онъ спутался въ допросѣ ему учиненномъ: будто бы страхъ казни, неизвѣстность и забота въ разсужденіи, такъ же и самое невѣжество, невиннымъ и виноватымъ общее, не могли привести ко противурѣчіямъ и боязливаго невиннаго и преступника, ищущаго скрыть свое беззаконіе; будто бы противурѣчія толь обыкновенныя человѣку во спокойномъ духѣ пребывающему не должны умножаться при встревоженіи души, всей въ тѣхъ мысляхъ погруженной, какъ бы себя спасти отъ наступающей бѣды.

196. 3) Производить пытку для открытія, не учинилъ ли виноватый другихъ преступленій, кромѣ того, которое ему не доказали, есть надежное средство къ тому, что бы всѣ преступленія остались безъ должнаго имъ наказанія; ибо судья всегда новыя захочетъ открыть; впрочемъ сей поступокъ будетъ основанъ на слѣдующемъ разсужденіи: ты виноватъ въ одномъ преступленіи; такъ можетъ быть, ты еще сто другихъ беззаконій сдѣлалъ. Слѣдуя законамъ станутъ тебя пытать и мучить не только за то, что ты виноватъ, но и за то, что ты, можетъ быть, еще гораздо больше виновенъ.

197. 4) Кромѣ сего пытаютъ обвиняемаго, чтобъ объявилъ своихъ сообщниковъ.

Но когда мы уже доказали, что пытка не можетъ быть средствомъ къ познанію истины, то какъ она можетъ способствовать къ тому, чтобъ узнать сообщниковъ злодѣянія; безъ сомнѣнія, показующему на самаго себя, весьма легко показывать на другихъ.

Впрочемъ, справедливо ли мучить человѣка за преступленіе другихъ? Какъ будто не можно открыть сообщниковъ испытаніемъ свидѣтелей на преступника сысканныхъ, изслѣдованіемъ приведенныхъ противъ него доказательствъ, и самаго дѣйствія, случившагося въ исполненіи преступленія, и, наконецъ, всѣми способами, послужившими ко изобличенію преступленія, обвиняемымъ содѣяннаго?

209. Вопросъ VI. Смертная казнь полезна ль и нужна ли въ обществѣ для сохраненія безопасности и добраго порядка?

comme ils l'étoient avant cette opération. La torture est donc un sûr moyen de condamner les innocens foibles et d'absoudre les scélérats robustes.

195. (2) On applique un accusé à la Question pour éclaircir, dit on, les contradictions dans lesquelles il tombe dans les interrogatoires, qu'on lui fait subir; comme si la crainte du supplice, l'incertitude, l'embarras de se disculper, l'ignorance même commune aux innocens et aux coupables, ne pourroient pas faire tomber en contradiction et la timide innocence, et le crime, qui cherche à se cacher; comme si les contradictions, si ordinaires à l'homme tranquille, ne devroient pas se multiplier dans le trouble de l'âme absorbée toute entière dans la pensée de se sauver d'un danger si imminent.

196. (3) Donner la torture pour découvrir, si un coupable a commis d'autres crimes que celui, dont il est convaincu, c'est un moyen sûr, pour que tous les crimes restent impunis; car le Juge en voudra toujours découvrir de nouveaux, et c'est d'ailleurs se conduire d'après le raisonnement suivant: tu es coupable d'un crime; donc, il est possible, que tu en aïe commis cent autres; les Loix te feront tourmenter non seulement, parceque tu es coupable, mais parceque tu peux être encore plus coupable.

197. (4) On donne la torture à un accusé pour découvrir ses complices. Mais si nous avons prouvé, qu'elle n'est pas un moyen de connoître la vérité, comment servira t'elle à faire connoître les complices? Certainement celui, qui s'accuse lui-même, accusera les autres encore plus facilement. D'ailleurse et il juste de tourmenter un homme pour les crimes d'un autre? Comme si l'on ne pourroit pas découvrir les complices par l'éxamen des témoins, qui ont été entendus contre le criminel, des preuves, du corps du delit, et, enfin, par tous les moyens, qui ont servi à constater le crime de l'accusé.

209. Question VI. La peine de mort est elle utile et nécessaire pour la sûreté et le bon ordre d'un Etat?

210. Опыты свидѣтельствуютъ, что частое употребленіе казней никогда людей не сдѣлало лучшими. Чего для если я докажу, что въ обыкновенномъ состояніи общества смерть гражданина ни полезна ни нужна, то я преодолѣю возстающихъ противу человѣчества. Я здѣсь говорю: въ обыкновенномъ общества состояніи; ибо смерть гражданина можетъ въ едномъ только случаѣ быть потребна, сирѣчь, когда онъ лишенъ будучи вольности, имѣетъ еще способъ и силу могущую возмутить народное спокойствіе. Случай сей не можетъ имѣть мѣста, кромѣ когда народъ теряетъ, или возвращаетъ свою вольность или во время безначалія, когда самые безпорядки заступаютъ мѣсто законовъ. А при спокойномъ царствованіи законовъ, и подъ образомъ правленія соединенными всего народа желаніями утвержденнымъ, въ государствѣ противу внѣшнихъ непріятелей защищенномъ и внутри поддерживаемомъ крѣпкими подпорами, то есть силою своею и вкоренившимся мнѣніемъ во гражданахъ, гдѣ вся власть въ рукахъ самодержца, въ такомъ государствѣ не можетъ въ томъ быть никакой нужды, чтобъ отнимать жизнь у гражданина.

Двадцать лѣтъ государствованія императрицы Елисаветы Петровны подаютъ отцамъ народовъ примѣръ къ подражанію изящнѣйшій, нежели самыя блистательныя завоеванія.

210. L'expérience montre que la profusion des supplices n'a jamais rendu les hommes meilleurs. Si donc je démontre que dans l'état ordinaire de la société, la mort d'un Citoyen n'est ni utile ni nécessaire, j'aurai gagné la cause de l'humanité. Je dis, dans l'état ordinaire; car la mort d'un Citoyen peut être nécessaire en un cas; c'est lorsque, privé de la liberté, il a encore des relations et une puissance qui peuvent troubler la tranquillité de la nation. Ce cas ne peut avoir lieu, que lorsqu'une Nation perd ou recouvre sa liberté, ou dans les tems d'Anarchie, lorsque les désordres mêmes tiennent lieu des Loix. Mais pendant le règne tranquile des Loix, et sous une Forme de Gouvernement, approuvé par les voeux réunis de la Nation; dans un état défendu contre les ennemis du dehors, et soutenu au dedans par la force et par l'opinion, où l'autorité est entre les mains du Souverain, il ne peut y avoir aucune nécessité d'ôter la vie à un Citoyen. Vingt années de règne de l'Impératrice Elizabeth donnent aux Pères des Peuples un éxemple plus beau, que celui des plus brillantes conquêtes.

211. Не чрезмѣрная жестокость, и разрушеніе бытія человѣческаго производятъ великое дѣйствіе въ сердцахъ гражданъ, но непрерывное продолженіе наказанія.

212. Смерть злодѣя слабѣе можетъ воздержать беззаконія, нежели долговременный и непрерывно пребывающій примѣръ человѣка, лишеннаго своея свободы для того, чтобы наградить работою своею чрезъ всю его жизнь продолжающееся вредъ имъ сдѣланный обществу. Ужасъ, причиняемый воображеніемъ смерти, можетъ быть гораздо силенъ, но забвенію въ человѣкѣ природному оный противустоять не можетъ.

Правило общее: впечатлѣнія во человѣческой душѣ стремительныя и насильственныя тревожатъ сердце и поражаютъ, но дѣйствія ихъ долго въ памяти не остаются. Чтобы наказаніе было сходно со правосудіемъ, то не должно оному имѣть большаго степени напряженія какъ только, чтобъ оно было довольно къ отвращенію людей отъ преступленія.

И такъ я смѣло утверждаю, что нѣтъ человѣка, который бы хотя мало подумавши могъ положить въ равновѣсіи, съ одной стороны преступленіе, какія бы оно выгоды ни обѣщало, а съ другой всецѣлое и со жизнію кончащееся лишеніе вольности.

211. Ce n'est pas l'extrême sévérité de la peine ni la destruction de l'être, qui fait le plus grand effet sur l'esprit des Citoyens, mais la durée de la peine.

212. La mort d'un scélérat sera un frein moins puissant du crime, que le long et durable exemple d'un homme, privé de sa liberté, pour réparer par les travaux de toute sa vie le dommage, qu'il a fait à la société. La terreur, que cause l'idée de la mort, a beau être forte, elle ne résiste pas à l'oubli si naturel à l'homme. Règle générale: Les impressions violentes surprennent et frappent, mais leurs effets ne durent pas. Afin qu'une peine soit juste, elle ne doit avoir que le dégré d'intensité, qui suffit pour éloigner les hommes du crime. Or, je soutiens hardiment, qu'il n'y a point d'homme, qui avec un peu de reflexion, puisse balancer entre le crime, quelque avantage qu'il s'en promette, et la perte entière et perpétuelle de sa liberté.

Глава XI.

250. Гражданское общество, такъ какъ и всякая вещь, требуетъ извѣстнаго порядка. Надлежитъ тутъ быть однимъ, которые правятъ и повелѣваютъ, и другимъ, которые повинуются.

251. И сіе есть начало всякаго рода покорности. Сія бываетъ больше или меньше облегчительная, смотря на состояніе служащихъ.

252. И такъ, когда законъ естественный повелѣваетъ намъ по силѣ нашей о благополучіи всѣхъ людей пещися, то обязаны мы состояніе и сихъ подвластныхъ облегчать, сколько здравое разсужденіе дозволяетъ.

253. Слѣдовательно, и избѣгать случаевъ, чтобъ не приводить людей въ неволю, развѣ крайняя необходимость къ учиненію того привлечетъ, и то не для собственной корысти, но для пользы государственной; однако и та едва не весьма ли рѣдко бываетъ.

254. Какого бы рода покорство ни было, надлежитъ, чтобъ законы гражданскіе съ одной стороны злоупотребленіе рабства отвращали, а съ другой стороны предостерегали бы опасности, могущія оттуда произойти.

255. Несчастливо то правленіе, въ которомъ принуждены установлять жестокіе законы.

256. Петръ Первый узаконилъ въ 1722 году, чтобы безумные и подданныхъ своихъ мучащіе были подъ смотрѣніемъ опекуновъ. По первой статьѣ сего указа чинится исполненіе, а послѣдняя для чего безъ дѣйства осталася, не извѣстно.

257. Въ Лакедемонѣ рабы не могли требовать въ судѣ никакого удовольствія: и несчастіе ихъ умножалося тѣмъ, что они не одного только гражданина, но притомъ и всего общества были рабы.

258. У Римлянъ въ увѣчьи сдѣланномъ рабу не смотрѣли болѣе ни на что, какъ только на убытокъ причиненный чрезъ то господину. За одно почитали рану животинѣ нанесенную и рабу, и не принимали болѣе ничего въ разсужденіе, какъ только сбавку цѣны: и то обращалося въ пользу хозяину, а не обиженному.

259. У Аөинянъ строго наказывали того, кто съ рабомъ поступалъ свирѣпо.

260. Не должно вдругъ и чрезъ узаконеніе общее дѣлать великаго числа освобожденныхъ.

261. Законы могутъ учредить нѣчто полезное для собственнаго рабовъ имущества.

Chapitre XI.

250. La Société civile, de même que tout autre établissement, éxige un certain ordre. Il faut, qu'il y ait des personnes, qui gouvernent et qui commandent, et d'autres qui obéisssent.

251. Voila l'origine de toutes les espèces de dépendances; elle est plus ou moins dure, suivant la condition de ceux, qui obéissent.

252. Or, puisque la Loi naturelle nous commande de contribuer, autant qu'il est en nous, au bien être de tous les hommes, nous sommes obligés de soulager la condition de ceux, qui nous sont soumis, autant que la saine raison le permet.

253. Par conséquent, d'éviter de réduire les hommes à l'état d'esclavage, à moins que la nécessité ne le demande absolument, et cela non pour l'intérêt particulier, mais pour celui de l'Etat. Encore est-ce une question de savoir s'il arrive souvent que l'Etat en retire de l'avantage?

254. De quelque nature que soit la dépendance, il faut, que les Loix civiles cherchent à en ôter, d'un côté, les abus, de l'autre les dangers.

255. C'est un malheur du gouvernement, lorsqu'il se voit contraint de faire des Loix trop sévères.

256. Pierre I ordonna, par une Loi de l'Année 1722, que les insensés et ceux qui tirannisent leurs serfs seroient mis sous tutelle. Le premier paragraphe de cette Loi est suivi, mais on ignore, pourquoi l'autre ne l'est pas?

257. A Lacédémone, les esclaves ne pouvoient avoir aucune justice. L'excès de leur malheur étoit tel, qu'ils n'étoient pas seulement esclaves d'un Citoyen, mais encore du public.

258. A Rome, quand il étoit question de blessures faites à un esclave, on ne considéroit que l'intérêt du maître. On confondoit la blessure faite à une bête et celle faite à un esclave; on n'avoit attention qu'à la diminution du prix; ce qui encore ne tournoit qu'au profit du maître et non à celui de l'offensé.

259. A Athènes, on punissoit sévèrement celui, qui exerçoit des cruautés à l'égard d'un esclave.

260. Il ne faut pas faire tout à coup et par une Loi générale un nombre considérable d'affranchissemens.

261. Les Loix peuvent favoriser le pécule des esclaves.

262. Окончимъ все сіе, повторяя правило то, что правленіе весьма схоjственное съ естествомъ есть то, котораго частное расположеніе соотвѣтствуетъ лучше расположенію народа, ради котораго оно учреждается.

263. При чемъ однако весьма же нужно, чтобы предупреждены были тѣ причины, кои столь часто приводили въ непослушаніе рабовъ противъ господъ своихъ; не узнавъ же сихъ причинъ, законами упредить подобныхъ случаевъ нельзя, хотя спокойство однихъ и другихъ отъ того зависитъ.

Глава XII.

О размноженіи народа въ государствѣ.

265. Россія не только не имѣетъ довольно жителей, но обладаетъ еще чрезмѣрнымъ пространствомъ земель, которыя ни населены, ниже обработаны. Итакъ, не можно сыскать довольно ободреній къ размноженію народа въ государстве.

266. Мужики большою частію имѣютъ по двѣнадцати, пятнадцати и до двадцати дѣтей изъ одного супружества; однако рѣдко и четвертая часть оныхъ приходитъ въ совершенный возрастъ. Чего для непремѣнно долженъ тутъ быть какой нибудь порокъ или въ пищѣ, или во образѣ ихъ жизни, или въ воспитаніи, который причиняетъ гибель сей надеждѣ государства. Какое цвѣтущее состояніе было бы сея державы, есть ли бы могли благоразумными учрежденіями отвратить или предупредить сію пагубу!

269. Кажется еще, что новозаведенный способъ отъ дворянъ сбирать свои доходы, въ Россіи уменьшаетъ народъ и з е м л е д ѣ л і е. Всѣ деревни почти на оброкѣ. Хозяева, не бывъ вовсе или мало въ деревняхъ своихъ, обложатъ каждую душу по рублю, по два и даже до пяти рублей, не смотря на то, какимъ способомъ ихъ крестьяне достаютъ сіи деньги.

270. Весьма бы нужно было предписать помѣщикамъ закономъ, чтобъ они съ большимъ разсмотрѣніемъ располагали свои поборы, и тѣ бы поборы брали, которые менѣе мужика отлучаютъ отъ его дому и семейства. Тѣмъ бы распространилось больше земледѣліе, и число бы народа въ государствѣ умножилось.

271. А нынѣ иной земледѣлецъ лѣтъ пятнадцать дома своего не видитъ, а всякій годъ платитъ помѣщику свой оброкъ, промышляя

262. Finissons cet article en répétant le principe que le gouvernement le plus conforme à la nature est celui dont la disposition particulière se rapporte le mieux à la disposition du Peuple, pour lequel il est établi.

263. Il est très nécessaire cependant, en outre, de prévenir les causes, qui ont occasionné si souvent les révoltes des serfs contre leurs maîtres; car, si l'on ne connôit pas ces causes, il n'est pas possible d'obvier par des Loix à des cas pareils; quoi que la tranquilité des uns et des autres en dépendent.

Chapitre XII.

De la population.

265. La Russie, loin d'avoir assez d'habitans, possède une étendue immense de Païs, qui ne sont ni peuplés ni cultivés. On n'y sauroit, par conséquent, trop favoriser la Population.

266. Nos Païsans, pour la plus part, ont douze, quinze et jusqu'à vingt enfans d'un seul mariage; mais rarement la quatrième partie parvient à l'âge viril. Il faut donc, qu'il y ait un vice, ou dans leur nourriture, ou dans leur façon de vivre, ou dans l'education, qui fasse périr cette espérance de l'Empire. Quel ne seroit pas l'état florissant de la Russie, si nous pouvions, par de sages règlemens, empêcher ou prévenir cette perte!

269. Il semble encore que la nouvelle manière, que les Gentils-hommes de Russie emploïent pour percevoir leurs revenus, diminue la Population et l' A g r i c u l t u r e. Presque toutes les terres païent leur redevance en argent. Les Maîtres qui ne vivent point du tout, ou, du moins, rarement dans leurs terres, taxent chaque Païsan à un, à deux et jusqu'à cinq roubles par tête; sans se mettre en peine, par quel moyen le Païsan se met en état de païer cet argent.

270. Il seroit très nécessaire d'ordonner par une Loi, aux Maîtres de règler avec plus de discernement l'imposition des charges de leurs Païsans, et d'une manière qui les éloignat moins de leur maison et de leur famille. L'Agriculture et la Population y gagneroient.

271. Au lieu qu'à présent, nombre de Cultivateurs restent éloignés des quinze années de leur maison, et rôdent presque par

въ обстоятельствахъ, отъ [illegible] бро[illegible] [illegible].

273. [illegible] сти люди [illegible].

274. Вездѣ, гдѣ есть мѣсто, въ которомъ могутъ выгодно жить, тутъ люди умножаются.

275. Но страна, которая податьми столь много отягчена, что рачительно и трудолюбно своимъ люди съ великою нуждою могутъ найти себѣ пропитаніе, чрезъ долгое время должна обнищать быть отъ жителей.

276. Гдѣ люди не для иного чего убоги, какъ только, что живутъ подъ тяжкими законами, и земли свои почитаютъ не столько за основаніе къ содержанію своему, какъ за подлогъ къ удрученію, въ такихъ мѣстахъ народъ не размножается: они сами для себя не имѣютъ пропитанія, такъ какъ имъ можно подумать отъ онаго удѣлить еще своему потомству? Они не могутъ сами въ своихъ болѣзняхъ пользоваться надлежащимъ присмотромъ, такъ какъ же имъ можно воспитывать твари, находящіяся въ безпрерывной болѣзни, то есть, во младенчествѣ? Они закапываютъ въ землю деньги свои, боясь пустити оныя въ обращеніе; боятся богатыми казаться; боятся, чтобъ богатство не навлекло на нихъ гоненія и притѣсненій.

278. Зло есть почти неисцѣлимое, когда обнищаніе государства отъ жителей происходитъ отъ долгихъ временъ по причинѣ внутренняго пѣнюваго порока и худаго правленія. Люди тамъ исчезли чрезъ нечувствительную и почти въ природу уже преобратившуюся болѣзнь: родившіеся въ уныніи и бѣдности, въ насиліи, или въ принятыхъ правительствомъ лживыхъ разсужденіяхъ, видѣли они свое истребленіе, часто не примѣтивъ причинъ истребленія своего.

Глава XV.

О дворянствѣ.

358. Земледѣльцы живутъ въ селахъ и деревняхъ и обрабатываютъ землю, изъ которой произрастающіе плоды питаютъ всякаго состоянія людей, и сей есть ихъ жребій.

359. Въ городахъ обитаютъ мѣщане, которые упражняются въ ремеслахъ, въ торговлѣ, въ художествахъ и наукахъ.

360. Дворянство есть нарицаніе въ чести, различающее отъ прочихъ тѣхъ, кои онымъ украшены.

361. Какъ между людьми одни были добродѣтельнѣе другихъ, а при томъ и заслугами

[illegible] pour l'échet [illegible] quoi [illegible].

273. [illegible] dans un [illegible] des Citoyens s'y accroit [illegible].

274. Partout, où il se trouve une place, où l'on peut vivre commodément, les hommes se multiplient.

275. Un Païs, qui est si fort chargé d'impôts, que l'industrie et l'activité n'y trouvent la subsistance que difficilement, doit se dépeupler à la longue.

276. Là où les hommes ne sont pauvres, que parce qu'ils vivent sous des Loix dures, et qu'ils regardent leur champ moins comme le fondement de leur subsistance, que comme un prétexte à la véxation; dans ces contrées, dis-je, les hommes ne se multiplient pas. Ils n'ont pas même leur nourriture, comment pourroient-ils songer à en faire part à leur postérité? Ils ne peuvent se soigner dans leurs maladies, comment pourroient ils élever des créatures, qui sont dans une maladie continuelle, savoir dans l'enfance? Ils enfouissent dans la terre leur argent; ils ont peur de le faire valoir; ils craignent de paroître riches, et que les richesses ne leur attirent de la persécution et des vexations.

278. Le mal presqu'incurable, c'est lorsque la dépopulation vient de longue main, par un vice intérieur et un mauvais gouvernement. Les hommes ont péri par une maladie insensible et habituelle. Nés dans l'abattement et dans la misère, sous la violence, ou le règne de faux principes adoptés par le gouvernement, ils se sont vus détruire, souvent sans sentir les causes de leur destruction.

Chapitre XV.

De la Noblesse.

358. Les Laboureurs vivent dans les hameaux et les villages, et cultivent la terre, dont le produit nourrit tous les etats; voila leur lot.

359. Les villes sont habitées par des Bourgeois, qui s'occupent des métiers, du commerce, des arts et des Sciences.

360. La Noblesse est un titre d'honneur qui distingue du commun des hommes ceux, qui en sont décorés.

361. Comme parmi les hommes il y en a eu de plus vertueux les uns que les

отличались, то принято издревле отличить добродѣтельнѣйшихъ и болѣе другихъ служащихъ людей, давъ имъ сіе нарицаніе въ честь, и установлено, чтобъ они пользовались разными преимуществами, основанными на сихъ выше сказанныхъ начальныхъ правилахъ.

autres, et qui se sont fait un Nom par leurs mérites, il a été d'usage de tout tems de distinguer les plus vertueux, ainsi que ceux, qui ont rendu le plus de services, en leur donnant ce titre d'honneur, et il a été réglé de les faire joüir de differens privilèges fondés sur les principes ci-dessus mentionnés.

Глава XX.

Правила весьма важныя и нужныя.

494. Въ толь великомъ государствѣ распространяющемъ свое владѣніе надъ толь многими разными народами весьма бы вредный для спокойствія и безопасности своихъ гражданъ былъ порокъ, запрещеніе или недозволеніе ихъ различныхъ вѣръ.

495. И нѣтъ подлинно инаго средства кромѣ разумнаго иныхъ законовъ дозволенія, православною нашею вѣрою и политикою неотвергаемаго, которымъ бы можно всѣхъ сихъ заблуждшихъ овецъ паки привести къ истинному вѣрныхъ стаду.

496. Гоненіе человѣческіе умы раздражаетъ, а дозволеніе вѣрить по своему закону умягчаетъ и самыя жестоковыйныя сердца, и отводитъ ихъ отъ заматерѣлаго упорства, утушая споры ихъ противные тишинѣ государства и соединенію гражданъ.

520. Все сіе не можетъ понравиться ласкателямъ, которые по вся дни всѣмъ земнымъ обладателямъ говорятъ, что народы ихъ для нихъ сотворены. Однакожъ мы думаемъ и за славу себѣ вмѣняемъ сказать, что мы сотворены для нашего народа, и по сей причинѣ мы обязаны говорить о вещахъ такъ, какъ они быть должны. Ибо, боже сохрани, чтобы послѣ окончанія сего законодательства былъ какой народъ больше справедливъ, и слѣдовательно больше процвѣтающъ на землѣ: намѣреніе законовъ нашихъ было бы не исполнено: несчастіе, до котораго я дожить не желаю.

Chapitre XX.

Maximes, très importantes et très nécessaires.

494. Dans un aussi grand Empire, et qui étend sa domination sur autant de Peuples divers, la faute la plus nuisible au repos et à la tranquilité de ses Citoyens seroit l'intolérance à l'égard de leurs différentes Religions.

495. Il n'y a même qu'une sage tolérance, avouée de la Religion orthodoxe et de la Politique, qui puisse ramener ces brebis égarées au vrai troupeau des fidèles.

496. La persécution irrite les ésprits; la tolérance adoucit les coeurs les plus endurcis et les ramène de l'obstination la plus invétérée, en étouffant leurs disputes, contraires au repos de l'Etat et à l'union des Citoyens.

520. Tout ceci ne sauroit plaire aux flatteurs, qui disent tous les jours à tous les Princes de la terre que leurs peuples sont créés pour eux. Quant à nous, nous croyons et nous nous faisons Gloire de le dire, que nous sommes créés pour notre Peuple, et obligés, par cette raison de dire les choses telles qu'elles doivent être. Car à dieu ne plaise qu'après que les loix que nous nous proposons de faire établir seront achevées, il y ait une Nation plus juste et par conséquent plus heureuse sur la terre. Le but de nos Loix auroit été manqué, malheur auquel je ne souhaite pas de survivre!

(«Наказъ» Екатерины II, изд. Акад. Наукъ.)

32. Черновой набросокъ XI главы Наказа.

Гражданское общество, такъ какъ и всякая вещь, требуетъ извѣстнаго порядка. Надлежитъ тутъ быть однимъ, которые правятъ и повелѣваютъ, а другимъ, которые повинуются. И сіе есть начало всякаго рода покорства. Оно бываетъ больше или меньше [illegible], смотря на подчиненность служащихъ, [illegible] она безпредѣльна. И такъ когда законъ [illegible] повелѣваетъ намъ по силѣ нашей о благополучіи всѣхъ людей пещись какъ вообще, такъ и каждаго особливо, то обязаны мы состояніе служащихъ [illegible] облегчать сколько [illegible] слѣдовательно и избѣгать [illegible], чтобъ не [illegible] людей въ рабство, [illegible] крайняя необходимость [illegible] и [illegible] къ учиненію того привлечетъ, и то не для особенной корысти.

*

но развѣ общественная или государственная необходимость того требуетъ.

Два рода службы, одна существенная, другая личная, то-есть крестьянство и холопство.

1) Существенная соединяетъ крестьянъ неразлучно съ участкомъ земли, имъ данной. Такіе рабы были у германцевъ по описанію Тацита. Они не служили въ должностяхъ при домахъ господскихъ, а давали господину своему извѣстное количество хлѣба, скота, домашняго рукодѣлія и пр., и далѣе ихъ подданство не простиралося. Такая служба и теперь введена въ Венгріи, въ Чесской землѣ и во многихъ мѣстахъ Нижней Германіи.

2) Собственная служба или холопство сопряжено съ услуженіемъ въ домѣ и принадлежитъ больше къ лицу или къ особѣ.

Великое злоупотребленіе есть, когда холопство въ одно время и личное и существенное. Таковы были рабы (илоты) у Лакедемонянъ: на нихъ налагалися всѣ труды внѣ дому господскаго, и въ домѣ всякимъ нападкамъ они были подвержены.

Какого бы рода крѣпостные ни были, надлежитъ, чтобъ законы гражданскіе съ одной стороны злоупотребленіе искореняли, а съ другой стороны отвращали бы опасность, могущую отъ того произойдти.

Правительство должно стараться о томъ, чтобы крѣпостной имѣлъ пищу и одежду; и сіе надлежитъ учредить закономъ.

Законы должны и о томъ имѣть попеченіе, чтобы они въ болѣзняхъ и въ старости ихъ не были оставлены. Клавдій Цесарь римскій, узаконилъ рабамъ, оставленнымъ во время ихъ болѣзни отъ господъ своихъ, быть свободнымъ, когда выздоровѣютъ. Сей законъ утверждалъ рабамъ свободу; но надлежало бы еще утвердить закономъ и сохраненіе ихъ жизни. Когда законъ дозволяетъ господину отнимать жизнь у своего раба или наказывать его жестокимъ образомъ, то сіе долженъ онъ употреблять какъ судья, а не какъ господинъ.

Надлежитъ, чтобы закономъ предписанъ былъ въ производствѣ дѣла сего порядокъ, по которому бы не оставалось никакого подозрѣнія о учиненіи рабу насилія. Когда въ Римѣ запрещено было отцамъ лишать жизни дѣтей своихъ, то правительство дѣлало дѣтямъ наказаніе, какое отецъ хотѣлъ предписать. Благоразумно было бы, естъ ли бы въ разсужденіи господина и раба подобное введено было въ употребленіе.

Въ Россійской Финляндіи выбранные семь или осьмь крестьянъ во всякомъ погостѣ составляютъ судъ, въ которомъ судятъ о всѣхъ преступленіяхъ. Съ пользою подобный способъ можно бы употребить для уменьшенія домашней суровости многихъ помѣщиковъ, или слугъ, ими посылаемыхъ на управленіе деревень ихъ безпредѣльное, что часто разорительно деревнямъ и народу и вредно государству, когда отъ нихъ удрученные крестьяне принуждены бываютъ лишиться неволею своего отечества побѣгами. Въ Англіи никто не можетъ быть осужденъ иначе, какъ двѣнадцатью особами ему равными, законъ, который можетъ воспрепятствовать сильно всякое мучительство и насиліе...

Несчастливо то правленіе, въ которомъ владычествующіе принуждены установлять жестокіе законы. Причина сему, что повиновеніе сдѣлалось несноснымъ игомъ, такъ необходимо надлежало и наказаніе увеличить или сомнѣваться о вѣрности.

Благоразумный законодавецъ предостерегается сколь возможно отъ того несчастья, чтобъ не сдѣлаться законодавцемъ, страхъ и ужасъ наводящимъ. Для того, что рабы у римлянъ не могли полагать упованія на законы, то и законъ не могъ въ нихъ имѣть упованія. Но какой то народъ, въ которомъ законы гражданскіе противуборствуютъ праву естественному.

Былъ у грековъ законъ, по которому рабы, жестокостію господъ своихъ убѣжденные, могли требовать, чтобы они другому были проданы. Въ послѣднія времена былъ подобный законъ въ Римѣ: «господинъ, огорченный противу своего раба, и рабъ противъ господина своего огорченный, должны быть разлучены». Сей законъ служилъ къ безопасности хозяина и раба.

Петръ Великій узаконилъ въ 1722 г. чтобъ безумные и подданныхъ своихъ мучащіе представить сенату для опредѣленія таковымъ опекуновъ, первая статья сего указу слѣдуютъ, а послѣдняя безъ дѣйства осталась.

Законы Платоновы и многихъ другихъ народовъ отъемлютъ у рабовъ естественное защищеніе; и такъ надлежитъ имъ дать защищеніе гражданское. Въ Лакедемонѣ рабы не могли требовать въ судѣ никакого удовольствія за нападки и обиды имъ учиненныя. И несчастіе ихъ чрезмѣрно умножалось тѣмъ, что они не одного только гражданина, но притомъ и всего общества были рабы. У римлянъ въ обидѣ, сдѣланной рабу, не смотрѣли болѣе ни на что, какъ только на вредъ, причиненный чрезъ то господину. За одно почитали рану, животинѣ нанесенную и рабу, и не принимали болѣе ничего въ разсужденіе, какъ только уменьшеніе цѣны, и та обратилась въ пользу хозяину, а не обиженному. У афинянъ строго, а иногда и смертною казнію наказывали того, кто съ рабомъ поступитъ свирѣ-

но. Лонскій законъ благоразумно *не хотѣлъ соединять лишенія безопасности съ лишеніемъ вольности.*

Не должно вдругъ и черезъ узаконеніе общее дѣлать великаго числа освобожденныхъ. Есть многіе способы почти нечувствительно вводить новыхъ гражданъ. Законы могутъ учредить нѣчто полезное для собственнаго рабовъ имущества и привесть ихъ въ такое состояніе, чтобъ они могли купить сами себѣ свободу. Законы могутъ опредѣлить уреченное время службы, въ законѣ Моисеевѣ ограничена на шесть лѣтъ служба рабовъ. Можно же установить, что на волю отпущеннаго человѣка уже болѣе не крѣпить никому, изъ чего та польза государственная выдетъ, что нечувствительно умножится гражданъ въ маленькихъ городовъ (sic). Также можно уврачевать худыя слѣдства при самомъ онаго корнѣ: великое число рабовъ находится при отправленіи разныхъ должностей, имъ поручаемыхъ (и уже отъ сохи безвозвратно отлученныхъ). Перенести нѣкоторую часть сихъ званій на людей свободныхъ, напримѣръ торговлю, мореплаваніе, художества; чрезъ то уменьшится число невольныхъ людей. Надлежитъ, чтобъ законы гражданскіе положили точно, что рабы должны своему господину, или чтобъ уговоръ объ освобожденіи опредѣлилъ сей ихъ долгъ вмѣсто закона. Вразумительно всякому, что состояніе ихъ больше должно дать выгодъ въ союзѣ гражданскомъ, нежели въ союзѣ государственномъ.

Если государственная какая причина или польза частная не дозволяетъ въ нѣкоторыхъ державахъ сдѣлать земледѣльцевъ свободными, во опасеніи, чтобы земли не остались не оранными чрезъ ихъ побѣгъ, то можно сыскать средство, чтобъ такъ сказать къ землѣ привязать и утвердить на ней сихъ самыхъ земледѣльцевъ, оставляя имъ ихъ землю, самимъ и дѣтямъ ихъ также, на такъ долгое время, какъ они ее обрабатывать будутъ, по договору съ ними учиненному, за цѣну или дань, сходственную съ плодами той земли. Дѣти ихъ (въ случаѣ множества сихъ), желая также имѣть въ своемъ владѣніи земли, причинятъ, что меньше будутъ пустыхъ земель; а сіе споспѣшествовало умноженію народа; отъ чего и господину и земледѣльцу слѣдуетъ очевидная прибыль.

Лифляндскій дворянинъ прозваніемъ Шульцъ недавно показалъ хорошій примѣръ ревности и усердія къ отечеству, котораго похвалить должно: онъ роздалъ всѣмъ своимъ крестьянамъ уговорныя письма на владѣніе земли, которую каждый изъ нихъ обрабатывать долженъ. И лифляндское шляхетство, въ собраніи своемъ, бывшемъ въ мѣсяцѣ январѣ 1765 г., согласилось между прочимъ о трехъ, примѣчанія достойныхъ статьяхъ, которыя здѣсь прилагаются: 1) чтобъ стяжанія крестьянъ, въ ихъ движимомъ имѣніи, особливо въ нажитомъ ими самими, почитать за собственно крестьянамъ принадлежащее; 2) чтобъ работу и дань, отъ нихъ требуемую, какого бы онѣ роду ни были, точно опредѣлить, наблюдая при томъ и то, чтобы оныя были съ силами крестьянина сходственны; 3) чтобъ неумѣренности домашняго наказанія приличные положить предѣлы.

Въ сей третьей статьи вошли они въ самыя подробности и предписали не только число прутьевъ или палочекъ, но и ударовъ, котораго преступать никому не надлежитъ. Все сіе весьма будетъ полезно для уменьшенія суровства домашняго.

Окончимъ сей пунктъ, повторяя для поставленія того, что въ началѣ сказано, что правленіе весьма сходственное съ естествомъ есть то, котораго особенное расположеніе соотвѣтствуетъ лучше расположенію народа, для котораго оно учреждается.

(Наказъ, изд. Ак. Наук. Введеніе. стр. 34—40.)

---

33. Собственноручное черновое письмо Екатерины II къ д'Аламберу съ похвалами и сочиненіямъ Монтескье.

(1765 г.)

Мнѣ былъ очень наставителенъ здравый разумъ, царствующій въ книгѣ подъ заглавіемъ: Объ уничтоженіи іезуитовъ во Франціи. Да соблаговолитъ небо, чтобы этотъ разумъ повсюду одерживалъ верхъ. Удивительно, что съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ міръ, только разумъ по большей части въ униженіи. Вамъ, государь мой, болѣе, чѣмъ всякому другому, слѣдуетъ поддержать вашимъ геніемъ разумъ, чтобы помочь ему проникнуть во мракъ, мѣшающій дѣлать успѣхи, которые приличествуютъ ему...

Довѣренность, выражаемая вами ко мнѣ въ письмѣ вашемъ отъ 15 апрѣля, даетъ мнѣ право обратиться къ вамъ съ такою просьбою. Какія бы ни были мои занятія, они не помѣшаютъ никогда мнѣ читать съ величайшимъ удовольствіемъ ваши письма и ваши сочиненія. Послѣднее изъ нихъ я читала посреди шумнаго общества тридцати трехъ тысячъ людей, съ которыми я живу пятый день въ лагерѣ. Это нисколько не занимательно

для васъ, и потому я только сообщаю о томъ вамъ, какъ доказательство, что у меня всетаки есть время для усвоенія знаній, которыя вамъ будетъ угодно сообщить мнѣ. [illegible] ми въ послѣднемъ письмѣ своемъ съ величайшимъ нетерпѣніемъ.

Давно уже я собиралась писать къ вамъ, такъ какъ въ нѣкоторомъ родѣ считаю должною вамъ отвѣтомъ, и хотѣла присоединить къ тому нѣкоторую тетрадь, но требуется время, чтобы сдѣлать ее разумною; притомъ же она еще не окончена. Если вы ее одобрите, то я тѣмъ останусь довольна. [illegible] въ ней увидите, какъ тамъ я на пользу моей имперіи обобрала президента Монтескье, не называя его. Надѣюсь, что если бы онъ съ того свѣта увидалъ меня работающею, то простилъ бы эту литературную кражу во благо двадцати милліоновъ людей, которые изъ того послѣдуютъ. Онъ слишкомъ любилъ человѣчество, чтобы обидѣться тѣмъ; его книга служитъ для меня молитвенникомъ. Вотъ, государь мой, образчикъ судьбы, которой подвергаются книги геніальныхъ людей: онѣ служатъ для благосостоянія человѣческаго рода...

(Сб. Р. И. О. т. X, стр. 29—31.)

94. Открытіе Коммиссіи.

По Полѣнову.

Когда депутаты собрались въ Москвѣ въ достаточномъ числѣ (съ 460 человѣкъ), то сенатъ донесъ о томъ императрицѣ, и вслѣдствіе сего послѣдовалъ на его имя указъ (объ открытіи Коммиссіи 30 іюля)...

Въ исполненіе этого указа сенатъ обнародовалъ о назначенномъ къ открытію Коммиссіи днѣ и особымъ повѣщеніемъ далъ знать съѣхавшимся въ Москву депутатамъ, чтобы они—въ тотъ день, въ 7 часовъ утра, собрались въ Чудовъ монастырь для шествія въ Успенскій соборъ къ слушанію литургіи и для учиненія присяги...

30 іюля князь Вяземскій (генералъ-прокуроръ) пріѣхалъ въ Чудовъ монастырь ранѣе всѣхъ. Въ комнатахъ, которыя были тамъ отведены для съѣзда депутатовъ, сенатскіе экзекуторы указывали съѣзжавшимся депутатамъ мѣста и порядокъ, по которому они должны были слѣдовать въ соборъ ходъ.

Между тѣмъ Екатерина, въ императорской мантіи, въ малой коронѣ на головѣ, выѣхала изъ Анненгофа [1]) въ Кремль въ 10 часу.

Поѣздъ былъ торжественный. Шестнадцать парадныхъ экипажей, въ которыхъ помѣщались церемоніймейстеръ, придворные кавалеры, камеръ-юнкеры, секретарь государыни, полные генералы и гофмаршалъ съ жезломъ, ѣхали впереди. За ними шли гофъ-фурьеры, камеръ-лакеи, лакеи и ѣхали верхомъ ѣздовые конюхи, ясельничій и конюшенные; позади шли скороходы, арапы и придворные гайдуки. Всѣ ѣздоки были въ богатыхъ придворныхъ ливреяхъ.

Карета, въ которой сидѣла Екатерина, была запряжена въ 8 лошадей. Возлѣ кареты ѣхали верхомъ оберъ-шталмейстеръ, генералъ-адъютантъ, шталмейстеръ и генералъ-полиціймейстеръ. За каретою слѣдовалъ взводъ кавалергардовъ подъ командою ихъ шефа графа Григорія Григорьевича Орлова.

Въ слѣдъ за кавалергардами ѣхалъ въ каретѣ великій князь Павелъ Петровичъ; за ними слѣдовали оберъ-гофмейстерина, статсъ-дамы и фрейлины.

По прибытіи императрицы въ Успенскій соборъ, началось шествіе депутатовъ. Впереди шелъ генералъ-прокуроръ съ маршальскимъ жезломъ, приготовленнымъ нарочно для сего случая и предопредѣленнымъ при указѣ 24 іюля. За нимъ шли депутаты, по два въ рядъ, въ началѣ отъ высшихъ правительственныхъ и отъ другихъ присутственныхъ мѣстъ. Потомъ слѣдовали депутаты по порядку губерній, въ которыхъ эти послѣднія распредѣлены были еще прежде. Старшинство между депутатами соблюдалось такое же, какъ и при выборахъ ихъ въ губерніяхъ, т.-е. по времени, какъ они явились въ сенатъ и тамъ были записаны. Сперва депутаты отъ дворянъ, потомъ отъ городовъ, за ними отъ однодворцевъ и прочихъ старыхъ службъ служилыхъ людей и поселянъ. Депутаты отъ казацкихъ войскъ занимали мѣста съ депутатами тѣхъ губерній, въ которыхъ войска эти имѣли жительство, и шли послѣ городскихъ депутатовъ...

Въ такомъ порядкѣ депутаты вошли въ соборъ, за исключеніемъ не исповѣдывавшихъ христіанской вѣры. Они остались внѣ храма...—

Когда депутаты вошли въ аудіенцъ-залу, Екатерина уже стояла на тронѣ, возлѣ котораго съ правой руки поставленъ былъ покрытый бархатомъ столъ и на немъ положены были Наказъ Коммиссіи о сочиненіи проекта Новаго Уложенія, Обрядъ управленія Коммиссіею и Генералъ-прокурорскій наказъ. По лѣвую сторону трона находился великій князь вмѣстѣ съ знатными и придворными лицами и иностранными министрами: по правую сторону стояли оберъ-гофмейстерина съ статсъ-дамами, фрейлинами и прочими первыхъ

[1]) Головинскій дворецъ на Яузѣ (позднѣе кадетскій корпусъ.)

двухъ классовъ знатными дамами. На второй ступени у трона стоялъ вице-канцлеръ князь Александръ Михайловичъ Голицынъ.

Генералъ-прокуроръ, подойдя къ трону, доложилъ императрицѣ, что онъ имѣетъ счастіе отъ имени сената представить ея величеству депутатовъ, собравшихся по ея повелѣнію изъ всѣхъ краевъ обширной ея державы.

Депутаты приблизились къ государынѣ и митрополитъ новгородскій Димитрій произнесъ рѣчь. . . . .

Послѣ сей рѣчи вице-канцлеръ князь Голицынъ, именемъ императрицы, произнесъ слѣдующую рѣчь:

«Господа депутаты! Ея императорское величество съ удовольствіемъ видитъ здѣсь нынѣ передъ престоломъ своимъ собранныхъ депутатовъ правительствъ ея имперіи, и всѣхъ скипетру ея подвластныхъ народовъ, въ слѣдствіе состоявшагося вамъ ея манифеста отъ 14 декабря 1766 года.

«Ея императорскаго величества матернему нѣжному къ своему народу сердцу весьма пріятно было усмотрѣть, съ какимъ усердіемъ принято сіе ея повелѣніе во всякомъ родѣ людей, и что всѣхъ души соединилися въ томъ, чтобы своими представленіями способствовать великому тому дѣлу, для котораго имъ велѣно прислать васъ въ сію древнюю столицу......

Начинайте сіе великое дѣло, и помните при каждой строкѣ онаго, что вы имѣете случай себѣ, ближнему вашему и вашимъ потомкамъ показать, сколь велико было ваше раченіе о общемъ добрѣ, о блаженствѣ рода человѣческаго, о вселеніи въ сердцѣ людское добронравія и человѣколюбія, о тишинѣ, спокойствіи, безопасности каждаго, и блаженствѣ любезныхъ согражданъ вашихъ.

«Вы имѣете случай прославить себя и вашъ вѣкъ, и пріобрѣсть себѣ почтеніе и благодарность будущихъ вѣковъ.

«Отъ васъ ожидаютъ примѣра всея подсолнечныя народы; очи ихъ на васъ обращены. Слава ваша въ вашихъ рукахъ, и путь къ оной вамъ открытъ; отъ согласія вашего во всѣхъ сихъ полезныхъ отечеству дѣлахъ зависѣть будетъ и совершенность оныя...

«Идите къ сему съ миромъ».

Во время чтенія сей рѣчи императрица вручила генералъ-прокурору Наказъ Коммиссіи, Обрядъ управленія ею и Генералъ-прокурорскій наказъ. Акты сіи подписаны были въ этотъ же день.

По окончаніи рѣчи [illegible] депутаты были [illegible] къ рукѣ государыни; послѣ чего [illegible] въ [illegible] гофъ.

Депутатамъ объявлено было, чтобы на другой день они собралися въ первое засѣданіе для выбора депутатскаго маршала.

(Д. Полѣновъ. Ист. свѣдѣнія о Коммиссіи 1767 г., т. I. стр. 31—40.)

---

35. Наказъ депутату изъ дворянъ Каширскаго уѣзда господину полковнику Ивану Ивановичу Маслову.

Манифестомъ ея императорскаго величества декабря отъ 14 числа 1766 года самодержавною ея величества властію повелѣно дворянамъ выбрать въ Коммиссію о сочиненіи проекта Новаго Уложенія депутата и прислать онаго въ столицу ея императорскаго величества въ сенатъ, и мы, каширскіе дворяне, по приложенному при томъ обряду, въ знакъ нашего всеподданнѣйшаго послушанія, избрали васъ депутатомъ; и находя въ васъ такія качества, какія въ томъ обрядѣ предписаны, даемъ вамъ довѣренность представлять наши всеподданнѣйшія прошенія, которыя состоятъ въ слѣдующихъ пунктахъ:

1. Всеподданнѣйше мы просимъ, чтобъ воеводы и ихъ товарищи, или какъ симъ [illegible] будетъ, выбираны были отъ Сената такимъ порядкомъ, какъ нынѣ депутаты выбраны, изъ отставныхъ дворянъ нашего уѣзда, генералитетскаго и штабъ-офицерскаго чина, которымъ бы при сей должности не болѣе двухъ лѣтъ быть; по прошествіи которыхъ, если правленіемъ оныхъ довольны будемъ, и тѣмъ получатъ отъ насъ аттестатъ, то всеподданнѣйше просимъ е. и. в. изъ матерняго къ намъ милосердія награждать ихъ чинами.

2. Какъ нынѣ въ завладѣніи земель, порубкѣ лѣсовъ, покосѣ и потравленіи хлѣба, лугахъ и прочихъ спорахъ разбираютъ дворянъ судомъ, котораго скоро окончать не можно, отъ чего небогатые помѣщики принуждены нести убытокъ, а иногда за долговременнымъ продолженіемъ суда и спорахъ собственнаго своего лишаются: того ради всеподданнѣйше просимъ, чтобъ довѣрено было предводителю вышеписанныя споры разсмотрѣть письменно и словесно по важности дѣла; въ случаѣ же необходимости и присягою. Въ разсужденіи обширнаго нашего уѣзда потребно бъ было [illegible] ихъ [illegible] выбирать [illegible] и одного [illegible] если не случится изъ [illegible] дворянъ, то откуда по-

велѣно будетъ, для внутренняго размежеванія, которые помѣщики полюбовно разобраться не могутъ; ...онымъ же поручить искорененіе воровъ и разбойниковъ, для чего быть въ командѣ ихъ сотскимъ и десятскимъ, выбираемымъ въ деревняхъ изъ крестьянъ, также препровожденіе полковъ и командъ препоручить имъ, уѣзднымъ судьямъ, отъ которыхъ требуемые съѣстные припасы и фуражъ повелѣно бъ было получать безъ всякаго притѣсненія съ заплатою по справочнымъ городовымъ цѣнамъ, и оные будутъ наблюдатели спокойства всего уѣзда; того ради повелѣно бъ было быть въ ихъ послушаніи и по нарядамъ все исправлять поселянамъ; напротивъ же, въ случаѣ ихъ несправедливыхъ нарядовъ и посяжки, по дружбѣ или злобѣ, а паче чего и неожидаемо, если изобличенъ будетъ уѣздный судья въ лихоимствѣ, положить штрафъ, какой повелѣно будетъ.

3. Изъ отставныхъ лейбъ-гвардіи штабъ- и оберъ-офицеровъ въ градоначальники, товарищи и уѣздные судья, по ихъ чинамъ, повелѣно бъ было выбирать равно с прочими.

4. Наблюдая е. и. в. интересъ и ревнуя ко общей всего отечества пользѣ и спокойствію желаемъ и всеподданнѣйше просимъ, чтобъ повелѣно было собирать изъ собственныхъ нашихъ доходовъ по числу мужеска пола душъ, считая съ каждой по три копѣйки;—изъ оныхъ опредѣлить на жалованье уѣзднымъ судьямъ и землемѣру, сколько повелѣно будетъ, ибо они въ штатъ не положены; а на оставшіе повелѣно бъ было учредить для дворянскихъ дѣтей, а паче тѣхъ, которые, по бѣдности, на своемъ囲 коштѣ обучаться не могутъ, школу, которая бъ подъ собственнымъ смотрѣніемъ градоначальника состояла. Въ оной школѣ обучать въ началѣ россійской грамотѣ и закону божію, а потомъ арифметикѣ, геометріи, фортификаціи и нѣмецкому языку; чрезъ что обученные отечеству могутъ быть полезны.

(Всѣхъ пунктовъ 7.) Подлинный подписали: Коллежскій совѣтникъ Николай Юшковъ,—Секундъ-маіоръ Михайла Владычинъ (и другіе, всего 23 чел.).

(Д. Полѣновъ. Ист. свѣдѣнія о коммиссіи, т. II, стр. 484—487.)

---

36. Наказъ депутату Дмитровскаго дворянства.

Второй пунктъ. О земскомъ судѣ.

Нужды и недостатки дворянства Дмитровскаго уѣзда по большей части состоятъ въ непрекращаемыхъ нынѣ долговременно ссорахъ и насильственныхъ поступкахъ между крестьянъ разныхъ владѣльцевъ; часто одни у другихъ луга покосятъ, лѣсъ порубятъ, другъ дружку ограбятъ отнятіемъ лошадей, косъ, топоровъ и прочаго подобнаго, однимъ словомъ, кто кого сильнѣе, тотъ того и притѣсняетъ; потому что производимый въ таковыхъ случаяхъ судъ, по приносимымъ жалобамъ, есть обрядъ весьма продолжительный и, можно сказать, почти безконечный...

Сему толь распространившемуся злу дворянство Дмитровскаго уѣзда не находитъ лучше средства воспрепятствовать и сей недостатокъ въ благосостояніи своемъ исправить, какъ прибѣгнувъ къ милосердному монаршему покровительству, испросить у е. и. в. всемилостивѣйшаго учрежденія въ Дмитровскомъ уѣздѣ земскаго суда на нижеслѣдующемъ основаніи.

Дмитровскій уѣздъ содержитъ въ себѣ по подушному окладу, какъ извѣстно, сорокъ четыре тысячи душъ мужеска пола, поселенныхъ верстахъ на сто и далѣе; помѣщиковъ же въономъ находится больше трехъ сотъ, то разсуждается на таковомъ разстояніи быть надлежитъ четыремъ земскимъ судьямъ, изъ которыхъ каждому имѣть въ надзираніи своемъ по одиннадцати тысячъ душъ.

Оныхъ судей земскихъ ежегодно выбирать баллотированіемъ всему дворянству изъ наличныхъ дворянъ Дмитровскаго уѣзда...

Все дворянство Дмитровскаго уѣзда должно собираться каждый годъ іюня 15 числа въ городъ Дмитровъ. Оное время для того преимущественно избирается, что помѣщики обыкновенно въ деревняхъ своихъ тогда случаются, а между работною порою не отяготителенъ имъ будетъ сей съѣздъ; въ семъ случаѣ позволяется и дѣтей своихъ мужеска пола привозить въ собраніе, для пріученія ихъ къ разсужденіямъ о пользѣ общественной; но дѣти сами голоса не имѣютъ, кромѣ тѣхъ, которымъ отцы вѣрящія дадутъ письма; ежели оные не моложе двадцати пяти лѣтъ, таковыхъ, хотя еще и не владѣютъ своимъ имѣніемъ, выбирать въ предводители и земскіе судьи. Ежели который помѣщикъ не можетъ пріѣхать, для законной нужды, то по крайней мѣрѣ долженъ дать знать предводителю чрезъ письмо, что онъ не будетъ и на кого полагается въ выборѣ новаго предводителя и земскихъ судей.

Дворяне, съѣхавшись, могутъ взять отчетъ отъ земскихъ судей въ ихъ дѣлахъ, разсмотрѣть, ежели разсудятъ, журнальныя книги, когда въ какомъ случаѣ оное потребно будетъ, и письменныя свидѣтельства, хотя между си-

ми свидѣтельствами и неминуемо случиться иногда быть онымъ не въ пользу земскаго судьи отъ недовольныхъ помѣщиковъ неправыхъ; но сіе не можетъ принести ни малаго предосужденія земскому судьѣ; все общество довольно будетъ проницательно, чтобы сообразить надлежащія къ тому обстоятельства и не утвердиться въ худомъ мнѣніи о земскомъ судьѣ по пристрастнымъ свидѣтельствамъ.

По разсмотрѣніи книгъ приступятъ къ выбору, чрезъ каждые два года, предводителя, а ежегодно земскихъ судей: по утвержденіи старыхъ или по выбраніи новыхъ, даютъ аттестатъ смѣненному предводителю и каждому судьѣ въ добропорядочномъ ихъ поведеніи, засвидѣтельствуя принадлежащую имъ отъ всего общества благодарность. Депутатъ же отъ дворянства Дмитровскаго уѣзда долженъ всеподданнѣйше испросить чрезъ высокоучрежденную Коммиссію у е. и. в. всемилостивѣйшаго узаконенія, чтобы таковые аттестаты, данные предводителю или земскому судьѣ отъ всего уѣзднаго дворянства, имѣли свою силу и во всякомъ государственномъ правительствѣ, дабы таковое отъ всего дворянства одобреніе могло иногда обратиться въ пользу одобреннаго дворянина, при опредѣленіи къ мѣстамъ и при всемилостивѣйшихъ награжденіяхъ.

По окончаніи выбора, дворянство не можетъ найти полезнѣе для себя упражненія, какъ взаимно сноситься въ домашнихъ своихъ распоряженіяхъ въ пользу деревенскаго хозяйства. Одинъ другому могутъ разсказывать о разныхъ опытахъ, чиненныхъ въ земледѣліи, о касающихся до деревенской пользы учрежденіяхъ и о полученныхъ успѣхахъ; могутъ другъ друга поощрять къ распространенію хлѣбопашества и къ учиненію новыхъ еще разныхъ опытовъ, разложа сами на себя произвольно одни опыты на нѣкоторыхъ помѣщиковъ, другіе опыты на другихъ; а дабы таковыя полезныя сношенія о деревенскихъ пользахъ имѣли болѣе успѣха, то слѣдуетъ, предписавъ предводителю законъ, чтобы при каждомъ собраніи дворянства, ихъ въ томъ, сколь возможно, соглашать, дабы они, въ виду общей пользы и для соотвѣтствованія материнскимъ намѣреніямъ всемилостивѣйшей государыни, не отрекались жертвовать на сіе нѣкоторымъ временемъ и трудомъ.

Отъ земскихъ же судей и отъ предводителя, яко отъ достойныхъ сыновъ отечества, можно надѣяться, что они, во время своего управленія, не преминутъ сдѣлать многія примѣчанія, для сообщенія всему дворянству къ ихъ общей пользѣ.

Если который помѣщикъ будетъ въ чемъ-нибудь утѣсненъ отъ воеводской канцеляріи, то можетъ прибѣгнуть къ предводителю, который долженъ въ таковыхъ случаяхъ быть ходатаемъ за каждаго, давая просителямъ одобрительныя свидѣтельства и напоминая воеводѣ о дѣлахъ...

Предводителя же и земскихъ судей долгъ, сверхъ положеннаго на нихъ дѣла, состоитъ еще и въ томъ, чтобы при общихъ собраніяхъ уговаривать каждаго дворянина обучать дѣтей своихъ разнымъ полезнымъ наукамъ и языкамъ; особливо стараться о наученіи дѣтей правильному знанію россійскаго языка, устремляясь общими силами къ должному соотвѣтствованію материнскому неусыпному попеченію е. и. в. о благомъ воспитаніи юношества.

Уговаривать надлежитъ каждаго и въ томъ, чтобы дворовъ на сто, въ иномъ мѣстѣ одинъ помѣщикъ, въ другомъ разные помѣщики, сложась, содержали искуснаго учителя, для обученія по нѣскольку крестьянскихъ дѣтей грамотѣ и простымъ ариѳметическимъ правиламъ. К сему весьма склонять надлежитъ каждаго помѣщика, толкуя всякому, сколько больше пользы онъ можетъ надѣяться отъ грамотнаго крестьянина. Не для одной сохи крестьянинъ надобенъ государству, но и для разныхъ другихъ упражненій; грамота же пахать не помѣшаетъ, тѣмъ паче, что тѣ лѣта, въ которыя ребятъ можно грамотѣ обучать, пропадаютъ почти безъ всякой пользы.

При томъ же не худо напоминать дворянамъ и о томъ, сколько ихъ разоряетъ содержаніе множества излишнихъ дворовыхъ людей безполезныхъ; вмѣсто того, чтобы пахарь себя и человѣкъ десять кормилъ своимъ трудомъ, то двороваго человѣка самого надлежитъ кормить, а еще содержаніе его стоитъ часто вдвое и втрое противъ пищи.

Сколько можно стараться надлежитъ уговаривать всѣхъ помѣщиковъ самимъ себѣ предписать законъ, чтобъ ни малаго куска земли не лежало ни у кого впустѣ; чего ради поручить земскимъ судьямъ надзираніе и надъ запустѣвшими мѣстами, о которыхъ они должны напоминать помѣщикамъ и прикащикамъ ихъ, изъясняя, сколько наблюденіе добраго земледѣлія нужно и полезно для самого помѣщика и для государства. Симъ средствомъ можно надѣяться, что мы, вмѣсто недостатка и дороговизны хлѣба, со временемъ великое количество онаго будемъ имѣть для отпуска за море; что можетъ обогатить помѣщиковъ, земледѣльцевъ и цѣлое вообще государство.

Все вышеописанное исполня, предводитель долженъ распустить всѣхъ дворянъ по домамъ.

Таковымъ или еще съ лучшими порядками учрежденнымъ земскимъ судомъ по благоизобрѣтенію высокоучрежденной коммисіи и по высочайшему монаршему соизволенію, Дмитровское дворянство надѣется увидѣть конецъ разныхъ здѣшнихъ безпокойствъ и утѣсненій къ не малой пользѣ хлѣбонашества и прочаго деревенскаго хозяйства и къ благоденствію сельскихъ жителей.

(Д. Полѣновъ, т. II, стр. 500 сл.)

---

37. Наказъ Курскаго дворянства.

Въ силу манифеста е. и. в., состоявшагося декабря 14-го 1766 г., къ сочиненію проекта новаго Уложенія выбранному Курскаго уѣзда штабъ- и оберъ-офицеры [1]) депутату, господину премьеръ-маіору Петру, Александрову сыну, Стромилову—

Наказъ.

По силѣ манифеста е. и. в., состоявшагося декабря 14-го 1766 г., Курскаго уѣзда дворяны, штабъ- и оберъ-офицеры выбраны вы въ коммисію о сочиненіи проекта новаго уложенія въ депутаты. И препоручаемъ вамъ всенижайшія наши е. и. в-ву, всемилостивѣйшей государынѣ нашей общія челобитья, представленія, также усмотрѣнные нами общіе недостатки и нужды, что и имѣете вы, въ той коммисіи о сочиненіи проекта новаго уложенія со всеподданническими нашими прошеніи представя, просить высочайшаго е. и. в. высокоматерняго пожалованья и узаконенья.

6. По Соборному 157 году Уложенію разбойнику, который убійства не учинилъ, за первый разбой смертной казни не положено, а положено оную чинить за два разбоя. Но какъ въ здѣшнихъ мѣстахъ разбои весьма умножились, не токмо по дорогамъ, но и пріѣзжая въ домы немалыми партіями, разбиваютъ и чинятъ хозяевамъ разныя мученія, между тѣмъ и смертныя убійства;—а такихъ поиманныхъ злодѣевъ въ приписныхъ городѣхъ пытать запрещено. То въ пресѣченіе онаго всеподданнѣйше е. и. в. просимъ, дабы узаконено было, разбойниковъ и за первый разбой, бивъ нещадно кнутомъ и обрѣзавъ ноздри до кости съ поставленіемъ на лбу и на щекахъ штемпелей, ссылать вѣчно въ каторжную работу и сенату: и во искорененіе оныхъ и пристанодержателей ихъ сдѣлать таковое наистрожайшее учрежденіе и кому подлежитъ предписаніе, чрезъ что таковое злодѣйство всеконечно прекращено и искоренено быть могло. И таковымъ ворамъ и разбойникамъ пытки и указныя рѣшенія повелѣно бы было, для скорѣйшаго оныхъ рѣшенія, производить и въ приписныхъ городѣхъ.

7. По состоявшимся въ 723, 724 и 728 годѣхъ указамъ повелѣно подговорщикамъ, кои бѣглыхъ, подговоря, за рубежъ приводили, казнить смертію; а съ тѣми подговорщики, кои помѣщичьихъ людей и крестьянъ на побѣгъ подговариваютъ и проводятъ въ разныя великороссійскія и малороссійскія мѣста, а не за рубежъ, что чинить,—о томъ точнаго положенія нѣтъ. И хотя поиманные и явившіеся собою бѣглые люди и крестьяне, кѣмъ они были на побѣгъ подговорены, допросами своими въ канцеляріяхъ и показываютъ, но за сіе ихъ подговорщикамъ не токмо никакого наказанія не чинится, но и къ слѣдствію въ томъ они не сыскиваются, а опредѣляютъ по допросамъ бѣглыхъ только, чтобъ, съ кѣмъ надлежитъ, вѣдаться судомъ, чрезъ что оныхъ бѣглыхъ по таковымъ подговорамъ и умножается, а помѣщики ихъ отъ того претерпѣваютъ немалые убытки и разоренія. Въ пресѣченіе чего, всеподданнѣйше просимъ, чтобъ узаконено было впредь таковыхъ подговорщиковъ, по показанію поиманныхъ и явившихся собою бѣглыхъ людей и крестьянъ, къ слѣдствію сыскивать и, по изобличенію ихъ въ томъ на побѣгъ подговорѣ,—въ одни токмо великороссійскія и малороссійскія мѣста, а не за рубежъ, чинить имъ, подговорщикамъ, за то публичное наказаніе кнутомъ съ поставленіемъ на лбу и на щекахъ штемпелей; а если въ таковомъ же подговорѣ вторично явится, то онаго за вторичный подговоръ, бивъ кнутомъ же и обрѣзавъ ноздри до кости, отдать помѣщику по прежнему во владѣніе, а ежели помѣщикъ взять не пожелаетъ, то таковаго сослать вѣчно въ каторжную работу, съ зачетомъ въ рекруты; кто жъ изъ помѣщичьихъ людей и крестьянъ по таковымъ подговорамъ въ побѣгѣ окажутся, то и оныхъ, если помѣщики ихъ пожелаютъ, съ таковымъ же публичнымъ жестокимъ наказаніемъ отдавать помѣщикамъ или ссылать вѣчно въ каторжную работу, токмо съ зачетомъ же въ предбудущіе наборы въ рекруты, а за рубежъ съ подговорщиками и бѣглыми туда—поступать по силѣ указовъ.

22. Дворянство, а особливо недостаточные, въ обученіи дѣтей своихъ арифметики и другихъ потребныхъ въ пользу себѣ и государству наукъ, кромѣ россійской грамоты, въ

[1]) Тетрат. подекъ.

учителяхъ имѣютъ крайнюю нужду, и тѣхъ учителей, собственно чрезъ однихъ себя, для пользы всего общества, откуда бы получить способа не находять, а имѣютъ усердную къ тому ревность. Сего ради, всеподданнѣйше просимъ, чтобъ по высокоматернему о. и. в. къ намъ, вѣрноподданнымъ своимъ, милосердію, для обученія нашихъ дворянскихъ дѣтей означенныхъ наукъ, въ губерніяхъ и провинціяхъ и въ другихъ знатныхъ городахъ, усматривая, гдѣ дворянъ противъ прочихъ состоитъ довольнѣе, учреждены были учители, въ тѣхъ наукахъ искусные и рачительные, на казенномъ однихъ оныхъ учителей содержаніи, а дворянскія дѣти, будучи при томъ обученіи по близости къ своимъ домамъ, могутъ себя содержать собственно отъ оныхъ своихъ домовъ, безъ употребленія на нихъ казеннаго кошта.

(Всѣхъ §§ 26.)

(Сб. Р. И. О-ва, т. 68, № 134, с. 534—553.)

---

38. Наказъ тульскаго купечества депутату первой гильдій купцу Ивану Давыдову сыну Зябряву.

1. Купечество повелѣть оставить въ собственномъ между собою учрежденіи и судебнымъ надъ купечествомъ мѣстамъ, какъ и нынѣ состоятъ, магистратамъ и при нихъ словеснымъ судамъ; и кромѣ оныхъ судебныхъ мѣстъ ни въ какой иной судъ ни подъ какимъ видомъ купечество не позывать; въ провинціальныхъ магистратахъ судьямъ быть изъ купечества; президенту, боргомистру и ратману, съ переменою по два года выбираемымъ баллотированіемъ очередныхъ къ тому достойныхъ и пожиточныхъ, чему имѣть очередную книгу; приказныхъ служителей имѣть по общему магистрата съ купечествомъ избранію.

3. Во время рекрутскихъ наборовъ повелѣно бъ рекрутъ изъ купечества отдавать не принуждать, а весма потребно дать въ томъ купечеству волю, ежели оное по своему усмотрѣнію неспособныхъ быть въ купечествѣ представить къ отдачѣ въ рекруты, оныхъ принимать, ежели жъ, за неимѣніемъ таковыхъ, не пожелаетъ отдавать купецкихъ людей, то вмѣсто рекрутъ повелѣно бъ брать отъ магистратовъ денгами за каждаго по сту по двадцати рублевъ, или дозволить для отдачи въ рекруты людей покупать. Ежели жъ такой волности купечеству дано не будетъ, то отъ того оное будетъ умалятся и ослабѣвать, потому что когда публикованы бываютъ о рекрутскихъ наборахъ указы, то, послышавъ сіе, имѣющіеся въ купечествѣ малотяглые и другіе неспособные люди немедленно разбѣгаются и укрываются по неизвѣстнымъ и дальнымъ мѣстамъ; за неимѣніемъ же таковыхъ, необходимо должно будетъ отдавать въ рекруты тяглыхъ людей и достойныхъ купцовъ, которые не токмо въ купечествѣ нужны, но и ко умноженію государственныхъ пошлинныхъ доходовъ по торгамъ своимъ полезны.

6. Купцамъ за бой и безчестье окладъ противъ прежняго въ Уложеньи повелѣнія повелѣть умножить: за безчестье первой гилдіи по сту рублевъ, второй по пятидесятъ, третьей по тридцати рублевъ человѣку; за бой и увѣчье платить, что монаршая власть узаконить, сверхъ того, на излѣченіе особливо; за умышленіе жъ нападателя наказать на тѣлѣ, чтобъ по дворянствѣ передъ прочими разночинцами купечество имѣло преимущество.

8. Купечеству весма потребно для домовыхъ нуждъ имѣть крѣпостныхъ беземельныхъ людей по три человѣка мужеска пола на каждой домъ, а женска по пропорціи числа онаго. И для того оное число людей купцамъ покупать и на нихъ крѣпости на свои имена писать повелѣнобъ дозволить; и въ вѣдомствѣ имъ судомъ и расправою, въ силу 725 году, декабря 13 дня, указа, въ магистратахъ и ратушахъ; тожъ и подушныя за нихъ платить отъ тѣхъ же командъ; повелѣнобъ дать купцамъ волность изъ оныхъ неудобныхъ продавать и въ рекруты отдавать, а намѣсто ихъ покупать иныхъ.

20. Фабрики и въ городахъ лавки и постоялые дворы и прочія промышленныя строенія имѣть единому купечеству, а разночинцамъ, какъ крестьянамъ и въ здѣшнемъ городѣ оружейнымъ мастерамъ, такъ и другимъ, ктобъ какого званія ни былъ, оными владѣть и торговые промыслы ни подъ какимъ видомъ, какъ многими указами подтверждено, производить, также въ откупы и въ подряды допускать запретить и никакого ремесла и промысла, что до купечества принадлежитъ, въ городѣхъ и на ярмонкахъ какъ собою, такъ и подъ купецкимъ имянемъ имъ не имѣть, а доволствоваца купечеству, кое отъ того единаго весь свой достатокъ и содержаніе имѣетъ и изъ того платитъ подушныя деньги и прочіе поборы. И у всѣхъ тѣхъ разночинцовъ, кто въ купеческое право будетъ вмѣшиваца, за то повелѣть магистратамъ конфисковать промышленныя ихъ строенія и товары; и для того единственно узаконить, чтобъ каждый чинъ во всемъ государствѣ, по собственному званію своему, свою должность исправлялъ и въ право купеческое ни подъ какимъ образомъ не

вступалъ, что и священное правило повелѣваетъ, кто въ какой чинѣ позванъ, въ томъ да пребываетъ.

28. Во всей Россійской Имперіи никакихъ промысловъ и товаровъ, хотябъ оное было и казенное, въ монополію отдачи не чинить, а повелѣнобъ тому быть въ волности купечеству...

(Всѣхъ §§ 37. Подписей больше 300.)
(Сб. Р. И. О., т. 93, стр. 95—109.)

— —

39. Крестьянскіе наказы.

1) Наказъ Кайгородскаго уѣзда отъ крестьянъ.

1767 года іюня дня Кайгородскаго уѣзда повѣренный, Кондратій Петровъ сынъ Русановъ, письменно отдаю провинціальному депутату, дабы сей представить могъ о нашихъ крестьянскихъ нуждахъ и недостаткахъ, гдѣ надлежитъ.

1. Въ Кайгородскомъ уѣздѣ пашенныхъ земель недоволно; которыя есть—всѣ состоятъ на малыхъ участкахъ положеніемъ на скатѣ, а кругомъ нашихъ пашенныхъ земель хотя и состоятъ лѣса, но понеже на мокрыхъ мѣстахъ и на болотахъ, что никогда не высыхаютъ, и за тѣмъ въ прибавокъ расчищать подъ пашенную землю неспособно.

2. На пашенную землю насѣянный озимовый и яровой хлѣбъ противъ посѣва приплодовъ бываетъ недостаточно, потому что земли не хлѣбородныя, и когда бываютъ дожди, то отъ налитія въ водоносныхъ мѣстахъ вымокаетъ, и отъ раннихъ морозовъ вызябаетъ, и отъ того во многіе годы своего урожая хлѣба остается на пропитаніе съ нуждою и то до вешнихъ временъ, а до вновь зрѣлаго и поспѣвшаго онаго своего хлѣба не достигаетъ. И отъ того многіе пропитаніе себѣ имѣютъ съ нуждою, хлѣбъ пополамъ съ колосомъ и съ толченою соломою, а протчіе имѣютъ куколь и пихтовую кору и протчее быліе. И сего 767 года зимнимъ путемъ муку ржаную покупали у проѣзжающихъ по двадцати по пяти копѣекъ пудъ и дороже, а къ лѣтнему времени, въ небытность у крестьянъ своего урожаемаго хлѣба на пропитаніе, зимнимъ путемъ, какъ хлыновскими, такъ и слободскими купцами, къ продажѣ муки ржаной ни одного пуда не поставлено, и на пропитаніе покупать не отъ кого.

3. Въ нынѣшнюю новую перепись написано въ вышепоказанномъ уѣздѣ мужескаго пола три тысячи триста шестдесять одна душа. Изъ того числа которые нужные за скудостью, не имѣя себѣ пропитанія, разошлись по разнымъ заводамъ, для черной работы къ пропитанію. Да изъ вышеписаннаго-жъ разными случаями померло немалое число, также имѣется въ показанномъ числѣ написанія душъ престарѣлыхъ, слѣпыхъ, безпомощныхъ и малолѣтныхъ, безотческихъ дѣтей, скитающихся по міру нищенскимъ образомъ немалое жъ число, которые и къ платежу подушныхъ денегъ не способны. И за оныхъ, какъ подушныя деньги, такъ и всякіе государственные доходы, платятся изъ міра, раскладываются на имѣющихся въ томъ Кайгородскомъ уѣздѣ по крестьянамъ, а оные крестьяне всѣ маломочные и скудные, не точію накладныя души, но понеже и со своихъ написныхъ душъ платятъ съ великимъ изнеможеніемъ.

4. Изъ Кайгорода, какъ трактомъ повелѣвается, на долгихъ ямахъ ямскую гонку отправляемъ по тремъ дорогамъ, разстояніемъ: по первому до Соликамской двѣсти пятдесятъ, по второму до Сеевятскаго яму сто семдесятъ, по третьему къ Устюгу Великому Яренскаго уѣзда до Кайгородской волости сто сорокъ пять верстъ. И для оныхъ ямовъ по прежнимъ грамотамъ опредѣлены были Хлыновскаго и Слободскаго уѣздовъ разные станы и волости къ Кайгородскому уѣзду для вспоможенія, указное число душъ; но точію, какъ въ ямской гонкѣ, такъ и къ починкѣ мостовъ, и понынѣ вятскихъ опредѣленныхъ душъ не присылается, и вспоможеніе не чинится.

5. Да по многіе жъ годы конскій и скотскій падежъ бываетъ, и отъ того падежа, и отъ хлѣбнаго недостатка, также и отъ ямской гонбы, а особливо за прописныхъ и утаенныхъ съ прежней 1744 года ревизіи, и по нынѣшней 1767 года намножилось подушной доимки осмнадцать тысячъ девятсотъ пять рублевъ девяносто двѣ копѣйки. И за взысканіемъ показанной доимки изъ слободской воеводской канцеляріи посылаются оберъ-офицеры и всякаго званія чина служивые люди, и въ Кайгородскомъ уѣздѣ въ волостяхъ имѣются безвыѣздно и взыскиваютъ показанную доимку съ крѣпкимъ неупустительнымъ принужденіемъ безъ упущенія. И того уѣзда крестьянамъ привелось распродавать свой весь имѣющійся экипажъ, яко то есть лошадей и рогатаго скота и всякаго, за принужденіемъ, по малой цѣлѣ, и за показанную доимку платить. Но точію, хотя и весь распроданъ имѣетъ быть экипажъ, но понеже и на треть вышепоказаннаго числа доимки къ платежу не отыщется.

6. Въ показанномъ Кайгородскомъ уѣздѣ, которыя волости состоятъ на болшой Сибирской дорогѣ, и по которой слѣдуютъ изъ Москвы въ Сибирь или изъ Сибири въ Москву

штабъ- и оберъ-офицеры и всякаго званія чина служивые люди. И во время проѣзда того на пропитаніе себѣ и своимъ собственнымъ лошадямъ берутъ всякіе припасы безъ платежа денегъ насилно. И за вышепрописанными нуждами и недостатками Кайгородскаго уѣзда крестьяне пришли въ самое крайнее отягощеніе и скудость.

Наказъ подписанъ отъ имени крестьянъ Кайгородскаго уѣзда.

(Сб. И. Р. И. О-ва, т. 115, № 72, стр. 230-232.)

2) Наказъ Кунгурскаго уѣзда разныхъ острожковъ, селъ и деревень отъ приписныхъ къ партикулярнымъ заводамъ государственныхъ черносошныхъ крестьянъ.

1767 года мая 24 дня Казанской губерніи, Пермской провинціи, Кунгурскаго уѣзда разныхъ острожковъ, селъ и деревень, приписныхъ къ партикулярнымъ заводамъ, государственныхъ черносошныхъ крестьянъ уѣздный повѣренный того жъ Кунгурскаго уѣзда села Комарова изъ крестьянъ, Яковъ Еремѣевъ сынъ Падласовъ, по данной мнѣ Кунгурскаго уѣзда отъ погостныхъ повѣренныхъ довѣренности, препоручилъ выбранному изъ уѣздныхъ повѣренныхъ, по присяжной должности, провинціалному депутату Кунгурскаго уѣзда приписныхъ же къ партикулярнымъ заводамъ, села Крыласова, изъ крестьянъ Федору Федорову сыну Полежаеву, по данному жъ ему отъ насъ, уѣздныхъ повѣренныхъ, полномочію, нижеписанныя наши нужды и отягощенія представить, гдѣ надлежитъ.

1. А именно: Помянутаго Кунгурскаго уѣзда крестьяне всѣ, какъ съ начала заведенія Пермскихъ, Ягошихинскаго, Мотовилихинскаго, двухъ Юговскихъ мѣдиплавильныхъ, и одного Сылвинскаго желѣзодѣлательнаго, такъ и партикулярныхъ директоровъ: Петра Иргинскаго и Бизярскаго Ивана, Осокиныхъ, Юговскаго и Кавашинскаго, дворянъ Демидовыхъ; Суксунскаго, Бымовскаго и Сергинскихъ заводовъ, приписаны къ онымъ, и какъ во время казеннаго Ягошихинскаго, Мотовилихинскаго, Юговскихъ и Сылвинскаго до 1758 и 1760 годовъ, а съ тѣхъ годовъ, по отдачѣ въ партикулярное содержаніе оныхъ заводовъ его сіятелству графу Роману Ларіоновичу Воронцову, Ивану Григорьевичу Чернышеву, Сергѣю Павловичу Ягужинскому до 1761 года,—за подушный окладъ по одному рублю по 12 копѣекъ съ четвертью за душу всякими заводскими работами по нарядамъ зарабатывали.

2. А съ того 1761 года, подушнаго оклада на насъ, нижайшихъ, прибавлено по 60 копѣекъ на душу, и того съ прежними, по рублю по 70 по 3 к. съ половиною также заводскими работами и по сіе время съ великимъ отягощеніемъ и разореніемъ зарабатываемъ.

3. А за ту заводскую работу оплата намъ, нижайшимъ, отъ заводосодержателей производится за нижеписанныя работы; а именно: за рубку куренныхъ дровъ по двадцати по пяти копѣекъ за сажень. А сажень, мѣрою въ длину 14 аршинъ, въ высоту 7, полѣно длиною, кромѣ востряка, 7-жъ четвертей. За кладку, дерненіе, осыпку, сжеяіе и разломку 20-саженной кучи по 3 рубля по 40 коп. За возку угля, со свалкой и нагребкой, и поденные на версту не положено. За поставку смолы по 3 коп. и по $^3/_4$, за деготь по 3 съ пол. коп. за ведро. За поторжныя работы, за зимніе мѣсяцы пѣшему по 4, конному по 6; за лѣтніе пѣшему по 5, конному по 10 коп. на день.

4. А мы, нижайшіе крестьяне, иногда за изнеможеніемъ своимъ, то-есть: по неимѣнію у иныхъ лошадей, другіе за болѣзнями и одиночествомъ, и за другими законными необходимыми нуждами, для зарабатыванія, за подушный окладъ, на заводы нанимаемъ волныхъ изъ своихъ уже денегъ и къ плакатной цѣнѣ придаемъ. А именно за рубку куренныхъ дровъ на одну сажень по 20 по 5 и по 30 по 5 коп. За кладку, осыпку, сжеціе и разломку 20 саженной кучи по 9 рублевъ, за возку угля, въ какомъ бы разстояніи оный не былъ, на каждую версту по $1^1/_2$ коп. съ короба. За поторжныя работы въ зимніе дни пѣшимъ по 5, коннымъ по 9, въ лѣтніе пѣшимъ по 7, коннымъ по 10 коп. на день. А смолу и деготь покупаемъ, которые отъ заводовъ разстояніемъ не менѣе 300 верстъ, каждое ведро по 20 коп., и на заводы сами собою поставляемъ, а за провозъ платы никогда не получаемъ.

5. Къ тому жъ въ расположеніи на насъ бываетъ поставка на заводы разныхъ лѣсныхъ припасовъ и возка рудъ, коимъ плакатная цѣна положена самая малая жъ, а поставлять оныя наймуемъ волныхъ, коим отъ себя, сверхъ плакатной цѣны, отдаемъ въ прибаву втрое. Еще жъ полагается на приписныхъ къ Ягошихинскому и Мотовилихинскому его сіятелства графа Романа Ларіоновича Воронцова заводахъ, съ Ягошихинскаго на Висимскій заводъ сверху Камою рѣкою по водяной кумумоніаціи (sic) поставка мѣд-

ныхъ рудъ; то оныя, за недачею отъ заводосодержателей судовъ, поставлять наймуютъ вольныхъ тѣхъ, у кого принадлежащія къ той поставкѣ руды имѣются суда и снасти. Къ выдаваемой отъ конторы платѣ за каждую тысячу пудовъ, по 5 рублевъ по 70 по 3 съ четвертью коп., отъ себя отдаемъ въ прибавокъ по 5 рублевъ по 30 по 7 коп.

6. При отправленіи написанныхъ заводскихъ работъ, отъ заводосодержателей инструментовъ, которые и къ какой работѣ принадлежатъ, яко то: при рубкѣ дровъ топоровъ, при клажѣ, осушкѣ, сженіи и разломкѣ кучъ—сапей; лопатокъ, желѣзныхъ ведеръ и ушатовъ, а при возкѣ угля сапей же, короба и протчаго, а при возкѣ жъ песку и рудъ, тожъ сапей и ящиковъ—давано никогда не бывало, которое употреблялось все наше, бѣдныхъ крестьянъ. Также за прохожіе дни до показанныхъ заводовъ намъ, нижайшимъ, зачету и платы никаковой и никогда не бывало. А тѣ заводы отъ приписныхъ крестьянъ разстояніемъ состоятъ Ягошихинскій и Мотовилихинскій отъ ближнихъ во сто, отъ дальнихъ во сто сорока; Юговскіе отъ ближнихъ въ сорока и до ста десяти. Сылвинскій въ 70, дворянина Демидова Сергинскіе во 170 и до 220 верстахъ.

7. Крестьяне въ заводскія работы наряжаемы бываютъ къ рубкѣ куренныхъ дровъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, а въ оное время въ крестьянствѣ происходитъ посѣвъ яровыхъ хлѣбовъ; ко клажѣ, дерненію, осыпкѣ кучъ, къ пріиску и разработкѣ рудъ и въ протчія поторжныя работы въ іюнѣ мѣсяцѣ, а въ то время происходитъ земледѣльство къ пріуготовленію для посѣва зимового хлѣба; къ сженію, къ разломкѣ кучъ и къ пріиску жъ рудъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ, въ кое время у крестьянъ состоитъ самое страдное время, тоесть убраніе съ полей хлѣбовъ и протчее. И тако за отлучкою въ написанныя времена на заводы, въ заводскія работы, крестьяне отъ недосѣва яровыхъ, и пріуготовленія земель къ посѣву зимовыхъ, и за неубраніемъ съ полей хлѣбовъ пришли въ вѣчный недостатокъ и разореніе.

8. А подушныя деньги мы, нижайшіе, съ 1763 года въ пермскую провинціалную канцелярію и сверхъ вышеписанныхъ, при наймѣ къ заводскимъ работамъ, немалыхъ намъ происходящихъ убытковъ платимъ донынѣ, хотя и бездоимочно, но съ великимъ изнеможеніемъ, закладывая и послѣднее свое имѣніе и продавая скотъ, отчего претерпѣваемъ крайнее разореніе. А паче, что за отлучками къ заводскимъ работамъ въ самые страдные дни, къ коимъ, не окончивъ всякъ своей сполна работы, отпускаемы не бываютъ. И то наипаче отстаемъ отъ земледѣлства, какъ уже многіе за совершенною невозможностью, оскудѣніемъ и нищетою и пахоты свои запустили, и скитаются по разнымъ мѣстамъ. И какъ за оныхъ, такъ и за умершихъ подушныя деньги, также заводскія работы, какъ за нихъ, такъ за престарѣлыхъ, увѣчныхъ и малолѣтовъ, написанныхъ по нынѣшней ревизіи, оставшіе бѣдные крестьяне, сверхъ своихъ настоящихъ душъ, съ великимъ изнеможеніемъ и отягощеніемъ оплачиваемъ, за каковыми намъ отягощеніями приходимъ и оставшіе во всеконечное разореніе и нищету. Всенижайше просимъ, не повелѣно ли будетъ насъ, бѣдныхъ рабовъ, отъ такихъ несносныхъ тягостей избавить и не допустить насъ до послѣдняго конца къ совершенному разоренію и недостаточеству. Отчего впредь и подушныя деньги платить намъ будетъ нечѣмъ, когда уже всѣ свои послѣднія имѣнія распродадимъ и заложимъ, и отъ пахоты, за отлучками въ заводскихъ работахъ, отстанемъ. Всенижайше просимъ всемилостивѣйшаго въ томъ насъ бѣдныхъ рабовъ защищенія. А ежели, за каковыми совершенными невозможностями, насъ послѣднихъ отъ заводовъ отписать не можно, тобъ хотя, по крайней невозможности, узаконить заводчикамъ насъ бѣдныхъ крестьянъ за заводскія работы платою доволствовать такою, по какимъ цѣнамъ впредь будетъ волнымъ въ наймѣ настоять, а не по прежнему положенію. Также бы заводскими работами зарабатывать толко однимъ годнымъ работникамъ за свои настоящія души, а за старыхъ, дряхлыхъ, увѣчныхъ, малолѣтовъ и умершихъ повелѣно бъ было платить одни подушныя денги. А прежняя малоположенная за заводскія работы цѣна наводитъ намъ, какъ выше значитъ, прикладывать своихъ денегъ къ каждой работѣ и съ каждой поставкѣ припасовъ вдвое и втрое, а за иныя вещи и болѣе, какъ о томъ въ 4 пунктѣ именно изъяснено. Что сверхъ подушнаго платежа намъ первое, на заводы отлучка, лошадей изнуреніе, а второе, что къ положенной плакатной платѣ еще своихъ денегъ прикладываемъ, а третье, что всякую работу своими инструментами отправляемъ, истинно излишнюю тягость и совершенное разореніе претерпѣваемъ...

(Далѣе слѣдуютъ еще 9 пунктовъ.)

(Потомъ въ концѣ): Наказъ подписанъ мірскихъ дѣлъ писцомъ вмѣсто уѣзднаго повѣреннаго, по незнанію имъ грамоты.

(Сб. Р. И. О, т. 115, № 80, 264—268.)

3) Наказъ Казанскаго уѣзда Арской и Зюрейрейской дорогъ отъ прежде бывшихъ ясашныхъ крестьянъ.

1767 года іюня—дня, по силѣ состоявшагося прошлаго 1766 года декабря 14 числа е. и. в. публикованнаго манифеста, велѣно всякаго званія жителямъ выбрать провинціальнаго депутата и препоручить ему всѣ мірскіе недостатки, и во исполненіе коего мы, нижеподписавшіеся, Казанскаго уѣзда Арской и Зюрейской дорогъ прежде бывшихъ ясашныхъ крестьянъ выбранные, отъ мірскихъ людей погостные повѣренные, а именно (слѣдуютъ 20 именъ),—выбрали мы провинціальнаго депутата деревни Старой Мазины, Козму Петрова, и препоручили ему всѣ наши мірскіе нужды и недостатки, а какіе, о томъ явствуютъ ниже сего, кои и ему письменно подать отъ себя, гдѣ надлежитъ, о учиненіи съ нами въ слѣдующихъ нуждахъ милостиваго разсмотрѣнія.

1. Прошлаго 1754 года приписаны мы, именованные, къ ново-заводимымъ заводамъ, Петровскому желѣзному заводу покойнаго господина графа Петра Ивановича Шувалова и компанейщика его коллежскаго ассесора Козмы Матвѣевича, которые нынѣ состоятъ за дворяниномъ Евдокимомъ Никитинымъ Демидовымъ, при которомъ заводѣ и по нынѣ находимся безотлучно.

2. И прошлаго 1763 года ноября 6 числа, по прибытіи на реченный заводъ его сіятельства господина генерала квартирмейстера князя Александра Алексѣевича Вяземскаго и по данному намъ указу, въ коемъ значитъ: 1) вырубить на уголное сженіе дровъ кубическихъ, по бергъ-коллежскому учрежденію, восемь тысячъ восемсотъ саженъ, 2) складть, одернить и осыпать, выжечь и выломать уголь дватцати саженныхъ шестсотъ двѣ кучи, 3) наработать желѣзной руды три тысячи триста тридцать ящиковъ, вѣсомъ въ каждомъ ящикѣ по ста по дватцати пудовъ, съ вывозкою на заводъ на собственныхъ своихъ лошадяхъ.

3. Первая партія посылается на заводъ для рубки дровъ, марта съ 1 числа, пятьсотъ человѣкъ. А вырубить дровъ, по расположенію, за престарѣлыхъ, умершихъ, малолѣтныхъ, слѣпыхъ, увѣчныхъ и протчихъ бездомовныхъ, и за такія умершія и протчія неимущія души, располагая тѣ работы по себѣ, и зарабатываемъ за нихъ одними годными. И причитается тѣхъ работъ на каждаго годнаго, съ тѣми накладными душами, по двѣ съ половиною души и болѣе. А отъ 15-лѣтняго возраста посылаются на оной заводъ въ работу, но, какъ по многому расположенію тѣхъ заводскихъ работъ, едва оные годны съ великою нуждою. И за свои одни души вырубать дровъ и протчихъ работъ не могутъ, нежели накладныхъ. А которые въ совершенномъ возрастѣ, тѣ вырубаютъ дровъ по 17 и по $18^1/_2$ саженъ. А хотя намъ отъ конторы плата за каждую сажень, сверхъ плакату, по 10 копѣекъ и зачитается, токмо мы за выше и ниже изъясненнымъ получать бы не желали. Ибо за всѣ тѣ работы, рубка дровъ за каждую сажень приходитъ намъ по 30 по 5 коп. А сами мы, за тѣми изнеможеніями, нанимаемъ для оной рубки дровъ башкирцевъ и даемъ отъ каждой сажени по 70 и по 80 коп. Ибо оный заводъ отъ всѣхъ тѣхъ нашихъ жителствъ состоитъ разстояніемъ въ пятистахъ верстахъ и болѣе.

4. Вторая партія также посылается толикое жъ число къ кладкѣ, дерненію, осыпкѣ, сженію кучъ, и ломкѣ угля, августа мѣсяца, а кучи класть, дернить, и осыпать, выжечь и выломать уголь—причитается на каждую душу годную и негодную по 10 сажень. И за наступленіемъ же зимняго времени оную работу случается исправить много никакъ не возможно. Изъ того завода отпускаются работные люди въ домы свои; за далностью же онаго завода, къ доработкѣ тѣхъ положенныхъ сажень, посылаются вторично въ другой годъ лѣтнимъ временемъ съ мая мѣсяца. А когда онымъ кучамъ сженіе бываетъ, то для заливанія угля воду возимъ на собственныхъ своихъ лошадяхъ. А у кого собственныхъ своихъ лошадей нѣту, то носятъ на себѣ. И за таковыми далнопроходными времянами, а особливо неспособными работами, не точію что имѣть себѣ во время пашенной земли къ насѣянію хлѣба и протчей страдной работы къ прокормленію, но и совсѣмъ хлѣбопашества лишились, и живутъ завсегда при заводской работѣ безотлучно. А которые хотя по малому дѣлу и сѣютъ, токмо во время той заводской работы сѣять того хлѣба не допущаютъ. Въ домахъ же нашихъ и остаются старые и малолѣтные; токмо оные снять того хлѣба не могутъ, который и пропадаетъ безъ всякаго снятія. И отъ того мы несемъ себѣ немалое отягощеніе и великую скудость.

5. Третія партія посылается сентября мѣсяца толикое жъ число, для добычи желѣзной руды, и съ вывозкою на заводъ на собственныхъ своихъ лошадяхъ, которая добыча руды пачпуще приводитъ къ отягощенію въ томъ, что добывается оная руда все порохомъ, ибо велятъ добывать самую матерію, что сливается въ горѣ подъ одинъ камень; а которая до-

бывается и безъ пороху, то изъ подкопа землю носимъ по недѣлѣ и болѣе. И какъ тѣ три партіи въ заводѣ находятся при помянутыхъ работахъ, такъ и у протчихъ завсегда безотлучно, отъ чего пришли мы въ платежъ подушныхъ денегъ и протчихъ государственныхъ податей въ несостояніе. Въ такомъ намѣреніи, продавая свой послѣдній скотъ и протчее дешевою цѣною, дабы въ томъ платежѣ доимокъ на насъ не было.

6. А по исправленію нами вышеписанныхъ заводскихъ работъ, платы получаемъ, а именно: за рубку дровъ, о томъ написано выше сего, за кучную работу, кладку сдѣланную 20-саженную въ готовность скласть, одерншть, осыпать, выжечь и выломать уголь,—шесть рублевъ. А сами наймываемъ ко оной работѣ посторонныхъ людей, затѣмъ иногда за болѣзнію или не хотя отстать отъ посѣва хлѣба и быть съ голодомъ, и даемъ по 15 и по 18 рублевъ. За добычу жъ руды по 30 по 5 коп. за ящикъ, а сами наймываемъ, того жъ ради случая, по 60 и по 70 коп. за ящикъ, отчего пришли мы въ великое отягощеніе.

7. А при которомъ выше упомянутомъ заводѣ, у добычи желѣзной руды въ городахъ и неспособныхъ мѣстахъ, работою приводимъ себя ко отягощенію въ томъ, что хотя за вышепоказанныя работы платы и получаемъ, токмо той, нежели на платежъ подушныхъ денегъ, но и на одно пропитаніе себѣ не достаетъ. А располкладывается на насъ, на каждую душу, вывесть оной руды съ обжогу на заводъ по 300 пудовъ, при которой работѣ намъ безъ лошадей быть никакъ не можно, ибо оный заводъ, какъ и выше сего явствуетъ, отъ жителствъ нашихъ состоитъ въ далномъ разстояніи. Ибо къ тому не точію, чтобъ конскаго корма, и себѣ на пропитаніе хлѣба завести не можно, при которой работѣ оный конскій кормъ и себѣ на пропитаніе хлѣба покупаемъ дорогою цѣною. А иные бѣдные изъ нашей братіи, ко оной покупкѣ конскаго корма, денегъ не имѣютъ. То за неимѣніемъ того корма, отъ голода многія лошади помираютъ, а прочіе не толко для лошадей, но и для себя хлѣба не имѣютъ; чрезъ что тѣхъ лошадей и продаютъ дешевою ценою. И отъ того, а паче отъ всѣхъ вышеписанныхъ отягощенныхъ работъ, и за отдаленностью отъ нашихъ жителствъ завода, къ тому жъ и за вышеизъясненные немогущіи, кои тѣхъ работъ сами исправлять не могутъ, пришли во всеконечное разореніе и нищету. А если оныхъ работъ будетъ съ насъ не сбавлено, то мы и наипаче можемъ придти совсѣмъ въ несостояніе къ платежу государственныхъ податей, и можемъ послѣднихъ своихъ домовъ лишиться.

(Наказъ подписанъ отъ имени уѣздныхъ повѣренныхъ.)

(Сб. Р. И. О., т. 115 № 77, стр. 250—254).

---

40. Рѣчь депутата кн. М. Щербатова о дворянствѣ.

(12 сентября 1767 г., 22 засѣданіе.)

...Князь М. Щербатовъ подалъ обѣщанныя имъ *замѣчанія*, на нѣкоторыя изъ читанныхъ, въ предъидущемъ засѣданіи законовъ:

«Прежде всего почитаю за долгъ изъяснить, что хотя я и осмѣливаюсь представить мои мнѣнія для отмѣны вышеозначенныхъ законовъ, но дѣлаю это по потому, чтобы сердце мое недовольно было проникнуто благодѣяніями императора Петра Великаго, который соизволилъ учредить эти законы. Обстоятельства времени и разные случаи принудили его сдѣлать для нашего же благополучія такія положенія, которыя нынѣ, при благополучной державѣ нашей всемилостивѣйшей государыни, отъ измѣненія нравовъ, не только не полезны, но скорѣе могутъ быть вредны; и такъ приступаю къ разсмотрѣнію.

Означенные законы содержатъ въ себѣ правило, по которому каждый, дослужившійся до офицерскаго чина, почитается дворяниномъ и дѣти его уже должны быть помѣщены въ дворянскій списокъ, слѣдовательно пользоваться всеми правами дворянскаго званія. Такое преимущество дослужившимся до офицерскаго чина, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, было необходимо для понужденія дворянъ вступать въ службу; но нынѣ, когда уже видимъ, что Россійское дворянство, по единой любви къ отечеству и славѣ, и по усердію къ своимъ монархамъ, достаточно наклонно и къ службѣ и къ наукамъ, то кажется, что право, сравнивающее это сословіе со всякимъ, кто бы какимъ бы то ни было образомъ ни достигъ до офицерскаго чина, должно отмѣнить. Одинъ государь, по своему соизволенію, можетъ награждать этимъ правомъ за важныя услуги не только того, кто окажется достойнымъ, но и его потомство.

Если разсмотримъ происхожденіе имени дворянинъ, то выраженное мною предложеніе будетъ еще яснѣе. Извѣстно, что первое различіе между состояніями произошло отъ отличной доблести нѣкоторыхъ лицъ изъ народа. Потомки ихъ равномѣрно отличались отъ другихъ, оказывая услуги тѣмъ обществамъ, которыхъ они были членами. Такимъ обра-

зомъ повторяемыя въ теченіе многихъ лѣтъ заслуги склонили народы и государей къ одному имени и къ чести происходитъ отъ столь доблестныхъ предковъ, присовокупить почтеніе дворянскаго званія. Итакъ, первымъ объясненіемъ имени дворянина будетъ то, что онъ такой гражданинъ, котораго при самомъ его рожденіи отечество, какъ бы принимая въ свои объятія, ему говоритъ: ты родился отъ добродѣтельныхъ предковъ; ты, не сдѣлавшій еще ничего мнѣ полезнаго, уже имѣешь знатный чинъ дворянина; поэтому ты, болѣе, чѣмъ другіе, долженъ показать мнѣ и твою добродѣтель и твое усердіе. Тебя обязываютъ къ тому данныя законами моими права, предшествовавшія твоимъ заслугамъ, тебя побуждаютъ къ тому дѣла твоихъ предковъ; подражай имъ въ добродѣтели и будешь мнѣ угоденъ. Рожденный въ такомъ положеніи, воспитанный въ такихъ мысляхъ человѣкъ не будетъ ли употреблять сугубыя усилія, дабы сдѣлаться достойнымъ имени своего и званія? Одно это имя и припоминаніе о славныхъ дѣлахъ своихъ предковъ довольно сильно, чтобы побудить благородныхъ людей ко всякимъ великимъ подвигамъ. Эта политика у Римлянъ столь далеко простиралась, что они приписывали начало знатныхъ родовъ своимъ героямъ; о чемъ, по свидѣтельству блаженнаго Августина, знаменитый Римскій писатель Варронъ говорилъ, что для государства весьма полезно, чтобы знаменитые люди почитали себя происшедшими отъ героевъ; хотя это и неправда, но уже одна мысль о такомъ происхожденіи можетъ побудить ихъ предпринимать и оканчивать величайшія дѣла. Таковы были мысли сего просвѣщеннаго народа обо всемъ, что содѣйствовало къ умноженію его силы и славы. Самый естественный разсудокъ убѣждаетъ насъ, какъ то признаютъ и всѣ лучшіе писатели, что честь и слава наиболѣе дѣйствуютъ въ дворянскомъ сословіи: поэтому сіи качества имѣютъ большее вліяніе на тѣхъ, которые почти съ самаго рожденія своего слышатъ о знатныхъ делахъ своихъ предковъ, видятъ ихъ изображенія, вспоминаютъ тѣ подвиги, какими они прославлялись, чѣмъ на тѣхъ, которые, смотря на отцовъ своихъ, дослужившихся до первыхъ офицерскихъ чиновъ по старшинству службы или по приискамъ, а не по отличнымъ заслугамъ, не видятъ ничего такого, что могло бы его склонять къ славнымъ дѣламъ; а имена предковъ ихъ уже скрываются во тьмѣ. Не могу при семъ случаѣ не припомнить мнѣнія знаменитаго наукою и своимъ знаніемъ въ законахъ барона Пуффендорфа, который говоритъ: обыкновенно чины сами собою не даютъ дворянства, но государь даетъ титулъ дворянина, кому заблагоразсудитъ и проч.

Изъ всего мною сказаннаго видно, на чемъ я основываю мое мнѣніе, что дворянское званіе и его права не могутъ быть даруемы никѣмъ, кромѣ государя. Одна изъ важнѣйшихъ принадлежностей самодержавства заключается въ изліяніи милости и благоволенія не только на одно лицо, но и на его потомковъ, и тѣмъ его, такъ сказать, изъ ничтожества и праха въ вѣчную честь обратить.

Осмѣлюсь еще присовокупить, что право, по которому каждый разночинецъ, получившій только офицерскій чинъ, поступаетъ въ дворянское достоинство, безъ разсмотрѣнія его поступковъ или мыслей, можетъ быть поводомъ ко многимъ злоупотребленіямъ. Такіе люди, дабы дослужиться до офицерскаго чина и чрезъ то пріобрѣсти званіе дворянина, зная, что это зависитъ отъ власти каждаго командира, не откажутся льстить его страстямъ и употреблять другіе низкіе способы для сисканія его благоволенія, что, конечно, послужитъ ко вреду нравовъ ихъ самихъ и ихъ начальниковъ. Достигши до офицерскаго чина и видя себя дворяниномъ, эти люди уже теряютъ побужденіе къ достиженію высшихъ чиновъ, а только желаютъ пріобрѣсти себѣ имѣніе, которымъ бы они могли пользоваться; приискиваютъ всѣ пути, не отвергаютъ ни единаго, который бы могъ скорѣе довести его до желаемаго конца: отъ того порождается мздоимство, похищенія и всякое подобное сему зло.

Итак, главное основаніе дворянства есть честь, какъ это изъяснено и въ XV главѣ Наказа ея императорскаго величества. ...Хотя я и не сомнѣваюсь, что избранная коммиссія о государственныхъ родахъ составитъ, на основаніи вышеизложенныхъ правилъ, мудрое и благое положеніе о правахъ и преимуществахъ сего сословія, однакоже беру смѣлость представить нижеслѣдующее:

1) Дабы никто изъ разночинцевъ въ чинъ и въ право дворянское иначе не могъ вступать, какъ по единой монаршей власти.

2) Что дворяне, по одному имени своему, имѣютъ преимущественное передъ другими званіями право служить отечеству съ тѣмъ, чтобы имъ, по ихъ службѣ и преимуществамъ въ оной, опредѣлена была особая милость, соотвѣтственная достоинству сего сословія, столько разъ показавшему свое усердіе къ отечеству.

3) Дабы дворянинъ, безъ лишенія его дворянскаго званія, не могъ быть подвергнутъ чрезъ катскія руки наказанію. Такое право дано дворянству по Воинскимъ процессамъ,

части второй, главы VI-й, пунктъ 10-й, касательно пытки.

4) Поелику же дворянство, какъ выше неоднократно я имѣлъ случай упомянуть, отъ чести происходитъ и честью держится, то и непристойная брань и ругапіе дворянина должны быть запрещены закономъ.

5) Право владѣнія деревнями, обязывая дворянина собственною его пользою къ службѣ отечеству, есть первый способъ содержать себя во всѣхъ мѣстахъ, куда отечество заблагоразсудитъ его употребить. Вмѣстѣ съ тѣмъ нахожу полезнымъ предоставить одному этому сословію право употреблять и продавать какъ свои домашнія произведенія, такъ и другія, о которыхъ считаю излишнимъ здѣсь упоминать, предавая все сіе на разсмотрѣніе почтеннѣйшаго собранія.

Однакоже я ни сколько не думаю лишать людей, какого бы они ни были званія, тѣхъ преимуществъ, которыя даются какъ награда достоинству, и полагаю весьма справедливымъ награждать его, гдѣ бы оно ни оказалось; но чтобы награждалось только дѣйствительное достоинство и притомъ отъ такого лица, которое одно имѣетъ несомнѣнное право награждать такъ, чтобы награжденіе распространялось и на потомство. Лицо это есть монархъ.

(Д. Полѣновъ, т. I, стр. 149—153.)

41. Рѣчь кн. Щербатова.

(26 засѣданіе, 21 сентября.)

Депутатъ Ярославской отъ дворянства князь Михайла Щербатовъ, объявивъ чрезъ держателя дневной записки маршалу о желаніи своемъ сдѣлать возраженіе на голосъ депутата Якова Козельскаго, и получивъ на то дозволеніе, произнесъ слѣдующую *рѣчь:*

«Депутатъ Днѣпровскаго пикинернаго полка въ мнѣніи своемъ говоритъ, что всѣ древнія Россійскія дворянскія фамиліи произошли отъ низкихъ родовъ, и что теперь эти древніе дворяне, по надменности своей, не желаютъ допустить въ сіе званіе людей того достойныхъ. Весьма удивляюсь, что этотъ г. депутатъ укоряетъ подлымъ началомъ древнія Россійскія фамиліи, тогда какъ не только одна Россія, но и вся вселенная можетъ быть свидѣтелемъ противнаго. Къ опроверженію его словъ, мнѣ довольно указать на историческія событія. Одни Россійскіе дворяне имѣютъ свое начало отъ великаго князя Рюрика и потомъ, по нисходящей линіи, отъ великаго князя Владиміра; другіе выѣхавшіе знатные люди берутъ начало свое отъ коронованныхъ главъ; многія фамиліи, хотя и не ведутъ рода своего отъ владѣтельныхъ особъ, но произошли отъ весьма знатныхъ людей, которые, выѣхавши въ службу къ великимъ князьямъ Россійскимъ, считаютъ нѣсколько столѣтій своей древности и у насъ украсили себя знаменитыми заслугами отечеству. Какъ можетъ собранная нынѣ въ лицѣ своихъ депутатовъ Россія слышать нареканіе подлости на такіе роды, которые въ непрерывное теченіе многихъ вѣковъ оказали ей свои услуги! Какъ не вспомнитъ она пролитую кровь сихъ достойнѣйшихъ мужей! Будь мнѣ свидѣтелемъ дражайшее отечество въ услугахъ, тебѣ оказанныхъ вѣрными твоими сынами — дворянами древнихъ фамилій. Вы будьте мнѣ свидѣтели, самыя тѣ мѣста, гдѣ мы, по волѣ нашей монархини, матери отечества, для нашего благополучія собраны! Не вы ли были во власти хищныхъ рукъ? Вы, божественные храмы, не были ли посрамлены отъ иновѣрцевъ? Кто же въ гибели твоей, Россія, подалъ тебѣ руку помощи? То вѣрные твои чада, древніе Россійскіе дворяне! Они, оставя все и жертвуя своею жизнью, — они тебя освободили отъ чуждаго ига, они пріобрѣли тебѣ прежнюю вольность. «Мнѣ мнится зрѣть еще текущу кровь достойныхъ сихъ мужей и напоминающу ихъ потомкамъ тоже исполнять и такъ же жертвовать своею жизнію отечеству, какъ они учинили». Вотъ первое право требованія дворянъ древнихъ родовъ, чтобы никто съ ними безъ высочайшей власти не былъ сравненъ. Но они, сею любовію побужденные, не затворяютъ надменностію врата для доблести, а хотятъ, чтобы желающіе войти къ намъ въ собратство удостоились тою истинною добродѣтелью, которую бы самъ монархъ увѣнчалъ дворянскимъ званіемъ».

Сію рѣчь свою, замѣчаетъ дневная записка, «говорилъ онъ и окончилъ съ крайнимъ движеніемъ духа, что по произношенію его голоса примѣтить было можно».

Съ этимъ мнѣніемъ согласились всѣ депутаты Московской и Нижегородской губерній, присутствовавшіе въ этомъ засѣданіи, и сверхъ того депутаты отъ дворянства. (27 подписей.)

(Д. Полѣновъ, т. I, стр. 192—194.)

42. Рѣчь А. П. Попова о правахъ купечества.

(31 засѣданіе, 2 октября.)

По открытіи засѣданія и по прочтеніи дневной записки, слушаны были поданныя депу-

татами мнѣнія на читанные законы о купечествѣ въ слѣдующемъ порядкѣ:

Мнѣніе депутата отъ Рыбнослободскаго [1]) купечества Алексѣя Попова.

Какіе великіе труды соизволилъ подъять и перенести обновитель Россіи, блаженной и вѣчной славы достойной памяти императоръ Петръ Первый, тому весь свѣтъ можетъ быть безпристрастнымъ свидѣтелемъ.

Между многими его трудами было также и стараніе привести въ цвѣтущее состояніе русское дворянство и коммерцію. Дабы показать свѣту дворянство просвѣщеннымъ и полезнымъ отечеству, онъ оказывалъ ему отличные знаки своей милости, повелѣвалъ обучать благородное юношество разнымъ наукамъ, посылалъ ихъ въ европейскія государства, учреждалъ въ Россіи училища и для того призывалъ изъ Европы искусныхъ учителей, опредѣливъ имъ большое жалованье.

Для приведенія въ цвѣтущее состояніе коммерціи и русскаго купечества, онъ также прилагалъ отеческое попеченіе. Въ бытность свою въ европейскихъ государствахъ, онъ, проницательнымъ своимъ взглядомъ, лично разсматривалъ у тѣхъ народовъ, которые наиболѣе усовершенствовали свою торговлю, введенный въ ней порядокъ, дабы оному научить своихъ подданныхъ. Онъ самъ договаривался съ голландскими и англійскими банкирами, чтобы завести съ ними сношенія. Вслѣдствіе этого, вскорѣ по возвращеніи его въ Россію, въ ней открылись новые порты, проведены полезные для торговли каналы при огромномъ на сіе иждивеніи. Онъ посылалъ купеческихъ дѣтей въ чужіе края для обученія коммерціи; приказывалъ купцамъ устраивать фабрики и заводы, и для учрежденія оныхъ повелѣвалъ выдавать изъ казны деньги или же снабжалъ выгодными привилегіями. Всѣхъ же вообще оградилъ мудрыми законами, и купечество поручилъ вѣдать судомъ и расправою выбраннымъ изъ купечества же людямъ. Торгующимъ крестьянамъ повелѣлъ записываться въ купечество, а незаписавшимся въ оное запретилъ какъ торговать, такъ и вступать въ откупа и въ подряды, какъ это ясно свидѣтельствуютъ регламенты, инструкціи и указы, данные главному магистрату, коммерцъ-коллегіи и мануфактуръ и бергъ-коллегіи. Все сіе премудрый монархъ дѣлалъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы русское купечество собравъ, яко разсыпавшуюся храмину, не только сравнить, но и возвысить надъ европейскими купцами, зная достовѣрно, какъ нужна коммерція государству, что и видимъ на самомъ дѣлѣ въ европейскихъ державахъ. Но, къ крайнему несчастію для купечества, съ кончиною его величества, оно не могло, согласно его намѣреніямъ, достигнуть до желаннаго имъ состоянія.

Россійское дворянство приняло уже положеніе, котораго лучше нельзя и желать. Оно пожаловано вольностію, пользуется многими другими преимуществами, владѣетъ деревнями. Для обученія ихъ дѣтей заведены на счетъ казны разныя училища; на что русское купечество смотритъ съ особенною радостію.

Поэтому и купечество, полагая свою надежду на высочайшія е. и. в. щедроты, уповало, что оно не только сохранитъ и жалованныя ему государемъ Петромъ Великимъ права, собственнымъ его тщаніемъ учрежденныя, но что и при сочиняемомъ проектѣ Новаго Уложенія, по неусыпнымъ о своихъ подданыхъ матернымъ попеченіямъ е. и. в. оно не останется безъ милостиваго ея призрѣнія и получитъ способы къ поправленію бѣднаго своего состоянія, а черезъ то избавится отъ стыда передъ счастливыми европейскими купцами.

Но вмѣсто ожидаемаго поправленія, мы съ крайнимъ прискорбіемъ усматриваемъ изъ поданныхъ въ Коммисію многими господами депутатами мнѣній, что русскому купечеству готовится большое отягощеніе, какъ будто оно вовсе не нужно для государства. Вмѣсто того, чтобы въ силу указовъ императора Петра Великаго утвердить за купечествомъ ихъ права и вольности, а другимъ всякаго званія людямъ строжайше запретить вести торговлю, чрезъ что натурально купечество могло бы достичь большаго благосостоянія, помянутые господа депутаты, напротивъ того, предлагаютъ, ко вреду купечества, чтобы какъ благородному дворянству, такъ и крестьянамъ предоставлено было пользоваться купеческимъ правомъ, на-ряду съ купцами. Эти господа депутаты домогаются, чтобы купцамъ запрещено было имѣть всякія фабрики и минеральные заводы, которые устроены и размножены собственнымъ ихъ стараніемъ и на свои капиталы. Въ основаніе такого распоряженія они ставятъ, что будто содержаніе купцами фабрикъ и заводовъ не приноситъ пользы обществу, и что гораздо полезнѣе будетъ, ежели владѣніе оными будетъ предоставлено отставнымъ и живущимъ въ деревнѣ дворянамъ, которые умѣютъ содержать ихъ въ исправности. Къ этому они еще предлагаютъ, чтобы крестьяне, привозящіе въ города свои произведенія, имѣли

[1]) Рыбная слобода—нынѣ городъ Рыбинскъ

право продавать ихъ въ розницу. Итакъ, если все это будетъ утверждено, то купечество неминуемо придетъ въ разореніе, а съ этимъ коммерція можетъ притти въ совершенный упадокъ. Ибо хотя нынѣ крестьянамъ и разночинцамъ и запрещено по закону торговать, но, несмотря на это, купцы терпятъ отъ нихъ много обиды и помѣшательствъ. Что же будетъ тогда, когда закономъ всякому дозволено будетъ торговать?

Вслѣдствіе сего я, нижайшій, выбранный депутатомъ отъ купечества Рыбной слободы, по должности своей и по моему званію, представляю на благоусмотрѣніе почтеннаго собранія Коммиссіи мое мнѣніе.

1. Существующіе фабрики и горные заводы, на основаніи постановленій императора Петра Великаго, подтвержденныхъ высочайшими указами его преемниковъ, предоставить купечеству съ правомъ устраивать оные и на будущее время, ибо заводы сіи и фабрики первоначально были заведены и размножены купцами съ большою пользою для государства. Не запрещать имъ покупать крестьянъ къ заводамъ и фабрикамъ, для исправленія потребныхъ работъ, но безъ излишества, а по числу имѣющихся на нихъ становъ и печей; также дозволить купцамъ покупать земли, сколько нужно, подъ фабрики, заводы и подъ поселеніе рабочихъ при нихъ людей. Тѣмъ купцамъ, которые уже имѣютъ фабрики и заводы и при оныхъ крестьянъ, оставить ихъ за ними и за ихъ потомками, по силѣ тѣхъ же узаконеній, по которымъ тѣ купцы ими владѣютъ, ибо они завели свои фабрики и заводы и ихъ размножили по волѣ монаршей на собственные свои капиталы и своимъ стараніемъ. Всѣмъ фабрикантамъ и заводчикамъ быть вѣдомымъ судомъ и расправою въ магистратахъ и ратушахъ, кромѣ дѣлъ, касающихся до фабрикъ и заводовъ, и всякія гражданскія тягости нести, подати платить и службу отправлять во всемъ наравнѣ съ купечествомъ.

2. Сверхъ того позволить купечеству держать винокуренные заводы по силѣ указа императора Петра Великаго 1716 года. Отъ сего можетъ послѣдовать не малая польза казнѣ е. и. в., ибо подрядъ вина будетъ гораздо дешевле нынѣшняго и поставка его исправнѣе; купечество же чрезъ это можетъ поправиться.

3. Дозволить купечеству въ городахъ, по мѣсту жительства каждаго, имѣть лавки, амбары, погреба, постоялые дворы, харчевни, дома, сады, огороды и домовыя бани, безъ платежа съ нихъ поземельныхъ и другихъ оброковъ.

4. Согласно постановленію, изображенному въ регламентѣ главнаго магистрата, въ гл. IX, купечеству между собою быть судимому во всѣхъ дѣлахъ (кромѣ важнѣйшихъ государственныхъ) въ городовыхъ и слободскихъ магистратахъ и ратушахъ, чтобы оно не подвергалось разоренію отъ вымышленныхъ нападковъ. Равнымъ образомъ и на купцовъ, въ причиняемыхъ ими обидахъ, бить челомъ въ тѣхъ же магистратахъ и ратушахъ, а не въ другихъ правительственныхъ мѣстахъ.

5. Дворянству не позволять торговать и ни у кого, ни подъ какимъ предлогомъ, покупать купеческое право; ибо благородное дворянство имѣетъ свое собственное право, заключающее въ себѣ большія преимущества, и несетъ на себѣ драгоцѣнное имя дворянина. Поэтому входить въ такія коммерческія занятія, какъ, напримѣръ: фабричные, заводскіе и разные торговые промыслы, дворянамъ, по ихъ званію, не свойственно. Имъ слѣдуетъ предоставить продажу только того, что производится въ ихъ вотчинахъ по ихъ хозяйству, не дозволяя ничего скупать у другихъ. Если же кто изъ нихъ вступитъ въ непристойный ихъ благородному происхожденію торговый промыселъ, то-есть станетъ перекупать и торговать, и это будетъ доказано, то все перекупное конфисковать въ казну е. и. в., потому что благородному русскому дворянству, какъ мнѣ кажется, надлежитъ имѣть стараніе о приведеніи въ лучшее состояніе земледѣлія ихъ крестьянъ, и смотрѣть, чтобы послѣдніе обрабатывали свою землю съ прилежаніемъ и усердіемъ...

6. Тѣ изъ крестьянъ и разночинцевъ, которые пожелаютъ пользоваться купеческимъ правомъ, должны записываться въ купечество вѣчно, а не временно, и во всемъ быть съ купцами на ряду, какъ сіе повелѣно указомъ 1723 года и регламентомъ главнаго магистрата. Если нужно, чтобы русское купечество приносило государству полезные плоды, то непремѣнно должно запретить торговать другимъ всякаго званія людямъ.

7. Купцамъ своего права никому, ни за что и ни подъ какимъ видомъ не передавать; также и кредитовъ крестьянамъ и разночинцамъ отнюдь не давать, въ лавки сидѣльцами ихъ не сажать и въ отпуски съ товарами не посылать, кромѣ тѣхъ, которые будутъ наниматься подъ извозъ товаровъ...—

8. Всѣмъ вообще крестьянамъ дозволить продавать въ селахъ и въ городахъ обывателямъ оныхъ только произведенія ихъ деревенскаго хозяйства; при чемъ строжайше запретить, чтобы они, при отъѣздѣ изъ своихъ

деревень, у другихъ ничего для перепродажи не скупали и чрезъ то не возвышали бы на всякіе деревенскіе товары цѣнъ.

О всемъ вышеписанномъ представляю на разсужденіе всечестному собранію господъ депутатовъ.

Съ симъ мнѣніемъ согласились депутаты отъ городовъ: Рославля Григорій Шевердинъ, Верхотурья Андрей Глазуновъ, Мѣщовска Михайла Ганшинъ, и др. (всѣхъ 69 голосовъ).

(Д. Полѣновъ, т. II, стр. 37—45.)

---

43. Возраженіе депутата отъ Ярославскаго дворянства князя Михаила Щербатова на читанный 2 сего Октября голосъ депутата Рыбной слободы Алексѣя Попова.

Подчиняясь рѣшенію почтеннѣйшаго собранія, опредѣлившему 2 сего Октября отослать законы о правахъ дворянскихъ и сдѣланныя на нихъ примѣчанія въ Коммиссію о разборѣ родовъ, которая не оставитъ здраво разсмотрѣть и постановить, какія права и преимущества долженъ имѣть дворянскій корпусъ, я не буду болѣе упоминать объ нихъ, а только замѣчу, что такъ какъ дворянство, будучи обязано служить отечеству и государю, то слѣдуетъ приложить попеченіе и о его благосостояніи, дабы оно, въ виду собственнаго своего интереса, обязано было отечеству, и могло бы сносить разныя тягости, происходящія отъ службы, какъ о томъ объясняетъ одинъ писатель. Вообще должно сказать, что государство тогда становится прочно, когда оно утверждается на знатныхъ и достаточныхъ фамиліяхъ, какъ на твердыхъ и непоколебимыхъ столбахъ, которые не могли бы снести тяжести обширнаго зданія, если бы были слабы, невзирая на свою многочисленность. Дѣйствительно, мы видимъ, что величіе Французскаго и Испанскаго государствъ основано на знатныхъ родахъ. Итакъ, я приступлю отвѣтствовать на мнѣніе господина депутата Попова.

1) Я не думаю, чтобы кто изъ господъ депутатовъ отъ дворянства предлагалъ отнять у купцовъ право заводить фабрики, ибо господа дворянскіе депутаты, во всѣхъ полагаемыхъ ими въ семъ почтеннѣйшемъ собраніи голосахъ, показали довольно свою умѣренность и непосягательство на права другихъ, особенно тѣмъ, что защищали и самое купечество противъ предосудительныхъ имъ законовъ. Что же онъ, господинъ депутатъ, не обинуясь, предлагаетъ отнять у дворянъ право имѣть горные заводы и всякія фабрики, то въ отвѣтъ скажу: ежели одно сомнѣніе — не хотятъ ли лишить купечество сего права, показалось ему столь чувствительнымъ, то и дворянству должно быть не менѣе чувствительно напрасное посягательство отъ купца на ихъ право.

Но разсмотримъ самую сущность заводовъ и фабрикъ. Принадлежность минеральныхъ заводовъ, для которыхъ руды родятся въ землѣ и передѣлываются черезъ огонь, не должна ли составлять, безъ исключенія купцовъ, одно изъ дворянскихъ правъ, ибо владѣніе землею должно принадлежать однимъ дворянамъ. И какъ руды есть произведенія земли, равнымъ образомъ и лѣсъ, то такія произведенія и даютъ корпусу дворянства права имѣть участіе въ сихъ заводахъ, который, по праву его владѣнія деревнями, можетъ исполнять и самыя работы дешевле, чѣмъ купцы. Говоря это, я не имѣю намѣренія оправдать тѣхъ, которые отягощаютъ подданныхъ своихъ работами, для собственной своей выгоды. Но дворяне, по удобству своего положенія, могутъ чрезъ работу своихъ крестьянъ имѣть нѣкоторую прибыль и, держась умѣренной цѣны, безъ подрыва однакоже купцамъ, могутъ легче вступить въ соперничество съ другими націями во внѣшней продажѣ. Фабрики и особливо такія, которыя занимаются обрабатываніемъ русскихъ произведеній, не служатъ ли лучшимъ способомъ къ умноженію земледѣлія; ибо земледѣлецъ, который находитъ средство безъ промедленія продать свои произведенія, будетъ стараться и на другой годъ имѣть большее объ нихъ попеченіе. Заведенныя дворянами въ своихъ деревняхъ фабрики, держатъ крестьянъ въ безпрестанномъ трудолюбіи. Сіи же послѣдніе получаютъ отъ господъ своихъ достаточную плату и свое собственное благосостояніе находятъ въ прибыли своихъ господъ. Мнѣ могутъ возразить, что многіе господа таковой платы крестьянамъ своимъ не даютъ. Но я не думаю, чтобы были такіе жестокосердые, которые захотѣли бы этихъ подвластныхъ имъ людей лишить достойной мзды за то, что они имъ самимъ дѣлаютъ прибыль. Сверхъ того я осмѣлюсь сказать, что такой поступокъ не будетъ соотвѣтствовать хорошему управленію фабрикою. Здѣсь нельзя, чтобы человѣкъ неволею и почти изъ-за палки хорошо работалъ; ибо, напримѣръ, въ тканіи всякихъ предметовъ, если кто собственнымъ своимъ прибыткомъ не будетъ побужденъ хорошо вырабатывать вещи и однимъ кускомъ испортитъ остальные, то онъ сдѣлаетъ гораздо

болѣе убытка, чѣмъ то, что ему слѣдовало бы заплатить за [illegible].

Понеже желаніе господина депутата Рыбной слободы заключается въ томъ, чтобы купцамъ, лишивъ дворянъ способовъ къ пріобрѣтенію какой-либо прибыли, сдѣлаться откупщиками всѣхъ произведеній въ Россіи и устанавливать цѣну какъ онымъ, такъ и самимъ работникамъ. Но изъ этого произойдутъ вредныя послѣдствія, которыя послужатъ къ отягощенію земледѣлія и къ разоренію дворянства. Это уже и оказывается въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, и даже сами купцы отъ сильнѣйшихъ ихъ терпятъ притѣсненія.

Отлучка дворянъ отъ домовъ своихъ, для службы отечеству и государю, не можетъ имъ воспрепятствовать имѣть должное смотрѣніе за такими заведеніями. Сохрани меня боже и подумать, чтобы въ такое время, когда милость и правосудіе царствуютъ на престолѣ, дворянство, вмѣсто пріобрѣтенія какихъ либо правъ, могло что-либо изъ оныхъ утратить! Къ этому могу еще присовокупить, что и самая отлучка господъ изъ своихъ деревень не приноситъ большого вреда: ибо они употребляютъ разные способы для сохраненія въ хорошемъ состояніи своихъ заведеній. И если разсмотримъ со вниманіемъ, то можетъ быть найдемъ болѣе упадающихъ фабрикъ и заводовъ въ рукахъ купцовъ, чѣмъ въ рукахъ дворянъ, несмотря на то, что первые получили на заведеніе ихъ значительныя суммы отъ государства.

2) Что касается до покупки земель подъ фабрики, то мнѣ кажется неоспоримымъ, что купцамъ нужно это позволить; но не болѣе какъ такое количество, какое заводъ каждаго изъ нихъ можетъ содержать, и чтобы изъ онаго не было остатка для выгона или для другого употребленія, относящагося собственно до деревенскаго хозяйства. Хотя, съ одной стороны, работники необходимо нужны для фабрикъ, но если принять во вниманіе число пахарей въ Россіи, то конечно не только не слѣдуетъ допускать, чтобы дворяне, продавая людей для фабрикъ, отнимали ихъ отъ земли, но, напротивъ, должно всемѣрно стараться о размноженіи земледѣльцевъ. Теперь, если мы разсмотримъ самое употребленіе и жизнь этихъ работниковъ, то увидимъ, что кромѣ небольшого числа мастеровъ, которые, для того, чтобы они не показывали своего мастерства постороннимъ, содержатся почти какъ невольники, кромѣ, говорю, этихъ мастеровъ, прочіе находятся въ весьма худомъ состояніи, какъ относительно ихъ содержанія, такъ и нравственности. Самый этотъ столичный городъ можетъ свидѣтельствовать о разсу-номъ состояніи сихъ людей, оставленныхъ безъ всякаго попеченія о нравственной ихъ сторонѣ. Въ нихъ, по большой части, пьянство и пороки такъ вкоренились, что они нимало не думаютъ объ усовершенствованіи себя въ своемъ мастерствѣ. Отъ этого поврежденія ихъ нравовъ... — нерѣдко происходятъ безпорядки въ деревняхъ. Посему было бы весьма полезно всѣхъ находящихся уже на фабрикахъ приписныхъ людей переписать и болѣе покупать ихъ фабрикантамъ запретить, предоставивъ имъ довольствоваться тѣми, которые у нихъ уже есть, и ихъ потомствомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ надлежало бы внушить фабрикантамъ, чтобы они принадлежащихъ къ фабрикамъ людей старались мало-по-малу дѣлать вольными, давая имъ свободу въ награду за хорошее поведеніе и за лучшее знаніе искусства, съ такимъ притомъ условіемъ, чтобы эти люди выслужили у фабрикантовъ нѣсколько положенныхъ лѣтъ въ благодарность за ихъ обученіе. При окончательномъ же выпускѣ такихъ людей на свободу, можно было бы обязать ихъ не отставать отъ выученнаго ими фабричнаго мастерства. Эти мѣры послужатъ къ исправленію нравовъ, къ умноженію народонаселенія и къ приведенію ремеслъ въ лучшее состояніе...

(Д. Полѣновъ, т. II, стр. 56—60.)

44. Мнѣніе депутата Коробьина.

Читано 5 мая 1768 г.

Въ Коммиссію о сочиненіи проекта Новаго Уложенія отъ депутата Козловскаго дворянства на читанные о бѣглыхъ людяхъ и крестьянахъ законы.

Примѣчаніе.

При чтеніи законовъ о бѣглыхъ господскихъ людяхъ и крестьянахъ пришло мнѣ на мысль, почтеннѣйшіе господа депутаты, разсмотрѣть, какая бы причина была, убѣждающая ихъ къ толь поносному и для нихъ самихъ опасному дѣлу. По долговременномъ моемъ разсужденіи и по бывшемъ съ нѣкоторыми благоразумными людьми о семъ дѣлѣ совѣтованіи, напали мы, наконецъ, что причину оную искать должно или въ лицѣ помѣщика, или в лицѣ бѣглаго человѣка...—

Часто я размышлялъ о томъ, что бы понуждало крестьянина оставить свою землю, съ которой сступить почитаетъ онъ за дѣло невозможное, покинуть родственниковъ, жену и дѣтей, которыхъ видя при себѣ, несказанно утѣшается, а разлучаясь съ ними, источникъ

слезъ проливаетъ, странствовать по неизвѣстнымъ мѣстамъ и предаться толикимъ несчастіямъ, иногда же и самой смерти. Когда токмо войду въ такія мысли, то самъ себя увѣрить не могу, чтобы одни только крестьяне были причиною своего бѣгства. Чего ради долженъ бываю посмотрѣть на самихъ помѣщиковъ, какъ они поступаютъ съ ними. Думаю, изъ васъ знаютъ, почтеннѣйшіе господа депутаты, многіе, что есть довольно на свѣтѣ такихъ владѣльцевъ, которые съ крестьянъ своихъ берутъ противъ обыкновенной подати; есть и такіе, кои, промотавъ свои пожитки и набравъ много долга, отдаютъ своихъ людей, отлучивъ ихъ отъ земледѣлія, зарабатывать одни хотя слѣдуемые ежегодно къ уплатѣ проценты; есть и такіе, которые, видя, что получаемыхъ съ крестьянъ себѣ доходовъ на удовольствіе прихотей своихъ не станетъ, удаливъ отъ семейства, употребляютъ единственно для своей корысти; но что еще всего больше, то являются между ними и такіе, кои, увидѣвъ своего крестьянина трудами рукъ своихъ стяжавшаго малый себѣ достатокъ, лишаютъ вдругъ всѣхъ плодовъ его старанія. Сожалѣнія, подлинно, достойно взирать на земледѣльца, потомъ лица своего отъ земли мало-по-малу собирающаго имѣніе, почитаемое имъ за безцѣнное сокровище, въ надеждѣ во время болѣзни своей или старости питать себя и семью свою, такожде платить оброкъ своему господину, но вдругъ неожидаемымъ помѣщичьимъ приказомъ, или подъ предлогомъ усмотрѣнной за нимъ будто какой вины, или безъ всего, лишающагося всѣхъ своихъ съ толикимъ трудомъ собранныхъ пожитковъ и погружающагося паки паче прежней въ горестнѣйшую бѣдность, что подлинно съ человѣколюбіемъ сходства никакого не имѣетъ. Но ежели все сіе безпристрастно разсмотримъ, увидимъ точно, что сіе угрожаетъ разореніемъ цѣлому государству; ибо тогда только процвѣтаетъ или въ силѣ находится общество, когда составляющіе оное члены всѣ довольны: отъ сего ихъ спокойствіе, отъ сего и духъ къ защищенію своего отечества распаляющійся происходитъ. Но, какъ извѣстно, что земледѣльцы суть душа обществу, слѣдовательно, когда въ изнуреніи пребываетъ душа общества, тогда и самое общество слабѣетъ; итакъ, отъ изнеможенія общества души, недѣйствительными чрезъ то самое остаются и члены общества, т.-е. разоря крестьянъ, разоряются и всѣ прочіе въ государствѣ. А сіе зло коль пагубно государству, всякъ удобно понять можетъ отъ единаго токмо воображенія разоренныхъ граждан̂ъ. Что же отъ помянутыхъ мною случаевъ крестьяне разоряются, то развѣ тому сумнительно покажется, который мыслями еще колеблется о справедливости того: богатъ ли тогда крестьянинъ, когда у него все отнято, и когда лишенъ онъ земледѣлія, какъ жребія, его изобилующаго? чего для разсмотрѣть должно, не находится ли хотя одинъ въ дѣйствіи который-нибудь изъ оныхъ случаевъ въ нашемъ отечествѣ.

Е. и. в. всемилостивѣйшая государыня въ данномъ намъ премудромъ своемъ Наказѣ между многими причинами, воспящающими умноженію народа и земледѣлію, въ нѣсколькихъ статьяхъ благоволила сказать тако. («Наказъ» 269. 275. 276.) Видите ясно, почтеннѣйшія г.г. депутаты, что многіе изъ вышереченныхъ случаевъ и у насъ въ дѣйствіи пребываютъ, ибо не предписала бы подлинно намъ всемилостивѣйшая наша государыня оныхъ статей, которыхъ намъ положеніе дѣлать оставила, если бы оные не самомъ дѣлѣ не происходили. Почему не трудно теперь усмотрѣть можно, что причиною бѣгства крестьянъ, по большей части, суть помѣщики, отягощающіе толь много ихъ своимъ правленіемъ. И для того всячески стараться должно предупредить помянутые случаи, какъ несносные земледѣльцамъ, вредные всѣмъ членамъ общества и государству пагубные. А сіе удобно учинить можно, когда благоразумными и человѣколюбивыми законами предупреждено будетъ то начало, которымъ безразсудные помѣщики, сверхъ надлежащаго пользуясь, чинятъ столько злоупотребленій, ибо молодой дворянинъ, вѣдая, что онъ господинъ надъ всѣмъ имѣніемъ своихъ крестьянъ, для удовлетворенія своимъ прихотямъ вышереченные случаи весьма удобно въ дѣйство произвести можетъ. Итакъ, если бы всякій изъ владѣльцевъ извѣстенъ былъ, что онъ не болѣе отъ своего земледѣльца потребовать можетъ, какъ только то, что законами предписано, то симъ бы образомъ, кажется, могли пресѣчься тѣ злоупотребленія. Чего ради оное начало, отъ котораго толь вредныя происходятъ слѣдствія, состоитъ въ неограниченной власти помѣщика надъ имѣніями своего крестьянина, и для того всячески трудиться должно разрушить сіе начало.

Въ разсужденіи сей матеріи я бы съ охотою отъ нея воздержался, если бы совершенно вѣдалъ, что всѣ находящіеся въ драгайшемъ отечествѣ нашемъ дворяне суть такіе, которыхъ правленіе надъ своими крестьянами умножаетъ ихъ благополучіе усугубленіемъ изобилія, и которые самымъ дѣломъ доказываютъ, что они правятъ ими, какъ отцы

своими чадами. Но какъ изъ вышесказаннаго видѣть можно, что владѣльцы двоякаго вида въ нашемъ отечествѣ усматриваются: одни такіе, которыхъ потеряніе почитаютъ себѣ крестьяне будто какъ за погубленіе своей жизни; а другіе такіе, отъ которыхъ всячески желаютъ удалиться или иногда и подвергнуться самой крайней для жизни своей опасности. На первыхъ хлѣбопашцы взираютъ, какъ на своихъ отцовъ, а на вторыхъ, какъ на бичь, оттоняющій ихъ отъ своего семейства. Чего для надлежитъ предписать законами, коликую власть имѣютъ помѣщики надъ имѣніями своего крестьянина. Данная нами торжественная присяга, собственная польза дворянъ, благоденствіе крестьянъ и умноженіе хлѣбопашества сего отъ насъ требуютъ. А паче всего велитъ сіе учинить и е. и. в. всемилостивѣйшая наша государыня, Екатерина Вторая, которая въ главѣ о размноженіи народа и земледѣлія данного намъ Большаго Наказа наичувствительнѣйшимъ образомъ намъ о семъ внушаетъ. Итакъ, дабы не оказаться намъ гласа ея неслышавшими, предпріялъ я съ своей стороны представить вамъ, почтеннѣйшіе г.г. депутаты, мое о томъ мнѣніе, которое основано на помянутомъ данномъ намъ всемилостивѣйше отъ е. и. в. Наказѣ, почему оное и выслушать благосклонно изволите.

Пекущаяся безпрестанно о благополучіи подданныхъ своихъ, самодержица наша, всемилостивѣйшая мать отечества, Екатерина Алексѣевна въ данномъ намъ своемъ Наказѣ благоволила изрѣщи тако: въ 293 ст. — «не можетъ земледѣльство процвѣтать тутъ, гдѣ никто не имѣетъ ничего собственнаго»; въ 261: «законы могутъ учредить нѣчто полезное для собственнаго рабовъ имущества», т.-е. гдѣ никто не имѣетъ своего собственнаго имѣнія, тамъ земледѣліе процвѣтать или въ хорошемъ состояніи быть не можетъ, слѣдовательно надлежитъ предписать законами, дабы земледѣльцы или рабы вѣдали, что они имѣютъ своего собственнаго. Премудрое умствованіе, изъявляющее матернее сердце! Видите, почтеннѣйшіе г.г. депутаты, что матерь наша къ намъ вѣщаетъ! Она внушаетъ, что земледѣлія нѣтъ ничего полезнѣе въ государствѣ. Она учитъ, что земледѣліе въ томъ обществѣ весьма въ худомъ состояніи находится, гдѣ рабы, т.-е. крестьяне, ничего не признаютъ за свое собственное, а вѣдаютъ, что имѣніе ихъ состоитъ въ волѣ ихъ помѣщика. Она наставляетъ, что для приведенія хлѣбопашества или земледѣлія въ цвѣтущее состояніе потребны такіе законы, которые бы знать давали крестьянину, что извѣстную часть своего имѣнія почитать долженъ не за свою, но за помѣщичью, а прочее имѣніе за свое собственное, т.-е. за такое, которое онъ можетъ безъ опасенія пустить въ обращеніе, какъ-то: заложить, продать, подарить и оставить по себѣ, кому хочетъ, не думая, что оное когда-нибудь отнято будетъ его помѣщикомъ, и, кратко сказать, за такое, надъ которымъ онъ полный господинъ. Итакъ, коликой пользы надѣяться можно, ежели у насъ благоразумными законами предписано будетъ нѣчто для собственнаго крестьянъ имущества! Тогда малоразсудный господинъ, вѣдая, что не можетъ отъ своего земледѣльца потребовать сверхъ узаконеннаго, лишится надежды, что довольно еще у себя имѣетъ, и перестанетъ угождать своимъ прихотямъ; тогда не можетъ болѣе разорять и отягощать своихъ хлѣбопашцевъ, почему и самъ останется въ спокойствіи, да и государство отъ того пребудетъ въ цвѣтущемъ состояніи, увидя своихъ членовъ наслаждающихся всѣхъ довольствіемъ. Крестьянинъ же, зная, что онъ можетъ имѣть у себя нѣчто изъ своего собственнаго, старательные труды къ трудамъ прилагать будетъ; тогда не станетъ онъ и закапывать въ землю свои деньги, также не удалится отъ своей отчизны, и къ бѣгству его прекратится поводъ, а чрезъ то и земледѣліе въ полномъ своемъ изобиліи явится... —

...Чего ради, оставя все сіе на лучшее ваше, почтеннѣйшіе гг. депутаты, разсмотрѣніе, поспѣшаю къ предупрежденію могущихъ въ нѣкоторыхъ произойти таковыхъ мнѣній, что симъ образомъ земледѣльцы могутъ вдаться въ своевольничество и чрезъ то самое не можно будетъ управлять ими. Но какъ здѣсь говорено не о томъ, сколько имѣетъ власти помѣщикъ въ правленіи своихъ подчиненныхъ, но о томъ, сколько можетъ онъ надъ ихъ имѣніями, то отъ одного къ другому не можно сдѣлать заключенія, ибо отъ того, что господинъ не можетъ потребовать отъ своего крестьянина сверхъ положенной закономъ подати, не слѣдуетъ, чтобы крестьянинъ для того своевольничалъ: великая разность есть между властію помѣщика надъ имѣніями крестьянина и между правленіемъ онаго. Притомъ же, когда здѣсь говорено объ ограничиваніи власти господской надъ имѣніями его земледѣльца, еще ничего не сказано объ ограничиваніи власти помѣщичьей въ разсужденіи правленія. Она ему остается полная, какъ и нынѣ. Крестьянинъ его пребываетъ ему, какъ и нынѣ, крѣпостнымъ, почему доброму владѣльцу ничто не препятствуетъ къ приведенію своихъ крестьянъ въ лучшее состояніе своимъ благоразуміемъ; а желаемымъ уза-

коненіемъ пресѣчется токмо воля у худыхъ помѣщиковъ разорять своихъ хлѣбопашцевъ.

Итакъ, мнѣніе мое заключаю тѣмъ, что я искренно желаю, дабы почтеннѣйшіе г.г. депутаты не оставили сію матерію описать подробно, согласуясь съ повелѣніемъ е. и. в., съ благосостояніемъ государства, съ желаніемъ соотечественниковъ, съ благополучіемъ земледѣльцевъ и съ пользою трудовъ ихъ. Козловскаго дворянства Депутатъ Григорій Коробьинъ (с. п.).

(Сб. Р. И. О. т. 32, № 28.)

---

45. Мнѣніе депутата князя Щербатова.

(Отвѣтъ на рѣчь Коробьина.) Чит. 22 мая 1768 г.

Не буду я тщиться оправдать безчеловѣчныхъ помѣщиковъ, которые сверхъ силы и возможности на крестьянъ своихъ налоги полагаютъ, ибо, имѣя въ омерзеніи всякую суровость и нападеніе, порокъ во всякомъ состояніи людей не меньше мерзокъ почитаю; но желаю токмо здѣсь предложить: главнѣйшія ли суть тѣ причины (крестьянскихъ побѣговъ), которыя онъ (деп. Коробьинъ) представляетъ? и сіе я тѣмъ болѣе побужденъ учинить, дабы, плѣнясь оказуемымъ имъ человѣколюбіемъ и краснорѣчіемъ, сіе какого вреда не произвело.

1) Я мню, что рѣдкій помѣщикъ, имѣющій за собою не мало число душъ, возможетъ сказать, чтобъ нѣсколько бѣглыхъ не имѣлъ, то всѣ ли такіе побѣги отъ неправосудія и, такъ можно сказать, отъ мздоимства помѣщиковъ происходятъ? нѣтъ, не мню, чтобы онъ и самъ господинъ депутатъ на добродѣтельнѣйшій корпусъ дворянства, каковой есть во вселенной, возмогъ хулу такую возложить. И если то такъ, то должно искать другихъ причинъ; и вотъ оныя, 1-я. Пространство Россійской имперіи, вмѣщающее въ себѣ восемь климатовъ по земному шару, понуждаетъ многихъ искать себѣ способнѣйшаго жилища; да и въ самыхъ сихъ климатахъ не равная доброта земель и не равныя выгоды. 2-я. Недостатокъ земель и неплодородіе ихъ въ однихъ мѣстахъ, а напротивъ того великое обильство и доброта ихъ въ другихъ. 3-я — Рекрутскіе наборы, отъ которыхъ избавляясь, многіе не токмо изъ мѣста въ мѣсто, но изъ Россіи вонъ бѣгутъ. 4-я. Непостоянство, облѣнчивость и худые нравы самихъ крестьянъ, которые, пришедши въ несостояніе и бывъ понуждаемы къ работѣ, или страшась достойнаго за ихъ проступки наказанія, оставя дома свои, сбѣгаютъ; и многія другія, о коихъ за потребное почитаю умолчать. То какъ возможно положить все на одну суровость помѣщиковъ тогда, когда къ тому толь много другихъ причинъ постороннихъ есть?..

2) Но какъ со всѣмъ тѣмъ оспорить не можно, чтобы между великаго числа помѣщиковъ не было такихъ, каковыхъ описываетъ онъ, господинъ депутатъ Коробьинъ, и понеже желаніе нашей всемилостивѣйшей государыни есть, чтобы сдѣлать насъ толь счастливыми, сколь возмогутъ смертные быть, слѣдовательно, хотя бы и въ одномъ такое злоупотребленіе его власти видно было, надлежитъ, конечно, потщиться, чтобы и то прекратить, дабы самый послѣдній подданный, видя ему утвержденное благополучіе, по мѣрѣ состоянія своего, по окончаніи сего закона, въ восхищеніи удовольствіемъ своего сердца, не преставалъ благодарить общую нашу благодѣтельницу, Екатерину II... Но за нужное для сего почитаю разсмотрѣть, возможные ли, паче, не вредные ли способы представлены господиномъ депутатомъ Коробьинымъ: ограничить власть помѣщиковъ въ доходахъ. Да позволится мнѣ теперь спросить: не самая ли то истина, что дабы положить чему границы, надлежитъ ту самую вещь узнать? ибо если не обнимаешь зрѣніемъ или понятіемъ какую вещь, то и границъ ей положить не можно; также не самая ли то истина, что должно съ крестьянъ положеніе чинить по ихъ обстоятельствамъ и выгодамъ, каковыя они имѣютъ? Но возможно ли какому бы то ни было правительству сіи не равныя выгоды обстоятельно знать: разность климатовъ, доброты земли, обильство или недостатокъ угодій, способы къ промысламъ, всѣ обстоятельства, премѣняющіяся по разнымъ уѣздамъ Россіи...

3) Дать нѣкоторую собственность крестьянамъ. Весьма мнѣ удивительно, что о такой собственности и поминается, будто бы ее не было. Дается то, чего до сего не имѣли, но какъ понынѣ наши крестьяне имѣли и имѣютъ совершенную собственность (хотя не законами утвержденную, но, если осмѣлюсь сказать, еще сильнѣйшую, т.-е. основанную на общемъ умствованіи и на взаимной пользѣ) во всемъ своемъ движимомъ имѣніи, т.-е. могли и могутъ нынѣ весь свой пожитокъ продавать и отдавать по благоизобрѣтенію своему, токмо съ такимъ ограниченіемъ, что помѣщики наблюдаютъ для крестьянскаго же благоденствія, дабы самыхъ нужныхъ вещей для земледѣлія не сбывали и не становились бобылями, что все еще и для общаго распростертія земледѣлія и благосостоянія государства клонится; и толь попеченіе сіе о ихъ

благосостоянии простирают, что снабжаютъ ихъ скотиною, лошадьми, хлѣбомъ, даютъ имъ лѣсу на строеніе, и все то безъ всякой другой заплаты, какъ единственно токмо, чтобъ вспомоществовать ихъ благосостоянію. Въ утвержденіе чего свидѣтельствуюсь всѣми здѣсь обрѣтающимися господами депутатами. Слыхалъ ли кто, чтобы крестьянинъ требовалъ у своего помѣщика позволенія продать какую вещь изъ своего пожитка или куда деньги употребить? Конечно, сего нѣтъ; во всемъ ими нажитомъ они совершенную волю имѣютъ, а напротивъ того, нерѣдко бываютъ требованія крестьянъ и исполненія по нимъ для ссуды оныхъ, что послѣднюю сію неразрывную цѣпь между помѣщиками и крестьянами утверждаетъ.

Что же господинъ депутатъ Коробьинъ представляетъ, дабы часть нѣкотораго имѣнія позволить имѣть крестьянамъ въ собственность, т.-е. чтобъ ее могли продать, заложить, подарить и проч., понеже, какъ я выше предложилъ о собственности ихъ въ движимомъ имѣніи, которая, конечно, не безызвѣстна ему, господину депутату, то развѣ о недвижимомъ говоритъ; и о семъ состоятъ вопросы: 1) изъ какихъ земель имъ сію собственность дать? 2) и не разорительна ли она будетъ государству? Отвѣтствую. На 1-й: большая часть земель еще изъ древнихъ временъ дана государями въ оклады, а потомъ въ вотчины дворянамъ за ихъ вѣрную службу отечеству, яко: за сопротивленіе татарамъ и полякамъ, за неоднократное освобожденіе Москвы и проч., которыя дачи, если бы чего недоставало при началѣ оныхъ, еще сверхъ того безпрестанно и во всѣхъ случаяхъ ихъ пролитой кровью заслужили, а сверхъ того и положенными пошлинами за справки и за продажи едва не всю цѣну и денежную въ государственную казну внесли; то справедливо ли будетъ лишить сей корпусъ самыхъ сихъ земель, которыя его обязываютъ къ службѣ отечеству, или что, лучше сказать, онъ отчиной своей почитаетъ, и отнять не токмо кровью, но и деньгами купленныя ими имѣнія? и за награжденіе, что отъ ига татарскаго Россію свободили, что всегда нерушимою вѣрность сохраняли, что запечатлѣли свое усердіе къ своимъ монархамъ во время бунтовъ ругательными и мучительными смертями, что многія провинціи Россіи пріобрѣли, у нихъ самое то награжденіе отнять, дабы отдать ихъ подданнымъ, которые никогда къ сему права не имѣли или токмо неслѣдовали ведущимъ ихъ предводителямъ? нѣтъ, и изображенія сего довольно, — мню, самаго неправосуднаго въ ужасъ приводитъ! и не должны мы и помнить, чтобы лучшій законъ, какой во вселенной можетъ быть, возмогъ начаться такимъ неправосудіемъ! Великая Екатерина, коей мудрости вселенная удивляется, древнія вольности утѣсненнымъ народамъ сохраняя, не можетъ то терпѣть, чтобы вѣрные ея подданные такого правосудія страшиться могли. Позволь мнѣ, почтеннѣйшій маршалъ, едину рѣчь сказать всѣмъ симъ поселянамъ, которые здѣсь обрѣтаются для устроенія общаго благополучія. Скажите, почтенные депутаты, скажите, вы слыхали отъ отцовъ своихъ, колико заслуги корпусъ дворянскій всей Россіи оказалъ? еще во многихъ у васъ мѣстахъ видны развалины разрушенныхъ храмовъ, запустошенныя селенія отъ ярости шведовъ! кто вамъ православную вѣру сохранилъ? кто отъ ига и мучительства варваръ и чужеземцевъ васъ избавилъ, если то не дворяне? Толь ли награжденія отцы наши, имѣя честь предводительствовать своихъ слугъ противъ общихъ непріятелей и защищать православную вѣру и государство, надѣялись получить, чтобы нынѣ ихъ потомковъ съ тиранами сравнять? такое ли будетъ отъ васъ награжденіе за спасеніе васъ и душъ вашихъ? Но вижу, всѣ, равнымъ усердіемъ пылая, и отъ напоминовенія сего очи отвращаютъ, то какже за полезное можно принять, что толь не правосудно всему свѣту является? Скажу еще больше на 2-й вопросъ, что толь вредно всему государству. Какъ возможно позволить недвижимыя имѣнія продавать крестьянамъ, отдавъ ихъ онымъ въ собственность? возможетъ ли какое порядочное тогда домостроеніе быть, когда участки земли, отданной въ совершенную собственность, каждый крестьянинъ, имѣя право продать или подарить, будетъ другимъ оные продавать и раздробитъ ихъ не токмо на части, но на лоскуты, въ противность Наказу, отдѣленію 427?..

Итакъ, изъ всего, что имѣлъ честь представить, мню, что всякому ощутительно есть, колико представляемые способы господиномъ депутатомъ Коробьинымъ суть вредны. Но я съ моей стороны съ радостію ему то прощаю, почитая, что отъ усердія своего къ нѣкоторымъ удрученнымъ крестьянамъ оные онъ предложилъ, но не могу безъ удивленія видѣть, что коль имѣетъ онъ попеченіе о пожиткахъ крестьянскихъ, толь малое тщаніе прилагаетъ объ избавленіи ихъ отъ того утѣсненія, которое можетъ произойти отъ наказаній, налагаемыхъ на нихъ, ибо тщетно имя собственности растворивать: когда тѣло чье подвластно другому, имѣніе его всегда тому же подвластно будетъ, и законы тако-

ные, всегда сильнѣйшему уступая, лишь причина (презрѣніемъ ихъ) новому преступленію будутъ. А сей господинъ депутатъ точно говоритъ, что онъ не желаетъ, чтобы самихъ крестьянъ отняли отъ власти ихъ помѣщиковъ. То какая же собственность въ имѣніи у нихъ можетъ быть, когда помѣщикъ, имѣя власть самопроизвольно наказывать своихъ крестьянъ, слѣдственно можетъ и неволею, для избѣжанія отъ наказанія, имѣніе ихъ всегда, когда пожелаетъ, отнять?.. —

Мнится мнѣ, что противъ такихъ помѣщиковъ, ежели они есть, которые неумѣренные оброки или двойные съ крестьянъ своихъ берутъ, или которые отягощаютъ безмѣрно работою своихъ крестьянъ, или которые ограбливаютъ тѣхъ, кои потомъ лица своего пріобрѣли себѣ нѣкоторый пожитокъ, можно употребить такой способъ, чтобы учрежденные коммиссары и дворянскія собранія имѣли наблюденіе о благосостояніи крестьянъ и не только касающееся до имѣній ихъ, но также и безчеловѣчныхъ наказаній, и таковыхъ помѣщиковъ сперва словесно или письменно къ умѣреннѣйшему поступку старались склонить; если же и таковыя увѣщанія не послужатъ и помѣщикъ тотъ ни оправданія не предложитъ, ни суровость свою не смягчитъ, то бы въ вышнее правительство о томъ увѣдомляли, которое, учиня обстоятельное и строгое изслѣдованіе, можетъ повелѣть такому помѣщику дать опекуновъ...

Ярославскаго дворянства депутатъ князь Михайло Щербатовъ (самъ подписалъ, мѣстами исправлялъ и дополнялъ собственноручно).

(Сб. Р. И. О. т. 32, стр. 486—492.

III. Крѣпостное хозяйство.

46. Отвѣтъ на анкету Вол. Экон. Общества изъ Каширского уѣзда.

1766.

60. *Много ли обыкновенно прядутъ, каково, продаютъ ли холстину излишнюю и прочее?*

Прядутъ здѣсь бабы довольно, такъ же ткутъ, какъ выше упомянуто, холстину, доброты же худой, а шириною въ поларшина и 9 вершковъ. Прядутъ они больше поскonь, или конопи, а пеньку, когда конопей мало, или какъ нѣкоторые живущіе неподалеку отъ Серпухова дѣлаютъ, берутъ ее и паклю съ парусинной фабрики и прядутъ на оную въ домахъ своихъ на заплату; ленъ же, котораго у каждаго мужика по нѣскольку есть, весьма мало. Изъ обоихъ сихъ продуктовъ прядутъ и ткутъ холстины по большей части больше, нежели имъ на собственный расходъ надобно. Излишнюю свою холстину продаютъ они обыкновенно весною по ярмаркамъ и торгамъ городскимъ обывателямъ и другимъ разнаго званія людямъ. Берутъ за посконную обыкновенно по 2 копѣйки, а которая тоне и лучше съ полушкою и съ денежкою, а за льняную по 3 коп. и съ половиною за аршинъ, и на тѣ деньги покупаютъ себѣ шелкъ, бисеръ, бумагу и всякія другія мелочи, на уборы и платье употребляемыя, а иная вспомогаетъ мужу своему въ его нуждахъ. Прядутъ здѣсь обыкновенно на гребняхъ. Напрясть можетъ прилежная баба въ недѣлю или паче сказать въ пять дней (ибо они кромѣ воскресенья и въ пятницу по суевѣрію не прядутъ) посконной пряжи на 8 и на 10, а льняной на 5 и на 6 аршинъ, слѣдовательно можетъ она въ недѣлю напрясть посконной холстины на 16 и 20 коп., а льняной на 15 и на 18 коп.: но продается обыкновенно весьма малое число, иногда лоскутами по одному и по два аршина, а цѣлыми холстами рѣдко. Отпрясть же можетъ льна прилежная баба фунта 2 или 3 въ недѣлю. Когда своего льна нѣтъ, что часто случается, то покупается онъ отъ постороннихъ. А что касается до того, недостатокъ ли льну причиною тому, что не больше онаго прядутъ, то заключаю, что конечно недостатокъ, которой не только во льнѣ, но и в конопяхъ весьма часто случается не малой.

Все сіе только до крестьянства принадлежитъ: что касается до помѣщичьихъ домовъ, то во многихъ сей пунктъ до довольнаго уже совершенства доведенъ: въ нихъ дворовые бабы и дѣвки прядутъ довольно тонко, и обученные ткачи ткутъ полотны, которыхъ аршинъ по 20, 30 и по 40 коп. продается, и мне случилось такую видѣть, за которую охотно по 70 коп. аршинъ давали.

Не только десяти, но и семилѣтнія обучаютъ дѣвочекъ?

Не только десяти, но и семилѣтнія обучаются уже прясть и не гуляютъ, равно какъ тѣхъ же лѣтъ и мальчики, не всѣ должны по силѣ своей домашнія работы отправлять.

62. Кому и гдѣ они пряжу свою обыкновенно продаютъ?

Пряжею здѣсь почти не продается, а болѣе уже готовая холстина, въ разсужденіи которой уже выше упомянуто.

(Труды В. Э. О-ва, т. 2, 1765.)

---

47. Отвѣты на анкету изъ Кашинского уѣзда.

Вопросъ 4. Не сѣется ли тамъ гороха, чечевицы, проса и гречихи? стараются ли земледѣльцы о размноженіи пеньки и льна? и ежели которых изъ оныхъ произрастаній недостаетъ, то для какихъ причинъ оныхъ не заводятъ?

На 4: Льны въ употребленіи двоякаго рода: псковики, имянуемые между крестьянъ, ростуны и плаунъ, послѣдней больше крестьянами сѣется, а первые у помѣщиковъ, и суть лучше плавуновъ какъ длиною, такъ и бѣлизною и мягкостью. Плавуны не болѣе десяти и двѣнадцати вершковъ ростутъ, а крестьянами сѣются потому только, что оные меньше требуютъ за собою работы: ибо когда оный поспѣетъ, то выдергиваютъ его и ставятъ на льнищѣ въ бабки, дабы льняные головки отъ солнечныхъ лучей раскололись, что при ясной и теплой погодѣ обыкновенно въ недѣлю или дней въ десять бываетъ; тогда выколачиваютъ сѣмя вальками на рогожи, а ленъ стелютъ по лугамъ въ озимых поляхъ. Ростунъ же, напротивъ того, имѣя больше за собою старанія, въ помѣщичьихъ домахъ употребляется; сѣютъ его здѣсь очень много, и съ пользою и прибылью употребляется; ибо нѣтъ почти ни одного помѣщичьяго дома, гдѣ бы не было нѣсколько ткачей для тканья изъ онаго полотенъ, которые бываютъ по осьмидесяти и по девяносто пасмъ, и въ Москвѣ продаются аршинъ по 50 и по 60 копѣекъ. Многіе помѣщики симъ большіе барыши получаютъ. Льномъ нигдѣ не продаютъ, но еще онаго прикупаютъ въ Ростовѣ, на бывающей тамъ на первой недѣлѣ Великаго поста ярмонкѣ...

Вопросъ 59. Желательно также знать, какою обыкновенно работою бабы упражняются, особливо въ зимнее время?

На 59: Съ начала зимы и черезъ всю оную упражненіе ихъ состоитъ: прясть ленъ и шерсть, доить коровъ, кормить телятъ и ягнятъ и прочую скотину, помогая мужчинамъ убирать; съ марта по іюнь ткутъ сукна, и холсты бѣлятъ, вышиваютъ гарусами ширинки и платки; и есть ли у которыхъ остался ленъ, тотъ допрядаютъ на нитки; въ то же время въ огородахъ своихъ гряды и рассадники копаютъ, на оные навозъ носятъ, садятъ овощи, стригутъ съ овецъ шерсть; есть ли который крестьянинъ расчищаетъ пашню, подбираетъ дрязгъ на лугахъ, тому бабы его семьи помогаютъ. Въ іюнѣ навозъ возятъ, разбиваютъ и иногда мужикамъ боронить пособляютъ или одни боронятъ. Въ іюлѣ мѣсяцѣ ходятъ на сѣнокосы, сѣно ворочаютъ, разбиваютъ, сгребаютъ и мечутъ въ копны вмѣстѣ съ мужиками, между малосемейными иные молодые бабы и дѣвки сами сѣно косятъ. Въ то же время, когда случатся непастные дни, полютъ ленъ и посконь выбираютъ, по скончаніи чего принимаются за жнитво, жнутъ ржаной и яровой хлѣбъ, мужикамъ въ молотьбѣ ржи помогаютъ, при своженіи сноповъ въ копны или накладываютъ оные на телѣги, или возятъ ихъ. Въ половинѣ августа ленъ выбираютъ, обмолачиваютъ и ставятъ на льнищахъ такъ же какъ и посконь; и есть-ли благополучная погода, то въ семъ мѣсяцѣ яровое жнитво оканчиваютъ, овецъ въ другой разъ стригутъ. Въ сентябрѣ выбираютъ конопли, убираютъ огородные овощи, и капусту рубятъ; когда же ленъ вылежится, то сушатъ въ баняхъ, мнутъ его и треплютъ: между тѣмъ всякое утро мужикамъ молотить пособляютъ; что и продолжается до тѣхъ поръ, покуда молотьба не окончится; а тогда зачинаютъ по вечерамъ прясть, и такъ все годовое время мало въ праздности находятся.

Вопросъ 60. Много ли онѣ обыкновенно прядутъ? дѣлаютъ ли сами полотно, какого сорта и сколь широко, и больше ли они ткутъ холста и прядутъ льна, нежели имъ надобно на собственный расходъ? Продаютъ ли пряжу или полотна постороннимъ людямъ, кому, и въ какое время, какой доброты, сколько тонко, и почему аршинъ продаютъ на мѣстѣ? На гребнѣ ли прядутъ или на самопрядкахъ и на какихъ? Сколько прилежная баба напрясть можетъ обыкновеннымъ своимъ способомъ пряжи въ недѣлю? На сколько она можетъ сію въ недѣлю сработанную пряжу на мѣстѣ продать? Изъ сего можно заключить о тонинѣ. Сколько фунтовъ льна она можетъ обыкновеннымъ образомъ спрясть? Откуда берутъ ленъ, ежели не довольно своего? И недостатокъ ли льну виною, что не больше онаго прядутъ и не больше ткутъ полотенъ?

На 60: Льну прядутъ здѣсь много, полотенъ сами не дѣлаютъ. Холсты ихъ можно различить на три сорта; самые тонкіе въ 13 пасмъ, шириною въ три четверти аршина; продаютъ по 5 и по 6 коп. аршинъ, средніе въ 12 пасмъ, шириною въ 9 и 10 вершковъ, по 4 и по

$4^1/_2$ коп. арш., толстые въ 11, 10, 9 и 8 пасмъ, въ поларшина шириною, въ двѣ съ половиною и въ три съ половиною коп. аршинъ. Длиною бываютъ отъ 20 до 30 аршинъ. Холста прядутъ столько, чтобы себя съ мужемъ и дѣтей одѣть, да и на всякіе мелочи для женскаго платья стало, а иногда и на вспоможеніе мужу денегъ достать. Пряжею не продаютъ, но иногда небольшое число нитками по 4 и по 5 коп. моточекъ; но болѣе продажа бываетъ холстами въ двѣ ярмонки, бываемые въ Кашинѣ, одну лѣтомъ въ девятую пятницу послѣ Святой недѣли, а другую—зимою, во второе воскресенье великаго поста. Прядутъ на гребнѣ, а самопрядокъ не знаютъ; прилежная баба въ недѣлю болѣе не напрядетъ тонкой пряжи на 13 пасмовой холстъ, какъ на три аршина, а на тринадцати пасмовой—на пять аршинъ; слѣдовательно въ недѣлю выработаетъ на тонкомъ 18 коп., а на толстомъ—15, а прясть же льна больше не можетъ, какъ два фунта; хорошая и прилежная крестьянка зимою напрядетъ на 4 холста разныхъ рукъ, т.-е. на 80 аршинъ; когда не родится дома ленъ, то покупаютъ оный въ другихъ деревняхъ. Впрочемъ прядутъ здѣсь только, сколько въ силахъ выпрясти, и пряденіе не за недостаткомъ льну не пріумножается, но въ помѣщичьихъ домахъ недостаетъ иногда льну по причинѣ многихъ ткачей: однако тамо покупаютъ на Ростовской ярмонкѣ пряжею, а иногда и льномъ, какъ лучше разсудится. О чемъ объявлено выше, въ 4-мъ отвѣтѣ.

Вопросъ 61. Заставляютъ ли прясть дѣвочекъ десяти и одиннадцати-лѣтнихъ, или ихъ въ праздности оставляютъ?

На 61: Малолѣтніе ни дѣвочки, ни мальчики праздно не шатаются: первыхъ отъ осьми лѣтъ сажаютъ за гребень, а мальчики за отцами боронятъ, скотину на водопой гоняютъ и прочіе работы по ихъ возрасту отправляютъ.

Вопросъ 62. Кому и гдѣ они пряжу свою и холстъ обыкновенно продаютъ и по какой цѣнѣ?

На 62: Гдѣ и по чему холсты продаютъ, то выше отвѣтствовано; а скупаютъ ихъ по большей части Кашинскіе купцы и Никольской слободы жители, которые холстины до нѣсколько тысячъ аршинъ въ Петербургъ отвозятъ и тамо распродаютъ.

На 64... Въ помѣщичьихъ домахъ неоднократно заводили настоящіе псковскіе сѣмена, но какъ они черезъ малое время доброту теряютъ, то охота къ выписыванію новыхъ уменьшается; и больше сѣютъ домашніе ростуны, кои, вычищаясь много и хорошо, тонкую нитку даютъ, такъ что въ нѣкоторыхъ домахъ 80 и 90 пасмъ полотна по 50 и по 60 коп. продаются, а въ 60 и 70 пасмъ почти во всѣхъ домахъ ткутся; нитки изъ онаго жъ прядутся годные на плетеніе манжетъ, каковые въ Москвѣ по 8 и по 10 рублей продаются. Есть ли же когда не уродится, покупаютъ больше льновъ на Ростовской ярмонкѣ, а здѣсь ростуну хорошего четверикъ продается отъ 50 до 60 коп., ростунового льну пудъ отъ 1 р. 60 коп. до 3 руб., плавуну четверикъ—по 30 и по 35 коп., плавуноваго льну по 70 коп. и по 1 рублю по 20 коп. пудъ...

(Труды Вол. Эк. О-ва т. 26.)

48. Изъ работы Іосифа Регенсбургера на задачу Вол. Экон. Об-ва 1770 г.

Бюджетъ помѣщика.

НАЧЕРТАНІЕ

Какимъ образомъ женатому, но бездѣтному господину, имѣющему въ годъ доходовъ 20.000 рублей, располагать домостроительство, чтобъ безпрестанно могъ онъ имѣть приличное содержаніе въ разсужденіи пищи, одежды, служителей, каретъ, лошадей, ливреи и проч.?

Сокращенный перечень всѣхъ расходовъ, показанныхъ въ семъ начертаніи отъ 20.000 рублей годового дохода.

№№ по порядку.	НАИМЕНОВАНІЕ.	Рублей.	Копеек.
1	За наемъ двора въ годъ	1.200	
2	На дрова	440	—
3	На кухню	3.591	10
4	На напитки	1.505	85
5	На конфекты	973	—
6	На жалованье домашнимъ офиціантамъ и женщинамъ . . .	3.267	50
7	На мѣсячное жалованье ливрейнымъ служителямъ	1.767	—
8	На столовое и поваренное бѣлье	422	—
9	На мытье кружева и манжетъ .	150	—
10	Расходы на обыкновенную ливрею	774	—

№№ по порядку.	НАИМЕНОВАНІЕ.	Рублей.	Копеекъ.
11	Ежегодные расходы на праздничную ливрею.	372	33
12	Конюшенные расходы.	1.087	60
13	Мастеровымъ за починки . . .	150	—
14	На карету и уборъ	254	50
15	На свѣчи для всего дома на весь годъ.	176	—
16	На содержаніе охотничьихъ собакъ	18	—
17	На содержаніе домашнихъ собакъ	14	60
18	За чищеніе трубъ.	18	—
19	Доктору, лекарю и на лекарство	160	—
20	Священникамъ и на свѣчи къ святымъ иконамъ	44	—
21	На подаянія нищимъ	150	—
22	На господское платье	2.000	—
23	На новое бѣлье	100	—
24	Карманныя деньги для господина и госпожи.	1.000	—
25	За письма и вѣдомости	200	—
26	Что остается въ сохранной казнѣ	101	52
	Полн. сумма всѣхъ расход. .	20.000	—

(Труды Вол. Эк. Об-ва т. 21.)

49. Изъ работы на ту же задачу Шретера.

Бюджетъ помѣщика.

О домѣ, дровахъ и свѣчахъ.

Потребно для домостроительствъ, кои ежегодныхъ доходовъ имѣютъ.	3.000 руб.			
	Покоя.	Саж.	Пуд.	Рубл.
Домъ, съ означеннымъ въ столбикахъ числомъ покоевъ, при чемъ находится кухня, конюшня, сарай, сѣнной амбаръ, ледникъ и теплый погребъ, за который ежегодно платить				
Домъ такой слѣдующимъ образомъ раздѣлить можно:				
спальня	1	—	—	—
столовая	1	—	—	—
гостиная.	1	—	—	—
дѣтская	1	—	—	—
для:				
учителя	1	—	—	—
управителя.	—	—	—	—
повара.	—	—	—	—
камердинера	—	—	—	—
горничной и поварихи .	1	—	—	—
гардероба и запасовъ . .	1	—	—	—
кучера и лакеевъ. . . .	1	—	—	—
работницъ	—	—	—	—
На каждый покой требуется въ мѣсяцъ дровъ 1 сажень — итого за 8 мѣсяцевъ	7	56	—	—
Для кухни, считая съ бѣльемъ ежегодно 24 с. по 1 р. 10 к. саж. — итого за	—	80	—	88
Вологодскія свѣчи 5 на ф.— 5 п. » » 6 » » —10 »				
Составляетъ съ расходомъ при особливыхъ случаяхъ, для ночниковъ и фонарей: пудъ 3 р. 20 к.—итого за	—	—	15	48
Восковыя свѣчи.	—	—	1	12
На починку дома ежегодно . .	—	—	—	30
Трубочисту.	—	—	—	10
За набиваніе погреба льдомъ .	—	—	—	3
За чищеніе нужниковъ	—	—	—	6
Итого . . .	—	—	—	697

Служители и ихъ платье.

Для домостроительствъ, кои ежегодныхъ доходовъ имѣютъ.	3.000 р.	
	Число служит.	Рубли.
Учитель кушаетъ съ господами, получаетъ жалованье и на платье ежегодно	1	200

Для домостроительства, [illegible] ныхъ доходовъ имѣютъ.		3.000 р. Число служит.	Рубли.
Управитель	Кушаютъ за камерпымъ столомъ.	—	—
Поваръ		—	—
Камердинеръ		—	—
Лакеи	на своей пищѣ.	3	126
Кучеръ		1	48
Форрейторъ		—	—
Дворовый и кухонный служители.		1	36
Горничная дѣвица — кушаетъ за камернымъ столомъ		1	30
Кухарка	получ. пищу.	1	36
Нянька		—	—
Горничная дѣвка		1	25
Кухонная работница — на своей пищѣ		—	—
Прачки и поломои — на своей пищѣ		1	30
Итого служителей и на нихъ расходъ		10	331

Платье и обувь служителямъ.

	3.000 р. Число служит.	Рубли.
Ливрея, т.-е. кафтанъ, камзолъ и штаны	4	120
Кожаные штаны	4	12
Зимніе перчатки	4	2
Епанча	4	40
Шляпы	4	4
Шапки къ ливреѣ	4	8
Сапоги	4	10

	3.000 р. Число служит.	Рубли.
Башмаки и пряжки — 2 пары въ годъ	8	10
Чулки — 2 пары въ годъ	8	8
Шубы	5	15
Балахоны	5	5
Сѣрые кафтаны	5	10
Работникамъ на шапки, перчатки и сапоги — ежегодно	—	3
Камеръ-юнфера, кухарка, нянька и горничная получаютъ отъ господъ по произволенію въ подарокъ платье, впрочемъ можно для нихъ на платье купить матерію, какъ взамѣну на	—	30
Кухонной бабѣ и работницамъ шубъ на	—	6
Итого денегъ ежегодно	—	283

Припасы для домостроительства, кухни и бѣлья.

	Рубли.
На ушаты, ведра, кадки, лохани, ложки, мѣхи, большіе и малые сита, лопаты, щетки	4
Желѣзные лопатки, топоры и пѣшни	1
На скудельную посуду, какъ-то: чашки, блюда, тарелки простыя	1
На скатерти для приготовленія кушанія; полотенца лакеямъ для прислуживанія при столѣ; салфетки для кухни; тряпицы для обтиранія рюмокъ, стакановъ и оконъ	7
Итого ежегодно	13

Конюшня, кормъ, посуда, т.-е. сколько ежегодно станетъ и что на содержаніе оного потребно.

Овса 1½ четверть въ мѣсяцъ на 1 лошадь, по 1 руб. 20 коп четверть	54	64	8
Сѣна по 30 фун. на день на 1 лошадь, по 10 к. за пудъ	822	82	—
На показанное число лошадей: соломы для лошадей	3	20	—
на починку хомутовъ, шоръ и пр. ежегодно	—	12	
на узды, скребла и щетки	—	4	—
на попоны и подтяжки	—	3	—
Роспуски и дровни	—	16	—
Фонари, ушаты, ведра, кадки, желѣзныя и деревянныя лопаты	—	1	50
Починка сихъ вещей	—	3	—
Починка каретныхъ стеколъ	—	4	—
На подковы, починку каретъ и роспусков	—	25	—
За каретную работу и крашеніе	—	10	—
На топоры, клещи, метлы, для чищенія конюшни, двора, крылецъ и улицъ	—	2	—
Итого	—	247	30

О господскомъ столѣ и трідневномъ закупаніи съѣстныхъ свѣжихъ припасовъ по годовому времени.

3.000 руб.

Господа для сего закупанія имѣютъ всякой день обѣдъ для . . . . 8 человѣкъ.

Ужинъ для . . . . 6 »

Кушанья въ обѣдѣ на . . . . . . 4 блюда.

3.000 руб.

Кушанья въ ужинѣ на . . . . . . 3 блюда.

Масла, сыру и салата по годовому времени въ обѣдѣ на . . . 4 тарелки.

Въ ужинѣ на . . . . 4 »

	Фунт.	Руб.	К.
Для сего показанного числа блюдъ закупаніе въ 3 дня слѣдующее:			
Говядины 3 к. фун.	30	—	90
Телятины	½ шт.	—	80
Ягненокъ	1	—	50
Баранины	½	—	50
Курицы	2	—	30
Утокъ	2	—	50
Дичины	—	—	—
Рыбы	—	1	—
Яицъ	20	—	10
Зелени и кореньевъ	—	—	46
Хлѣба, на 4 человѣкъ 1 хлѣбъ	12	—	48
Молока	—	—	12
	—	5	66
5 руб. 66 коп. запасъ съ тридневнаго закупанія составляетъ:			
690 руб. 52 коп. во весь годъ	—	690	52
Луженіе посуды составляетъ въ годъ	—	6	—
Сіе закупаніе для стола придетъ въ годъ	—	696	52

Ежегодные съѣстные припасы.		Цѣны товарамъ на 1770 г.		3.000 руб.		
		Руб.	Коп.	По-требно	Руб.	Коп.
Масла	пуд.	2	80	12 п.	33	60
Муки крупичат. .	»	1	—	8 »	8	—
» ржаной . .	»	—	40	36 »	14	40
Пшена сорочинск.	»	2	40	1½ »	3	60
Перлов. крупы . .	»	2	40	2 »	4	80
Манны	»	1	20	2 »	2	40
Саго	фунт.	1	—	—	—	—
Гречневой крупы хорошей	пуд.	1	—	2 п.	2	—
Гречневой крупы простой	четв.	—	60	2 ч.	1	20
Овсяной крупы хорошей	пуд.	1	—	2 п.	2	—
Овсяной крупы простой	четв.	—	55	2 ч.	1	10
Яшной крупы хорошей	пуд.	1	—	2 п.	2	—
Яшной крупы простой	четв.	—	55	2 ч.	1	10
Сахарн. стручьевъ	пуд.	1	20	2 п.	2	40
Стручьевъ прост. .	четв.	—	65	2 ч.	1	30
Бобовъ . . » . .	пуд.	1	20	2 п.	2	40
Чечевицы	»	1	20	2 »	2	40
Турецкихъ бобовъ	»	1	20	2 »	2	40
Аглицкого сыра .	»	6	—	½ »	3	—
Пармезанск. » .	»	12	—	—	—	—
Голландск. » .	»	6	—	½ »	3	—
Швейцарск. » .	»	8	—	—	—	—
Неаполитанской лапши разныхъ сортовъ	фунт.	1	—	—		—
Соли	пуд.	—	40	6 п.	2	40
Вишенъ сушеныхъ	»	8	—	10 ф.	2	—

Ежегодные съѣстные припасы.		Цѣны товарамъ на 1770 г.		3.000 руб.		
		Руб.	Коп.	По-требно	Руб.	Коп.
Малины	пуд.	2	—	—	—	—
Французского черносливу	»	6	—	10 ф.	1	50
Простого черносливу	»	1	50	1 п.	1	50
Изюму въ горшкахъ	гор.	6	—	—	—	—
Обыкновен. изюму	пуд.	3	—	20 ф.	1	50
Коринки	»	3	10	20 »	1	60
Грушъ сладкихъ и сушеныхъ . . .	»	6	—	10 »	1	50
Яблокъ сладкихъ и сушеныхъ . . .	»	6	—	10 »	1	50
Миндаля въ шелухѣ	»	8	—	10 »	2	—
Сладкаго миндаля	»	7	—	20 »	3	50
Горькаго » .	»	8	—	5 »	1	—
Бистаціевъ . . .	»	40	—	—	—	—
Сморчковъ и грибовъ . .		—	—	на	2	—
Черный перецъ .	фунт.	—	40	15 »	6	—
Бѣлый » . .	»	—	50	3 »	1	50
Желтый имбирь .	»	—	25	8 »	2	—
Бѣлый » . .	»	—	30	—	—	—
Корица	»	3	—	1 »	3	—
Мушкатные орѣхи	»	2	50	½ »	1	25
Мушкатный цвѣтъ	»	3	50	½ »	1	75
Гвоздика	»	3	—	½ »	1	50
Кардамонъ	»	2	—	½ »	1	—
Аглицкая горчица	»	1	—	2 »	2	—
Сахаръ простой .	пуд.	7	—	3 п.	21	—
» Рофонаты .	»	8	—	1 »	8	—
» Канарской .	»	12	—	—	—	—
Черной чай . . .	фунт.	2	—	20 ф.	40	—

Ежегодные съѣстные припасы.	Цѣны товарамъ въ [illegible] г.		5.[illegible] руб.		
	Руб.	Коп.	Потребно	Руб.	Коп.
Зеленой чай . . . фунт.	2	50	20 ф.	50	—
Коффей . . . . . пуд.	16	—	1 п.	16	—
Голландск. сельди 1/4 боч.	4	—	[illegible] б.	8	—
Анчаузы	—	—	на	3	—
Каперсы и оливки. . . .	—	—	на	4	—
Ренской уксусъ . 1 анк.	5	—	1 ан.	5	—
Деревянное масло . пуд.	16	–	1 п.	16	—
Тимонъ . . . . . . фунт	—	[illegible]	5 ф.	—	15
Аннисъ . . . . . . »	—	6	5 »	—	30
Корiандеръ . . . »		[illegible]	2 »	—	10
Окороки . . . . . пуд.	2	50	5 п.	12	50
Шпекъ . . . . . . »	3	—	—	—	—
Копченые гуси . . 1	—	40	на	3	—
» колбасы фунт.	—	25	15 ф.	3	75
» солонина пуд.	2	—	6 п.	12	—
» лососина »	4	—	1 »	4	—
» сельди . 1000	10	—	1000	10	—
Треска голландская . . . . . пуд.	7	—	—	—	—
» обыкнов. . »	1	50	2 п.	3	—
Камбала 100	1	—	200	2	–
Бѣлая капуста на кислую 1000	[illegible]	—	500	[illegible]	—
Огурцы въ соль . 1000	1		1000	1	—
» малые въ уксусѣ		—	на	[illegible]	—
Итого . .	—	—	—	349	50

Ежегодные съѣстные припасы.	Цѣны товарамъ на 17[illegible] г.		3.000 руб.		
	Руб.	Коп.	Потребно	Руб.	Коп.
Напитки.					
Бѣлое французское вино . . . . . оксов	50	—	1 окс.	50	—
Красное . . . . . »	60	-	1 »	60	—
Франц. водка . . анк.	10	—	1 анк.	10	
Гданская . . . . фляга	2	50	6 фл.	15	—
Англiиское пиво . бочка	75	—	—	—	—
Полпиво . . . . . оксов	3	—	12 окс.	36	—
Порожнiя бутылки и пробки	—		на	20	—
Итого . .	—	—	—	191	—
Для бѣлья.					
Мыла . . . . . . пуд.	2	40	8 п.	19	20
Бѣлой крахмалъ . »	2	80	3 »	8	40
Пудра для домашн. употребленiя	4	—	$1\frac{1}{2}$ »	6	—
Синей крахмалъ . фунт.	—	30	15 ф.	4	50
Синей камень . . . »	3	—	2 »	6	
Итого . .	—	—	—	44	10

(Труды Вол. Экон. О ва т. 21.)

50. Торгующее дворянство противуположенному дворянству военному

или два разсужденія о томъ, служитъ ли это къ благополучію государства, чтобы дворянство вступало въ купечество? Съ прибавленіемъ особливаго о томъ же разсужденія г. Юстія.

Переводилъ Денисъ Фон-Визинъ.

... Среди роскоши и великолѣпія невозможно услышать стона тѣхъ бѣдныхъ дворянъ, которые страждутъ въ отдаленіи и слезы свои со слезами бѣднаго работника мѣшаютъ. Не должно судить объ нихъ и по тѣмъ дворянамъ, которые иногда для тяжбы, иногда для снисканія себѣ покровительства въ столицу пріѣзжаютъ. Сіи несчастные чувствуютъ болѣе свое бѣдствіе, нося дворянское имя, и одна часть скрываетъ отъ стыда свою бѣдность. Сіи нужныя и часто безплодныя поѣздки разоряютъ ихъ нерѣдко на многіе годы.

Послѣдуемъ въ ихъ хижину за ними, обойдемъ съ ними сіи господскія земли, которыя господъ своихъ пропитать не могутъ. Смотрите на хлѣвы безъ скота, на сію худую пашню, или на сію невспаханную землю; на сію позднюю жатву, которую заимодавецъ, имѣя право получить, ожидаетъ; на замокъ, угрожающій господину своимъ паденіемъ; на семью, не имѣющую ни воспитанія; ни одежды; на отца и мать, вмѣстѣ слезы проливающихъ. Къ чему служатъ сіи знаки чести, бѣдностью униженные; сіи древностью изгрызенные гербы; сіе въ церкви различное отъ другихъ сѣдалище; сіи поименныя названія въ церковныхъ молитвахъ, которыми священникъ могъ бы тронуть и людей милосердыхъ, если бы только смѣлъ онъ; сіе охотничье право, которое живущимъ въ изобиліи дѣлаетъ забаву, и живущимъ въ недостаткѣ безплодное дѣлаетъ упражненіе; сіе самовластіе, которое несчастіемъ унижается, и для того рѣдко исполняемо бываетъ?

Таковое до крайности доведенное состояніе не можетъ долго продолжаться. Оно кончится всегда другимъ еще горестнѣйшимъ состояніемъ. Сіи земли могутъ достаться въ руки знатнаго и сильнаго господина, желающаго умножить свое владѣніе, или достанутся они чужестранцу, который болѣе имени своего носить не хочетъ. Я не слѣдую того, достойны ли новые дворяне, возвышающіеся трудами, большего почтенія, нежели старые, праздностью себя погубляющіе. Какъ бы то ни было, но для спасенія дворянства отъ совершенной погибели дадимъ ему купечество, въ которомъ найдетъ оно содержаніе и исправленіе земель своихъ, умноженіе имѣнія, укрѣпленіе права своего, безопасность своихъ преимуществъ, почтеніе вассаловъ своихъ, воспитаніе и произвожденіе дѣтей своихъ. Что же къ сему употребить должно? Богатство. Купечество оное доставляетъ.

Купечество весьма различествуетъ отъ прочихъ состояній. Воинъ сѣетъ, дабы пожать въ своей старости; но какую онъ еще и жатву имѣть будетъ? Развѣ нѣтъ такихъ недовольныхъ, которые жалуются о потеряніи имѣнія своего при жатвѣ военныхъ своихъ лавровъ? Купецъ пожинаетъ въ то время, когда сѣетъ; и хотя онъ и молодъ, но плоды труда своего показать можетъ. Юристъ покупаетъ право судить, для того чтобы пользоваться онымъ на своемъ иждивеніи; купецъ покупаетъ то, что для продажи назначено, а сіе дѣлаетъ онъ для того, чтобъ съ прибыткомъ оное опять сбыть съ рукъ своихъ. Счастлива судьба у олтаря; но къ достиженію онаго потребны великіе расходы на ученіе и на пріобрѣтеніе себѣ ученыхъ достоинствъ, которыя всегда за великія деньги покупаются; но откуда жъ имѣть деньги, если ничего не имѣть кромѣ дворянства? Купечество питаетъ начинающихъ людей своихъ въ то самое время, когда знаніе приводитъ ихъ въ совершенство. Находясь при государственныхъ сборахъ, можно такъ же сыскать скоро свое счастье; но къ тому потребно богатство и покровительство, чего не всякій имѣетъ; купечество защищаетъ себя само, и не требуетъ того, чего имѣть невозможно. Сіе-то есть пространное поле, гдѣ каждый, посѣя, пожинаетъ, и въ которомъ каждая жатва всегда другую изобильнѣйшую готовитъ. Въ Англіи болѣе шести тысячъ дворянъ имѣютъ дохода по десяти тысячъ фунтовъ; и сто тысячъ дохода тамо не считается за рѣдкость. Вотъ плоды купечества, древа неисчерпаемаго плодоносія.

О вы, которые и съ имѣніемъ своимъ вѣчно погибаете, которые въ дѣтяхъ своихъ оживляетесь для того только, чтобъ сдѣлать ихъ участниками своего несчастія. Обратите очи на древо сіе, и въ неисчетныхъ его вѣтвіяхъ избирайте едину по своей способности; взгляните на сучекъ сей, за который взялся простакъ вашъ подданный, и который питаетъ и одѣваетъ его со всею семьею; когда ваши сродники извлекаютъ отъ васъ тяжкія воздыханія. Если хотя нѣсколько усомнитесь вы о счастіи купечества, тогда жители Ліона, Бурдо, Нантеса и Марсели скажутъ Вамъ: на насъ взирайте. Дворянинъ, оставляющій въ наслѣдство дѣтямъ своимъ торгъ, оставляетъ имъ имѣніе, которое по числу ихъ

*

умножаться будетъ. Сіе не случается съ деревенскими швами, которыя онъ имъ въ наслѣдство оставляетъ. Дворянство жалуется часто, что бываетъ оно угнетаемо отъ склоннаго къ самовластному владѣнію кардинала; купечество опять оному помогаетъ. Безъ имѣнія не можно имѣть силы, а въ нищетѣ едва и душу имѣть можно. Тотъ, который ползаетъ въ пыли, возвысился бы на высочайшую степень, если бъ счастіе ему послужило.

... Но я забываю уже то, что вы въ купечество вступили, сами о томъ не вѣдая. Торгъ вашъ для того малъ, что вамъ великій противенъ. Вы торгуете виномъ и хлѣбомъ; но если въ томъ великая разность, чтобъ брать товары въ собственной своей землѣ, или покупать оные на продажу? Вообще сказать, кто бы не долженъ былъ вступить въ купечество? Сципіонъ, карфагенскій разоритель, похвалился тѣмъ, что онъ никогда ничего не продавалъ и не покупалъ; лучше бы было то, если бъ онъ похвалиться могъ тѣмъ, что не имѣлъ участія въ невѣрности римскаго сената противъ карфагенцевъ. Купечество есть душа всѣхъ сообществъ. Ораторъ продаетъ свое краснорѣчіе, писатель—духъ свой, воинъ — кровь, политикъ — свои намѣренія. Дворянинъ, ни въ чемъ ономъ участія не пріемлющій, могъ бы продавать плоды нашихъ мануфактуръ и художествъ. Онъ продаетъ же ленъ непряденый, для чего не продавать ему пряжи?

Но можно ль тому статься, чтобъ дворяне въ лавкахъ мѣрили и вѣсили? Я спрашиваю только о томъ, лучше ли жить имъ въ маленькой деревнѣ безпечно и вредить своей праздностью себѣ, семьѣ своей и всему государству? Вы страшитесь малаго торга для того, что вы дворяне? Но кто же вамъ сказалъ о томъ, что проворство ваше ограничило ваше счастье въ малыхъ предпріятіяхъ? Море показываетъ вамъ пространнѣйшее поле, нежель тщеславіе ваше: нѣтъ такого народа, который бы не представлялъ вамъ свои сокровища; и отечество ваше такъ, какъ и сродники, отверзаетъ свои объятія, для принятія васъ въ оныя. Сожалѣете ли вы о господствѣ надъ малымъ дворомъ своимъ, когда можете посылать въ Каиро и Суратъ ваши повелѣнія? Сдѣлайте лишь начало; одинъ торгъ приводитъ къ другому, малый къ посредственному, а посредственный къ большому. Козьма де-Медицисъ, отецъ и защитникъ Флоренціи, человѣкъ и купецъ, не вдругъ сдѣлалъ благополучнымъ себя и свое отечество. Онъ забылъ свое дворянство, и потомство возвышать его будетъ непрестанно до тѣхъ поръ, пока не замолчитъ оно отъ самодержавныхъ государей, носившихъ его имя. Не всякому дано достигнуть купечествомъ до такого величества и славы; но можно довольно быть славну, если только при ономъ остаться.

Честь, сія страсть благородныхъ душъ, сіе къ великимъ дѣламъ побужденіе, не всегда по истинному ея свойству представляется. Дворянство родилося для чести: сіе внушаютъ ему съ младенчества. Предразсужденіе ихъ въ томъ утверждаетъ, и они съ прискорбностью спрашиваютъ о томъ, не безчестно ли купечество?

... Французское дворянство, которымъ счастіе играетъ, на счастье тебя произвела природа! Или хочешь ты всегда подобиться Танталу? Онъ бы кончилъ свои страданія, если бъ такъ, какъ ты, могъ получить плоды. Не находишь ты сихъ плодовъ въ своихъ родословныхъ! Жены ваши требуютъ отъ васъ содержанія, а дѣти — воспитанія и помощи. Не думаете-ль вы найти въ прахѣ предковъ вашихъ нужные вамъ сокровища? Отечество ожидаетъ услугъ вашихъ. Уже вы болѣе не тѣ, которые были, когда въ собраніяхъ народныхъ могли вы подавать совѣты, и когда все зависѣло отъ васъ. Нынѣ не помышляютъ и о томъ, есть ли у васъ голосы. Вы имѣете храбрыя руки, вы представляете мечи, но есть мечи другіе со златыми рукоятками. Итакъ, ищите въ другомъ мѣстѣ пріобрѣтать славу. Постановите единое добро, которое можете вы привести въ состояніе. Оно довольно велико, когда имѣете вы бодрости довольно; я разумѣю бодрость духа, которая гораздо рѣже бодрости сердечной. Будьте чрезъ купечество защитниками женъ и дѣтей своихъ, питатели своему отечеству, будьте жизнью наукъ, причиною многолюдства, столпами нашего флота, душей нашихъ селеній, славою государства и причиною общаго благополучія. Время уже скучить вамъ своею бѣдностью и безпечностью. Или готское[1]) мнѣніе на вѣки вами овладѣло? Вы опасаетесь презрѣнія, и въ нищетѣ остаетесь. Вы любите знатность, и ничего не значите. Вѣчная жертва предразсужденія, васъ умерщвляющаго! Правленіе Людовика XIV было временемъ завоеваній и остроты разума. О если бъ правленіе Людовика *многолюбезнаго* было временемъ философіи, коммерціи и прямого благополучія!

(Соч. Д. И. Фонвизина, ред. Ефремова, стр. 565—618.)

---

[1]) Готическое, средневѣковое.

51. Англійская торговля въ Россіи.

(По Сегюру.)

(1785—1789 г.)

Скоро стало извѣстнымъ, что императрица снаряжаетъ въ Черномъ морѣ пять линейныхъ кораблей и восемнадцать фрегатовъ. Она была недовольна Англичанами, потому что они не раздѣляли ея политическихъ плановъ. Питтъ [1]) былъ лично не расположенъ къ ней; онъ не могъ допустить владычества огромной морской державы на востокѣ. Къ тому же императрица провозглашеніемъ началъ вооруженнаго нейтралитета посѣяла сѣмена раздора между Англіею и Россіею. Англичане уже стали опасаться потерять торговыя выгоды, исключительно имъ предоставленныя въ Россіи. Посланникъ ихъ дѣятельно старался удалить опасность; купцы ихъ, расточая подарки и услуги, нашли возможность увеличить въ Петербургѣ количество вывоза товаровъ и уменьшить привозъ ихъ; съ другой стороны, они грозили русскимъ министрамъ и купцамъ, что если ихъ стѣсненія будутъ продолжаться, то они замедлятъ ходъ торговли и лишатъ сбыта русскіе товары.

Въ самомъ дѣлѣ, англійскіе негоціанты образовали въ Петербургѣ цѣлую грозную колонію. Разбогатѣвъ торговыми оборотами и находясь подъ покровительствомъ своего благоразумнаго правительства, которое не потворствуетъ частнымъ выгодамъ, а имѣетъ всегда въ виду общее благо, они до того размножили свои заведенія и дома, что занимали въ Петербургѣ цѣлый кварталъ, называемый англійскою линіею. Ихъ соединялъ общій интересъ; они имѣли правильныя совѣщанія старшинъ, хорошій уставъ и всегда другъ друга поддерживали. Они сообща устанавливали на цѣлый годъ смѣту торговыхъ оборотовъ, опредѣляли цѣнность товаровъ и даже вексельный курсъ. При продажѣ товаровъ своихъ Русскимъ, они предоставляли имъ кредитъ на восемнадцать мѣсяцевъ, а сами покупали у нихъ на чистыя деньги пеньку, мачтовый лѣсъ, сало, воскъ и пушной товаръ. Вотъ какова была сила, съ которою я долженъ былъ бороться въ странѣ, гдѣ было только нѣсколько одинокихъ нашихъ купцовъ и одинъ лишь значительный торговый домъ Рембера (Raimbert), который съ трудомъ и ловкостью держался среди нападокъ и препятствій всякаго рода. Русскіе считали торгъ съ Англичанами необходимымъ для сбыта своихъ произведеній и находили мало выгодъ въ торговыхъ сношеніяхъ съ Французами, которые покупали у нихъ мало, а продавали много и дорого.

[1]) Англійскій министръ.

Когда Англичане, пугая Русскихъ, остановили запросъ на пеньку, я, пользуясь этимъ обстоятельствомъ, присовѣтовалъ нашимъ министрамъ потребовать пеньки на большую сумму. Но мой совѣтъ исполнили поздно и невполнѣ. Петербургскіе Англичане вредили намъ даже во Франціи. Купцы нантскіе и бордосскіе, обманутые ихъ выгодными предложеніями, и опасаясь переѣздовъ и таможень, поручали Англичанамъ и Голландцамъ перевозку своихъ товаровъ въ Россію. Мы почти исключительно снабжали Россію кофеемъ, сахаромъ и виномъ; но, пользуясь нашею безпечностью, иностранцы лишали насъ большой прибыли и вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивали свои морскія силы, которыя въ послѣдствіи обратили противъ насъ же. Этою перевозкою заняты были ежегодно до 2.000 судовъ, между тѣмъ какъ въ русскіе порты входило не болѣе 20 французскихъ судовъ.

Выгоды положенія Англичанъ дѣлали ихъ иногда до того требовательными, что они начали надоѣдать графу Воронцову; я это замѣтилъ изъ его разговора. Но онъ былъ еще сильно къ нимъ привер;кенъ, и я выжидалъ благопріятнѣйшихъ обстоятельствъ, чтобы разочаровать его. Мнѣ легче было преклонить къ себѣ князя Потемкина, потому что Англичане явно противудѣйствовали его видамъ относительно торговаго сообщенія между Херсономъ и Марселемъ.

(Зап. Сегюра, стр. 63—65.)

52. Записки В. С. Хвостова.

1792 г.

Съ оброка на барщину.

Грустная и уединенная моя жизнь въ деревнѣ заставила меня обратить все стараніе о поправленіи обветшалаго моего усадища, въ коемъ одинъ только господскій домъ приведенъ былъ въ довольно порядочное состояніе, прочее же строеніе было крайне плохо.

Опредѣливъ изъ крестьянъ моихъ двѣнадцать въ плотники, я выстроилъ три скотные двора, два новыя гумна, двѣ обширныя пуни для соломы и пчелъ, амбаръ для сѣна телятамъ, хлѣвъ на случай заболѣвшей скотины, избу съ печью, въ коей вмазанъ большой чугунный котелъ для корму скота паренымъ охоботьемъ отъ вымолоченнаго хлѣба, молошную избу и при ней ледникъ, въ той же связи

для пастуховъ избу съ чуланами; къ господскому дому два флигеля, баню и теплицую, каретный сарай, два хлѣбные амбара и хлѣбный магазинъ; [illegible] садъ.

Безъ хвастовства могу сказать, что я въ теченіе пяти лѣтъ моего одиночества привелъ Нѣжково въ несравненно лучшее состояніе, какъ въ разсужденіи самаго усадища, такъ и пашни. Въ 1792 году, когда я пріѣхалъ въ него, запашка состояла изъ сорока четвертей ржи, нынѣ же доведено до ста.

Нашедъ барщину малолюдною и въ жалкомъ состояніи, я взялъ изъ оброчныхъ тридцать сохъ на барщину. А такъ какъ сіи оброчные живутъ при Чудскомъ озерѣ и зимою промышляютъ рыбною ловлею, то и содержались на господской работѣ только до ноября, а дабы къ сему времени поспѣть мнѣ обмолотить хлѣбъ, то я построилъ два гумна и симъ средствомъ успѣвалъ нерѣдко до рождества христова молоченье оканчивать. Но чтобъ дать средство и барщиннымъ поправиться, то я ихъ помѣстилъ въ рыбный промыселъ. На сей случай употребилъ я слѣдующую расчетливость. У бережскихъ моихъ оброчныхъ было болѣе десяти неводовъ, въ каждомъ было по двѣнадцати работниковъ, коихъ они принимали съ воли. Переженивъ нѣсколько холостыхъ изъ оброчныхъ на дѣвкахъ изъ барщинныхъ семей, я породнилъ ихъ и потомъ опредѣлилъ въ каждый неводъ по четыре барщинника, такъ, чтобъ, гдѣ въ семьѣ два работника, одинъ оставался дома и смѣнялись бы на промыселъ понедѣльно. Я съ удовольствіемъ видѣлъ, какъ поправляться стали мои барщинные: ибо на худой конецъ рублей до пятидесяти въ зиму доставали и стали заводить порядочныхъ лошадей, неотмѣнно потребныхъ на озерѣ; стали сѣять болѣе прежняго овса, и я перестала слышать на господской работѣ безпрестанное понуканье лошадей.

Что я не ошибся въ расчетѣ, взявъ тридцать сохъ съ оброчныхъ на лѣто на барщину, спустивъ каждому по десяти рублей изъ оброка, то пусть всякъ сочтетъ, сколько принесла мнѣ прибыли пашня, доведенная до ста четвертей посѣва ржи, когда прежде засѣвалось ея сорокъ. По главнымъ честолюбіемъ хозяйства моего похвастать могу тѣмъ, что въ сорокъ лѣтъ владѣнія, въ самые голодные годы, никто не видѣлъ кого-нибудь изъ крестьянъ моихъ просящаго милостыни.

(«Русскій Архивъ» за 1870 г., стр. 583—585.)

53. Хозяйственные расчеты ярославскаго помѣщика Н. С. Карновича.

(1797—1798 г.г.)

Теперешній доходъ.

Деньгами	6.500 р.	
Ржи 400 четвер. по 5 р.	2.000 »	остается отъ года на 1 мѣсяцъ.
Овса 400 четв. по 2 р. 50 к.	1.000 »	нынѣшній годъ даже и не стало.
Ячменя 100 четв. по 3 р.	300 »	на ругу, на ребятъ исходитъ весь.
Пшеницы 50 четв. по 7 р.	350 »	остается отъ года 32 четверти. итого на 224 р.
Масла 50 п. по 6 р. 50 к.	325 »	остается отъ года 20 пуд., итого на 130 р.
Льну 100 п. по 6 р.	600 »	продажи ни оному, ни холстамъ нѣтъ.
	Итого 11.075 руб.	
Да отъ пшеницы и масла	354 руб.	
	Всего 11.429 рублей.	

Господскихъ полей 3 во владѣніи мужиковъ, которые навозомъ довольствуются съ коннаго двора, скотнаго и отъ дворовыхъ. Скота же у меня, на 80 десятинъ, господскаго 20 скотинъ, да у дворовыхъ 42 скотины, — всего 62 скотины, а по настоящему должно имѣть на каждую десятину по 3 скотины рогатаго, кромѣ лошадей, у меня же лошадей 52, всего со скотомъ 116 животинъ, что и дѣлаетъ по $1^1/_2$ животины на десятину. Изъ того числа 7 лошадей зиму держатся въ Ярославлѣ, разгонныя; разгонныя всегда въ ѣздѣ, то нельзя положить болѣе какъ по 1 животинѣ достанется на десятину. Оттого теперь господскія поля весьма обезсилены и годъ отъ году въ большій упадокъ приходятъ. Держать же, по теперешнему положенію, болѣе скота отяготительно крестьянамъ, ибо на ихъ корму.

Всякая плотничная работа и пилка теперь у меня наемная, или я самъ плачу или мужики. Прошлый 1797 годъ за плотничную работу сошло съ міру 459 р. 50 к., а и нынѣшній годъ заплачено уже изъ оброку за пилку 155 р.; это всякій годъ необходимо, либо все обвалится и сгніетъ.

Въ нынѣшнемъ сентябрьскомъ расходѣ изошло болѣе 100 р., коихъ бы при издѣльныхъ мужикахъ не было, и всѣ потребности покупаемыя были бы исправлены.

Сходитъ съ тягла оброку.

Деньгами.	16 р.	25 к.
Ржи 1 четверть	5 »	— »
Овса 1 четверть	2 »	50 «
Ячменя 1 четверикъ	— »	35 »
Пшеницы 1 четверикъ	— »	75 »
Масла 5 фунтовъ.	— »	75 »
Льну 10 фунтовъ	1 »	50 »
На барапов, холста и проч. по	1 »	— »
На плотниковъ, пилку, жалов. по	2 »	— »
Половина подводы дешевой по	— »	80 »
Яроваго корму на	1 »	25 »
Полкурицы и 50 яицъ	— »	40 »
Итого . . .	32 р.	55 к.

Съ 400 тяголъ, и все въ цѣну полагая, сходитъ 13.020 руб., а доходу 11.075 р.; въ немъ нѣтъ барановъ, холста, плотниковъ, пилки, яроваго корму, полкурицы, яицъ, жалованья: выборному, старостѣ, земскому, сотскому, лѣсникамъ и мѣровщикамъ.

Примѣрное положеніе о издѣльѣ 100 тяголъ все умѣренно и среднею пропорціею полагается, какъ посѣвъ, работа, урожай, цѣны и доходъ.

Взять у мужиковъ обратно 3 господскія поля, въ нихъ по 80 десятинъ казенныхъ. У мужиковъ же для пашни земли слишкомъ довольно, о количествѣ оной можно видѣть изъ книги и моего росписанія, сколько на тягло достается.

Посѣвъ. На поле, на 80 десятинъ высѣвается ржи 120 четвертей. Противъ оного на второе поле сѣется яроваго хлѣба противъ 120 четвертей, пшеницы 20 четвертей противъ 20 же ржи; льну 10 четвертей противъ 15 ржи, ячменю 30 четвертей противъ 20 ржи, овса 130 четвертей противъ 65 ржи. Яроваго разнаго хлѣба 190 четвертей.

Все это 100 тяголъ издѣльныхъ легко обработать могутъ и притомъ съ помощью дворовыхъ накосить стоговъ 40 сѣна. А чтобы вся оная работа удобнѣе, скорѣе и лучше могла быть сдѣлана и отъ погоды не потерпѣть остановки, выговорить у оброчныхъ помочные дни.

Навозъ возить 1 день, слать рожь 2 дня, яровой хлѣбъ 2 дня, всего 5 дней. Лугъ господскій косить по теперешнему всѣмъ поголовно, и оброчнымъ и издѣльнымъ. Покосы же, коихъ у меня прибыло и прибыть может, одни издѣльные и дворовые исправить должны и могутъ.

Съ 1-го октября до весны половину издѣльныхъ мужиковъ можно на промыслы отпускать, не бравъ съ нихъ за оное ничего, оставшаяся же половина обрабатываетъ ленъ и кончитъ молотьбу, равно какъ и всякое издѣлье и постройку исправитъ. Отпущать же погодно, годъ одна половина, на другой другая.

Дровъ положить на оброчныхъ по 1 сажени на тягло. Они не будутъ давать яроваго корму и ржаной соломы, у нихъ будетъ больше навозу и они, лучше удобря, лучше и обработаютъ свою землю, лучше и хлѣбъ у нихъ родиться будетъ. За симъ отъ меня строго будетъ приказано смотрѣть и самъ не упущу наблюдать. Теперь же они ѣздятъ пахать господское поле и не столько прибытку получается, сколько время теряется. Оное и такъ худо родитъ, а со временемъ придется отступиться отъ него, или гораздо скота пріумножить для удобренія онаго.

Съ издѣльныхъ брать по барану съ тягла, а съ бабы по 2 р. 50 к., называемыхъ холстинныхъ. Подводъ безъ крайности никогда не требовать, хотя эту повинность издѣльные бы должны нести. Наблюдать, чтобъ издѣльные, когда случится постройка, никогда наймомъ не отправляли, а сами, не такъ, какъ теперь у меня все деньгами исправляютъ, что многимъ весьма отяготительно.

На каждую десятину надобно имѣть рогатаго скота по 3 скотины, на 80 десятинъ 240 коровъ. Изъ того числа умѣренно положить 100 коровъ дойныхъ, а прочіе телята, подтелки, быки и малую часть овецъ, ибо ихъ невыгодно держать. Если положить 10 коровъ для кухни и расходу, то съ 90 коровъ должно получить масла по 30 фунтовъ, да берутъ вездѣ за творогъ и молоко со скотниковъ по 1 рублю съ коровы. Корму же для 240 скотинъ своего никогда ставить не будетъ, а ежегодно покупать на 100 руб., равно и для подстилки соломы рублей на 100 прикупать надобно. Чѣмъ болѣе подстилки, тѣмъ болѣе навозу, чѣмъ болѣе удобренія, тѣмъ больше урожаю, въ сложности же и одно зерно счетъ дѣлаетъ не малый.

По 30 фунтовъ масла съ коровы дѣлаетъ съ 90 коровъ 67 п. 20 фунтовъ; положивъ масло по 6 р. 50 к., сдѣлаетъ за оное

438 р. 75 к., а если дѣлать чухонское масло и продавать въ Москвѣ и Ярославлѣ, то еще больше отъ онаго доходу. Хотя по 50 копѣекъ съ коровы за творогъ и молоко дѣлаетъ 45 руб., но на 200 р. корму и соломы купить есть изъ чего. Рогатый скотъ всегда платитъ хорошо за свое содержаніе.

Телятины, баранины покупаться ни здѣсь, ни въ городѣ не будетъ. Для солонины говядина тоже своя, и кожи же денегъ стоятъ. Птицъ дворовыхъ тоже будетъ довольно, есть чѣмъ кормитъ, равно и свиней.

Въ скотники опредѣлить надобно шесть семей дворовыхъ. Для доенія же коровъ наряжать ежедневно всѣхъ дворовыхъ бабъ и дѣвокъ. Лѣтомъ скотниковъ можно употреблять всюду, а зимою никуда не трогать.

Чтобы имѣть по дому моему приличное количество птицъ, надобно опредѣлить двѣ семьи дворовыхъ для хожденія за ними, и чтобы все было въ порядкѣ и порядочно.

Дворовые, которыхъ содержаніе мнѣ весьма дорого, и они лишь въ тягость, употребятся съ пользою.

Коль скоро издѣлье будетъ, то Ивашевскую вѣтряную мельницу возьму для себя, поправлю ее и передѣлаю во всемъ, сдѣлаю о три постава и масляный заводъ. Устрою вѣтряную мельницу. Все это не маловажный доходъ приносить будетъ.

При семъ полагается примѣрное положеніе урожаю хлѣба и съ оцѣнкою. Все, что 100 сдѣлаютъ, оцѣнено въ сравненіе съ теперешнимъ доходомъ:

Посѣвъ.	Урожай.	За выключкой сѣмя.	Цѣна.
Ржи 120 четверт.	сама пята	480 ч. по 5 р. — к.	2.400 р. — к.
Овса 130 »	самъ четвертъ	390 ч. по 2 » 50	975 » — »
Льну 10 »	самъ четвертъ	30 ч. по 20 » — »	600 » — »
Льну должно выйти		150 п. по 6 » — »	900 » — »
Пшеницы 20 чет.	сама пята	80 ч. по 7 » — »	560 » — »
Ячменю 80 чет.	сам пятъ	120 ч. по 2 » — »	360 » — »
Отъ масла, за покупом корму и соломы, денегъ			283 » 75 »
			Итого па 6.078 р. 75 к.

Кромѣ денежныхъ доходовъ и замѣны денежной траты, о чемъ выше упомянуто, 100 тяголъ на издѣльѣ дѣлаютъ болѣе доходу нежели противъ теперешняго оброка. Прочіе же 300 тяголъ охотно дадутъ по 35 р. съ тягла, что сдѣлаетъ 10.500 руб. чистаго денежнаго дохода.

Теперь у меня тяголъ 450, а я все полагаю 400, это послужитъ имъ всѣмъ въ облегченіе.

Если же рожь родится сама восьма, пшеница также сама восьма, ленъ самъ пять, овесъ самъ пять или самъ шесть, ячмень самъ шесть или самъ семь, то и доходу будетъ болѣе, да и цѣны большею частію бываютъ дороже мною поставленныхъ.

Оброкъ, какой бы ни былъ, его прибыть никогда не можетъ, издѣлья же приносятъ иной годъ въ полтора болѣе доходу обыкновеннаго, а иногда и вдвое.

Сѣмена же у меня всегда будутъ самыя лучшія: льняное сѣмя псковское; овесъ — часть англійскаго и многоплоднаго. Рожь же на сѣмена брать буду ту, что, когда вѣютъ, падаетъ у самыхъ ногъ, это лучшее зерно, равно и пшеницу и ячмень.

Лошадей же уменьшится и ежегодно будетъ продаваться сѣну, который доходъ я полагаю рублей до тысячи на годъ.

(«Русс. Старина» 1876 г., т. XVI.)

---

54. Переписка гр. Шереметевыхъ съ ихъ управляющимъ

1754 г.

Сіятельнѣйшая графиня,

Милостивая государыня матушка

Варвара Алексѣевна.

Вашего высокографскаго сіятельства, милостивая государыня матушка, милостивое письмо отъ 8-го августа съ моимъ рабскимъ почтеніемъ получено 14 числа, за оное усердно рабски благодарствую; матушка, на которое симъ покорно доношу нижеслѣдующее.

Свѣчи бѣлыя восковыя столовыя пудъ по 16 рублевъ, масло деревянное лампадное по 4 р. 80 к. и по 4 р. 40 к. пудъ; водка вейновая штофъ три рубля, другая вейновая же по два рубля по сороку копѣекъ штофъ. Сахаръ кенарскій самой хорошій по семи рублей пудъ, а есть и шесть рублей съ полтиной и 40 к.; полукенарскій по пяти рублей съ полтиной и по 5 р. по 70 и по 80 л., также нынѣ на всѣ товары цѣна поднялась про-

тивъ прошлогодняго очень высока, для того пошлина положена по 13 к. съ рубля и для того и дороги всѣ товары, а сахару изъ-за моря нынѣ очень мало привозятъ для того пошлины съ пуда 91 к. платятъ. Къ тому же лѣтось много привезено было и дешевъ былъ, затѣмъ нынѣ мало и привозу сахару изъ-за моря.

Рабское мое поклоненіе приношу его высокографскому сіятельству милостивому государю отцу Петру Борисовичу и дражайшимъ дѣтушкамъ, милостивымъ государемъ моимъ и дажъ боже намъ ваше сіятельство дождаться въ радости видѣть.

И при отданіи моего рабскаго поклона вашему высокографскому сіятельству, матушка, съ моимъ рабскимъ почтеніемъ въ повелѣніяхъ вашихъ пребуду.

Покорню послѣднимъ слугой

Андрей Зиновьевъ.

Августа 15 дня 1754 г. Санктъ-Петербургъ.

(Другой рукой) Вашему сіятельству и я послѣдній вашъ рабъ Косма Хрипуновъ и съ женою моею кланяюся до земли и нижайше за напоминаніе благодарствую, какое въ письмѣ къ Андрею Павловичу учинить обо мнѣ и старухѣ моей милостивно соизволили.

(«Русскій Архивъ» 1915 г. № 9—10 стр. 139.)

55. Изъ указовъ графа П. Б. Шереметева его «управителямъ» Василью Замятину и Петру Александрову.

1772 г.

2. Атласу на платье Варварѣ Петровнѣ, выписаннаго Датскою посланницею шелку, кухонной провизіи отъ васъ ожидаю.

Я за нужное считаю, чтобъ всѣ мебели, которые велѣно купить для Мещеринова, также для Вознесенскаго, отправлены были прямо въ Мещериново, въ нынѣшнемъ генварѣ, а по крайней мѣрѣ въ началѣ февраля мѣсяца; ибо тамъ для житья моего нужда. 11 генв. 1772.

3. Отправлены отъ меня села Иванова съ крестьяниномъ Ефимомъ Грачовымъ перстень яхонтовый, осыпанъ брильянтами, и одинъ брелочикъ на подобье фляшки съ дикимъ камушкомъ, которое отдать господину Кросу и попросить, чтобъ переслать въ Лондонъ къ графу Николаю Петровичу, о чемъ я къ нему и писалъ; да послано къ нему господину Кросу кушакъ Персицкой съ золотомъ, серебромъ и съ цвѣтами Ивановскаго гостинцу, которое ему отвезти и отъ меня сказать, что онъ посланъ изъ здороваго мѣста, никакого въ немъ прилипанья нѣтъ, и у меня было въ рукахъ разъ десять, и чтобъ не погнѣвался, что такая бездѣлица, а только посылаю, что здѣшній Ивановскій. Да съ нимъ же послано отъ Варвары Петровны при письмѣ къ Катенькѣ Убрин табакерка, да перо, да маленькій перстенекъ яхонтовой съ цѣпочкою брилліантовою съ сердечкомъ, которое съ тѣмъ письмомъ ей отдать. Какъ оно все по сему указу будетъ исполнено, о всемъ писать ко мнѣ. Онъ же Грачовъ, на всѣ покупки какъ отъ меня приказано, обязанъ дать деньги; того ради сколько подлежитъ заплатить за всѣ товары, которые отъ меня тебѣ приказано купить изъ мебели въ Мещериново и за бумажки, деньги взять отъ него и за все заплатить и сколько на что именно взято, будетъ писать ко мнѣ, которое ему заплатится здѣсь.

Имѣющуюся въ верхнемъ чуланѣ изъ тѣхъ вещей, что приняты тобою отъ Антона Чубарова, кровать новую, большую, желѣзную и съ мѣдными шишками, при первой посылкѣ отправить съ прочими мебелями въ село Мещериново; по отправкѣ писать ко мнѣ.

С. Иваново, 27 генв. 1772.

4. При семъ послана записка книгамъ французскимъ, по которой поискать и купить въ Петербургѣ, въ Академіи и у книгопродавцовъ, и гдѣ какіе изъ того куплены будутъ, писать ко мнѣ, и тѣ книги ежели не въ переплетѣ, переплетя прислать ко мнѣ, и при томъ записку, что которые будутъ стоить.

Въ Ивановѣ, 15 февр. 1772.

8. Взять въ Петербургѣ мнѣ на камзолы и штаны сукна зеленаго, ежели есть изъ французскихъ, чтобъ цвѣтъ сходенъ былъ и зеленѣ противъ посланнаго при семъ образчика, которое выберетъ портной Фурье; ему тотъ кафтанъ и штаны велѣть сдѣлать. Прислать мнѣ три тома Россійской Исторіи, которые продаются по 1 р. Размышленія о мирныхъ договорахъ съ Турками, 15 к., Омирову забавную поэму Война на Мышей и Лягушекъ, 15 к.

Въ Кусковѣ, 5 апр. 1772.

11. Петебургскія Вѣдомости и письмо отъ Князева получены.

Какъ скоро будутъ въ привозѣ хорошія устрицы, взявъ бочку и выпрося пару почтовыхъ лошадей, прислать ко мнѣ, и притомъ нѣсколько хорошихъ лимоновъ, какъ прежде посылались.

Въ Кусковѣ, 23 апр. 1772.

12. Купя туалетецъ, что носятъ румяны, и мушки съ зеркальцемъ, карманный, черепаховый или перламутровый, съ палочкою такой, какъ обыкновенно дѣлаются, надѣюсь ихъ много у Нюренберцевъ, и какой изъ того сорту найдешь, прислать ко мнѣ черезъ почту не замѣшкавъ.

Въ Мещериновѣ, 29 апр. 1772.

15. Присланные пуговки и кисточки, книги и туалетецъ получены исправно. Портретъ мой можешь отправить при отправленіи англійскаго пива и рейнвейну, о чемъ на сей почтѣ писалъ Замятнину; а Размышленія о мирныхъ договорахъ съ турками, конечно, сыскавъ, прислать ко мнѣ.

Жениться тебѣ позволяется для того, что я о сю пору службою твоею доволенъ, о чемъ писалъ Замятнину, что въ С.-Петербургѣ тебѣ объявлено.

Въ Мещериновѣ, 16 мая 1772.

26. Изъ присланныхъ отъ тебя образцовъ выбралъ я трипъ дымчатый да фланель голубую. Купить же мнѣ на пару 18 аршинъ фланели голубой, взять мнѣ что надобно на редингогъ и камзолъ ратину пунсоваго, на пару же платья, да фланели розовой, что надобно на кофту и юбку для Анны Николаевны [1], чему всему присылаю при семъ образцы.

Въ Марковѣ, 23 августа 1772.

29. Купить мнѣ на рубашки полотна голландскаго хорошаго, цѣною кусокъ отъ 60 до 70 рублевъ, чтобъ было тонко и плотно, четыре куска. Прислать при оказіи или черезъ почту немедленно.

Въ Марковѣ, 30 сент. 1772.

30. О рекрутскомъ наборѣ, надѣюсь, во всѣ вотчины отъ васъ дано знать. Домовой канцеляріи смотрѣть, чтобъ отдаваны были во всѣхъ вотчинахъ по очереди, безъ притѣсненія малолѣтнихъ.

Въ Марковѣ, 14 окт. 1772.

34. На дѣло лакейскихъ теплыхъ сюртуковъ взять въ Петербургѣ сукна пунсоваго, цѣною рубля въ два, позволяется, и до двухъ рублевъ 20 коп., 115 аршинъ; да зеленаго, той же цѣны, 5 аршинъ. Смотрѣть, чтобы добротою было хорошо, и стараться прислать, какъ скорѣе можно съ попутчиками, или хотя не въ одинъ разъ.

Прислать черезъ почту картъ большихъ, что играютъ въ вистъ, да для Хобметныя къ пескахъ пряниковъ печатныхъ дюжину.

Въ Москвѣ, 6 ноября 1772.

---

[1] Для калмычки, жившей съ малолѣтства у графа Петра Борисовича.

40. На покупку въ село Мещериново мебели, деньги за что ты все послѣднею цѣною сторгуешь, взять отъ Ивана Аргунова, изъ доходу Милліоннаго дома. Уложа хорошенько, отправить прямо въ Мещериново, особымъ обозомъ, а карточные столы для здѣшняго въ Московскій домъ при томъ же отправить изъ Фонтаннаго дома, уложа хорошенько; въ Московскій же домъ изъ проходной, что обито желтыми атласами, два зеркала и два столика мраморныхъ, что стоятъ подъ тѣми зеркалами, экранъ съ гербомъ моимъ, да колясочку, въ которой ѣздятъ по покоямъ. Она стоитъ въ каретномъ большомъ сараѣ; изъ саду четыре бюста мраморные съ пьедесталами, четыре время: Востокъ, Западъ, Полдень и Полночь съ тѣми пьедесталами для Кускова и то все стараться отправить, какъ скорѣе можно, а притомъ не забыть прислать фарфоровую штуку, которая годится поставить здѣсь на печи. Жаль, что у лошади ногу отшибли; она по отъѣздѣ моемъ осталась цѣла. Надобно беречь, она стоитъ недешево; съ такими вещами обходитесь бережно.

При семъ посланы образцы сефировъ, которые присланы отъ иноземца Зальсе; онъ ихъ самъ дѣлаетъ, и притомъ записка, сколько котораго сорта аршинъ взять.

Здѣсь слышно, будто камзолы сырсака (?) и прочіе нѣкоторые товары съ золотомъ и серебромъ позволено выписывать 18 мѣсяцевъ. Того ради, освѣдомиться вѣрнѣе, и что дозволено выписывать, ко мнѣ отписать.

Въ Москвѣ, 24 дек. 1772.

(«Рус. Архивъ», 1898 г., № 4, с. 512—521.)

---

56. Радищевъ.

Описаніе моего имѣнія.

Вотъ описаніе моего владѣнія, помѣстья, вотчины, деревни или пазови, какъ хочешь.

Земля владѣнія моего вся отмежевана, и состоитъ въ дачѣ, принадлежащей собственно къ селенію, и во многихъ пустошахъ, иныя рядомъ съ главною дачей, иныя отдѣленныя другими владѣніями и нѣкоторыя за пять и двѣнадцать верстъ отъ моего селенія. Первое неудобство въ порядочномъ землестроительствѣ. Всѣ сіи земли не одному принадлежатъ въ собственномъ, но разнымъ, и въ селеніи моемъ существуетъ чрезполосное владѣніе. Вторая преграда на устроеніе порядочнаго земледѣлія.

Всей земли моего владѣнія состоитъ около 1400 десятинъ, въ томъ числѣ половина лѣсъ,

кустарника, луга и земли неудобная. Крестьянъ мужеска и женска пола, то-есть всѣхъ кормящихъ, на землѣ сей живущихъ и отъ нее пропитаніе свое восприемлющихъ, 360. Итакъ, на каждую душу, какъ то у насъ говорится, приходитъ пашенной земли едва по 2, а всей, можетъ быть, по 4 десятины указныхъ...

По одну сторону рѣчки построено селеніе, въ ряды дома по улицѣ довольно тѣсно для деревяннаго и соломою крытаго строенія; позади пространные огороды или, лучше, конопляники, ибо огородныхъ овощей сѣютъ очень мало. Во стѣ саженяхъ, господскій дворъ, съ садомъ, въ коемъ земли огорожено около 8 десятинъ, подлѣ саду роща изрядная. Позадь сей рощи, къ востоку, примыкаетъ пустошь моего владѣнія, въ коей участника нѣтъ; изъ коей половина пашни, другая поросла лѣсомъ, простирающимся по версту въ длину и 150 саж. можетъ быть въ ширину; въ немъ мы обильную имѣемъ жатву грибовъ всякаго сорта. За симъ лѣсомъ другая примыкаетъ пустошь, которая большею частью принадлежитъ брату и еще другому владѣльцу; на ней поселено нѣсколько дворовъ. За три версты, отъ дома идучи къ сѣверо-востоку, есть земля моего владѣнія, большею частью мелкимъ лѣсомъ поросшая, между онымъ сѣнокосомъ и мочежины. Пашенная земля тутъ почитается доброю; думаютъ потому, что недавно возделана и мѣсто ровное, препятствуя стекать водѣ, наноситъ коренья прозябеній. Къ востоку за пять верстъ лежитъ небольшая пустошь, по обѣ стороны мокрой весною лощины, дающей рѣдкую траву. Тутъ есть и пашня. Къ юго-востоку находятся двѣ пустоши, одна пашенная, а другая совсѣмъ почти лѣсная, лѣсъ осиновый строевой, но весь почти отъ небреженія вырубленъ. Въ серединѣ его лужайки, на которыхъ косятъ сѣно. Въ немъ много родится орѣховъ и грибовъ. Въ маломъ разстояніи лежитъ небольшая деревня разныхъ владѣльцевъ, въ томъ числѣ пять дворовъ моихъ. Земля владѣнія черезполоснаго. Въ 13 верстахъ отъ селенія прямо къ югу между двухъ небольшихъ рѣчекъ лежитъ лугъ величиною 31 десятина, единственнаго владѣнія, который по причинѣ весенняго разлитія рѣкъ изрядную даетъ траву, и сѣна даетъ отъ 2000 до 2500 пудовъ; заведеній никакихъ нѣтъ, деревня была на оброкѣ. Домъ господскій каменный развалился и всѣ къ оному принадлежащіе строенія; садъ огороженъ плетнемъ, подлѣ сада прудъ, за прудомъ садъ другой; оба приносятъ въ годъ оброку за отданные деревья 125 рублей въ годъ...

Способы возделыванія у насъ не весьма обильны, а потому и хлѣба родится у насъ мало. Если крестьяне не совсѣмъ нищіе, то они далеки отъ того, чтобы быть богатыми: если единый, да и почти всякій крестьянинъ богатъ, то, конечно, не отъ земледѣлія. Они не знаютъ, какимъ образомъ оное обогащать можетъ, и вмѣсто того, чтобы прилежать къ оному, — прилежать къ торгу, и когда богатѣютъ, то богатѣютъ онымъ. Но о семъ будемъ говорить пространнѣе, когда коснемся промысловъ и упражненій крестьянскихъ.

Способъ первый къ возделыванію есть *рабочій скотъ*. Въ нашей сторонѣ землю возделываютъ лошадьми. Слѣдующая есть соразмѣренность лошадей къ населенію и пашнѣ.

Всего населенія. . . .	360
Пашни.	700 десятинъ
Лошадей.	150

Итакъ, на одну лошадь два селянина, то есть по лошади на работника, считая мужчину и женщину и $4^2/_3$ десятины на лошадь. Исчислимъ всѣ труды ея во время пашни. Вспахать, положимъ, каждую десятину два раза и два раза боронить. Изъ $4^2/_3$ двѣ трети возделываютъ въ лѣто, то-есть 47 саженъ въ ширину и 80 въ длину. Полагая на аршинъ три борозды, выйдетъ 423 борозды по 80 саж. длиною, умноживъ двумя, и такъ лошадь пройдетъ $270^2/_3$ версты сохою и 30 верстъ бороною, полагая двѣ бороны на сажень. Итакъ, лошадь въ три раза лѣтомъ, то-есть въ 12 дней совершитъ 300 верстъ, то-есть 25 каждый день; приложи къ сему 50 поѣздокъ за навозомъ, 4 за сѣномъ, на коняхъ двѣ за 13 верстъ, и всю уборку хлѣба, то удивиться можно, какъ крестьянскіе лошади могутъ сію работу исправлять, сообразя съ тѣмъ, зимній кормъ — солома съ малою посыпкою, а лѣтомъ трава; приложи къ трудамъ ея всѣ поѣздки въ лѣсъ за дровами и другими нуждами, подводы казенныя общественныя и господскія, то сама ли должно заботиться, чтобы лошади были у крестьянъ хорошія, ибо сколь бы она хороша ни была, худому подвержена будетъ жребію.

За лошадьми слѣдуетъ скотъ рогатый: 100 коровъ, телокъ и телятъ, едва ли больше 300 овецъ, 70 или до 100 свиней и боровковъ. Когда же было господское хозяйство, то было овецъ 200, рогатаго скота 50, лошадей 30; но крестьяне держали по пропорціи лошадей меньше. Отъ лошадей польза въ возделываніи земли и всѣ нами исчисленныя работы; отъ коровъ молоко, выручаемыя деньги за бычковъ; отъ овецъ шерсть и овчины на одежду, мясо для пищи; свиньи для мяса,

поросята и кормные борова на продажу. Птицъ держатъ очень мало, и то однѣхъ куръ. А отъ всего скота навозъ, который умножаютъ постилкою ежедневною ржаной соломы, которая, смѣшавшись съ каломъ и уриномъ скотскимъ, перегнивъ, производитъ наилучшее вещество для удобренія пашенъ, но количество онаго очень мало. Каждая лошадь едва ли вывезетъ 50 возовъ, но положимъ 100 на лошадь, то сдѣлаетъ, что всѣ крестьяне вывезутъ навозу 15.000 возовъ; раздѣлимъ по 400 на десятину, то выходитъ, что селяне мои унаваживаютъ въ годъ $37^1/_2$ десятинъ; а поелику навозъ возятъ на три поля попеременно, то всей навозной земли въ пашнѣ нашей $112^1/_2$ дес., то-есть изъ всей пашни немного больше седьмой доли. Какое бѣдственное хлѣбопашество, но со всѣмъ тѣмъ, если бы къ сему земледѣлію присовокупляли селяне земледѣліе огородное, то обильное бы имѣли прокормленіе, ибо, положимъ, урожай самъ четвертый, то озимаго хлѣба будетъ 320, а ярового вдвое, то и придетъ всякаго хлѣба на жителя почти по 3 четверти. Употребляя затѣмъ зимнее время въ работу или промыселъ, состояніе земледѣльца трудолюбиваго можетъ быть сносно, но только сносно, безъ избытка. Таковъ счетъ крестьянъ Ярославскихъ, Костромскихъ и нѣкоторыхъ другихъ.

Говоря о скотѣ рабочемъ и другомъ, яко способѣ воздѣланію и удобренію земли и размноженію хлѣбопашества, я не лишнимъ почитаю сказать нѣсколько словъ о скотоводствѣ нашемъ вообще. Изъ предыдущаго видна соразмѣрность нашего скотоводства къ земледѣлію, теперь скажу о образе прокормленія и воспитанія скота. Лошади въ селеніи моемъ весьма малы цѣною — отъ 6 до 25 рублей, ибо изъ селянъ моихъ мало извозничаютъ и дорогихъ лошадей не держатъ. Итакъ, весь капиталъ лошадиный не дороже положить можно, какъ 2000 рублей. Жеребцовъ въ селеніи нашемъ нѣтъ и кобылъ очень мало, а потому и жеребятъ; и можно сказать, что скотоводство въ семъ отношеніи ничего не значитъ и почти принужденно, и если бы необходимость того не требовала, что нужны лошади для земледѣлія, то лошадей бы у насъ не было. Теперь лошадей у насъ на убылыя мѣста покупаютъ, да и прокормленіе ихъ таково, что жеребенокъ худо вырасти можетъ, ибо во всю зиму лошади опричь мѣсива ничего не знаютъ, то-есть сѣчки съ малою посыпкою. Итакъ, солома яровая, а въ недостаткѣ и ржаная, есть главный зимній кормъ. Овесъ и сѣно даютъ только тогда, когда отъѣзжаютъ въ дорогу. Весною и лѣтомъ во время пашни лошади питаются травою, растущею около полосъ; по ночамъ отъѣзжаютъ съ ними малые ребята, дѣвки уже довольно взрослыя, а иногда и молодыя бабы въ лѣсъ версты за двѣ или за три. Когда же хлѣбъ уберутъ съ полей, то лошади ходятъ по жнитву, а въ осень нерѣдко и по озимямъ; при таковомъ кормѣ лошади бываютъ тощи, и хотя бы были хорошей породы, то, не возмужая, истощаютъ и къ употребленію слабы. Быковъ держатъ въ селеніи нашем случайно; коровы есть во всякомъ дворѣ. Скотина вся очень малоросла и нехорошей породы, отъ 5 до 12 рублей. Итакъ, весь рогатый скотъ стоить можетъ 800 или по высокой цѣнѣ 1.000 рублей. Лѣтомъ всѣ пасутся въ общемъ стадѣ, сперва около лѣсовъ, потомъ по паровому полю, а послѣ жатвы по жнивамъ и луговинамъ. Зимою скотину кормятъ яровою соломою, отелившихся коровъ только сѣномъ. При такомъ худомъ кормѣ скотина тоща, молока даетъ на самую нужду, а масла копятъ только на разговѣнья и на масленицу. Рогатый скотъ въ работу не употребляется, да и употреблять не умѣютъ.

Овцы лѣтомъ пасутся вмѣстѣ съ рогатымъ скотомъ, зимою кормятъ ихъ сѣномъ, соломою кормить боятся: говорятъ, помрутъ; когда ягнятся, то держатъ матку и ягнятъ съ собою въ избахъ, также телятъ и поросятъ со свиньей. Овецъ держатъ не въ приборѣ, оттого, думаю, ихъ шерсть песковата, стригутъ ихъ въ началѣ весны и осенью, доить ихъ здѣсь не въ обыкновеніи; хлѣвовъ или овчаренъ особыхъ онѣ не имѣютъ. Овца продается отъ 150 коп. до 2 руб. По средней пропорціи капиталъ въ овцахъ немного болѣе 500 руб.

Свиньи лѣтомъ пасутся въ стадѣ, а зимою кормятъ мякиною. Опоросившуюся свинью и взрослыхъ борововъ, готовящихся на убой, кормятъ нѣсколько хлѣбомъ. Капиталъ въ свиньяхъ стоитъ до 200 рублей. Итакъ, весь капиталъ въ скотѣ состоитъ изъ 3700 руб., положимъ 4000. Къ упражненію скотоводства можно присовокупить пчеловодство, пчелы въ 4 дворахъ, ульевъ счетомъ между 40 и 50.

Орудія земледѣльческія суть второй способъ воздѣлыванія. Они самыя простыя, таковы, каковы были, можетъ быть, за сто лѣтъ. Землю пашутъ сохою о двухъ сошникахъ гораздо тупыхъ, да и нужды нѣтъ, чтобы были очень остры, ибо земля столь тоща, что мало травы производитъ. У сохи желѣзная палица, а въ Тулѣ видѣлъ я палицы полированныя. Второе орудіе есть борона: шесть рядовъ или 36 зубьевъ деревянныхъ, сплетенныхъ прутьями. Огородное орудіе — заступъ не очень

ловкій, и грабли. Для сѣна грабли и коса; замѣтимъ, что косы всѣ нѣмецкія; одна была фабрика косная, но не знаю, существуетъ ли. Горбушъ или сибирскихъ косъ не знаютъ, которыя тѣмъ только преимущественны, что сѣно сохнетъ скорѣе. При жатвѣ хлѣба употребляютъ серпъ и косу съ пальцами, что гораздо поспѣшнѣе и выгоднѣе. Такими безхитростными орудіями воздѣлывается у насъ земля. Всякому новому заведенію противится и предразсужденіе, и малые крестьянскіе капиталы, и нерадивость земледѣльцевъ. Капиталъ, употребленный на таковыя орудія, очень малъ и едва ли стоитъ 200 рублей, считая тутъ телѣги и упряжку конскую.

Въ соразмѣрности совсѣмъ состоятъ и *земледѣльческія строенія,* не кладу я въ счетъ избу и баню, которыя нужны всякому состоянію, опричь того дворъ, покрытый весною и осенью, очень грязный. Хлѣвъ, сарай сѣнной, довольно непространный и овинъ обыкновенный, весьма дурного и опасного сооруженія; стоитъ до 1000 руб.

Способъ послѣдній земледѣлія суть задатки, землѣ даваемые. Сіи суть *удобренія земли* для сѣмянъ. Удобреніе дѣлается посредствомъ навоза, на дворахъ накопляемаго; онъ ничего не стоитъ, да и купить его нельзя. Другого рода удобренія у насъ не знаютъ.

Сѣмянъ по сказанной нами уже пропорціи въ посѣвѣ на десятину выходитъ въ годъ на 2000 или 2500 руб., въ дорогой годъ можетъ быть на 3000 руб.

Повторимъ:

Капиталъ скота	4000
» орудія	200
» строеніе	1000
Капиталъ сѣмянъ	3000
Всего	8200

Работу земледѣльческую за мужчину по 20, женщину 10, дѣвокъ и ребятъ взрослыхъ по 5 на лѣто, можетъ стоить въ лѣто 2500 р.

Сравнимъ мимоходомъ, не разбивая въ разныя стороны *доходъ* всѣхъ моихъ селянъ съ избыткомъ хлѣба, за исключеніемъ сѣмянъ, въ сей статьѣ заключится также доходъ отъ лошадей и навоза. Сѣмянъ выходитъ ежегодно:

Озимыхъ	250 четврт.
Яровыхъ	500 »

Урожай мы полагали третичный, то:

Озимаго хлѣба	750
Ярового »	1500
За вычетъ сѣмя озимаго	500
Ярового	1000

По средней цѣнѣ за яровой по 2 руб., за озимой 3 руб., будетъ:

За озимой	1500 руб.
» яровой	2000 »
Итого съ хлѣба	3500
Съ коровъ доходу въ каждый годъ, считая молоко, масло и продажныхъ телятъ	600
Съ овецъ шерсть, битые бараны и овчины	250
Со свиней, считая битыхъ поросятъ и борововъ	70
Съ пеньки, поскони и льна	580
Всего крестьянскаго дохода	5000

Что и составитъ болѣе 50 процентовъ.

Исчислимъ также *издержки* подушныхъ и прочихъ около	230
Рекрутскими деньгами въ годъ	100
Прочихъ и общественныхъ	70
На содержаніе свое хлѣбомъ	2000
Доходъ съ коровъ почти весь	500
Доходъ съ овецъ	250
Со свиней	40
Посконь и ленъ	280
На мелочи всякіе	30
	3500
Господскаго оброка	800
	4300

Остается 700 на 360, почти по два рубля, что каждый годъ отъ земледѣлія пріобрѣтается. Къ сему прибавить 50 человѣкъ, ходящихъ въ зимнюю работу и вырабатывающихъ по 15 рублей каждый,

будетъ	750 руб.
да	700 »
	1.450 руб.

Итакъ можно считать, что каждый годъ селяне мои *около 1.500 руб. пріобрѣтали капитала,* изъ коего отточя 500 руб. на праздники, выйдетъ по *25 руб.* каждый годъ въ вкладъ. Сіе исчисленіе, конечно, не увеличено, но если найдутся дворовъ десять, которые имѣютъ капитала отъ 25 до 200 руб., то у другихъ нѣтъ въ кладу ни копѣйки, по причинѣ или распутной жизни или несчастныхъ приключеній, какъ-то: скотскій падежъ, совершенный неурожай и прочее тому подобное.

Исчисливъ такимъ образомъ всѣ упражненія селянъ, относящіеся до земледѣлія и скотоводства, яко пособія онаго, теперь разсмотримъ ихъ *рукодѣлія* и способы пріобрѣте-

нія, особящіеся отъ земледѣлія. Рукодѣліе крестьянское всякое, если оно его не отучаетъ отъ земледѣлія, есть весьма полезно. Слѣдуетъ, что самые мануфактуры, фабрики, заводы, звѣриные промыслы, извозы, поелику совершаются въ зимнее время, суть весьма полезны, ибо долговременная наша зима, оставляя много праздного времени, не можетъ лучше употреблена быть, какъ на что-либо полезное или нужное. Но рукодѣліе и ремесло моихъ селянъ таково, что далеко ихъ отвлекаетъ отъ дома, да и на долгое время. Общее *рукодѣліе женщинъ* есть *прясть и ткать;* прядутъ ленъ, шерсть, посконь, а конопли обращаютъ въ пеньку, которую продаютъ купцамъ для отвоза на Гжатскую пристань.

Испряденную шерсть употребляютъ на сукно, черное и смурое, на зипуны или кафтаны, бѣлое на онучи. Окрасивъ бѣлую пряденую шерсть, ткутъ изъ нее паневы, пояса и оборки.

Ленъ и посконь прядутъ и ткутъ холстъ, но всегда не шире десяти или двѣнадцати гершковъ: ткутъ полотенцы съ красными коймами. Холстъ идетъ на рубашки и частію на продажу...

Рукодѣлія мужскіе суть различны. Первымъ крестьянскимъ можно почесть *плотничную работу*, ибо нужда того требуетъ, и въ Россіи, а у меня въ особенности, всякій селянинъ плотникъ, но сверхъ того между ними суть такіе, которые плотничаніемъ пріобрѣтаютъ деньги и таковыхъ только я поставлю въ счетъ. *Слѣдующіе* суть роды рукодѣлій: серебряники, канительщики, кожевники, пильщики, кирпичники, каменщики, овчинники, портные, плотники, извозчики, известники, мостовщики, торгаши, пастухи и батраки; лапотники столько, сколько дворовъ.

Въ другихъ земляхъ таковое исчисленіе рукодѣлій имѣетъ мѣсто между городовыми жителями, но въ Россіи долгая зима, малое плодородіе нѣкоторыхъ губерній и худое хлѣбопашество преображаютъ множество *деревень въ города.*

Разсмотримъ вышесказанные рукодѣлія, и поколику каждое изъ нихъ полезно въ связи своей съ земледѣліемъ, и которое для него удручительно и расторгающе.

Серебряникъ не есть земледѣлецъ и не вышелъ рукодѣліемъ своимъ изъ своего состоянія. Хотя умѣетъ дѣлать всякую работу, но упражняется только въ починкахъ окладовъ, дѣлаетъ перстеньки, кресты, серьги и другія для селянъ нужныя вещи серебряныя и мѣдныя; [illegible] и покупаетъ [illegible] дѣлать можетъ.

Живетъ обыкновенно дома, и если бы онъ былъ земледѣлецъ, то мастерство его ему бы не было помѣхою въ воздѣлываніи земли. Упражняется съ женою въ огородничествѣ и садоводствѣ; выучился по отцовскому приказу, который заплатилъ деньги; умѣетъ читать и писать.

Канительщикъ выучился самъ; отецъ заплатилъ за него 20 руб., живетъ обыкновенно въ Москвѣ одинъ, имѣетъ жену и дѣтей, живущихъ у его отца; приходитъ въ годъ разъ, два или три; прибытокъ получаетъ очень хорошій, но не есть уже земледѣлецъ.

Кожевникъ, отходя на работу, бывалъ на заводахъ кожевенныхъ и выучился самъ, но сей родъ упражненія показался ему невыгоденъ, и онъ оставилъ почти свое ремесло, которое его отъ земледѣлія не отвлекало, ибо и нынѣ лѣтомъ живетъ дома и воздѣлываетъ землю.

Пильщикъ ремесло почитается за весьма выгодное, ибо они болѣе другихъ достаютъ денегъ. Обыкновенно, когда отходятъ, берутъ съ собою изъ дому рублей до пятнадцати, ибо ходятъ далеко: въ Малороссію, Кіевъ, Херсонъ, Саратовъ, Астрахань и Петербургъ, гдѣ пилятъ корабельный лѣсъ. Пилы имѣютъ свои нѣмецкой, а болѣе англійской работы, но не всякій имѣетъ, и для того не имѣющій идетъ въ товарищи; всегда ходятъ по двое. Въ годъ вырабатываютъ на двухъ до ста рублей и болѣе, но изъ того вычти, что возьметъ съ собой на дорогу, что на мѣстѣ издержитъ. Уходятъ изъ домовъ въ началѣ сентября, когда хлѣбъ убирать начнутъ, возвращаются въ началѣ іюля; итакъ, дома не бываютъ отъ 9 до 10 мѣсяцевъ.

Земледѣльческихъ работъ исправляютъ только сѣнокосъ и жатвы двѣ трети. Итакъ, сказать можно, что сіи начинаютъ уже выходить изъ званія земледѣльцевъ, любятъ сію работу по той причинѣ, что живутъ на волѣ.

Кирпичниковъ было больше, но съ тѣхъ поръ, какъ завелись пильщики, то ихъ немного работаютъ въ Москвѣ во все лѣто и имѣютъ на земледѣліе время только въ апрелѣ и въ концѣ августа. Иногда тотъ же, который ходитъ въ Москву лѣтомъ, дѣлать кирпичи, зимою ходитъ въ другую работу; итакъ кирпичникъ такъ, какъ пильщикъ и каменщикъ, есть худой земледѣлецъ. Каждый кирпичникъ въ лѣто вырабатываетъ не болѣе 50 руб., но половину проживаетъ.

Каменьщики работаютъ случайно, но по близости бываетъ работа, и они, находя выгодные въ домѣ [illegible] работники, сами домъ оставляютъ, но сія работа не ежегодная работа, такъ же, какъ и [illegible]. но сія еще

[illegible] от земледѣлія, ибо [illegible]

Сколько [illegible] *овчинниковъ*, и съ сего ремесла начинають всѣ молодые люди, изъ домовъ отходящіе. Многіе изъ нихъ отъѣзжають на лошадяхъ; тѣ, которые ходятъ кошевами, получають до 60 руб. и кормятъ лошадей во всю зиму, другіе же идутъ въ работники изъ половины, третьей и четвертой доли, сверхъ денегъ получають пищу.

Портные отходятъ отъ домовъ только зимою; шьютъ по большей части только шубы и крестьянскіе кафтаны. Вырабатывають неравно.

Плотники работають всегда по близости, по большей части весною и осенью, и сія работа мало ихъ отвлекаетъ отъ земледѣлія.

Извозничають очень мало и совсѣмъ безвыгодно, хотя то и бываетъ зимою.

Лапотниковъ найдешь въ каждемъ дворѣ, ибо кожаную обувь рѣдко увидишь.

Известку ломають и жгутъ, если есть на то случай; ломають весною и осенью, жгутъ и возятъ зимою; сверхъ сего двое держатъ *постоялые дворы*, получая въ годъ каждый до 30 руб. Промышляютъ иногда *торговлею*, покупая сѣно, и отвозятъ его на торгъ въ городъ, или съ рѣшетами и кадушками въ степные мѣста хлѣбные, гдѣ товаръ мѣняютъ на хлѣбъ. Помоложе нанимаются въ *пастухи* и въ *лѣтніе работники*, въ лѣто за 10 и 15 руб., иногда и бабы нанимаются въ казачихи.

Изъ всего вышесказаннаго можно видѣть, что пильщики, каменщики, кирпичники суть *худые земледѣльцы*, потому что не живутъ дома, и можно сказать, что $^1/_4$ работниковъ земли не воздѣлывають и не только отъ того вредъ земледѣлію, но вредъ населенію, ибо отлученъ отъ семейства вдается въ пороки, приноситъ болѣзни въ домъ. Бабъ съ двадцать молодыхъ бездѣтны и удивляться не должно, что они не соблюдаютъ вѣрность брачнаго ложа, живутъ однѣ безъ мужей, а сіи имъ въ распутной жизни даютъ примѣръ....

Если мы [illegible] *земледѣльца въ подробности*, то [illegible] его *владенія и обязанности* состоитъ противъ *его господина*: I. Сей можетъ *продать* его оптомъ или подробно, не шуткою сіе сказано, ибо сія подробность можетъ быть такова, что дочь отъ матери, сынъ отъ отца и, можетъ быть, жена отъ мужа продается. Но съ публичнаго торгу только въ розницу продавать запрещено, а оптомъ. Есть экономы, которые, изнуривъ земледѣльца, продаютъ [1]) его остальные силы. II. Господинъ можетъ его заставить *работать*, сколько хочетъ. Нынѣ только запрещено работать по воскресеньямъ и совѣтомъ сказано, что довольно трехъ дней на господскую работу, но на нынешнее время законоположеніе сіе невеликое будетъ имѣть дѣйствіе, ибо состояніе ни земледѣльца, ни дороваго не опредѣлено. III. Господинъ можетъ его *наказывать* по своему усмотрѣнію, онъ судія его и исполнитель своихъ приговоровъ. IV. Господинъ естъ *господинъ* его *имѣнія и дѣтей его*, даетъ и отъемлетъ по своей волѣ. V. Распоряжаетъ *браками* и снарядитъ, какъ хочетъ: слѣдовательно земледѣлецъ есть рабъ въ семъ отношеніи совершенно; итакъ, не можетъ господинъ уволить селянина своего отъ государственныхъ податей, отъ наказанія за преступленія, заставить жениться на роднѣ и въ посты ѣсть мясо.

Въ отношеніи государства селянинъ обязанъ жить на одномъ мѣстѣ, но и то, доколѣ господинъ его хочетъ; отдавать рекрутъ всякаго рода, какіе бы ни были; платить подати; судиму быть за общественные преступленія въ судебныхъ мѣстахъ. Итак, селянин, если имѣетъ употребленіе чего-либо, то дѣлается только изъ благосердія господина. Но, кажется, поелику поселянинъ платитъ подать то онъ, для удовлетворенія тому, долженъ имѣть собственность, и проч....

(Соч. А. Радищева II—стр. 349 - 372.)

[1]) Въ подлинникѣ «продаетъ».

IV. Фабрика и заводъ.

57. Ярославская большая мануфактура.

въ XVIII вѣкѣ.

(По Грязнову.)

... Только что сказанное, между прочимъ, подтверждается нижеслѣдующимъ описаніемъ Ярославской Большой Мануфактуры за время нахожденія ея во владѣніи Алексѣя Затрапезнова.

«... ЯРОСЛАВЛЬ—многолюдный губернскій городъ... при городѣ фабрики находятся на рѣкѣ Которости: двѣ полотняныя содержателей: первая—Алексѣя, вторая — Дмитрія Затрапезновыхъ... Полотняная (Д. Затрапезнова) о девятнстахъ станахъ; другая славная полотняная фабрика Затрапезнаго начало

свое возъимѣла еще при государѣ Петрѣ Великомъ, а въ цвѣтущее состояніе пришла при государынѣ императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ: на оной болѣе двухъ тысячъ становъ и слишкомъ шесть тысячъ человѣкъ мастеровъ и работниковъ. На сей фабрикѣ дѣлаютъ шелковыя и шерстяныя матеріи и самыя тонкія полотны, скатерти и салфетки, которыя добротою голландскимъ не уступаютъ. Къ оной принадлежитъ красильня; также присовокуплены бумажная, масляная и пильная мельницы... При городѣ за Толчковской слободою на рѣкѣ Которости стоитъ содержателя Алексѣя Затрапезнова съ надлежащею плотиною бумажная, масляная и хлѣбная мельницы...»

Въ описаніи этомъ обращаютъ на себя вниманіе: двѣ тысячи становъ, шесть тысячъ рабочихъ и еще то, что Мануфактура, кромѣ издѣлій изъ льна, вырабатывала также издѣлія изъ шерсти и шелка.

Изъ данныхъ этихъ видно, что по тѣмъ временамъ Ярославская Большая Мануфактура всѣмъ видѣвшимъ ее должна была казаться фабрикою грандіозною и производить сильное впечатлѣніе какъ своими размѣрами, такъ и разнообразіемъ производившихся въ ней работъ и издѣлій.....

Состояніе Мануфактуры *около 1770 года*, т. е. черезъ 5 — 6 лѣтъ послѣ перехода во владѣніе С. Яковлева, описано почти слово въ слово такъ же, какъ и во время нахожденія ея во владѣніи А. Затрапезнова, а именно:

— «ЯРОСЛАВЛЬ — многолюдный провинціальный городъ Московской губерніи, на правомъ берегу рѣки Волги, на устье рѣки Которости, которая свое теченіе имѣетъ изъ Ростовскаго озера... Рѣка Которость отдѣляетъ отъ сего города четыре предмѣстья, двѣ великолѣпныя фабрики Затрапезновыхъ, изъ коихъ одна нынѣ состоитъ за асессоромъ Саввою Яковлевымъ... Наибольше въ Ярославлѣ производится кожевенное и юфтяное дѣло, каковыхъ заводовъ есть болѣе 50. Три есть шелковыя фабрики, изъ коихъ на каждой не менѣе 100 становъ, полотняная и суконная фабрики о 900 станахъ. Славная полотняная фабрика Затрапезнаго начало свое возъимѣла еще при государѣ императорѣ Петрѣ Великомъ, а въ цвѣтущее состояніе уже пришла при государынѣ императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ. На оной болѣе 2000 становъ и слишкомъ 6000 человѣкъ мастеровыхъ и работниковъ. На сей фабрикѣ дѣлаютъ шелковыя и шерстяныя матеріи и самыя тонкія полотна, скатерти и салфетки, которыя добротою голландскимъ не уступаютъ. Ко оной принадлежитъ красильня. Также присовокуплены бумажная, масляная и пильная мельницы...»

Очевидно, что только что приведенное описаніе цѣликомъ взято Полунинымъ изъ вышеприведеннаго описанія Чулкова.

Въ 1777 году Ярославская Большая Мануфактура описывается такъ:

...«Отмѣнный же сего города (Ярославля) промыселъ состоитъ въ фабрикахъ и заводахъ, на которыхъ выдѣлываются товаровъ шелковыхъ, полотняныхъ, юфтяныхъ, красокъ и пр. до того количества, что главнымъ пространнаго сего города въ торговлѣ упражненіемъ состоитъ. А особливо достойна изъ нихъ примѣчанія содержателя Саввы Яковлева полотняная фабрика, называемая Затрапезнова, по случаю заведенія ея сею фамиліею еще при государѣ императорѣ Петрѣ Великомъ, — и при ней мельницы хлѣбная, пильная, масляная и бумажная и каналъ со слюзомъ, который, дѣлая соединенія по рѣкѣ Которости съ городомъ Ростовомъ, чрезъ торговлю великую приноситъ выгоду. Товары на сей фабрикѣ выдѣлываются: шелковыя и шерстяныя матеріи, тонкія полотна, скатерти и салфетки — съ такимъ искусствомъ, что и голландскимъ не уступаютъ и доставляются не только по городамъ и ярмаркамъ, но и ко двору ея императорскаго величества, а черезъ Санктъ-Петербургскій портъ и въ иностранныя государства. Матеріалы на ту фабрику получаютъ: шелкъ — изъ Астраханскаго порта, вывозимый изъ Персіи; на полотна же пряжу скупаютъ у разныхъ людей».

Далѣе — состояніе Ярославской Большой Мануфактуры *въ 1799 году* описывается такъ:

— «Фабрики въ семъ городѣ (Ярославлѣ): 1-я полотняная, принадлежитъ коллежскому совѣтнику Ивану Яковлеву съ братьями, на коей имѣется около 700 становъ; работаются ко двору его императорскаго величества и для продажи скатерти и салфетки, также фламскія и равендушныя полотна, каламенокъ бѣлый и волнистый, дрели, тики полосатые и пестряди, всего по цѣнѣ на 235.000 руб.; 2-я бумажная, принадлежащая ему же Яковлеву, построена при рѣкѣ Которости со шлюзами для пропуска идущихъ съ лѣсомъ барокъ и плотовъ, также масляная и пильная мельницы. Бумаги дѣлается разныхъ сортовъ до 60 тысячъ стопъ по цѣнѣ на 150.000 руб., а пилка въ лѣсу и битье масла производятся для собственнаго ихъ расходу. На сихъ двухъ фабрикахъ приписныхъ мастеровыхъ и рабочихъ людей мужеска полу 1375, женска 1613 человѣкъ. Сверхъ сего по вольной цѣнѣ, большею частію зимой,

работають мужеска и женска пола до 450 человѣкъ.

Всѣ вышеописанныя выдѣлываемыя вещи употребляются въ продажу въ городахъ по торгамъ и ярмонкамъ, также отвозятся въ обѣ столицы и проч. города, а особливо полотняные и юфтяные въ немаломъ количествѣ чрезъ Санктъ-петербургскій портъ идутъ въ иностранныя государства».

[А. Ф. Грязнов. Ярославская Большая Мануфактура, стр. 56—75.]

---

58. Указъ 1736 г. О прикрѣпленіи рабочихъ къ фабрикамъ.

«...А понеже нашъ Правительствующій Сенатъ нынѣ намъ доносилъ, что онъ, разсматривая поданныя отъ фабрикантовъ прошенія, а именно: Ярославской полотняной и другихъ Ивана Затрапезнаго съ братьями; суконныхъ: Московской: — Володиміра Щеголина съ товарищи, Казанской — вдовы Авдотьи Микляевой съ наслѣдникомъ; полотняной и парусной Афанасія Гончарова, Федора Подсевальщикова, Ивана Тамеса съ товарищи, — къ размноженію и спокойному тѣхъ ихъ прежде заведенныхъ фабрикъ содержанію, и къ побужденію вновь заводить, паче денежной помощи, за нужное изобрѣли недостатокъ въ мастерахъ, и въ подмастерьяхъ, и ученикахъ, и работныхъ людяхъ, принадлежащихъ до тѣхъ фабрикъ, что фабриканты, для невозможностей, принимали въ ученики солдатскихъ дѣтей, коихъ по указамъ нашимъ повелѣно писать въ службу, а другимъ всякому держать подъ штрафомъ запрещено; также дворцовыхъ и синодальныхъ, и архіерейскихъ, и монастырскихъ людей и крестьянъ и прочихъ разночинцевъ, положенныхъ и неположенныхъ въ подушной окладъ, которые чрезъ многіе годы на фабрикахъ мастерству обучались, и явились послѣ бѣглыми, за которыхъ въ пожилыхъ деньгахъ и въ штрафахъ ихъ волочатъ и убыточатъ, напротивъ же того люди, чьи они бѣглецы есть, лишаются отъ нихъ крестьянской работы, и съ пуста платятъ подушныя деньги и рекрутъ... Того ради указали мы, для пользы государственной, и чтобъ тѣ фабрики отъ разобранія мастеровыхъ и работныхъ людей въ упадокъ и разореніе не пришли, учинить нижеслѣдующіе.

1. Всѣхъ, которые нынѣ при фабрикахъ обрѣтаются, и обучались какому-нибудь мастерству, принадлежащему къ тѣмъ фабрикамъ и мануфактурамъ, а не въ простыхъ работахъ обрѣтались, тѣмъ быть вѣчно при фабрикахъ...

2. Впредь на тѣхъ мануфактурахъ и фабрикахъ всякимъ мастерствамъ обучать и въ мастера производить изъ дѣтей вышеписанныхъ отдашныхъ имъ вѣчно.

3. Которые нынѣ на тѣхъ фабрикахъ и мануфактурахъ были въ черныхъ работахъ, тѣхъ всѣхъ отдать, чьи они были; а за то, что они нынѣ были на фабрикахъ, пожилыхъ денегъ не взыскивать...

4. Которые при нынѣшней при фабрикахъ переписи показали, что изъ какихъ чиновъ отцы и дѣти ихъ, не знаютъ, тѣмъ нынѣ быть по тому жъ при фабрикахъ...

Буде кто изъ тѣхъ вѣчно отданныхъ нынѣ къ фабрикамъ сбѣжитъ на прежнее жилище, или въ иные мѣста, тѣхъ нигдѣ не принимать и не держать, а поймавъ приводить и объявлять въ городахъ воеводамъ, имъ учиня наказаніе, отсылать въ тѣ же фабрики, откуда бѣжали, и на проторяхъ тѣхъ фабрикановъ. А буде кто бѣглаго съ фабрики примутъ и держать станутъ, съ тѣхъ брать пожилыя деньги равно съ бѣглыми, и отдавать фабриканамъ, отъ кого бѣжали. А буде кто изъ вышеписанныхъ же, опредѣленныхъ нынѣ на фабрики, явятся невоздержные и ни къ какому ученію не прилежные, о тѣхъ самимъ фабриканамъ, по довольномъ домашнемъ наказаніи, объявлять въ Коммерцъ-Коллегіи или въ Конторѣ; а оттуда, по свидѣтельству фабриканскому и мастеровъ, за такое ихъ непотребное житіе, ссылать въ ссылки въ дальніе города, или на Камчатку въ работу, чтобъ другимъ былъ страхъ; а ежели въ ссорахъ, или дракахъ, или пьяные гдѣ взяты будутъ, а въ воровствѣ ни въ какомъ не показались, и къ тяжному розыску не подлежатъ, тѣхъ не держать нигдѣ ни одного дня и, не убытча отсылать на фабрики; а онымъ фабриканамъ самимъ чинить имъ наказаніе, при другихъ ихъ братіи...

8. Если жъ изъ купечества и изъ разночинцевъ подлые, не имущіе пропитанія и промысловъ, мужеска полу, кромѣ дворцовыхъ, синодальныхъ, архіерейскихъ и монастырскихъ и помѣщиковыхъ людей и крестьянъ, а женскъ полъ, хотя бъ чьи они ни были, скудные, безъ призрѣнія по городамъ и по слободамъ и по уѣздамъ между дворовъ будутъ праздно шататься и просить милостыни, такихъ брать въ Губернскіе и Воеводскіе Канцеляріи, и, записывая по силѣ прежнихъ указовъ, отдавать въ мануфактуры и фабрики, кого тѣ фабриканы принять похотятъ, и да-

вать изъ фабричныхъ [illegible] изъ [illegible]; дабы тамъ за работу или за ученіе [illegible] получали и [illegible] не [illegible].

(Грязнов. Ярославская Большая Мануфактура, стр. 49—50.)

---

59. Регламенты и работныя регулы на суконныя и каразейныя фабрики.

(1740 г. сентября 2.)

1. О фабричныхъ строеніяхъ.

Яко самое нужное дѣло есть, чтобъ надлежащія къ фабрикѣ строенія, все въ добромъ порядкѣ для потребной способности, по возможности, отъ пожара безопасны и прочны заведены были, тако и фабричному содержателю все сіые нужные пункты точно хранить, подъ штрафомъ, дабы какъ онъ свой собственный убытокъ отвращалъ, такъ и работники при совершенномъ денномъ свѣтѣ ни отъ стужи, ниже отъ дождя, или течи, непомѣшанно дѣло свое потребно, добротно, часто и удобно исправлять могли, а отнюдь тако впредь не содержать, какъ нынѣ на большомъ числѣ фабрикъ весьма безсвѣтно бывало, что ткачи насилу и столько деннаго свѣта имѣли, дабы тканіе свое точно высмотрѣть, наименьшие-же сукну самовредительныя субтильныя худобы, открывать могли, а скребальщики и кардовщики обще съ прядильщиками принуждены были работу свою въ темнотѣ за станами исправлять, и тако они слѣдовательно хорошо видѣть не могли; прядильщики, чтоб пряжи по надлежащему равно пряли, а скребальщики и кардовщики, чтобъ шерсть надлежаще перемѣшанную безъ шишекъ, соломы и сору, свѣтло чесать, такожъ и сукно-ворсальщики и стригальщики и прессовщики въ темнотѣ работають, хотя первые должны прилежно того смотрѣть, чтобъ сукно ни мало, ниже излишно не ворсили; а вторые при маломъ свѣтѣ денномъ, не токмо сукно плохо стригуть, но и нитки легко прорѣжуть, и послѣдніе, ни сложенія суконъ, ниже порядочное положеніе оныхъ въ прессы, ниже настоящее приготовленіе прессовыхъ досокъ и листовъ по надлежащему исправлять не могутъ. У нѣкоторыхъ фабрикантовъ строеніе въ такой плохой позиціи содержится, что теча отъ снѣга и дождя, [и валящійся сквозь щели [illegible] потолковъ] песокъ и соръ, [illegible] работу въ рукахъ мараютъ и портятъ; а полы иные, ни досками, ниже кирпичемъ, или камнемъ, не выстланы, а ко[illegible] [illegible], а [illegible], или камни [illegible] [illegible], и дворовое мѣсто [illegible] [illegible] изъ досокъ строеніями и всякою деревянною посудою и многими другими вещьми такъ утѣснено, что почти и потребное на проходъ мѣсто на нѣкоторыхъ дворахъ свободно не оставлено, и отъ того работникамъ великая трудность и неспособность происходитъ, а фабриканту немалой вредъ и несчастіе воспослѣдовать можетъ, хотя бъ всему тому добрымъ учрежденіемъ, и прилежнымъ смотрѣніемъ, и малымъ въ началѣ иждивеніемъ весьма свободно предупредить, и потребную удобность и больше пользы и человѣку возможную надежность промыслить можно было, и яко работные покои днемъ довольно свѣтлы быть надлежать, тако и нужно, чтобъ они при темныхъ утрахъ и вечерахъ сколько возможно просвѣщены были, и къ тому извѣстной сортъ жестяныхъ гладко [illegible] и глубоко [illegible] лампадъ полезнѣйше бы было, которыхъ потребное число, по величинѣ каждаго работнаго покоя, разставлено быть могло...

2. О работныхъ людяхъ.

Такожъ и фабричный содержатель долженъ фабричныхъ людей своихъ, когда по должности своей надлежаще исполняютъ, ни въ чемъ не обижать и не оскорблять: но по всякому христіанскому достоинству добро и хорошо содержать, а особливо противъ 10 пункта работныхъ регулъ, имъ заслуженную плату, когда ни въ какую вину не впали, немедленно исправно платить, а генерально за точнымъ исполненіемъ по работнымъ регуламъ и должностямъ доброе смотрѣніе имѣть. И понеже нынѣ очень срамно было видѣть, что большее число мастеровыхъ и работныхъ людей такъ ободрано и плохо одѣты находятся, что нѣкоторые изъ нихъ насилу и цѣлую рубаху на плечахъ имѣютъ, того ради фабрикантамъ накрѣпко повелѣвается той некрасотѣ народа упредить, и вышеупомянутымъ людямъ всѣхъ суконныхъ фабрикъ, всѣмъ сплошь равную одежду на извѣстное число годовъ, для различенія отъ другихъ, по усмотрѣнію своему [illegible] сдѣлать; а деньги за оную, во что стало, у нихъ изъ заслуженной платы по малу вычесть.

3. Всеобщія регулы.

1. О положеніи работныхъ часовъ всеобще и каждоособо, какъ надзиратели, такъ и мастеровые и работные люди, не выключая ни-

кого. повинны, дабы возможно было фабрики въ настоящее время отпирать и запирать, всякой годъ Марта отъ 1, Октября по 1 число, въ работные дни послѣ полуночи точно въ четыре часа, каждой въ показанное ему на фабрикѣ мѣсто для работы являться, въ десятомъ часу обѣдать ходить, въ двѣнадцатомъ часу паки на работу приходить и послѣ полудни, въ девятомъ часу съ работы сходить; а въ Генварѣ, въ Февралѣ, въ Октябрѣ, Ноябрѣ и Декабрѣ мѣсяцахъ, для пользованія короткими днями, обѣдать имъ только одинъ часъ, а именно послѣ полуночи отъ десятаго до двѣнадцатаго часа; напротивъ того послѣ полудни въ осьмомъ часу, а въ каждую субботу сряду послѣ полуночи въ двѣнадцатомъ часу работу сложить. Звонить всегда въ фабричной колоколъ для прихожденія полчаса, а для схожденія съ работы четверть часа. А ежели кто въ противность сего чинить и опаздывать будетъ, хотя только и полчаса, чего для вездѣ песочные часы содержаны быть надлежатъ, и такого штрафовать неотмѣнно; за первой разъ сильнымъ выговоромъ, за другой разъ вычетомъ на одинъ часъ изъ заслуживаемой по пропорціи дневной платы, за третій разъ противъ того вдвое, за четвертый разъ вычетомъ изъ дневной его платы половины, и противъ того послѣдняго чрезъ весь годъ, какъ часто опаздывать будетъ, и съ новаго года штрафованіе паки начинать однимъ выговоромъ.

8. О непослушности и о противностяхъ противъ фабричнаго содержателя и другихъ начальниковъ.

Кто изъ надзирателей, мастеровыхъ и работныхъ людей фабричному содержателю, или другимъ на фабрикѣ начальникамъ своимъ, которымъ почтеніе и послушность показывать весьма должны, непослушенъ, или противенъ явится, и грубыми ругательными словами дерзостно ихъ касаться будетъ, того за такія преступленія и по пропорціи оныхъ наказать: въ первый разъ плетьми, въ другой разъ батожьемъ, съ платежомъ или вычетомъ заслуженной платы на 3 мѣсяца; въ третій разъ, ссылкою на 1 годъ въ каторжную работу; а ежели кто дерзнетъ выше упомянутыхъ людей рукою или побоями оскорбить, того бить кнутомъ и, по обстоятельству дѣла, осудить въ каторжную работу на нѣсколько годовъ, или вѣчно.

(П. С. З. т. XI № 8440 [illegible] 87 [illegible])

60. Донесеніе С. Маврина изъ Оренбурга о состояніи заводскихъ крестьянъ.

Нельзя мнѣ, всемилостивѣйшая государыня, не думать того, чтобъ не было премудрыхъ вашихъ распоряженій, въ разсужденіи нынѣшнихъ обстоятельствъ въ знаменитыхъ (внутреннихъ?) губерніяхъ и когда послѣдуетъ положеніе, то обратите взоръ свой на крестьянъ заводскихъ, а паче на приписныхъ, которые отданы совершенно въ жертву заводчикамъ, а оные хищники ни о чемъ другомъ не помышляютъ, какъ о своемъ прибыткѣ и алчно пожираютъ все крестьянское имущество, ибо многіе приписные крестьяне ходятъ на иго работы от четырехъ-до семисотъ верстъ. А порядокъ у нихъ тотъ, что всѣ они, кои могутъ работать, раздѣлены на три партіи: одна работаетъ, а другая идетъ на смѣну и до тѣхъ поръ первая не возвратится въ дома, пока другая не придетъ смѣнить. Работа жъ сія на заводахъ большею частью тогда потребна, когда крестьянинъ долженъ доставать насущное пропитаніе, а когда земледѣлецъ не достанетъ себѣ изъ земли сокровища, то онъ нищій.

Многіе вопреки мнѣ говорятъ, что заводчики имъ даютъ пропитаніе и снабжаютъ ихъ всѣмъ нужнымъ, но есть ли въ томъ польза? отнюдь нѣтъ, а когда и есть, то рѣдкимъ, а именно заводчикамъ, а государству въ тягость. Когда жъ земледѣлецъ упражняется въ трудахъ сихъ, то приноситъ изобиліе многимъ.

При заводахъ же есть ухватка и та, хотя, впрочемъ, нечестивая, когда крестьянинъ работаетъ на заводѣ, то, как выше сего сказано, за семьсотъ верстъ на треть года хлѣба завесть не можно, а у другого и взяти нечего, и потому долженъ онъ хлѣбъ и все нужное для себя получать у заводчика же изъ лавки и брать за такую цѣну, какая положена будетъ, и за все то, что крестьянинъ забереть, долженъ заработать по заводскому расположенію. А какъ притомъ на счетъ работныхъ людей несравненно ставятъ дороже, какъ бы надлежало, то крестьяне почти безсмѣнно и должны быть въ работѣ у нихъ, а потому гласъ бѣдныхъ и вызываетъ свою самодержицу на облегченіе елико можно ига ихъ.

Но говорю, чтобъ при нынѣшнихъ обстоятельствахъ во удовольствіе ихъ было что сдѣлано, для того: чтобы и впредь сія чернь не возмнила бунтомъ же требовать своего благоденствія и не пожелала того, чего сдѣлать невозможно...—Мысль моя не въ другомъ какомъ видѣ состоитъ, какъ предувѣдомить

самодержицу всероссійскую объ обстоятельствахъ страны сей, а что сіе есть истинная правда—кровію моею подписать не отрекусь.

(Дубровинъ, Пугачевъ и его сообщники. Томъ I, с. 367—368.)

---

61. Письмо П. А. Демидова къ дѣтямъ.

Получено 1763 году. Генваря 23 дня.

Дѣтямъ моимъ Акакію и Льву Прокофьевичамъ. Письма ваши получены. Благодарствую, и по отпускъ сего мы здоровы. Пишете, что работные люди, взирая на сосѣднихъ приписныхъ крестьянъ, отъ работъ отказались. О томъ я жалѣю, и хоша они совсѣмъ работать не станутъ, въ томъ ихъ не принуждать и въ канцеляріи просить на нихъ не велѣть; а какъ они проживутся, тогда работать охотно станутъ. Да отъ всемилостивѣйшей государыни для противниковъ посланъ генералъ, и ежели близко прибудетъ, то приказчикамъ, а когда случится и вамъ его превосходительства просить, чтобъ съ ними, ежели возможно, до разоренія не доводить, развѣ отъ нихъ какія будутъ безчеловѣчности; въ такомъ случаѣ просить защищенія и, ежели явится опасность, то и вамъ выѣхать въ Катеринбургъ. Во оныя дѣла вы не вступайте, понеже вы посланы учиться.

Да при семъ посылаю работнымъ людямъ повелѣніе, которое велите приказчикамъ копію оставить, а оригиналъ имъ отдать и многія копіи во всѣ мои вѣдомства прибить.

Въ бытность его превосходительства Волкова отъ работныхъ людей прошено, и что отъ приказчиковъ учинено изрядно; потому же можно и въ пріѣздъ генеральскій сказать; токмо главныхъ къ тому заводчиковъ, безо всякой милости учинить съ ними надлежитъ, понеже они столько народу къ разоренію приводятъ. Ежели работные люди стакаются, то отъ нихъ заводчиковъ требовать, нежели довскиваться; а ежели не дадутъ, то что же дѣлать. Въ такомъ случаѣ воля милостивой государыни и какъ изволитъ генералъ: съ чѣмъ онъ отъ ея величества посланъ, то съ ними и учинитъ. Правда, намъ остановка и ущербъ въ народѣ быть можетъ; да знать за грѣхи наши богъ такъ благоволилъ.Приписую божіе благословеніе.

Прокофей Демидовъ.

5 Генваря 763 года Москва.

(«Русс. Архивъ» 1873. стр. 2231.)

---

62. Письмо П. А. Демидова къ караваннымъ и заводскимъ приказчикамъ.

Вы, архибестіи, смѣлоотчаянные, двухголовые и сущіе клятвопреступники и ослушники, Блиновъ и Серебряковъ, за всѣ генерально дурности и неправды и не такія ужъ вамъ плети достанутся, какъ писалъ, подтверждалъ съ караванными, но гораздо не въ примѣръ. Божусь вамъ богомъ, болѣе. Да и денежнаго превеликаго штрафу, сверхъ крѣпкихъ плетей, не минуете, вѣрно и перевѣрно, двухголовые архибестіи и смѣлоотчаянные, наглые, хищные волки! Да и сверхъ того, божусь вамъ самимъ богомъ, будете вы, канальи Блиновъ и Серебряковъ, въ золѣ валяться. — А чтобъ по курепямъ и всюду для прочихъ дѣлъ еженедѣльно вамъ яко бы нельзя ѣздить, то цыцъ и перецыцъ. Не токмо думать, но и мыслить сего вамъ архибестіямъ страшиться; ибо ничего, хотя бабку свою пойте, въ резонъ ни мало не приму. И чинить въ самой точности, какъ я и подтверждалъ неоднократно, и ѣздить точно и переточно вамъ архибестіямъ по курепямъ и всюду еженедѣльно, а то какъ лягушекъ раздавлю. А на сіе писать ко мнѣ.

Прокофей Демидовъ.

17 Генваря 1788 г.

(«Русс. Архивъ» 1873 стр. 2287.)

---

63. Ивановскіе ситце-набивные фабрики въ XVIII вѣкѣ.

(По Я. Гарелину.)

Послѣ 1776 года начинается усиленное странствованіе Ивановцевъ въ Петербургъ и Шлиссельбургъ съ цѣлью узнать секретъ составленія красокъ и способы лучшей набивки. Около 1780 года отправились сначала въ Москву, потомъ въ Шлиссельбургъ (въ Шлиссельбургѣ была въ то время фабрика Леймана) — Ивановскіе крестьяне Соковъ, Ишинскій, Бутримовъ, Демосинъ и Кулешъ. Это все были люди, уже занимавшіеся у мѣстныхъ фабрикантовъ и въ большинствѣ случаевъ рѣзчики, т. е. вырѣзывали рисунки. Другіе отправлялись въ Ригу и Нарву. Въ Ригѣ одновременно съ Гандуриными, торговавшими въ Астрахани, вели торговлю Дурдеповскіе. Около 1798 года на тамошнихъ фабрикахъ былъ набойщикомъ Ивановскій крестьянинъ Иванъ Кузьменковъ. Онъ выучился составлять краски и, вернувшись въ Иваново, устроилъ небольшую набоечную фабрику, ко-

торая прекратила свое существованіе въ 1815 году, со смертью основателя. Но пока еще не возвращались первоначальные виновники развитія ситценабивной промышленности въ селѣ Ивановѣ; набивали болѣе платки, набойку и такъ называемую выбойку, которая вошла въ употребленіе во второй половинѣ XVIII столѣтія: выбойка была по холсту разныхъ сортовъ первоначально маслеными и линючими (верховыми, смывными) красками, а потомъ заварными, окрашиваемыми въ астраханской, цареградской и персидской маренахъ и въ нѣмецкой и бреславской крапахъ. Цвѣта, окрашенные въ крапахъ и маренѣ, преимущественно были черные и красные; они послѣ заварки или крашенія набивались голубою изъ лазури и желтою изъ цитрона или охры. Кромѣ этого, дѣлали однокубовые платки и ситцы, окрашиваемые въ холодныхъ кубахъ. Крашенину и пряжи для тканія окрашивали давняго времени въ горячихъ кубахъ, по-просту въ горшкахъ, отчего и названіе мелочныхъ фабрикантовъ горшечниками. По словамъ Ивановскихъ старожиловъ, первое болѣе правильное заведеніе для набивки по холсту устроено было крестьяниномъ Иваномъ Ишинскимъ слишкомъ за 50 лѣтъ до 1812 года, хотя уже тогда существовали здѣсь полотняно-набоечныя фабрики. Появленіе выбойки вызвано было желаніемъ подражать въ нарядахъ богачамъ (своего рода модой): богачи носили шелковыя матеріи съ различными цвѣтами, а такъ какъ бѣднымъ покупать шелкъ было невозможно, то набойщики рѣшились помочь горю, выпустивши въ свѣтъ выбойку. Первый выбоечный рисунокъ снятъ былъ съ бухарской бумажной бахты, которую можно и донынѣ встрѣтить въ продажѣ.

...Первенство введенія правильнаго набоечнаго мастерства, должно быть отдано, по словамъ старожиловъ, Ишинскому; въ подражаніе ему завелъ у себя набоечное производство Михаилъ Ямановскій. Въ это время набивали платки, которые по рисункамъ назывались рижскими, потому что образцы для нихъ были привезены изъ Риги. Платки набивались разными заварными цвѣтами, а послѣ крашенія такъ же расцвѣчивались. Набойка служила для мебели и вмѣсто нынѣшнихъ ситцевъ для платьевъ, а выбойка для рубашекъ; синяя кубовая набойка употреблялась для рубашекъ и портовъ и была въ продажѣ изъ числа дешевыхъ сортовъ. На фабрикѣ Ямановскаго красоваромъ или мастеромъ для составленія красокъ былъ какой-то купецъ Передовщиковъ, пріѣхавшій изъ Петербурга, гдѣ, по его словамъ, были уже набоечныя заведенія. Надо думать, что это и была извѣстная въ 1755 году фабрика Чамберлинъ и Казенсъ. Весьма возможно, что этотъ же Передовщиковъ первый подалъ Ивановцамъ мысль отправиться въ Петербургъ и научиться тамъ составлять краски. Какъ бы то ни было, а около 1780 года отправляются туда Ивановцы въ качествѣ опытныхъ набойщиковъ и рѣзчиковъ и успѣваютъ въ своемъ намѣреніи, т.-е. знакомятся съ искусствомъ составлять краски. Секретъ узнанъ былъ скоро, по крайней мѣрѣ, мы встрѣчаемъ Сокова, какъ самостоятельнаго, хотя и маленькаго фабриканта уже въ 1789 году.

...Фабрика Сокова существовала около 13-ти лѣтъ. Оставивши набойку по полотну, онъ началъ набивать по бумажнымъ тканямъ, отбѣливая ихъ вываркою въ щелокѣ и расстилкою по лугамъ, на такъ называемыхъ бѣльникахъ, потомъ набивая руками и окрашивая мареною.

...Ситцы и вообще набойка фабрики Сокова имѣли въ то время большую репутацію по красотѣ красокъ, вкусу, рисунковъ и чистотѣ обработки, такъ что и донынѣ Ивановцы же хвалятъ бывшіе произведенія Сокова и называютъ ихъ неподражаемыми. Образцы для рисунковъ онъ привезъ съ собою изъ Шлиссельбурга. Тутъ были не только образцы Шлиссельбургскихъ, но и Петербургскихъ и Московскихъ и иностранныхъ фабрикъ, ими онъ и воспользовался для набойки по холсту и бумажнымъ тканямъ.

...Примѣръ Сокова не остался безъ подражанія. Другіе фабриканты также начали набивать сначала по Кинешмскимъ, Костромскимъ и Ярославскимъ холстамъ, а затѣмъ и по бумажнымъ тканямъ, которыя привозились подъ именемъ бухарскихъ и индійскихъ изъ Астрахани. Ткани эти употреблялись для ситцевъ, полуситцевъ, набойки, выбойки и платковъ. Мало-по-малу *бумага вытѣсняетъ холсты и полотна*. Въ концѣ XVIII столѣтія полотно и бумажныя ткани встрѣчаются еще рядомъ, но въ началѣ XIX столѣтія, особенно послѣ того, какъ здѣсь сами стали ткать миткаль, холстъ и полотно окончательно уступаютъ мѣсто бумажнымъ тканямъ. Первоначальная набойка по бумажнымъ тканямъ производилась, какъ сказано выше, по бухарскимъ и индійскимъ тканямъ, которыя привозили сначала Гандурины, а потомъ Гарелинъ и Грачевъ изъ Астрахани; они же привозили марену, черные орѣшки и другіе товары, продавали ихъ въ Ивановѣ, а въ Астрахань возили уже набивные ситцы и набойки, также продавали тамъ льняные произведенія своихъ фабрикъ. Черезъ Ригу, а потомъ че-

резъ Петербургъ и Москву получали мѣстные фабриканты англійскіе и нѣмецкіе металлы, называемые ситцами, тафтой, бархатомъ и коленкорами. Посредниками въ торговлѣ черезъ Ригу были Дудинскіе, которые представляли собою такихъ же дѣятелей въ торговыхъ сношеніяхъ съ Западомъ, какими были Гандурины, Гарелины и Грачевы на Востокѣ.

...Въ концѣ XVIII столѣтія чуть не все Иваново обратилось въ ситцевую мануфактуру. Требованіе на фабрику рабочихъ рукъ было большое, такъ какъ производство увеличивалось все больше и больше. Еще раньше владѣлецъ Иванова обратилъ вниманіе на развитіе льняной промышленности и въ 1768 году рѣшилъ обложить женщинъ села Иванова оброкомъ льняной пряжей, распредѣливъ его слѣдующимъ образомъ: отъ 18 до 20 лѣтъ платили по 3 фунта, отъ 20 до 25 лѣтъ — 8 фунтовъ и отъ 25 до 30 лѣтъ — 10 фунтовъ. Но мѣстнаго производства льна не было, весь ленъ покупался на сторонѣ, подать ложилась тяжело на женскій классъ, а потому крестьяне стали просить графа Шереметева, чтобы онъ перемѣнилъ подать натурой на деньги. Графъ согласился, и съ тѣхъ поръ эта бабья подать взималась деньгами.

(Я. Гарелинъ. г. Иваново-Вознесенскъ. I ст. 141—161.)

---

64. Фабрика XVIII столѣтія.

(По Кулишеру.)

Въ западно-европейскихъ источникахъ XVII — XVIII ст., французскихъ, прусскихъ, австрійскихъ и другихъ, постоянно упоминается о фабрикахъ и фабрикантахъ. Многіе изслѣдователи изъ этого сдѣлали выводъ, что существовали въ большомъ количествѣ централизованныя предпріятія, въ которыхъ товары производились наемными рабочими подъ надзоромъ самого владѣльца-предпринимателя. Конечно, машинъ до конца XVIII ст. въ Англіи, до начала XIX ст. на континентѣ Европы не было, слѣдовательно, о фабрикахъ въ современномъ смыслѣ говорить нельзя было. Но не сомнѣвались въ томъ, что въ предшествующую фабричной промышленности эпоху имѣлось большое количество централизованныхъ мануфактуръ, которые и составляли преобладающую форму производства въ XVII — XVIII ст., въ особенности во вновь созданныхъ отрасляхъ промышленности. Однако при ближайшемъ анализѣ отдѣльныхъ упоминаемыхъ въ источникахъ предпріятій оказалось, что централизованныхъ мануфактуръ въ эту эпоху встрѣчается сравнительно очень немного. Господствующей же являлась кустарная форма промышленности. Подъ фабрикой законодатель, какъ и авторы того времени, понималъ вообще предпріятіе, въ частности металлургическое, производимое при помощи молота и огня. Фабрикантомъ называли всякаго производителя, будь то ремесленникъ или кустарь, скупщикъ торговецъ или владѣлецъ централизованнаго предпріятія. Такой же смыслъ имѣло и слово мануфактура, съ той только разницей, что оно обозначало не только промышленность вообще (развивать мануфактуры — то же, что развивать промышленность), но и текстильное производство, то, что у насъ нерѣдко именуютъ мануфактурной промышленностью.

И у насъ постоянно говорятъ о петровскихъ и екатерининскихъ фабрикахъ, исходя изъ того, что этотъ терминъ употребляется законодательствомъ того времени, и не сомнѣваясь въ томъ, что это были именно централизованныя предпріятія, хотя, конечно, не примѣнявшія машинъ и двигателей. А между тѣмъ и здѣсь возникаетъ вопросъ, дѣйствительно ли это было такъ и можно ли оффиціальную терминологію того времени понимать въ такомъ смыслѣ. Когда Петръ Вел. или Екатерина II приказывали «фабрики и заводы заводить и размножать», или когда Фоккеродтъ разсказываетъ, что Петръ старался о «заведеніи фабрикъ въ царствѣ, какіе обыкновенно заводятся въ чужихъ краяхъ», то они едва ли имѣли въ виду опредѣленную форму производства, и ихъ весьма мало трогало, будетъ ли работа происходить въ зданіи предпринимателя, или въ помѣщеніяхъ самихъ рабочихъ, или, наконецъ, въ небольшихъ мастерскихъ, гдѣ на-ряду съ владѣльцемъ имѣются и наемные рабочіе. И въ послѣднемъ случаѣ имѣется отнюдь не фабрика и не мануфактура, а кустарная изба, ибо владѣлецъ работаетъ не самостоятельно, а на скупщика, коммерсанта, занимающегося сбытомъ закупаемыхъ имъ товаровъ. И Петръ и Екатерина интересовались лишь самымъ «заведеніемъ» этихъ предпріятій, перенесеніемъ изъ-за границы соотвѣтствующихъ отраслей промышленности. Понятіе фабрики (или мануфактуры, завода), безъ сомнѣнія, равнозначуще понятію промышленности вообще въ такихъ случаяхъ, какъ вывозъ иностранцевъ для того, чтобы они могли «какъ хлѣбопашество, такъ фабрики и художества въ цвѣтущее состояніе приводить», какъ приказаніе учредить «фабрику или художества всякихъ матерій и парчей» или какъ сообщеніе о томъ, что «Македонъ ту мануфактуру

(суконную) умножилъ». А тѣмъ болѣе въ этомъ смыслѣ говорится въ извѣстномъ указѣ Петра 1712 г.—«заводъ суконный размножать не въ одномъ мѣстѣ, такъ, чтобы черезъ пять лѣтъ не покупать мундира заморскаго, а именно: чтобы не въ одномъ мѣстѣ завесть, а заведши дать торговымъ людямъ, собравъ въ компанію, будь волею не похотятъ, хотя въ неволѣ». Въ послѣднемъ случаѣ «заводъ суконный» употребляется въ томъ же смыслѣ, какъ во Франціи говорили въ XVIII ст. «ліонская шелковая фабрика», что обозначало ліонскую шелковую промышленность, которая производилась исключительно въ кустарныхъ мастерскихъ.

Тотъ же Петръ Великій въ 1696 г. говоритъ кузнецу Актуфьеву (родоначальнику Демидовыхъ): «постарайся, Демидычъ, распространить свою фабрику, а я тебя не оставлю», т.-е. предлагаетъ ему расширить свое чугунное, плавильное и оружейное производство, которое выполнялось въ то время тульскими казенными кузнецами въ своихъ же избахъ ремесленнымъ способомъ; они работали на московскую оружейную палату. Здѣсь, въ Тулѣ, уже съ 70-хъ годовъ XVII ст. упоминается о существованіи чугунно-литейнаго, затѣмъ и оружейнаго завода. Исторія послѣдняго подробно изложена въ появившейся еще въ 1826 г. книгѣ Гамеля, при чемъ у всѣхъ авторовъ, упоминающихъ объ оружейномъ производствѣ Тулы, положеніе изображается такимъ образомъ, какъ будто рѣчь идетъ о единомъ крупномъ предпріятіи, о заводѣ въ томъ смыслѣ, какъ мы примѣняемъ этотъ терминъ въ настоящее время. На самомъ дѣлѣ, если внимательно изучать книгу Гамеля, то оказывается, что и выраженіе «тульскій оружейный заводъ» для всего почти двухсотлѣтняго періода существованія этого промысла (вплоть до 1873 г.) означало лишь нѣчто собирательное въ смыслѣ цѣлой группы мелкихъ самостоятельныхъ заведеній, работавшихъ, главнымъ образомъ, на казну, но также и для вольнаго рынка.

Въ 1712 г. послѣдовалъ приказъ Петра: «для лучшаго въ оружейномъ дѣлѣ способа, при оружейной слободѣ, изыскавъ удобное мѣсто, построить заводы, на которыхъ бы можно ружья, фузеи и пистолеты сверлить и обтирать, а палаши и ножи точить водою, и ежели къ тому оружейному дѣлу и ко вышеимъ заводамъ надлежитъ быть каковаго мастерства иноземцамъ, или русскимъ людямъ, и такихъ людей изыскивать и употреблять. Для лучшаго же на Тулѣ въ оружейномъ дѣлѣ усмотрѣнія и поспѣшенія построить оружейный дворъ, дабы то ружье дѣлать всѣми мастеровыми на томъ оружейномъ дворѣ безостановочно, а по домамъ, гдѣ кто живетъ, ружья впредь отнюдь не дѣлать». Въ этомъ указѣ характерно то, что «заводамъ» противополагается «оружейный дворъ». Подъ первыми, очевидно, разумѣются мастерскія, которыми пользуются отдѣльные оружейники для совершенія тѣхъ или иныхъ операцій, нуждающихся въ спеціальныхъ приспособленіяхъ, въ особенности приводимыхъ въ движеніе водой. Всѣ же остальныя работы могутъ ими выполняться либо у себя дома, либо въ особомъ зданіи — оружейномъ дворѣ. Указъ настаиваетъ на переходѣ оружейниковъ въ послѣднее, желая сосредоточить производство въ одномъ мѣстѣ, повидимому, въ цѣляхъ «безостановочной» работы и лучшаго надзора за качествомъ ея. Но это не удалось, ибо послѣ того, какъ каменный оружейный дворъ въ 1718 г. былъ дѣйствительно построенъ, и оружейники были переведены туда, они оказались очень стѣсненными при работѣ, такъ какъ вмѣстѣ съ учениками имѣлось свыше 1100 человѣкъ, не считая еще состоявшихъ при нихъ работниковъ. Поэтому ими было подано прошеніе о разрѣшеніи работать по-прежнему на дому, на что послѣдовалъ отвѣтъ генералъ-фельдцейхмейстера—«оружейныхъ кузнецовъ на каменный дворъ до указу не переводить, а дѣлать имъ ружье по-прежнему въ домахъ своихъ». Такимъ образомъ, прежній способъ производства сохранился. Вскорѣ послѣ этого, въ 1733 г., часть каменнаго оружейнаго двора, т.-е. большая часть палатъ и кузницъ, была сломана, тогда какъ упомянутые выше «заводы», приводимые въ дѣйствіе водой, продолжали служить для выполненія различныхъ работъ по производству оружія.

Мастерамъ поручались для производства на дому различныя работы, смотря по умѣнію и способности каждаго, а одновременно съ этимъ они приготовляли при помощи собственныхъ инструментовъ и своего матеріала и различные предметы, какъ, напримѣръ, пистолеты, штуцера, кортики и шпажные эфесы, стремена, шпоры, и для свободнаго рынка. Позже, къ концу XVIII ст., они были разбиты на пять цеховъ, по спеціальностямъ, а цехи дѣлились на артели, и вновь возникъ проектъ постройки каменнаго оружейнаго завода съ отдѣльными корпусами для помѣщенія каждой артели рабочихъ, но изъ этого ничего не вышло, и «оружейный заводъ» — этотъ терминъ сохраняется все время — снова не превратился въ заводъ. На-ряду съ казенными мастерами производили въ той же

Тулѣ и въ вѣдѣніи того же завода оружіе также вольные мастера, именуемые «фабрикантами». Это видно изъ рескрипта Александра I, посланнаго начальнику тульскаго завода въ 1812 г. — ежемѣсячно приготовлять въ Тулѣ на заводѣ «ружей разнаго калибра 7.000 казенными мастерами, 3.000 вольными фабрикантами, старыхъ ружей передѣлывать вольными фабрикантами 3.000, а всего въ мѣсяцъ приготовлять 13.000». Въ 1823 г. было издано новое положеніе о «заводѣ», согласно которому принадлежащіе къ нему (прикрѣпленные) три тысячи оружейниковъ распадались на шесть цѣховъ (ствольный, замочный, бѣлаго оружія, приборный, ложевой и стальной), при чемъ каждый изъ цѣховъ имѣлъ своего старосту и старшину и судей цѣхового разряда.

При этомъ любопытно, что оружейникамъ разрѣшалось теперь не только производить въ свободное отъ казенныхъ работъ время различныя издѣлія для продажи, но и устраивать у себя спеціальныя заведенія, именуемыя въ источникахъ «фабриками», для выдѣлки не только оружія, но и различныхъ иныхъ желѣзныхъ и стальныхъ вещей, издѣлія замочно-слесарнаго производства. Въ 1825 г. уже насчитывалось 43 различныхъ «фабрики», принадлежавшихъ оружейникамъ, для выдѣлки мундштуковъ, оконныхъ и дверныхъ задвижекъ, замковъ; существовали и чугунолитейныя заведенія, изъ которыхъ одно (оружейника Гайтерева) имѣло даже паровую машину; были мастерскія по выдѣлкѣ самоваровъ, ножей, гвоздей, печныхъ изразцовъ, экипажей, кузнечныхъ мѣховъ. Желѣзо оружейники покупали для своихъ надобностей въ двухъ лавкахъ, и вырученныя отъ продажи его суммы, за вычетомъ расходовъ, поступали въ общественный фондъ оружейниковъ.

Какъ мы видимъ, оружейный заводъ представлялъ собою не что иное, какъ поселенную въ опредѣленной мѣстности и пользовавшуюся особыми льготами группу лицъ, которая лишь отчасти работала на казну, въ значительной же мѣрѣ на собственный страхъ и рискъ, и притомъ не совмѣстно, а каждый въ отдѣльности, при помощи собственнаго матеріала и инструментовъ, а также наемныхъ помощниковъ, лишь отчасти пользуясь и казенными приспособленіями, «заводами», снабженными машинами и двигателями (установленные на нихъ въ началѣ XIX ст. паровыя машины впрочемъ съ 1816 г. въ теченіе двухъ десятилѣтій бездѣйствовали). Въ такомъ положеніи дѣло находилось вплоть до 1864 года, когда послѣ освобожденія тульскихъ оружейниковъ отъ крѣпостной зависимости казенный заводъ былъ переданъ въ аренду частному лицу. Къ этому времени на заводѣ насчитывалось 20.500 человѣкъ обоего пола, при чемъ изъ 10 тыс. душъ мужского пола состояло оружейными мастерами почти 4 тыс. человѣкъ, а изъ этого числа работало въ помѣщеніяхъ завода 1.276 чел. и на дому 2.362.

Другимъ примѣромъ можетъ послужить описаніе развитія хлопчато-бумажной, въ особенности ситце-набивной промышленности Иванова-Вознесенска. Если полагаться на терминологію автора его Я. П. Гарелина, то уже съ начала XVIII ст. мы находимъ въ селѣ Ивановѣ и Вознесенскомъ посадѣ Владимирской губерніи фабричную промышленность. На самомъ дѣлѣ тѣ фабрики, небольшія фабрики, которыя содержались крестьянами, и о которыхъ упоминаетъ авторъ, были ничѣмъ инымъ, какъ кустарными мастерскими. Мы имѣемъ передъ собой кустарей, самостоятельно сбывающихъ свои издѣлія на ярмаркахъ и базарахъ или скупщиковъ, торгующихъ произведенными кустарями товарами, или, наконецъ, мелкихъ мастеровъ, работающихъ вмѣстѣ съ наемными рабочими, иногда, кромѣ того, закупающихъ еще у другихъ ихъ произведенія.

Уже въ началѣ XVIII ст. устроены были набивныя «фабрики» въ Ивановѣ, Ярославлѣ и Костромѣ. «Торговля равендукомъ, фламскимъ полотномъ, чешуйкой, дрелью и другими цвѣтными, гладкими и узорчатыми тканями мѣстнаго издѣлія производилась на городскихъ рынкахъ, сельскихъ базарахъ и въ особенности на ярмаркахъ. Этимъ занималось населеніе нынѣшнихъ Шуйскаго, Вязниковскаго и Ковровскаго уѣздовъ, которыя носили названіе офень, ходейщиковъ или суздаль, такъ какъ вся эта мѣстность въ XVII и XVIII ст. входила въ районъ Суздальскаго уѣзда». Какіе это были фабрики, можно видѣть изъ слѣдующаго. Во второй половинѣ XVIII ст. встрѣчаемъ въ Ивановѣ уже много домашнихъ заведеній для набойки по холсту; нѣкоторыя изъ такихъ «фабрикантовъ» сами набивали набойку, а семейства ихъ производили прочія работы. Такихъ домашнихъ или мелкихъ фабрикантовъ въ отличіе отъ большихъ впослѣдствіи прозвали горшечниками (отъ тѣхъ кубовъ или горшковъ, въ которыхъ окрашивали матерію) или кустарниками. Сами же фабриканты и продавали свои произведенія въ Москвѣ, Казани, селѣ Ивановѣ и на ярмаркахъ, при чемъ крупные фабриканты возили свои товары и далеко, а мелкіе

ограничивались Ивановомъ и окрестными ярмарками. Главными разносчиками Ивановскихъ произведеній по всѣмъ концамъ Россіи были офени, которыхъ не мало было въ самомъ Ивановѣ. Такимъ образомъ оказывается, что эти самые «фабриканты» имѣютъ домашнія заведенія, въ которых работаютъ вмѣстѣ съ семьей и именуются «горшечниками» или «кустарниками».

И въ дальнѣйшемъ читаемъ о «набоешныхъ избахъ» и о такихъ же «самостоятельныхъ, но маленькихъ фабрикантахъ». Однимъ изъ нихъ «фабрика была устроена небольшая, и матеріалы для своего производства онъ покупалъ у мѣстныхъ болѣе крупныхъ фабрикантовъ». Здѣсь вмѣсто «фабрика» надо поставить «мастерская», а слова «болѣе крупныхъ фабрикантовъ» замѣнить словами «скупщиковъ», ибо мы можемъ представить себѣ дѣло въ данномъ случаѣ только такъ, что кустарь, не имѣя достаточныхъ средствъ, но желая сохранить свою самостоятельность, пріобрѣтаетъ сырье у кого-либо изъ скупщиковъ, торгующихъ имъ, а затѣмъ уже продаетъ свои издѣлія на рынкахъ. Это подтверждается и сообщеніемъ о томъ, что во второй половинѣ XVIII ст. одинъ изъ такихъ «крупныхъ фабрикантовъ» «скупалъ у другихъ Ивановскихъ фабрикантовъ работу ихъ фабрикъ для продажи», и что подобнаго рода «фабриканты» не довольствовались однимъ Ивановомъ, а отдавали пастить и въ окрестныя селенія. «При такихъ условіяхъ неудивительно, что и съ появленіемъ въ Ивановѣ централизованныхъ мануфактуръ послѣдніе занимались только конечнымъ процессомъ производства — набойкой миткаля, тогда какъ пряжу они покупали готовую и затѣмъ раздавали ее по деревнямъ для выдѣлки тканей. Такъ обстояло дѣло въ началѣ XIX ст. Вообще во Владимірской губ. въ это время, — какъ сообщаетъ «Журналъ Мануфактуръ и Торговли» 1828 г., — «многіе фабриканты имѣютъ при своихъ фабрикахъ малое только число становъ, раздавая пряжу для тканья по деревнямъ крестьянамъ, работающимъ на собственныхъ своихъ станахъ, и, получая отъ нихъ сотканныя издѣлія, даютъ окончательную отдѣлку при фабрикѣ». Это переходная ступень отъ кустарничества къ централизованной мануфактурѣ, смѣшанная форма, какую мы находимъ въ XVIII ст. и въ Западной Европѣ.

(Кулишеръ. Очеркъ исторіи русской промышленности. Фабрики и кустарная мастерская. Стр. 134—140.)

— —

65. Изъ дневника купца Аладжалова.

«1785 года, мая 1-го, началъ эту я свою тетрадь, въ которой писаны вещи, происходящія на свѣтѣ; а по-русски называется она казета». Такъ начинаетъ свой дневникъ Христофоръ Степановичъ и ведетъ его до самой своей смерти. Продолжаютъ его сыновья.

Записи можно разбить на двѣ рубрики. Одна — семейнаго и дѣлового характера — даетъ нѣкоторый матеріалъ для характеристики экономическихъ отношеній. Другая, къ которой можно отнести отклики на общественныя и политическія событія, характеризуютъ отношеніе далекой русской провинціи къ крупнѣйшимъ фактамъ того тревожнаго времени.

Для Христофора Степановича, какъ для человѣка торговаго, цѣны на товаръ представляли огромный интересъ, и онъ заноситъ къ себѣ въ тетрадь универсальнѣйшій по тому времени прейсъ-курантъ, относящійся къ 1784 — 1785 годамъ. Вотъ нѣкоторыя цифры въ порядкѣ оригинала.

Баранина	—	р.	3	к.	ока [1])
Сливочное масло	—	»	16	»	»
Говядина	—	»	4	»	»
Сѣрая овчина	1	»	40	»	»
Обыкновенная овчина . . .	—	»	20	»	»
Мука.	—	»	5	»	»
Овесъ.	—	»	60	»	четв.
Возъ дровъ	—	»	60	»	
Возъ сѣна.	—	»	60	»	
Лукъ	—	»	2	»	ока
Орѣхи.	—	»	4	»	»
Медъ	—	»	10	»	»
Грецкіе орѣхи.	1	»	10	»	тыс.
Кислое молоко.	—	»	1	»	ока
Виноградъ.	—	»	8	»	»
Сыръ	—	»	3	»	»
Курица	—	»	10	»	
12 яицъ.	—	»	2	»	
Стельная корова.	6	»	—	»	
Лошадь.	12	»	—	»	
Сахаръ	—	»	24	»	ф.
Чай.	—	»	90	»	»
Икра	—	»	25	»	»
Перецъ	—	»	30	»	»
Аглицкое сукно	7	»	—	»	арш.
Голландское сукно $2^1/_4$ арш. шириной	4	»	—	»	»
Гишпанское хорошее.	2	»	—	»	»
Фабричное хорошее	—	»	45	»	»
Канифасъ	—	»	55	»	»
Голландское полотно, 56 арш.	40	»	—	»	кус.
Батистъ хорошій, 10 арш.	16	»	—	»	»
Камлотъ 40 арш.	20	»	—	»	»
Парусина двойная 50 арш.	16	»	—	»	»
Парусина ординарн. (1 арш. ширина) 50 арш.	8	»	—	»	»
Кожаный тулупъ	1	»	80	»	
Бухарскій овчинн. тулупъ .	8	»	—	»	
Хорошіе козловскіе нѣменкіе сапоги	1	»	60	»	

[1]) Ока—турецкая мѣра, равная 3 фунтамъ.

Нѣтъ необходимости комментировать эту таблицу; передъ нами яркая чисто средневѣковая картина смѣшенія натурально-хозяйственныхъ отношеній съ зарождающимся сложнымъ торговымъ строемъ. Все мѣстное дешево, все привозное дорого. Икра въ одной цѣнѣ съ сахаромъ, аршинъ аглицкаго сукна дороже, чѣмъ цѣлая корова, а аршинъ батиста стоитъ столько же, сколько два съ половиной воза дровъ. При такихъ условіяхъ купцамъ не трудно было дѣлать хорошія дѣла при самой элементарной предпріимчивости. Христофоръ Степановичъ съ братьями это понялъ. Въ 1788 году одинъ изъ братьевъ въ первый разъ поѣхалъ лѣтомъ на Макарьевскую ярмарку и въ Москву за товаромъ, а съ 1792 г. одной поѣздки за товаромъ уже оказалось мало, и понадобилось ѣхать въ Москву еще и въ январѣ. Эти факты показываютъ, что уже въ то время сношенія юга съ Москвой и московскимъ райономъ были оживленными.

(Голосъ Минувшего 1913 г. № 7, стр. 187.)

V. Крѣпостное право.

66. О пріемѣ въ Сибирь на поселеніе отъ помѣщиковъ крестьянъ съ зачетомъ ихъ за рекрутъ.

1760. Декабря 13.

Объявляется во всенародное извѣстіе. Понеже въ Сибирской Губерніи и Иркутской Провинціи, въ Нерчинскомъ уѣздѣ, состоятъ къ поселенію и хлѣбопашеству весьма удобныя мѣста, которыхъ къ заселенію государственный интересъ требуетъ. Того ради Правительствующій Сенатъ Приказали: публиковать во всемъ государствѣ печатными указами:

1) Кто изъ помѣщиковъ пожелаетъ своихъ людей и крестьянъ, также и женскъ полъ, которые вмѣсто должныхъ по своимъ званіямъ услугъ, воровствомъ, пьянствомъ, и прочими непристойными продерзостными поступками, многія вредъ, разоренія, убытки и безпокойства приключаютъ, и другимъ, подобнымъ себѣ, наивящшіе къ такимъ же вреднымъ поступкамъ примѣры подаютъ, таковыхъ за оныя непотребства, однако жъ годныхъ къ крестьянской и другой работѣ, лѣтами не старѣе 45 лѣтъ, отдавать къ объявленному поселенію, коихъ для помянутаго отправленія въ Сибирь, принимать по заручнымъ доношеніямъ, отъ самихъ помѣщиковъ или отъ ихъ повѣренныхъ;...—а помѣщикамъ и ихъ повѣреннымъ давать для зачета въ будущіе наборы въ рекруты надлежащія квитанціи, на такомъ основаніи, как при пріемахъ рекрутъ бываютъ, безъ всякаго продолженія, и не причиняя никакихъ убытковъ; а кои изъ тѣхъ женаты, то отдавать тѣхъ людей съ женами; а буде у коихъ изъ тѣхъ малолѣтныя дѣти будутъ, коихъ сами помѣщики при отцахъ и матеряхъ ихъ на то поселеніе отдать пожелаютъ, съ таковыхъ платить тѣмъ помѣщикамъ изъ казны по пріемѣ того жъ дня, за мужескъ полъ до 5 лѣтъ по 10 рублей, а отъ 5 до 15 лѣтъ по 20 рублей, а въ 15 лѣтъ, не платя денегъ, зачитать въ рекруты жъ, а за дѣтей, за женскъ полъ платить деньги вполы вышеозначенныхъ; что же касается до мѣры и роста тѣхъ отдаваемыхъ людей, то въ семъ случаѣ оное не наблюдается, токмо того въ упомянутыхъ мѣстахъ при пріемѣ предостерегать, дабы тѣ отдаваемые люди и крестьяне были здоровы и неувѣчные; а хотя бъ нѣкоторые члены и повреждены были, точію бъ къ работамъ не были помѣшательными, а при томъ бы отъ помѣщиковъ своихъ снабдены были, какъ мужескъ, такъ и женскъ полъ, платьемъ и обувью на такомъ основаніи, какъ обыкновенно при рекрутскихъ наборахъ чинится...—

(Пам. ист. крестьянъ, изд. Клочкова № 85, с. 131—133.)

---

67. О пріемѣ Адмиралтейской коллегіи присылаемыхъ отъ помѣщиковъ для смиренія крѣпостныхъ людей, и объ употребленіи ихъ въ тяжкую работу.

1765.—Генваря 17.

Объявляется во всенародное извѣстіе. По высочайшей е. и. в. конфирмаціи, воспослѣдовавшей сего генваря 8 дня на поднесенный отъ Сената докладъ; повелѣно, буде кто изъ помѣщиковъ людей своихъ по продерзостному состоянію заслуживающихъ справедливое наказаніе, отдавать пожелаетъ для лучшаго воздержанія въ каторжную работу, таковыхъ Адмиралтейской Коллегіи принимать и употреблять въ тяжкую работу на толикое время, на

сколько помѣщики ихъ похотятъ, и во всю ту оныхъ людей въ работѣ бытность довольствовать пищею и одеждою изъ казны равно съ каторжными; когдажъ помѣщики ихъ пожелаютъ обратно взять, то отдавать имъ безпрекословно, съ тѣмъ только, если таковые по бытности своей въ работѣ положеннаго платья и обуви срока не выносятъ, то оное отъ нихъ отбирать въ казну.

(Пам. ист. крестьянъ, изд. Клочкова, № 87, с. 133.)

---

68. О бытiи помѣщичьимъ людямъ и крестьянамъ въ повиновенiи и послушанiи у своихъ помѣщиковъ, и о неподаванiи челобитенъ въ собственныя ея величества руки.

1767 г. Августа 22.

Во всенародное извѣстіе. Хотя по высочайшей ея имп. вел. конфирмаціи обнародованнымъ отъ Сената генваря 19 дня прошлаго 1765 года указомъ, въ подтвержденіе многихъ прежде изданныхъ, и объявлено, дабы никто е. и. в. въ собственныя руки мимо учрежденныхъ на то правительствъ и опредѣленныхъ особо для того персонъ челобитенъ подавать отнюдь не отваживался, подъ опасеніемъ предписаннаго въ ономъ указѣ наказанія, а именно: когда кто не изъ дворянъ и неимѣющихъ чиновъ осмѣлится высочайшую ея вел. особу подачею въ собственныя руки челобитенъ утруждать: то за первое дерзновеніе отсылать таковыхъ въ работу на каторгу на мѣсяцъ; за второе, съ наказаніемъ публично, отсылать туда же на годъ, возвращая оныхъ по прошествіи срока на прежнія жилища; а за третіе преступленіе съ наказаніемъ публично плетьми ссылать вѣчно въ Нерчинскъ, съ зачетомъ крѣпостныхъ помѣщикамъ ихъ въ рекруты.

Но нынѣ, не взирая на то, дворовые люди и крестьяне генерала Леонтьева, генеральши Толстой и подполковника Авраама Лопухина и его братьевъ, отважились еще нарушить оный обнародованный указъ подачею е. и. в. въ собственныя руки на помѣщиковъ своихъ челобитенъ, не токмо противныхъ изображенному въ 13-мъ пунктѣ 2-й Уложенной главы закону, но и вовсе онымъ недозволенныхъ, какъ то въ помянутомъ Уложенномъ пунктѣ именно напечатано: «А будетъ учнутъ извѣщати про государское здоровье, или какое измѣнное дѣло чьи люди на тѣхъ, у кого они служатъ, или крестьяне, за кѣмъ они живутъ въ крестьянѣхъ, а въ томъ дѣлѣ ни чѣмъ ихъ не уличатъ: и тому ихъ извѣту не вѣрити; и учиня имъ жестокое наказаніе, бивъ кнутомъ нещадно, отдати тѣмъ, чьи они люди и крестьяне; а опричь тѣхъ великихъ дѣлъ, ни въ какихъ дѣлѣхъ такимъ извѣтчикамъ не вѣрити». И хотя во исполненіе вышеизображенныхъ законовъ, нѣкоторые изъ помянутыхъ преступниковъ за сіе ихъ дерзновеніе здѣсь въ Москвѣ на разныхъ площадяхъ, а достальные въ ихъ жилищахъ публично и жестоко на тѣлѣ всѣ наказаны, причемъ помѣщикамъ отдано на ихъ произволеніе, къ себѣ ли ихъ по наказаніи обратно взять пожелаютъ, или согласятся, чтобъ оные отосланы были въ казенную работу въ Нерчинскъ? Равномѣрно и прочіе ихъ сообщники, какъ то и бригадира Дмитрія Алсуфьева и братьевъ его дворовые люди и крестьяне, черезъ посланныя команды всѣ приведены въ должное помѣщикамъ своимъ послушаніе...—

А буде и по обнародованіи сего е. и. в. указа которые люди и крестьяне въ должномъ у помѣщиковъ своихъ послушаніи не останутся, и въ противность вышеизображеннаго 2-й Уложенной главы 13 пункта недозволенныя на помѣщиковъ своихъ челобитныя, а наипаче е. и. в. въ собственныя руки подавать отважатся: то какъ челобитчики, такъ и сочинители сихъ челобитенъ наказаны будутъ кнутомъ, и прямо сошлются въ вѣчную работу въ Нерчинскъ, съ зачетомъ ихъ помѣщикамъ въ рекруты.

А для повсемѣстнаго о семъ свѣдѣнія и исполненія сей указъ съ полученія онаго чрезъ цѣлый мѣсяцъ въ каждомъ мѣстѣ въ праздничные и воскресные дни, а по прошествіи мѣсяца ежегодно по одному разу во время храмовыхъ праздниковъ читать по всѣмъ церквамъ, дабы никто невѣдѣніемъ отговариваться и въ подобное симъ послѣднимъ преступникамъ несчастіе впасть не могъ.

(Пам. ист. крестьянъ, изд. Клочкова, № 89, с. 139—141.)

---

69. Разъясненіе одного изъ законовъ о крестьянахъ.

1775.—Апрѣля 6.

11. Объ отпущенныхъ на волю помѣщичьихъ крѣпостныхъ людяхъ, для наибольшаго изъясненія гласящей о семъ 46 статьи, предписывается присутственнымъ мѣстамъ, чтобъ съ состоянія указа, за такихъ на волю отпущенныхъ людей казенныя подати всегда платимы были въ казну до будущей ревизіи отъ бывшихъ ихъ помѣщиковъ бездоимочно; и

*

чтобъ, не смотря на объявляемое иногда собственное желаніе, такихъ, со времени сего указа, единожды отъ помѣщиковъ своихъ съ отпускными на волю отпущенныхъ и въ новую ревизію изъ подушнаго оклада исключаемыхъ людей ни за кого въ подушный окладъ опять не записывать, и симъ средствомъ вѣчно не укрѣплять.

(Пам. пст. крестьянъ, изд. Клочкова, № 94 с. 155—156.)

---

70. Наказъ приказчику, составленный помѣщикомъ Рычковымъ.

§ 6.

При употребленіи въ господскія работы тягловыхъ крестьянъ поступается у насъ по произволенію помѣщиковъ. Есть такіе строгіе, что крестьянамъ своимъ одного дня на себя работать не даютъ; а давая всѣмъ ихъ семействамъ мѣсячной провіантъ, употребляютъ ихъ безъ изъятія на господскія работы повседневно. У иныхъ четыре дни въ недѣлѣ работаютъ на помѣщика, а три дни съ воскресеніемъ оставляется имъ. Коимъ умѣренно ихъ содержать, у тѣхъ по три дни на помѣщика, и стольножъ дней на себя работаютъ, а воскресеніе оставляется на отдыхъ; но пашня болѣе урокажи исправляется. У нѣкоторыхъ пашутъ съ лишкомъ по двѣ, у другихъ по двѣ, по полторы и по одной десятинѣ на тягло. Въ каждомъ полѣ, разверстывая помѣщичьи и крестьянскіе дни по полямъ, при чемъ нѣкоторые заставливаютъ положенную помѣщичью пашню, не покидая ни на одинъ день, исправить всю, а потомъ уже дозволяютъ приниматься за свою. Человѣколюбивый господинъ и прямо отечество свое любящій никогда управителямъ и прикащикамъ своимъ не велитъ на каждое тягло во всѣхъ поляхъ болѣе сего какъ по одной десятинѣ, а конечно уже не болѣе полуторы десятинъ пахать, сѣять и убирать. Изъ чего онъ довольно можетъ имѣть прибыли, когда земля благовременно и хорошо вспахана и засѣяна. А хлѣбъ въ надлежащее время у него пожнутъ и въ гумно поставятъ; ибо крестьянину для себя и для продажи в публику (на платежъ государственныхъ податей и пр.) по меньшей мѣрѣ въ двое или въ трое противъ вышеописаннаго пахать и сѣять надобно. А хотя прилежный тягловый мужикъ на помѣщика своего и болѣе высѣетъ, но что въ томъ пользы, когда землю нехорошо вспашетъ, и будетъ безвременно жать, и убирать въ гумно посѣянный имъ хлѣбъ.

§ 10.

Умноженіе земледѣльцовъ не только для помѣщиковъ, но и для всего государства важнѣйшимъ пунктомъ почитается, а къ сему ничто больше не можетъ способствовать, какъ благовременная женитьба молодыхъ людей, умѣренной имъ деревенской трудъ и не оскудное содержаніе. У насъ въ крестьянствѣ издавна и во многихъ мѣстахъ есть обычай малолѣтнихъ ребятъ женить на возрастныхъ дѣвкахъ, которая женитьба, кромѣ вреда и нестроенія, никакой пользы не приноситъ, и нѣтъ тутъ ни малаго способа ко умноженію людей, ниже въ разсужденіи хорошаго домостроительства, чего ради и допущать оное не надобно. Разумные управители и прикащики должны о томъ стараться, чтобъ изъ крестьянъ молодые люди далѣе 18 лѣтъ, а по крайней мѣрѣ свыше 20 лѣтъ холостыми не шатались. Усматривая таковыхъ, поощрять ихъ отцовъ и ихъ самихъ къ женитьбѣ, пріискивая имъ дѣвокъ, въ тѣхъ же деревняхъ, коибъ согласовали ихъ возрасту, а хотябъ годами двумя или тремя ихъ моложе: но понеже нерѣдко случается и то, что въ одной деревнѣ изъ молодыхъ людей бываетъ болѣе мужеска пола, а въ другой больше дѣвокъ, и для того помѣщики управителямъ и прикащикамъ должны давать дозволеніе къ отдачѣ возрастныхъ дѣвокъ на выводъ въ другія деревни, опредѣляя число выводныхъ денегъ, гдѣ условленность будетъ со обоихъ сторонъ, и безъ выводныхъ денегъ молодыхъ людей на дѣвкахъ женить, то сіе заимство не запрещать. Чтожъ до выводныхъ денегъ принадлежитъ, то кажется довольно для помѣщика, когда ему за отданную дѣвку плачено будетъ отъ десяти до пятнадцати рублевъ, толькобъ то сдѣлано было съ вѣдома управителей и прикащиковъ. А въ небытность ихъ старостъ и выборныхъ съ письменными видами и съ согласія обоихъ сторонъ отцовъ и матерей, и безъ всякой неволи посягающихъ. Но ежели такой молодой человѣкъ отрицается отъ женитьбы, или отецъ и мать по какой-нибудь слабости къ тому несклонны, въ такомъ случаѣ пристойнымъ образомъ слѣдуетъ ихъ къ тому и понудить.

(Труды Вол. Эк. Об-ва, т. 16.)

---

71. Изъ Записокъ Г. Винского.

Русскіе помѣщики (Оренбургской губ.).

Знавши до сего русскихъ въ столицахъ или на улицахъ, теперь же начавши жить съ ними поближе и, что называется, въ ихъ домашнемъ быту, я многое увидалъ неожидан-

ное и многое узналъ, чему бы никогда не повѣрилъ. Николай Михайловичъ Булгаковъ, его супруга Прасковья Михайловна, трое дѣтей и до 60-ти обоего пола челядинцевъ составляли въ настоящемъ видѣ русскій дворянскій домъ. Господинъ былъ за сорокъ лѣтъ, кротокъ, снисходителенъ, искателенъ, не корыстолюбивъ, хотя и не щедръ. Госпожа—подъ 40 лѣтъ, ласкательна сначала безъ мѣры, искательна до низости, услужлива до подлости, завидлива, скупа, сварлива, тщеславна, болтунья, безстыдница и къ людямъ жестока. Дѣти, какъ избалованные барчата; сынъ Александръ 9 лѣтъ, истинный ососокъ; дочь Анна 15 лѣтъ, уже, что первое меня удивило, заглядывалась на мужчинъ; Аленушка 4 лѣтъ, съ рожкомъ во рту. Челядинцы, какъ и вездѣ, составляли домашній скотъ; одни приближенные, любимцы, имѣли лучшее одѣяніе и содержаніе; другіе, назначенные работать руками и ногами, имѣли одно нужное, и то бережливо.

Госпожа управляла домомъ самовластно, или лучше самовольно. Управленіе сіе, во всѣхъ подробностяхъ, есть дѣло довольно любопытное, ибо тутъ непрестанно незнаніе сражается съ невѣжествомъ. Сколько меня сначала удивляло: «Не дѣлай своего хорошаго, дѣлай мое худое»,—обыкновенный русскаго дворянства отвѣтъ на представленіе своего холопа. Хозяйство русской домоводки состоитъ все изъ самыхъ мелочей: на кухнѣ—масла, яицъ и другихъ припасовъ ежедневно издерживается втрое болѣе надобнаго, и отъ неумѣнія повара употреблять, и отъ привычки воровать, чему ни одна хозяйка воспрепятствовать, кромѣ крику и побоевъ, надлежащимъ образомъ не можетъ; ибо ни одна не познакомлена съ кухонными работами. И смѣшно и жалко было смотрѣть споръ незнающей госпожи съ невѣжею поваромъ. Сія кричитъ: «У тебя сегодня соусъ былъ совсѣмъ нехорошъ». — «Нехорошъ, сударыня, да чѣмъ же?» — «Еще я бъ знала чѣмъ? Нехорошъ, скверенъ, тебѣ говорятъ; вотъ я тебя, каналью, научу».—«Воля ваша, сударыня, а я лучше не умѣю». — «Еще ты смѣешь говорить? Развѣ даромъ за тебя деньги платили?»—«Большіе, сударыня, деньги, 15 руб.; да тому же болѣе уже 30 лѣтъ; тогда и не слыхать было о такихъ кушаньяхъ, какихъ ты изволишь требовать». — «Разговорился, бестія». — «Воля твоя, сударыня, вѣдь мнѣ скоро 60 лѣтъ; я же человѣкъ ломанный, пора бы отставить». — «А вотъ я тебя отставлю, забудешь ты противъ барыни ротъ разѣвать». Счастливъ, когда таковыя бесѣды угрозами кончатся.

Законъ, запрещающій дворянскимъ людямъ ни въ какомъ случаѣ не имѣть голоса противъ своихъ господъ, дѣлаетъ ихъ истинными безотвѣтными скотами, покорность коихъ посему дальше всякія вѣроятности, какъ и звѣрство ихъ властелиновъ. Надобно быть допущену во внутренность домовъ дворянскихъ и самому не быть по сему русскимъ, дабы видѣть всѣ своевольства ежедневно въ сихъ вертепахъ. Я началъ мое ознакомливаніе съ домами точно не въ худшемъ, и по совѣсти не могу сказать, чтобы я, гдѣ ни жилъ, видѣлъ тиранства, творимые у Михаила Васильевича Матюнина и его сестрицъ; но съ чистосердечіемъ долженъ написать, что и въ семъ домѣ за малѣйшіе проступки, часто по одному своенравію госпожи, лилась кровь несчастныхъ. Помѣщенный въ главномъ корпусѣ дома такъ, что одни только узенькіе сѣни отдѣляли меня отъ комнатъ хозяйки, я невольно долженъ былъ видѣть или слышать экзекуціи, всегда отправляемыя въ сѣняхъ, въ присутствіи госпожи.

Распространяться о проступкахъ нѣтъ надобности: всякъ знаетъ, что предъ господиномъ, что ступитъ, то провинился, и за все наказывается; важнѣйшими, однакожъ, всегда почитаются волокитство и домашняя кража. Крайнее удивленіе возбуждается въ иностранцѣ истребленіемъ по дворянскимъ домамъ челядинцами посуды и другихъ вещей. Они все бьютъ, ломаютъ, теряютъ, будто на подрядъ; а глупые хозяева довольствуются однимъ лишь за то наказаніемъ.

Надзоръ за комнатными дѣвками есть первая заботливость госпожи. Малѣйшее сихъ несчастныхъ поползновеніе, даже ничего незначущая игра, никогда не прощается; яснѣе же доказанное преступное дѣяніе, кромѣ истязаній тѣлесныхъ, во всѣхъ благочестивыхъ домахъ наказывается выдачею въ замужество за какого-нибудь урода. Сколько разъ я бывалъ заступникомъ, ходатаемъ за таковыхъ несчастныхъ, и всегда почти безуспѣшно, ибо у благочестивыхъ барынь сей проступокъ безъ помилованія.

Кража домашняя, особенно господскаго и бездѣльнаго, розыскивается, взыскивается и наказывается со всею жестокостью; но украденное на сторонѣ почти всегда укрывается.

(Записки Г. Винского. Мое время, стр. 115—118.)

---

72. Наказанія крѣпостныхъ.

(По В. Семевскому.)

1.

Образцомъ уложенія о наказаніяхъ, составленнаго для своихъ крестьянъ и дворовыхъ

самимъ помѣщикомъ, могутъ служить правила, установленные въ 1751 году гр. П. А. Румянцевымъ, подъ названіемъ «пункты, по которымъ имѣютъ во всѣхъ низовыхъ нашихъ вотчинахъ управители, прикащики, старосты за разные преступленія крестьянъ наказывать». Кромѣ этихъ пунктовъ, въ подробной инструкціи, данной имъ же, есть особая глава о наказаніяхъ. Румянцевъ самымъ подробнымъ образомъ опредѣлилъ, какимъ карамъ должно подвергать крестьянъ за различные проступки, не предоставивъ въ этомъ почти никакой самодѣятельности вотчиннымъ властямъ и крестьянскому сходу; слѣдовало только опредѣлить наличность преступленія и затѣмъ примѣнить наказанія, указанные помѣщикомъ.

За лѣность и пьянство Румянцевъ предписываетъ наказывать штрафами. У дворового за каждый пропущенный рабочій день вычиталось жалованье за недѣлю, а крестьянинъ долженъ былъ вознаградить вдвойнѣ причиненный имъ хозяйственный ущербъ. Если дворовые или крестьяне поссорятся между собою, и одинъ другого обругаетъ непечатными словами, съ виновнаго взыскиваютъ штрафъ въ 10 коп. «За бой безъ знаку»—приказано брать штрафъ отъ 25—30 коп., на три дня «заключать въ цѣпь», а иногда, смотря по по побоямъ, и высѣчь батогами. «Буде же окровянитъ», — сказано въ инструкціи, — то 50 коп. штрафу и высѣчь батогами; — въ «пунктахъ» назначенъ такой же денежный штрафъ, кромѣ того, велѣно жестоко наказать батогами и еще «заключить на семь дней на цѣпь на хлѣбъ и воду». За самую малую кражу Румянцевъ предписываетъ «отобрать у виновнаго все имѣніе, вознаградить пострадавшаго, а остальное взять на господина, самого же преступника высѣчь плетьми и отдать въ первую работу, куда потребно будетъ или наборъ», не донося даже о томъ господину. Если же кто украдетъ что-нибудь изъ господскаго имущества, то также описать все имѣніе, заковать въ желѣза и обстоятельно донести господину. Людей, состоящихъ при вотчинныхъ дѣлахъ, за растрату велѣно было сдавать въ рекруты безъ жребія. Кромѣ кражи денегъ или вещей, въ деревняхъ бывали случаи присвоенія чужой земли, похищенія чужого хлѣба, сѣна и пр. Все это предусмотрѣно Румянцевымъ. Въ «пунктахъ» мы находимъ такое постановленіе: «если кто у кого насильствомъ запашетъ, сожнетъ и скоситъ, то настоящее отнятое тому обиженному отдать и сверхъ того на томъ мѣстѣ сѣчь плетьми»; въ инструкціи же за эти вины и также за потраву велѣно взыскивать двойную стоимость похищеннаго. За порубку заповѣднаго помѣщичьего лѣсу съ виновнаго брали штрафъ по рублю за каждое дерево и лѣсъ отбирали. Какъ человѣкъ военный, гр. Румянцевъ придавалъ особенное значеніе поддержанію дисциплины и потому строго наказывалъ за оскорбленіе не только управителей и прикащика, но даже и бурмистра, старостъ и другихъ сельскихъ властей. Если дворовой или крестьянинъ оскорбитъ кого-либо изъ начальства «отъ перваго до послѣдняго», то съ дворового велѣно взыскивать половинное жалованье, а съ крестьянина 50 коп. Если же сдѣлаетъ это «передъ управителемъ или прикащикомъ», то дворовой лишается годового жалованья, а съ крестьянина брали 5 рублей и, сверхъ того, наказывали плетьми или батогами, какъ захочетъ обиженный. Является вопросъ: въ чью пользу взимался денежный штрафъ? Половина его шла обиженному, а другая—въ пользу помѣщика. Членовредителей велѣно было сдавать въ зачетъ рекрутъ, то же дѣлать и съ ихъ пособниками, а у стариковъ отписывать все имѣніе и держать ихъ въ оковахъ до указу.

Румянцевъ заботился объ обученіи грамотѣ дворовыхъ дѣтей; точно такъ же радѣлъ онъ и о спасеніи душъ своихъ крѣпостныхъ. За непосѣщеніе церкви въ праздники безъ законной причины грозилъ штрафъ въ 10 коп. Если кто начнетъ въ церкви кричать или шумѣть, тотъ платитъ 2 коп., а у кого не будетъ денегъ, тѣхъ сажать на цѣпь на сутки. Денежный штрафъ въ обоихъ случаяхъ шелъ уже не въ пользу помѣщика, а въ церковную казну. Такимъ образомъ, благоговѣнію къ церковной службѣ учили не только штрафами, но даже и посредствомъ заковыванія въ желѣза.

Особенно заботился Румянцевъ, чтобы его крестьяне жили въ мирѣ съ сосѣдями, а тѣмъ паче не перечили чѣмъ-нибудь сосѣднимъ помѣщикамъ. За всякій проступокъ относительно посторонняго крестьянина взыскивали вдвое строже, а за обиду дворянина велѣно наказать по требованію обиженнаго батогами «пока тотъ доволенъ будетъ», а сверхъ того, въ пользу Румянцева взыскать 2 руб.

Въ случаѣ же разбоевъ и другихъ «подозрительныхъ» и «противныхъ указамъ» поступковъ, которые помѣщикъ считалъ себѣ неподсудными, велѣно немедленно представлять ихъ въ городовые канцеляріи.

Итакъ, въ правилахъ, поставленныхъ Румянцевымъ, мы находимъ слѣдующія наказанія: денежный штрафъ отъ 2-хъ коп. до

5 руб., а для цѣловальниковъ, старость и бурмистровъ до 10 руб., возвращеніе похищеннаго вдвое, конфискація имущества, арестъ съ наложеніемъ цѣпей, сѣченіе батогами и плетьми, отдача въ работу или въ рекруты. Размѣры тѣлеснаго наказанія не опредѣлены; иногда только сказано: высѣчь «жестоко», а въ случаѣ оскорбленія сосѣдняго помѣщика велѣно даже наказывать, «пока обиженный будетъ доволенъ». Того, кто запашетъ чужую землю, сожнетъ или скоситъ чужой хлѣбъ или сѣно, велѣно сѣчь на мѣстѣ преступленія. Неаккуратно ведущему денежные дѣла цѣловальнику Румянцевъ грозилъ употребленіемъ въ какую-нибудь работу въ теченіе всей жизни. Любопытно, что въ правилахъ Румянцева не упоминается о наказаніи розгами, нѣтъ также и наказанія кнутомъ...

2.

«Наказаніе рабовъ»,—говоритъ одинъ французъ, долго жившій въ Россіи (Пассенансъ, авторъ книги «Россія въ рабствѣ»),—«измѣняется сообразно съ расположеніемъ духа и характеромъ господина или заступающаго его мѣсто. Оно гораздо чаще соразмѣряется со строгостію того, кто его предписываетъ, чѣмъ съ важностью проступка наказываемаго. Самыя обычныя исправительныя средства — палки, плети и розги. Наказанія производятся обыкновенно на конюшнѣ или въ другомъ отдаленномъ мѣстѣ, чтобы крики истязаемаго не безпокоили господъ. Я видѣлъ, что палками наказывали какъ за кражу, такъ и за опрокинутую солонку (послѣдняя по русской примѣтѣ, предзнаменуетъ большое несчастіе, и потому такое преступленіе рѣдко прощается), за пьянство и за легкое непослушаніе, за дурно сжаренную курицу и за пересоленный супъ. При наказаніи обыкновенно присутствуетъ управитель, если при этомъ не бываетъ господина. Подвергающійся наказанію въ одной рубашкѣ ложится, одинъ или чаще два человѣка помѣщаются сбоку и по очереди бьютъ, какъ по пуховику. Несчастный испускаетъ пронзительные крики, проситъ прощенія, клянется, что не провинится больше, но управитель приказываетъ: «сильнѣе, сильнѣе», и если наказывающій замедлитъ удары, ему самому грозятъ наказаніемъ...». «Какія предосторожности ни принималъ я,— продолжаетъ авторъ,— чтобы не быть свидѣтелемъ этихъ жестокихъ истязаній,—они такъ часты, такъ обычны въ деревняхъ, что невозможно не слышать сплошь и рядомъ криковъ несчастныхъ жертвъ безчеловѣчнаго произвола. Эти пронзительные вопли преслѣдовали меня даже во снѣ. Сколько разъ я проклиналъ мое знаніе русскаго языка, когда слышалъ, какъ отдавали приказы о наказаніяхъ».

3.

По замѣчанію Массона (авторъ секретныхъ мемуаровъ о Россіи), помѣщицы въ Россіи были вообще кровожаднѣе мужчинъ; онъ объясняетъ это тѣмъ, что онѣ гораздо невѣжественнѣе, отличаются множествомъ предразсудковъ, почти ничего не читаютъ; между тѣмъ онѣ постоянно окружены рабами, готовыми исполнять или предупреждать ихъ малѣйшія желанія. Вотъ что разсказываетъ онъ о кн. Козловской: она «олицетворяетъ въ себѣ понятіе о всевозможныхъ неистовствахъ и гнусностяхъ. Не разъ видали, какъ она велитъ раздѣвать мужчинъ и сѣчь ихъ при себѣ розгами, считая хладнокровно удары и понукая исполнителя наказанія бить больнѣе; видали, какъ она, въ припадкахъ бѣшенаго изступленія, заставляетъ служанокъ привязывать къ столбу одного изъ своихъ слугъ, совершенно обнаженнаго, и натравливаетъ собакъ грызть несчастнаго; или же приказываетъ женщинамъ сѣчь его, при чемъ зачастую вырываетъ у нихъ розги и сама бичуетъ истязуемаго по... самымъ чувствительнымъ частямъ тѣла... соединяя, такимъ образомъ, чудовищное наслажденіе звѣрской жестокости съ затѣями необузданнаго безстыдства... Въ такомъ же вкусѣ изобрѣтались муки для подвластныхъ женщинъ; но тогда уже палачами назначались мужчины. Прежде всего, несчастныя жертвы подвергались безпощадному сѣченію наголо; затѣмъ свирѣпая госпожа, нерѣдко для утоленія своей лютости, или даже личной мести, заставляла класть трепещущія груди на холодную мраморную доску стола и собственноручно, съ звѣрскимъ наслажденіемъ, сѣкла эти нѣжныя части тѣла. Я самъ видѣлъ одну изъ подобныхъ мученицъ, которую она часто терзала такимъ образомъ и вдобавокъ еще изуродовала: вложивъ пальцы въ ротъ, она разодрала ей губы до ушей. Я видѣлъ эту злополучную дѣвушку, обезображенную и проводящую свои горькіе дни на конюшнѣ, гдѣ прочіе слуги изъ состраданія давали ей пріютъ и пищу. Вся вина бѣдняжки состояла въ томъ, что она навлекла на себя ревность своей Мессалины къ одному изъ ея презрѣнныхъ любовниковъ...

(В. Семевскій. Крестьяне въ цар. Екатерины II. Т. I. стр. 191—193, 198, 202—203.)

73. Наказанія помѣщиковъ за истязанія крестьянъ до смерти.

(По В. Семевскому.)

Теперь мы представимъ сводъ рѣшеній по всѣмъ извѣстнымъ намъ 18 дѣламъ о помѣщикахъ, до смерти замучившихъ своихъ людей.

Исключительно къ церковному покаянію были приговорены 4 женщины и 1 мужчина, а именно: тайная совѣтница Ефремова, вдова капитана Кашинцева (на шесть недѣль въ монастырь), калужская помѣщица Маслова, Горина (5 лѣтъ покаянія, въ томъ числѣ полгода въ монастырѣ) и отставной сержантъ Кувшиновъ (пять лѣтъ покаянія, въ томъ числѣ 1 годъ въ монастырѣ). Двѣ женщины были приговорены на мѣсяцъ въ тюрьму и къ церковному покаянію: генеральша Эттингеръ и жена унтер-шихтмейстера Гордѣева. —

Солигалицкую помѣщицу Марину, которая приказала своему сыну помочь ей въ расправѣ съ крѣпостной дѣвочкой, императрица приказала посадить на 6 недѣль на хлѣбъ и на воду, затѣмъ сослать въ женскій монастырь на год въ работу, а послѣ того освободить съ обязательствомъ, чтобы она впредь отъ подобныхъ поступковъ воздерживалась; во время пребыванія давать ей пищу и одежду изъ доходовъ съ деревень, которыя на это время поручить въ управленіе родственникамъ; имъ же слѣдуетъ и передать сына Мариной съ подтвержденіемъ, чтобы онъ ни до какихъ непристойностей допущенъ не былъ, обучаемъ былъ наукамъ по его склонностямъ.

Орловскаго помѣщика, отставного подпоручика Борзенкова, засѣкшаго плетью двухъ женщинъ, императрица, снисходя къ его старости (около 60 лѣтъ) приказала вмѣсто вѣчной каторжной работы, предложенной сенатомъ, лишить чиновъ и заключить пожизненно для покаянія въ монастырь, содержа первый мѣсяцъ на хлѣбѣ и водѣ.

Помѣщика Тарбѣева, замучившаго одну женщину по подозрѣнію въ «приворотѣ» какимъ-то корешкомъ, императрица приказала, лишивъ чиновъ, заключить на полгода для покаянія въ монастырь, на хлѣбѣ и водѣ, а потомъ сослать въ Нерчинскъ для опредѣленія въ «простую службу».

Подпоручицу Рудину, замучившую одну крѣпостную женщину, императрица велѣла, продержавъ недѣлю на хлѣбѣ и водѣ, предать церковному покаянію на полгода, а потомъ, лиша дворянства, сослать въ Сибирь на поселеніе.

Помѣщика Ярославской губ. Шестакова, совершившаго цѣлый рядъ безчеловѣчныхъ поступковъ, приказано было продержать 4 недѣли на хлѣбѣ и водѣ, потомъ предать на полгода церковному покаянію и, наконецъ, лишивъ чиновъ и дворянства, сослать въ Сибирь на поселеніе навсегда.

Смоленскаго шляхтича Высоцкаго, который не только истязалъ цѣлое семейство, но даже и пыталъ женщину раскаленнымъ желѣзомъ, велѣно было лишить шляхетства, не называть болѣе прежнею фамиліею, вывести на эшафотъ и положить на плаху, а потомъ, вмѣсто смертной казни, заклеймить на лбу первою буквой слова «убійца» и сослать въ каторжную работу безъ срока.

Курскаго помѣщика Солодилова и Тверского Лушникова императрица приказала, лиша чиновъ и дворянства, выдержать недѣлю на хлѣбѣ и водѣ, предать на полгода церковному покаянію, а потомъ сослать въ Сибирь на вѣчную каторжную работу.

Пошехонскій дворянинъ Алексѣевъ за истязаніе до смерти своего крѣпостного и убійство чужого крестьянина, былъ лишенъ чиновъ и дворянства, заклейменъ на лбу и затѣмъ сосланъ на вѣчную каторгу.

Наконецъ, о Родіоновѣ, замучившемъ взятую имъ въ услуженіе 14-тилѣтнюю дѣвочку, императрица положила такую резолюцію: «Какъ сей преступникъ въ противность законамъ, коихъ не могъ онъ не вѣдать, яко человѣкъ, у дѣлъ находившійся, дерзнулъ присвоить себѣ власть, вышнему мѣсту предоставленную, распросомъ надъ малолѣтнею дѣвкою, произведеннымъ съ крайнею суровостью и мучительствомъ, отъ которыхъ и смерть ей приключилась, то за сіи злодѣянія, лиша его чиновъ, поставить на лбу знакъ первою буквою слова «убійца», а потомъ сослать на вѣчную работу».

Итакъ были приговорены исключительно къ церковному покаянію пять человѣкъ (въ томъ числѣ 4 женщины), затѣмъ, если не считать побочныхъ каръ: на мѣсяцъ въ тюрьму—двѣ женщины, на 6 недѣль на хлѣбъ и воду, и на одинъ годъ въ монастырь въ работу — одна женщина, къ пожизненному покаянію въ монастырѣ—одинъ мужчина, къ «простой службѣ» въ Нерчинскъ—одинъ, на вѣчное поселеніе—два (въ томъ числѣ одна женщина), къ вѣчной каторжной работѣ—пять.

(В. Семевскій. Крестьяне въ цар. Екатерины II, т. I, с.195—196.)

74. Истязанія крѣпостныхъ.

(По В. Семевскому.)

...Помѣщики не имѣли по закону права надъ жизнью и смертью своихъ крестьянъ,

но такъ какъ они могли наказывать ихъ неограниченно, то тяжелыя истязанія нерѣдко оканчивались смертью подвергнутаго имъ крѣпостного. *Аббатъ Шаппъ*, путешествовавшій по Россіи въ 1761 г., говоритъ: такъ какъ помѣщики имѣютъ право наказывать своихъ крестьянъ батогами, «то они употребляютъ это наказаніе такимъ образомъ, что на дѣлѣ получаютъ возможность казнить ихъ смертью». Императрица Екатерина, возражавшая въ «Антидотѣ» на каждое слово аббата Шаппа, на этотъ разъ не нашлась что отвѣтить. «Хорошее или дурное обращеніе съ прислугой,—пишетъ она,—гораздо болѣе зависитъ отъ хорошей или дурной нравственности, чѣмъ отъ законовъ страны (?); ко благу человѣчества, наши нравы не ухудшаются». Посмотримъ еще, каковы были эти нравы.

Вотъ, напримѣръ, двое крестьянъ Алексѣя *Лопухина*, Дмитровскаго уѣзда, заявляютъ въ своей челобитной императрицѣ (1767 г.), что когда отецъ ихъ обратился съ какою-то жалобою или просьбою къ своему господину, тотъ сталъ бить его палкою и нанесъ 100 ударовъ, такъ что у крестьянина пошла кровь горломъ, и онъ вскорѣ послѣ того умеръ. Въ 1786 году, во Владимірской губерніи графъ Салтыковъ возбудилъ дѣло противъ помѣщика *Карташева*, вслѣдствіе его жестокаго обращенія съ крѣпостными. Это дѣло тѣмъ интереснѣе, что тутъ различнымъ истязаніямъ подвергались не дворовые, а крестьяне. По приказу генералъ-губернатора по этому случаю былъ произведенъ повальный обыскъ, а отъ сосѣднихъ помѣщиковъ собраны свѣдѣнія черезъ предводителей дворянства. 164 человѣка, въ томъ числѣ 7 духовныхъ лицъ, заявили, что они видѣли, какъ крестьяне Карташева ходятъ по ночамъ просить милостыню, и при этомъ слышали отъ нихъ, что они испытываютъ отъ помѣщика «жестокіе и безчеловѣчные побои», и что отъ того нѣкоторые изъ нихъ умерли, а другіе бѣжали. Иногда эти просящіе милостыню крестьяне были безчеловѣчно изсѣчены: одна крестьянка была не только вся избита, но у ней даже были переломлены руки; нѣкоторые крестьяне содержались подъ арестомъ въ избѣ съ заколоченными окнами и прокармливались только тою милостынею, которую имъ подавали въ маленькую щель прохожіе. Нижній земскій судъ представилъ къ слѣдствію дворовую женщину, которая отъ побоевъ согнулась «на подобіе безсловесныхъ животныхъ», такъ что едва могла ползать на рукахъ и ногахъ. По словамъ этой женщины, года два тому назадъ Карташевъ самъ побилъ ее плотничьимъ правиломъ и переломилъ ей спинную кость, такъ что послѣ того она могла ходить, только опираясь на палку; Карташевъ з а т о ее приказывалъ неоднократно бить, а наконецъ, увидя на пожнѣ согнувшуюся, ударилъ раза четыре ружейнымъ прикладомъ, отчего и нынѣ раны есть». Деньщикъ брата этого помѣщика слышалъ, что одинъ крестьянинъ умеръ послѣ побоевъ въ тотъ же день. Кромѣ того, онъ самъ часто видѣлъ, какъ Карташевъ наказывалъ крестьянъ палками, батогами и кнутомъ, и слышалъ, что многіе послѣ того умерли. Вслѣдствіе такихъ жестокостей помѣщика въ томъ селѣ, гдѣ онъ жилъ, осталось весьма мало крестьянъ, хотя прежде ихъ было тамъ до 150 душъ и несмотря на то, что владѣлецъ ежегодно переселялъ туда крестьянъ изъ другихъ вотчинъ. Крестьянскіе дома въ этомъ селѣ стояли пустыми или разваливались.

Одного изъ помѣщиковъ-самодуровъ С. Т. *Аксаковъ* обезсмертилъ въ своей «Семейной хроникѣ» подъ именемъ *Куралесова*. «Для этого звѣря терзать людей сдѣлалось потребностью, наслажденіемъ». Когда онъ былъ особенно разгнѣванъ на кого-нибудь, онъ не горячился и не кричалъ, а говорилъ тихо и даже ласково: ну, любезный другъ, дѣлать нечего, пойдемъ, надобно мнѣ съ тобою разсчитаться. — «Поцарапайте его кошечками», приказывалъ онъ съ улыбкою окружающимъ. Кошки (ременныя семихвостыя плети изъ сыромятной кожи съ узлами на каждомъ концѣ) были у Куралесова любимымъ орудіемъ наказанія.—«Не люблю палокъ и кнутьевъ»,—говаривалъ онъ,—«что въ нихъ? какъ разъ убьешь человѣка. То ли дѣло кошечки: и больно, и не опасно». Во время истязанія баринъ пилъ чай съ водкой, курилъ трубку и отъ времени до времени пошучивалъ съ несчастною жертвою, покуда она могла еще слышать. Аксакова увѣряли достовѣрные свидѣтели этихъ истязаній, что иногда жизнь наказанныхъ спасали только тѣмъ, что завертывали ихъ истерзанное тѣло въ теплыя, только что снятыя шкуры барановъ. Но иногда ничто не помогало, и нѣсколько человѣкъ умерло послѣ наказанія. Всѣ власти были задарены или запуганы Куралесовымъ, и онъ дѣлалъ все, что ему вздумается. Любопытно, что, какъ и многіе другіе подобные изверги, Куралесовъ былъ очень набоженъ.

Всего ужаснѣе то, что дѣянія такихъ личностей, какъ кн. Козловская, помѣщикъ, извѣстный подъ именемъ Куралесова, и другіе, нерѣдко оставались совершенно *безнаказанными*. Однако же истязанія крѣпостныхъ кончавшіяся смертью несчастныхъ жертвъ

барскаго произвола не всегда сходили съ рукъ мучителямъ. [illegible] будетъ видно [illegible] изъ цѣлаго ряда дѣлъ, возбужденныхъ правительственными властями.

Въ 1763 г. смоленскій шляхтичъ *Высоцкій*, взявъ къ себѣ въ домъ одного своего крестьянина и жену его, держалъ ихъ подъ карауломъ въ колодкахъ, сѣкъ обоихъ по нѣскольку разъ батогами, затѣмъ еще собственноручно наказывалъ плетьми, женщину жегъ раскаленнымъ желѣзомъ, а сына ихъ наказывалъ батогами. Женщина не вынесла этихъ истязаній и на четвертый день умерла. Въ губернской канцеляріи, а затѣмъ въ военномъ судѣ «при смоленской шляхтѣ» Высоцкій объяснилъ, что лѣтомъ того года у него началась болѣзнь живота и «головѣ помраченіе», тогда бывавшіе у него гости стали говорить ему, что онъ испорченъ. Онъ началъ допрашивать своихъ людей, и одинъ изъ нихъ, 17-лѣтній парень, какъ оказалось, не снеся побоевъ, оговорилъ своего отца и мать, что они дали ему какой-то травы, которую онъ и подсыпалъ помѣщику въ кушанье... Тогда Высоцкій началъ истязать эту несчастную семью, «чтобы они въ здоровьѣ его выпользовали».

Въ 1766 г. въ Петербургѣ вдова тайнаго совѣтника Данилы *Ефремова* призвала въ свою квартиру трехъ солдатъ и приказала имъ сѣчь батогами свою дворовую дѣвушку, отчего та умерла на другой день. На слѣдствіи Ефремова, заявивъ, что высѣкла свою дѣвку «за чинимыя ею противности, воровства и побѣги», старалась доказать, что она была наказана весьма умѣренно, а умерла потому, что отравилась «ядовитымъ зельемъ», которое было у нее во рту и котораго не могли отнять. Къ слѣдствію представили даже сткляночку, будто бы найденную у дѣвушки; медицинская канцелярія, произведя изслѣдованіе, нашла, что въ ней были бѣлила, въ которыхъ, «кромѣ ртути и марказита», ядовитаго ничего не найдено. Если бы даже эта дѣвушка дѣйствительно отравилась, то это подтвердило бы только, какъ жестоко она была наказана, и вообще, какъ невыносима была ея жизнь; но причиною ея смерти была вовсе не отрава: по вскрытіи трупа яда во внутренностяхъ не оказалось, но снаружи на спинѣ нашли антоновъ огонь, повидимому, отъ «пребезмѣрнаго битья».

Въ 1766 году въ любимскомъ уѣздѣ одна дворовая женщина умерла отъ побоевъ; помѣщикъ *Тарбѣевъ*, которому она принадлежала, былъ взятъ въ воеводскую канцелярію и на допросѣ показалъ, что въ то время, какъ эта женщина была въ теченіе трехъ недѣль въ бѣгахъ, въ оставленной ею работѣ нашли какой-то корень. По возвращеніи она сказала, что корень этотъ называется Петровъ крестъ; она взяла его у покойнаго сельскаго попа для «приворота» Тарбѣева и его жены, «дабы они къ ней были добры, а между собою союзу не имѣли». Тарбѣевъ не повѣрилъ ея словамъ и, допрашивая ее, билъ плетью. Тогда она показала, что и прежде брала у попа соль, на которую тотъ наговаривалъ, и, по его приказанію, клала въ кушанье. Тарбѣевъ за то, что эта женщина «чинила ему и женѣ его такія отравы, пришедъ въ страхъ, билъ ее полѣномъ и пестомъ съ окомъ желѣзнымъ, отчего она и умерла, а умыслу къ убивству ея,—по его словамъ,—какъ прежде, такъ и въ то время не имѣлъ».

Въ 1767 году въ Орловской губ. въ селѣ Шумовѣ, большомъ имѣніи отставного подпоручика *Шеншина*, одержимаго страстью къ мучительству, соорудили, по приказу помѣщика, особое зданіе со всѣми усовершенствованными приспособленіями для пытки. Главнымъ орудіемъ его была дыба: «пытаемый за руки прикрѣплялся къ верхней части дыбы; къ ногамъ привѣшивалось бревно. Главный палачъ наблюдалъ за ходомъ истязанія; работу исполняли помощники. Шеншинъ руководилъ всѣмъ ходомъ дѣйствій. Несчастнаго мучили утонченно. Бревно сначала само дѣйствовало своею тяжестью, потомъ, по указанію помѣщика, палачи начинали потряхивать сперва слабо, потомъ все сильнѣе, сильнѣе. Ноги и руки пытаемаго вытягивались, кости вывихивались, сухожилія лопались. Тутъ же велся допросъ по вымышленному преступленію. Это была ужасная игра въ застѣнокъ. Послѣ дыбы для претерпѣвшаго готовились новыя испытанія: ему палили ноги горящимъ вѣникомъ, сѣкли кнутомъ, батогами. Женщины были подвергаемы утонченному мучительству, соединенному съ садизмомъ. Штатъ застѣнка у Шеншина былъ значительный: кромѣ палача, помощниковъ насчитывалось до 30 чел.», такъ какъ работы было не мало. Многихъ помѣщикъ пыталъ, главнымъ образомъ, сѣченіемъ собственноручно: всѣхъ жертвъ его во время слѣдствія было насчитано 59 чел. Шеншинъ держалъ при себѣ священника, обязанностью котораго было напутствовать умиравшихъ отъ истязаній. Одинъ несчастный умеръ подъ ударами, получивъ въ теченіе двухъ дней 500 ударовъ кнутомъ и батогами. Испытавъ всякаго рода мучительство надъ своими людьми, Шеншинъ не церемонился и съ чужими крестьянами, подвергалъ пыткѣ и людей свободныхъ: однодворца, подканцеляриста, даже

священника сосѣдняго села (священникъ былъ заподозрѣнъ въ томъ, что давалъ крестьянамъ Шеншина «чародѣйскій корень», чтобы извести барина). Два года Шеншинъ предавался своимъ ужаснымъ развлеченіямъ безъ всякой помѣхи. Но въ 1769 г. онъ вздумалъ предаться имъ и въ Москвѣ, гдѣ остановился въ домѣ своей матери: «Онъ обвинилъ своего двороваго въ кражѣ, устроилъ наскоро дыбу и подвергнулъ несчастнаго пыткѣ. Встряхнувъ нѣсколько разъ обвиняемаго, Шеншинъ завинтилъ ему руку въ клещи и началъ сѣчь батогами; послѣ часового сѣченія онъ перешелъ къ палкамъ и двѣ изъ нихъ обломалъ о спину заподозрѣннаго; не удовольствовавшись этимъ, взялся за арапникъ и «ѣзжалые кнуты». Несчастный не выдержалъ истязаній и, хотя ему пускали кровь изъ рукъ и ногъ, умеръ, но передъ смертью, подъ вліяніемъ мученій, оговорилъ московскаго купца, будто бы отдалъ ему на сохраненіе деньги. Шеншинъ избилъ купца батогами и посадилъ въ чуланъ, но послѣ своего освобожденія тотъ заявилъ обо всемъ полиціи, и Шеншинъ очутился подъ слѣдствіемъ и судомъ.

Въ 1769 году оренбургская помѣщица, вдова генералъ-майора *фонъ-Эттингеръ*, приказала своимъ людямъ высѣчь длинными таловыми прутьями своего крестьянина, который и умеръ въ тотъ же день. По словамъ помѣщицы, онъ умеръ не вслѣдствіе наказанія, а оттого, что дѣти и мать его давали ему пить выжатый изъ капусты черный сокъ да холодной воды со льдомъ. Однако нѣсколько докторовъ, осматривавшихъ тѣло умершаго, нашли, что причиною смерти было «неумѣренное сѣченіе». Солигалицкая помѣщица *Марина* за непослушаніе наказывала свою 14-лѣтнюю крѣпостную дѣвочку «верховою ѣзжалою плетью» и била головою объ стѣну; отъ этихъ побоевъ дѣвочка вскорѣ умерла. Капитанша, вдова *Кашинцова*, подвергла свою служанку такому ужасному тѣлесному наказанію, что та повѣсилась. — Жена унтеръ-шихтмейстера *Гордѣева* такъ истязала свою дворовую, что та скоро умерла. Орловскій помѣщикъ *Борзенковъ* засѣкъ до смерти плетью двухъ своихъ женщинъ, послѣ чего тѣла ихъ были вытащены дворовыми дѣвушками и брошены въ яму. Борзенковъ ради своего оправданія попробовалъ заявить, будто эти женщины хотѣли отравить его какимъ-то зельемъ, но никто этого не подтвердилъ. Въ 1775 г. пошехонскій помѣщикъ (Ярославской губерніи) *Алексѣевъ*, находившійся уже въ то время подъ слѣдствіемъ за убійство чужого крестьянина, побилъ ружьемъ своего крѣпостного за то, что онъ принесъ не весь оброкъ, послѣ чего тотъ на другой день умеръ. На повальномъ обыскѣ помѣщики, духовныя лица и крестьяне аттестовали Алексѣева, какъ человѣка «весьма невоздержаннаго и худого состоянія».

Ярославскій помѣщикъ, отставной капитанъ *Шестаковъ*, жившій въ самомъ городѣ Ярославлѣ, въ апрѣлѣ 1779 г. такъ жестоко высѣкъ плетьми своего человѣка, что тотъ былъ отданъ на излѣченіе въ больницу, а самъ Шестаковъ содержался за это подъ карауломъ. Въ августѣ того же года Шестаковъ въ пьяномъ видѣ повалилъ на полъ своего человѣка и немилосердно топталъ его ногами, а потомъ, привязавъ на дворѣ къ столбу, сѣкъ «ѣзжалыми кнутьями». Въ декабрѣ онъ больно высѣкъ плетьми дворового, потомъ, заковавъ по рукамъ и ногамъ, посадилъ въ холодную баню, на другой день подвергъ его вторичному наказанію плетьми и затѣмъ вновь посадилъ въ баню. Въ тотъ же день онъ забрался въ комнату къ двумъ другимъ крестьянамъ, хотѣлъ колоть ихъ ножомъ и сѣчь кнутомъ. Тѣ отправились съ жалобою по начальству и при этомъ заявили, что Шестаковъ, будучи всегда пьянъ, «людей своихъ сѣчетъ днемъ и ночью безчеловѣчно» и что онъ только что два раза жестоко наказалъ своего двороваго. Посланною командою этотъ дворовый былъ доставленъ въ сильномъ жару въ городническое управленіе и оттуда, по освидѣтельствованіи, отправленъ въ больницу. Всѣ свѣдѣнія, собранныя о Шестаковѣ, были не въ его пользу. Его дядя сказалъ, что онъ «обращается завсегда въ пьянствѣ, праздности и роскоши»; оказалось, что, будучи въ своей деревнѣ въ любимскомъ уѣздѣ, Шестаковъ стрѣлялъ изъ окна по драгунской командѣ, находившейся при мѣстномъ земскомъ судѣ, а также по своимъ дворовымъ и крестьянамъ. Нижній земскій судъ любимскаго уѣзда, пріѣхавъ въ деревню Шестакова, по его просьбѣ, для усмиренія крестьянъ, не вынесшихъ его самодурствъ и истязаній, нашелъ Шестакова виновнымъ «въ развратныхъ и непристойныхъ честь его проступкахъ»; а при допросѣ дворовыхъ и крестьянъ найдено, что у однихъ помѣщикъ разрубилъ руки ножомъ, у другихъ даже вовсе переломилъ. Тогда судъ только подтвердилъ Шестакову, чтобы онъ порядочнѣе велъ себя и взялъ съ него въ томъ подписку, но онъ, разумѣется, не исправился. Наконецъ, хозяинъ дома, въ которомъ Шестаковъ жилъ въ Ярославлѣ, и трое постороннихъ заявили, что онъ «людей своихъ тирански мучилъ», такъ что «все оное по человѣколюбію стороннему слышать ужасно было

Курскій помѣщикъ *Солодиловъ* въ 1781 г., придя ночью въ людскую избу, взялъ ружейное дуло и сталъ сначала самъ бить своего дворового человѣка, Гончарова, укоряя его въ прежнихъ неоднократныхъ побѣгахъ и притворной болѣзни, а потомъ, по приказанію господина, стали такимъ же образомъ бить Гончарова двѣ дѣвушки. Послѣ того Солодиловъ, какъ ни въ чемъ не бывало, приказалъ Гончарову притти къ нему и его поцѣловать, а при этомъ спрашивалъ, болитъ ли у него животъ, на что тотъ жаловался уже нѣсколько дней. Гончаровъ отвѣчалъ, что пересталъ болѣть. Тогда господинъ велѣлъ ему сѣсть подлѣ себя, приказалъ имъ обоимъ поднести по чаркѣ вина и потомъ отпустилъ спать. Въ ту же ночь Гончаровъ умеръ. Когда объ этомъ доложили помѣщику, онъ сказалъ: «вѣчная ему память, богъ съ нимъ: онъ намъ работалъ». Потомъ велѣлъ женщинамъ вынести мертвое тѣло въ сарай и поднесъ имъ по стакану вина, приказывая поминать покойнаго. Въ томъ же 1781 г. тверская помѣщица *Горина* приказала своему человѣку высѣчь при себѣ плетьми одну женщину за кражу сала; на четвертый день послѣ того наказанная родила мертваго младенца, а черезъ двѣ недѣли умерла и сама. Въ той же губерніи и въ томъ же году умеръ дворовый человѣкъ отставного сержанта *Кувшинова* отъ побоевъ, нанесенныхъ ему помѣщикомъ.

Въ 1782 г. тамбовская помѣщица, прапорщица *Ребровская*, засѣкла «ѣзжалыми кнутами» свою 13-тилѣтнюю крѣпостную дѣвочку: она умерла черезъ нѣсколько часовъ послѣ экзекуціи. Въ 1785 г. обнаружилось, что тамбовскій помѣщикъ, прапорщикъ *Лизуновъ* часто засѣкалъ своихъ людей до смерти. Открылось это только вслѣдствіе того, что онъ ударилъ ножомъ корнета Малахова, который сталъ упрекать его за эту жестокость.

На пасхѣ 1785 года къ тверскому помѣщику, прапорщику *Лушникову*, пришелъ поздравить его съ праздникомъ крестьянинъ съ женою и невѣсткою Натальею, которая, по словамъ господина, была тогда не трезва. Похристосовавшись, помѣщикъ пригласилъ ихъ сѣсть и всѣ вмѣстѣ выпили. Потомъ Лушниковъ сталъ высылать ихъ вонъ; крестьянинъ съ женою вышли, а Наталья осталась, и помѣщикъ выпилъ съ нею еще. Когда послѣ Лушниковъ сталъ прогонять ее, она ушла, но вскорѣ опять вернулась; господинъ заподозрилъ: «не съ подлогомъ ли какимъ она пришла?» — «Съ какого умысла ты пришла и нейдешь вонъ?» сказалъ онъ и началъ бить ее по щекамъ, приговаривая: «никакъ ты еретица и хочешь извести меня»? Потомъ велѣлъ подать себѣ веревку, связалъ несчастной женщинѣ руки и ноги и приказалъ ей, если она не еретица, сказать: «да воскреснетъ богъ и расточатся врази его»; но та съ пьяна или испуга ничего не могла выговорить. Когда разсвирѣпѣвшій помѣщикъ началъ бить ее полѣномъ, въ комнату вбѣжалъ мужъ несчастной женщины и просилъ прекратить истязаніе. Господинъ приказалъ ему усовѣщевать жену, чтобы она произнесла молитву, но такъ какъ та продолжала молчать, то онъ выгналъ мужа и вновь принялся за побои, а потомъ, оставивъ ее связанною въ той же комнатѣ, легъ спать. Когда въ ту же ночь собравшіеся крестьяне Лушникова и посторонніе мужики вошли въ комнату, женщина оказалась уже мертвою.

Въ 1787 году въ Орловской палатѣ уголовнаго суда производилось дѣло о жестокихъ поступкахъ съ своими людьми помѣщика Брянскаго уѣзда канцеляриста *Надѣина*. Онъ привязалъ свою дворовую женщину къ столу посреди двора «въ колодкѣ, безъ покрова», и продержалъ ее такимъ образомъ 6 сутокъ (вѣроятно въ холодное время); она умерла. Еще ранѣе этого, допрашивая своего человѣка, заподозрѣннаго въ кражѣ изъ амбара пожитковъ, онъ сѣкъ его такъ жестоко, что тотъ въ ту же ночь умеръ. Палата признала «тиранства» Надѣина, но не обвинила его въ умышленномъ убійствѣ своихъ людей.

Помѣщики отдавали иногда своихъ крѣпостныхъ въ услуженіе другимъ лицамъ; эти послѣдніе также подвергали своихъ слугъ различнымъ наказаніямъ, доходившимъ иной разъ до настоящихъ пытокъ. Въ 1778 году, одинъ чиновникъ, *Родіоновъ*, выслужившійся изъ солдатскихъ дѣтей, заподозрилъ въ кражѣ денегъ взятую имъ въ услуженіе 14-лѣтнюю крѣпостную дѣвочку, повидимому, вовсе въ томъ невиновную. Родіоновъ нѣсколько разъ наказалъ ее розгами и плетьми и, наконецъ, однажды, привязавъ къ скамейкѣ, жестоко высѣкъ, прижигалъ спину зажженными прутьями изъ сухого вѣника и въ то же время билъ засушенною воловьею кожею. Измученная всѣми этими истязаніями дѣвочка была брошена въ чуланъ. Однако, замѣтивъ вскорѣ, что она очень слаба, Родіоновъ отправилъ ее къ лѣкаркѣ, но та не взялась за лѣченье. Черезъ двѣ недѣли дѣвочка умерла; при освидѣтельствованіи трупа найдены были жестокіе ожоги.

(В. Семевскій. Крестьяне въ цар. Екатерины II, т. I. Стр. 206—212.)

75. Изъ записокъ Болотова.

(1774 г.)

1. Борьба съ воровствомъ.

Господи! какъ было мнѣ тогда досадно, когда начали доходить до меня о томъ [1]) частые слухи. Будучи отъ природы совсѣмъ не жестокосердымъ, а напротивъ того, такого душевнаго расположенія, что не хотѣлъ бы никого оскорбить и словомъ, а не только дѣломъ, и не находя въ наказаніяхъ никогда ни малѣйшей для себя утѣхи и видѣвъ тогда сущую необходимость оказывать жестокости и съ сими бездѣльниками для унятія ихъ отъ злодѣйствъ драться, терзался я отъ того досадою и неудовольствіемъ. Но нечего было дѣлать. Необходимо надлежало ихъ отъ воровства и всѣхъ шалостей отваживать и унимать; и я скоро увидѣлъ, что добромъ и ласковыми словцами и не только увѣщаніями и угрозами, но и самыми легкими наказаніями тутъ ничего не сдѣлаешь, а надобно было неотмѣнно употреблять всѣ роды жестокости, буде хотѣть достичь тутъ до своей цѣли. Итакъ, сколько я сначала ни философствовалъ и ни наказывалъ ихъ, будучи самъ въ спокойномъ духѣ и смѣючись, но удальцы сіи скоро начали и самаго меня такъ раздражать, что я иногда доходилъ до сущихъ глупостей и разсерживался до изступленія. Да и нельзя было иначе, ибо стали случаться такія произшествія, которыя и каменнаго выводили изъ терпѣнія.

Напримѣръ, однажды привели ко мнѣ двухъ воровъ, воровавшихъ и пойманныхъ вмѣстѣ, но при допросѣ не могъ я никакъ согласить между собой ихъ слова и признанія, но одинъ говорилъ то, а другой другое. Я говорить... я увѣщевать ихъ и такъ, и такъ... я говорить, что неотмѣнно одинъ изъ нихъ лжетъ, а другой говоритъ правду, и что непремѣнно надобно мнѣ узнать истину. Но не тутъ-то было! Молодцы мои стали въ одномъ, да и только всего. И знать что были удальцы самые, что я болѣе часа обоихъ ихъ попеременно велѣлъ сѣчь, но не могъ никакъ добиться правды. Господи! Какъ они меня симъ запирательствомъ своимъ тогда раздосадовали и вздурили. Я выходилъ почти самъ изъ себя, и не прежде, какъ уже при третичномъ и жесточайшемъ истязаніи ихъ, добился толку.

Въ другой разъ увидѣли двухъ человѣкъ, ворующихъ муку съ мельницы, но захватили съ мукой только одного, а другой ускользнулъ, и не можно было за темнотою и признать его. Итакъ, надобно было узнать, кто бы такой былъ съ нимъ и воровалъ вмѣстѣ. И сей бездѣльникъ вывелъ меня уже совершенно изъ терпѣнія и раздражилъ до чрезвычайности, ибо вздумалъ сперва запираться, и несмотря на трехъ свидѣтелей, поймавшихъ его и клятвенно утверждавшихъ, что не только видѣли другого, но хватали его и едва не ухватили, сталъ въ томъ, что былъ онъ одинъ и никого съ нимъ не было. Господи! Какая была тогда на меня досада и какъ было нестерпимо такое явное запирательство, а особливо когда не помогло ни мало и все сѣченье. Нѣсколько разъ принимался я сего бездѣльника пороть, и чѣмъ и чѣмъ я его уже не сѣкъ, но онъ какъ сталъ въ одномъ, да и только всего. Что ты изволишь! Наконецъ, и когда спина его была уже ловко взъерошена, насилу-насилу повинился и сказалъ на одного изъ тутошнихъ крестьянъ. Но чтожъ? И тутъ вышла неправда. Сыскали того мужика, но тотъ всѣми клятвами божился, что не знаетъ и не вѣдаетъ того и никогда съ нимъ не бывалъ и не воровалъ. Я такъ и сякъ! Но не тутъ-то было! И оба остаются при своихъ объявленіяхъ и клянутся. Нечего было дѣлать, принужденъ былъ велѣть положить и сего и сѣчь, принуждая признаться; но онъ съ спокойнымъ духомъ говорилъ, что хоть до смерти его засѣки, а признаться ему не въ чемъ. Остановился я, сіе услышавъ, и по счастію вздумалъ призвать свидѣтелей, ловившихъ сихъ воровъ, и спросить ихъ, не могутъ ли они мнѣ сказать, походилъ ли сей мужикъ чѣмъ-нибудь на того, котораго они видѣли? — «Нѣтъ, сударь» (сказали они единогласно), «этотъ совсѣмъ на того не похожъ, тотъ и ростомъ былъ гораздо выше и борода у него маленькая и не такая большая, какъ у него». — «Ну вотъ...— сказалъ я: не взъвъ ли ты всклепалъ на сего, ни за что, ни про что подвелъ подъ побои. Ну, ложись опять, бездѣльникъ». — Ну чтожъ, судырь! вытерпѣлъ еще добрую пастилку и насилу-насилу съ него смолвилъ и показалъ на другого. — «Давай сюда и того», закричалъ я; привели мнѣ и того, но и тотъ не только всѣми клятвами клялся, что онъ не знаетъ, не вѣдаетъ, но представлялъ двухъ свидѣтелей, оправдавшихъ его тѣмъ, что онъ въ самое то время и часы, въ которые сіе воровство произходило, былъ съ ними, и тамъ ему быть никоимъ образомъ было не можно. «Ну, вотъ...— опять солгалъ, ложись опять и сказывай истину. Говорю тебѣ, что я не отстану, и какъ ты ни думай, а добьюсь и узнаю истину». Итакъ, принялся я его опять пороть и сѣчь,

---

[1]) О кражахъ и грабежахъ, производимыхъ крестьянами деревень, коими управлялъ Болотовъ.

вытерпѣвъ себѣ добрую передрягу, повинился, что и сего оклепалъ напрасно, мстя ему за одну себѣ досаду, и сказалъ на третьяго. Но что бы вы думали? Оказалась опять ложь и неправда и напраслина сущая. И легко ли, цѣлыхъ пять человѣкъ онъ симъ образомъ и все напрасно оплетать старался.

И какъ претерпѣвъ за каждаго добрыя настилки, вывелъ онъ меня совсѣмъ уже изъ терпѣнія, то боясь, чтобъ бездѣльника сего непомѣрнымъ сѣченіемъ не умертвить, вздумалъ я испытать надъ нимъ особое средство. Я велѣлъ скрутить ему руки и ноги и, бросивъ въ натопленную жарко баню, накормить его насильно поболѣе самою солепою рыбою и приставивъ строгой къ нему караулъ, не велѣлъ давать ему ни для чего пить и морить его до тѣхъ поръ жаждою, покуда онъ не скажетъ истины, и сіе только въ состояніи было его пронять. Онъ не могъ никакъ перенесть нестерпимой жажды и объявилъ намъ наконецъ истиннаго вора, бывшаго съ нимъ въ сотовариществѣ.

И вотъ съ какими удальцами принужденъ я былъ имѣть дѣло!

Но зато и наказалъ я ихъ особымъ и примѣрнымъ образомъ, и желая всему селу показать, какъ наказываются воры, велѣлъ ихъ, раздѣвъ до нага, вымазать всѣхъ дегтемъ и водить съ процессіею по всей улицѣ села, и всѣмъ жителямъ, выгнатымъ изъ избъ для смотрѣнія передъ вороты, кричать, чтобъ смотрѣли они, какъ наказываются воры, и что со всѣми и другими поступлено будетъ также, кто изобличится хотя въ малѣйшемъ воровствѣ. Маленькихъ же ребятишекъ велѣно всѣхъ согнать къ мосту, и въ то время, когда поведутъ воровъ черезъ оной, велѣть заставлять кричать: «воры! воры!» и кидать въ нихъ грязью, ибо происходило сіе еще осенью, а потомъ, собравъ всѣхъ крестьянъ, торжественно имъ сказалъ, что если они отъ воровства, а особливо у проѣзжихъ и у ночующихъ в селѣ не уймутся, то вмѣсто тогдашнихъ двухъ не спящихъ ночныхъ караульщиковъ въ селѣ сдѣлаю десятерыхъ. А ежели и за симъ все еще воровство будетъ, то сдѣлаю, чтобъ передъ каждыми тремя дворами былъ не спящій караульщикъ, и не только замучу ихъ сими караулами, но и всякій разъ сіи караульщики должны будутъ отвѣчать мнѣ за всѣ пропажи и покражи.

Таковое примѣрное наказаніе, соединенное съ политическою уловкою, не только нагнало дѣйствительно на всѣхъ страхъ, но произвело вожделеннѣйшее дѣйствіе, и мужички мои, увидѣвъ, что я ни мало шутить не намѣренъ и въ состояніи дѣйствительно все то исполнить, наконецъ, подумавъ и поговоривъ между собою, смолвились, чтобы бросить наконецъ всѣ шалости и не только самимъ ничего дурного не предпринимать, но смотрѣть пристально за другими и никому не норовить, но, выводя все наружу, представлять виновныхъ для наказанія...

(Записки Болотова, т. III, стр. 474—477.)

2. Борьба съ пьянствомъ.

Былъ у меня въ домѣ столяръ Кузьма Трофимовичъ, человѣкъ по рукомеслу очень нужный и надобный, но пьяница прегорькій. Какъ ни старался я воздержать его отъ сей проклятой страсти, но ничто не помогало, но зло сдѣлалось еще пуще. Къ пьянству присовокупилось еще и воровство. Ибо какъ пропивать было нечего, то принялся онъ красть и все относить на кабакъ. Уже во многихъ воровствахъ онъ былъ подозрѣваемъ, уже пропилъ онъ весь свой инструментъ, уже обворовалъ онъ всѣхъ моихъ дворовыхъ людей, уже вся родня на него вопіяла, а наконецъ, дошло до того, что начала съ скотнаго двора пропадать скотина. Не одинъ разъ я уже его сѣкалъ, не одинъ разъ сажалъ въ рогатки и въ цѣпь, но ничего тѣмъ не успѣлъ. Словомъ, дошло до того, что я не зналъ, что мнѣ съ нимъ дѣлать, ибо жалѣлъ его только для дѣтей его. Одинъ изъ нихъ былъ моимъ камердинеромъ, грамотный, умный и мнѣ усердный малый, и лучшимъ моимъ человѣкомъ — самый тотъ, который всюду ѣжжалъ со мной. Другой, по имени Тимофей, служилъ при моемъ сынѣ, былъ сущій гайдукъ и малый ловкій и проворный, а третій, по имени Сергѣй, былъ въ музыкѣ моей первымъ флейтраверсистомъ, но обоихъ тѣхъ меньше и также малый не глупый и ко всему способный. Всѣ сіи дѣти казались съ молоду очень хороши, но какъ оба первые повозмужали, то, къ сожалѣнію моему, оказалась и въ нихъ такая же склонность къ питью; а притомъ еще замѣчено злобнѣйшее сердце. И сіи-то молодцы подали мнѣ поводъ къ помянутой досадѣ и безпокойству. Такъ случилось, что за нѣсколько передъ тѣмъ дней, надобно мнѣ было отца ихъ опять унимать отъ пьянства и добиваться о послѣдней пропажѣ въ домѣ и до того, откуда беретъ онъ деньги на пропой? Посѣкли его немного, посадилъ я его въ цѣпь, въ намѣреніи дать ему посидѣть въ ней нѣсколько дней и потомъ повторять сѣченіе понемногу нѣсколько разъ, дабы было оно ему тѣмъ чувствительнѣе, а для меня менѣе опасно, ибо я никогда не любилъ драться слишкомъ много, а по праву своему охотно

бы хотѣлъ никогда и руки ни на кого не поднимать, еслибъ то было возможно; и потому, если кого и сѣкалъ, будучи приневоленъ къ тому самою необходимостью, то сѣкалъ очень умѣренно и отнюдь не тираническимъ образомъ, какъ другіе. Большой сынъ его былъ самъ при первомъ сѣченіи и казался еще одобрявшимъ оное и бранящимъ за пьянство отца своего. Можетъ быть, думалъ онъ, что тѣмъ тогда и кончится. Но какъ черезъ нѣсколько дней привели его опять ко мнѣ по случаю, и мнѣ вздумалось еще его постращать,—какъ вдругъ оба сынка его скинули съ себя маску и, сдѣлавшись сущими извергами, не только стали оказывать мнѣ грубости, но даже дошли до такого безумія, что одинъ кричалъ, что онъ схватитъ ножъ и у меня пропоретъ брюхо, а тамъ и себя по горлу, а другой, и дѣйствительно, схватя ножъ, хотѣлъ будто бы зарѣзаться. По всему видимому, такъ поступать научены они были отъ своего родимаго батюшки, ибо самимъ имъ такъ вдругъ озлобиться было не за что и не натурально. Но какъ бы то ни было, но меня поразило сіе чрезвычайно. Я вытолкалъ ихъ вонъ и имѣлъ столько духа, что преоборолъ себя въ гнѣвѣ и сталъ думать о семъ съ хладнокровіемъ. Тогда, чѣмъ болѣе стали мы о семъ думать, тѣмъ опаснѣе становится сіе дѣло. Вышло наружу, что они во всѣ тѣ дни, какъ змѣи, на всѣхъ шипѣли и ругали всѣхъ, и даже самого меня всѣми образами. Словомъ, они оказались сущими злодѣями, бунтовщиками и извергами, и даже такъ, что вся дворня ужаснулась. Они думали, что дѣло тѣмъ и кончилось, и что они меня тѣмъ устращали и напугали; однако, я и самъ умѣлъ надѣть на себя маску. Они, повоевавъ и побуянивъ, разошлись: одинъ пошелъ спать на полати, а другой отправился въ городъ попьянствовать, ибо думалъ, что онъ уже свободенъ сдѣлался и могъ, что хотѣлъ, предпринимать и дѣлать. Я же, между тѣмъ, посовѣтывавъ кое-съ-кѣмъ и подумавъ, какъ съ злодѣями сими поступить лучше, велѣлъ ихъ передъ вечеромъ схватить невзначай и, сковавъ, посадить ихъ въ канцеляріи на цѣпь. Мы опасались, чтобъ они въ самое сіе время не сдѣлали бунта и мятежа и чтобъ не перерѣзали кого. Однако, мнѣ удалось усыпить ихъ мнимымъ своимъ хладнокровіемъ и спокойнымъ видомъ, и оба храбреца увидѣли себя, противъ всякаго ихъ чаянія и ожиданія, въ цѣпяхъ и подъ строгимъ карауломъ въ канцеляріи.

Со всѣмъ тѣмъ, происшествіе сіе навело на насъ много безпокойства. Видѣлъ я, что мнѣ обоихъ сихъ молодцовъ держать при себѣ было впредь уже не можно, а и сдѣлать съ ними что—я не вѣдалъ. Видѣлъ я, что оба они навсегда останутся мнѣ злодѣями, но чѣмъ тому пособить — не предусматривалъ. Въ рекруты ихъ отдать не только было жаль, но для нихъ было бы сіе и наказаніе очень малое, а надобно было ихъ пронять и переломить ихъ крутой, злодѣйскій нравъ; а хотѣлось и сберечь ихъ, буде можно. Итакъ, подумавши-погадавши, расположился я пронимать ихъ не битьемъ и не сѣченіемъ, которое могло бы увеличить только ихъ противъ меня злобу, а говоря по пословицѣ, не мытьемъ, такъ катаньемъ, и держать ихъ до тѣхъ поръ въ цѣпяхъ, на хлѣбѣ и водѣ, покуда они, поутихнувъ, вспокаятся и сами просить будутъ помилованія, а сіе кроткое средство и произвело то въ скоромъ времени. Они не просидѣли еще недѣли, какъ цѣпи, по непривычкѣ, такъ не вкусны имъ показались, что они вспокаявшись заслали ко мнѣ обоихъ моихъ секретарей, тазавшихъ ихъ въ канцеляріи ежедневно, съ уничиженнѣйшею просьбою о помилованіи ихъ и съ предъявленіемъ клятвеннаго обѣщанія своего впредь такихъ глупостей не дѣлать, а вести себя добропорядочно. А я того только и дожидался, и потому охотно отпустилъ имъ ихъ вину и освободилъ ихъ отъ неволи.

Они и сдержали дѣйствительно свое обѣщаніе, и впослѣдствіе времени обоими ими были мы довольны, хотя судьба не дозволила намъ долго ими и усердіемъ ихъ къ намъ пользоваться, ибо года два послѣ того старшій изъ нихъ, занемогшій горячкою, умеръ, и мнѣ не только было его очень жаль, но и понынѣ объ немъ сожалѣю, а и второй, прослуживъ нѣсколько лѣтъ при моемъ сынѣ и будучи уже женатъ, также отъ горячки кончилъ свою жизнь. Что же касается до негодяя отца ихъ, то оный многіе еще годы послѣ того продолжалъ мучить и безпокоить насъ своимъ пьянствомъ и безпорядками, покуда наконецъ послѣ долговременнаго моего отсутствія, заворовавшись однажды, и боясь, чтобъ ему не было за то какого истязанія, не допуская себя до того, лишилъ черезъ удавленіе самъ себя непосной и развратной своей жизни.

(Записки А. Болотова, т. IV, с. 1031—1038.)

---

76. Изъ журнала (помѣщичьяго) домашняго управленія.

1763—65 гг.

№ 407. Нашимъ людемъ Алексѣю Кречину за неубираніе кушать на столъ, Матвѣю Павлову за отхожденіе изъ горницы во время обѣ-

ванья своего, не давать имъ указнаго [1]) всего по недѣлѣ; а ежели по сему вычтено не будетъ, то у кого сей нашъ журналъ, того сѣчь (плетьми) на дровняхъ, давая по сту ударовъ нещадно. Получепъ (приказъ) сент. 17 числа 1763 года. (Такія отмѣтки о времени полученія приказа слѣдуютъ противъ каждой статьи.)

№ 408. Нашимъ человѣкомъ Егоромъ Хваталовымъ, пьянымъ, ѣздя, потеряно сѣдло людское верховое, которому цѣна 4 р., узда ременная цѣна 60 к., тесакъ безъ портупеи цѣна рубль, потникъ 70 к., всего по цѣнѣ потеряно на 6 р. на 30 к., которые вычесть у него изъ положеннаго ему жалованья въ первую дачу, а что изъ онаго жалованья вычетомъ не станетъ, то вычесть изъ мѣсечены и изъ столоваго запасу и изъ указнаго по цѣнѣ безъ упущенія; а ежели по сему вычтено не будетъ, то у кого сей нашъ журналъ, того сѣчь на дровняхъ, давая по сту ударовъ нещадно.

№ 410. Нашему человѣку Ивану Владимірову нами приказано было, чтобъ окорока свиные оба сдѣлать на буженину съ чеснокомъ, а онъ одинъ сдѣлалъ съ чеснокомъ, другой съ лукомъ, а нами велѣно лопатку съ лукомъ сдѣлать, и онъ приказу нашего не исполнилъ, за что вычесть у него въ будущій 764 годъ изъ положеннаго жалованья рубль; а ежели по сему исполнено и вычтено не будетъ (слѣдуетъ приказъ о ста ударахъ плетьми, для журналиста, повторяемый для угрозы послѣ каждой статьи журнала).

№ 417. Впредь, ежели кто изъ людей нашихъ высѣчетца плетьми на дровняхъ, дано будетъ сто ударовъ, а розгами дано будетъ семнадцать тысячъ, таковымъ болѣе одной недѣли лежать не давать; а которымъ дано будетъ плетьми по полусотнѣ, а розгами по десяти тысячъ, таковымъ болѣе полунедѣли лежать не давать же; а кто сверхъ того пролежитъ болѣе, за тѣ дни не давать имъ всего хлѣба, столоваго запасу и указнаго всего же; да изъ жалованья, что на тѣ дни причтетца, вычитать безъ упущенія; и нынѣ, сколько Николай Кипешенцевъ да Дмитрій Ѳедоровъ отъ наказанія плетьми пролежатъ сверхъ недѣли, за тѣ дни вычесть у нихъ положенную мѣсячину да столовый запасъ да изъ жалованья, что причтетца, вычесть же безъ упущенія: а ежели и пр.

№ 446. Впредь всегда нашимъ людямъ говѣть, раздѣляя постъ поровну; и людямъ также раздѣлятся поровну жъ всѣмъ, а не такъ, какъ въ нынѣшнемъ 764 году, не раздѣлясь поровну, и больше половины людей говѣли на послѣдней недѣлѣ; за что не давать тѣмъ, которымъ велѣно на пятой недѣлѣ говѣть, указнаго по двѣ недѣли всего, сверхъ того, кому за прочія вины давать не велѣно. А говѣть и причащаться всѣхъ принуждать всякой годъ безъ пропуску. А ежели кто которой годъ не будетъ говѣть, того плетьми, а которые не причастятся, тѣхъ сѣчь розгами, давая по пяти тысячъ разъ, нещадно; а ежели по сему исполнено не будетъ, то у кого сей нашъ журналъ, того сѣчь на дровняхъ, давая по сту ударовъ, нещадно.

№ 465. Дѣвкѣ Дарьѣ Степановой за худое топленіе кабинета нашего, что подлѣ спальни, не давать въ рожественскій мясоѣдъ указнаго всего семь дней скоромныхъ.

№ 468. Впредь Ѳеклу Яковлеву именемъ и отечествомъ не звать никому, а звать ее всѣмъ трусихой и лживицей; а ежели кто именемъ и отечествомъ назоветъ, того сѣчь розгами, давая по пяти тысячъ разъ нещадно.

№ 477. Клюшницѣ Доминѣ Фроловой за подаваніе намъ худыхъ сливокъ не давать хлѣба семь дней.

№ 510. Впредь, ежели когда во время ѣзды нашей въ гости не положится въ карманъ гребенка, да для чищенья платья не возмется щетка, то того, кто насъ будетъ одѣвать, да дневальнаго лакея сѣчь розгами, давая по пяти тысячъ разъ нещадно...

(Вѣст. Европы 1871, т. I, с. 510—512.)

77. Приказы Суворова по имѣніямъ.

1. Управляющему Семену Трофимовичу Румянцеву.

(1785 г.).

Семенъ Трофимовичъ.

Многіе дворовые ребята у меня такъ подросли, что ихъ женить пора. Дѣвокъ здѣсь нѣтъ, и купить ихъ гораздо дороже, нежели въ нашей сторонѣ. — Чего ради прошу васъ для нихъ купить четыре дѣвицы, отъ 14 до 18 лѣтъ, и какъ случится изъ крестьянокъ или изъ дворовыхъ. На что употребите оброчныя мои деньги отъ 150 и хотя до 200 р. Лица не очень разбирая, лишь бы были здоровы. О чемъ уже со мною болѣе не переписываться.

Да не можно ль, государь мой, выбрать еще изъ моихъ крестьянскихъ тако-жъ дворовымъ

[1]) Указнымъ называлась мясная провизія, выдаваемая дворовымъ понедѣльно или помѣсячно, сверхъ положенія по указу барина.

людямъ въ невѣсты дѣвочку—другую, только чтобъ то мужичкамъ было безобидно...

Сихъ дѣвицъ извольте отправлять въ Ундолъ на крестьянскихъ подводахъ безъ нарядовъ, однихъ за другими, какъ возятъ куръ, но очень сохранно... Остаюсь съ моимъ должнымъ почтеніемъ.

А. Суворовъ.

2. Управляющему, прапорщику Михаилѣ Ивановичу Порѣчневу.

Какъ я отбываю изъ здѣшняго мѣста на время въ другое, то и поручаю вамъ управленіе по дому и Ундольскому имѣнію. Въ людяхъ прошу наблюдать порядокъ благочинія и благосостоянія съ пристойностію должнаго поведенія. Въ непорядкахъ же позволяю наказывать людей 1. Словесно усовѣщевать; 2. Сажать на хлѣбъ и воду; 3. Въ крайности сѣчь по разсмотрѣніи вины розгами. Во всемъ прочемъ должно исполнять слѣдующее:

1. Ивановъ обучаетъ пѣвчихъ съ прилежаніемъ по моему наставленію.

2. Николай — управитель музыкантовъ, у него подъ предводительствомъ музыка и пр.

3. Ерофѣевъ имѣетъ обучать трагедіямъ и камедіямъ свой штатъ.

4. Мальчиковъ словесному учитъ Никита.

5. Смотрѣніе вамъ имѣть во время начатія постройкою людскихъ казармъ, также и въ скорѣйшемъ окончаніи ихъ. Крестьяне просили работы эти производить послѣ пашни, то чтобы—время нагнать, работать тогда сильно съ удвоеніемъ. Въ облегченіе крестьянъ отъ постоя, эти казармы построить сухія, безклопныя—что зависитъ много и отъ самаго мха. Въ хоромахъ панели исправить, кровлю обшить тесомъ, красить снаружи и внутри прочно, писать ко мнѣ о произшествіяхъ кратко въ мѣсяцъ два раза, а когда нужно, то три и четыре, по силѣ наблюдать садъ и огородъ съ ихъ продуктами.

6. Къ Петрову посту наловить рыбы и насоля прислать ко мнѣ въ с. Рождествено.

7. По доношенію моему во Владимірскую казенную палату прими пенсіонныя мнѣ на крестъ побѣдоносца Георгія 133 р. $33^1/_2$ коп. и изъ оныхъ денегъ произведи расходы по означеннымъ выше постройкамъ.

8. На столовые расходы тебѣ оставилъ я 10 р. также хлѣбъ и пр. наблюдай въономъ экономію.

3. Управляющему Порѣчнову.

Не пропусти время въ ундольскомъ саду вмѣсто подсохшихъ березокъ насадить осенью новыя, а коли можно, то и елками, а подлѣ частокола метельникомъ, чтобъ оный со временемъ гуще разроссл, былъ красивъ и пустыхъ мѣстъ въ немъ бы не было. Также аллеи и дороги съ куртинами липнякомъ и кленникомъ дополнить и украсить. Къ Ундолкѣ-рѣчкѣ противъ воротъ прешпектомъ по приличеству мѣстъ березками, липками, коли-жь можно и елкою, а подлѣ самой рѣчки чаще ветлинникомъ обсадить. Для этого попроси графа Воронцова садовника, чтобы онъ садъ поправилъ, плодовыя деревья подчистилъ и мастеру нашему Александрѣ показалъ, какъ ихъ и впредь подрѣзывать. Также какія есть въ цвѣтникахъ и огородѣ отъ израстеніевъ сѣмена собирать и плодовъ довольно запасти, а его садовника воронцовскаго по приличеству отблагодарить. Мяты, зеленой петрушки, особливожь укропу высушить сколько можно больше и исправнѣе на зиму, равно и иныхъ припасовъ зеленей.

Птичью горницу оставить по прежнему. Рощу въ ней съ Покрова или въ свое время учредить на разныхъ птицъ. Больше прошлогодняго наловить; особливо какъ большой недостатокъ былъ въ щеглятахъ. И на покупныхъ птицъ я не жалѣю рублика другаго въ Владимірѣ и Москвѣ. Но на это нечего надѣяться, лучше ужъ свои. Роща чтобъ такъ чиста была, чтобъ намъ можно было бы въ ней и зимою кушать. Корыта для птичьихъ семянъ въ ней должны быть приличны, не казисты, да и плошки надобно получше. Съ полдюжины кадокъ должно поставить съ лучшею землею. Посадить сюда березокъ, елокъ, сосенокъ, и которыя изъ нихъ отойдутъ и будутъ къ веснѣ расти,—чего ради ихъ хранить и поливать.

Вѣдай, что у меня денегъ нѣтъ; а долгъ есть и годъ цѣлый я тратился на церкви. Чѣмъ меньше мы издержимъ по Ундолу, тѣмъ больше по уплатѣ долга останется намъ денегъ на тамошнія ризы къ божіей церкви. Вотъ тебѣ, Порѣчневъ, вся загадка и можешь это объявить священникамъ. Смотри строго за благонравіемъ, чтобы шалости всѣ вывелись, чтобы ничто худое предъ тобою затаено не было, какъ сущему на мѣстѣ вмѣсто меня и по этому преимуществу ты можешь виноватаго наказывать. Проси священниковъ, чтобы и они тебѣ помогли. Имъ сдѣлать рясы приличныя, какъ у московскихъ городскихъ священниковъ. Одну изъ моихъ лошадей отдай Шиагину за его труды. Нынѣ я ѣду въ костромскія мои деревни и поворотъ мой будетъ сюда около Покрова. Сего году лучше всю стрѣльбу прекратить; а вмѣсто того завести больше въ приличныхъ мѣстахъ токовъ, гдѣ тетеревей и рябчиковъ благовременно прикармливать и чтобъ крыть шатромъ, то оный

также заблаговременно приторговать, къ нѣ-нѣ примѣтиться и купить, коли дешевъ. Хотя и подержанный, тогда намъ въ фланковки веселье будетъ охотнѣе и не попустому. Чего ради просить сосѣдей, чтобы своихъ стрѣлковъ къ намъ въ лѣса не посылали. Не пускать въ осень охотиться с тенетами...

Все, что слѣдуетъ, исправляй и отнюдь не отлагай. Заученіе важное дѣло регента, а другія дѣла всякой знаетъ приписывать. Наблюдай, чтобы имъ тепло было жить въ казармахъ, тепло, невѣтрено, не душно и не угарно и чтобы ихъ малыхъ ребятъ уводить избавить, сколько можно, вовсе отъ постоя и чтобъ отнюдь не жить имъ въ хозяйствамъ. Вести музыку нашу — вокальной и инструментальной хоры и чтобъ не уронить концертное. А простое пѣніе всегда было дурно и больше, кажется, его испортилъ Бочкинъ, великій голосъ съ кабацкаго. Когда они въ Москвѣ пѣвали съ голицынскими пѣвчими, сіе надлежало давно обновить и того единожды держаться. Театральное нужно для упражненія и невиннаго веселья. Всѣмъ своевременно и платье надѣлать. Васька комикомъ хорошъ. Но трагикомъ будетъ лучше Никитка. Только должно ему научиться выраженію — что легко по запятымъ, точкамъ, двоеточіямъ, восклицательнымъ и вопросительнымъ знакамъ. Въ рифмахъ выдерживать легко. Держаться надобно каданса въ стихахъ, подобно инструментальному такту, — безъ чего нелѣпости и сладости въ рѣчи не будетъ, ни в смыщенія, о чемъ ты все сіе выразительно растолкуй. Вмѣсто Максима и Бочкина комическимъ ролямъ можно пріучать и маленькихъ пѣвчихъ изъ крестьянъ. Сверхъ того французской грамматикѣ заставить учиться исподволь Алексашку парикмахера. Ему и Николай покажетъ, только бы онъ умѣлъ читать. Пуще всего мальчиковъ питай въ благонравіи.

(Н. Рыбкинъ. Генералиссимусъ Суворовъ, с. 23, 61—4.)

4. Регистръ о наказаніяхъ крестьянъ.

Регистръ о виноватыхъ и наказанныхъ крестьянахъ 15 октября 1784 года.	Отмѣтки А. В. Суворова на вѣдомости.
№ 1. Федоръ Елисеинъ. Въ дер. Томинковой поймалъ съ краденными саногами и топорами. За оное сѣченъ на сходкѣ хорошо. Вторично на лугѣ поймалъ съ деньгами: сѣченъ такожде.	И впредь таких не щадить.
№ 2. Денисъ Никитинъ. Пойманъ въ полѣ съ снопомъ хлѣба. Сѣченъ за оное	Впредь больше сѣчь.
№ 3. Иванъ Сидоровъ. Пойманъ съ рожью на гумнѣ. Сѣченъ же	Очень хорошо.
№ 4. Иванъ Тихоновъ поймалъ такожде со снопами въ полѣ. За оное сѣченъ	И впредь не щадить.
№ 5. У Рудневки Алексѣй Медвѣдевъ поймалъ съ краденымъ сѣномъ, за оное сѣченъ. Оный же Медвѣдевъ послѣ того, убоясь солдатчины, палецъ себѣ отрубилъ, то какъ съ нимъ, государь, изволите	Изрядно! и впредь хорошенько таких. Вы его грѣху причина. Впредь не налегайте. За это васъ самихъ буду сѣчь. Знать онъ слышалъ, что отъ меня повелѣно въ натурѣ рекрутъ своихъ отдавать, а покупать ихъ міромъ на сторонѣ, чтобы рекрутчины никто не боялся. Развѣ не помните, что въ третьемъ годѣ я у васъ засталъ? За недоимку по налогамъ вы управляли людей въ рекруты, за что и были отъ меня наказаны. Если впредь еще хоть чуть что будетъ, я отдамъ старосту въ рекруты. *А. С.*

(Суворовъ въ анекдотахъ, ред. Шелякова и Щеглова с. 151.)

78. Объявленія о продажѣ крѣпостныхъ, изъ «Московскихъ Вѣдомостей» за 1797 г.

1) Продается офиціантъ 25 лѣтъ, съ женою и малолѣтнимъ сыномъ, очень хорошій ткачь, онъ же умѣетъ [illegible] и кроръ кидать; жена жъ его можетъ ходить за госпожею и умѣетъ все дѣлать. Тутъ же продается дормезъ, немного подержанной, самой лучшей работы. Желающіе купить могутъ обо всемъ узнать въ 7 части 2 кварт. подъ № 138, въ приходѣ Аѳанасія и Кирилла.

3) Въ 15 части 2 кварт. подъ № 183, въ приходѣ Адріана и Наталія, во 2-й Мѣщанской, близь церкви, продается дворовой человѣкъ 25 лѣтъ, женской башмачникъ, знающій совершенно свое мастерство; при томъ исправляетъ всѣ домашнія господскія надобности, лакейскую и кучерскую должность и къ столу приготовляетъ; у него жена, 22 лѣтъ, знаетъ шить, гладить, крахмалить, за госпожею ходить и къ столу кушанье готовить; у нихъ дочь по 3 году.

5) Музыкантъ, имѣющій искусство управлять оркестромъ, притомъ можетъ учить инструментальной, духовой и роговой музыкѣ, и которой хорошо играетъ на фортепіано, желаетъ приняться въ домъ: жена его говоритъ по Французски и по Нѣмецки, и можетъ принять должность Гувернанты. Спросить объ нихъ на Кузнецкомъ мосту въ домѣ Г. Бекетова, въ лавкѣ Христіана Гено подъ № 2.

6) Въ 6 части 4 кварт. подъ № 352, продается мужской и женской хорошій парукмахеръ, ростомъ выше средняго и натурной фигуры, годной въ камердинеры, офиціанты и лакеи, 25, а жена его, 24 лѣтъ, прачка и швея, съ дочерью по третьему году, оба хорошаго поведенія. Послѣдняя имъ цѣна 1.000 р.

7) Продаются дворовые мастеровые люди поведенія хорошаго: 2 портныхъ, сапожникъ, часовщикъ, поваръ, каретникъ, колесникъ, рѣзчикъ, золотарь и 2 кучера, коихъ видѣть и узнать о цѣнѣ можно въ 3 части 4 кварт. подъ № 51 у самого помѣщика. Тутъ же продаются 3 бѣговыя молодыя лошади, одинъ жеребецъ и 2 мерена, и стая гончихъ собакъ, числомъ 50.

8) Желающіе купить 2 человѣкъ изъ крестьянъ хорошаго поведенія и годныхъ въ рекруты и во всякую крестьянскую работу, могутъ спросить въ 5 части 1 кварт. подъ № 83, въ приходѣ Трехъ Святителей на Кулишкахъ, у домоправителя Ивана Шутова. Въ томъ же домѣ продается пара выѣзжалыхъ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] за сходную цѣну; также нѣсколько кусковъ [illegible] [illegible] съ [illegible] шелковою [illegible] байки, способной для сертуковъ.

9) Продается дворовой человѣкъ холостой съ матерью вдовою: ему отъ роду 24-й годъ, ростомъ 7 верш., не дуренъ собою, грамотѣ знаетъ, хорошій лакей и способенъ быть гусаромъ, или егеремъ; а матери 55 лѣтъ, вѣрная ключница: оба смирнаго поведенія. Цѣна имъ 1000 р. Спросить въ Большой Басманной, въ приходѣ Никиты Мученика въ домѣ купца Михайла Панкова у живущаго пріѣзжаго господина.

11) Въ 15 части 2 кварт. въ Четвертой Мѣщанской, подъ № 111, продается дѣвка, умѣющая бѣлье шить и въ тамбурѣ, гладить и крахмалить, отчасти кушанье готовить и портному. Тутъ же продаются брильянтовыя вещи и цвѣтные каменья; да быкъ и корова хорошей породы, за сходную цѣну.

15) Въ 1 части въ приходѣ Николая Чудотворца Мокраго, въ Типографіи Зедербана подъ № 101 продается дворовой холостой человѣкъ 17 лѣтъ, знающій читать и писать по Руски, также набирать книги съ великимъ успѣхомъ по Французски, по Нѣмецки, по Италіански, по Латынѣ и на прочихъ языкахъ, сверхъ того и на скрипкѣ играть.

(Великая реформа, юбилейное изданіе П. Ситина, I томъ. Стр. 258.)

79. Пѣсня Мирона изъ русской оперы «Анюта».

Затѣмъ вы не дворяне?
Вы сахаръ бы ѣдали
Такъ сладко бы, какъ медъ
И пили бы вы ледъ,
Да деньги огребали
Изъ рода въ родъ и родъ;
Лежали бъ на печи
Да ѣли калачи.
Про насъ бы работали,
А вы бы лишь мотали...
Боярская забота:
Пить, ѣсть, гулять и спать;
И вся ихъ въ томъ работа,
Чтобъ деньги обирать.
Мужикъ сунись, крушися,
Потѣй и работай,
А послѣ хоть сбѣсися,
А подати подай!

(Вел. Реформа т. I.)

80. Плачъ холоповъ.

О горе намъ, холопемъ за господами жить
И не знаемъ какъ ихъ свирѣпству служить,
А хотя кто и служитъ—такъ какъ острая коса;
Видитъ милость—и то какъ утрення роса.
О горе намъ, холопемъ, отъ господъ и бѣдство
А когда прогнѣвишь ихъ, такъ отъимутъ и отцовское наслѣдство.
Что въ счетѣ человѣку хуже сей напасти?
Что мы сами наживемъ—и въ томъ намъ нѣтъ власти.
Пройди всю подселенную — нѣтъ такова житья мерзкова.
Развѣ намъ просить на помощь Александра Невскаго?
Какъ намъ братцы, не досадно
И коль стыдно и обидно,
Что иной и равный намъ никогда быть не довлѣетъ,
И то видимъ: множество насъ въ своей власти имѣетъ [1]).
Во весь вѣкъ сколько можемъ мы, безсчастные, пожить
И всегда будемъ мы, безсчастные, тужить.—
Знать прогнѣвалась на насъ земля и сверху небо!
Неужели мы не нашли бъ безъ господъ себѣ хлѣба!
На что сотворены лѣса—на что и поле,
Когда отнята и та отъ бѣдныхъ доля?
Зачѣмъ и для чего на свѣтъ насъ породили?
Виновны въ томъ отцы, что симъ насъ наградили.
Противны стали нынѣ закону господа.
Не вѣрятъ слугамъ ни въ чемъ никогда!
Безъ выбору насъ, бѣдныхъ, ворами называютъ,
«Напрасно хлѣбъ ѣдимъ» — всечасно попрекаютъ,
А если украдемъ одинъ господскій грошъ,
Указомъ повелятъ его убить, какъ вошь.
А баринъ украдетъ хоть тысячъ десять,
Никто не присудитъ, что надобно повѣсить,
Умножилась неправда въ россійскихъ воеводахъ:
Подарокъ принесетъ кто — тотъ правъ и безъ доводовъ.
На власть создателя престали уповать
И нами, какъ скотомъ, привыкли обладать.
Всѣ земли насъ бранятъ и глупости дивятся,
Что глупые у насъ въ Россіи родятся;
И подлинно въ насъ глупость давно вкоренена,
Что всякая здѣсь честь побродамъ отдана.
Бояринъ умертвитъ слугу, какъ мерина—
Холопьему доносу и въ томъ вѣрить не велѣно.
Неправедны суды составили указъ,
Чтобъ сѣчь кнутомъ тирански за то насъ.
Въ свою нынѣ пользу законы перемѣняютъ:
Холопей въ депутаты затѣмъ не выбираютъ.
Что могутъ де холопы тамъ говорить?
Отдали бъ имъ волю до смерти насъ морить.
Знать мы всѣ безсчастны на свѣтъ рождены,
Что подъ власть такимъ тиранамъ во вѣкъ утверждены!
За что намъ мучиться и на что вѣкъ тужить?
Лучше согласиться намъ царю служить.
Лучше намъ жить въ темныхъ лѣсахъ,
Нежели быть у сихъ тирановъ въ глазахъ:
Свирѣпо на насъ глазами глядятъ
И такъ, какъ бы ржа желѣзо, ѣдятъ.
Царю послужить ни одинъ не хочетъ,
Лишь только у насъ послѣднее точитъ,
Въ то и стремятся, чтобъ неправдою мзду собирать,
А того не страшатся, что станутъ злою смертью умирать.
Власть ихъ увеличилась. какъ на Невѣ вода;
Куда бы ты ни сунься—вездѣ господа.
Ахъ когда бъ намъ, братцы, учинилась воля,
Мы бъ себѣ не взяли ни земли, ни поля,
Пошли бъ мы, братцы, въ солдатскую службу,
И сдѣлали бъ между собою дружбу,
Всякую неправду стали бъ выводить
И злыхъ господъ корень переводить...—
Не выходитъ изъ головъ господскихъ страхъ,
Будто нѣкакой сидитъ за плечами врагъ.
Сколько намъ, братцы, ни рваться,
Знать по смерть намъ ихъ бояться!
А когда холопей въ яму покладутъ,
Тогда и вольный абшитъ въ руки дадутъ.
Нѣтъ холопемъ никакой надежды,
Не выслужить намъ себѣ хорошей одежды.
Защитники ихъ въ Дѣдоловѣ хворостомъ торговали,

---

[1]) Т.-е. иной не достоинъ быть съ нами равенъ, а имѣетъ множество насъ въ своей власти. (Примѣчан. Н. С. Тихонравова.)

Да слухъ прошелъ, что и тѣ въ провальную яму попали,
И потому не отъ кого ожидать застой, (защиты)
Развѣ нѣтъ ли на Саратовской степи ямы пустой.
Только ихъ и веселитъ съ табакомъ рогъ,
Да въ чистомъ полѣ зеленый горохъ.
Хотя бы и выпилъ съ горя чарку винца,
Да взять негдѣ и кислаго пивца.
Господи нашъ боже!
Даждь въ небесномъ твоемъ полѣ ложе!
Ты бо намъ творецъ:
Сдѣлай бѣднымъ одинъ конецъ!—

(Къ волѣ. Сб. В. Бродскаго.)

81. Изъ воспоминаній графини Блудовой.

О волжскихъ разбойникахъ.

... Бывшая горничная, жена нашего буфетчика, Авдотья Харитоновна, много передавала намъ военныхъ разсказовъ. Мужъ ея, Иванъ Сергѣевъ, былъ отставной сержантъ или унтеръ-офицеръ и служилъ при Суворовѣ, иногда и въ должности деньщика. Эту чету я помню только не молодою; потомъ состарѣлись они въ моихъ глазахъ, и Суворовскій солдатъ умеръ нѣсколько лѣтъ прежде жены. Они крѣпко любили другъ друга. Жена, окруживъ мужа нѣжностію и заботою до послѣдняго часа, тосковала по немъ всю остальную жизнь свою и, умирая, просила, чтобъ ее похоронили, буде можно, недалеко отъ него и положили бы съ нею въ гробъ его портретъ. Гаврила, нашъ милый, нашъ добрый Гаврила, также жилъ душа въ душу съ своею старушкой Афимьей.

Гаврила Никитичъ и Авдотья Харитоновна много разсказывали мнѣ, или при мнѣ моей нянѣ, о недавнихъ событіяхъ исторіи. Дядя моего отца со всѣмъ семействомъ погибъ отъ Пугачова и еще долго, долго, до второго и третьяго поколѣнія, дѣти слушали съ ужасомъ отъ старыхъ служителей семейства, какимъ образомъ кормилица спрятала было грудного ребенка дяди и думала, что спасла его; но шайка внезапно воротилась, и одинъ изъ злодѣевъ, схвативъ за ноги ребенка, разможжилъ ему черепъ объ стѣну въ глаза вѣрной кормилицы. Объ этомъ дядѣ батюшка часто вспоминалъ.

Много жертвъ пало изъ нашего семейства около Казани въ это смутное время, и разсказы Гаврилы такъ дѣйствовали на меня, что я не чувствовала никакой жалости, а скорѣе какое-то злорадостное любопытство, когда доходило до описанія желѣзной клѣтки, въ которую посадили изверга. Не такъ безжалостно относилась я къ *Волжскимъ разбойникамъ*, въ похожденіяхъ которыхъ слышалось и увлекательное удальство, и даже какое-то дикое великодушіе: хотя они и разоряли, и грабили, и жгли селенія, но по крайней мѣрѣ изъ простой корысти, смѣшанной съ тѣмъ наслажденіемъ, которое находится въ чрезвычайномъ подвигѣ, даже преступномъ, въ опасности, въ борьбѣ, въ успѣхѣ, въ самой силѣ, будь она нравственная или физическая. Чуялось ли это смутно ребенку,—не знаю: а можетъ быть, и самъ Гаврила болѣе сочувственно относился къ нимъ въ своихъ разсказахъ, чѣмъ къ Пугачеву; но Волжскіе недобрые молодцы остались навсегда въ моей памяти съ почти героическимъ оттѣнкомъ...

Итакъ, въ разсказахъ ли Гаврилы, или въ моемъ собственномъ воображеніи удалые молодцы, которые плыли «внизъ по матушкѣ по Волгѣ», промышляя по своему, вооруженною рукой и слагая звучныя пѣсни свои, были довольно увлекательныя лица, и мнѣ становилось жаль подчасъ, что прошло то бурное, славное время. Бывало, бабушка Катерина Ермолаевна, когда жила вдовою въ Танкѣевкѣ (Спасскаго уѣзда, Казанской губерніи), созоветъ всѣхъ дворовыхъ и молодыхъ крестьянъ, наберетъ, такимъ образомъ, отрядъ въ 300 или 400, раздастъ имъ охотничьи ружья, пистолеты, патроны, поставитъ двѣ маленькія пушки у воротъ усадьбы; канава вокругъ сада исполняетъ должность рва, и бабушка съ маленькимъ сыномъ засядетъ въ своей импровизированной крѣпости, ожидая осады непріятеля. Большею частью этимъ и кончалась бѣда. Добрые молодцы съ пѣснями проплывутъ вдоль рѣки у берега: оружіе спрятано, расшива (лодка) съ золоченою кормой и носомъ несется быстро на своихъ натянутыхъ парусахъ; сидятъ по ея бокамъ смирно и лѣниво молодые купчики. — хозяинъ въ полущегольскомъ полукафтанѣ или полушубкѣ, съ шапкой набекрень, распоряжается, будто торговцы ѣдутъ на ярмарку. Но не похожъ этотъ удалой соколиный взглядъ, эта молодецкая осанка, эта ловкая, быстрая походка на скромнаго купеческаго сына: это онъ, молодой атаманъ, это его шайка съ нимъ, и какъ затянутъ они пѣсню, да гаркнетъ онъ своимъ звонкимъ голосомъ: «въ темномъ лѣсѣ», такъ по всему берегу и забьется сердце у мужиковъ, и пока несутся звуки, удаляясь, утихая, замирая на водахъ, стоятъ они да крестятся и откликаются и старый и малый, а парней

иногда въ душѣ и тянетъ туда къ Волгѣ, къ разгулу этой [illegible] жизни. между тѣмъ какъ молодухи [illegible] о дѣвкѣ-красавицѣ, что сидитъ на насубѣ, разодѣтая въ парчевомъ шушунѣ съ [illegible] лентой въ длинной косѣ, и на нее такъ дерзко и любовно поглядываетъ удалой атаманъ. Признаться, мнѣ совѣмъ не жаль было, а скорѣе завидно этой невѣстѣ (какъ и полагала) разбойника, которая дѣлила съ нимъ опасности его тревожной жизни: однако эта преступная зависть проходила, и я возвращалась къ законному сочувствію и восторгу, когда рѣчь доходила до опасности, въ которой бабушка сама оказалась однажды.

Въ прибрежныхъ деревняхъ мужики положительно большею частію отдѣлывались отъ молодцовъ, выходя на берегъ съ хлѣбомъ и солью, съ шитыми шелкомъ и золотомъ полотенцами и ручниками, на которыхъ, кромѣ хлѣба, лежали и деньги, собранныя всѣмъ міромъ и подносимыя добрымъ молодцамъ; а разбойники, имѣя своего рода честь, почитали недозволеннымъ нападать на такихъ слабыхъ и [illegible] людей. Но бабушка имѣла тоже свои понятія о чести и достоинствѣ барыни-помѣщицы и не соглашалась на такія сдѣлки съ непріятелемъ. Пока живъ былъ дѣдушка, его огромная псовая охота служила [illegible] усадьбѣ и стражей для разбойниковъ. Но послѣ него экономическіе расчеты заставили уничтожить весь этотъ штатъ и всѣхъ собакъ, оставивъ только злѣйшихъ изъ послѣднихъ для ночного караула. между тѣмъ, какъ воинственные псари превратились въ мирныхъ ткачей [illegible] и [illegible] полотняной фабрики. Разбойники знали все это и рѣшились наказать Катерину Ермолаевну за ея гордость и [illegible]. Однако, изъ презрѣнія ли къ женщинѣ, или изъ рыцарства, они объявили заранѣе походъ на нее. Высадившись большою шайкой на заливныхъ лугахъ имѣнія, они кинулись къ усадьбѣ. Крикъ, плачъ и вой поднялся въ деревнѣ, которая лежитъ [illegible] самой усадьбы, [illegible] а Катерина [illegible] велѣла [illegible] пушки и ружья и [illegible] только станутъ подходить, [illegible] къ [illegible] съ [illegible] помощи; [illegible] пріѣхала [illegible] въ это время Катерина Ермолаевна [illegible] [illegible] [illegible] разбойниковъ, а не будь этихъ двухъ пушчонокъ, ей бы, вѣроятно, не сдобровать; однако, богъ помогъ. Команда пришла во время, и усадьба и деревня уцѣлѣли. Съ тѣхъ поръ эти двѣ пушки служили уже только украшеніемъ или трофеями въ усадьбѣ, да въ не безызвѣстно торжественныхъ случаяхъ изъ нихъ палили холостыми зарядами въ видѣ салютовъ...

Ванька Каинъ.

... Тутъ же на Волгѣ,—не знаю въ Казанской ли губерніи—знаменитый Ванька-Каинъ держалъ свою шайку и ходилъ съ нею въ разбой. Не знаю его происхожденія и первоначальнаго образа жизни; но, по разсказамъ [illegible] его натура была необыкновенная, но двойственная: и добрые великодушные порывы его, и поэтическая тоска, и минуты страшнаго раскаянія дѣлаютъ изъ него истинно-драматическое лицо. Безстрашный, предпріимчивый, лукавый, онъ умѣлъ и переряжаться, и скрываться, и дерзко обманывать, и неудержимо за собой увлекать, и безпощадно разрушать, и великодушно миловать. Сопротивленіе отчаяннымъ его набѣгамъ наказывалось пожаромъ и грабежомъ; но бѣдному, слабому, ищущему у него самого защиты, онъ никогда не отказывалъ, а часто, бывало, одаритъ, грабленнымъ добромъ, [illegible], но все-таки поставитъ на ноги бѣдняка, возстановитъ цѣлое семейство честное. «сотвори себѣ друзи изъ мамоны неправды», забывая со слезами честности и невинности ихъ. Таборъ свой держалъ онъ въ строгомъ повиновеніи, но съ теплою къ нему любовью. Лѣтомъ таборъ этотъ, большею частію, стоялъ въ непроходимомъ лѣсу, гдѣ шатры были раскинуты на [illegible] лужайкѣ, въ самой чащѣ лѣса, близъ источника ключевой воды, въ тѣни старыхъ сосенъ и липъ; а склады разбойниковъ, т.-е. оружіе и ворованныя вещи находились въ подземельяхъ тутъ же въ лѣсу, куда никто не зналъ, какъ пройти, кромѣ ихъ, и куда грабители какъ будто исчезали съ большой дороги, когда возвращались [illegible] съ какого-нибудь ночного похожденія, или съ какого-нибудь праздника или базара, гдѣ они [illegible] и [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] страхъ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] которыя и [illegible] поются, сочиненныя Ванькой-Каиномъ.

Однажды, въ неудержимомъ порывѣ раскаянія, онъ рѣшился пойти и самъ отдать себя властямъ, что бы съ нимъ ни было; такъ, по крайней мѣрѣ, гласитъ разсказъ, дошедшій до меня. Вмѣсто казни или тюрьмы, его за чистосердечное раскаяніе приняли въ милость и, въ доказательство измѣненной нравственности и возвращенія къ добру, ему поручили помогать полиціи открывать и ловить разбойниковъ, и хоть оно, вѣроятно, ему было и не совсѣмъ ловко, однако Ванька-Каинъ попалъ изъ воровъ въ сыщики, иногда негоцировалъ мирную сдачу разбойниковъ, а иногда накрывалъ ихъ на самомъ мѣстѣ воровства. Но, наконецъ, дошла очередь и до его бывшей шайки. Взялся онъ вести съ прежними товарищами переговоры, обратить ихъ и склонить къ повиновенію законамъ. Отправился Ванька-Каинъ, и отправился одинъ, какъ это бывало, когда дѣло шло о мирной сдачѣ. Пробрался онъ въ лѣсъ ранехонько утромъ, а въ лѣсу тамъ зеленѣло и благоухало, такъ сладко пѣли птицы, такъ тихо шептали листья, такъ вольно гулялъ вѣтерокъ. Шелъ Ванька, и каждый кустъ, и каждая травка, и стройная сосна, и широкій папортникъ, и кривой дубнякъ, и бѣлая березка, все какъ будто шлютъ ему привѣтъ, какъ будто говорятъ ему о прежней волѣ; и вотъ, сквозятъ и пробираются съ высоты деревъ на землю веселые лучи солнца, и выходитъ онъ изъ чащи лѣса на свѣжую лужайку у самаго ключа, гдѣ стоялъ его шатеръ. И такая взяла его тоска по прежнему раздолью, по прежнему разгулу, по прежнимъ товарищамъ, и по прежней власти, что свистнулъ онъ своимъ молодецкимъ свистомъ и собралъ всю шайку вокругъ себя. «Вотъ, я вашъ опять, ребята», вскричалъ атаманъ;— «надоѣла мнѣ городская ихъ жизнь, надоѣло мнѣ ѣсть даровой ихъ хлѣбъ, надоѣло мнѣ жить честнымъ по ихъ человѣкомъ. Давайте, ребята, волю молодецкую, да удалые набѣги наши, да веселый разгулъ. Ужъ не атаманъ вамъ теперь я, а стану въ ваши ряды опять». Такъ кончились переговоры о сдачѣ: походъ Ваньки-Каина въ лѣсъ, въ свой старый таборъ кончался тѣмъ, что попалъ онъ опять въ атаманы разбойниковъ и пошелъ съ ними по прежнему гулять. Наконецъ ужъ его поймали, и онъ всю остальную жизнь просидѣлъ въ тюрьмѣ.

Не знаю, это преданіе совсѣмъ ли согласно съ истиной; но такъ гласитъ оно. Разсказъ обыкновенно заключается словами: «Какъ волка ни корми, онъ все въ лѣсъ глядитъ».....

(«Русскій Архивъ», 1869 г. томъ I, стр. 32—33, 449—451.)

32. Дѣло о Салтычихѣ.

1. Изъ слѣдствія.

(Убійство трехъ женъ конюха Ермолая Ильина: Аксиньи Яковлевой, Катерины Семеновой и Ѳедосьи Артамоновой.)

Въ поданномъ е. и. в. оной Салтыковой отъ людей ея доносителей—Савелія Мартынова и Ермолая Ильина—на нее, Салтыкову, доношеніи показано: изъ нихъ, доносителей, Ермолай Ильинъ былъ женатъ на 3-хъ женахъ, изъ коихъ помѣщица третью его жену убила скалкою и полѣномъ до смерти, а при томъ убивствѣ были люди ея Михайла Мартыновъ, да Петръ Ульяновъ, которую приказала снести сверху въ заднюю палату и сама (Салтыкова) за ней сошла съ кормилицею Василисою и дѣвкою Аксиньею, и въ той задней палатѣ отливали ее виномъ, чтобъ она хотя мало промолвила; а потомъ послала за приходскимъ священникомъ Иваномъ Ивановымъ, который и пришелъ, но оной жены его уже живой не засталъ и пошелъ обратно, и ту его, Ильина, жену хоронить не сталъ; а оная помѣщица убитое жены его мертвое тѣло, ночнымъ временемъ, съ крестьяниномъ Романомъ Ивановымъ и съ дѣвкою Аксиньею послала въ свое село Троицкое, которые, привезши то мертвое тѣло, отдали старостѣ Ивану Михайлову, а его, Ильина, послѣ того отгузу послала въ то-жъ село ее схоронить, и при томъ сказала ему:

— Ты хотя и въ доносъ пойдешь, только ничего не сыщешь, развѣ хочешь, как и прежніе доносители, кнутомъ (быть) высѣченъ.

Онъ, убоясь того, что и прежде того по разнымъ убивствамъ доносители высѣчены кнутомъ и сосланы въ ссылку, а другіе съ наказаніемъ кнутомъ отданы для жесточайшаго ея мученія къ ней въ домъ, затѣмъ и не доносилъ.

Объ убитіи онаго Ильина жены, которую звали Аксиньею, Яковлева дочь, оною, Салтыковою, въ 1762 г. въ московской полиціи и въ бывшей правительствующаго сената конторѣ на оную, Салтыкову, доносили ея-жъ Салтыковой люди: Мелентій Некрасовъ, Володимиръ и Иванъ Шавкуновы, Артемій Тарнохинъ и Игнатій Угрюмовъ и показывали, что та женка бита ею, помѣщицею, самою, смертно скалкою и полѣньями, отъ которыхъ побоевъ и умре скоропостижно и отвезена въ село Троицкое крестьяниномъ Романомъ Ивановымъ съ дѣвкою Аксиньею и погребена попомъ Петровымъ, и при погребеніи для прощанія былъ и мужъ ея Ермолай Ильинъ за карауломъ, дабы не ушелъ и объ убивствѣ не объ-

явилъ. А о томъ слышали они отъ онаго мужа ея Ильина. А при томъ же показывали, что показанный Ермолай Ильинъ женатъ былъ на 3-хъ женахъ: на первой — Катеринѣ Семеновой, на второй—Ѳедосьѣ Артамоновой, а на третьей — вышеписанной Аксиньѣ Яковлевой, и тѣхъ первыхъ его двухъ женъ она же, помѣщица, била разными побоями, сама, полѣномъ и палкою, а мужъ ихъ Ильинъ попрекалъ, будто бы, за нечистое мытье половъ,—и съ прочими людьми сѣкалъ батожьемъ и плетьми, отъ которыхъ побоевъ тѣ его двѣ жены въ разныя времена померли, а во сколько времени послѣ побоевъ, — о томъ не упомнятъ, и мертвыя ихъ тѣла — Катерины Семеновой погребено въ Москвѣ, у приходской церкви попомъ Иваномъ Ивановымъ, а Ѳедосьи Артамоновой и Аксиньи Яковлевой — отосланы въ село Троицкое съ крестьянами Давыдомъ и Романомъ Ивановыми, гдѣ попомъ Степаномъ Петровымъ и погребены.

И по тѣмъ ихъ показаніямъ, по указу изъ оной сенатской конторы, какъ объ оныхъ, такъ и о другихъ, показанныхъ въ убійствѣ отъ нихъ на оную помѣщицу, изслѣдовать велѣно сыскному приказу, для чего изъ того ихъ показанія въ сыскной приказъ послана выписка; но въ томъ сыскномъ приказѣ, по присылкѣ въ оный тѣхъ показателей, мая съ 13-го 1762 г., до взятія того дѣла въ юстицъ-коллегію октября по 18 число того-жъ году, кромѣ какъ справка съ дѣлами, отъ кого на оную Салтыкову были доносы и о комъ именно и какъ рѣшены, да изъ указовъ выписки, производства никакого не имѣлось...

2. Приговоръ.

Указъ сенату, 2-го октября 1768 года.

Указъ нашему сенату. Разсмотрѣвъ поданный намъ отъ сената докладъ о уголовныхъ дѣлахъ извѣстной **безчеловѣчной вдовы Дарьи Николаевой дочери**, нашли мы, что сей уродъ рода человѣческаго не могъ воспричинствовать въ столь разныя времена и такого великаго числа душегубства надъ своими собственными слугами обоего пола, однимъ первымъ движеніемъ ярости, свойственнымъ развращеннымъ сердцамъ, но надлежитъ полагать, хотя къ горшему оскорбленію человѣчества, что она, особливо передъ многими другими убійцами въ свѣтѣ, имѣетъ душу совершенно богоотступную и крайне мучительскую. Чего ради повелѣваемъ нашему сенату: 1) Лишить ее дворянскаго названія и запретить во всей нашей имперіи, чтобъ она ни отъ кого никогда, ни въ какихъ судебныхъ мѣстахъ и ни по какимъ дѣламъ впредь, такъ какъ и нынѣ въ семъ нашемъ указѣ, именована не была названіемъ рода ни отца своего, ни мужа. 2) Приказать въ Москвѣ, гдѣ она нынѣ подъ карауломъ содержится, въ нарочно къ тому назначенный и во всемъ городѣ обнародованный день, вывести ее на первую площадь и, поставя на эшафотъ, прочесть предъ всѣмъ народомъ заключенную надъ нею въ Юстицъ-Коллегіи сентенцію, съ исключеніемъ изъ оной, какъ выше сказано, родовъ ея мужа и отца, съ присовокупленіемъ къ тому сего нашего указа, а потомъ приковать ее стоячую на томъ же эшафотѣ къ столбу, и прицѣпить на шею листъ съ надписью большими словами: **Мучительница и душегубица.** 3) Когда она выстоитъ цѣлый часъ на семъ поносительномъ зрѣлищѣ, то чтобъ лишить злую ея душу въ сей жизни всякаго человѣческаго сообщества, а отъ крови человѣческой смердящее ея тѣло предать промыслу творца всѣхъ тварей, заключа въ желѣзы, отвести оттуда ее въ одинъ изъ женскихъ монастырей, находящійся въ Бѣломъ или Земляномъ городѣ, и тамъ, подлѣ которой ни есть церкви, посадить въ нарочно сдѣланную подземельную тюрьму, въ которой по смерть ее содержать такимъ образомъ, чтобы она ни откуда въ ней свѣта не имѣла. Пищу ей обыкновенную старческую подавать туда со свѣчею, которую опять у ней гасить, какъ скоро она наѣстся, а изъ сего заключенія выводить ее во время каждаго церковнаго служенія въ такое мѣсто, откуда бы она могла оное слышать, не входя въ церковь.

Для исполненія сего нашего указа, сенатъ имѣетъ учинить отъ себя всѣ надлежащія къ тому распоряженія. Имѣнія оставить за ея несчастными дѣтьми, а съ людьми ея, прилучившимися въ семъ дѣлѣ, и въ прочемъ во всемъ поступить и исполнить такъ, какъ въ вышеупомянутомъ, возвращаемомъ при семъ, сенатскомъ докладѣ намъ представлено. **Екатерина.**

(«Р. Ст.» 1874, іюль, с. 506—543.)

83. Сожженіе помѣщика крестьянами. 1798 г.

Его сіятельству:

Высокопревосходительному господину дѣйствительному тайному совѣтнику, генералъ-прокурору, департамента удѣловъ министру, государственнаго ассигнаціоннаго банка главному директору, россійскихъ орденовъ кавалеру, казначею государственнаго вспомогательнаго банка, банка для дворянства главному попечителю, дѣйствительному камергеру князю Алексѣю Борисовичу Куракину,

Саратовской губерніи отъ прокурора Заварицкаго.

Рапортъ.

Сего мая съ 6-го на 7-е ночью Балашовской округи въ селѣ Басмановѣ, помѣщикъ прапорщикъ Ардабѣевъ съ женою и малолѣтнимъ сыномъ съ домомъ своимъ сгорѣли. По извѣщенію о семъ нижній Земскій Судъ на мѣстѣ производилъ слѣдствіе, по которому открылось, что дворовыми его людьми и крестьянами домъ зажженъ; и что когда помѣщикъ ихъ пробудился и хотѣлъ выбѣжать въ сѣни, то стоящіе тутъ два человѣка съ дубинами, ударивъ его, повергли на земь и потомъ кинжаломъ лишили жизни; Жена жъ Его, выбѣжавъ, хотя и укрылась было въ плетневой клѣвъ, но одинъ изъ злодѣевъ тѣхъ, увидя вытащилъ за волосы, а другіе прнсоединясь тутъ же убили и ее до смерти, и вмѣстѣ съ мужемъ бросили въ огонь: а малолѣтняго ихъ сына, хотѣвшаго выскочить изъ сѣней, увидѣвъ одна изъ женщинъ толкнула паки въ оные: равнымъ образомъ и дворовую дѣвочку, бѣжавшую уже къ банинамъ сѣнямъ, одинъ изъ преступниковъ поймавъ бросилъ живую въ огонь, и такъ всѣ четверо кончили тутъ свою жизнь.

Убійцы напослѣдокъ признались и отосланы къ суду, которому съ предложенія моего наистрожайше подтверждено дѣло сіе въ самой скорости на основаніи законовъ кончить. — Наконецъ, когда преступники показали, что они прежде пожара выкрали изъ кладовой лучшее господское имѣніе, то нижній земскій судъ съ собравшимися родственниками убитыхъ и дворянствомъ обыскивали въ ихъ домахъ, и когда у одного изъ нихъ Данилы Тимофеева часть онаго нашли, то жена его бросилась подъ столъ съ намѣреніемъ ножомъ лишить себя жизни, но была остановлена и сдѣланная ею рана оказалась не опасною.

Губернскій Прокуроръ
Никифоръ Заварицкій.

№ 264 Мая 22 дня 1798 г.

(«Рус. Старина» 1907 г., № 79, стр. 308—309.)

---

84. Соч. Беардэ де Лаббея.

Переводъ сочиненія, присланнаго въ Вольное Экономическое Общество въ отвѣтъ на заданный въ 1766 году вопросъ:

Что полезнѣе для общества, чтобъ крестьянинъ имѣлъ въ собственности землю, или токмо движимое имѣніе, и сколь далеко его права на то или другое имѣніе простираться должны? Которое въ собраніи, бывшемъ 23 Апрѣля 1768 года удостоено обѣщанныхъ въ награжденіе за лучшее рѣшеніе 100 червонныхъ и золотой медали. Творецъ сего сочиненія Г. Беарде Делабей. Докторъ правъ церковныхъ и гражданскихъ въ Акенѣ (Ахенѣ).

Изъ части I.

§ 7. Чѣмъ больше крестьянинъ будетъ имѣть выгодностей и покоя, тѣмъ больше окажетъ онъ склонности къ благовременной женитьбѣ: будучи благонадеженъ о жребіи рождаемыхъ своихъ дѣтей, а не станетъ уже опасаться для нихъ ни глада, ни бѣдности, ниже затрудненій въ своемъ хозяйствѣ; а сей надежной безопасности не можетъ онъ инако имѣть, какъ владѣя имѣніемъ. Но сіе имѣніе должно быть его собственное, и не довольно того, чтобъ оно не было поколебимо, непадежно и временно: но надлежитъ ему быть столь же постоянному и утвержденному, сколь нужды его и расходы неминуемы.

§ 8. Въ такомъ разсужденіи не можно предписать предѣловъ собственности крестьянской, не отъемля у нихъ охоты къ женитьбѣ, и не отвращая ихъ отъ работы. Всѣ тѣ, которые между ими хотя малый разсудокъ имѣютъ, конечно, не пожелаютъ производить на свѣтъ безщастныхъ дѣтей, которымъ они, кромѣ бѣдности и рабства, иного наслѣдства оставить не могутъ...—

§ 11. Но узнавъ всѣ прибытки, происходящіе отъ собственности крестьянамъ дозволенной, какимъ образомъ должно ихъ до того доводить? Какъ могутъ они владѣть землею, будучи сами во власти у другихъ? Рабъ, самъ въ себѣ невластный, никогда не можетъ имѣть владѣнія, какъ только мнимаго: ибо собственность не можетъ быть безъ вольности. Богатство, принадлежащее рабу, подобно бряцункамъ серебрянымъ, у собаки на ошейникѣ висящимъ: все принадлежитъ господину. Излишно входить о семъ въ дальнѣйшія подробности: ясно, что прежде нежели можно дать рабу какое имѣніе, надлежитъ необходимо сдѣлать его свободнымъ.

§ 13. Когда слава царей должна быть причисляема къ преимуществамъ государства, то не можетъ она получить сильнѣйшаго блистанія, какъ отъ дарованія вольности. По всей вселенной раздается гласъ о семъ неоцѣненномъ сокровищѣ: да внемлемъ гласъ всѣхъ народовъ! О вы, цари! есть ли вы не желаете быть мучителями вашихъ народовъ, то должны вы быть отцами вашихъ подданныхъ. Крестьяне суть ваши чада: какъ же вы можете видѣть вашихъ чадъ рабами? Когда съ одной

стороны первая а [illegible] многія [illegible] требуютъ [illegible] благодѣянія; то съ другой [illegible] еще больше, ваша собственная польза обязываетъ васъ возвратить полученное ими отъ бога благо. Какая власть царя, повелѣвающаго только [illegible] состоитъ? [illegible] человѣчества [illegible] презрѣнный рабъ уже не иное что есть, какъ игомъ [illegible]. Не приноситъ онъ иной услуги, кромѣ происходящей отъ тѣлесныхъ его силъ. Рабъ, не зная и не дерзая мыслить, [illegible] причесть себѣ въ заслугу. Какое же удовольствіе [illegible] О цари! [illegible] могущество [illegible] тысячъ человѣкъ, есть ли вы даруете вольность стамъ тысячамъ невольниковъ. Вы сотворите, вы составите новыя существа: изъ всѣхъ человѣческихъ дѣйствій сіе наиболѣе уподобитъ васъ божеству. . . . . .

§ 14. Возобновляется вольность, какое зрѣлище! Какія чудеса! Се новая жизнь: исчезаетъ [illegible], возстаетъ духъ подобно какъ отъ дремоты, [illegible] естество [illegible] и украшается: все [illegible] паки дарованія, [illegible] и [illegible] изъ сердца: каждый [illegible] своимъ бытіемъ, собственная [illegible] польза оживляетъ; [illegible] естество платитъ [illegible] трудолюбію. Перемѣны сіи [illegible] государственныя, подобно какъ тѣло, [illegible] живость [illegible] его [illegible], получаетъ болѣе прежняго красоты и силы...

§ 23. Но [illegible] собственности? [illegible] только [illegible], не можетъ [illegible] его [illegible] и я почитаю его за ничто для того, что оно не приноситъ ничего и не [illegible] ни самой пользы, происходящей отъ собственности земли: оно не привлекаетъ къ себѣ крестьянина: слѣдовательно должно ему дать землю... —

Изъ части II.

§ 6. ...Должно пріуготовить рабовъ къ принятію вольности прежде, нежели дана будетъ имъ какая собственность. Можетъ быть, что самая ихъ грубая жизнь и [illegible], въ которыхъ они содержатся, [illegible] имъ [illegible] почесть свое рабство. Будучи уврачены получать одежду, пищу и содержаніе отъ своихъ господъ, [illegible] тѣмъ [illegible] чтобъ [illegible] ихъ жизнь, должны они почитать [illegible] тягостное понужденіе, [illegible] [illegible] въ вольности [illegible] [illegible] Когда [illegible] сію общую человѣкомъ къ праздности и нерадѣнію склонность, то всемѣрно остерегаться должно, чтобъ не подать къ тому способовъ невѣжамъ, [illegible] и не желающимъ онаго благо[illegible]...

§ 15. Когда [illegible] способами просвѣтится ихъ разумъ и исправятся ихъ нравы, тогда уже можно будетъ разрѣшить оковы рабства; желаемыя, обѣщанныя и данныя владѣнія поострятъ ихъ къ трудолюбію. Новый сей народъ, искупленный изъ тьмы невѣжества и рабства, обогатитъ своихъ благотворителей и, [illegible] во владѣніе правъ, [illegible] непосредственно отъ начальника естества. Вольность! Какой блистающей свѣтъ простирается съ одного имперіи края до другаго! Естество паки возстаетъ отъ сна, все обновляется, поля населяются жителями, художества ободряются, науки приходятъ въ совершенство, [illegible] все.

Радость и чувствованіе благодарности вступаютъ на мѣсто унынія и печали: вездѣ [illegible] веселые клики. Новый сей народъ [illegible] къ небу усердныя моленія. Философы, мудрецы всѣхъ народовъ, словомъ, весь родъ человѣческій прославляетъ великость [illegible]. Стихотворцы и риторы [illegible] въ храмъ вѣчности глазъ всѣхъ народовъ и чувствованія всѣхъ сердецъ.

§ 16. Не слышу ли вельможъ пораженныхъ [illegible] и отвращающихся отъ того, чтобъ отказаться отъ ужаснаго права, какое [illegible] надъ [illegible] крестьянами. [illegible] чтобъ самовластію повелѣвать [illegible] числомъ людей, къ верховной власти [illegible] ласкательной для самолюбія; [illegible] въ привычкѣ господствовать надъ другими, которою [illegible] надменность сердца человѣческаго, присовокупляется еще [illegible] предметъ, сопротивляющійся дарованію вольности. Что будетъ съ нашими людьми, безъ сомнѣнія скажутъ нѣкоторые владѣльцы, которые одну только наружность вещей [illegible] въ состояніи? Кто станетъ [illegible] наши [illegible], когда рабы наши будутъ вольными? Кто станетъ [illegible] наши развозить по городамъ на продажу, когда рабы наши будутъ сами въ себѣ [illegible]? Кто будетъ работать на нашихъ фабрикахъ и мануфактурахъ, когда мы не будемъ имѣть права [illegible] и принуждать къ работѣ нашихъ рабовъ? [illegible] отъ рабства, [illegible] только то [illegible], что имъ будетъ [illegible] и пріятно; и такъ [illegible] собственности надъ работниками нашими, потеряемъ

ми и прибытки свои отъ ихъ трудовъ происходящіе. Также, по видимому, справедливое разсужденіе достойно особливаго разсмотрѣнія.

§ 17. Нѣтъ, господа! Давъ вольность крестьянамъ вашимъ, вы ничего не потеряете, но еще умножите ваши доходы. Вы гораздо вѣрнѣе будете ихъ получать; вы уменьшите заботы ваши и ваши старанія о работахъ сихъ безщастныхъ, отъ которыхъ вы нынѣ очей вашихъ ни на часъ отвратить не можете, чтобъ не узрѣть ихъ праздныхъ и безъ дѣйствія. Нѣтъ, господа! Никогда не вздумаютъ они бѣжать, сколь скоро прельщены будутъ, хотя малою собственностію. Воззрите на примѣры всѣхъ благоустроенныхъ въ Европѣ народовъ; подражайте онымъ. Богатые не утруждая себя всегдашнимъ надзираніемъ получаютъ исправно и порядочно свои доходы. Удовольствіе видѣть слѣдующую за вами собачку, которая васъ любитъ и вамъ ласкается, можетъ ли сравнена быть съ тягостнымъ трудомъ водить медвѣдя? Собачка ваша никуда отъ васъ не отходитъ, но всечасно васъ забавляетъ; чѣмъ больше она на волѣ, тѣмъ больше вамъ повинуется: напротивъ того, цѣпь, на которой держите вы медвѣдя, и батъ, которымъ вы безпрестанно принуждены его бить, служа всегдашнимъ мученіемъ ему, столько же утруждаетъ и васъ, будучи вы не въ состояніи ни на что его привести, какъ только побоями. Такимъ образомъ свободность и пріятство заставляютъ все дѣлать и все предпринимать: напротивъ чего при неволѣ и принужденіи все достигать должно силою...

(Труды Вол. Эк. Об-ва, т. 8 с. 1—52.)

85. А. Радищевъ.

Путешествіе изъ Петербурга въ Москву.

Глава XV.

Хотиловъ.

Между тѣмъ, какъ лошадей моихъ перепрягали, я любопытствовалъ разсматривая доставшіяся мнѣ бумаги... Вездѣ я обрѣталъ расположенія человѣколюбиваго сердца, вездѣ видѣлъ гражданина будущихъ временъ. Болѣе всего видно было, что другъ мой чувствовалъ несоразмѣрность гражданскихъ установленій. Цѣлая связка бумагъ и начертаній законоположеній относящіяся къ уничтоженію рабства въ Россіи. Но другъ мой, видя, что вышняя власть недостаточна въ силахъ своихъ, къ претвореніи мнѣній мгновенно, начерталъ путь постепеннаго законодательнаго освобожденія земледѣльцевъ въ Россіи. Я здѣсь покажу шествіе его мыслей.

Первое положеніе относится къ раздѣленію сельскаго рабства и рабства домашняго. Сіе послѣднее уничтожается прежде всего, и запрещается поселянъ и всѣхъ по деревнямъ въ ревизіи написанныхъ брать въ домы. Буде помѣщикъ возьметъ земледѣльца въ домъ свой для услугъ или работы, то земледѣлецъ становится свободенъ. Дозволить крестьянамъ вступать въ супружество, не требуя на то согласія своего господина. Запретить брать выводныя деньги.

Второе положеніе относится къ собственности и защитѣ земледѣльцевъ. Удѣлъ въ землѣ, ими обработываемой, должны они имѣть собственностію; ибо платятъ сами подушную подать. Пріобрѣтенное крестьяниномъ имѣніе ему принадлежать долженствуетъ; никто его да не лишитъ самопроизвольно. Возстановленіе земледѣльца во званіе гражданина. Надлежитъ ему судиму быть ему равными, то-есть въ расправахъ, въ кои выбирать и изъ помѣщичьихъ крестьянъ. Дозволить крестьянину пріобрѣтать недвижимое имѣніе, то-есть покупать землю. Дозволить невозбранное пріобрѣтеніе вольности, платя господину за отпускную извѣстную сумму. Запретить произвольное наказаніе безъ суда.—Истезни варварское обыкновеніе,— вѣщаетъ нашъ законодатель...

За симъ слѣдуетъ совершенное уничтоженіе рабства.

Глава XXIV.

Пешки.

Я обозрѣлъ въ первый разъ внимательно всю утварь крестьянскія избы. Первый разъ обратилъ сердце къ тому, что доселѣ на немъ скользило. — Четыре стѣны, до половины покрытыя, такъ какъ и весь потолокъ, сажею: полъ въ щеляхъ на вершокъ по крайней мѣрѣ поросшій грязью; печь безъ трубы, но лучшая защита отъ холода, и дымъ всякое утро зимою и лѣтомъ наполняющій избу; окончины въ коихъ натянутой пузырь смеркающійся въ полдень пропускалъ свѣтъ; горшка два или три; (щастливая изба, коли въ одномъ изъ нихъ всякой день есть пустыя щти!) Деревянная чашка, и кружки, тарелками называемыя; столъ топоромъ срубленной, который скоблятъ скребкомъ по праздникамъ. Корыто кормить свиней или телятъ, буде есть, спать съ ними вмѣстѣ, глотая воздухъ, въ коемъ горящая свѣча какъ будто въ туманѣ или за завѣсою кажется. Къ щастію кадка съ квасомъ на уксусъ похожимъ и на дворѣ баня, въ коей коли не парятся, то спитъ скотина. Посконная рубаха, обувь данная природою, онучки съ лаптями для выхода. Вотъ въ чемъ почитается

по справедливости источникъ государственнаго избытка, силы, могущества; но тутъ же видны слабость, недостатки, и злоупотребленія законовъ, и их шароховатая, такъ сказать, сторона...

Что мы крестьянину оставляемъ? То, чего отнять не можемъ,—воздухъ. Да, одинъ воздухъ. Отъемлемъ нерѣдко у него не токмо даръ земли—хлѣбъ и воду, но и самый свѣтъ. Законъ запрещаетъ отъяти у него жизнь. Но развѣ мгновенно. Сколько способовъ отъяти ее у него постепенно! Съ одной стороны, почти всесиліе; съ другой немощь беззащитная. Ибо помѣщикъ въ отношеніи крестьянина, есть законодатель, судія, исполнитель своего рѣшенія, и по желанію своему, истецъ, противъ котораго отвѣтчикъ ничего сказать не смѣетъ. Се жребій заклепаннаго во узы, се жребій заключеннаго въ смрадной темницѣ, се жребій вола въ ярмѣ...

(Радищевъ, с. 135—149, 321—322).

---

86. Замѣчанія Екатерины II на книгу Радищева.

№ 1. Книга печатана въ 1790 г. безъ подписи типографіи и безъ видимаго дозволенія въ началѣ, но въ концѣ сказано съ дозволенія Управы Благочинія. Сіе, вѣроятно, ложь, либо оплошность.

Намѣреніе сей книги на каждомъ листѣ видно; сочинитель оной исполненъ и зараженъ Французскимъ заблужденіемъ, ищетъ всячески и выищиваетъ все возможное къ умаленію почтенія къ власти и властямъ, къ приведенію народу въ негодованіе противу начальниковъ и начальству.

Онъ же едва ли не Мартинистъ, или чего подобное, знаніе имѣетъ довольно и многихъ книгъ читалъ. Сложеніе унылаго и все видитъ въ темночерномъ видѣ, слѣдовательно черножелтаго вида.

На 147 стр. ѣдитъ оплакивать плачевную судьбу крестьянскаго состоянія, хотя и то неоспоримо, что лучшее судьбы нашихъ крестьянъ у хорошова помѣщика нѣтъ во всей вселенной...

Стр. 190, 191, 192, 193, 194. Доказываетъ, что сочинитель имѣетъ воображеніе довольно и любитъ распространить гипохондрическіе и унылые мысли, и тутъ паки упоминается о ничтожествѣ власти родителей надъ дѣтьми, что противно закону христіанскому и гражданскому...

256, 257 описываетъ состояніе крестьянъ, по имѣя собственной пашенъ.

259. Что рабы оковы свои любятъ NB. все сіе по большой части взято изъ Абберайналови книги.

260. Проскакиваютъ паки слова, клонящіяся къ возмущенію.

262. Уговариваетъ помѣщиковъ освободить крестьянъ, да никто не послушаетъ...

№ 4. Скажите сочинителю, что я читала его книгу отъ доски до доски, и прочтя усумнилась, не зѣлано ли ему мною какая обида; ибо судить его не хочу, дондеже не выслушенъ, хотя онъ судитъ о царей, не выслушивая ихъ оправданіе...

(Замѣч. Екатерины II, с. 1—10.)

---

87. О трехдневной работѣ помѣщичьихъ крестьянъ въ пользу помѣщика и о непринужденіи къ работѣ въ дни воскресные.

(1797.—Апрѣля 5).

Манифестъ.

Объявляемъ всѣмъ нашимъ вѣрноподданнымъ. Законъ божій, въ десятисловіи намъ преподанный, научаетъ насъ седьмый день посвящать ему; почему въ день настоящій, торжествомъ вѣры христіанской прославленный, и въ который мы удостоилися воспріять священное муропомазаніе и царское на прародительскомъ престолѣ нашемъ вѣнчаніе, почитаемъ долгомъ нашимъ предъ творцомъ и всѣхъ благъ подателемъ подтвердить во всей имперіи нашей о точномъ и непремѣнномъ сего закона исполненіи, повелѣвая всѣмъ и каждому наблюдать, дабы никто и ни подъ какимъ видомъ не дерзалъ въ воскресные дни принуждать крестьянъ къ работамъ, тѣмъ более, что для сельскихъ издѣльевъ остающіеся въ недѣлѣ шесть дней, по равному числу оныхъ вообще раздѣляемые, какъ для крестьянъ собственно, такъ и для работъ ихъ въ пользу помѣщиковъ слѣдующихъ, при добромъ распоряженіи достаточны будутъ на удовлетвореніе всякимъ хозяйственнымъ надобностямъ.

(Клочковъ, № 99, с. 160.)

VI. Дворянская жизнь.

88. Усадьба Болотовыхъ.

...Тогдашнія времена (1750) были не таковы, какъ нынѣшнія (1789). Такого великого множества дворянскихъ домовъ, повсюду съ живущими въ нихъ хозяевами, какъ нынѣ, тогда нигдѣ не было. Все дворянство находилось тогда на военной службѣ, и въ деревняхъ живали одни только престарѣлые старики, не могущіе болѣе нести службу, или за болѣзнями или за дряхлостью, по какому-нибудь особливому случаю, оставленные, и всѣхъ такихъ было немного. Въ другихъ домахъ живали также однѣ только старушки съ женами служащихъ въ войскѣ дворянъ, и вели такую уединенную жизнь, итакъ, и знакомиться было не съ кѣмъ...

Раздѣляя все свое время между читаніемъ, писаніемъ и рисованіемъ, а временами и гуляніемъ, началъ я жить при моей родительницѣ. Всѣ сіи учебныя и увеселительныя работы производилъ я при глазахъ моей матери, на большомъ и предлинномъ дубовомъ столѣ, стоящемъ у насъ въ переднемъ углу той комнаты, гдѣ мать моя жила и почивала. Что касается до моей спальни, то была она въ маленькомъ чуланчикѣ, отгороженномъ досками отъ комнатки, бывшей подлѣ спальни матери моей; въ сихъ обѣихъ комнатахъ состояли всѣ наши жилые покои. Происходило сіе не отъ того, чтобъ хоромы наши были маленькія, но обыкновеніе тогдашнихъ временъ приносило то съ собою, что состояли они по большой части въ пустыхъ и нежилыхъ покояхъ. Напримѣръ, было въ нихъ двое превеликихъ сѣней, изъ которыхъ переднія были такъ велики, что я, черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого сдѣлалъ изъ нихъ двѣ прекрасныя комнаты; а и заднія сѣни умѣстили бы въ себѣ также покойца два, но вмѣсто того были переднія совсѣмъ пусты, а и въ заднихъ былъ только одинъ ходъ на верхъ, занимающій мѣсто цѣлой комнаты. Изъ сѣней сихъ былъ выходъ въ переднюю, или, по нынѣшнему, залу. Пространная комната сія была отъ начала построенія хоромъ холодная, и все украшеніе ея состояло въ образахъ простыхъ и въ кивотахъ, коими весь передній уголъ и цѣлая стѣна была наполнена, ибо обыкновенія, чтобы комнаты штукатурить и обоями обивать, не было тогда и въ завѣтѣ. Мебели же всѣ состояли въ лавкахъ кругомъ стѣнъ и въ длинномъ столѣ, поставленномъ въ переднемъ углу и ковромъ покрытомъ. Какъ окошки были небольшія, а стѣны и потолокъ отъ долговременности даже потемнѣли и сдѣлался кофейнаго цвѣта, а дубовый стычной полъ еще того былъ темнѣе, то царствовала въ сей комнатѣ сущая темнота, и въ ней никто и никогда не живалъ, а наполнялась она единожды въ годъ народомъ, то-есть въ святую недѣлю, когда съ образами приходили и въ ней молебенъ служивали. За нею слѣдовала другая, угольная и самая та комната, которая была у моей матери и гостиною, и столовою, и спальнею, и жилой; три маленькихъ окна съ одной, и одно двойное съ другой стороны впускали въ нее свѣтъ, и превеликая, складенная изъ узорчатыхъ разноцвѣтныхъ кафелей печь снабжала тепломъ оную. Печь сія расположена была особымъ и такимъ образомъ, какъ въ людяхъ не водится: нескоро можно было найти и добраться, откуда она топилась; надлежало лѣзть напередъ за печь, а тамъ поворачивать направо и искать устья, ибо оно сдѣлано было отъ стѣны и совсѣмъ въ темнотѣ. Таплывали ее обыкновенно дворовыя бабы по очереди и таскивали всякій день превеликія ноши хвороста и, съ нимъ залѣзши къ устью, прятывались и завѣшивались тамъ, власно, какъ въ конурѣ. Со всѣмъ тѣмъ печь сія была тепла и неугарна, да и самая комната довольно свѣтла и весела.

Что касается до украшеній сей важнѣйшей въ домѣ комнаты, то оныя состояли также только въ однихъ образахъ, разставленныхъ въ переднемъ углу. Внизу сдѣланъ былъ маленькій угольничекъ, и тутъ передъ кіотомъ съ крестомъ, съ мощами, горѣла неугасимая лампада, а вверху сдѣлана была предлинная полка, и на ней наставленъ цѣлый рядъ образовъ разныхъ. Стѣны въ комнатѣ сей были также ничѣмъ не обиты, но стычной дубовый полъ отъ частого мытья нѣсколько побѣлѣе. Что касается до потолка, то онъ былъ неровный, но черезъ доску одна ниже, а другая выше, и отъ долговременности весьма изрядно закоптѣвшимъ.

Что принадлежитъ до мебелей, то нынѣшнихъ софъ, канапэ, креселъ, тамбуровъ, комодовъ, ломберныхъ и другихъ разноманерныхъ столиковъ и прочаго тому подобнаго не было тогда еще и обыкновенія, гладенькія и чистенькія лавочки кругомъ стѣнъ и много много подножки старинныхъ стульцевъ должны были отвѣтствовать, вмѣсто всѣхъ креселъ и канапэ, а длинный дубовый столъ

и [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] [illegible]. [illegible] [illegible] [illegible] стояли [illegible], въ другомъ были [illegible] [illegible], въ третьемъ [illegible] [illegible] [illegible] нея [illegible] [illegible], а на четвертомъ [illegible] на [illegible] трехъ [illegible] [illegible] и такъ [illegible] [illegible], что [illegible] [illegible] [illegible], что [illegible] нѣкогда [illegible] [illegible]. Вотъ [illegible] ніе нынѣшней и парадной комнаты.

Вправо и сбоку подлѣ нея [illegible] другой теплый покой [illegible] [illegible] — [illegible] комната. Она [illegible] [illegible] и [illegible], и [illegible], и была самая та, въ которой я родился. [illegible] до моего пріѣзда [illegible] она была [illegible] [illegible], и [illegible] была тогда [illegible] [illegible] и [illegible].

Наконецъ, кромѣ сихъ трехъ комнатъ, было еще два покойца холодныхъ, [illegible] [illegible] сторону въ саду, но обѣ сіи были [illegible], а служили [illegible]. Одинъ [illegible] былъ [illegible] [illegible] [illegible], а другой [illegible] и былъ [illegible].

Вотъ все расположеніе старинныхъ хоромъ нашихъ, въ которыхъ живали наши предки, и въ коихъ я родился, женился и жилъ самъ потомъ [illegible] лѣтъ, покуда построилъ себѣ новые и лучшіе...

Каковы были хоромы, таково было и мѣсто, на которомъ онѣ стояли. Не извѣстно уже мнѣ, кто изъ предковъ моихъ выбралъ [illegible] оное, только то [illegible], что оно было [illegible] изъ всей усадьбы, а [illegible] мѣста [illegible] было огорожено и скотными дворами; но сему и дивиться не можно: въ старину было у насъ и обыкновеніе такое, чтобъ дома нарочно прятать и скрывать ихъ въ [illegible] мѣстахъ, чтобъ изъ нихъ никуда въ даль было не видно, а все [illegible] простиралось на одни только житницы, конюшни, скотные дворы и сарая. А точно въ такомъ мѣстѣ поставлены были и наши хоромы...

(Записки А. Болотова т. I, с. 151—152.)

89. Гости и ярмонка въ провинціальномъ городѣ.

(по Болотову.)

(Дѣло происходитъ въ г. Богородицкѣ, Тул. губ., въ имѣніи гр. Бобринскаго, гдѣ авторъ былъ управляющимъ.)

Какъ случилось сіе уже въ 5 день іюля, а въ слѣдующій за симъ начиналася обыкновенно уже ѣзда на нашу ярмонку, и хотя мы [illegible] [illegible] [illegible] и [illegible] [illegible], то [illegible] [illegible] [illegible] къ пріѣзду ихъ пріуготовленія, и [illegible], хотя не было [illegible] нужды [illegible] тому [illegible]. Но мы не успѣли еще [illegible] [illegible] и только что встали и одѣлись, какъ получили извѣстіе, что г. Давыдовъ со всѣмъ своимъ причетомъ уже ѣдетъ. [illegible]! какъ мы все тѣмъ перетревожились, ибо и не думали, что пріѣдутъ они къ вечеру. Итакъ, давай, давай скорѣе посылать все въ замокъ и заставливать поваровъ своихъ готовить для нихъ обѣдъ, къ которому они ѣхали, а сами убираться и готовиться къ принимaнію гостей, и [illegible], поприговорили и успѣли все то сдѣлать.

Они и пріѣхали къ намъ, дѣйствительно, передъ обѣдомъ въ многочисленныхъ экипажахъ и съ такою толпою гостей и множествомъ всякаго народа, что я, увидя ихъ, ажно ахнулъ, не воображая себѣ никакъ, чтобъ было ихъ такъ много. Были тутъ изъ собственнаго семейства г. Давыдова: онъ самъ съ женою, [illegible] его, двѣ его сестры и свояченица, а изъ постороннихъ славный нашъ богачъ, ефремовъ Илья Лазаревъ, Ѳедоръ Алексѣевичъ Левшинъ, г. Остафьевъ, г. Батищевъ, г. Соколовскій, г. Всеволодскій, г. Ѳедяшевъ, Степанъ Ивановичъ Бельяминовъ и славный плясунъ и игрокъ въ гостечки Шахматовъ,— все народъ бойкій, молодой, вѣтрогонный, веселый и не стоющій и двухъ людей степенныхъ, [illegible] изъ всѣхъ изъ нихъ былъ одинъ Левшинъ. Словомъ, ребята все теплые и [illegible] прямо [illegible] стать другъ къ другу. Онъ [illegible] расположился во дворцѣ съ своимъ семействомъ, а прочимъ всѣмъ ассигновалъ комнаты во флигелѣ. Весь дворъ наполнился народомъ, и какое множество было слугъ и прислужниковъ, какое множество лошадей и съ ними кучеровъ и конюховъ, и всѣхъ-то ихъ надобно было [illegible] и кормить, и поить, и успокаивать, и сколько хлопотъ и заботъ ко всему тому требовалось.

Ѣхалъ г. Давыдовъ съ тѣмъ только къ намъ [illegible] и пріѣхалъ, чтобъ ему тутъ погулять и [illegible] повеселиться, и для самого того набралъ съ собою и народъ, къ тому способный, то не успѣли они пріѣхать и нѣсколько поразобраться, какъ до обѣда еще и началися у нихъ веселости. Г. Левшинъ былъ превеликій мастеръ играть на бандурѣ и балалайкѣ, а Батищевъ затѣмъ и [illegible], что очень хорошо игралъ на скрипицѣ, а Шахматовъ для пляски и [illegible]. Они тотчасъ и составили свой концертъ, который, въ самомъ дѣлѣ, былъ пріятенъ для слуха и, можно сказать, что день сей [illegible] у насъ прямо весь музыкальный, ибо тотчасъ потомъ загремѣла на-

ша духовая музыка во время обѣденнаго стола, а послѣ обѣда оркестренная и вокальная, вмѣстѣ и попеременно. И г. Давыдовъ кичился тѣмъ и позволялъ кричать всѣмъ и былъ веселъ.

Послѣ того всѣ мущины пошли въ садъ и отъ жара пробрались въ нашу прекрасную купальню. Тутъ пришла охота г. Давыдову самому вмѣстѣ съ Левшинымъ и Лазаревымъ купаться въ оной. Ну! скорѣй раздѣваться, пускать воду, садиться и ложиться подъ широкій и теплый стокъ воды и любоваться теплотою оной и утѣшаться купаньемъ. Шахматовъ, между тѣмъ, какъ бѣсъ трескалъ. Начались въ водѣ самыя рѣзвости и дуренія, начали брызгаться, стрекаться крапивою и плескаться водою. Шахматова потащили насильно и въ платьѣ въ воду...

Между тѣмъ, боярыни и дѣвицы, и въ томъ числѣ и наши, гуляютъ по саду. Число гостей умножается, пріѣзжаетъ еще кое-кто изъ Тулы. Наступаетъ вечеръ, надобно итить всѣмъ во дворецъ, и больному съ товарищи какъ-нибудь также. какъ-нибудь идетъ и себя пересиливаетъ. Пріуготовляется вечерній столъ, всѣ ужинаютъ, шумятъ, кричатъ, спорятъ, смѣются и хохочутъ, музыка гремитъ. Ничего не слышно, всѣ въ удовольствіи, надобно начать праздникъ и послѣ ужина потанцовать, хоть немного. Рѣзвятся, танцуютъ и тѣмъ оканчиваютъ день, и было все весело и хорошо.....

Въ наступившій за симъ день было у насъ подторжье или, прямѣе сказать, началась самая ярмонка во всемъ своемъ видѣ и совершенствѣ. Въ сей годъ была она не такъ многолюдна, какъ прежде, но дворянства наѣхало множество и больше, нежели въ другіе годы. Мы насчитали однихъ знакомыхъ дворянскихъ фамилій цѣлыхъ три десятка. Подъѣхало и изъ Тулы къ намъ еще нѣсколько гостей новыхъ.....

По-утру не успѣли всѣ и тутошніе, и пріѣзжіе одѣться и убраться, какъ съѣзжаются всѣ во дворецъ на поклонъ и съ привѣтствіями своими къ Николаю Сергѣевичу, какъ къ особѣ, представшей (sic) тогда первое въ городѣ лицо и игравшей знаменитѣйшую ролю. Сіе льститъ его самолюбію, сердце у него прыгаетъ отъ удовольствія и прямо на своемъ мѣстѣ. Онъ принимаетъ всѣхъ дружески и благосклонно, всѣхъ взаимно привѣтствуетъ, всѣхъ и каждаго ласкаетъ, со всѣми обращается просто, безъ всякой спѣси, гордости и дружелюбно говоритъ то съ тѣмъ, то съ другимъ: тѣ между собою начинаютъ шутки, молодыи смѣхи и хохотанья, дѣлается отъ того шумъ, гулъ и раздается по всѣмъ комнатамъ, и все утро проведено весело и пріятно.

Между тѣмъ я во дворцѣ отъ заботъ о пріѣзжихъ и пріѣзжающихъ, а домашніе мои дома съ ногъ сбились отъ угощеванія своихъ собственныхъ гостей и пріуготовленія большого обѣденнаго стола, ибо всѣмъ знаменитѣйшимъ долженствовало въ сей день обѣдать у меня, а г. Хомяковъ, нашъ главный откупщикъ, суетился также о пріуготовленіи добраго и сытнаго обѣда въ трактирѣ, ибо всѣмъ у меня не можно было никакъ умѣститься. У меня обѣдало человѣкъ съ тридцать. Столъ былъ порядный, обѣдъ добрый, музыка гремѣла, но Николаю Сергѣевичу не до того было, чтобъ ею утѣшаться; у него за столомъ разбередили какъ-то ногу, и онъ только что поживался отъ боли и тотчасъ послѣ стола отъ насъ уѣхалъ въ замокъ. Но гости продолжали бесѣдовать, къ числу изъ прежнихъ прибавлялся еще г. Кирѣевъ, Петръ Алексѣевичъ, пріѣхавшій ко мнѣ съ женою, шуриномъ и свояченицею, и мы едва успѣвали всѣхъ угащивать.

Наконецъ, посидѣвши у меня и напившись кофею, наѣвшись сластей и овощей, всѣ боярыни, а съ ними нѣкоторые изъ мущинъ, поѣхали на ярмонку, отчасти глазѣть на толпы взадъ и впередъ ходящаго народа и на множество каретъ и колясокъ, туда и сюда разъѣзжающихъ между оными, отчасти ходить по лавкамъ, пересматривать и торговать товары. Я на ней не былъ и съ ними не поѣхалъ, мнѣ было не до ней, мнѣ была она не въ диковинку; я въ прахъ усталъ отъ трудовъ и хлопотъ безчисленныхъ, хотѣлось хоть немного отвести духъ въ себѣ и поуспокоиться, а предоставилъ имъ однимъ бродить по ярмонкѣ и утѣшаться ею. Однако, и они веселились ею не долго, налетѣла вдругъ страшная туча съ превеликою бурею и вихремъ, полился проливной дождь и разогналъ весь черный народъ. Всѣ бросались и совались, куда кому попало. Нечего было и имъ дѣлать, всѣ и они перетревожились, засуетились и, ну, также спѣшить скакать куда-нибудь подъ кровлю и убѣжище, кто ко мнѣ, кто въ иныя мѣста, кто во дворецъ, и въ сей болѣе всѣхъ другихъ.

Тутъ, между тѣмъ, стоялъ стонъ и шумъ превеликій отъ игроковъ картежныхъ. Сіи всѣ отправляли тутъ свою ярмонку. Была ихъ толпа цѣлая, шумящая за многими столами; кто проигрывался, кто выигрывалъ, и денежки только погромыхивали, а бумажки перелетали изъ рукъ въ руки. А не успѣли всѣ комнаты наполниться народомъ, какъ загремѣла музыка, и шумъ увеличился еще болѣе. Наконецъ, наступилъ вечеръ, зазвонили къ вечернѣ, и всѣ гурьбою пошли въ церковь. Въ сей день церковь и весь домъ [illegible] освѣщены были огнями, а пріятный гулъ раздается

съ немъ отъ хора пѣвчихъ; служеніе было церемоніальное и собраніе дворянства обоего пола превеликое, словомъ, все было хорошо, мирно, спокойно и порядочно, и ярмонка наша весела, чему много поспѣшествовало и то, что нашъ князь занятъ былъ хлопотами ярмоночными, и не было кому дѣлать каверзъ.

Въ самый послѣдующій за симъ день праздника было опять, по случаю возстановившейся прекрасной погоды, все въ городѣ у насъ живо и весело. Ярмонка, по обыкновенію, продолжалась до полудня, и народъ кипѣлъ на оной и представлялъ собою смотрящимъ изъ дворца прекрасное зрѣлище. Что касается до дворянства, то все оное поутру съѣхалось во дворецъ для поздравленія командира моего съ праздникомъ. Послѣ чего всѣ были у обѣдни, во время которой пѣвчіе наши оказывали опять все свое искусство въ пѣніи, а Епифаньскій дьяконъ сказывалъ проповѣдь, которою всѣ были очень довольны. По окончаніи божественной службы, всѣ мущины пошли опять во дворецъ на водку; знаменитѣйшіе остались обѣдать, а другіе пошли ко мнѣ и въ другіе дома. Столъ во дворцѣ былъ болѣе нежели на 30 кувертовъ и впродолженіе онаго гремѣла опять музыка. Послѣ обѣда же съѣхались всѣ во дворецъ, и дамы, и мущины, и старушки, и дѣвицы, и было всѣхъ полное собраніе. Тотчасъ тогда загремѣла опять музыка, начался порядочный балъ и вся молодежь принялась за танцы. Сынъ мой былъ первымъ и лучшимъ танцовщикомъ изъ всѣхъ и имѣлъ счастіе, что всѣ его полюбили и хвалили, а старшая дочь моя играла первую роль между танцовщицами и плѣняла всѣхъ красотою и всѣмъ обращеніемъ своимъ.

Между тѣмъ, какъ всѣ мы, а особливо молодежь занималась въ залѣ своими танцами, другіе играли въ карты въ гостиной, а иные разсовались по норамъ, пили и требесили, а нѣкоторые ходили въ ванну и прохлаждались отъ жара купаньемъ, ибо всѣмъ и всякому была воля, каждый занимался чѣмъ хотѣлъ, и всѣ были веселы и всѣмъ довольны. Словомъ, праздникъ сей никогда такъ веселъ для насъ не былъ, какъ въ сей разъ.

Наутріе все дворянство начало разъѣзжаться, ибо ярмонка уже кончилась. А хотѣлъ было ѣхать и г. Давыдовъ, но остался еще у насъ на весь сей день. И какъ случился онъ быть воскреснымъ, то по-утру были мы всѣ опять у обѣдни, а потомъ ѣздили въ гошпиталь. Обѣденный столъ былъ опять у г. Давыдова во дворцѣ, но не такой большой, какъ прежде, ибо были только пріѣзжіе къ нему гости. Послѣ обѣда ходили мы опять въ ванну, куда пріѣхалъ къ намъ и славный тогдашняго времени проплецъ, забіяка и богачъ Семенъ Ивановичъ Игнатьевъ, и было опять много смѣховъ и хохотанья съ г. Челищевымъ: играли даже сущую комедію. Бѣднягу, купавшагося тогда въ ваннѣ, изстрекали всего крапивою, и такъ, что онъ шуткѣ сей и не радъ ужъ былъ. Я самъ купался вмѣстѣ съ ними, и было весело и хорошо. Послѣ того пособралось опять народа довольно во дворцѣ и молодежь потанцовала нѣсколько, а передъ вечеромъ пошли всѣ въ садъ и гуляли въ ономъ съ удовольствіемъ, ввечеру же увеселялъ насъ Шахматовъ на крыльцѣ своимъ пѣніемъ и пляскою; всѣ пологлись и усѣлись по ступенькамъ большаго дерноваго крыльца предъ дворцомъ, для слушанія и смотрѣнія сего зрѣлища; вечеръ былъ пріятный и прелестный. Левшинъ забавлялъ дѣвицъ своими шутками, а г. Михайловъ только что галился и засматривался на красавицъ. Наконецъ ужинали всѣ во дворцѣ и были всѣ веселы.....

Наконецъ, съ наступленіемъ утра слѣдующаго дня, поѣхалъ отъ насъ г. Давыдовъ со всѣми гостьми своими, и мы, радуясь, что сжили съ рукъ своихъ всю сію обузу, проводили его съ удовольствіемъ.

(Зап. Болотова. Томъ IV, с. 328—335.)

---

90. Державинъ.

Евгенію. Жизнь Званская.

1807 г.

(Строфы 3—19, 22—50, 64.)

Возможно ли сравнять что съ вольностью златой.
Съ уединеніемъ и тишиной на Званкѣ?
Довольство, здравіе, согласіе съ женой,
Покой мнѣ нуженъ—дней въ останкѣ.
Возставъ отъ сна, взвожу на небо скромный взоръ:
Мой утреннетъ духъ правителю вселенной;
Благодарю, что вновь чудесъ, красотъ позоръ
Открылъ мнѣ въ жизни толь блаженной.
Пройдя минувшую и не нашедши въ ней,
Чтобъ черная змѣя мнѣ сердце угрызала,
О! коль доволенъ я, оставилъ что людей
И честолюбія избѣгъ отъ жала!
Дыша невинностью, пью воздухъ, влагу росъ,
Зрю на багрянецъ зарь, на солнце восходяще;
Ищу красивыхъ мѣстъ между лилей и розъ,
Средь сада храмъ жезломъ чертяще.
Иль, накормя моихъ пшеницей голубей,
Смотрю надъ чашей водъ, какъ вьютъ подъ небомъ круги;
На разноперыхъ птицъ, поющихъ средь сѣтей.
На бронзовыхъ, какъ снѣгомъ, луги;

Пастушьяго вблизи внимаю рога зовъ,
Вдали тетеревей глухое токованье,
Барашковъ въ воздухѣ, въ кустахъ свистъ соловьевъ.
Ревъ кравъ, громъ желнъ и коней ржанье.
На кровлѣ жъ зазвенитъ какъ ласточка,— и паръ
Повѣетъ съ дома мнѣ манжурской иль левантской.
Иду за круглый столъ; и тутъ-то растобаръ
О снахъ, молвѣ градской, крестьянской,
О славныхъ подвигахъ великихъ тѣхъ мужей.
Чьи въ рамахъ по стѣнамъ златыхъ блистаютъ лицы.
Для вспоминанья ихъ дѣяній, славныхъ дней,
И для прикрасъ моей свѣтлицы,—
Въ которой поутру, иль въ вечеру, порой
Дивлюся въ Вѣстникѣ, въ газетахъ иль журналахъ.
Россіянъ храбрости, какъ всякъ изъ нихъ герой,
Гдѣ есть Суворовъ въ генералахъ;
Въ которой къ госпожѣ, для похвалы гостей,
Приносятъ разныя полотна, сукна, ткани,
Узорны образцы салфетокъ, скатертей,
Ковровъ и кружевъ и вязани;
Гдѣ съ скотенъ, пчельниковъ и съ птичниковъ, прудовъ,
То въ маслѣ, то въ сотахъ зрю злато подъ вѣтвями,
То пурпуръ въ ягодахъ, то бархатъ — пухъ грибовъ,
Сребро, трепещуще лещами;
Въ которой, обозрѣвъ больныхъ въ больницѣ, врачъ
Приходитъ доносить о ихъ вредѣ, здоровьѣ,
Прося на пищу имъ; тѣмъ съ поливкой калачъ,
А тѣмъ лѣкарствица въ подспорье;
Гдѣ также иногда по палкамъ, по костямъ,
Усастый староста, иль скопидомъ брюхатый
Даютъ отчетъ казнѣ и хлѣбу и вещамъ,
Съ улыбкой часто плутоватой;—
И гдѣ, случается, художники млады
Работы кажутъ ихъ на древѣ, на холстинѣ,
И получаютъ въ даръ подачи за труды,
А въ часъ и денегъ по полтинѣ;
И гдѣ до ужина, чтобы прогнать какъ сонъ,
Въ задорѣ иногда въ игры зѣло горячи
Играемъ въ карты мы, въ ерошки, въ фараонъ,
По грошу въ долгъ и безъ отдачи.—
Откуда прихожу въ святилище я музъ.
И съ Флаккомъ, Пиндаромъ, боговъ бесѣдни въ пирѣ,
Къ царямъ, къ друзьямъ моимъ иль къ небу возношусь,
Иль славлю сельску жизнь на лирѣ;
Иль въ зеркало временъ, качая головой,
На страсти, на дѣла зрю древнихъ, новыхъ вѣковъ,
Не видя ничего, кромѣ любви одной
Къ себѣ,—и драки человѣковъ...
Дворовыхъ, между тѣмъ, крестьянскихъ рой дѣтей
Сбираются ко мнѣ, не для какой науки,
А взять по нѣскольку баранокъ, кренделей,
Чтобы во мнѣ не зрѣли буки.
Письмоводитель мой тутъ долженъ на моихъ
Бумагахъ мараныхъ, пастухъ какъ на овечкахъ.
Репейникъ вычищать. Хоть мыслей нѣтъ большихъ.
Блестятъ и жучки въ епанечкахъ.
Бьетъ полдня часъ, рабы служить къ столу бѣгутъ;
Идетъ за трапезу гостей хозяйка съ хоромъ.
Я озрѣваю столъ,—и вижу разныхъ блюдъ
Цвѣтникъ, поставленный узоромъ:
Багряна ветчина, зелены щи съ желткомъ,
Румяно-желтъ пирогъ, сыръ бѣлый, раки красны,
Что смоль, янтарь-икра, и съ голубымъ перомъ
Тамъ щука пестрая - прекрасны!
Прекрасны потому, что взоръ манятъ мой, вкусъ,
Но не обиліемъ иль чуждыхъ странъ приправой.
А что опрятно все и представляетъ Русь:
Припасъ домашній, свѣжій, здравой.
Когда же мы донскихъ и крымскихъ кубки винъ,
И липца, воронка и черноцѣнна пива
Запустимъ нѣсколько въ румяный лобъ хмелинъ,—
Бесѣда за сластьми шутлива.
Но молча вдругъ встаемъ:—бьетъ, искрами горя,
Древъ русскихъ сладкій сокъ до подвѣнечныхъ бревенъ:
За здравье съ громомъ пьемъ любезнаго царя,
Царицъ, царевичей, царевенъ.
Тутъ кофе два глотка; схрапну минутъ пятокъ;
Тамъ въ шахматы, въ шары иль изъ лука стрѣлами,
Пернатый къ потолку лаптой мечу летокъ
И тѣшусь разными играми.
Иль изъ кристальныхъ водъ, купаленъ, между древъ,

Отъ солнца, отъ людей подъ скромнымъ осѣненьемъ,
Тамъ внемлю юношей, а здѣсь плесканье дѣвъ,
  Съ душевнымъ нѣкимъ восхищеньемъ.
Иль въ стекла оптики картинныя мѣста
Смотрю моихъ усадьбъ; на свиткахъ грады, царства.
Моря, лѣса,—лежитъ вся міра красота
  Въ глазахъ, искусствъ черезъ коварства.
Иль въ мрачномъ фонарѣ любуюсь, звѣзды зря
Бѣгущи въ тишинѣ по синю волнъ стремленью:
Такъ солнцы въ воздухѣ, я мню, текутъ, горя,
  Премудрости ко прославленью.
Иль смотримъ, какъ вода съ плотины съ ревомъ льетъ
И, движа машину, древа на доски дѣлитъ;
Какъ сквозь чугунныхъ паръ столповъ на воздухъ бьетъ,
  Клокоча, огнь толчетъ и мелетъ.
Иль любопытны, какъ бумажны руны волнъ
Въ лотки сквозь иглъ, колесъ, подобно снѣгу льются
Въ пушистыхъ локонахъ, и тьмы вдругъ веретенъ
  Маріиной рукой прядутся.
Иль какъ на ленъ, на шелкъ цвѣтъ, пестрота и лоскъ,
Всѣ прелести, красы, берутся съ поль царицы;
Сталь жесткая, глядимъ, какъ мягкій, алый воскъ,
  Куется въ бердыши милицы,
И сельски ратники какъ, царства ставъ щитомъ,
Бѣгутъ съ стремленьемъ въ строй во рыцарскомъ убранствѣ,
„За вѣру, за царя, мы», говорятъ, «помремъ»,
  Чѣмъ у французовъ быть въ подданствѣ!
Иль въ лодкѣ вдоль рѣки, по брегу пѣшъ, верхомъ,
Качусь на дрожкахъ я сосѣдей съ вереницей;
То рыбу удами, то дичь громимъ свинцомъ,
  То зайцевъ ловимъ псовъ станицей.
Иль стоя внемлемъ шумъ зеленыхъ, черныхъ волнъ,
Какъ дернъ бугритъ соха, злакъ травъ падетъ косами,
Серпами злато нивъ,—и ароматовъ полнъ
  Порхаетъ вѣтръ межъ нимфъ рядами.
Иль смотримъ, какъ бѣжитъ подъ черной тучей тѣнь
По копнамъ, по снопамъ, коврамъ желтозеленымъ,
И сходитъ солнышко на нижнюю ступень
  Къ холмамъ и рощамъ снистемнымъ.
Иль, утомясь, идемъ скирдовъ, дубовъ подъ сѣнь;
На брегѣ Волхова разводимъ огнь дымистый;
Глядимъ, какъ на воду ложится красный день
  И пьемъ подъ небомъ чай душистый.
Забавно, въ тьмѣ челновъ съ сѣтьми какъ рыбаки,
Лѣнивымъ строемъ плывъ, страшатъ тварь влаги стукомъ;
Какъ паруса суда, и лямкой бурлаки
  Влекутъ однимъ подъ пѣсню духомъ.
Прекрасно, тихіе, отлогіе брега
И рѣдки холмики, селеній мелкихъ полны
Какъ, полосаты ихъ клоня поля, луга,
  Стоятъ надъ токомъ струй безмолвны.
Пріятно, какъ вдали сверкаетъ лучъ съ косы,
И эхо за лѣсомъ подъ мглой гамитъ народа,
Жнецовъ поющихъ, жницъ полкъ идетъ съ полосы,
  Когда мы ѣдемъ изъ похода.
Стеклъ заревомъ горитъ мой храмовидный домъ,
На гору желтый всходъ межъ розъ осіявая.
Гдѣ встрѣчу водометъ шумитъ лучей дождемъ,
  Звучитъ музыка духовая.
Иль жерлъ чугунныхъ громъ по праздникамъ реветъ;
Подъ звѣздной молніей, подъ свѣтлыми древами
Толпа крестьянъ, ихъ женъ вино и пиво пьетъ,
  Поетъ и пляшетъ подъ гудками.
Но скучитъ какъ сія забава сельска намъ,
В н у т р ь д о м а т ѣ ш и м с я столицъ увеселеньемъ,
Велимъ талантами родныхъ своихъ дѣтямъ
  Блистать, музыкой, пляской, пѣньемъ.
Амурчиковъ, харитъ плетень, иль хороводъ,
Занявъ у Таліи игру и Терпсихоры,
Цвѣточные вѣнки настухъ пастушкѣ вьетъ;
  А мы на нихъ и пялимъ взоры.
Тамъ съ арфы звучныя порывный въ души громъ,
Здѣсь тихогрома съ струнъ смягченны, плавны тоны
Бѣгутъ,—и въ естествѣ согласія во всемъ
  Даютъ намъ чувствовать законы.
Но нѣтъ какъ праздника, и въ б у д н и я одинъ,—
На возвышеніи сидя столповъ перильныхъ,
При гусляхъ подъ вечеръ, челомъ моихъ сѣдинъ
  Склонясь, ношусь въ мечтахъ умильныхъ:
Чего въ мой дремлющій тогда не входитъ умъ?
Мимолетящи суть всѣ времени мечтанья:

Проходятъ годы, дни, ревъ морь и бурей шумъ.

И всѣхъ зефировъ повѣванья.

Здѣсь бога жилъ пѣвецъ, Фелицы.

(Сочиненія Державина. 2-е академич. изданіе, томъ II.)

91. Опытъ домостроительства, г. Шретера.

(соч. премированное В. Э. О.).

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Економическія статьи о общихъ должностяхъ всѣхъ господскихъ домашнихъ служителей.

Статья 6.

О общихъ должностяхъ метръ-дотеля, главнаго повара или кихенъ-мейстера.

Во многихъ посредственныхъ господскихъ домахъ, заступаетъ главный поваръ или метръ-дотель вмѣсто дѣйствительнаго управителя. А въ знатныхъ домахъ должность его смотрѣть и имѣть попеченіе о кухнѣ, и о всемъ, что къ кухнѣ принадлежитъ. Онъ собственно есть хорошій поваръ и за вѣрную и безпорочную службу и искусство опредѣляется въ награжденіе съ прибавленіемъ жалованья къ сей должности, или чрезъ хорошій слухъ о искусствѣ его и економіи принимается въ большія домостроительства главнымъ поваромъ или кихенъ-мейстеромъ.

Онъ долженъ съ управителемъ переговариваться о распоряженіи кухни, кушанья и всего того, что къ оному принадлежитъ, и слѣдовать онаго совѣту. Сіи распоряженія въ дѣйство производить и смотрѣть, чтобы повара наблюдали чистоту и порядокъ.

Съѣстные припасы принимать и пересматривать, поварамъ распредѣлять и стараться, чтобъ все хорошо такъ, какъ съ управителемъ переговорено и положено, сдѣлано было, дабы господá по вкусу своему все хорошо, чисто и порядочно получили.

Когда придетъ время, чтобъ пріуготовлять кушанье, всѣ приготовленныя кастрюльки отпирать и отвѣдывать самому, чисто и искусно ли кушанье приготовлено, а естьли чего не достанетъ, то по вкусу господъ поправить.

Серебряный или фарфоровый столовый сервисъ по числу блюдъ во всякой чистотѣ принимать. На накрытый скатертью столъ порядочно разставлять и въ колоколъ звонить приказать, чтобъ кушанье снесено было.

Есть ли первая перемѣна кушанья готова, то оное въ закрытыхъ блюдахъ лакеи въ такомъ порядкѣ, какъ поваръ отдалъ, за нимъ до зала нести должны, онъ же разставя порядочно, имѣетъ о томъ увѣдомить господъ.

Когда господа пойдутъ въ столовую, то лакеи должны крышки снять и на опредѣленной къ тому столъ положить, которыя потомъ другому, у кого серебро на рукахъ, снять, обтереть и стеречь надлежитъ.

Какъ скоро господа сядутъ за столъ, то метръ-дотель долженъ взять то кушанье со стола, которое разрѣзать надобно и поставить на особливый чистою скатертью покрытый столъ (на коемъ поставленъ канфоръ со спиртомъ и восковая свѣча, и положены ножики, вилки, изъ липоваго дерева сдѣланныя тарелки, и салфетки), потомъ зажечь спиртъ, разрѣзывать, порядочно разложить по обыкновенному и къ тому потребному искусству и разогрѣть, ибо чемъ искуснѣе разрѣзано и разложено, тѣмъ кушанье для господъ пріятнѣе, когда оно такимъ образомъ на столъ подано будетъ. Знать также надобно, что сію должность, когда нѣтъ метръ-дотеля, можетъ такъ же отправлять управитель или другой кто, который въ такомъ дѣлѣ искусенъ.

Пока первая подача еще на столѣ, то надлежитъ въ передней горницѣ поставить столъ, на которой бы вторую подачу поставить можно было.

А какъ только господа послѣднее кушанье первой подачи кушать начали, то метръ-дотель съ нѣкоторыми лакеями имѣетъ итти въ кухню, гдѣ онъ долженъ блюда порядочно разставить, приказать приготовить и крышками накрыть, потомъ кушанье въ томъ же порядкѣ, какъ и прежде въ переднюю снести, порядочно разставить и крышки снять надлежитъ.

Снявъ блюда первой подачи отдать, чтобъ снести въ переднюю горницу и на столъ поставить, потомъ каждый долженъ взять по блюду и оныя другъ другу не подталкивая, но въ показанномъ имъ порядкѣ вручить метръ-дотелю, который имѣетъ ихъ поставить порядочно и съ осторожностію на столъ, чтобъ господъ не толкнуть или не облить.

Между тѣмъ снятое кушанье съ крышками, которое въ сохраненіи у сребрениста, закупщика, или камеръ-лакея, по малу должно на доскахъ нести въ кухню, или въ опредѣленную къ тому горницу, дабы все было въ порядкѣ, крышкамъ только остаться надлежитъ у сребрениста. Въ прочемъ должность метръ-дотеля та же, какъ и при первой перемѣнѣ.

*

Когда господа изъ-за стола встали, и въ покои свои ушли, то доски надобно внести въ столовую, и на ихъ поставить блюда, и тотчасъ въ съѣстный магазинъ отослать.

Прим.: служителямъ, какого бы они званія ни были, дозволять онъ не долженъ, чтобъ они что-нибудь со стола или тарелокъ себѣ брали, понеже оное непристойно, да и ворамъ прилично. Лучше пусть такой попроситъ управителя, то оной можетъ ему дать по своему произволенію.

Когда все уже снесено въ магазинъ и поваръ блюда другъ на дружку на столъ поставилъ: то главному повару надлежитъ тотчасъ туда притти, и отдѣлить то кушанье, которое съ нѣкоторою перемѣною еще на столъ подано быть можетъ. Оное кушанье положить надобно въ пріуготовленные къ тому скудельные съ глазурью сосуды, а не въ кострюльки (хотя главному повару и препоручено имѣть попеченіе, чтобъ оныя чаще лужены были). Потомъ долженъ онъ показать повару, что съ симъ кушаньемъ дѣлать и какъ приправить. И въ то же время учредить новой кухапной билетъ.

А прочее кушанье поваръ чисто приправивъ согрѣть, опредѣленные же къ тому лакеи подать на камерной столъ должны, какъ то подъ артикуломъ камернаго стола въ 5 статьѣ въ 10 параграфѣ видно.

Между тѣмъ серебряный или фарфоровый столовый сервисъ судомойки, имѣя съ собою теплую воду, должны вымыть и отереть, а главный поваръ и ему подчиненный сдать среброчисту, который по должности своей далѣе имѣетъ дѣлать исполненіе.

Потомъ надлежитъ обоимъ, когда главный поваръ магазинъ замкнулъ, итти къ камерному столу, а между тѣмъ тотъ повара поощрять, сказывая ему, какое кушанье господамъ понравилось, или что господа о кушаньѣ говорили, отъ части дабы онъ по тяжелой своей работѣ поощренъ и обрадованъ былъ, а отъ части дабы зналъ, что ему въ другое время исправить и перемѣнить должно. Ибо ничто трудолюбиваго служителя такъ не увеселяетъ, какъ когда онъ слышитъ, что господа вѣрностію и попеченіемъ его довольны.

Статья 13.

О должности камердинера.

Въ камердинеры обыкновенно такіе люди принимаются, которые либо портному учились, либо парикмахерству знаютъ, либо брить умѣютъ. Притомъ должны они быть люди рослые, посредственныхъ лѣтъ, веселые, проворные и добропорядочные; ибо того, какъ уже извѣстно, ихъ ремесло требуетъ, въ прочемъ они до домостроительства не касаются потому, что большая ихъ часть не такого воспитанія, какое для економіи потребно.

У камердинера подъ сохраненіемъ и смотрѣніемъ гардеробъ, о которомъ онъ роспись въ переплетѣ держать имѣетъ, да при томъ долженъ онъ все записывать подъ нумерами съ показаніемъ, отъ кого матерію получилъ, когда, и кѣмъ платье сдѣлано, и прилѣпить кусочекъ той матеріи, изъ которой платье сшито, въ то мѣсто, гдѣ оно записано. Для шелковаго и бархатнаго платья ему особливыя книги имѣть надлежитъ, сверхъ сего и штатская ливрея у него подъ смотрѣніемъ находится.

Драгоцѣнныя и галантерейныя вещи, какъ то: золотыя часы, табакерки, перстни и проч. такъ же часто у камердинера на рукахъ бываютъ, и потому надобно ему симъ вещамъ сдѣлать роспись въ особливой книгѣ. Во всемъ, что изъ такихъ вещей господа раздариваютъ, они должны по поднесеніи камердинеромъ книги, сами росписаться, дабы въ случаѣ смерти сродники, кои всегда больше хотятъ, не потребовали отъ него въ сихъ вещахъ отчета, и на конецъ не причинили бы ему вмѣсто награжденія за долговременную и вѣрную его службу досады.

Должность камердинера есть сохранять рачительно и вѣрно врученной ему гардеробъ, драгоцѣнныя вещи и проч. и содержать оныя всегда въ порядкѣ, наблюдать честность и молчаливость, поступать со всякимъ дружелюбно, и жить миролюбиво съ домашними, вставать прежде господъ и быть въ передспальной, пока еще господа почиваютъ, приуготовлять въ той горницѣ, гдѣ они одѣваются, бѣлье, башмаки, чулки, умывальникъ и проч. смотрѣть, чтобъ въ томъ покоѣ чисто было, и когда господа встанутъ, ихъ одѣвать, а по окончаніи сего, и когда господа въ свои покои уйдутъ, прибрать все къ мѣсту. Скинутое же бѣлье долженъ онъ записать въ особливую книжку, и отдать сдѣлать оному роспись, кастелянишѣ.

Какъ скоро онъ сіе дѣло отправилъ, то замкнувъ убиральную надлежитъ ему итти и быть въ прихожей, но большей части однако въ передспальней и служить господамъ; притомъ докладывать о приходящихъ къ такимъ господамъ людяхъ. Есть ли господа за столъ сядутъ, то ему надлежитъ стоять за стуломъ, снимать кушанье для второй перемѣны и отдавать для относки лакеямъ.

Когда господа изъ-за стола вставать захотятъ, то должность его курить въ гостиной, отворивъ курительныя лампадки, а въ перед-

ней на жаровнѣ тѣмъ, что господамъ нравится, до самой столовой, чтобъ прогнать духъ отъ кушанья, и перемѣнить воздухъ.

Карты, столы, марки и бильяръ у него въ смотрѣніи, такъ что естьли спросятъ, онъ бы тотчасъ подать, свѣчи засвѣтить и стулья дневальнымъ лакеямъ поставить — приказать могъ. Смотрѣть же ему притомъ, чтобъ все дѣлалось безъ шуму и тихо, въ надлежащемъ порядкѣ и скорости. И потому надлежитъ ему заблаговременно все приготовить...

По окончаніи игры, камердинеръ прибираетъ все къ мѣсту безъ всякаго шума и безпорядка.

За свѣчами въ спальнѣ и гостиной такъ же ему смотрѣніе имѣть надобно, дабы не произошелъ отъ того какой-нибудь вредъ, и опредѣленныхъ служителей понуждать, чтобъ они свѣчки сощитали, а когда больше уже не потребны, гасили.

Должность его заготовить ночное платье прежде, нежели господа спать ложиться будутъ, господъ раздѣть, ночникъ поставить, и приказать дневальному лакею лечь передъ спальною.

Бѣлье для господъ, какъ-то: чулки, платки и проч. получаетъ онъ ежедневно отъ кастелянши, которой онъ въ употребленіи уже бывшее бѣлье въ томъ числѣ, какъ принялъ, отдаетъ, дабы оное содержалось въ порядкѣ, и у него не скоплялось.

Когда господа бываютъ въ ѣздѣ, и не имѣютъ спальной при себѣ дѣвки, то камердинеръ долженъ послать постелю, и нужныя къ ночи припасы приготовить.

Часто посылаютъ его господа для отданія поклоновъ и для другихъ надобностей; а къ сему потребенъ человѣкъ искусный и знающій.

Въ большихъ господскихъ домахъ три камердинера бываютъ: первый портной; сей имѣетъ на рукахъ гардеробъ и бѣлье, ведетъ сему роспись, одѣваетъ господъ, и отправляетъ въ прочемъ все вышеупомянутое. Вторый бритовщикъ, господина брѣетъ, когда прикажутъ. Кромѣ сего около домашнихъ служителей отправляетъ лѣкарскую должность и прислуживаетъ.

Третій парикмахеръ, чешетъ всякой день господину волосы, и прислуживаетъ.

Статья 25.

О должности Арапа.

Арапы сіи по произволенію господъ, либо Африканскую, либо Американскую, смотря по цвѣту ливреи, одежду имѣютъ.

Должность служителя сего есть, прислуживать въ гостиной, помогать камердинеру въ одѣваніи господъ, подавать напитки, принимать порожнія чашки и сему подобное, относить ихъ къ мѣсту, ставить столы для игры и прислуживать за столомъ. Когда господа штатомъ выѣзжаютъ, то онъ передъ каретою за кучеромъ имѣетъ свое мѣсто, а во время церемоніи, идетъ онъ за скороходомъ, или слѣдуетъ въ свитѣ такъ, какъ придворныя правила приказываютъ. Въ прочемъ имѣетъ онъ поступать по общимъ домашнимъ правиламъ.

Статья 50.

О общихъ правилахъ домостроительства и добронравія.

§ 20. Къ главному старанію управителя принадлежитъ хорошее распоряженіе, чтобъ по крайней мѣрѣ въ трехъ горницахъ одинъ лакей, которому горницы съ находящимися въ оныхъ мебелями по росписи препоручаются, дневалъ. Ибо нѣтъ ничего неосторожнѣйшаго, какъ есть ли въ горницахъ дневальныхъ нѣтъ, безъ которыхъ всякой безвѣдома войти можетъ.

§ 27. Я почитаю оное за наказаніе, когда господамъ крѣпостные люди прислуживаютъ. Ибо сіи честолюбіемъ побуждаемы не бываютъ. Сіи бѣдные рабы безпрестаннымъ служатъ мученіемъ для порядочнаго управителя, или онъ вмѣсто того ежедневно наказывать и часто повелѣнія свои повторять долженъ, есть ли все захочетъ содержать въ надлежащемъ порядкѣ. Какое препятствіе въ произведеніи хорошихъ намѣреній!

§ 33. Никто такъ же осмѣливаться не долженъ садиться, или ложиться на канапеи, софы, табуреты и прочіе господскіе стулья, либо опираться объ столы; ибо сіи вещи сохраняемы, а не испорчены быть должны. Того ради дневальные имѣютъ особливые стулья, чтобъ когда господа изъ покоевъ выйдутъ, они сѣсть могли, кромѣ же сего лакеямъ при господахъ и чужихъ людяхъ сидѣть не надлежитъ; а за симъ смотрѣть имѣетъ дневальной камеръ-лакей и проч.: потому, что мебели сіи тогда больше времени прослужить могутъ. Сколь счастливы были наши предки тѣмъ, что они вещи свои многіе годы сохранять умѣли, а потому и дѣти ихъ больше въ наслѣдство получали. Они сіяніе такихъ вещей не любили, кои скоро пропадаютъ, и дѣлаются зрѣнію непріятными. Они не любили воображаемую красоту въ перемѣнѣ, но то, что крѣпко и прочно. Что въ томъ пользы, что мы новыя вещи красивыми называемъ, когда они не прочны и не на долгое время красоту свою сохраняютъ.

§ 38. Благопристойности противно, есть ли лакеи во время стола, вынося нечистыя тарѣлки, остаются и разговариваютъ между собою, а тѣмъ самимъ дѣлается, что при столѣ нѣкому прислуживать; во-вторыхъ, непристойно такъ же лизаніе тарелокъ, чрезъ что показываютъ, что они голодны, и что кромѣ сего имъ ѣсть нѣчего, или не могутъ въ покояхъ своихъ до сыта наѣсться. Позволить имъ однако можно, чтобъ тотъ, который тарелки выноситъ, имѣлъ порожнія блюда въ готовности, на которыя бы складывалъ кушанье и пряталъ, а по окончаніи и собраніи стола, могутъ они оное все вмѣстѣ или раздѣливъ между собою миролюбиво, ѣсть... Ибо лучше даръ божій давать людямъ, нежели кидать собакамъ.

§ 44. Честь и знатность дома требуетъ, чтобъ всѣ служители, не выключая никого, были чисто одѣты, обуты, убраны и напудрены; ибо оное благопристойность велитъ, потому, что, какъ пословица говорится: птицу узнаютъ по перьямъ.

§ 45. Каждый лакей долженъ за чистотою ливреи своей смотрѣть, и какъ скоро гдѣ разпорется или пуговица отпадетъ, тотчасъ пришивать и чинить: есть ли нечаянно пятна на платьѣ своемъ усмотритъ, то ему надлежитъ ихъ тотчасъ вычищать. Словомъ: все, что къ ливреи принадлежитъ, въ честь дома, а себѣ въ похвалу и удовольствіе содержать во всякой исправности; неопрятныхъ же лакеевъ терпѣть не надобно.

Примѣчаніе.

Я весьма тому удивляюсь, что здѣсь Россійскихъ женщинъ, а особливо въ малыхъ и въ посредственныхъ домахъ не учатъ домостроительству и приготовленію иностраннаго кушанья. Для чего однимъ мальчикамъ даютъ въ томъ преимущество? Развѣ дѣвка у исправной поварихи не столь же хорошо научиться можетъ? малую економію кухарка лучше вести можетъ, нежели поваръ; притомъ такая кухарка всегда, есть ли обстоятельства того потребуютъ, мальчика сему искусству научитъ, которой бы господину своему въ состояніи былъ служить въ походѣ.

Пусть будетъ человѣкъ искуснѣйшій во всемъ,
Но въ дѣлѣ совершенствъ достигнетъ ли своемъ?

(Тр. В. Э. О. ч. 22 с. 165—240.)

92. Богатства Волынскаго [1]).

Волынскій и нѣкоторые изъ товарищей его бѣдствія, какъ можно заключить по свѣдѣніямъ о конфискованныхъ имѣніяхъ, были люди достаточные...

У самого Волынскаго было болѣе 1800 душъ крестьянъ. Въ Казанскомъ уѣздѣ держалъ онъ большой винокуренный заводъ, откуда ставилъ вино въ Москву, Казань, Симбирскъ, Чебоксары, и намѣревался поставлять даже въ Азовъ; на четырехъ Конскихъ заводахъ въ губерніяхъ и, сверхъ того, въ Петербургѣ, Москвѣ и въ Подмосковномъ селѣ Вороновѣ, находилися лошади Нѣмецкой, Неаполитанской, Черкасской, Грузинской, Турецкой и Калмыцкой породы. Онъ имѣлъ нѣсколько дворовъ въ Петербургѣ и одинъ въ Москвѣ. Большой дворъ съ деревяннымъ домомъ на Мойкѣ достался Президенту Коммерцъ-Коллегіи, Барону фонъ Менгдену, а по сосѣдству онаго каменный домъ назначенъ для служителей Принца Брауншвейскаго; дворъ съ каменными палатами на Адмиралтейскомъ острову, ниже Исакіевской церкви, по Невѣ— Камергеру Стрѣшневу; дворъ на Фонтанкѣ, у Обухова моста, отданъ для содержанія псовой охоты, и донынѣ именуется Волынскимъ.

Волынскій жилъ въ большомъ деревянномъ домѣ надъ Мойкою, въ которомъ было 18 комнатъ: изъ нихъ лучшія были обиты красными атласомъ съ травами и шелковыми Персидскими канаватами, прочія цвѣтною камкой, ткаными шпалерами и проч. 16 зеркалъ въ золотыхъ рамахъ и 7 въ орѣховыхъ, 1 канапе, 24 стола и столько же стульевъ съ триковыми подушками, 32 стула съ кожаными, 17 безъ подушекъ, 7 креселъ, двои камчатныя ширмы 5 англійскихъ кабинетовъ за стеклами и 4 безъ стеколъ, и 48 писанныхъ на полотнѣ картинъ, составляли главную его мебель. Въ числѣ картинъ были портреты: Петра Великаго, Императрицы Анны Іоанновны и Герцога Бирона. Образовъ, писанныхъ на деревѣ и на полотнѣ, съ окладами и безъ окладовъ, считалось 26; сверхъ того 2 кіота и 3 серебряные креста съ мощами. Въ описи конфискованнаго имущества 13 страницъ заняты исчисленіемъ однихъ дорогихъ каменьевъ, а золотыя и серебряныя вещи занимаютъ 19 страницъ. Въ описаніи платья показано: 25 кафтановъ (парчевыхъ, бархатныхъ, гро-

[1]) Артемій Петровичъ Волынскій, губернаторъ Петра Великаго, министръ Анны Ивановны, по обвиненію въ политическихъ преступленіяхъ казненъ въ 1740 году.

детуровыхъ, глазетовыхъ, суконныхъ), и 27 камзоловъ, особое Азіатское платье и халатъ шаховъ; также заслуживаютъ вниманія оружіе, конскіе уборы и мягкая рухлядь. Библіотека его была незначительна и состояла изъ русскихъ книгъ; но письмо къ нему Астронома Делиля изъ Березова показываетъ, что онъ любилъ науки и былъ покровителемъ ученыхъ.

Въ Петербургѣ находилось при немъ 60 дворовыхъ людей, не только русскаго происхожденія, но и польскаго, шведскаго, малороссійскаго, турецкаго, персидскаго, калмыцкаго, бухарскаго и индѣйскаго. Ливрея Волынскаго состояла въ кафтанахъ бѣлаго, а потомъ песочнаго цвѣта, въ красныхъ камзолахъ и такого же цвѣта штанахъ съ серебряными позументами...

(Чт. въ О. И. и Д. Р. 1858 г. кн. 2, отд. V. с. 169—170.)

---

93. Въ Батуринѣ у графа Разумовскаго [1].

Въ 90-хъ годахъ (гр. К. Г. Разумовскій) окончательно покинулъ Москву и переселился въ Батуринъ. Здѣсь предался онъ съ увлеченіемъ своей страсти къ постройкамъ. Онъ выстроилъ въ селѣ своемъ Яготинѣ совершенно круглую церковь, обведенную Іоническою колонадою съ каменнымъ иконостасомъ, обложеннымъ мраморомъ, и домъ по планамъ архитектора Менеласа. Домъ этотъ состоялъ изъ главнаго корпуса и 6 павильоновъ, изъ которыхъ каждый могъ равняться большому дому. Съ каждой стороны дома были большія каменныя службы. Въ Бакланѣ выстроилъ онъ домъ въ подражаніе сельскихъ домовъ въ окрестностяхъ Рима, въ Почепѣ великолѣпный каменный домъ и церковь. Домъ этотъ, построенный по планамъ де-ла-Мота, былъ огромный съ залами для баловъ и концертовъ и библіотекой въ 5000 томовъ. Вокругъ его, по красивымъ берегамъ Судости, фельдмаршалъ развелъ садъ въ голландскомъ вкусѣ. Наконецъ, въ послѣдніе дни жизни своей, онъ еще занятъ былъ постройкою каменнаго дома и церкви въ Батуринѣ. Занимаясь украшеніемъ имѣній своихъ, Разумовскій не забывалъ и усовершенствованій хозяйства. Въ 1797 выписалъ онъ шпанскихъ овецъ съ заводовъ князя Лихтенштейна и такимъ образомъ можетъ считаться однимъ изъ первыхъ основателей овцеводства въ Россіи; разводилъ шелковицу и вводилъ шелководство въ Яготинѣ, выписывалъ машины, заводилъ мельницы, суконныя фабрики въ Батуринѣ и проч. Есть преданіе, что Разумовскій первый развелъ въ Малороссіи пирамидальные тополи. Въ то же самое время онъ былъ примѣрнымъ помѣщикомъ. «Крестьяне благословляютъ память покойнаго фельдмаршала Разумовскаго», говоритъ фонъ-Гунъ. «Сколько я ни ѣздилъ по здѣшней сторонѣ, вездѣ находилъ, что и старые, и малые, и дворяне, и простолюдины, безъ изъятія, всѣ единогласно прославляютъ память графа Кирила Григорьевича, бывъ исполнены искреннѣйшаго къ покойному почитанія и благодарности. Времена, въ кои онъ жилъ посреди ихъ, называютъ златыми»...

...Почти ежегодно фельдмаршалъ объѣзжалъ свои владѣнія, но настоящею его резиденціею былъ Батуринъ. Онъ жилъ въ сломанномъ теперь деревянномъ домѣ, подаренномъ ему Екатериною. Передъ домомъ былъ валъ, на которомъ стояли пушки. Здѣсь Разумовскій жилъ, какъ и всегда, истымъ вельможею. Штатъ служителей его былъ огромный. При немъ находились: 1 дворецкій, 1 камердинеръ, 1 подлѣкарь, 2 карлика, 4 парикмахера, 2 ихъ ученика, 2 кондитера, 1 ихъ помощникъ, 3 ихъ ученика, 1 кофишенкъ, 1 его помощникъ, 1 мундшенкъ, 1 его помощникъ, 1 ученикъ, 1 келлермейстеръ, 3 квасника, 2 ихъ ученика, 1 тафельдекарь, 2 его помощника, 3 женщины для чистки серебра, 1 домоправитель, 2 писаря, 3 мальчика, 2 солдата, 1 писарь при графинѣ Софьѣ Осиповнѣ Апраксиной, 2 геодезиста, 4 ученика, 1 камеръ-лакей, 10 лакеевъ, 4 ѣздовыхъ лакея, 1 казакъ, 1 маркеръ, 2 скорохода, 2 егеря, 13 охотниковъ, 10 истопниковъ, 3 кухмистра, 1 помощникъ, 1 пирожникъ, 1 хлѣбникъ, 1 ученикъ, 11 кухонныхъ учениковъ, 1 хлѣбница, 1 капельмейстеръ, 14 музыкантовъ, 18 пѣвчихъ, 1 конюшій, 1 берейторъ, 1 ясельничій, 2 кучера, 2 форрейтора, 4 ямщика, 40 конюховъ, 7 учениковъ въ лазаретѣ, 2 надзирателя, 2 женщины, 1 кастелянша, 17 прачекъ, 7 бѣлошвеекъ, 2 коровницы, 2 ученицы ихъ, 1 сѣдельникъ, 2 шорника, 3 слесаря, 4 кузнеца, 1 мѣдникъ, 1 каретникъ, 1 переплетчикъ, 2 ихъ ученика, 2 портныхъ, 3 столяра, 2 ихъ ученика, 1 серебряникъ, 3 живописца, 1 квартирмейстеръ, 1 корзинщикъ, 1 обойщикъ, 1 рѣзчикъ, 18 сторожей, 15 разныхъ лицъ, находившихся при нѣкоторыхъ служителяхъ графа, — всего 261 человѣкъ. Всѣ они получали жалованье отъ графа, которое еже-

---

[1] Графъ Кирилъ Григорьевичъ Разумовскій, братъ фаворита имп. Елизаветы, президентъ академіи наукъ, гетманъ Малороссіи, позднѣе фельдмаршалъ.

мѣсячно простиралось до 2 тысячъ тогдашнихъ ассигнаціонныхъ рублей. Ежедневно для стола графа и его прислуги выходило: 1 цѣлый быкъ, 10 барановъ, 100 куръ и проч. Графиня Софья Осиповна, завѣдывавшая въ послѣдніе годы графа Кирила Григорьевича всѣмъ его хозяйствомъ, неоднократно требовала уменьшенія числа служителей. Наконецъ она рѣшилась подать ему два реестра о необходимыхъ и о лишнихъ служителяхъ. Графъ подписалъ первый, а послѣдній отложилъ въ сторону. «Я согласенъ съ тобою», сказалъ онъ племянницѣ, «что люди эти ненужны мнѣ; но спроси ихъ прежде, не имѣютъ ли они во мнѣ надобности, и если они откажутся отъ меня, то и я тогда смѣло откажусь отъ нихъ».

(П. Бартеневъ. Осмнадцатый вѣкъ. Томъ II. Стр. 622 и сл.)

---

94. Имѣніе гр. Шереметева — Кусково при Екатеринѣ II.

Кусково, по преданію, получило свое названіе отъ куска, которымъ графъ Петръ Борисовичъ обыкновенно называлъ свою родовую собственность, небольшой участокъ земли, гдѣ были домъ, главный прудъ, садъ и село.

Вся земля кругомъ принадлежала князю А. М. Черкасскому и въ сравненіи съ его огромнымъ имѣніемъ, которое составляли почти всѣ ближнія села и деревни, окружавшія Кусково, дѣйствительно оно было кусочкомъ. Когда графъ Петръ Борисовичъ женился на единственной дочери князя Черкасскаго, то всѣ его помѣстья: Перово, Тетерки, Вишняки, Выхонь, Жулебино и Останкино, перешли въ родъ графовъ Шереметевыхъ. Княжна Черкасская, помимо этого, принесла мужу въ приданое болѣе 80.000 душъ крестьянъ.

Молодая графиня провела дѣтство въ Вишнякахъ и очень любила ихъ; она не хотѣла забыть родину, и молодой графъ исполнилъ желаніе своей супруги, выстроилъ для нея на своемъ кускѣ дворецъ и назвалъ его Кусковымъ; домъ былъ построенъ по плану архитектора Валли.

Въ этомъ домѣ—въ одной комнатѣ стѣны были изъ цѣльныхъ венеціанскихъ зеркалъ, въ другой — отдѣланы малахитомъ, въ третьей — обиты драгоцѣнными гобеленами, въ четвертой — художественно разрисованы не только стѣны, но и потолки; всюду античныя бронзы, статуи, фарфоръ, яшмовыя вазы, большая картинная галлерея съ картинами Рафаэля, Ванъ-Дейка, Доминикино, Корреджіо, Веронезе, Рембрандта, Гвидо-Рени; большая часть картинъ была, впрочемъ, по смерти графа въ 1788 году вывезена въ Петербургъ и часть въ Останкино; въ нѣкоторыхъ комнатахъ висѣли люстры изъ чистѣйшаго горнаго хрусталя...

На концѣ рощи было небольшое озеро подъ названіемъ Люкасино; искусственная рѣка соединяла его нѣкогда съ другими небольшими озерами; черезъ рукава этой рѣчки живописно перекинуты были красивые мосты съ раззолоченными перилами; одинъ изъ нихъ велъ въ глубину рощи, къ такъ называвшемуся «убѣжищу философовъ» или въ Тентереву деревню, въ красивый домикъ съ зеркальными стѣнами, полами и плафономъ, наполненный тысячами рѣдкостей.

Недалеко отъ этого дома было другое зданіе подъ названіемъ «Метрея»; это былъ небольшой скотный дворъ, куда приводили графу на показъ его любимыхъ коровъ. У опушки Гая», недалеко отъ нынѣшней Гиреевской рощи и дороги въ Косино, билъ фонтанъ; въ пятидесятыхъ годахъ въ этомъ гаю стояла еще «бесѣдка тишины» и курганъ.

Бесѣдку окружалъ нѣкогда искусный лабиринтъ, а на курганѣ стояла статуя Венеры; возлѣ нея была львиная пещера; здѣсь на лаврахъ лежалъ левъ, подъ нимъ была латинская надпись и здѣсь же хранилась плита съ допотопными окаменѣлостями, найденная въ окрестностяхъ Кускова.

Недалеко отсюда былъ знаменитый стогъ сѣна, который еще помнятъ нѣкоторые старожилы; при приближеніи къ нему, замѣчалась оригинальная бесѣдка, въ видѣ русской избы, въ которой за дубовымъ столомъ на тесаныхъ скамьяхъ сидѣли двѣнадцать мужичковъ въ праздничныхъ нарядахъ и въ интересныхъ позахъ и пили водку. Это была группа восковыхъ фигуръ, которая называлась пьяной компаніею. П. Безсоновъ говоритъ, что эта группа не изображала русскихъ мужичковъ, а иностранцевъ, что тутъ были восковыя фигуры какого-то «Виліуса», «турка», еще «господина безъ печали, веселаго брата», затѣмъ «француза» и доктора «Бамбаса вмѣстѣ съ дамой». Судьба этихъ куколъ была самая печальная: портной Иванъ Пучковъ и обойщикъ Нефедъ Никитинъ въ ночное время перебили ихъ, отшибли имъ головы и руки, обобрали ихъ платье и продали въ Москвѣ. Позднѣе опустошеніе этого «Шомьера» довершили мыши и всепожирающее время.

Также на идущей мимо театра въ Владычино дорогѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь мостъ черезъ каналъ, прежде былъ такъ называемый «потаенный фонтанъ», и стоило только шутнику отвернуть кранъ, какъ на бѣднаго,

проходившаго черезъ мостъ, лился проливной дождь.

Говоря о бывшемъ великолѣпіи Кускова, нельзя не вспомнить и о старинныхъ его угодьяхъ. Къ числу ихъ принадлежала и та роща, которая теперь извѣстна подъ именемъ звѣринца; звѣринецъ былъ въ окружности до трехъ верстъ; еще замѣтны теперь два пересѣкающихся подъ прямымъ угломъ, въ срединѣ лѣса, проспекта и видны слѣды каменной башни, служившей сборнымъ мѣстомъ охотниковъ, но уже нѣтъ слѣдовъ построекъ настоящаго звѣринца, гдѣ содержались разныхъ породъ звѣри: черные американскіе, сѣрые русскіе и сибирскіе медвѣди, лоси, лисицы и проч. Стада оленей ходили свободно; ихъ считалось до 600 головъ; остатки этихъ стадъ выведены отсюда въ 1809 г., и звѣринецъ уничтоженъ. Охоту графа составляли обыкновенно сорокъ псарей, сорокъ егерей, сорокъ гусаровъ и т. д., все по сорока.

Но охота графа принимала иногда болѣе огромные размѣры, и тогда театромъ ея дѣлались всѣ окрестности; сотни наѣздниковъ и амазонокъ, благородныхъ гостей графа, цвѣтъ тогдашней аристократіи, множество богатыхъ экипажей, блестящихъ ливрей, лихихъ скакуновъ въ раззолоченныхъ уборахъ, все это составляло прекрасную картину, напоминавшую охоты Генриха IV въ Булонскомъ лѣсу, или королей англійскихъ въ Виндзорѣ.

На другой сторонѣ сада, противъ грота и итальянскаго дома, возвышалось двухъ-этажное зданіе въ мавританскомъ вкусѣ, подъ названіемъ эрмитажа: построенъ послѣдній былъ архитекторомъ Валли; въ этомъ зданіи изъ нижняго этажа въ верхній была машина, подпимавшая на столъ 16 кувертовъ: низъ зданія былъ занятъ тремя буфетами: здѣсь сервировали столъ и приборы, и каждый отдѣльно подпимался наверхъ. Здѣсь былъ также подъемный диванъ, подпимавшійся наверхъ вмѣстѣ съ гостями.

Наверху эрмитажа графъ по часамъ сиживалъ одинъ и никто лишній не могъ войти туда: все подавалось и принималось машиной. Также необыкновенно богаты были кусковскія оранжереи, теплицы, но лучшія деревья перешли къ Шереметевымъ отъ Черкасскаго: здѣсь были безцѣнныя лавровыя и померанцевыя деревья огромной величины, считавшія уже при графѣ П. Б. нѣсколько столѣтій своей жизни.

Оранжереи, теплицы и грунтовые сараи Шереметева снабжали фруктовыми отводками всѣ окрестныя помѣстья и много способствовали развитію плодоваго садоводства не только подъ Москвою, но и во всей Россіи.

Для лавровыхъ деревьевъ были сдѣланы особыя двери или, лучше, проломы до 18 аршинъ въ вышину; такихъ лавровъ и померанцевъ было трудно найти даже на югѣ; нѣкоторыя деревья доходили до 18 аршинъ высоты, кадки вмѣстѣ съ деревомъ вѣсили до 150 пудовъ; для перенесенія ихъ съ мѣста на мѣсто требовалось до ста человѣкъ, но на каткахъ ихъ сдвигали съ мѣста 60 рабочихъ; деревьямъ по счету слоевъ одного высохшаго дерева приходилось съ чѣмъ-то 400 лѣтъ; по оцѣнкѣ, сдѣланной во время опеки надъ малолѣтнимъ наслѣдникомъ Шереметева, каждое дерево цѣнилось 10.000 рублей ассигнаціями.

На мѣстѣ нынѣшняго оранжерейнаго зданія, гдѣ уцѣлѣла старая домовая церковь, стоялъ первый домъ владѣльцевъ, за которымъ, въ память петровской эпохи и для собранія воедино голландскихъ памятниковъ, сооруженъ былъ домъ — «голландскій» (1749 г.).

Этотъ домъ былъ весь выложенъ внутри изразцами или плитками самаго разнообразнаго рисунка, съ мраморнымъ поломъ, украшенный по стѣнамъ множествомъ картинъ съ голландскими видами, фламандской школы, рисовавшими домашній бытъ...

Въ то старое время существовалъ еще «Итальянскій домъ», предназначенный для памятниковъ итальянскаго искусства, преимущественно для дорогихъ картинъ съ историческимъ и духовнымъ содержаніемъ; внѣшность дома теперь обезображена, внутри—жилые покои съ мебелью петровскаго времени; картины и рѣдкости вынесены. Прежде вездѣ, кромѣ картинъ и статуй, были мраморъ, золото, хрусталь, рѣзьба по дереву, штофъ, атласъ, живописные плафоны и фрески. Домъ этотъ поврежденъ послѣ отдачи въ наймы.

Отъ итальянскаго дома черезъ валъ велъ мостикъ, гдѣ стояли пять каменныхъ изящныхъ домиковъ, съ окнами и воротцами, рѣшетками и колоннами; все это было вызолочено; правая сторона обводнаго канала была отведена для рѣдкихъ птицъ, лебедей, журавлей, американскихъ гусей, фазановъ, пеликановъ и т. д.

Пруды Кускова были полны дорогихъ рыбъ; рыбы было столько, что неводомъ вылавливали заразъ по 2.000 карасей — и разъ была вынута изъ пруда раковина съ жемчугомъ; встарину на прудѣ было нѣсколько рыбачьихъ хижинъ, стояли яхты съ шлюпками и лодками, былъ островъ съ руинами, были матросы въ шкиперскихъ кафтанахъ кофейнаго и вишневаго цвѣта съ бѣлыми пуговицами.

[illegible] Кусково [illegible] чищенъ, [illegible] ... [illegible] рѣчки сдѣланы [illegible] и каналы, вырыты водоемы, ручейки, [illegible] разукрашенными съ живописными берегами [illegible], переходными мостиками, съ золочеными перилами, банельками, бесѣдками и т. д.

Перечисляя памятники роскошнаго прошлаго Кускова, нельзя обойти описаніемъ карусели съ затѣйливыми играми, какъ-то: кольцами, мячами, кеглями, висячимъ шаромъ, деревянными конями для ѣзды въ одноколкахъ, фортункой, качелями висячими и круглыми на столбахъ; затѣмъ былъ здѣсь „Діогенъ", врытый въ землю, сидѣлъ онъ въ дубовомъ чану со снимающейся крышкой; философъ былъ сдѣланъ изъ алебастра и росписанъ подъ цвѣтъ натуральнаго тѣла; онъ имѣлъ при себѣ муравленый кувшинъ и шпу[р]ную книгу въ кожаномъ переплетѣ.

Въ саду былъ еще храмъ молчанія или тишины. Въ этомъ зданіи, сооруженномъ въ лабиринтѣ, стояли только въ знакъ молчанія, двѣ большія часы съ крышками. Въ саду также въ нѣкоторыхъ мѣстахъ [у]станавливались большія «декораціи» изъ тесу, съ изображеніями красками красивыхъ ландшафтовъ и строеній. Такія декораціи часто употреблялъ въ дѣло князь Потемкинъ во время проѣздовъ Екатерины по бѣднымъ и скучнымъ мѣстностямъ. Была въ Кусковѣ одна «декорація», представлявшая домики, при нихъ ворота съ замкомъ и скобками.

Красовалась тамъ еще бесѣдка «Трефиль», снаружи и внутри обитая равендукомъ, съ расписными стеклами; на ней надпись: «Найтить здѣсь спокойство»; былъ и «философскій домикъ», обитый внутри березовою корою и на дверяхъ съ надписью на французскомъ и русскомъ языкахъ. Въ числѣ затѣй стоялъ еще «открытый воксалъ» для музыки и танцевъ, съ наугольными кабинетами, снаружи и внутри фонари и колокольчики.

Но наибольшею роскошью, какъ мы уже говорили, отличался театръ Шереметева. По величинѣ онъ равнялся нынѣшнему Московскому Малому театру, по удобствомъ, вкусомъ, изяществомъ и богатствомъ онъ далеко оставлялъ второй позади.

Построенъ онъ, какъ мы сказали, по плану архитектора Валли и убранъ внутри по рисункамъ извѣстнаго Гонзаго. Начатъ онъ, по преданію, годъ спустя послѣ постройки барскаго [illegible].....

О полнотѣ и богатствѣ театральнаго гардероба можно судить по тому, что въ 1811 году, [illegible] театральнаго платья: [illegible] шелковаго и т. д., было сундуковъ [illegible]надцать, а разныхъ уборовъ, перьевъ, обуви и т. п.—76 сундуковъ. Исполнители театральные помѣщались въ особыхъ корпусахъ, близъ театра, «свои» же иногда и по собственнымъ домамъ; пѣвчіе, родоначальники знаменитой нѣкогда Шереметевской капеллы, преимущественно малороссы; пѣвцы: солисты, музыканты, актеры и актрисы, танцовщики и танцовщицы особо — изъ своихъ и приглашенныхъ за плату...

Въ 1787 году, въ бытность Екатерины II въ Кусковѣ, графъ Шереметевъ давалъ представленія на своемъ театрѣ; графъ Сегюръ, бывшій на этихъ спектакляхъ, говоритъ, что балетъ удивилъ его не только богатствомъ костюмовъ, но и искусствомъ танцовщиковъ и танцовщицъ. Наиболѣе ему показалось страннымъ, что стихотворецъ, музыкантъ, авторъ оперы, какъ и архитекторъ, живописецъ, написавшій декораціи, такъ и актеры и актрисы—всѣ принадлежали графу и были его крѣпостные люди.

Всѣ празднества въ Кусковѣ отличались необыкновенною пышностью; во время праздниковъ у графа Шереметева число гуляющихъ посѣтителей доходило до 50 тысячъ человѣкъ, исключая званыхъ гостей, которыхъ приглашалось по билетамъ болѣе 2.000 человѣкъ.

Гдѣ теперь столбы и шлагбаумъ, на выѣздѣ изъ Кусковской земли въ сторону Перова и Օскунова, при поворотѣ къ Тетеркамъ, стоялъ деревянный столбъ съ надписью, приглашавшей посѣтителей Кускова «веселиться, какъ кому угодно, въ домѣ и въ саду...»—

На одномъ изъ праздниковъ въ Кусковѣ сопровождалъ Екатерину императоръ Австрійскій Іосифъ. Посѣтивъ Кусково, императоръ думалъ, что пріѣхалъ къ вѣнценосному владѣльцу.

Графъ Сегюръ въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ, что столъ графа Шереметева въ этотъ день былъ сервированъ золотою посудою на шестьдесятъ персонъ; графъ Комаровскій, видѣвшій этотъ праздникъ, замѣчаетъ въ своихъ запискахъ: «что всего болѣе удивило меня, такъ это плато, которое было поставлено передъ императрицей. Оно представляло на возвышеніи родъ жюбилея, все изъ чистаго золота, а на томъ возвышеніи былъ вензель императрицы изъ довольно крупныхъ бриліантовъ».

На возвратномъ пути изъ театра весь садъ уже горѣлъ огнями; на пруду плавали лодки и гондолы съ пѣсенниками и хорами музыкантовъ; два обелиска по обѣимъ сторонамъ пруда

представляли два яркихъ маяка, вдали горѣли щиты съ вензелевыми изображеніями царицы и сыпались цѣлые каскады разноцвѣтныхъ огней.

Передъ началомъ фейерверка государынѣ подали механическаго голубя, и съ ея руки онъ полетѣлъ къ щиту съ ея изображеніемъ и парящей надъ ней Славой; вмѣстѣ съ этимъ щитомъ въ одинъ мигъ вспыхнули другіе, и прудъ, и садъ залились яркимъ свѣтомъ.

Во время фейерверка разомъ было пущено нѣсколько тысячъ большихъ ракетъ, и иностранцы, бывшіе на праздникѣ, удивлялись, какъ частный человѣкъ могъ тратить нѣсколько тысячъ пудовъ пороху для минутнаго своего удовольствія.

На этомъ праздникѣ безчисленныя толпы народа гуляли цѣлую ночь. Въ галереѣ былъ ужинъ, во время котораго пѣли пѣвчіе.

Государыня возвратилась съ праздника по дорогѣ, освѣщенной вплоть до Москвы плошками, фонарями, смоляными бочками. Когда царица подъѣзжала къ Москвѣ, то въ столицѣ били утреннюю зорю...

Графъ П. Б. Шереметевъ умеръ 30-го ноября 1788 года; онъ похороненъ вмѣстѣ со своими предками въ соборной усыпальницѣ Спасо-Андроніева монастыря. Сынъ героя полтавскаго и прутскаго, современникъ Петра и шести другихъ царствованій, онъ былъ истинный вельможа золотого вѣка Екатерины, ослѣплявшій иноземцевъ «умною пышностью»; пышность его не была разорительная: онъ расходовалъ только то, что получалъ изъ имѣній, и былъ далеко не расточительный и весьма осторожный въ расходахъ, превосходный хозяинъ, устроившій систематическую экономію и строгіе штаты со смѣтами. П. Безсоновъ въ своемъ очеркѣ («Графиня Прасковья Ивановна Шереметева») про него говоритъ: «это былъ образецъ екатерининскаго вельможи—богача, ловкій, хотя не слишкомъ услужливый и довольно самостоятельный придворный, съ хитростью, блестѣвшею въ его нѣсколько скошенныхъ глазахъ, важный, но не надменный и со всѣми до низшихъ ласковый, не любившій головоломнаго труда, но очень крѣпкій природнымъ умомъ и образованный по-французски; членъ знати европейской и вмѣстѣ хлѣбосольный русскій баринъ; артистъ въ душѣ для всѣхъ искусствъ, съ отличнымъ ко всему вкусомъ, до изысканной гастрономіи и равно до тяжелыхъ дѣдовскихъ блюдъ».

Въ его домахъ: петербургскомъ, московскомъ и кусковскомъ до конца его жизни ежедневно накрывались столы для бѣдныхъ дворянъ, часто до ста приборовъ, изъ десятка и болѣе блюдъ—самъ же Шереметевъ никогда не ѣлъ болѣе трехъ блюдъ.

Выѣзжалъ онъ на охоту въ сопровожденіи не менѣе какъ пятидесяти дворянъ, которымъ онъ благодѣтельствовалъ, и имѣя при себѣ не менѣе 700 человѣкъ дворни, какъ-то: конюховъ, шатерничихъ, поваровъ и пр.; шатры, палатки, огромные запасы слѣдовали за нимъ большими обозами.

Въ гости онъ ѣздилъ къ сосѣдямъ также въ сопровожденіи нѣсколькихъ сотенъ конныхъ проводниковъ; но не смотря на такую пышность выѣздовъ, онъ очень любилъ уединяться, и даже одно время хотѣлъ постричься, носить воду, дрова въ келью и выметать соръ своими руками.

Графъ прожилъ 75 лѣтъ, умеръ въ почетномъ званіи оберъ-камергера и кавалеромъ ордена св. Андрея Первозваннаго. Онъ былъ обладателемъ ста-сорока тысячъ душъ крестьянъ...

(М. Пыляевъ, Старая Москва. Гл. VIII.)

---

95. Кн. М. М. Щербатовъ. Вельможа и дворянинъ.

1. Образъ жизни вельможи екатерининской эпохи.

Я представляю себѣ пышнаго и богатаго вельможу, къ коему деньги и драгоцѣнныя вещи волнами счастія во множествѣ текутъ и роскошью его и сластолюбіемъ, яко въ нѣкоторой пучинѣ, пожираются.

Зрю ѣдущаго его. Карета позлащенная, на множествѣ ресоръ, и среди безпокойной улицы едва чинитъ чувствовать потрясеніе; закрыта дорогими точеными стеклами, не допускающими и малому помаванію вѣтра или летящимъ пылинкамъ его безпокоитъ; гардины закрываютъ его отъ лучей солнечныхъ; а плотность ея и стекла и зимнему холоду проникать не позволяютъ. Обита она бархатомъ, съ набитыми подушками или пухомъ, или наполненными воздухомъ, купно мягкостію и нѣжностію спокойствіе учиняетъ. Влекутъ ее шесть прекрасныхъ возниковъ, которые украшаются позлащенными, изъ сафьяну сдѣланными, шорами, въ гривахъ вплетены... (?) и вожжи шелковыя съ златомъ, и окруженъ верховыми и позади множествомъ служителей, и въ самой ѣздѣ его внимающими его помаванія. Однимъ словомъ, единый его экипажъ столько стоитъ, чтобы цѣна его могла содѣлать благополучіе многимъ дворянскимъ семьямъ; учинить бы ихъ въ состояніи лучше воспитать дѣтей своихъ и дочерей за

хорошихъ жениховъ выдать. Однако вельможа въ ней сидитъ, не внимаетъ на покой, пріобрѣтаемой каретою имъ, и не помышляя о дорогой цѣнѣ, какой она стоитъ.

Я зрю его *выходящаго изъ кареты*. Злато и драгоцѣнные каменья на одеждѣ его блистаютъ. Шуба его изъ лучшихъ сибирскихъ соболей содѣлана; муфта изъ черныхъ лисицъ; оба подобны цвѣтомъ своимъ черному бархату. И вся его одежда цѣну великую составляетъ.

Вступаю за нимъ *въ домъ его*, коего наружность немалую часть улицы занимаетъ. Мраморные столбы поддерживаютъ богатой позлащенной балконъ. Мраморные же барельефы украшаютъ верхи его окошекъ. На полъ вступаю въ его сѣни—тамъ мраморъ и порфиръ повсюду блистаютъ. Ступени лѣстницы содѣланы изъ лучшаго чернаго мрамора, и порфирные столбы содержатъ сводъ. Бѣлаго мрамора поручни поддерживаются мѣдною позлащенною рѣшеткою. Стѣны и потолокъ украшены прекрасною живописью. И все, однимъ словомъ, тутъ такое, что не токмо все вообще привлекаетъ очи, но и каждая особливо часть въ удивленіе приводитъ. Потомъ, когда вступаю въ его комнаты, тамъ зрю шелкъ, золото, хрусталь, мраморъ и, однимъ словомъ, все драгоцѣннѣйшія вещи въ дѣло употребляемыя, но съ такимъ искусствомъ, что вещество вещей является спорить съ искусствомъ въ привлеченіи удивленія. Является, что всѣ искусствы невозможное содѣлали, чтобъ украсить сей домъ. Тамъ стеклы зеркалъ чрезмѣрной величины отражаютъ лучи множества горящихъ свѣчей; тамъ висящія люстры гранью своею блистаютъ и игру бриллiантовъ представляютъ. Или изъ разнаго дерева сдѣланные полы привлекаютъ взоръ, или богатые ковры оные покрываютъ. Однимъ словомъ, вкусъ и богатство повсюду тутъ являются соединенны. Наилучшіе мастера изъ ученѣйшихъ народовъ употребили все свое искусство, чтобы дому, достойному божественнаго жилища, красу придать. А тогда же въ спальнѣ, кабинетѣ зрить я покойныя креслы, софы, для отдохновенія постели и другія подобныя вещи, содѣланныя, дабы нѣжить плоть сластолюбиваго вельможи. Множество служителей ему предстоятъ; смотрятъ единаго его взгляда; еще же больше прислужниковъ и искателей съ низкимъ подобострастіемъ стараются ему угодить и развеселить пасмурное лице его...

Однако время къ *вечернему столу* настало, и вельможа со всѣми своими гостями идетъ *въ столовую*. О небо, коль великія украшенія! Злато и серебро блистаютъ во всей посудѣ; хрусталь украшаетъ филеи; множество горящихъ свѣчей, коихъ лучи, разными гранями хрусталя отражаемые, приключаютъ тягость очамъ. А наконецъ, по открытіи яствъ и при подаваніи питей, узрилъ я вдругъ все, что четыре части свѣта лучшаго производятъ. Тамъ огромной величины стерляди великія блюда покрывали; бѣлые, подобно снѣгу, телята, яко горы, лежали на блюдахъ; каплуны, пулярки, перепелки зимою, фазаны устерсы и въ десертѣ ранніе плоды и ананасы, а иные съ трудомъ и со тщаніемъ сохраненные, яко виноградъ и дыни, удивляютъ очи и услаждаютъ зрѣніе и духъ; вина всѣ, что Франція, Италія и Испанія лучшаго производитъ, и что славный мысъ Доброй Надежды рождаетъ, и наконецъ же имъ славится... (?); все въ обиліи подается.

Послѣдуемъ ему *въ его деревню*, гдѣ онъ имѣетъ *увеселительный домъ*. Пространныя палаты со всѣми принадлежностями, могущія бы безъ нужды быть жилищемъ какому государю, и великолѣпно убранныя, составляютъ мѣсто пріѣзда для сего вельможи. Кромѣ изрядной рѣки, протекающей близь сего зданія, ископанные пруды, запруженныя, природныя и содѣланныя руками человѣческими, рѣчки, гдѣ чистая вода журчитъ, теча по камешкамъ, а индѣ съ шумомъ, на подобіе каскада упадаетъ, окружены разными деревьями, сочиняющими китайской и англійской садъ, которые пространствомъ своимъ занимаютъ довольно земли, чтобъ нѣсколько сотъ семей питаться могли. Въ немъ видны разныя зданія, одни построенныя близь водъ, другія въ густотѣ лѣса; а наконецъ иные среди низко-подрѣзанныхъ луговъ, видъ бархата низкой своей зеленью представляющихъ. Индѣ стоитъ мраморная галлерея, индѣ китайской домъ, индѣ готическая бесѣдка, индѣ китайская башня, индѣ мраморные столбы, индѣ пирамида, индѣ развалины храма, индѣ какая дикая пещера и переплетенные плющи, по сему (всему?) пространству извивающіеся, вездѣ новые и разныхъ родовъ пріятные виды представляютъ. Регулярной садъ не меньше достоинъ удивленія, какъ величиною деревьевъ, такъ пространствомъ и великолѣпными украшеніями разныхъ бесѣдокъ, каскадовъ, водометовъ, статуй и богатыхъ цвѣтниковъ, испещренныхъ рѣдчайшими цвѣтами, которые равно (красками?) своими и благовоніемъ гуляющихъ привлекаютъ. Въ другихъ мѣстахъ стоятъ прекрасныя деревья съ изгибающимися отъ плодовъ вѣтвями. Пространныя оранжереи заключаютъ одну сторону сего пространнаго дома. Тамъ все, что четыре части свѣта лучшаго и прекраснаго имѣютъ, вмѣ-

щается. Разныхъ родовъ ананасы удивляютъ разными своими цвѣтами и величиною и благовоніемъ чувства услаждаютъ; пизаны, распростирая свои великіе листья, являютъ подъ ними кисти своего плода; виноградъ у стѣны извивается, и кисти великія висятъ; померанцы и лимоны вдругъ два времени года представляютъ; удивляютъ своею величиною, порядочнымъ крокомъ; прельщаютъ взоръ висящими плодами и услаждаютъ чувство благовоніемъ, происходящимъ отъ ихъ цвѣтовъ; персики, абрикосы, вишни, сливы и отмѣнныя груши составляютъ великія аллеи и подобно лѣсу зрятся. Но возможно ли исчислить всѣ плодовитыя деревья и цвѣты, дѣлающіе пріятность вкусу, зрѣнію и обонянію!

Вблизи тутъ видны по разнымъ мѣстамъ домостройственныя *строенія*. Тамъ конской домъ представляетъ изрядной фасадъ и вмѣщаетъ лучшихъ разныхъ породъ лошадей. Тамъ скотной дворъ, гдѣ прекрасные коровы и быки содержатся, и гдѣ сдѣланы пріятные покои, дабы, если господинъ посѣтитъ сіе мѣсто и восхочетъ тутъ сдѣлать полдникъ молокомъ, могъ покойно и весело быть. Тамъ птичій домъ, гдѣ не только всѣ птицы, нужныя для домостройства находятся, но и для веселья. Тутъ бѣлые и сѣрые павлины съ распущенными хвостами величаются передъ другими; тутъ лебеди гордо плаваютъ по водамъ; тутъ множество различныхъ утокъ и гусей въ осокѣ играютъ; тутъ еще больше разныхъ куръ, удивительныхъ своею разностію, являютъ богатство природы; не меньше того и разные голуби; иные разнымъ образомъ по воздуху летаютъ, иные гордятся своимъ хвостомъ; иные, покрытые хохлами и съ перистыми ногами, насилу могутъ ступать; иные, яко горлинки или египетскіе голуби, крикомъ своимъ взаимную любовь изъявляютъ.

Близь сего мѣста зрится кустарникъ покрытой... (?), гдѣ водятся разныхъ родовъ фазаны, не меньше привлекающіе очи различными — или золотыми, или серебряными, или пестрыми—своими перьями. Потомъ близь звѣринецъ, гдѣ разные олени, козы дикія и кабаны во множествѣ для утѣшенія хозяина обрѣтаются, и сіи не только утѣшаютъ его при выпускѣ въ особливый отдѣлъ, гдѣ онъ можетъ ихъ стрѣлять, но также олени, ручностью своею послѣдуя человѣку, учиняютъ удовольствіе. Но сего не довольно: разные переплетенные плющи, природные и сдѣланные ручейки, пруды и разные домики, при являющейся дикости, особенное великолѣпіе и красоту представляютъ.

Наконецъ псарной дворъ, сдѣланной также довольно хорошей архитектуры, дабы привлечь знающаго сіе искусство человѣка вниманіе, вмѣщаетъ въ себѣ великое число борзыхъ и гончихъ лучшихъ собакъ, по большей части отъ прислужниковъ и отъ искателей надведенныхъ, которыя иногда къ увеселенію хозяина служатъ.

Однако при такомъ во всемъ довольствѣ, когда все является споспѣшествовать его желаніямъ, *рѣдко лицо вельможи веселой видъ являетъ*. Тщетно строители ему кажутъ новое оконченное строеніе или планы и фасады, чтобъ новое зачинать. Онъ холоднымъ взоромъ смотритъ на сіи вновь сдѣланныя дому его украшенія, или не меньше съ холодностью новыя содѣловать повелѣваетъ. Прекрасныя аллеи, деревья, изгибающіяся подъ плодами, и самые плоды, прекрасныя рощи, испещренные цвѣтами луга и цвѣты въ саду, въ оранжереяхъ его находящіеся, текущіе источники чистыхъ водъ, паденіе ихъ каскадами или возношеніе водометами, или стоячихъ прекрасной хрусталь водъ, птицы, наполняющіе птичій домъ, кони и скотъ прекрасные и тучные и звѣри, живущіе въ звѣринницахъ и бѣгущіе за человѣкомъ, укротя свою дикость, все, кажется, предъ нимъ красоту и пріятство свое потеряло, на все онъ смотритъ неучастнымъ окомъ; ничто не можетъ подвигнуть его къ веселію восхитительному. Да и неудивительно. Все ему легко пришло; все предупреждаетъ его желаніе, и онъ, не находя ни въ чемъ трудности исполнить свои хотѣнія, не находитъ большаго и удовольствія въ исполненіи ихъ. Онъ не можетъ себя назвать недовольнымъ, но не можетъ же ничему и возрадоваться, и духъ его въ нѣкоторой скучной онѣмѣлости пребываетъ, *ища, чего бы онъ могъ желать*.

(Соч. кн. Щербатова т. II, с. 398—405.)

2. Образъ жизни дворянина екатерининской эпохи.

Воззримъ теперь на *дворянина*, пользующагося токмо *посредственнымъ достаткомъ*, иногда и *съ нуждою*, дабы исполнить все то, что требуетъ его имя и состояніе.

Я вижу его ѣдущаго въ простой каретѣ, на парѣ небольшихъ лошадей, имѣя одного человѣка за собою. Онъ, получа и сей весьма посредственный экипажъ, считаетъ себѣ за удовольствіе, что закрытъ каретою, и хотя не точеными, но простыми стеклами, отъ безпокойствъ погоды. Одежда на немъ простая, но благопристойная, и шуба, не изъ краевъ вселенной изъ дражайшихъ соболей

[illegible] имѣетъ [illegible] [illegible] съ сотры[illegible] въ его домѣ. [illegible] въ немъ. [illegible] трудъ разсылать. Пріят[illegible] а [illegible] такое [illegible] имѣютъ [illegible]ность [illegible] и онъ ихъ [illegible] и по естеству равными себѣ почитаетъ. Домовитая жена, не имѣя высокой пышности, но исполненная [illegible] супругу, къ чадамъ, и [illegible] блюстительница дома, [illegible] удовольствіе свое о его пріѣздѣ и [illegible], чтобы [illegible] порядокъ ему пріятень былъ. Пріѣхавшіе друзья не для искавія [illegible], не для прислуги, не для великолѣпнаго [illegible], но изъ любви къ хозяину, хотя тутъ въ маломъ числѣ, но искренность и [illegible] въ обхожденіи усладаютъ сію [illegible]: разсужденія о [illegible] обстоятельствахъ [illegible], о [illegible] и о домостройствѣ [illegible] время сей бесѣды; встрѣчающіяся [illegible] придаютъ жаръ разговорамъ и свободу мыслей изъявляютъ.

Приходитъ время итти къ столу. Онъ [illegible], но вкусными [illegible] на [illegible]. Хозяйка веселостью своею и учтивостью придаетъ ему вкусъ: отвѣдываютъ сами кушанья: изъявляютъ удовольствіе, что хорошо [illegible]: [illegible] своихъ друзей. Тутъ нѣтъ ни [illegible], ни [illegible], ни [illegible] пироговъ, ни [illegible] телятъ. Но хозяинъ потчуетъ [illegible] теленкомъ изъ своей деревни: разрѣзываетъ жаркое и сочный окорокъ, сказывая, что онъ большихъ свиней у себя заводитъ, и какой способъ употребляетъ къ утучненію ихъ: потчиваетъ или жирною укормленною курицею, или жирною уткою, или гусемъ, рожденными и воспитанными въ его домѣ. Вино подается [illegible], которое чистотою своею и [illegible] стояніемъ уже подходитъ къ [illegible] винамъ. Вездѣ простота, но простота чистая является, которая мудрому зрителю предпочтеннѣе самой великолѣпной пышности кажется. Домъ его также не имѣетъ великихъ украшеній. Не видно въ немъ ни золота, ни серебра, ни порфировъ, ни дорогихъ хрусталей: [illegible] обиты бумажками чистыми: [illegible], изъ [illegible] сдѣланные, не [illegible]: люстры, хотя хрустальныя, но не изъ [illegible] хрусталя: зеркала небольшія, и тѣ составныя: стулья [illegible] изъ простаго [illegible]

гладкіе, или простымъ сукномъ устланные. [illegible], а паче веселымъ нравомъ [illegible] хозяина и хозяйки украшается.

[illegible] такому посредственному человѣку въ его деревню; воззримъ, какъ онъ въ [illegible] пріятелями своими, любящими [illegible], а не санъ или богатство, пріѣзжаетъ. Еще подъѣзжая къ своему селенію, останавливается, смотритъ или растущій хлѣбъ, или запаханную землю, или луга. Съ удовольствіемъ разсказываетъ своимъ друзьямъ, что онъ въ такое время таковую пашню распахалъ, или лугъ расчистилъ; что сія земля такой ему приноситъ плодъ. Подъѣхавъ еще [illegible] къ селенію своему, останавливается: выходитъ изъ кареты; зоветъ своихъ друзей [illegible] въ рощу, отчасти имъ подчищенную, отчасти же подсаженную: садится съ ними на простыхъ дерновыхъ или досчатыхъ лавкахъ: разсказываетъ съ веселымъ видомъ, какъ отъ родителя своего получилъ сію деревню: благодаритъ его и о маломъ, что было [illegible]; потомъ изъявляя болѣе удовольствія, разсказываетъ, какъ трудился самъ въ подчищеніи сей рощи и въ подсаженіи, какія намѣренъ дѣлать тутъ дорожки, и показываетъ, что уже сдѣлано. Наконецъ пріѣзжаетъ въ домъ весьма небольшой, но довольно покойной для его семьи, съ нѣкоторыми особливыми комнатами для гостей. Нигдѣ тутъ ни золота, ни серебра не блеститъ, но стѣны или подмазаны штукатуркою, или подписаны. Штофовъ и [illegible] нигдѣ тутъ не видать, но либо домашнее тканье, или набойка, или полуситцы, а одинъ вкусъ и чистота главное украшеніе сочиняютъ. Столъ, толь же простой, какъ и украшеніе, по большей части изъ домашнихъ вещей, разнаго молока и травъ состоящій, вкусную и здоровую представляетъ пищу. Плоды, не во множествѣ, но лучшихъ родовъ, изъ маленькой оранжереи, оный еще украшаютъ. Хозяинъ съ гостями своими ихъ [illegible], сказывая, откуда онъ столь крупные досталъ персики и арбузы: говоритъ о плодоносіи его вишневыхъ и сливовыхъ деревьевъ: разбираетъ разные роды грушъ и яблоковъ: похваляетъ ихъ вкусъ и подчуетъ. Разная земляника, клубника весьма крупная, малина садовая и другія ягоды, также лучшихъ родовъ дыни и арбузы умножаютъ его столъ и почти сластолюбіе являютъ. Онъ съ пріятностію смотритъ на всѣ свои плоды, съ удовольствіемъ ихъ вкушаетъ, вспоминаетъ время заведенія ихъ и веселится, что довелъ оное до того, что всѣмъ симъ пользоваться можетъ, и зоветъ гостей своихъ итти въ его сады и оранжереи.

Послѣдуемъ сему домовитому и умѣющему себя утѣшать мужу *въ его сады и оранжереи*. Не цѣлыя поля захвачены въ его садъ, но изъ нихъ одинъ весьма небольшой насажденъ регулярными, стриженными аллеями, изъ коихъ одни высокую непроницаемую стѣну представляютъ, другія, сгибаяся между собою, представляютъ купно искусство въ порядочномъ насажденіи и природу въ естественно-сросшихся вѣтвяхъ, которыя, переплетаясь, непроницательный сводъ солнечнымъ лучамъ и дождю содѣваютъ. Толстыя и густыя кроновыя деревья составляютъ одну дорогу, сплетшіяся вѣтвями своими, тѣнь и покрышку учиняютъ. Изрядные партеры, въ приличныхъ мѣстахъ содѣланные, наполненные разными прекрасными и благовонными цвѣтами. Въ срединѣ аллеи насажены яблони, груши, сливы и вишни, изъ коихъ послѣдніи и по заборѣ посажены. Наконецъ въ благопристойныхъ мѣстахъ находятся разныя бесѣдки, раскрашенныя разными красками, которыя пристойностью мѣста, гдѣ онѣ построены, хорошей архитектурою и испещреніемъ красокъ зрѣніе привлекаютъ и представляютъ пріятныя мѣста къ отдохновенію.

Возлѣ сего сада, съ одной стороны находится изрядной лугъ, сквозь которой протекаетъ небольшая рѣчка, которая, бывъ удержана заплатою, составляетъ по конецъ луга изрядной *прудъ*. Лугъ сей украшенъ англійскимъ садомъ: преизрядныя извитыя дорожки къ разнымъ мѣстамъ приводятъ; въ иныхъ мѣстахъ посажены разныя деревья, которыя тѣнь составляютъ; индѣ сидитъ одно дерево, которое своими вѣтвями не малое мѣсто покрываетъ, въ другихъ мѣстахъ изъ рѣчки проведены каналы, которые сочиняютъ островки, и повсюду, гдѣ нужда требовала, или домики, или бесѣдки, или маленькія галлереи построены были, а индѣ въ дикихъ мѣстахъ прилегающаго лѣсу сдѣланы пустыньки или пещеры.

Съ другой стороны сада находится довольно пространной *огородъ*, гдѣ кромѣ не малаго числа плодовитыхъ деревьевъ, находятся насажденныя разныя огородныя овощи и купно удовольствіе и прибыль приносятъ. А огородъ сей кончается довольно пространнымъ мѣстомъ, засаженнымъ хмѣлемъ, разными аллеями, бесѣдками и другими видами... (?) выращеннымъ, которой купно служитъ для пріятности вида и для прибытка.

Возлѣ огорода находятся *оранжереи и парники*, весьма небольшіе и только отличные избраніемъ плодовъ, хорошей выросткою деревьевъ и чистотою.

Съ другой стороны его дома находятся *скотной и конской дворъ*, [illegible] соединенные. Тутъ нѣтъ ни дорогихъ лошадей, ни дорогихъ коровъ; но лошади крѣпкія и довольно рослыя: коровы смѣшанныя -русскія съ холмогорскими; овцы простыя; но все въ хорошемъ содержаніи. Возлѣ сего дома находится не малой копанной прудъ, откуда вода трубами проведена въ каждую стаю; а на другой сторонѣ пруда построенъ маленькой птичій домъ, гдѣ разныя птицы: индѣйки, гуси, утки разныхъ родовъ и куры водятся во множествѣ.

Такое есть *расположеніе жилища сего посредственнаго человѣка въ городѣ и въ его деревнѣ*. Но воззримъ, *какое же удовольствіе* все деревенское его строеніе и заведеніе приноситъ. Онъ, съ друзьями своими сошедъ въ садъ, останавливается на всякой дорожкѣ; съ удовольствіемъ показываетъ высоту и густоту... (?) или тѣнь крытыхъ аллей; разсказываетъ время саженія ихъ; вспоминаетъ, что онъ самъ его разбивалъ и многое своими руками садилъ. Въ парникахъ показываетъ разные цвѣты; веселится, видя ихъ красоту или чувствуя благовоніе; разсказываетъ, откуда корни и сѣмена доставалъ; дѣлаетъ примѣчать прекрасную дикость смѣшенія... (?). Входитъ ли въ бесѣдку, сказываетъ, когда она посажена или построена. Входитъ на лугъ, англійскимъ садомъ устроенный, показываетъ съ удовольствіемъ сдѣланныя мѣста; дѣлаетъ примѣтить чистоту воды протекающей рѣчки; садится или удить рыбу въ прудѣ, или ловить ее неводомъ, и каждая пойманная рыбка ему удовольствіе приноситъ. Идетъ къ строящимся бесѣдкамъ: показываетъ ихъ гостямъ своимъ, сказываетъ, что самъ чертилъ планъ и фасадъ, и какъ хочетъ ихъ убрать; требуетъ совѣта у своихъ пріятелей; показываетъ имъ нѣкоторые планы садженій и строеній, которые хочетъ начинать, назначая разное время, дабы то все сходственно съ своимъ достаткомъ учинить; исчисляетъ уже изготовленные имъ припасы, и какъ другіе изготовляетъ. Идетъ къ нѣкоторымъ зачатымъ строеніямъ, показываетъ ихъ своимъ друзьямъ; съ футомъ въ рукахъ размѣриваетъ стѣны; указываетъ каменщикамъ и плотникамъ, индѣ ихъ исправляетъ, гдѣ сдѣлали ошибки, индѣ даетъ имъ награжденіе. Входитъ въ огородъ и близь стоящія оранжереи, показываетъ разныя растенія; дѣлаетъ примѣчать величину грунтовыхъ деревьевъ, ихъ плодоносіе, разные роды и [illegible] въ [illegible] разныхъ травъ и плодовъ; срываетъ плоды, подноситъ своимъ друзьямъ и спрашиваетъ, какъ нахо

дятъ вкусъ. Потомъ идетъ на конскій и скотный дворъ—показывать своихъ лошадей, жеребятъ и коровъ; входитъ въ то мѣсто, гдѣ хранится молоко; дѣлаетъ примѣчать спокойствіе и удобность сего строенія и подчуетъ разнымъ молокомъ.

Все сіе онъ съ *толикимъ удовольствіемъ*, а иное и съ такою жадностью исполняетъ, что, является, не только всякое дерево, плодъ и цвѣтокъ, но и каждой листокъ его веселитъ. Бездушныя вещи, является, учинились его служителями, для соглашенія его удовольствія и обще все такъ и каждое является сумму его благополучія прибавлять, и каждая будто бы составляла то, что *можетъ его счастливымъ сдѣлать*.

Вотъ два разныхъ начертанія, одно возлѣ другого поставленныя, изъ коихъ въ первомъ видимъ всего во множествѣ, все великолѣпно, и все предупреждающее желаніе вельможи: но ничто не могущее подвигнуть его къ чувствительному веселію: въ обиліи, въ довольствѣ, не имѣя ничего желать. Другое, гдѣ все съ трудомъ пріобрѣтено, гдѣ все малое и съ нуждою исполняется; но все, по мѣрѣ употребленныхъ трудовъ, веселитъ; гдѣ все оживотворяетъ духъ и дѣлаетъ удовольствіе. *То кого же изъ нихъ счастливѣйшимъ назвать?* Кто болѣе вкушаетъ сладостныхъ минутъ удовольствія?

(Соч. кн. Щербатова т. II, с. 405—413.)

---

96. Кн. М. М. Щербатовъ.

Размышленія о дворянствѣ.

Всѣ государства свѣта, какъ древнія, такъ и новыя, имѣли свои дворянства, то-есть за услуги предковъ данныя нѣкоторыя преимущества нѣкоторымъ родамъ...

И тако можно сказать, что въ *созиданіи Россіи основаніе, части и подпоры ея были нынѣ наименованные древніе Россійскіе дворяне*.

Но несть предметъ мой изъяснить происхожденіе дворянскихъ родовъ: но показать химеру равности состояній новыхъ философовъ...

1-е. Лейбницъ во изысканіи естественныхъ вещей и самаго единаго роду не нашелъ ни одной подобной другой; многіе мудрые люди, разсматривая физіономіи человѣческія, ни одну другой совершенно подобной не обрѣли; и понеже есть толь безконечная разность въ наружныхъ чертахъ тварей, то коль болѣе она можетъ быть во внутреннихъ расположеніяхъ человѣка; а посему, почти несгиблемою истиною можемъ поставить, что *несть ни единаго человѣка совершенно подобнаго другому* во внутреннихъ своихъ расположеніяхъ, а гдѣ несть таковаго подобія, тутъ *нѣтъ и равности*; кажется, сама природа, предупреждая наши суемудріи и располагая порядокъ общежитія человѣческаго, разными дарованіями разныхъ людей снабдила, яко мудро распредѣляя единыхъ быть правителями и начальниками, другихъ добрыми исполнителями, а наконецъ третьихъ слѣпыми дѣйствующими лицами; ибо чаю никто не скажетъ, чтобы тотъ Афинецъ, который, потерявъ руку, зубами ухватилъ персидскій корабль, былъ равенъ Мильтіаду, ибо единый имѣлъ только запальчивую храбрость, а другой при неустрашимости мудрое и тонкое расположеніе; единъ дѣйствовалъ своими членами, коихъ сила есть ограничена, а другой разумомъ, вмѣщающимъ въ себя безконечность... *Воззримъ на наше рожденіе*, воззримъ на слабость нашего младенчества, въ которое время отъ родителей пропитаніе и помощь получаемъ; а самое сіе и нудитъ насъ, иль лучше сказать, дѣлаетъ намъ священнѣйшимъ долгомъ почтеніе къ родителямъ нашимъ; также по чувствованію, недостатку испытанія, въ младыхъ нашихъ лѣтахъ, мы естественно обязываемся старѣйшихъ себя уважать. И тако степени лѣтъ и родства, при всѣхъ ровныхъ обстоятельствахъ, уже мнимое равенство между людей разрушаютъ. Я все вышеписанное говорю, взирая токмо отрѣшительно отъ всего другаго на природное состояніе человѣка: но если мы еще присовокупимъ къ тому многіе прилагательныя качества, которыя человѣкъ въ общежитіи *чрезъ воспитаніе и науку* пріобрѣтаетъ, то сіе намъ докажетъ, что не токмо не находится личное равенство между человѣка и человѣка, но можетъ оно и потомственное быть.

Пріемля за историческое основаніе себѣ священное писаніе, мы не можемъ сомнѣваться, чтобы всѣ мы не отъ единаго нашего праотца Адама и потомъ отъ Ноя произошли; и потому всѣ суть братія, и всѣ суть равно благородны; но выше означенное неравное раздѣленіе въ дарованіяхъ, также и преимущества, присвоенныя старшимъ въ родахъ, вскорѣ учинили *различіе между человѣка и человѣка*. Сіи первые получили начальство надъ равными себѣ, обязали тѣхъ не силою, но учиненными имъ услугами, и привлекли къ себѣ почтеніе: такъ что въ нѣкоторыхъ грубыхъ народахъ поставили въ память сихъ своихъ благодѣтелей столпы,

кумиры, учредили праздники, напамятованіи и накопецъ богами ихъ почли, и жертву имъ приносили. Дѣти и внучата сихъ благодѣтелей рода человѣческаго, поступкамъ предковъ своихъ подражая, тожъ почтеніе къ себѣ привлекая, удостоились сыны боговъ быть именованы; и сіе есть начало благородства, ибо не должно думать, чтобы иное, кромѣ благодарности, возмогло приклонить людей единаго изъ среди себя, самого и потомство его высшимъ себя сдѣлать.

Почтеніе, какое къ симъ первымъ своимъ благодѣтелямъ имѣли и въ потомкамъ тѣхъ, учинило, что родившіеся въ высшемъ сану изъ дѣтства своего навыкли познавать нужды народныя, владычествовать и управлять равными себѣ. Народъ, почитая ихъ происхожденіе, съ охотою имъ повиновался, а отъ сего происходило совершенное согласіе, долженствующее быть между начальниками и подчиненными, которое составляло блаженство народовъ, и дало основаніе сильнымъ имперіямъ.

Всѣ свѣдѣнія наши мы чрезъ чувства получаемъ, ибо въ самомъ дѣлѣ, чего мы не видали, не слыхали, не обоняли, не вкушали и не осязали, о томъ и понятія имѣть не можемъ, а все сіе, чтобъ получить чувствованіе чего бы то ни было, зависитъ отъ случая и обстоятельствъ; ибо дикій Американецъ, питающійся касавой, не будетъ имѣть понятія о произращеніи ржи, о удобномъ для нея земледѣліи, ни о употребленіи ея; ни Лапонецъ о апельсинныхъ деревьяхъ и плодахъ ихъ. Сказалъ же Ипократъ въ своихъ афоризмахъ: наука долга, а жизнь коротка; слѣдственно то состояніе людей, въ которомъ скорѣе можно пріобрѣсти себѣ разныя понятія, удобныя къ разнымъ родамъ службы государства, есть предпочтительное для пользы онаго; а сіе состояніе и есть потомственное благородство; ибо родившійся человѣкъ отъ благородныхъ родителей, служащихъ или служившихъ въ разныхъ должностяхъ своему отечеству, окромѣ превосходнаго наученія, которое попеченіями ихъ получаетъ, насматривается, какъ должно ему обходиться съ высшими, съ равными и съ низшими себя; въ бесѣдахъ родителей своихъ слышитъ о прежнихъ приключеніяхъ, внимаетъ похвалу добродѣтели и охуленія пороковъ; чрезъ разныя ихъ разглагольствія научается о состояніи политическомъ, гражданскомъ и военномъ своего отечества; слышитъ разныя дѣянія, питающія его умъ и научающія, какъ ему въ разныхъ обстоятельствахъ поступать; сообщество его съ его родственниками—почтеніе къ старшимъ себѣ или обхожденіе съ ровными—тѣ жъ ему наставленія подаютъ; отъ первыхъ онъ научается правиламъ, а со вторыми исполняетъ долгъ сообщества и благопристойности...—

Учиню ли я послѣ сего сравненія между воспитанія благороднаго и низкорожденнаго? Каждому, думаю, ощутительно, что всѣхъ вышеписанныхъ преимуществъ и удобностей низкорожденный имѣть не можетъ; а потому и заключаю, что благородство должно быть потомственно.

Разныя страсти владычествуютъ надъ человѣкомъ, но главнѣйшею считаю я честолюбіе, поелику сія страсть есть ничто иное, какъ преобразованіе самаго самолюбія. Сія страсть, побуждающая человѣка ко всѣмъ благороднымъ подвигамъ, затмѣвающая въ душѣ его тягость трудовъ, жестокость болѣзни и ужасъ смерти, есть наикрѣпчая подпора государствъ. Представимъ же себѣ благороднаго и низкорожденнаго: благородный воспоминаетъ своихъ предковъ и считаетъ ихъ заслуги, почитаетъ мертвыя тѣни ихъ, но почти совмѣстникомъ имъ становится, желая сравняться или и превзойти; ихъ прозваніе, которое онъ носитъ, ежечасно ему воспоминаетъ, что онъ долженъ себѣ, предкамъ своимъ и отечеству; яко нѣкоторый духъ, безпрестанно ему вопіющій, да сохранитъ имя невреждепно, которое онъ отъ благородныхъ родителей получилъ...—

Я долженъ теперь сказать о низкорожденномъ: не зритъ онъ и не знаетъ знатныхъ своихъ предковъ, не побужденъ онъ славою ихъ, не поощренъ онъ имепемъ своимъ; но онъ человѣкъ, и честолюбіе ему сродно. Но какое онъ честолюбіе будетъ имѣть, честолюбіе подражательное благороднымъ или почти можно сказать завидливое? Но и то охулить не можно, если он добродѣтельными стезями къ предмету своему пойдетъ, и достиженіе удостоиваетъ его сравняться съ благородными; но каждый чувствуетъ, что онъ побудительныхъ причинъ имѣетъ меньше, а потому и труднѣе сему быть. Государства же не трудные способы должны изыскивать, а легчайшими стараться себя управлять...

(Соч. кн. Щербатова т. I, с. 219 сл.)

97. Въ Московскомъ Благородномъ Собраніи.

(По Вигелю).

Въ эту зиму увидѣлъ я и Московскіе балы; два раза былъ я въ Благородномъ Собраніи. Зданіе его построено близъ Кремля, въ центрѣ Москвы, которая сама почитается средото-

чіемъ нашего отечества. Не одно Московское дворянство, но и дворяне всѣхъ почти Великороссійскихъ губерній, стекались сюда каждую зиму, чтобы показывать въ немъ женъ и дочерей. Въ огромной его залѣ, какъ въ величественномъ храмѣ, какъ въ сердцѣ Россіи, поставленъ былъ кумиръ Екатерины, и никакая зависть къ ея памяти не могла его исторгнуть. Чертогъ въ три яруса, весь бѣлый, весь въ колоннахъ, отъ яркаго освѣщенія весь какъ въ огнѣ горящій, тысячи толпящихся въ немъ посѣтителей и посѣтительницъ, въ лучшихъ нарядахъ, гремящіе въ немъ хоры музыки, и въ концѣ его, на нѣкоторомъ возвышеніи, улыбающійся всеобщему веселью мраморный ликъ Екатерины, какъ во дни ея жизни и нашего блаженства! Симъ чудеснымъ зрѣлищемъ я былъ пораженъ, очарованъ. Когда первое удивленіе прошло, я началъ пристальнѣе разсматривать безчисленное общество, въ коемъ находился: сколько прекрасныхъ лицъ, сколько важныхъ фигуръ и сколько блестящихъ нарядовъ! Но еще болѣе, сколько страшныхъ рожъ и одѣяній!

Помѣщики сосѣдственныхъ губерній почитали обязанностью каждый годъ, въ декабрѣ, со всѣмъ семействомъ отправлятися изъ деревни, на собственныхъ лошадяхъ, и пріѣзжать въ Москву около рождества, а на первой недѣлѣ поста возвращаться опять въ деревню. Сіи поѣздки имъ недорого стоили. Имъ предшествовали обыкновенно на крестьянскихъ лошадяхъ длинные обозы съ замороженными поросятами, гусями и курами, съ крупою, мукою и масломъ, со всѣми жизненными припасами. Каждаго ожидалъ собственный деревянный домъ, неприхотливо убранный, съ широкимъ дворомъ и садомъ безъ дорожекъ, заглохшимъ крапивой, но гдѣ можно было, однакоже, найти дюжину дикихъ яблонь и сотню кустовъ малины и смородины. Все Замоскворѣчье было застроено сими помѣщичьими домами. Въ короткое время ихъ пребыванія въ Москвѣ они не успѣвали дѣлать новыхъ знакомствъ и жили между собою въ обществѣ пріѣзжихъ, деревенскихъ сосѣдей: каждая губернія имѣла свой особый кругъ. Но по четвергамъ всѣ сіи соединялись въ большомъ кругу Благороднаго Собранія; тутъ увидятъ они статсъ-дамъ съ портретами, фрейлинъ съ вензелями, а сколько лентъ, сколько крестовъ, сколько богатыхъ одеждъ и алмазовъ!.. Есть про что цѣлые девять мѣсяцевъ разсказывать въ уѣздѣ, и все это съ удивленіемъ, безъ зависти: [illegible] для нихъ высота эта [illegible], [illegible] путешественнику [illegible] вершиной Эльбруса.

Не одно маленькое тщеславіе проводить вечера вмѣстѣ съ высшими представителями Россійскаго дворянства привлекало ихъ въ Собраніе. Нѣтъ почти русской семьи, въ которой бы не было подданными дочерей: авось или Дунюшка, или Параша приглянутся какому-нибудь хорошему человѣку! Но если хорошій человѣкъ не знакомъ никому изъ ихъ знакомыхъ, какъ быть? И на это есть средство. Въ старину (не знаю, можетъ быть, и теперь) существовало въ Москвѣ цѣлое сословіе свахъ; имъ сообщались лѣта невѣстъ, описи приданаго и брачныя условія: къ нимъ можно было прямо адресоваться, и онѣ договаривали родителямъ все то, что въ Собраніи не могли высказать дѣвицѣ одни только взгляды жениха. Пусть другіе смѣются, а въ простотѣ сихъ дѣдовскихъ нравовъ я вижу что-то трогательное. Для любопытныхъ наблюдателей было много пищи въ сихъ собраніяхъ; они могли легко замѣтить озабоченныхъ матерей, идущихъ объ руку съ дочерьми, и прочитать въ глазахъ ихъ безпокойную мысль, что можетъ быть въ сію минуту рѣшается ихъ участь; по веселому добродушію на лицахъ провинціаловъ, легко можно было отличить ихъ отъ постоянныхъ жителей Москвы.

Московское Благородное Собраніе существуетъ и нынѣ; зала его удивляетъ попрежнему простотою величія, попрежнему украшается единственно изображеніемъ Екатерины, но увы! она уже не форумъ русскаго дворянства: почти весь годъ стоитъ она пустая; только разъ или два по случаю пріѣзда царя, или другаго какого торжества, наполняется она опять людьми, но уже не въ такомъ числѣ, въ какомъ прежде собирались они въ нее еженедѣльно. Двѣнадцатый годъ болѣе всего сему Собранію нанесъ рѣшительный ударъ.

(Записки Ф. Вигеля. Томъ I, часть I, стр. 172—174.)

---

93. Москва — столица россійскаго дворянства.

По запискамъ Екатерины II.

Дворянство тогда еще болѣе, чѣмъ теперь, съ величайшимъ трудомъ покидало Москву, это излюбленное ими всѣми мѣсто, гдѣ главнымъ ихъ занятіемъ является бездѣліе и праздность и гдѣ они охотно проводили бы всю жизнь съ тѣмъ, чтобы таскаться цѣлый день [illegible] по городу [illegible], этой [illegible] роскоши, которая тамъ царитъ и скрываетъ отъ глазъ толпы

нечистоплотность усадебъ. Сплошь да рядомъ можно видѣть, какъ изъ огромнаго двора, покрытаго грязью и всякими нечистотами и прилегающаго къ плохой лачугѣ изъ прогнившихъ бревенъ, выѣзжаетъ осыпанная драгоцѣнностями и роскошно одѣтая дама въ великолѣпномъ экипажѣ, который тащатъ шесть скверныхъ клячъ въ грязной упряжи, съ нечесанными лакеями въ очень красивой ливреѣ, которую они безобразятъ своей неуклюжею внѣшностью.

Вообще и мужчины и женщины изнѣживаются въ этомъ обширномъ городѣ; они тамъ видятъ (только пустяки) и занимаются лишь пустяками, которые могутъ опошлить и самаго выдающагося и геніальнаго человѣка. Повинуясь, такъ сказать, только своимъ капризамъ и фантазіямъ, они обходятъ всѣ законы или плохо ихъ исполняютъ, обрекая себя тѣмъ самымъ на то, чтобы никогда не выучиться повелѣвать или (на то), чтобы стать деспотами. Предрасположеніе къ деспотизму выращивается тамъ лучше, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ обитаемомъ мѣстѣ на землѣ; оно прививается съ самаго ранняго возраста къ дѣтямъ, которыя видятъ, съ какой жестокостью ихъ родители обращаются со своими слугами; вѣдь нѣтъ дома, въ которомъ не было бы желѣзныхъ ошейниковъ, цѣпей и разныхъ другихъ инструментовъ для пытки при малѣйшей провинности тѣхъ, кого природа помѣстила въ этотъ несчастный классъ, которому нельзя разбить свои цѣпи безъ преступленія. Едва осмѣлишься сказать, что они такіе же люди, какъ мы, и даже когда я сама это говорю, я рискую тѣмъ, что въ меня станутъ бросать каменьями: чего я только ни выстрадала отъ такого безразсуднаго и жестокаго общества, когда въ Коммиссіи по составленію новаго Уложенія стали обсуждать нѣкоторые вопросы, относящіеся къ этому предмету, и когда невѣжественные дворяне, число которыхъ было неизмѣримо больше, чѣмъ я когда-либо могла предполагать, ибо слишкомъ высоко оцѣнивала тѣхъ, которые меня ежедневно окружали, стали догадываться, что эти вопросы могутъ привести къ нѣкоторому улучшенію въ настоящемъ положеніи земледѣльцевъ,—развѣ мы не видѣли, какъ даже графъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ, человѣкъ самый мягкій и въ сущности самый гуманный, у котораго доброта сердца граничитъ со слабостью, какъ даже этотъ человѣкъ съ негодованіемъ и страстью защищалъ дѣло рабства, которое бы долженъ былъ изобличать весь складъ его души! Не смѣю, впрочемъ, рѣшать, была ли ему эта роль внушена, или она вытекала изъ выгоды. Я привожу этотъ примѣръ, какъ одинъ изъ тѣхъ, которые показались мнѣ наиболѣе поразительными. Все, что можно сказать, это то, что если онъ грѣшилъ, то по крайней мѣрѣ съ полнымъ сознаніемъ, а сколько было такихъ, которыми руководилъ предразсудокъ или плохо понимаемая выгода. Я думаю, не было и двадцати человѣкъ, которые по этому предмету мыслили бы гуманно и какъ люди. А въ 1750 г. ихъ, конечно, было еще меньше и, я думаю, мало людей Россіи даже подозрѣвали, чтобы для слугъ существовало другое состояніе, кромѣ рабства.

(Записки Екатерины II, с. 174—176.)

---

99. Изъ «Живописца» Новикова.

1772 г.

Письмо уѣзднаго дворянина къ его сыну.

Сыну нашему Ѳалалею Трифоновичу, отъ отца твоего Трифона Панкратьевича, и отъ матери твоей Акулины Сидоровны, и отъ сестры твоей Варюшки, низкой поклонъ и великое челобитье...

— Да што ужъ и говорить, житье то наше дворянское ныньче стало очень худенько. Сказываютъ, что дворянамъ дана вольность: чортъ ли это слыхалъ, прости господи, какая вольность! дали вольность, а ничего не можно своею волею сдѣлать; нельзя у сосѣда и земли отнять. Въ старину то было намъ больше вольности, бывало отхватишь у сосѣда земли цѣлое поле; такъ ходи же онъ да проси, такъ еще десять копей потеряетъ; а вина, бывало, кури сколько хочешь, про себя сколько надобно, да и продашь на сотню мѣста. Коли воевода пріятель, такъ кури сколько въ его голову; того была воля-та! Нынче и денегъ отдавать въ проценты не велятъ: больше шести рублей брать не велятъ, а бывало такъ бирали на сто и по двадцати по пяти рублей. Нѣтъ ста, кто што ни говори, а старая воля лутче новой. Нынче только и воли, што можно выттить изъ службы, да поѣхать за море; а не слыхать што тамъ дѣлать: хлѣбецъ мы и здѣсь ѣдимъ, да таковскъ живемъ. А изъ службы тогда хоть и не вольно было выттить, такъ были на сто лѣкаря: отнесешь ему барашка въ бумажкѣ, да судьѣ другова, такъ и оставятъ за болѣзнями. Да ужъ бывало какъ пріѣдешь въ деревню-та, такъ его наверстаешь: былъ бы только умъ, да знать бы приказные дѣла, такъ сосѣди и не куркай. То-то было житье; ты Ѳалалеюшка не запомнишь етова.

Сестра твоя Варя посажена за грамоту, батько Иванъ самъ ей началъ азбуку въ ее именины: ей минуло пятнадцать лѣтъ: пора другъ мой, и объ этомъ подумать; вить ужъ скоро и женихи станутъ свататься; а безъ грамоты замужъ ее выдать негодится: и указа самой прочесть не льзя...

Нынче все ничего; и коляски пошли с дышлами, а и за это такъ же положено проклятіе; не льзя только взятки брать, да проценты выше указныхъ: а объ етомъ въ кормчей книгѣ ничего и не написано: на моей душѣ проклятія не будетъ; я и по сю пору ѣзжу въ зеленой своей коляскѣ съ оглоблями. Меня отрѣшили отъ дѣлъ за взятки; процентовъ большихъ не беру; такъ отъ чего же и разбогатѣть: вить не всякому богъ дастъ кладъ: а съ мужиковъ ты хоть кожу сдери, такъ не много прибыли. Я, кажется, таки и такъ не плошаю, да што ты изволишь сдѣлать: пять дней ходятъ они на мою работу, да много ли въ пять дней сдѣлаютъ: сѣку ихъ нещадно, а всё прибыли нѣтъ; годъ отъ году всё больше мужики нищаютъ: господь на насъ прогнѣвался: право Ѳалалеюшка и ума не приложу, что съ ними дѣлать.

Пріѣхалъ къ намъ сосѣдъ Брюжжаловъ, и привезъ съ собою какіе та печатные листочки, и будучи у меня читалъ ихъ. Что ето у васъ Ѳалалеюшка дѣлается, никакъ съ ума сошли всѣ дворяне? чего они смотрятъ, да я бы ему, проклятому, и ребра живова не оставилъ. Што за живописецъ такой у васъ проявился! Какой нибудь нѣмецъ, а православный етова не написалъ бы. Говоритъ, что помѣщики мучатъ крестьянъ, и называетъ тиранами, а того, проклятый, и не знаетъ, што въ старину тираны бывали не крещеные, и мучили святыхъ; посмотри самъ въ Чети Минеи; а наши мужики вить не святые: какъ же намъ быть тиранами? Изволитъ умничать, что мужики бѣдны: едакая бѣда; не ушто хочетъ онъ, чтобы мужики богатѣли, а мы бы дворяне скудѣли: да етова и господь не приказалъ: кому ни будь одному богатому быть надобно, либо помѣщику, либо крестьянину: вить не всѣмъ старцамъ въ игумнахъ быть; да на што они и крестьяне: его такое и дѣло, што работай безъ отдыху. Дайка имъ волю, такъ они и не вѣть что затѣютъ. Вотъ те на до чего дожили: только я на ето смотрѣть не буду: ври себѣ онъ что хочетъ: а я знаю, что съ мужиками дѣлать [1].

(Н. Новиковъ, «Живописецъ», стр. 106—111.)

---

[1]) Я нѣчто выключилъ изъ сего письма: такія мнѣнія оскорбляютъ человѣчество. *Авт.*

VII. Пугачевщина.

100. Усмиреніе взбунтовавшихся противъ помѣщика крестьянъ.

Въ бытность мою въ Дашковѣ подалъ одинъ помѣщикъ (а фамиліи его не упомню) прошеніе въ воеводскую канцелярію, что крестьяне его сдѣлались непослушными. Воевода, собравъ сколько у него при канцеляріи было солдатъ и разсыльщиковъ, съ ружьями и копьями, послалъ подьячева, по инструкціи забрать крестьянъ-ослушниковъ въ канцелярію для наказанія; но бунтующіе крестьяне приготовились заранѣе къ принятію таковыхъ незваныхъ къ себѣ гостей, не забыли вооружить себя каменьями, полѣньями, дубьемъ и рогатинами, для своего защищенія. Притомъ, они имѣли у себя изъ бунтовщиковъ одного главнаго уговорщика и предводителя, который объявлялъ о себѣ, что онъ отъ пули заговоритъ не только себя, но всѣхъ товарищей, которые съ нимъ городской командѣ противиться будутъ. Товарищи его, съ великою надеждою на своего предводителя и заговорщика отъ пуль уповая, выступили съ женами и дѣтьми своими противъ команды на драку. Городская команда, по малости своего числа, видя противъ себя великое множество собравшагося со всякимъ орудіемъ народа, захватила для себя удобное мѣсто въ деревнѣ, дабы кругомъ не быть обхваченной отъ бунтовщиковъ, кои неустрашимо шли прямо на посыльныхъ, и передъ ними предводитель и заговорщикъ ружья, человѣкъ молодой, роста великаго и стройнаго (я видѣлъ, когда его привезли въ канцелярію убитаго). Приближаясь, бунтовщики пустили изъ рукъ своихъ каменья и полѣнья, какъ градъ, и повторили разъ за разомъ, съ великимъ крикомъ и бранью, которымъ швыряньемъ они многихъ городовыхъ поранили. Между тѣмъ и городскіе посыльные, защищая себя, изъ своихъ ружей сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ изъ ружья по самомъ предводителѣ и заговорщикѣ пуль, что онъ не успѣлъ своихъ заговорныхъ словъ выговорить и палъ на землю мертвымъ. Увидя бунтовщики предводителя своего мертва, дрогнули всѣ и зачали спасать себя бѣгствомъ, куда кто могъ скрыться, го-

родскіе, видя такое смятеніе, не упустили сего случая и начали ловить бѣгущихъ и столько нахватали ихъ, сколько ихъ можно было взять съ собою.

Привезли они передъ канцелярію воеводскою въ Данковъ, къ наказанію, бунтовщиковъ на трехъ подводахъ, однихъ побитыхъ до смерти, въ томъ числѣ ихъ предводителя, и человѣкъ 20 полону здоровыхъ и раненыхъ. Я видѣлъ, когда допрашивали въ канцеляріи привезенныхъ бунтовщиковъ; крестьяне были все молодые и здоровые, по платью и по рубахамъ не походили они на степенныхъ крестьянъ, а на гулящихъ самыхъ бурлаковъ; при допросѣ они отвѣчали съ звѣрскимъ видомъ.

(Записки Данилова. Рус. бытъ XVIII в. 356—357 т. I.)

101. Инструкція воин. командамъ для усмиренія крестьянъ 1763 г.

Въ октябрѣ 1763 г. военная коллегія составила общіе правила, которыми должны были впредь руководствоваться начальники военныхъ отрядовъ, посылаемыхъ для усмиренія крестьянъ. Мы подробно изложимъ эту инструкцію, такъ какъ впослѣдствіи она служила основаніемъ для всѣхъ дѣйствій военныхъ командъ во время крестьянскихъ волненій.

Когда военный отрядъ приблизился къ мѣсту своего назначенія, его начальникъ приказываетъ зарядить ружья пулями, а пушку холостымъ зарядомъ. Потомъ требуетъ священника того прихода, къ которому принадлежатъ волнующіеся крестьяне, нѣкоторое количество окольныхъ жителей, въ видѣ понятыхъ, а также сотскихъ и десятскихъ и, остановившись саженяхъ въ двухстахъ отъ селенія, посылаетъ священника, комиссара, подьячаго и офицера съ 50 рядовыми уговаривать крестьянъ слушаться помѣщиковъ и властей, а между тѣмъ разставляетъ въ удобныхъ мѣстахъ пикеты, чтобы переловить ихъ въ случаѣ, если они разбѣгутся. Въ то же время главный отрядъ приближается къ селенію, при чемъ для устрашенія жителей раза три стрѣляютъ изъ пушки холостыми зарядами. Если увѣщанія офицера, посланнаго впередъ съ командою, не произведутъ никакого дѣйствія, онъ долженъ отступить для соединенія съ главнымъ отрядомъ. Приближаясь къ толпѣ крестьянъ, главный начальникъ также долженъ былъ требовать, чтобы они оставили свое упорство; если это не дѣйствовало, онъ приказывалъ, стрѣляя гранатами, зажечь солому и сѣно, которые обыкновенно сложены у крестьянъ на гумнѣ, и, произведя этотъ пожаръ, все продолжалъ наступленіе. Если это устрашитъ крестьянъ и они выкажутъ готовность къ послушанію, то начальникъ долженъ потребовать къ себѣ старосту или выборнаго съ лучшими крестьянами, «съ ласковостью» разспрашивать ихъ, что за причина непослушанія, и кто ихъ къ тому возмущалъ, и стараться переловить всѣхъ зачинщиковъ и потушить пожаръ, при чемъ солдаты не должны позволять себѣ никакихъ насилій надъ крестьянами. Затѣмъ арестованныхъ слѣдовало отправить въ ближайшее судебное мѣсто, а всѣхъ крестьянъ обязать подписками, что впредь они будутъ послушны. Если же дѣло приметъ иной оборотъ и на крестьянъ не подѣйствуетъ даже пожаръ, начавшійся въ ихъ селеніи, то слѣдуетъ дать залпъ изъ ружей, но только не по людямъ, а вверхъ; буде крестьяне не сробѣютъ и новыхъ увѣщаній не послушаютъ, то, подойдя къ нимъ ближе, выстрѣлить изъ пушки картечью, но также вверхъ, если же и послѣ того они будутъ бросать въ солдатъ камнями или нападать на нихъ съ какимъ-нибудь оружіемъ, то часть отряда должна начать настоящую пальбу и, какъ только толпа обратится въ бѣгство, прекративъ выстрѣлы, стараться переловить и разыскать зачинщиковъ. Наконецъ, если все это не образумитъ крестьянъ, то «поступать съ ними всѣмъ воинскимъ обрядомъ, аки съ противниками с. и. в. указовъ»...

(В. Семевскій. — Крестьяне въ цар. Екатерины II, т. I, с. 359—361).

102. Описаніе Московскаго бунта.

Составленное протіереемъ Петромъ Алексѣевымъ 1771 года сентября 15 дня.

При всей жестокости моровыя язвы, здѣсь распространившейся сильно, въ царствующемъ семъ градѣ, грѣхъ ради нашихъ открылося преужасное и слезамъ достойное кровопролитное позорище, сего мѣсяца 15 числа, то есть съ четвертка на пятокъ, бунтомъ отъ злой черни, отъ фабричныхъ, холопей, купцовъ, отставныхъ солдатъ и другихъ разночинцевъ учиненнымъ.

Въ 9-мъ часу по полудни, когда пришли отъ архіерея Московскаго посланные къ Варварскимъ воротамъ для счета денегъ, собранныхъ при образѣ пресвятыя богородицы Боголюбскія, что надъ вратами, и для запечатанія оныхъ консисторскою пе-

чатью, канцеляристъ консисторской и 7 человѣкъ солдатъ, данныхъ на то отъ г. Еропкина; и какъ подъячій снялъ печать купцову отъ сундука съ деньгами, то и сдѣлался пелѣпной крикъ отъ народа, нарочно туда заранѣе собравшагося и ожидавшаго уже не только присылныхъ отъ архіерея, но и самаго архіерея. Потомъ били подъячего и солдатъ, а ихъ перевязали, изъ коихъ иные и померли. Между тѣмъ бунтовщики послали своихъ на колокольню церкви всѣхъ святыхъ, что на Кулишкахъ и ударили въ набатъ, также и на другихъ окрестныхъ церквей колокольняхъ, отъ чего пошла тревога во всемъ городѣ. По набату, особливо городскому и трещоткамъ, на то по тайнымъ давно учиненнымъ отъ бунтовщиковъ повѣсткамъ, сбѣжалось безчисленное множество черни съ топорами, кольями, каменьями, кистенями и другими разбойническими орудіями, и пошли нарядныимъ дѣломъ къ Чудову монастырю съ великимъ азартомъ, грозя убить архіерея и какихъ то трехъ е н а р а л о в ъ. Туда прибѣжавъ въ 10-мъ часу, выломили ворота, что противъ Ивановской колокольни, и прямо въ кельи архіерейскія вломившися искали преосвященнаго, который, услышавши по начавшемуся набату, что тамъ мятежъ, куда отъ него люди посланы, уѣхалъ вонъ изъ монастыря съ племянникомъ Николаемъ Н. [1]) въ кибиткѣ; а какъ не нашедъ архіерея, застали только брата его, Воскресенскаго архимандрита, коего били и допрашивали, что архіерей поѣхалъ въ Донской монастырь, а оттуда хотѣлъ де уѣхать въ Воскресенской. Тогда мятежники отрядъ послали для сыску его. Другіе же пошли для распущенія людей изъ карантиновъ, коихъ и распустили. Оставшіе же злодѣи грабили монастырь безъ пощады, особливо въ кельяхъ архіерейскихъ растащили что кому попалося, и продолжали оное грабительство цѣлыя сутки, въ виду дрожащаго народа, не малымъ числомъ на позоръ сей сбѣжавшагося въ Кремль, съ великимъ буянствомъ неся оттуда книги, деньги, платье, картины, посуду всякаго рода, постели, въ томъ числѣ и вѣнцы съ образовъ, сосуды священные, панагіи, пелены и прочее. И никто изъ градоначальниковъ не смѣлъ имъ препятствовать.

Послѣ обѣдни [2]) по усердію своему пріѣхалъ верхомъ, съ двумя лакеями верховыми Федоръ И. Мамоновъ [3]) къ Чудову монастырю съ заднихъ воротъ (чему я былъ самовидецъ), и оставя съ лошадьми одного лакея, съ другимъ пошелъ въ монастырь и, побывши тамъ минутъ съ 5, опрометью выбѣжалъ изъ воротъ, а въ него метали изъ монастыря камни и полѣнья. Онъ сперва оборонялся пистолетами, а потомъ шпагою; но, увидя превосходную силу, побѣжалъ къ Никольскимъ воротамъ, а его били въ догонку, чѣмъ ни попало, однако еще съ ногъ не свалили, покамѣстъ одинъ бунтовщикъ не ударилъ его большимъ камнемъ по головѣ, отъ котораго удару Мамоновъ упалъ на землю, и тутъ лежащаго нѣсколько поколотили же. Люди, подхватя полумертваго господина, на рукахъ отнесли за Никольскія ворота къ гауптвахтѣ, который, сказывали, отъ тѣхъ побой на другой день и умеръ. А 20-го числа я услышалъ, что онъ еще живъ.

Того же дня, во время литургіи, отдѣленные бунтовщики, пришедъ къ Донскому монастырю, видно что по подзоху, взошли во оной и напали, выломя двери южныя алтарныя, на служащаго дьякона и бивъ его спрашивали: гдѣ архіерей, и казначея больно же били. Какъ тебѣ де не знать, гдѣ архіерей спрятался, у тебя ключи отъ церкви? Онъ показалъ на племянника архіерейскаго, въ банѣ скрывшагося, что не знаетъ ли развѣ онъ, который, хотя и побитъ нѣсколько, однако табакерками золотыми и часами ихъ удовольствовалъ, и тѣмъ отъ смерти избавился. А преосвященный до входу ихъ въ церковь исповѣдывался и св. таинъ на литургіи пріобщился, и взошелъ на палати или хоры, что за иконостасомъ въ алтарѣ, на четвертый ярусъ, а за нимъ Епифаній Могилевскій изъ Кіева, архимандритъ, туда же взбѣжалъ, и тамъ сидѣли. Крамольники, обыскивая во алтарѣ, подъ престоломъ и подъ жертвенникомъ, усмотрѣли дверь у всхода на тѣ хоры, запертую замкомъ и сбивъ оной, побѣжали вверхъ и ощутя сперва Епифанія, закричали: здѣсь, здѣсь онъ! Однако знающіе изъ нихъ оспорили: это не онъ, и пошли выше на хоры. И одинъ дѣтина, лѣтъ 12, вдругъ взвизгнулъ: вотъ онъ здѣсь! Откуда ругательски его стащили, и какъ свели въ церковь, архіерей просилъ, чтобъ допустили его приложиться къ образу пресвятыя богородицы Донскія, къ чему они и допустили. Потомъ за волосы потащили изъ церкви. Выволокши же на паперть, одинъ изъ злой шайки, буйной мужикъ, ударилъ въ високъ архіерея, но иные изъ нихъ закричали на того, не бей здѣсь, погоди. А св. владыку допрашивали: Ты ли послалъ грабить богородицу? Ты ли не велѣлъ хоронить покойниковъ у церквей? Ты ли присудилъ забирать насъ въ карантины? И кто съ тобою въ этой

[1]) Бантышъ-Каменскимъ.

[2]) Т.-е. на другой день, 16 Сентября.

[3]) Бригадиръ.

думѣ за одно? А все то видели смертоносныя неподобно ту злобу, которая [illegible] пастырскому и [illegible] честныхъ людей [illegible] инствомъ.

Выволокши же изъ монастыря семень десять или больше отъ [illegible], возвеистовалися на святителя Христова и своего отценачальника, били смертельно съ поруганіями близъ двухъ часовъ; убивши же до смерти, отступили мало, сквернія языками своими воздухъ; присмотря же, что едина рука правая отмашкою двигнулася, съ чего принялися паки бить кольями по головѣ; отступивши же нѣсколько, увидѣли, что шевался тотъ священный страдалецъ раменами, то и третично били, дондеже одинъ какой-то церковникъ, діавольской церкви слуга, послѣднимъ довершилъ ударомъ, отрубя нѣсколько отъ главы, коя часть надъ глазомъ и осталася висящею.

И тако священномученикъ Амвросій, архіепископъ Московскій, жизнь свою страдальчески скончалъ мѣсяца сентября въ 16 день: безчеловѣчно уражено тѣло его, переломаны кости, и изможденна глава его несказаннымъ образомъ. Повреждены мощи достойно почитаемаго человѣка на пути, обагренномъ кровію, близъ будки, что у заднихъ монастырскихъ вратъ, въ жалость приводя всѣхъ мимоходящихъ, кромѣ тѣхъ злодѣевъ, осквернившихъ нечестивые свои руки убійствомъ архіерея божія. Однако никто чрезъ два дни не смѣлъ отдать долгу христіанскаго, и съ соболѣзнованіемъ объ немъ выговорить слова явно. Я вчерашняго числа въ томъ монастырѣ служилъ обѣдню по причинѣ отпѣванія г. Стрешнева Петра Ивановича[1]) и удостоился видѣть въ церкви больничной поднятое тѣло преосвященнаго и уже во гробѣ положенное. Архимандритъ Донской, во время сего случая, пролежалъ въ нижней церкви подъ лавкою и не найденъ тогда, а только что въ кельѣ у него растащено много тѣми злодѣями, искавшими архіерея.

Ночь на 16 число не можно изобразить, какъ была страшна всему граду, потому что въ набатъ били безпрестанно бунтовщики у многихъ церквей, и въ Чудовѣ монастырѣ и въ Городской, а какъ не видно нигдѣ пожару, то не знали сперва обыватели, на что подумать: иной говоритъ, что пришли турки, иной сказываетъ, что богородцу грабятъ, и бѣжали со всѣхъ странъ въ городъ злодѣи, съ разбойническимъ оружіемъ, отъ чего всѣ обыватели въ трепетѣ и отчаяніи были. По тѣмъ не кончилася сія трагедія.

На 17 число, въ память царевны Софіи, [illegible] такіе потѣхи, проклятая чернь паки собралася около Варварскихъ воротъ, и какъ только смеркалося, то ударили въ набатъ на колокольняхъ и пошли многочисленнѣе прежняго въ Кремлю съ тѣмъ, чтобъ убить Еропкина и другихъ кого-то. Какой крикъ и гамъ поднялся отъ сей нечестивой скотины, что и набатные колокола заглушить не могли! Городъ, не оправившися еще отъ прежняго страха, которой многихъ и на тотъ свѣтъ отправилъ, подумалъ, что это свѣту представленіе, и хозяева не смѣли изъ покоевъ посмотрѣть, не только что изъ двора сойти для какой-нибудь надобности. Г. Еропкинъ, не допустя сію злую сонмицу до Лобнаго мѣста, встрѣтилъ ихъ противъ голичнаго ряду съ командою военною и съ пушкою и отправилъ, сказываютъ, г. губернатора здѣшняго напредь ихъ увѣщевать, а пьяная толпа просила выдать руками Еропкина, а ежели не будетъ выданъ, то грозила страшными бѣдами всему столичному городу, и потрясеніемъ разорительнымъ государству. А какъ увѣщаніе безчувственнымъ людемъ стало тщетно, то велѣно по нихъ выстрѣлить холостыми зарядами, изъ пушки низкомъ, чѣмъ злодѣи, больше разсвирѣпѣвши, вдругъ бросилися на солдатъ съ дубьемъ и каменьемъ, и обратили было въ бѣгство команду, и насилу увезена пушка къ Спасскимъ воротамъ, помощію примкнутыхъ штыковъ. Но подоспѣвшій на ту пору Великолуцкой полкъ, содержащій здѣсь караулы, котораго большая часть выведена была прежде за 30 верстъ отъ Москвы, по причинѣ коснувшейся яко бы къ нимъ моровой язвы, подкрѣпилъ команду, и приказано уже стрѣлять по мятежникамъ въ правду картечами и пулями, чѣмъ повалили такъ много черни, что считаютъ до тысячи однихъ убитыхъ, да нѣсколько раненыхъ ушли, а до двухъ сотъ наловлено разбойниковъ и святотатцевъ, и посажено въ погребахъ кремлевскихъ, а скверныхъ ихъ звонарей отъ набатныхъ колоколовъ никакъ нельзя было оттащить, дондеже солдаты съ колоколенъ на штыкахъ ихъ не снесли, и до такого остервененія дошли, что, будучи безоружны и окружены военною командою, пощады не просили.

На 18 число взяты отъ градоначальниковъ приличныя предосторожности, дабы соблюсти градъ въ безмятежіи: у всѣхъ Кремлевскихъ воротъ поставлены большіе караулы, и надъ ними гвардейскіе офицеры, инде подведены пушки, и никого изъ шатающейся черни въ городъ не пропускаютъ, обывателей же созва-

[1]) Генералъ-аншефа, ум. 5 сент. 1771. П. Б.

вши на съѣзжій дворъ, увѣщевали быть во всякой осторожности и приказы полицейскіе отдали имъ: ежели случится пожаръ, то бы съ каждаго двора бѣжалъ человѣкъ съ чѣмъ ему должно быть на пожарѣ, а другіе бъ того двора люди съ пустыми руками туда не ходили. При томъ присматривать людей уязвленныхъ на лицѣ или порубленныхъ, коихъ яко бунтовщиковъ объявлять: количное, также изъ Чудова монастыря унесенное и у кого—явившееся подаетъ причину подозрѣвать на того человѣка въ сообщеніи съ злодѣями. По улицамъ черни не скопляться, въ противномъ же случаѣ взяты будутъ подъ караулъ. Мнѣ самому слышать удалося уже на осмо на десять число въ ночи по берегу отъ идущихъ съ дреколіемъ гурьбою людей: *пойдемъ на Прѣсню къ царевичу-комендашту, онъ за чернь идетъ воевать противъ Еропкина.* Однако предводителя того не нашли, и сами разбрелися, а все то было вранье, врали злодѣи и больше, да писать страшно.

Описаннымъ здѣсь печальнымъ приключеніямъ, какъ не всѣмъ я былъ самовидецъ (о чемъ благодареніе богу), но по большей части отъ слуха принятые положилъ на бумагу, то и не увѣряю васъ точно, чтобъ все было описано безъ ошибки, а особливо въ разсужденіи числа людей или обстоятельства мѣстъ. Уповательно будетъ впредь манифестъ обнародованъ съ подобающею о всемъ подробностью, тамъ всякъ можетъ читать, такъ какъ исторію, о злоумышленномъ семъ бунтѣ: съ тою только отмѣною, что не имѣетъ дѣйствительно чувствовать того несказаннаго страха, какимъ мы объяты были въ то несчастное для Москвы, безчестное для государства, вредительное и преобидное для церкви россійской время.

P. S. Мнѣ за полчаса времени до начатія бунта случилося ѣхать изъ гостей отъ одного сродника и по дорогѣ заѣхать къ Варварскимъ воротамъ съ женою и съ сыномъ; куда за множествомъ яко бы народа насъ не пропустили, и такъ я, вышедъ изъ коляски, подошелъ для посмотрѣнія образа, и засталъ при томъ нѣсколько кучь народа между собою злосовѣщающихъ. Изъ одной шайки злодѣевъ вышелъ нѣкоторый маэоръ, мною незнаемой, но меня знающій, попрося благословенія и назвавши меня по чину, спрашивалъ: Скоро ли будетъ сюда преосвященный? Я отвѣтствовалъ: Не знаю. — У него ста и карета уже подвезена къ крыльцу. Я и на то отвѣтъ далъ тотъ же, а примѣтя, что это значитъ, тотчасъ возвратился къ своей коляскѣ, гдѣ меня фамилія ожидала. Послѣ, какъ вышло смятеніе по пріѣздѣ моемъ въ домъ, благодареніе воздалъ богу, что на ту пору ничего я не сказалъ по архіереѣ, или въ предосужденіе ихъ богомолія умышленнаго: они бы, можетъ быть, почли меня за подосланнаго отъ архіерея и убили бы.

И тако я вседомовнѣ живъ остаюся вашъ богомолецъ [1]).

К. П. А.

(Русскій Архив. 1863 г. Выпускъ первый, стр. 910 — 916.)

103. Воззванія Пугачева.

1. Къ яицкимъ казакамъ.

(1773, сент. 17.)

Самодержавнаго амператора нашего, великого государя
Петра Ѳедаровича всеросийскаго
і прочая, і прочая, і прочая.

Во имянномъ моемъ указе изображено Яицкому войску: какъ вы, други мои, прежнимъ царямъ служили до капли своей до крови дѣды и отцы вашы, такъ и вы послужите за свое отечество мнѣ великому государю амператору Петру Ѳедаровичу. Когда вы устоити за свое отечество, и нисточитъ ваша слава казачья отъ ныне и до веку и у дѣтей вашыхъ; будете мною великимъ государемъ, жалованы казаки, калмыки и татары. И которые мне государю, амператорскому величеству Петру Ѳедаровичу, винъныя были, и я государь Петръ Ѳедаровичъ во всехъ винахъ прощаю и жаловаю я васъ: рякою съ верьшинъ и до усья и землею, и травами и денежънымъ жалованьямъ, и свинцомъ, и порахамъ и хлебнымъ провіянтамъ, я, великій государь амператоръ, жалую васъ Петръ Ѳедаровичъ 1773 году септября 17 числа.

(Дубровинъ. Пугачевъ и его сообщники. Томъ I. Стр. 246—247.)

2. Къ русскому населенію (на Уральскихъ заводахъ.)

(Май 1774 г.)

(Въ указѣ, обращенномъ къ русскому населенію, Пугачевъ писалъ:)—мы отеческимъ нашимъ милосердіемъ и попеченіемъ жалуемъ всѣхъ вѣрноподданныхъ нашихъ, кои помнятъ долгъ своей къ намъ присяги, вольностію, безъ всякаго требованія въ казну подушныхъ и прочихъ податей и рекрутовъ набору, коими

[1]) Т.-е. Катехизаторъ Петръ Алексеевъ; такъ назывался тогда профессоръ богословія при Московскомъ университетѣ. П. Б.

казна сама собою довольствоваться можетъ, а войско наше изъ вольножелающихъ къ службѣ нашей великое исчисленіе имѣть будетъ. Сверхъ того, въ Россіи дворянство крестьянъ своихъ великими работами и податями отягощать не будетъ, по неже каждый возчувствуетъ прописанную вольность и свободу.

(Дубровинъ. Пугачевъ и его сообщники. Томъ III. Стр. 53.)

3. Къ русскимъ крестьянамъ (на Волгѣ.)

(Іюль 1774 г.).

Божіею милостію, мы Петръ III, императоръ и самодержецъ всероссійскій и проч., проч., проч.

Жалуемъ симъ именнымъ указомъ, съ монаршимъ и отеческимъ нашимъ милосердіемъ, всѣмъ находящимся прежде въ крестьянствѣ и подданствѣ помѣщиковъ, быть вѣрноподданными рабами собственно нашей короны и награждаемъ древнимъ крестомъ и молитвою, головами и бородами, вольностію и свободою, вѣчно казаками, не требуя рекрутскихъ наборовъ, подушныхъ и прочихъ денежныхъ податей, во владѣніе землями, лѣсными, сѣнокосными угодьями, рыбными ловлями, соляными озерами безъ покупки и безъ оброку и освобождаемъ отъ всѣхъ прежде чинимыхъ.— отъ злодѣевъ дворянъ, градскихъ мздоимцовъ и судей—крестьянамъ и всему народу налагаемыхъ податей и отягощеніевъ. Желаемъ вамъ спасенія душъ и спокойной въ свѣтѣ жизни, для которой мы вкусили и претерпѣли отъ предписанныхъ злодѣевъ дворянъ стралствіе и немалыя бѣдствія.

А какъ нынѣ имя наше властію всевышней десницы въ Россіи процвѣтаетъ, того ради повелѣваемъ симъ нашимъ именнымъ указомъ: кои дворяне въ своихъ помѣстьяхъ и вотчинахъ находятся, оныхъ, противниковъ нашей власти, возмутителей имперіи и разорителей крестьянъ, ловить, казнить и вѣшать и поступать равнымъ образомъ такъ, какъ они, не имѣя въ себѣ христіанства, чинили съ своими крестьянами, по истребленіи которыхъ противниковъ и злодѣевъ дворянъ всякій можетъ возчувствовать тишину, спокойную жизнь, кои до вѣка продолжаться будутъ.

(Дубровинъ. Пугачевъ и его сообщники. Томъ III. Стр. 112).

104. Манифесты Пугачева.

Божіею милостію мы, Петръ третій, императоръ и самодержецъ всея Россіи и прочая.

Антиповской станицы г. атаману Ивану Платонову съ старшинами и всей Антиповской станицѣ объявляется всенародное извѣстіе.

Упователько всей Россіи не безъизвѣстно, которой уже большая половина подъ скипетръ и корону нашу добропорядочнымъ образомъ склонилась, и признавъ васъ, обстоятельно увѣрясь о точномъ нашемъ имени, а особливо нѣсколько Донского и Волжскаго войска, оказываетъ въ нашей службѣ ревность и усердіе: того ради и вамъ г. атаману Платонову съ войскомъ посылаемъ всемилостивѣйшій нашъ именной указъ съ монаршимъ и отеческимъ милосердіемъ, и повелѣваемъ: по прибытіи нашемъ съ арміею, учинить пристойное стрѣтѣніе; понеже завтра въ половину дня прибыть имѣемъ; для чего быть готовымъ въ нашу службу; а злодѣевъ дворянъ всячески стараться искоренить: въ вѣрность чего за подписаніемъ нашей руки и приложеніемъ короны указъ сей данъ Августа 10 дня 1774 года.

Петръ.

II.

Божіею милостію мы, Петръ третій, императоръ и самодержецъ всероссійскій и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляется города Царицына Донского войска казачьимъ старшинамъ и всему Донскому войску во всенародное извѣстіе.

Вы уже довольно и обстоятельно знаете, что подъ скипетръ и корону нашу почти уже вся Россія добропорядочнымъ образомъ, по прежней своей присягѣ, склонилась; сверхъ того нѣсколько Донского и Волжскаго войска оказываетъ на службѣ нашей, въ искорененіи противниковъ, разорителей и возмутителей Имперіи — дворянъ, ревность и усердіе, и получили себѣ свободную вольность нашу монаршую милость и награжденіе древняго святыхъ отецъ преданія крестомъ и молитвою, головами и бородами. Того ради, какъ мы всемилостивѣйшій монархъ и попечитель обо всѣхъ подданныхъ рабахъ желаемъ приклонить въ единственное вѣрноподданство всѣхъ и васъ, и видѣть доказательство къ службѣ нашей ревность отъ васъ; вы же нынѣ помрачены, но и ослѣплены прельщеніемъ тѣхъ проклятаго рода дворянъ, которые, не насытясь Россіею, но и природное казачье войско хотѣли раздѣлить въ крѣпость свою и истребить казачій родъ. Мы, однако, по власти всевышней десницы, надѣялись, что вы, признавъ оказанныя противъ нашей монаршей власти и своего царя противности и звѣрскія стремленія, которыя вамъ всегда будутъ въ погибель и повелителямъ вашимъ, раскаетесь и придете въ чувство покаянія, за что можете

получить конечное наше прощеніе и сверхъ того награжденье такое, какое получали отъ насъ склонившіеся въ вѣрноподданство рабы; въ свидѣтельство того мы собственною рукою подписать соизволили — Августа 13 дня 1774 года.

Петръ.

---

105. Пугачевскіе листы.

1) Божіею милостію мы Петръ третій, императоръ и самодержецъ всероссійскій, и проч., и проч., и проч.

Объявляется во всенародное извѣстіе.

Не безъизвѣстно есть каждому вѣрноподданному рабу, какимъ образомъ мы не отъ доброжелателей и завистцовъ общаго покоя всероссійскаго и по всѣмъ правамъ принадлежащаго престола лишены были, а нынѣ всемогущій господь неизрѣченнымъ своими праведными судьбами, а моленіемъ и усерднѣйшимъ желаніемъ нашихъ вѣрноподданныхъ рабовъ скипетру нашему покоряетъ, а завистцовъ общему покою и благочинію подъ ноги наши повергаетъ; только нынѣ нѣкоторые, ослѣпясь невѣдѣніемъ или помрачены отъ зависти злобою, не приходятъ въ чувство и высокой власти нашей чинятъ противленіе и непокореніе и тщатся пропвѣтшаяся искра наша такимъ же образомъ, какъ и прежде, угасить и нашихъ вѣрноподданныхъ рабовъ, истинныхъ сыновъ отечеству, аки младенцевъ осиротѣть. Однако мы, по природному нашему къ вѣрноподданнымъ отеческому неизрѣченному великодушію, буде кто и нынѣ, возникнувъ отъ мрака невѣдѣнія и пришедъ въ чувство, власти нашей усердно покоритесь и во всеподданническія должности быть повинитесь, всемилостивѣйше прощаемъ, сверхъ того всякою вольностью отеческой васъ жалуемъ. А буде же кто и за симъ въ такомъ ожесточеніи и суровости останется, и данной намъ отъ создателя высокой власти не покоритесь, то уже неминуемо навлечете на себя праведный нашъ и неизбѣжимый гнѣвъ, — чего ради отъ васъ для надлежащаго исполненія и всенароднаго истиннаго познанія, симъ и публикуется. Декабря 2-го дня 1774 года.

На подлинномъ подписано собственною его императорскаго величества рукою тако: «П е т р ъ».

(Скрѣпилъ): Ротный писарь Василій П р о т о п о п о в ъ.

2) Находящимся въ городѣ Челябинскѣ всякаго званія людямъ. Не иное что къ вамъ, прелестные церкви святой сыны, я простираю руку мою, — къ написанію сего. Господь нашъ Іисусъ Христосъ желаетъ и произвести соизволяетъ своимъ святымъ промысломъ Россію отъ ига работы — какой же, говорю я вамъ; всему свѣту извѣстно, сколько во изнуреніе приведена Россія, — отъ кого жъ, вамъ самимъ то не безъизвѣстно: дворянство обладаетъ крестьянами, но хотя въ законѣ божіемъ и написано, чтобъ они крестьянъ такъ же содержали, какъ и дѣтей, но они не только за работника, но хуже почитали (собакъ) своихъ, съ которыми гоняли за зайцами; компанейщики завели премножество заводовъ и такъ крестьянъ работою утрудили, что и въ ссылкахъ того никогда не бываетъ, да и нѣтъ, а напротивъ того съ женами и дѣтьми малолѣтными не было ли ко господу слезъ; и чрезъ то услыша яко израильтянъ отъ ига работы избавляетъ; дворянство же премногого-щедраго отца отечества великаго государя Петра Федоровича, за то, что онъ соизволилъ при вступленіи своемъ на престолъ о крестьянахъ указать, чтобъ у дворянъ ихъ не было во владѣніи, но то дворянамъ нежели нынѣ, но и тогда, не пользовало, а кольми паче нынѣ изгнали всякимъ неправеднымъ поведеніемъ; и такъ, чрезъ то принужденнымъ нашелся одиннадцать лѣтъ отецъ нашъ странствовать, а мы, бѣдные люди, остались сиротами, а нынѣ отца нашего, хотя мы и стараніе прилагаемъ возвести, но дворянство и еще вымыселъ сдѣлало назвать такъ дерзко бродягою, донскимъ казакомъ Пугачевымъ, а напротивъ того, еще наказаннымъ кнутомъ и клеймы имѣющимъ на лбу и щекахъ; но если бъ, други и пріятные святые церкви чада, мы были прещедраго отца отечества великаго государя Петра Федоровича не самовидцы, то-бъ и мы вѣры не поняли; чрезъ что васъ увѣряемъ — не сомнѣваться и вѣрить дѣйствительно и вѣрно — государь нашъ истинно; чего ради сіе послѣднее къ вамъ увѣщаніе пишу, пріидите въ чувство и усердно власти его императорскому величеству покоритесь; намъ кровь православныхъ не нужна, да и мы такіе же, какъ и вы, точно православные вѣры, за что намъ дѣлать междоусобныя брани? А пропади тотъ, кто государю не желалъ добра, а себѣ самому; слѣдственно, всѣ предпріятія вамъ уже разумѣть можно; и если вы въ склонность придти не пожелаете, то уже говорю не скрытно, ввѣренныя мнѣ отъ его императорскаго величества войска на васъ подвигнуть вскорѣ имѣю; и тогда уже сами разсудите — можно ли ожидать прощенія; мой же совѣтъ, для чего напрасно умирать и претерпѣвать разореніе всѣмъ вамъ гражданамъ? Вы, надѣюсь, подумаете, что Челябинскъ славный по Россіи городъ и каменную имѣетъ стѣну и строеніе

отстоится, не думайте, пріятныя. предѣлъ отъ бога положенъ, его же никто прейти не можетъ; а вамъ навѣрное говорю, что стоять — не устоять, пожалуйте не проливайте напрасно свою кровь, орды невѣрныя государю покорились. а мы — противотворникамъ. Затѣмъ скратя симъ остаюсь, января 8-го дня 1774 год.

(Подлинный подписалъ тако): Посланный отъ арміи его императорскаго величества главной арміи полковникъ Иванъ Грязновъ [1]).

Русская Старина, 1875 г., т. 13, стр. 273.

106. Организація Пугачева.

(По Дубровину).

Остановясь въ Бердѣ, Пугачевъ и его ближайшіе совѣтники расположились въ слободѣ, причемъ самозванецъ занялъ лучшій домъ казака Ситникова и назвалъ его «государевымъ дворцомъ». Стѣны дворца вмѣсто обоевъ были обиты шумихой, украшены зеркалами, и на видномъ мѣстѣ висѣлъ портретъ цесаревича Павла Петровича, взятый въ имѣніи Тимашева и привезенный въ Берду атаманомъ Андреемъ Овчинниковымъ. (Впослѣдствіи пропалъ безъ вѣсти въ сраженіи подъ Чернымъ-Яромъ). На крыльцѣ «государева дворца» находился постоянный караулъ въ 25 человѣкъ, выбранныхъ изъ наиболѣе преданныхъ самозванцу яицкихъ казаковъ, составлявшихъ гвардію Пугачева и его конвой при торжественныхъ въѣздахъ.

Гвардія эта пользовалась нѣкоторыми привиллегіями и составляла отдѣльную единицу въ общей организаціи пугачевскихъ войскъ, подчиненныхъ сначала одному Андрею Овчинникову, носившему званіе главнаго атамана, а потомъ раздѣленныхъ на полки различной численности, но по возможности одинаковаго племенного состава. Такъ Овчинниковъ командовалъ полкомъ яицкихъ казаковъ, полковники: Иванъ Твороговъ — полкомъ илецкихъ казаковъ, Билдинъ — исетскихъ казаковъ, Тимофей Падуровъ — оренбургскихъ и другихъ казаковъ, взятыхъ въ крѣпостяхъ. Дербетевъ — полкомъ ставропольскихъ калмыковъ. Мусса-Аліевъ — каргалинскихъ татаръ. Кинзя-Арслановъ — полкомъ башкирскимъ. Хлопуша—полкомъ заводскихъ крестьянъ. Всѣми плѣнными солдатами командовалъ Шванвичъ, а всею остальной сборною пѣхотою завѣдывалъ Казанскаго уѣзда татаринъ Абдулъ. Артиллеріей управлялъ, подъ руководствомъ казака Чумакова, взятый въ Татищевой крѣпости солдатъ Калмыковъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ обязанъ былъ исправлять испорченныя пушки и мортиры.

Полки дѣлились на роты, человѣкъ во сто каждая, и ими командовали сотники, есаулы и хорунжіе. Выборъ должностныхъ лицъ, даже и нѣкоторыхъ полковыхъ командировъ, производился почти исключительно яицкими казаками, имѣвшими значительное вліяніе на всѣхъ остальныхъ. Обыкновенно собирался кругъ, которому предлагали имена кандидатовъ на должности, и «если выбираемый былъ не по ихъ мысли, то казаки кричали: негоденъ». Ни полковые командиры, ни ихъ помощники не знали точно, сколько находилось въ ихъ вѣдѣніи людей.

«Списковъ не было, показывалъ впослѣдствіи Шигаевъ, потому что часто прибывали и убывали, а былъ счетъ однимъ только командирамъ, коимъ въ руки и жалованіе на ихъ команду отдавалось». Сводя показанія многихъ лицъ, можно заключить, что въ началѣ декабря 1773 года силы Пугачева простирались до 15 тысячъ человѣкъ съ 86 орудіями разныхъ калибровъ. Все это ополченіе было весьма плохо вооружено: кто копьемъ, кто пистолетомъ, кто офицерскою шпагой; ружей сравнительно было мало; башкирцы были вооружены стрѣлами; а большая часть пѣхоты имѣла штыки, воткнутые на палки, часть была вооружена дубинами, а остальные не имѣли вовсе никакого оружія и ходили подъ Оренбургъ съ одною плетью. Барабановъ и трубъ не было, а потому утренняя и вечерняя заря обозначались выстрѣлами изъ орудій; «буде сдѣлается какая тревога, то собираютъ народъ атаманы, сотники и десятники (хорунжіе), а иногда и самъ самозванецъ бѣгаетъ подъ окно къ яицкимъ казакамъ и приказываетъ выходить въ походъ».

Каждый полкъ стоялъ особо въ своихъ землянкахъ и имѣлъ свое знамя, приготовленное изъ шелковой матеріи желтаго и краснаго цвѣта. На однихъ знаменахъ были нашиты кресты, на другихъ ликъ спасителя или Николая чудотворца. Полки поочередно посылались на сторожевую службу и на единственную заставу (наблюдательный отрядъ), учрежденную на рѣкѣ Сакмарѣ, ниже моста. На этой заставѣ располагалось обыкновенно до двухсотъ человѣкъ, а въ разъѣзды по степной сторонѣ рѣки Яика посылались партіи по сту и болѣе человѣкъ. Сторожевая служба отправлялась, конечно, самымъ первобытнымъ способомъ: не было ни паролей, ни лозунговъ. а «когда по пикетамъ, показывалъ подпрапорщикъ Аверкіевъ, въ ночное время разъѣзжаютъ дозоры и ихъ окликаютъ, то они не больше отвѣчаютъ, что казакъ, а не-

тому и можно безо всякой опасности объѣзжать ихъ пикеты и вѣрнымъ изъ войскъ ее величества».

Продовольствіе пріобрѣталось при помощи фуражировокъ, грабежа и доставки изъ селеній, принявшихъ сторону самозванца. Хлѣбъ и скотъ доставлялись изъ занятыхъ крѣпостей, изъ Каргалинской слободы и Сакмарскаго городка. Все это, по словамъ оренбургской слѣдственной комиссіи, дѣлалось «почти безъ чувствованія тягости, обнадѣясь на обѣщанныя имъ (жителямъ) льготы и вольность».

Вскорѣ послѣ перехода въ Берду, мятежники захватили 300 лошадей, 100 быковъ и 3.000 овецъ, отправленныхъ киргизомъ Аблаемъ для продажи въ Оренбургъ. Пугачевъ спрашивалъ киргизовъ-погонщиковъ, сколько имъ заплатить за все взятое.

— Намъ денегъ не надо,—отвѣчали они,—а дайте намъ товаровъ.

— Товаровъ теперь нѣтъ, сказалъ самозванецъ, — подождите здѣсь.

Киргизы, до семидесяти человѣкъ, остались въ Бердѣ и служили при Пугачевѣ, а пригнанный ими скотъ употребленъ на продовольствіе толпы, почти ежедневно увеличивавшейся приходящими «к у ч а м и изъ разныхъ селеній». Сюда стекались русскіе крестьяне, дворовые люди, заводскіе рабочіе, приписные крестьяне, «по сколько оныхъ было, говорилъ Пугачевъ, то не только онъ, но думаетъ, что и Овчинниковъ не зналъ». Что касается заводскихъ крестьянъ, то, по словамъ оренбургской слѣдственной комиссіи, они были всѣхъ усерднѣе къ самозванцу, «потому что имъ отъ него также вольность обѣщана и уничтоженіе всѣхъ заводовъ, кои они ненавидятъ, въ разсужденіи тягости работъ и дальнихъ переѣздовъ».

По мѣрѣ того, какъ толпа мятежниковъ увеличивалась, и вліяніе самозванца въ краѣ распространялось, яицкіе казаки пытались ввести среди ополченія нѣкоторый порядокъ и устройство. Самъ Пугачевъ почти не вмѣшивался въ администрацію, и всѣ распоряженія исходили изъ учрежденной имъ в о е н н о й к о л л е г і и.

Спустя нѣсколько дней послѣ обложенія Оренбурга, самозванецъ призвалъ къ себѣ яицкаго старшину Андрея Витошнова, казаковъ: Ивана Творогова, Максима Шигаева, Данилу Скобочкина, Ивана Почиталина, илецкаго казака Максима Горшкова и объявилъ имъ, что для управленія краемъ и войсками онъ учреждаетъ в о е н н у ю к о л л е г і ю.

— Богъ и я великій государь, — сказалъ Пугачевъ, обращаясь къ Витошнову, Творогову, Шигаеву и Скобочкину, — жалую васъ судьями въ военную коллегію, тебя, Почиталинъ, дьякомъ, а тебя, Горшковъ, секретаремъ.

«Сію коллегію, показывалъ впослѣдствіи Иванъ Твороговъ, злодѣй учредилъ для того, что ему наскучило давать самому указы свои тѣмъ, которые, приходя къ нему со стороны, изъявляли свое усердіе набирать въ его службу людей или грабить помѣщичьи дома и самихъ убивать, такъ какъ (наскучило) и разбирать многіе жалобы на башкирцевъ и казаковъ, въ его толпѣ находящихся, въ обидахъ и разореніяхъ, народу причиняемыхъ». Подобныхъ депутатовъ, присланныхъ отъ селеній, приходило много, и Пугачевъ принималъ ихъ всегда съ особою привѣтливостью.

— Отъ меня, говорилъ обыкновенно самозванецъ приходившимъ, — никакого приказу такого не было, чтобы дѣлать обывателямъ обиды. Я велю тебѣ дать указъ, чтобы никто не разорялъ, а кто ограбленъ и кѣмъ именно, прикажу тебѣ самому изслѣдовать.

Обѣщанный указъ обыкновенно выдавался изъ «военной коллегіи», при чемъ въ немъ писалось, чтобы по разслѣдованіи о грабежѣ было непремѣнно донесено, и включалось требованіе, чтобы присланный депутатъ склонилъ своихъ односельцевъ быть вѣрными государю, набралъ желающихъ въ его службу и съ ними защищалъ отъ нападенія войскъ императрицы не только свое, но и сосѣднія селенія. Въ «коллегіи» велся списокъ всѣмъ выданнымъ указамъ, и чрезъ посредство лицъ, получившихъ указы, администрація самозванца получала всѣ необходимыя свѣдѣнія о движеніи правительственныхъ войскъ и средства къ продовольствію собственныхъ. Всѣ хозяйственныя, стратегическія и тактическія соображенія также лежали на «военной коллегіи»: она обязана была формировать отдѣльные отряды, указывать имъ цѣль дѣйствій, избирать пункты для сторожевыхъ постовъ и снабжать отдѣльные команды продовольственными и боевыми припасами. «Въ сочиненіяхъ (бумагъ), показывалъ Твороговъ, упражнялись Горшковъ и повытчики, а Почиталинъ рѣдко писывалъ, ибо мы съ нимъ худо знаемъ грамотѣ, а только что почти имена свои можемъ подписывать».

«Въ сей коллегіи, говоритъ Горшковъ, никакихъ письменныхъ судовъ не производилось, а разбираемы и рѣшаемы оные были судьями на однихъ словахъ. Письменное же въ ней производство было только такое, что даваемы были отъ нее наставленія поставленнымъ отъ самозванца начальникамъ, посылаемымъ отъ него въ разныя мѣста для покоренія народа, доставленія провіанта, фуража, разграбленія господскихъ пожитковъ и проч.».

Всѣ распоряженія «военной коллегіи» приводились въ исполненіе по большей части безъ доклада и утвержденія Пугачева, считавшаго, что въ глазахъ толпы его значеніе, какъ государя, будетъ тѣмъ выше, чѣмъ меньше онъ будетъ вмѣшиваться въ дѣла и имѣть сношеній со мнимыми своими подданными. Никто, напримѣръ, не имѣлъ права входить во дворецъ государя безъ доклада казака Екима Давилина, любимца самозванца, исполняющаго при немъ обязанность дежурнаго генералъ-адъютанта. Онъ обязанъ былъ ежедневно представлять своему безграмотному повелителю записки о важнѣйшихъ происшествіяхъ. Записки эти составлялись въ «военной коллегіи» и заключали въ себѣ преимущественно свѣдѣнія о пріѣзжихъ. «Пріѣзжалъ за казной, сказано въ одной, Зимняго полка есаулъ Иванъ Федоровъ Кузнецовъ».

«Еще взялъ сотникъ Иванъ Васильевичъ Изюмовъ восемь пушекъ».

Пугачевъ принималъ эти донесенія съ важностью государя, о чемъ, конечно, не имѣлъ никакого понятія, а поступалъ такъ, какъ казалось ему, должны поступать государи. Однажды, во время бомбардированія Оренбурга, находясь со своими сообщниками въ церкви св. Георгія Побѣдоносца, бывшей вблизи города въ форштадтѣ, самозванецъ сѣлъ на престолъ, желая убѣдить присутствующихъ, что онъ истинный государь.

— Вотъ, дѣтушки, — говорилъ онъ, — двѣнадцать лѣтъ уже, какъ я не сиживалъ на престолѣ.

Хотя этотъ поступокъ и послужилъ для нѣкоторыхъ доказательствомъ, что Пугачевъ истинный государь, но были и такіе, которые говорили, что «если бъ и подлинно онъ былъ царь, то не пригоже сидѣть ему въ церкви на престолѣ». Такія лица должны были сохранить свое мнѣніе втайнѣ, потому что Пугачевъ не церемонился со своими сообщниками и вѣшалъ всѣхъ, въ коихъ видѣлъ сомнѣніе въ своей личности. Онъ не пощадилъ самаго близкаго къ себѣ человѣка, Дмитрія Лысова, бывшаго у него полковникомъ, и какъ только тотъ въ пьяномъ видѣ проговорился, что знаетъ откуда явился государь, то уже на слѣдующее утро былъ повѣшенъ. Отставной солдатъ Сорочинской крѣпости былъ повѣшенъ за то, что «въ пьянствѣ говорилъ съ бабой, которая пила вино за благополучный успѣхъ взятія Оренбурга, а солдатъ отвѣчалъ, что нынѣ-де время зимнее, какъ можно его взять».

Доносы и шпіонство другъ на друга были развиты въ лагерѣ самозванца въ высшей степени, и счастливъ былъ тотъ, на кого доносили не прямо самозванцу, а въ «военную коллегію». Пугачевъ вѣшалъ безъ суда и разбора, а въ «военной коллегіи» судили словеснымъ судомъ и въ случаѣ явныхъ уликъ вѣшали, а въ случаѣ недостатка въ доказательствахъ обвиняемый освобождался отъ наказанія, если призывалъ бога въ свидѣтели своей невинности и соглашался произнести установленную для этой цѣли клятву.

Самъ Пугачевъ никакихъ разбирательствъ не производилъ и былъ строгъ со своими сообщниками. Никто не смѣлъ «никогда подавать ему никакихъ совѣтовъ, показывалъ Максимъ Шигаевъ, а тѣмъ меньше выспрашивать о чемъ-нибудь, ибо самозванецъ надо всѣми, безъ различія, велъ большую строгость и часто выговаривалъ, что онъ не любитъ ни совѣтчиковъ, ни указчиковъ». Просителей и доклады «военной коллегіи» Пугачевъ принималъ обыкновенно, сидя въ креслахъ, взятыхъ въ загородномъ домѣ оренбургскаго губернатора, и имѣя по бокамъ двухъ казаковъ: одного съ булавой, другого съ топоромъ, знаками власти. Всѣ приходившіе съ просьбами обязаны были кланяться въ землю, цѣловать руку и затѣмъ излагать дѣло, величая Пугачева: «надежа-государь», «ваше величество», а иногда и просто «батюшко». Всегда одѣтый въ казачье платье, Пугачевъ въ торжественныхъ случаяхъ носилъ шаровары малиноваго бархата, бешметъ голубого штофа, черную мерлушечью шапку съ бархатнымъ малиновымъ дномъ и бѣлую рубашку съ косымъ воротомъ. Вооруженіе его состояло изъ сабли и двухъ пистолетовъ. Ходилъ онъ не иначе, какъ поддерживаемый подъ обѣ руки жившими у него дѣвками или татарками, пріѣзжавшими изъ Каргалинской слободы и бывшими его наложницами. При такомъ парадномъ шествіи самозванца, яицкіе казаки пѣли пѣсню, нарочно ими въ честь его сочиненную, а писарь командира исетскаго полка Бадина, Иванъ Васильевъ, долженъ былъ играть на скрипкѣ.

«Во время такихъ веселостей всѣ напивались до-пьяна, а самозванецъ отъ излишняго питья воздерживался и употреблялъ рѣдко. Для стола его кушаніе было готовлено изобильно, потому что отовсюду привозили къ нему разныхъ съѣстныхъ припасовъ изобильно». Каждый старшина или предводитель партіи обязанъ былъ предоставлять самозванцу все лучшее изъ награбленнаго имущества, что и присылалось при особыхъ запискахъ или рапортахъ, въ родѣ слѣдующаго:

«Его императорскому величеству и всея Россіи государю Петру Федоровичу.

«Отъ атамана и вѣрнаго вашего величества раба Ильи Аранова.

[illegible] рапортъ.

При сей случившейся радостной для вашего величества оказіи, отъ изверженныхъ и недостойныхъ вашего величества рабовъ, которые безчувственно ослѣнясь сами себя отреклись—собрано (захвачено) разныхъ сортовъ куску (провизія) и другихъ тому подобныхъ вещей, при семъ съ нарочно посыланнымъ отъ меня хорунжимъ Василіемъ Жоновымъ, съ приложеніемъ при этомъ обыкновеннаго реестра въ покорности моей посылаются».

Кушанье приготовляли двѣ жившія у Пугачева русскія дѣвки, изъ коихъ одна была та самая дворовая капитана Нечаева, которая явилась къ самозванцу въ Чернорѣчье съ жалобой на жестокость своего господина. Иногда же, за отсутствіемъ дѣвокъ, обязанность повара исполнялъ яицкій казакъ Козьма Фофановъ, жившій всегда въ домѣ Пугачева, бывшій его дворецкимъ и хранителемъ награбленныхъ денегъ и пожитковъ.

Въ парадныхъ случаяхъ къ столу приглашались члены «военной коллегіи» и нѣкоторые изъ яицкихъ казаковъ. Первый тостъ Пугачевъ всегда провозглашалъ за свое здоровье, а затѣмъ обращался къ висѣвшему на стѣнѣ портрету и пилъ за здоровье цесаревича.

— Здравствуй, всероссійскій наслѣдникъ Павелъ Петровичъ, произносилъ самозванецъ, и при этомъ всегда высказывалъ опасенія за будущую судьбу цесаревича.

— Жаль мнѣ Павла Петровича, говорилъ онъ,—какъ бы-де его окаянные злодѣи не извели.

Самозванецъ старался убѣдить толпу, что князь Григорій Орловъ ищетъ случая похитить Павла Петровича, хочетъ жениться на государынѣ и вступить на престолъ. Обѣщая истребить всѣхъ Орловыхъ, Пугачевъ иногда, подъ пьяную руку, высказывалъ планы будущихъ своихъ дѣйствій. Планы и предположенія эти были весьма шатки, неопредѣленны и противорѣчивы: то онъ говорилъ, что царствовать не желаетъ и хлопочетъ только въ пользу Павла Петровича, то высказывалъ, что самъ вступитъ на престолъ и облагодѣтельствуетъ своихъ подданныхъ.

— Надобно, однако же, прежде всего взять Оренбургъ, замѣчалъ Пугачевъ,—а тамъ будетъ другое дѣло. Пойду на Казань, оттуда въ Москву, приму тамъ царство и буду писать великому князю, чтобы ко мнѣ пріѣхалъ. Если государыня меня встрѣтитъ безъ брани, съ честью, то ее тогда прощу и (отпущу) куда похочетъ, въ свою ли прежнюю землю ѣхать, или въ монастырь бога молить о своихъ грѣхахъ. Богъ судья тетушкѣ Елисаветѣ Петровнѣ, она меня, молода, женила и оттого я спозналъ чужую сторону и былъ въ такой бѣдности.

Желая польстить яицкимъ казакамъ, Пугачевъ говорилъ, что уничтожитъ Петербургъ и сдѣлаетъ Яицкій городокъ своею столицей, что велитъ «держать всѣмъ старую вѣру», запретитъ брить бороды и носить нѣмецкое платье, «и будутъ, говорилъ онъ, всѣ ходить въ казачьемъ платьѣ». Съ приближенными императрицы самозванецъ обѣщалъ поступить очень строго и безпощадно, такъ какъ, по его словамъ, они одни были причиной его скитальческой жизни.

(Дубровинъ «Пугачевъ и его сообщники I», с. 133 сл.).

107. Рескриптъ императрицы генералу и лейбъ-гвардіи майору Александру Бибикову.

отъ 16 января 1774 г.

Съ особливымъ удовольствіемъ получили мы первую и вторую реляціи ваши отъ 30-го декабря прошлаго года и 5-го сего мѣсяца, по пріѣздѣ вашемъ въ Казань отправленные; все принятое на первый случай распоряженіе ваше мы, всемилостивѣйше апробуя, повелѣваемъ вамъ объявить всему нашему казанскому дворянству наше монаршее благоволеніе, милость и покровительство за оказанный ими достойный поступокъ вѣрности и ревности толь единодушнымъ между собою соединеніемъ ко вспоможенію принятымъ отъ насъ мѣрамъ на совершенное истребленіе свирѣпствующихъ злодѣевъ окрестъ ихъ предѣловъ; присовокупите вы сему благородному и достойному корпусу всемилостивѣйшее обнадеживаніе наше: что мы, пекущеся неусыпно о благѣ ввѣренной намъ отъ бога имперіи, и видя толь достохвальное дѣйствіе ихъ вѣрности и усердіе къ намъ и отечеству, поставляемъ себѣ тѣмъ сугубѣйшимъ долгомъ цѣлость, благосостояніе и безопасность ихъ ничемъ не раздѣлимо почитать съ собственною нашей имперіей безопасностью и благосостояніемъ; вамъ же симъ повелѣваемъ новоформированный казанскимъ дворянствомъ корпусъ принять въ команду и руководство ваше и употреблять оный, гдѣ и какимъ образомъ вы на мѣстѣ за лучшее усмотрите обратить въ пользу сей новый опытъ патріотическаго усердія вѣрныхъ и любезныхъ намъ сыновъ отечества.

Собственноручное письмо императрицы къ А. И. Бибикову отъ 20 января 1774 г.

Подражая примѣру вѣрнаго и усерднаго дворянскаго корпуса казанскаго, повелѣла я, яко помѣщица той губерніи, съ дворцовыхъ волостей, съ каждыхъ двухъ сотъ душъ, всѣмъ отдать по одному рекруту и, обмундировавъ и снабдя лошадью, велѣла присовокупить ихъ къ тому казанскаго дворянства военному корпусу, о чемъ чрезъ сіе васъ увѣдомляю, дабы вы о семъ и тамошнему дворянству сказать могли.

(Чтенія въ Общ. и Древн. Росс. 1860 кн. II, Смѣсь, стр. 65).

---

108. Казанскій дворянскій корпусъ.

Въ первый день генваря (1774 года) собралось здѣсь (въ Казани) въ корпусѣ благородное дворянство уѣзда казанскаго, коему г. генералъ аншефъ, объявя высочайшее ея императорскаго величества благоволеніе, представилъ при томъ отъ себя какъ матернюю ея величества къ нимъ любовь и довѣренность, такъ видимую имъ самимъ и семьямъ ихъ опасность отъ неистовой дерзости самозванца Пугачева. Нѣтъ пера, которое бы довольно живо изобразить могло, съ коликимъ благоговѣніемъ и радостными слезами приняли всѣ дворяне, отъ перваго до послѣдняго, монаршее о нихъ попеченіе и милость: всѣ они единогласно, въ сущемъ восторгѣ радости и благодарности, воскликнули: «что готовы они за всемилостивѣйшую государыню и за отечество жертвовать не только имѣніемъ своимъ, но и своею жизнью, такъ какъ и предки ихъ пребыли всегда государю и отечеству въ непоколебимой вѣрности»

Вслѣдствіе того оное дворянство въ корпусѣ, приступивъ того же самаго дни къ общему между собою совѣту и утверя, во первыхъ письменнымъ обязательствомъ посвященіе покоя, имѣнія и жизней своихъ службѣ ея императорскаго величества и отечества, опредѣлило въ то же время, съ равнымъ каждаго члена жаромъ, согласіемъ и единодушіемъ, для скорѣйшаго искорененія настоящаго зла и для возстановленія общаго покоя съ собственною своею безопасностью; а всего наипаче, сострадая огорченію матерняго и человѣколюбиваго сердца премудрой и милосердной нашей монархини, собрать на первый случай и въ самой скорости, какъ только возможно, конной корпусъ войскъ изъ собственныхъ своихъ людей и иждивенія, съ числа двухъ сотъ душъ по одному человѣку, вооружить и снабдить оной всѣмъ потребнымъ къ службѣ и просить его превосходительство г. генерала аншефа о присоединеніи сего корпуса къ войскамъ ея величества, подъ достохвальною его командою находящимся, а затѣмъ еще всѣмъ и каждому приготовить себя, особливо на всякой случай, къ защищенію отечества, не щадя жизни своей.

Сей добровольной наборъ распространило еще благородное дворянство, изъ собственнаго же своего подвига, и на другія свои деревни прочихъ уѣздовъ всей здѣшней губерніи, включивъ такъ же въ патріотическое свое дѣяніе и отсутственныхъ своихъ собратій, дабы и ихъ не лишить въ семъ изъявленіи таковой же ревности и равнаго участія къ поспѣшествованію общаго блага.

Къ сему отъ дворянства составляемому корпусу избранъ отъ онаго, по извѣстной ревности къ службѣ и по оказуемому усердію при нынѣшнемъ случаѣ, шефомъ г. ген.-м. Ларіоновъ, а къ командованію эскадронами и ротами, по самопроизвольному ихъ ревностному желанію, господа полковникъ Николай Толстой, подполковникъ Дмитрій Молоствовъ, лейбъ-гвардіи капитанъ поручикъ Александръ Толстой, артиллеріи капитанъ Дмитрій Родіоновъ, секундъ-майоръ Сергѣй Тютчевъ, капитанъ Сергѣй Левашевъ, титулярный совѣтникъ Алексѣй Мельгуновъ, подпоручикъ Михайло Голосницкой; къ адъютантскія же должности лейбъ-гвардіи фурьеръ Яковъ Кудрявцовъ, да капралъ Никаноръ Нармотской.

Распоряди все сіе и предоставя себѣ дополнять впредь изъ корпуса своего числа офицеровъ, сколько когда ихъ потребно будетъ, такъ же и поруча, кому надлежало, дѣйствительное исполненіе всего по мѣрѣ положеннаго, заключило напослѣдокъ дворянство совѣтъ свой письменнымъ, чрезъ предводителя своего г. статскаго совѣтника Кудрявцова, отзывомъ къ г. генерал-аншефу, съ представленіемъ ему своего плана и съ просьбой о принятіи корпуса его въ соединеніе войскъ ея императорскаго величества.

Между тѣмъ, въ теченіе генваря мѣсяца благородное дворянство уѣздовъ симбирскаго, свіяжскаго и пензенскаго, подражая достохвальному примѣру дворянства казанскаго и желая съ своей стороны оказать себя не меньше достойными благороднаго званія своего, согласилось каждое, особенно въ своемъ корпусѣ, съ равнымъ рвеніемъ, равною готовностію и равнымъ единодушіемъ представить, въ настоящемъ случаѣ общей государственной нужды, къ услугамъ ея императорскаго

величества и отечества, не только всѣ свои пособія, но и самыя жизни, опредѣляя въ общихъ своихъ совѣтахъ собрать на первый случай конной корпусъ войска изъ собственныхъ своихъ людей и собственнаго же своего иждивенія, на такомъ точно во всѣхъ подробностяхъ основаніи, на каковомъ подобной поступокъ учиненъ прежде казанскимъ дворянствомъ.

Симбирское дворянство избрало къ своему корпусу шефомъ, по собственной склонности и усердію г. майора Семена Гладкова, а къ командованію эскадронами, по способности и по собственному усердію, господъ: майоровъ: Степана Гладкова и Степана Коптева; капитановъ: Ивана Ружевскаго, Александра Алакаева, Григорія Чуфарова, Льва Яковлева, Егора Аверкіева, Ивана Уварова; порутчиковъ: Василія Кадышева, Ивана Микулина, Василія Чуфарова; подпоручиковъ: Якова Кучукова, князя Игнатья Баюшева; прапорщиковъ: Николая Бѣлякова, Николая Неплюева, Ивана Толстова, Семена Саврасова, да лейбъ-гвардіи капрала Александра Микулина.

Съ другой стороны, пензенское дворянство учредило начальникомъ къ своему корпусу извѣстнаго оному по усердію и ревности предводителя своего г. Чемесова, а къ командованію эскадронами и ротами господъ: премьеръ-майора Вигеля, секундъ-майора Перфилія Дубенскаго, гвардіи подпорутчика Никанора Ознобишина; порутчиковъ: Ивана Пилюгина, Матвѣя Варыпаева, Федора Шехмаметева, князя Никифора Кикичева; подпорутчиковъ: Сергѣя Тухачевскаго, Александра Гладкова, Ипполита Алфимова, Николая Киселева, корнета Михайлу Аблизова; прапорщиковъ: Николая Самарокова, Дмитрія Дмитріева; да въ адъютантскія должности лейбъ-гвардіи сержантовъ: Ивана Левина и Ивана Рѣпина.

По той причинѣ, что количество положенныхъ въ подушной окладъ по Свіяжскому уѣзду не велико, слѣдовательно же и не можно быть особливому корпусу изъ набираемыхъ съ онаго людей, опредѣлило тамошнее дворянство присоединиться къ казанскому, опредѣляя только въ предводители своей части отставного капитана Гаврилу Матюнина.

Не меньше сего ревнуя и казанскій магистратъ похвальному поступку дворянскихъ корпусовъ, представилъ письмомъ генералъ-аншефу, что хотятъ и граждане города Казани употребить въ настоящемъ случаѣ вѣрноподданническую ея императорскому величеству услугу вооруженіемъ одного коннаго эскадрона гусаръ на ихъ иждивеніи и содержаніи, что имъ оной генералъ-аншефъ по ихъ желанію и позволилъ.

Его п-во, получа въ 27-й день генваря высочайшій е. и. в. рескриптъ, объявилъ тотъ же самый день казанскому предводителю, чтобъ повѣстилъ онъ о собраніи всѣмъ здѣсь въ городѣ и по близости онаго находящимся дворянамъ, для выслушанія монаршаго повелѣнія. Собраніе сіе и было назначено 30-го числа по утру, въ которое дѣйствительно съѣхалось тогда дворянство, о чемъ чрезъ двухъ, нарочно посланныхъ членовъ своихъ, дали они знать г. генералъ-аншефу и что его прибытія предводитель съ дворянами ожидаютъ, чтобъ услышать высочайшую е. и. в. волю. Въ то же время прислано было въ домъ его превосходительства, для препровожденія, пятьдесятъ человѣкъ вооруженныхъ улановъ съ двумя офицерами. По прибытіи въ домъ предводителя встрѣченъ былъ г. генералъ-аншефъ у крыльца дворянами, а сія встрѣча и далѣе такимъ же образомъ продолжена была.

Вошедъ въ собраніе, держалъ его пр-во приличну къ случаю рѣчь; а потомъ прочелъ самъ вслухъ, отъ слова до слова, полученной имъ всемилостивѣйшій рескриптъ. Нѣтъ возможности изобразить здѣсь довольно живыми красками, съ какимъ благоговѣніемъ и радостными слезами слушали дворяне высочайшую е. и. в. къ нимъ милость и благоволѣніе. По прочтеніи слышны только были многогласныя повторенія: «Да здравствуетъ великая наша самодержица! Да царствуетъ надъ нами щедрая мать наша! Готовы мы за нее пролить кровь нашу и жертвовать всѣмъ, что мы имѣемъ!». Таковыя восклицанія должны были привесть всякаго въ радостное умиленіе. Потомъ предводитель, именемъ всего дворянства, говорилъ рѣчь... а всѣ совокупно просили, чтобъ могли они получить копіи со всемилостивѣйшаго рескрипта, да останется оной у всякаго, для будущихъ потомковъ монументомъ милости Великой Екатерины къ казанскому дворянству; на что г. генералъ-аншефъ охотно и согласился.

Послѣ того г. губернаторъ казанской, г. генералъ-аншефъ Бибиковъ и предводитель дворянской, со всѣми дворянами поѣхали въ соборную церковь, гдѣ, по отправленіи литургіи здѣшнимъ архіереемъ, казанское дворянство просило, чтобъ отправленъ былъ благодарной молебенъ о дражайшемъ и многолѣтнемъ здравіи ея императорскаго величества, что и исполнено при стрѣльбѣ изъ поставленныхъ предъ соборомъ пушекъ. Весь сей день дворя-

не торжествовали, а въ вечеру собрались они въ домѣ предводителя, куда и г. генералъ-аншефъ и г. губернаторъ также приглашены были. Во всю ночь были въ городѣ дворянскіе дома иллюминованы. И тѣмъ сей достопамятной и прямо торжественной день во всеобщей радости заключенъ.

(Прибавленіе къ № 16, СПБ. вѣдомостей 25 февраля 1774 года).

(«Записки о жизни и службѣ А. И. Бибикова» с. 44 сл.)

109. Изъ переписки о пугачевскомъ бунтѣ.

(Изъ писемъ Екатерины II къ Сиверсу.)

I. Два года тому назадъ я имѣла чуму въ сердцѣ государства, въ настоящую минуту у предѣловъ царства Казанскаго у меня такая политическая чума, изъ которой много хлопотъ: вашъ любезный и достойный сотоварищъ Рейнсдорпъ уже цѣлые два мѣсяца какъ осажденъ скопищемъ разбойника, который производитъ страшныя жестокости и разоренія. Генералъ Бибиковъ отправляется туда съ войсками, прошедшими черезъ вашу губернію, дабы укротить эту язву XVIII вѣка, которая не принесетъ ни славы, ни выгоды Россіи. Надѣюсь, однако, что, съ помощію божіей, мы одержимъ верхъ, потому что эти мерзавцы не имѣютъ на своей сторонѣ ни порядка, ни искусства; это — сбродъ негодяевъ, имѣющихъ во главѣ обманщика столь же наглаго, сколь невѣжественнаго; вѣроятно, все кончится висѣлицами, но каково это ожиданіе, господинъ губернаторъ, для меня, которая не любитъ висѣлицъ? Европа, въ мнѣніи своемъ, причтетъ насъ ко времени царя Ивана Васильевича, таковъ почетъ, котораго должны мы ожидать отъ этой презрѣнной продѣлки. Я повелѣла болѣе не дѣлать тайны изъ этого происшествія, потому что полезно, чтобы люди степенные высказывали о немъ свои мнѣнія и говорили о немъ въ томъ духѣ, какъ оно должно быть разсматриваемо...

II. ...Маркизъ Пугачевъ недавно, 25 августа, разбитъ нашимъ героемъ Михельсономъ въ риста верстахъ ниже Царицына. Донскіе казаки пустились въ погоню по слѣдамъ злодея, и майоръ Дуве, привезшій это извѣстіе, не хочетъ даже, чтобы сомнѣвались, что онъ будетъ взятъ. Не надобно, впрочемъ, продавать шкуру прежде, чѣмъ медвѣдь поймапъ. Достовѣрно, однако же, то, что пушки, добыча, люди и животныя—все досталось въ руки корпуса Михельсона. Предатель ускакалъ во всю прыть съ своей обыкновенною шайкою какихъ нибудь пятидесяти Яицкихъ казаковъ къ Астрахани по сю сторону Волги, тамъ ему воды не замутить, а 15 тыс. Донскихъ казаковъ у него за пятами, на свѣжихъ лошадяхъ, даютъ надежду, что онъ будетъ взятъ...

(«Зап. Бибикова». Прилож. с. 115—116.)

110. Письмо Панина къ брату.

Симбирскъ. 1774 г. октября 1-го дня.

Сегодня, милостивый мой другъ и драгоцѣнный братецъ, достигнулъ я здѣшняго города. Въ тожъ время пришелъ въ мои руки адскій извергъ Пугачевъ. Отвѣдалъ онъ отъ распаленной на его злодѣянія моей крови нѣсколько пощечинъ, а борода, которою онъ Россійское государство жаловалъ, довольно драня [1]). Онъ принужденъ былъ пасть передъ всѣмъ народомъ, скованный, на колѣни и велегласно на мои вопросы извѣщать и признаваться во всемъ своемъ злодѣяніи. Я теперь, спѣша принести мое увѣдомленіе ея величеству, нѣсколько замедлившееся по моему сюда проѣзду, не имѣю времени, ни силы уже, работавши въ ономъ и другомъ цѣлые половину дня и ночи, а пріѣхавъ съ дороги, какъ только возблагодарить васъ, драгоцѣнный другъ, за послѣднее ваше письмо, отъ 17 минувшаго мѣсяца, мною полученное. Деревни графа Шувалова я до письма еще вашего возвратилъ въ прежнее повиновеніе и припудилъ снести растащенное собственными его крестьянами деньги и хлѣбъ, но онъ бы пожаловалъ не прогнѣвался, что попу его отрубилъ голову, у нѣсколькихъ сдѣлалъ поменьше ушей и почесалъ у многихъ спины, а при деревнѣ поставилъ всѣ пріуготовленія для смертной казни, что я со всѣми тѣми дѣлаю, которые сопричащалися измѣнническому бунтованію. Пребывай съ богомъ! Мнѣ пора спать.

(«Рус. Арх.» 1876 г. № 5, с. 26—27.)

111. Письма генерала Бибикова.

(1774 г. января 24.)

1) Къ ген. гр. Чернышеву.

Милостивый государь, графъ Захаръ Григорьевичъ! Изъ донесенія моего къ е. и. в. увидѣть изволите, что войска, прибывшія сю-

[1]) Поводомъ къ такому обращенію была дерзость Пугачева. Когда онъ былъ приведенъ въ первый разъ къ графу, то на вопросъ: какъ онъ смѣлъ поднять оружіе противъ него, — отвѣчалъ: «что дѣлать, ваше сіятельство, когда уже воевалъ противу государыни!.» *(прим. авт.)*

да, дѣйствовать начали, и Полковникъ Бибиковъ съ деташементомъ своимъ, состоящимъ въ четырехъ ротахъ пѣхоты и трехъ ротъ гусаръ, разбилъ злодѣйскую сволочь, не потерявъ ни одного человѣка, городъ Заинскъ освободилъ отъ злодѣевъ. Надѣюсь очистить сей уголъ; но прискорбныя вѣсти получаю со стороны Сибирской: Господинъ Калоигъ, не находя средства не только сдѣлать транспортъ провіанту и фуражу въ Оренбургъ, но и самъ итти опасается, написавъ премножество затрудненій. Совѣтуетъ онъ мнѣ сей транспортъ сдѣлать. Я и безъ того всѣ способы къ тому употребляю, да время проходитъ, а оно драгоцѣнно. Я писалъ къ нему, чтобъ онъ по крайней мѣрѣ хотя въ Башкирію сдѣлалъ диверсію въ то время, какъ я къ Оренбургу подвинусь въ исходѣ нынѣшняго мѣсяца или въ началѣ февраля.

Екатеринбургъ въ опасности отъ внутреннихъ предательствъ и измѣны. О Кунгурѣ слуху послѣ 10 числа нѣтъ. Зло распространяется весьма далеко.

Позвольте и теперь мнѣ в. с. повторить: не непріятель опасенъ, какое бы множество его ни было, но народное колебаніе, духъ бунта и смятеніе. Тушить оное, кромѣ войскъ, въ скорости не видно еще теперь способовъ, а могутъ ли на такой обширности войска поспѣвать и дѣлиться, безъ моего объясненія представить можете. Спѣшу и всѣ силы употребляю запасать провіантъ и фуражъ, тожъ и подводы къ подвозу за войсками. Но сами представить легко можете, коликимъ затрудненіямъ по нынѣшнему времени все сіе подвержено, и тѣмъ паче, что внутрь и внѣ злодѣйство, предательство и непослушаніе отъ жителей. Не очистя саранчу злую, впередъ шагу податься нельзя. Въ томъ теперь и упражняюсь, а войска подаются впередъ. Жду съ нетерпѣніемъ Чугуевскаго казачьяго полку, о которомъ слышу, что уже въ Москву пришелъ.

Вотъ, м. г., все то, что я теперь донесть вамъ могу; а заключу истиннымъ моимъ высокопочитаніемъ и проч.

(Собственноручно) P. S. Приложенную резолюцію покорнѣйше прошу ея величеству поднесть.

2) Къ Д. И. фонъ-Визину, изъ Казани.

Отъ 29 Января 1774 года.

Благодарю тебя, мой любезный Денисъ Ивановичъ, за дружеское и пріятнѣйшее письмо отъ 16 Января и за всѣ сдѣланныя вами увѣдомленія. Лестно слышать полагаемую отъ всѣхъ на меня надежду въ успѣхѣ моего нынѣшняго дѣла. Отвѣчаю за себя, что употреблю всѣ способы, и забочусь ежечасно, чтобъ истребить на толикомъ пространствѣ разлившійся духъ мятежа и бунта. Бить мы вездѣ начали злодѣевъ, да только сей саранчи умножилось до невѣроятнаго числа. Побить ихъ не отчаяваюсь, да успокоить почти всеобщаго черни волненія великія предстоятъ трудности. Болѣе жъ всего неудобнымъ дѣлаетъ то великая обширность сего зла. Но буди воля господня! дѣлаю и буду дѣлать, что могу. Неужели-то проклятая сволочь не образумится? Вѣдь не Пугачевъ важенъ, да важно всеобщее негодованіе. А Пугачевъ чучела, которою воры Яицкіе казаки играютъ. Увѣдомляй, мой другъ, сколь можно чаще о дѣлахъ внѣшнихъ. Неужели и теперь о мирѣ не думаете? Эй пора, право, пора! Газеты я получилъ; надѣюсь, что по твоей дружбѣ и впредь получать буду. J'avois diaboliquement peur de mes soldats, qu'ils ne fassent pas comme ceux de garnison de mettre les armes bas vis-à-vis des rebelles. Mais non, ils les battent comme il faut, et les traitent en rebelles. Ceci me donne du courage[1]). Да то бѣда, какъ нарочно, все противу насъ: и снѣга, и мятели, и бездорожица. Но все, однако же, одолѣвать будемъ. Прости, мой другъ; будь увѣренъ, что я тебя сердцемъ и душою люблю...

(Пушкинъ. «Исторія Пугачевскаго бунта», т. II, стр. 63 сл.)

---

112. Изъ дипломатической переписки о Россіи въ XVIII вѣкѣ.

(Изъ депешъ Гуннинга англ. двору.)

... «Если мы перейдемъ къ разсмотрѣнію внутренняго управленія имперіей, то я боюсь, что результаты будутъ еще плачевнѣе. Безпечность и нерадѣніе, проистекающія изъ страха и лѣни, ниспровергли все то, что носитъ названіе закона и справедливости. Сильные по своему произволу угнетаютъ слабыхъ; подначальные безнаказанно грабятъ и воруютъ. Это положеніе дѣлъ, которое не можетъ измѣниться, вызвало бунтъ въ самомъ центрѣ имперіи и, если бы имъ руководили

---

[1]) Мнѣ было чертовски страшно моихъ солдатъ, какъ бы они не послѣдовали примѣру гарнизона, не положили оружія передъ мятежниками. Но нѣтъ, они дерутся, какъ слѣдуетъ, и мятежники для нихъ — мятежники. Это даетъ мнѣ смѣлость.

люди, одаренные умомъ и храбростью, то онъ потрясъ бы государство до самыхъ его основъ. Не хватало войска, чтобы подавить его; половина имперіи была объята паническимъ страхомъ; и духъ мятежа, одушевлявшій Пугачева, обуялъ остальныхъ жителей страны. Пугачевъ былъ уже въ нѣсколькихъ переходахъ отъ Москвы, и дворъ собирался удалиться въ Ригу, когда онъ былъ разбитъ, вслѣдствіе недостатка съ его стороны рѣшимости и обдуманности дѣйствій,—и спокойствіе было возстановлено. Однако, неудовольствіе народа не улеглось; есть основаніе опасаться, что, въ случаѣ новаго народнаго бѣдствія, пламя мятежа снова можетъ вспыхнуть. Безпечность гражданскихъ властей и алчность военныхъ, которые отправили въ Москву добычу, захваченную ими во время войны, были причиною чумы, свирѣпствовавшей въ этомъ городѣ въ 1771 г. Она унесла 120.000 жертвъ, и московскій архіепископъ былъ растерзанъ толпою на ступеняхъ алтаря...

«Гдѣ бы ни появился Пугачевъ, вездѣ онъ находилъ сторонниковъ; такимъ образомъ, хотя онъ постоянно терпитъ пораженія въ стычкахъ съ войсками, но ему легко подкрѣпить свои силы и появиться снова болѣе грознымъ, чѣмъ когда-либо»...

... «Одинъ офицеръ привезъ извѣстіе, что Пугачевъ разбитъ между Царицынымъ и Астраханью. Излагая императрицѣ положеніе дѣлъ въ тѣхъ губерніяхъ, откуда онъ только что вернулся, онъ высказалъ ей съ полной откровенностью, что всѣ люди, желающіе ей добра, должны бы давно убѣдиться въ томъ, что неудовольствіе народа едва-ли не повсемѣстно и что у самыхъ воротъ столицы крестьяне называютъ Пугачева не иначе, какъ Петромъ III, а въ средѣ духовенства и дворянства раздаются жалобы на то, что имъ приходится страдать отъ императорскихъ войскъ не менѣе, какъ отъ Пугачева, и что слѣдуетъ принять всевозможныя мѣры къ тому, чтобы разсѣять враждебное настроеніе, мало-по-малу овладѣвающее всѣми».

Сообщая, въ депешѣ отъ 9-го декабря, о поимкѣ Пугачева, Гуннингъ присовокупляетъ:

«Мнѣ передавали, что императрица дала полномочіе Сенату произнести надъ Пугачевымъ приговоръ по его собственному усмотрѣнію и что этимъ она исключаетъ всякую надежду на его помилованіе, которое, какъ она сама мнѣ сказала, было бы въ настоящемъ случаѣ неумѣстнымъ».....

(«Русская Старина», 1896 г. Стр. 124—142, т. 86, № 4.)

---

113. Показаніе писаря Полуворотова.

О Пугачевѣ.

На 21 число передъ утромъ выбѣжали изъ злодѣйскаго лагеря солянаго правленія писарь Полуворотовъ, захваченный туда 9 числа (о коемъ выше сего упомянуто); а таможенный копіистъ Петръ Каданцовъ, захваченный съ прочими 19 числа; изъ коихъ писарь Полуворотовъ объявилъ слѣдующее:

Будучи онъ въ злодѣйскомъ лагерѣ, отъ находящихся въономъ канонеровъ завѣрно слышалъ, что въ бывшее 12 числа сраженіе у злодѣевъ осталось не болѣе 30 пушечныхъ ядеръ, и ежели бъ до отъ высланной партіи еще хотя немного продолжена была пальба изъ пушекъ, то бъ они принуждены были не только пальбу, но и вывезенныя пушки покинуть; съ ядрами-де стрѣляли они только съ боку отъ урочища, называемаго Красная Глина, а изъ поставленныхъ въ долу пушекъ палили уже они холостыми зарядами для одного вида. Изъ Башкирцевъ-де при немъ злодѣѣ находится ста три или четыре, а человѣкъ съ тридцать лучшихъ отпустилъ онъ въ Башкирію, якобы для уговора и привода еще Башкирцевъ; и хотя-де онъ накрѣпко подтверждалъ, чтобъ они какъ можно скорѣе къ нему были, но они представляли ему невозможность, сказывая, что Башкирцы ихъ живутъ въ разнотѣ и скоро собрать имъ ихъ не можно. А Калмыковъ при немъ не большое число; дѣйствуютъ и азартничаютъ у него больше Яицкіе и Илецкіе казаки. А есть-де нѣсколько и изъ Оренбургскихъ такихъ, кои почитаютъ его за царя и ему съ охотою служатъ. Всѣхъ же навсе дѣльныхъ и оружейныхъ людей, признаетъ онъ, было до 2.000 человѣкъ; а если считать безоружейныхъ и невольно у него находящихся, то наберется около 4.000 или болѣе. Способствующихъ ему во всѣхъ его совѣтахъ двое, изъ Яицкихъ казаковъ, изъ коихъ-де одному Яицкое прозванье Чика, а другому имени онъ не знаетъ. Третій былъ Яицкій же казакъ Изюмкинъ; но тотъ пойманъ и находится здѣсь въ Оренбургѣ подъ карауломъ. Недавно-де вздумалъ онъ набирать себѣ, подъ именемъ гвардіи, отборныхъ людей изъ Яицкихъ казаковъ, чтобъ ихъ было до 100 человѣкъ, и намѣренъ-де всѣмъ имъ сдѣлать зеленые по казачью покрою кафтаны; не весьма давно, собравъ онъ самыхъ лучшихъ людей и лошадей, велѣлъ имъ сказать взапуски, и кои лошади выпередили другихъ, изъ тѣхъ самыхъ лучшихъ и рѣзвыхъ выбралъ онъ 30 лошадей, и, невѣдомо-де для чего, всегда содержитъ ихъ на хорошемъ кор-

му у себя. Нѣкоторые-де изъ его сообщниковъ разглашаютъ, якобы цесаревичъ Павелъ Петровичъ для его встрѣчи ѣдетъ къ нему и будто бъ уже въ Казань съ военными людьми (считая ихъ 2.000) самъ онъ прибылъ. А потому и приговариваетъ иногда оный самозванецъ, чтобъ ему наскоро для встрѣчи цесаревича съѣздить; провіантъ-де на все его собраніе подвозятъ къ нему изъ тѣхъ мѣстъ, коими онъ завладѣлъ, да и продавать въ лагерѣ у себя не запрещаетъ; скотины жъ отогнанной изъ разныхъ мѣстъ весьма у него много, которая-де вся содержится въ Бердской слободѣ.

Дважды представленъ былъ онъ, Полуворотовъ, оному самозванцу; при первомъ случаѣ спрашивалъ онъ его: какое укрѣпленіе имѣетъ городъ, много ли пороху и снарядовъ— ему отвѣтствовалъ: что городъ весьма нынѣ укрѣпленъ, пушекъ и снарядовъ также и военныхъ людей тутъ много. Что-де выслушавъ, сказалъ ему сіи слова: поди, богъ и государь тебя прощаетъ. И приказалъ ему остричь волосы по-казачьи, почему и обрѣзали ихъ ему тотъ же часъ ножемъ. И такъ онъ отданъ былъ въ десятокъ находящемуся у него уряднику Колесову, который прежде бывалъ губернскимъ подъячимъ, а за продерзость написанъ въ солдаты, и ему, Полуворотову, былъ знакомъ, почему и онъ содержалъ его противъ другихъ захваченныхъ людей повыгоднѣе; да и самъ съ нимъ къ уходу соглашался. Для ночлега имѣетъ онъ, злодѣй, палатку и кибитку, съ хутора совѣтника Мясоѣдова увезенную, въ которую-де никто къ нему не входитъ, кромѣ первенствующихъ у него двухъ человѣкъ, да жены покойнаго Маіора Харлова, которую онъ, захватя въ Татищевой крѣпости, при себѣ держитъ. Когда выходитъ изъ кибитки, то выносятъ ему изъ оной кресла, взятыя изъ губернаторскаго хутора, на которыя онъ садится, выслушиваетъ и распоряжаетъ всякія дѣла. Приходящіе къ нему кланялись ему въ землю, цѣловали у него руку и называли его иногда ваше величество, а просто батюшко, заочно жъ отцомъ.

Ростъ его небольшой, лице имѣетъ смуглое и сухощавое, носъ съ горбомъ; а знаковъ онъ, Полуворотовъ, на лицѣ его не примѣтилъ, кромѣ сего, что лѣвый глазъ щуритъ и часто имъ мигаетъ. Волосы на головѣ черные, борода черная жъ, но съ небольшою сѣдиною. Платье имѣетъ: шубу плисовую малиновую, да и шаровары такіе жъ; шапку казачью. Рѣчь его самая простая и нарѣчія Донскихъ казаковъ; грамотѣ или очень мало, или ничего не знаетъ.

Пушечная-де и ружейная пальба, третьяго дня происходившая, была по причинѣ молебна, при великомъ пьянствѣ, поповскую жъ должность отправляетъ у него невѣдомо какой дьяконъ, взятый съ заводовъ; но самъ-де онъ въ церковь никогда не ходитъ.

(Пушкинъ. «Исторія Пугачевскаго бунта», т. II, стр. 116—118.)

---

114. Разсказы старухи о Пугачевѣ.

26-го ноября, Воскресенье.

...Выпалъ снѣгъ, и мы вчера ѣздили въ Берды, къ старушкѣ, которая разсказывала Пушкину о Пугачевѣ. Мы посѣтили ее съ тою же цѣлью. Взяли съ собой бумаги и карандашъ, чтобы записывать, если она будетъ намъ, какъ и Пушкину, пѣть пѣсни. Вошедши въ избу, мы увидѣли ее сидящую на печи, окруженную молоденькими дѣвочками и маленькими дѣтьми. Я сначала не думала, чтобы это была она: старуха свѣжая, здоровая, даже не беззубая, а говоритъ, что при Пугачевѣ была лѣтъ двадцати. Петръ Ивановичъ сказалъ ей, что мы къ ней пріѣхали, такъ какъ слышали, что она помнитъ Пугачева.

«Да, батюшка», отвѣчала она, проворно слѣзая съ печи и низко кланяясь, «нечего грѣха таить, моя вина».—«Какая же это вина, старушка, что ты знала Пугачева?»— «Знала, батюшка, знала; какъ теперь на него гляжу: мужикъ былъ плотный, здоровенный, плечистый; борода русая, окладистая; ростомъ не больно высокъ и не малъ, немного пониже вашего благородія. Какъ же! Хорошо знала его и присягала ему вмѣстѣ съ другими. Бывало онъ сидитъ, на колѣни положитъ платокъ, на платокъ руку; по сторонамъ сидятъ его енералы; одинъ держитъ серебряный топоръ, того и гляди что срубитъ, другой — серебряный мечъ; супротивъ висѣлица, а около мы на колѣнахъ присягаемъ; присягнемъ, да поочереди, перекрестившись, руку у него поцѣлуемъ, а межъ тѣмъ на висѣлицу-то безпрестанно вздергиваютъ. Видишь все это, скрѣпя сердце. Ужъ никого намъ такъ жалко то не было, какъ коменданта: предобрый былъ баринъ; всѣ мы его любили, словно отца родного. Какъ его повѣсили, такъ мы и залились слезами всѣ до единаго, куда и страхъ дѣвался. Жена его также была барыня добрая, прекрасная; ее да ее брата, барина молодого, Пугачевъ взялъ къ себѣ, съ мѣсяцъ держалъ ихъ у себя, а тамъ и велѣлъ разстрѣлять изъ двѣнадцати ружей, да чтобъ больше ихъ напугать, велѣлъ прежде выстрѣлить мимо,

а въ другой разъ застрѣлить ужъ до смерти. Батюшка мой также былъ въ службѣ у Пугачева, а которымъ онъ приказалъ разстрѣливать-то, у моего отца были подъ начальствомъ, такъ ужъ онъ ихъ упросилъ застрѣлить несчастныхъ сразу. На другой день батюшка пошелъ на это мѣсто, чтобы поплакать надъ ними и похоронить кого-нибудь,— что же бы вы думали? Когда ихъ разстрѣливали, то разставили таки далеко другъ отъ дружки, а тутъ батюшка нашелъ ихъ обнявшись. Видно, ихъ не до смерти убили, такъ они сползлись, обнялись, да такъ и померли».

Много еще намъ разсказывала, какъ ихъ, молодыхъ дѣвушекъ, когда нагрянула шайка Пугачева, попрятали въ сусѣки, просомъ засыпали..... Все это происходило въ крѣпости Озерной, гдѣ жила тогда разсказчица наша. Эта крѣпость нѣсколько времени была резиденцией Пугачева; онъ жилъ тамъ въ мирное время, отъѣзжалъ только иногда въ Уральскъ къ своей «барынѣ», какъ говорила старуха. Потомъ сказывала намъ сочиненныя въ то время пѣсни, и мы записали ихъ.

Начавши говорить намъ эти пѣсни, она вдругъ сказала со слезами на глазахъ: «Я говорю, а сердце-то у меня не на мѣстѣ: кто знаетъ, зачѣмъ вы спрашиваете меня о Пугачевѣ? Онамедни тоже прiѣзжали господа, и одинъ все меня заставлялъ разсказывать; а другiя бабы пришли да и говорятъ. «Смотри, старуха, не болтай на свою голову вѣдь это— антихристъ». Мы старались ее разувѣрить: «Да и я думаю такъ: вѣдь я говорю правду, не выдумываю, такъ, кажись, что тутъ за бѣда? Онъ же—дай богъ ему здоровья—наградилъ меня за разсказы. Да тутъ же съ нимъ былъ и прiятель нашъ, полковникъ Артюковъ; ужъ онъ бы не захотѣлъ ввести насъ въ бѣду. А бабы-то какъ было меня напугали! Много ихъ набѣжало, когда тотъ баринъ меня разспрашивалъ, и пѣсни я ему пѣла про Пугача. Показалъ онъ патретъ: красавица такая написана. «Вотъ», говоритъ «она станетъ твои пѣсни пѣть». Только онъ со двора, бабы всѣ такъ на меня и накинулись. Кто говоритъ, что его подослали, что меня въ тюрьму засадятъ за мою болтовню; кто говоритъ: антихриста видѣла, когти-то у него какiе! Да и въ писанiи сказано, что антихристъ будетъ любить старухъ, заставлять ихъ пѣсни пѣть и деньгами станетъ дарить. Слегла я со страху, велѣла телѣгу заложить, везти меня въ Оренбургъ къ начальству. Такъ и говорю: «смилуйтесь, защитите, коли я чего наплела на свою голову; захворала я съ думы». Тѣ смѣются, «не бойся», говорятъ, «это ему самъ государь позволилъ о Пугачевѣ вездѣ разспрашивать. Ну, ужъ я и успокоилась, никого не стала слушать».....

(«Русскiй Архивъ», 1902, т. 2-й. Стр. 658—660.)

115. Изъ записокъ Турецкаго плѣннаго въ Россiи Мухаммеда Неджати-Эфенди въ 1771—1775 г. г.

О появленiи сильнаго противника кралицы Бугачура (Пугачева) въ 1186 году [1]).

Этотъ Бугачуръ (Пугачевъ) былъ княжескаго рода изъ племени казаковъ. Сначала онъ былъ заключенъ въ крѣпости на окраинахъ Сибири, но во время этой войны какъ-то успѣлъ освободиться и, до наступленiя настоящаго года, собравъ каракалпаковъ и кумукскихъ татаръ и въ другихъ мѣстностяхъ до сорока, пятидесяти тысячъ войска, пришелъ въ русскiя провинцiи и взялъ и изъ русскихъ крѣпостей слѣдующiя: Кирнагоръ (Кунгуръ), Китербурдуръ (Екатеринбургъ), что къ сторонѣ Сибири, Саратакъ (Саратовъ), рѣку Каму, Вачили (Васильсурскъ), близъ Казани, рѣку Волгу, крѣпость Оку (Уфу?), Бихну (Балахну), Тагыръ (Тагилъ), Ярославъ, что близъ крѣпости Москвы, древней столицы Россiи,—Судырамы (Кострому), да съ другой стороны провинцiю Казань, гдѣ живетъ сто тысячъ татаръ, изъ коихъ и полторы неспособны носить оружiе; крѣпость Оренбуръ, Акъ-Идиль (?), Мензалэ, Тополъ (Тобольскъ), Намунъ (Тюмень); да, кромѣ того, много городовъ и деревень. Онъ велъ войну два съ половиной года. Со стороны московов противъ Бугачура сдѣланъ былъ главнокомандующимъ генералъ Бибик(овъ), имѣвшiй подъ начальствомъ двадцать тысячъ московскихъ войскъ, десять тысячъ маджарскихъ и нѣкоторое количество казанскихъ татаръ, и посланъ былъ противъ вышеозначеннаго Бугачура. Произошла встрѣча; много войскъ погибло; остальныя бѣжали; самъ начальникъ-гяуръ тоже погибъ.

Вышеозначенный Бугачуръ, идя противъ Казани, послалъ казанскимъ мурзамъ такую бумагу: «Если московы потребуютъ отъ васъ войска на меня, то вы не давайте; я, когда возьму Казань, освобожу васъ, выведя въ страны исламскiя. Если же вы дадите войско, то я потомъ истреблю васъ». Бумаги-то его пришли; но начальствующiй гяуръ явился съ войскомъ въ Казань, силою

---

[1]) По мусульманскому календарю.

набралъ оттуда войска и пошелъ противъ Бугачура; онъ былъ разбитъ; московское войско бѣжало; другіе погибли. Вышеозначенный Бугачуръ пришелъ и взялъ крѣпость Казань; множество мурзъ убилъ, а селенія ихъ сжегъ. Потомъ, когда взялъ, упомянутую выше, крѣпость Судырамы, изъ находившихся въ нихъ плѣнныхъ нашелъ около четырехъ сотъ человѣкъ; отдѣлилъ изъ нихъ человѣкъ пять, шесть, которые были посмышленнѣе, и сказалъ имъ: «Я васъ освобожу отсюда, дамъ вамъ бумагу и, отрядивши человека, отправлю васъ черезъ страны черкесскія и абазехскія къ окраинамъ анатольскимъ; а вы отвезите эту бумагу въ Высокую Порту, чтобы, когда тамъ узнаютъ, сейчасъ же императорская армія стояла твердо на своемъ мѣстѣ. Подобно тому, какъ нѣкогда московскій краль-Дели Петра (Петръ Великій) въ 22 (1122=1710) году прогналъ шведскаго короля на Османскую территорію, такъ и я сдѣлаю съ этой кралицей; мое желаніе услужить Высокой Державѣ (Портѣ); такъ пусть тамъ и знаютъ». И онъ отправилъ тѣхъ людей. Такъ разсказывали казанскіе татары. Московы снова собрали и выслали войско; но никакъ не могли справиться, а только потеряли отъ сорока до пятидесяти тысячъ войска.

Такимъ образомъ. Бугачуръ приблизился къ упомянутой древней столицѣ и остановился въ 24-часовомъ разстояніи отъ нея. Москва обширный городъ. Всѣ находящіеся внутри ея — царскій намѣстникъ и прочіе генералы, начальники, войска и подданные—соглашались впускать Бугачура въ крѣпость и покориться ему, потому что всѣ королевскія дочери и дѣти, которыхъ называютъ княгьями, увѣдомили кралицу, что къ нимъ, дескать, нѣтъ никакого уваженія, а уваженіе оказывается только тѣмъ, кто низкаго происхожденія. Основываясь на этомъ, подобно тому какъ было въ Москвѣ, и въ новой столицѣ Петербургѣ началось такого же рода волненіе на рынкахъ и базарахъ и даже проникло во дворецъ кралицы, къ воротамъ котораго была подкинута слѣдующаго содержанія бумага, которую будто бы написалъ и прислалъ Бугачуръ: «Я твой мужъ, краль Петръ, и ты раздѣляла со мной власть, пока я былъ краль. Когда я съ моимъ войскомъ былъ въ пути, на войнѣ, меня въ саду, называемомъ Петергофъ, схватили и арестовали, а ты, сдѣлавшись вмѣсто меня кралицей, сказала: «Мой сынъ еще ребенокъ; когда выростетъ, онъ будетъ кралемъ». Такого рода обманомъ хотѣла ты убить меня; но умеръ другой, имѣвшій со мною сходство; а меня освободили, и вотъ семнадцать лѣтъ какъ я скитаюсь; теперь я вернулся. Я буду жить въ старой русской столицѣ, а ты, оставивъ царствовать моего сына, будешь жить въ монастырѣ; или же знай, что ты погибнешь». Распустили ложный слухъ, что эта бумага была написана по замыслу Крымскаго сераскера Ибрагимъ-Паши. Кралица Екатерина, злополучная въ своихъ распоряженіяхъ, повсюду назначила агентовъ; приказано было никого не допускать во дворецъ безъ приглашенія; городъ былъ окруженъ войсками, и войска также посланы были къ Москвѣ; сама кралица тоже собиралась туда ѣхать; а Бугачуръ въ это время направлялся къ Астрахани съ цѣлью овладѣть этимъ городомъ.

Въ это время, т. е. въ началѣ 1188 (= 1774) года, могущественный, державный, грозный повелитель надъ всѣми повелителями вѣка, избранная жемчужина вѣнца вѣнценосца вселенной, властитель двухъ сушъ и двухъ морей, служитель двухъ священныхъ мѣстъ, султанъ сынъ султана, султанъ Абду-ль-Хамидъ-ханъ, сынъ султана Ахмедъ хана, сына султана Гази-Мухаммедъ-хана,—да увѣковѣчитъ богъ его царствованіе до дня страшнаго суда,—возъимѣлъ намѣреніе заключить съ кралицей миръ единственно съ цѣлью освобожденія уже столько времени находившихся въ рукахъ враговъ нѣсколькихъ тысячъ мусульманъ—мужчинъ, женщинъ и дѣтей; а то бы, воспользовавшись этимъ случаемъ и продолжая мѣсяцевъ пять, шесть драться геройски, подобно львамъ съ врагами вѣры, намъ можно было надѣяться милостью божіею остаться побѣдителями, потому что у кралицы враговъ было не мало; но такъ уже, вѣрно, было предопредѣлено свыше.

Авторомъ «Свѣточа», составителемъ «Сокровищницы», а также толкованій на «Путеводитель», Абдулла-бенъ-Ахмедомъ Несефи сказано: «Что написано предопредѣленіемъ, всегда сбудется. Не говори, что ищущій недостаточно старается. Покорись начертанному на скрижали предопредѣленія. Придетъ назначенное богомъ, и все выяснится». По смыслу этого изреченія, дастъ богъ, сообразно желанію, будетъ отомщено за все.

«Русская Старина» 1894 г., кн. 81-я. Стр. 144—146.

116. Изъ журнала, веденнаго Державинымъ во время Пугачевскаго бунта 1774 г. Генварь.

Въ семъ мѣсяцѣ, въ бытность его въ Казани при главнокомандующемъ, поручено было

ему съ рапортовъ частныхъ командировъ и съ донесеній партикулярныхъ людей собирать по алфабету имена начальниковъ злодѣйскихъ, съ краткимъ объясненіемъ произведенія каждаго злодѣйства, что который и гдѣ сдѣлалъ; для того, чтобы послѣ кто не могъ ускользнуть отъ правосудія и дѣла каждаго по алфабету скорѣе бъ видить было можно, и кто кѣмъ разграбленъ и убитъ [1]).

... *Сентябрь.* Пріѣхавъ въ Малыковку, нашелъ оную въ крайнемъ безпокойствѣ по причинѣ въ ней причиненыхъ злодѣями бѣдствій. Когда онъ, будучи въ Шафгаузенѣ, получилъ отъ егеря извѣстіе, что по завладѣніи Саратова отряжена толпа его сыскивать и уже приближалась, то онъ послалъ повелѣніе въ Малыковку къ бывшему тамъ экономическому казначею Тишину, дворцовому управителю Шишковскому и къ унтеръ-офицеру саратовскихъ артиллерійскихъ ротъ съ 20-ю фузелерами, бывшими у него на карулѣ, чтобъ они, поелику уже Саратовъ злодѣями занятъ и могутъ они свободно напасть и на Малыковку, то чтобъ помянутые чиновники и унтеръ-офицеръ старались спасти дворцовую и экономическую казну и его секретныя бумаги: удалясь на какой-либо на Волгѣ близъ находящійся островокъ, окопались и засѣли тамъ, а въ случаѣ нападенія, оборонились бы до прихода нашихъ войскъ. Они точно то исполнили, взявъ съ собою женъ и именитыхъ надежныхъ поселянъ; дѣтей же своихъ малолѣтнихъ экономическая казначейша Тишина,—опасаясь, что они будутъ въ сокрытіи на островѣ плакать и злодѣи услышать,—наряди въ крестьянскія замаранныя рубашенки, оставила съ ихъ кормилицей и нянькою у надежныхъ крестьянъ.

На другой день рано, пріѣхавъ, изъ разбойниковъ двое объявили, что они изъ арміи Батюшки; народъ вмигъ сбѣжался, принялъ ихъ съ радостію, и они такъ напились, что легли близъ кружала въ растяжку. Обыватели поставили вкругъ ихъ караулъ, и ночь прошла въ глубокой тишинѣ и спокойствіи. Г-жа Тишина скучилась по дѣтямъ и по великому въ селѣ безмолвію подумала, что въ ономъ изъ непріятелей никого нѣтъ; уговорила мужа на утренней зарѣ съѣздить и посмотрѣть дѣтей. Сѣли въ лодку, заклались травою и съ помощью двухъ гребцовъ и кормщика благополучно пристали къ берегу. Тутъ кормщикъ, измѣня, сказалъ о нихъ злодѣямъ, едва съ похмѣлья проснувшимся. Они тотчасъ схватили мужа и жену, мучали и, неистово надругавшись надъ нею, допросились о дѣтяхъ, которыхъ едва сыскали и принесли, то, схватя за ноги, размозжили объ уголъ головы младенцевъ; казначея и казначейшу, раздѣвъ, повѣсили на мачтахъ и потомъ, разстрѣлявъ, уѣхали. А какъ послѣ того никакихъ сонмищъ злодѣйскихъ не пріѣзжало, то унтеръ-офицеръ съ солдатами изъ засады выѣхали, казну и письменныя дѣла уложили въ свои мѣста.

Но какъ слышно стало, что Державинъ отъ Голицына идетъ съ командою, то обыватели, чувствуя свою вину, что двумъ пьянымъ бездѣльникамъ учинили предательство, схватили тѣхъ варваровъ, которые погубили съ семействомъ Тишина, посадили подъ караулъ. Державинъ немедля учинилъ имъ допросъ и нашелъ, что 4 человѣка главные были изъ измѣнниковъ, изъ коихъ одинъ укрылся; то остальныхъ, по данной ему отъ генералитета власти, опредѣлилъ на смерть; а чтобъ больше устрашить колеблющуюся чернь и привести въ повиновеніе, приказалъ на другой день въ назначенномъ часу всѣмъ обывателямъ,

[1]) Эта алфавитная тетрадь, писанная рукою Державина, сохранилась. Форматъ ее листовой, каждая страница въ два столбца, съ краю выставлены буквы. Между именами много татарскихъ, калмыцкихъ и башкирскихъ. Вотъ образчикъ замѣтокъ. «*Араповъ, Илья Петровъ*, злодѣйской толпы называющійся походнымъ атаманомъ. Сей злодѣй предводительствовалъ въ разбоѣ города Самары, въ сраженіи подъ оною, въ сраженіи подъ Алексѣевскимъ, давалъ отъ себя мошеническіе и плутовскіе приказы какъ его сообщникамъ, такъ и прочимъ, какъ-то Самарскому бургомистру и адъютанту своему воровскому Василію Иванову, чтобъ приводить въ мятежъ села и деревни, лежащія окрестъ Самары.—*Байберда*, деревни Изгитукли новокрещенный вотякъ. Онъ заставлялъ священниковъ села Мултаитуйля присягать Петру Федоровичу. — *Алексѣй Подъячевъ, Гаврило Коноваловъ.* Съ данными отъ башкирскихъ старшинъ билетами крестьянамъ разглашали вредные слухи и что они на заводахъ уже работать не будутъ. Они суть съ Ижевскаго завода мастеровые люди, взятые на оные изъ урожденцевъ села Сущей.—*Бырыловъ Федоръ*, отставной солдатъ Осинскаго уѣзду, въ село Верхніе Мулы пріѣзжалъ злодѣйскимъ манифестомъ увѣщевать народъ къ бунту.—*Гориковъ Максимъ*, злодѣйской пугачевской военной коллегіи секретарь, подписывалъ билеты, пашпорты и пр. — *Енгалычевъ, князь Осипъ Федоровъ*, житель деревни Вайтермашевой, полковникъ и предводитель злодѣевъ. Онъ пріѣзжалъ въ село Девлезеркино для грабительства, вѣшалъ на вороты попа и таскалъ на удавку дьячка. Онъ увезъ капитана Малыковскаго изъ крѣпости Полянской. *(прим. авт.)*

мужескому и женскому полу, выходить на лежащую близъ самаго села Соколову гору; священнослужителямъ отъ всѣхъ церквей, которыхъ было семь, облачиться въ ризы; на злодѣевъ, приговоренныхъ къ смерти, надѣть саваны. Заряженную пушку картечами и фузелеровъ 20 человѣкъ при унтеръ-офицерѣ поставилъ задомъ къ крутому берегу Волги, на который взойти было трудно. Гусарамъ приказалъ съ обнаженными саблями разъѣзжать около селенія и не пускать никого изъ онаго, съ приказаніемъ, кто будетъ бѣжать, тѣхъ, не щадя, рубить.

Учредя такимъ образомъ, повелъ съ зажженными свѣчами и съ колокольнымъ звономъ черезъ все село преступниковъ на мѣсто казни. Сіе такъ сбѣжавшійся народъ со всего села и изъ окружныхъ деревень устрашило, что хотя было ихъ нѣсколько тысячъ, но такая была тишина, что не смѣлъ никто рта разинуть. Симъ воспользуясь, сказанныхъ главнѣйшихъ злодѣевъ, прочтя приговоръ, приказалъ повѣсить, а 200 человѣкъ, бывшихъ на иргизскомъ караулѣ, которые его хотѣли, поймавъ, отвести къ Пугачеву, пересѣчь плетьми. Сіе все совершали, и самую должность палачей, не кто иные, какъ тѣ же поселяне, которые были обвиняемы въ измѣнѣ. Державинъ только расхаживалъ между ними и причитывалъ, чтобъ они впредь вѣрны были государынѣ, которой присягали. Народъ весь, ставши на колѣни, кричалъ: «Виноваты» и «Рады служить вѣрою и правдою».

(Соч. Г. Р. Державина, т. VI. с. 473—505.)

117. Борьба съ Пугачевщиной

(По Дмитріеву-Мамонтову.)

1. Ильинская крѣпость, *по показаніямъ казаковъ Бѣлоносова и Сутормина*, взята была прежде партіею полковника Хлопуши, «а оный изъ ссыльныхъ, и ноздри у него рваныя до самыхъ хрящей»; «въ толпѣ было тогда сотъ до пяти, пушекъ—шесть». «Взявши крѣпость, Хлопуша всю команду ее прикололъ, поручика Лопатина на дорогѣ изрубилъ, а также заколол на дорогѣ двухъ женщинъ. Затѣмъ Хлопуша соединился съ Пугачевымъ подъ Озерной, гдѣ 26 ноября, подъ предводительствомъ самого злодея, стояли съ утра до вечера, но взять оную не могли. Въ это же число отъ Озерной злодѣй отступилъ въ деревню башкирскую за 12 верстъ, гдѣ и ночевалъ двѣ ночи. 28, услышавъ, что идетъ какой-то майоръ съ командою, дабы захватить его на дорогѣ, пошелъ съ этою толпою; однако, майора на дорогѣ не засталъ, а нашелъ его въ крѣпости Ильинской. Въ бытность въ злодѣйской толпѣ слышали отъ самого злодѣя Пугачева, что онъ по взятіи Ильинской и Озерной крѣпостей хочетъ идти на Берды, а затѣмъ зимовать въ Яицкомъ городкѣ. Крѣпость Озерную взять намѣревается, чтобы захватить казну, пушки, порохъ, а болѣе для бригадира Корфа жены, которую, если возьметъ, хочетъ повѣсить и животъ ее весь ободрать въ отместку за обиду, нанесенную ему Корфомъ черезъ захватъ посланнаго имъ казака съ его указами. Сверхъ того, усиленно намѣревается взять съ войскомъ слѣдующаго генералъ-майора Станиславскаго».

«Пугачевъ роста средняго, волосы и борода черные, подъ правымъ глазомъ рубецъ, лицомъ бѣлъ, немного сухощавъ, платье на немъ казацкое, шаровары малиноваго бархату, мерлушка черная, рубашка бѣлая, косой воротъ, волосы обриты подъ кружало и немножко сверху спущены. Богу молится по раскольнически. Грамотѣ не умѣетъ, а находится при немъ писарь изъ Яицкихъ казаковъ, который указы пишетъ. Пугачевъ всегда на верховой лошади, имѣетъ при себѣ оружіе: два малые пистолета и саблю».

«Многіе изъ Яицкихъ казаковъ хотятъ тоже бѣжать отъ него, но опасаются напрасной смерти, потому что злодѣй вѣшаетъ за само-малѣйшія вины. Со всѣхъ убитыхъ людей, какъ съ своихъ, такъ и съ нашихъ, онъ, злодѣй Пугачевъ, всю одежду приказываетъ снимать и на оныхъ ничего не оставлять, и всѣ тѣ мертвыя тѣла валяются безъ всякаго прибору. Въ крѣпости Ильинской злодѣй оставилъ только однѣхъ женщинъ да священника, который приходилъ къ нему въ татарскую деревню съ крестомъ, однакоже злодѣй къ тому кресту не подошелъ и отослалъ священника въ крѣпость. Довольствіе Пугачевъ въ войскѣ своемъ производитъ только Яицкимъ казакамъ, жалованіе и одежду выдаетъ изъ разграбленнаго имущества, лошадей отбираетъ у башкирцевъ косяками, также отбираетъ у нихъ провіантъ. Изъ прочихъ же всякъ довольствуется самъ собою, что гдѣ разграбитъ. Только нашимъ казакамъ ничего еще не давалъ, обѣщаетъ дать, какъ возьметъ Оренбургъ».

2. Заинтересованный въ дѣлѣ умиротворенія мятежа *Денисъ Ивановичъ Чичеринъ*, зорко и постоянно слѣдившій за всѣмъ ходомъ событій, волновавшихъ сибирское населеніе, писалъ въ концѣ марта 1774 года *генералу Дсколонгу:*

«По милости божьей злое пламя утихаетъ, злодѣйскія толпы высланными командами разогнаны, слободы приведены въ покорность,

такъ что по выступленіи командъ подговорщиковъ сами ловятъ и ко мнѣ приводятъ. Всему причина пьяные наши попы. Вчера ко мнѣ привели изъ Байкаловской слободы, который не только первый возмутитель, но и самъ ѣздилъ въ злодѣйскую толпу, перевязавшись по ихъ обычаю бѣлою холстиною, уговаривалъ и склонялъ злодѣевъ вступить въ оную слободу и привелъ оныхъ. При сраженіи подъ деревней Кобылкиной самъ предводительствовалъ, при разбитіи бѣжалъ въ стоянку разбойника и атамана Ковалевскаго и тамъ въ сраженіяхъ противъ преміеръ-майора Эртмана предводительствовалъ. По разбитіи бѣжалъ въ главную толпу, гдѣ и противъ вашего превосходительства въ сраженіи былъ. По истребленіи вами той толпы возвратился въ свою слободу съ радостнымъ объявленіемъ тѣмъ крестьянамъ, что команда ваша разбита и ваше превосходительство взяты въ плѣнъ. Увѣрялъ, что самъ видѣлъ императора и что онъ со всѣми силами поворотилъ къ Тобольску. Усиленно склонялъ къ измѣнѣ, чтобы немедленно ѣхали они въ помощь. Однако случившеюся командою подпоручика Феофилова, разъѣздными гусарами, по увѣдомленіи крестьянъ, схваченъ и приведенъ сюда».

«Таковыхъ же двухъ поповъ ведутъ ко мнѣ изъ Бѣляковской слободы».

«Курганской слободы попъ Лаврентій Антоновъ, какъ нынѣ оказалось, еще въ генварѣ мѣсяцѣ ѣздилъ въ Оренбургъ въ злодѣйскую толпу, увѣщавая оныхъ придти въ Курганъ и въ Утяцкую слободу. Все крестьяне къ принятію злодѣевъ отъ него склонены были. Крестьянамъ же далъ такое злодѣйское наставленіе, присовѣтовавъ, чтобы всѣ оные добровольно единодушно вооружились и затѣмъ соединились съ военною командою, подъ видомъ отраженія злодѣевъ, такъ какъ военная команда, видя ихъ своими сотоварищами, не будетъ ихъ опасаться, тогда ее всю легко схватить будетъ можно, что и исполнено».

«Онъ былъ главнымъ атаманомъ и командиромъ слободъ Курганской, Утяцкой, Иковской, первый былъ совѣтникъ смертной казни взятыхъ офицеровъ. Ваше превосходительство, прошу предписать г-ну преміеръ-майору Эртману, о чемъ отъ меня писано, чтобы какъ наивозможно старался его схватить. Впрочемъ, милостивый государь мой, у насъ все благополучно, только я, какъ курица, вынеслась, выкомандировавъ во всѣ мѣста людей. Моя осталась надежда—одни сограждане, которые всѣ вооружились, а оставшіеся солдаты самые сущіе злодѣи, которыхъ давно уже по десяти разъ должно было повѣсить. Изъ Петербурга и Казани никакого извѣстія не имѣю, одно только то, что герцогъ Курляндскій женился на дочери покойнаго князя Бориса Григорьевича Юсупова».

«Какъ мы нынѣ постимся, такъ и вашему превосходительству посылаю осетра и постный желе, желаю кушать на здоровье».

3. Первое мѣропріятіе новаго главнокомандующаго, которое сдѣлалось извѣстнымъ въ Сибири, это былъ *циркуляръ 25 августа*, полученный генераломъ Деколонгомъ и Д. И. Чичеринымъ въ началѣ октября:

«1774 года, августа 25 дня, по указу е. и. величества и по данной мнѣ мочи, за собственноручнымъ подписаніемъ, на усмиреніе производимаго нынѣ въ государствѣ бунта измѣнникомъ съ его сообщниками и самозванцемъ Пугачевымъ, въ имени покойнаго императора Петра Третьяго, который, извѣстно всему государству, двѣнадцать тому уже лѣтъ скончался и предъ глазами всего Петербурга похороненъ въ Невскомъ монастырѣ, по усмотрѣнію на мѣстѣ удобнѣйшихъ средствъ, не только къ пресѣченію сего бунта, но и возвращенію въ прежнее вѣрноподданническое повиновеніе ея императорскому величеству законновладѣющей Имперіей Всероссійской императрицѣ, великой Екатеринѣ Второй, всѣхъ взбунтовавшихся и заразившихся симъ бунтомъ ея величества подданныхъ, измѣнниковъ и сообщниковъ его, предполагаю я симъ по государственнымъ законамъ поступать по нижеписанному»:

1) «Во всѣхъ тѣхъ городахъ и селеніяхъ, въ которыхъ обыватели поднимали свои руки или способствовали только поимкѣ и предательству въ руки измѣнниковъ на убійство своихъ воеводъ, всякихъ постановленныхъ отъ ея величества начальниковъ, собственныхъ помѣщиковъ, священниковъ и всякаго званія вѣрноподданныхъ, и тѣхъ, какъ самыхъ убійцъ, такъ и предателей, заводчиковъ, изготовя напередъ по христіанскому закону, казнить смертію отрубленіемъ сперва руки и ноги, а потомъ головы, и тѣла класть на колесы у проѣзжихъ дорогъ».

2) «Всѣхъ безъ изъятія послѣдователей за таковыми бунтовщиками сѣчь жестоко при висѣлицѣ плетьми».

3) «Ради такой кары, при всѣхъ тѣхъ селеніяхъ, которые бунтовали или хотя ослушными противу законнаго начальства оказывались, поставить и впредь до указу не велѣть снимать по одной висѣлицѣ, по одному колесу и по одному глаголю, для вѣшенія за ребро».

4) «Если заводчиковъ убійствъ учрежденныхъ начальниковъ, собственныхъ помѣщиковъ, священниковъ, настоящими обличенія-

ми изыскивать будетъ уже нельзя, то въ таковыхъ селеніяхъ, гдѣ начальники, священники и [illegible] званія вѣроподданные умерщвлены или преданы ихъ же поселянами, принуждать къ выдачѣ заговорщиковъ метаніемъ между ними жребія, для повѣшенія третьяго, а ежели и симъ средствомъ они ихъ не выдадутъ, то и дѣйствительно сотаго между таковыми по жребію повѣсить, а остальныхъ всѣхъ возрастныхъ пересѣчь жестоко плетьми».

5) «Всѣхъ поселянъ, возвращенныхъ сими средствами въ прежнюю подданническую вѣрность къ ея императорскому величеству нашей всемилостивѣйшей государынѣ и въ должное повиновеніе своихъ начальниковъ, помѣщиковъ, утвердить въ томъ цѣлованіемъ евангелія и креста, объявивъ, что кто и за симъ дерзнетъ впредь какимъ-либо образомъ пріобщаться къ бунтовщикамъ или утверждать самозванца Петромъ Третьимъ, который двѣнадцать уже тому лѣтъ, всему государству извѣстно, подлинно скончался, или кто сдѣлаетъ малѣйшее ослушаніе воеводамъ, канцеляріямъ, всякимъ надъ собою начальникамъ и собственнымъ помѣщикамъ, а другіе таковыхъ зачинщиковъ или подсылныхъ отъ государственныхъ бунтовщиковъ не свяжутъ и въ ближайшую канцелярію или воинскую команду не представятъ, за то въ самой скорости присланными изъ войскъ команды генерала графа Панина, всѣ въ таковыхъ селеніяхъ, безъ изъятія возрастные мужики, будутъ казнены мучительнѣйшими смертями, жены и дѣти ихъ отданы въ рабство, а земли во владѣніе въ вѣрности пребывшимъ всегда къ ея императорскому величеству подданнымъ и помѣщикамъ».

6) «Если, паче чаянія, чего до сихъ поръ еще не произошло и ожидать почти невозможно, чтобы нашлись по вышеписанному заслужившіе наказаніе смертной казни или тѣлесныя наказанія, дворяне или имѣющіе офицерскіе и вышіе чины, также изъ духовнаго рукоположенія, таковыхъ по изобличеніи содержать прикованными къ стѣнамъ на хлѣбѣ и водѣ, а о дѣйствительномъ ихъ наказаніи представить генералу графу Панину черезъ нарочныхъ».

7) «Въ тѣхъ селеніяхъ, въ которыхъ собственными обывателями, что казеннаго или помѣщичьяго разграблено, свое принуждать обратно возвращать съ тѣмъ угроженіемъ, если кого что изъ такого награбленнаго и собственно собою невозвращеннаго впредь отыщется, то таковой непремѣнно будетъ повѣшенъ».

(Дмитріевъ-Мамоновъ. Пугач. Бунтъ въ Зауральѣ и Сибири.)

113. Рапортъ помѣщику о разореніи его имѣнія.

1774 года.

1.

Сіятельнѣйшему графу государю Александру Романовичу[1]).

Всенижайшій рапортъ.

Извѣстнаго вора бунтовщика Пугачева распущенныя по Саранскому, Пензенскому и прочимъ уѣздамъ воровскія многолюдныя толпы, кои достигали близъ вотчинъ вашего сіятельства и винокуреннаго Чембирлеевскаго завода, рыская своимъ безчеловѣчнымъ свирѣпствомъ и всѣхъ попадшихъ въ ихъ руки господъ помѣщиковъ, прикащиковъ и всякаго званій начальников умерщвляли и умерщвляют смертно. Домы господскіе и всякую пожитъ разоряютъ и грабятъ до основанія и безъ остатка, и при сдѣланномъ (не оставливая ни одного жила) смертномъ убійствѣ, присвояютъ къ себѣ невѣждовъ въ свою толпу, тѣмъ умножая свое звѣрство надъ человѣки.

Я, нижайшій, удостовѣренъ многими смертно погибшими невинно отъ рукъ толпы Пугачевой и устранясь того жъ отъ пагубныхъ рукъ заколѣнія, отъ завода, оставя оной еще злодѣями непосѣщенный въ цѣлости, верхомъ уѣхалъ въ городъ Симбирскъ, сего августа 5-го числа, куда 10-го числа пріѣхалъ живъ; а 11-го числа отправилъ отъ себя изъ Симбирска двухъ человѣкъ въ заводъ для развѣдыванія о воровскихъ нашествіяхъ и о всѣхъ предпріятіяхъ злодѣйскихъ, и дабы что учинено будетъ въ отчинахъ вашего сіятельства, меня увѣдомить, и по той извѣстности вашего сіятельства и Московскую домовую контору репортовать буду.

Ежели въ которой вашего сіятельства вотчинѣ отъ крестьянъ вашего сіятельства самыхъ какія неустройства, непослушанія, а кольми паче озорничество и присвоеніе учинять бунтовщиковы толпы, что съ таковыми приказано будетъ дѣлать, ожидать буду указа, ибо то многіе помѣщиковы люди и крестьяне чинили и то чинить по близости вотчинъ вашего сіятельства еще не перестаютъ, а паче отваживаются господъ своихъ и прикащиковъ сами колоть и вѣшать, и имѣніе ихъ грабятъ и по себѣ дѣлятъ.

Иванъ Козыревъ.

Августа 13 дня 1774 года.

Симбирскъ.

Получено въ Москвѣ Сентября 16 дня 1774.

---

[1]) Гр. Воронцову.

2.

Милостивый государь Сидоръ Логиновичъ и милостивая государыня сестрица Авдотья Антоновна! Желаю вамъ много лѣтъ здравія купно и съ любезнымъ вашимъ сыномъ Иваномъ Сидоровичемъ.

Письмо я отъ васъ получилъ чрезъ Степана Андреева, за которое много благодарствую, а наипаче тому радуюсь, что вы доѣхали до Москвы благополучно, а отсюда богъ отнесъ васъ отъ смерти. Я думаю, батюшка, въ такой злой часъ, конечно бы, вы живы не были: что здѣсь такое смятеніе было, описать невозможно. Я думаю, съ начала вѣка тако не бывало: столько много перевѣшано и переколото, описать невозможно. Какъ я вамъ прежде писалъ, Тарасъ Ларіоновичъ, Яковъ Ивановичъ привезены оба скованные, такъ обоихъ вмѣстѣ повѣсили; также и женъ ихъ и маленькаго сына Тараса Ларіоновича. Только у онаго мальчика веревка порвалась, онъ ожилъ. Обо всемъ, батюшка, невозможно описать. Пичуга повѣшенъ, Федотъ плѣшивый, и много ихъ.

Объ вотчинѣ или объ нашемъ жильѣ вамъ доношу. Пріѣзжали къ намъ многія партіи. Первая пріѣхала прямо на барскій дворъ; въ хоромахъ и въ твоихъ покояхъ нѣсколько окончинъ выбили, и что было на погребу пива, то все выпили. Не столько они, сколько наши крестьяне пили. Также масло и прочее, что было на погребу, то все наши крестьяне растащили, и столько ихъ собралось, что я думаю на святую недѣлю къ обѣднѣ столько не собиралось, такъ смѣлы, и у этихъ варваровъ изъ рукъ рвали. Въ хоромахъ и въ твоихъ покояхъ обои со стѣнъ, съ канапе и стульевъ, что ни было, и съ полу все растащили, изодрали, и наши крестьяне по себѣ раздѣлили; также столы, стулья, панели, двери, ставни всѣ крестьяне растащили и по себе раздѣлили. Пріѣзжали дѣлить Михайловскіе, Егорьевскіе; однимъ словомъ сказать, только остались однѣ стѣны. Только и стѣны тѣмъ счастливы, что скоро они выѣхали. А вслѣдъ команда пришла, и сказано всѣмъ, чтобъ были послушны по прежнему господамъ своимъ; а то бы и стѣны разломали и раздѣлили.

А что вы изволите писать, чтобъ старики молодыхъ слушали: въ то время, какъ старые, такъ и молодые равной голосъ имѣли и кричали, кто какъ умѣетъ. Есть нѣсколько и правыхъ, только немного, а то всѣ одинъ духъ имѣли на дѣльбу, что у кого было въ семьѣ, то всѣ приходили, и бабы. Обо всемъ вамъ донесетъ Петръ Петровичъ, онъ отъ насъ поѣхалъ отъ этого страха; да и я, батюшка, коли доживу до зимы, то намѣренъ уѣхать отъ страха и ужасти. Мнѣ мужики иные въ глаза сказали и въ брюхо палкой тыкали, и бранили поматерину: надо де тебя и съ Козыревымъ повѣсить; коли де онъ бога Козыревъ, что уѣхалъ. Я и до сихъ поръ боюсь и отъ страха не могу ходить; только того и жду, какъ придутъ и взвятъ кругомъ насъ. И нынеча великіе мятежи и звѣрища собираются, ста по четыре и болѣе, вѣшаютъ и рубятъ. Иса [1]) съ протчими селами согласилась, въ которую посылана была посылка: многихъ порубили, а село выжегли. 29-го числа августа и за Сурой то же дѣлается. Однако наши мужики до сего числа въ таковыхъ дѣлахъ не явятся.

Покорно прошу, милостивый государь, постараться обо мнѣ попросить барина, чтобъ онъ мнѣ приказалъ отсюда выѣхать; а я подушныя деньги готовъ платить въ Петербургѣ въ домѣ его высокородія, а мнѣ здѣсь жить никакъ невозможно, что я въ великой опасности.

Озимой хлѣбъ посѣяли, сказываютъ, 62 десятины; еще нѣсколько посѣютъ, а подаль ничего не пахана. Сѣнокосъ послѣ тебя ничего не кошенъ, и трава такъ пропала; только то и сѣно, которое при себѣ сметалъ на Черкасскомъ; которое при тебѣ скошено, то сметали, а под вышками и у Черкасской мельницы пропало.

А ваше, что осталось въ церкви, то уже какъ оному вору подыматься отъ Саранска, то пріѣхали съ старыми казаками и съ ворами къ намъ въ село, сыскали попа, чтобъ отперъ церковь, которому грозили повѣсить. отперъ. Также и бабу Наталью велѣли сыскать; сказали ей, ежели она не скажетъ, гдѣ прикащиковы пожитки лежатъ. тожъ грозили повѣсить. А присланъ былъ отъ Антона Терентьевича Яшка суконщикъ, который сыскалъ въ подпольѣ, надѣлъ на себя вашъ ванчей сюртукъ, камзолъ и шапку, а въ лантяхъ, то поймавъ меня, говоритъ въ церкви: ежели ты мнѣ сапоговъ не дашь, то сейчасъ тебя повѣсимъ и всего разоримъ; то я ему тотчасъ сапоги далъ. Онъ сталъ ихъ обувать. а я ему въ ноги клапяюсь, чтобъ меня помиловалъ. А посуду и протчее, которое они взяли, а больше свои растащили.

Изволите писать о тулупахъ. Оные воры взяли, а шубу вашу мужики въ лоскутья изрѣзали, по себѣ раздѣлили, что кому досталось. Одеялы ныне цѣлы, только мужики по себе раздѣлили. А мы спрашивать у нихъ не

[1]) Большое Воронцовское, потом Шуваловское село Пензенской губ. Инсарскаго у.

сиѣемъ, для того что изъ нихъ еще эта ярость изъ головы не вышла; самъ изволь пріѣхать и собрать. У Борисовны постель цѣла, а что дали для Петрушки къ Терентьевнѣ, то отъ нея все взяли миромъ и все раздѣлили; онъ у нея живетъ, а въ Мочкасы и въ Апраксино никто не беретъ.

А о себѣ вамъ, милостивый государь, доношу, что въ тѣ злые часы все былъ дома и хозяйка, и столько страсти видѣлъ, что описать не могу, и много у меня растащили; а ежели бы ушелъ, то бы ничего не покинули. Матушка и хозяйка всѣмъ вамъ нижайше кланяются. Болѣе до васъ писать не имѣю.

Анисій Родіоновъ.

Сентября 1-го дня 1774 г.

Овса, гречихи и проса не родилось: морозъ побилъ.

(«Архивъ князя Воронцова», кн. 25, ст. 432—436.)

119. Пугачевщина въ Симбирской губерніи.

(По запискамъ Д. Б. Мертваго.)

1.

Пугачевъ, то поражаемый войсками, посланными для усмиренія мятежа, то усиливаемый новыми толпами злоумышленниковъ, долго, какъ нѣкій вихрь, носился въ горахъ и степяхъ малообитаемыхъ и лѣтомъ 1774 года двинулся на сѣверъ и обложилъ Казань. Оборона жителей заставила его промедлить; разграбленное и сожженное имъ предмѣстье послужило къ его неудачѣ; многочисленная чернь, составлявшая его шайку, вдалась въ пьянство и грабежъ; въ это время войска Михельсона настигли и разбили его, но не схватили самого злодѣя; онъ съ большимъ числомъ злоумышленниковъ бѣжалъ за Волгу къ Алатырю, въ тотъ спокойный край, гдѣ мы жили. Сначала онъ былъ неизвѣстенъ, но черезъ нѣсколько дней, по присоединеніи къ нему множества дворовыхъ людей и крестьянъ, явился близь нашего селенія, знаменуя вездѣ свое шествіе кровопролитіемъ.

За три недѣли передъ этимъ матушка родила, и въ день, когда начались наши несчастія, 22-го іюля, праздновали мы ея имянины. По деревенскому обыкновенію званы были гости, и уже столъ былъ накрытъ, какъ вдругъ отецъ мой получилъ письмо отъ пріятеля и сосѣда нашего, званого на праздникъ, который увѣдомлялъ, что самозванецъ въ тридцати верстахъ отъ насъ пришелъ въ господское селеніе, повѣсилъ приказчика и все имущества разграбилъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ писалъ батюшкѣ, что со всѣмъ своимъ семействомъ выѣхалъ, самъ не зная, куда судьба его поведетъ.

Собравшись на скоро, поѣхали мы въ городъ Алатырь, отстоящій въ сорока верстахъ отъ нашей деревни. Передъ вечеромъ, приближаясь къ городу, встрѣтили мы знакомаго, который сказалъ отцу моему, что Пугачевъ вступаетъ въ Алатырь, и народъ съ образами, хлѣбомъ и солью пошелъ ему навстрѣчу. Вѣсть эта была громовымъ для насъ ударомъ; надо было бѣжать, а куда, богъ знаетъ. Усталость лошадей принудила насъ своротить въ сторону, мы въѣхали въ лѣсокъ, недалеко отъ дороги, гдѣ на пчельникѣ нашли одного только человѣка; у него въ избѣ провели ночь.

На разсвѣтѣ отправились мы, сами не зная куда. Пріѣхавъ въ первое селеніе, увидѣли множество народа, толпившегося по улицѣ. Окруживъ наши повозки, крестьяне остановили насъ и спросили, куда ѣдемъ и для чего; грубыя ихъ рѣчи и, наконецъ, строгое требованіе, чтобы мы тотчасъ выѣхали изъ ихъ селенія, были для насъ первымъ знакомъ народнаго волненія и грозившей намъ опасности.

Выѣхавъ изъ села, поворотили мы въ маленькую мордовскую деревеньку, находившуюся близь большого лѣса; остановившись у знакомаго намъ мордвина, узнали мы, что вся чернь волнуется, ожидая Пугачева, и что, не подвергая себя крайней опасности, нельзя намъ останавливаться ни въ какомъ селеніи. Освѣдомившись о дорогѣ, ведущей въ чащу лѣса, взявъ у Мордвина хлѣба, сколько у него испечено было, и телѣги вмѣсто каретъ, пустились мы въ лѣсъ, единственное наше тогда убѣжище...

2.

На четвертый день нашего пребыванія въ лѣсу, сталъ оказываться у насъ недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ. Незнаніе обстоятельствъ того времени, надежда, что вслѣдъ за бунтовщикомъ идутъ войска, поражавшія его всегда и вездѣ, а болѣе всего болѣзнь матушки, причиною которой были душевныя и тѣлесныя беспокойства, заставили батюшку послать одного изъ людей нашихъ въ ближнее селеніе для покупки припасовъ и для развѣдыванія, что тамъ происходитъ. Человѣкъ этотъ казался намъ вѣрнымъ, и дѣйствительно, я думаю, вначалѣ онъ не имѣлъ злого умысла.

Пріѣхавъ въ селеніе, пріискивалъ онъ купить, что ему было приказано, и вмѣстѣ съ

тѣмъ развѣдывалъ о Пугачевѣ. Крестьянамъ это показалось страннымъ; по причинѣ повсемѣстнаго тогда волненія никто ничего не покупалъ, а все бралъ даромъ и убивалъ слабѣйшаго за неисполненіе его требованія. И потому, задержавъ его, стали разспрашивать, что онъ за человѣкъ и откуда; вѣроятно, собственная опасность заставила его сказать истину; тогда человѣкъ двѣсти жителей того селенія собрались противъ насъ; а онъ, показывая имъ дорогу, довелъ до того мѣста, гдѣ мы скрывались.

Приблизившись къ нашему убѣжищу, раздѣлились они на нѣсколько партій, окружили насъ, и напали вдругъ со всѣхъ сторонъ съ большимъ крикомъ. Въ эту несчастную минуту батюшка отдыхалъ въ шалашѣ; люди оробѣли и побѣжали; сестры, схвативъ подъ руки матушку, побѣжали въ лѣсъ; злодѣи кинулись на батюшку. Онъ выстрѣлилъ изъ пистолета, и хотя никого не убилъ, но заставилъ отступить; и схвативъ ружье, лежавшее возлѣ него, и трость, въ которой была вдѣлана шпага,—не видя никого изъ своихъ около себя, побѣжалъ въ чащу лѣса, закричавъ намъ: «Прощай, жена и дѣти!» Это были послѣднія слова, которые я отъ него слышалъ.

Въ большомъ страхѣ бросился было я вслѣдъ за батюшкой, но чаща лѣса раздѣлила насъ; не видя его, я бѣжалъ, самъ не зная куда. Запнувшись объ обгорѣлое дерево, лежавшее поперекъ дороги, упалъ я, и въ эту минуту, увидѣвъ возлѣ себя просторное дупло, вползъ въ него; черезъ нѣсколько минутъ, очувствовавшись отъ страха, я слышалъ стрѣляніе изъ ружей, и крикъ около себя: «Ищите и бейте»!

Пролежавъ долгое время и не слыша болѣе никакого шума, рѣшился я выйти изъ дупла, долго оглядывался во всѣ стороны, прислушивался; наконецъ, не замечая никакого шума, пошелъ къ той полянѣ, гдѣ мы стояли. Тутъ нашелъ я нѣсколько лоскутковъ изодраннаго бѣлья и окровавленный платокъ, по которому долженъ былъ заключить, что кто-либо изъ ближнихъ моихъ убитъ...—

3.

Пройдя нѣкоторое разстояніе, и какъ стало уже смеркаться, послышалъ я шорохъ въ сторонѣ и спросилъ. Голосъ мой узнали мои братья, изъ которыхъ одному было десять, а другому семь лѣтъ. Они прибѣжали ко мнѣ, и съ ними наша няня; мы чрезвычайно другъ другу обрадовались и, не зная куда идти, остались ночевать подъ деревомъ.

Поутру, лишь только стало свѣтать, пошли мы по дорогѣ, не зная, куда она ведетъ. Уже солнце высоко поднялось, когда приблизились мы къ рѣчкѣ, берегомъ которой шла дорога; прелестные мѣста кругомъ, небольшія полянки, пріятный утренній воздухъ и повсемѣстная тишина заставили было насъ забыть ужасное наше положеніе, но вдругъ услышали мы страшный крикъ: «ловите, бейте!» Я схватилъ за руку одного брата, бросился къ рѣчкѣ и скрылся въ густой травѣ у береговъ, а няня съ меньшимъ братомъ моимъ побѣжала по дорогѣ. Злодѣи, принявъ ее за дворянку, погнались за нею, и одинъ изъ нихъ ударилъ ее топоромъ; въ испугѣ она подставила руку, которая однако ее не защитила; остріе, разрубивъ часть ладони, вонзилось въ плечо; страшный крикъ сильно тронулъ мое сердце. Въ то же время слышу я вопль брата, котораго схватили и спрашивали, куда мы побѣжали. Не зная, что я дѣлаю, я откликнулся и кинулся изъ травы, явился къ нимъ; они спросили мое имя, сказали, что знаютъ батюшку, но что съ нимъ сдѣлалось, не слышали; потомъ сняли съ насъ все платье и обувь и, не дѣлая болѣе никакихъ грубостей, отпустили въ однѣхъ рубашкахъ, показавъ дорогу на мельницу, которая была недалеко.

Обезсилѣвшую отъ раны, а болѣе отъ испуга няню нашу поднялъ я и повелъ подъ руку къ мельницѣ...—

4.

У мельничнаго амбара намъ дали по большому куску хлѣба и по ложкѣ и поставили крынку молока; лишь только принялись мы за пріятную для голоднаго работу, какъ вдругъ жена мельника закричала: «Ай! казаки, казаки!» Оглянувшись, мы дѣйствительно увидѣли толпу приближавшагося народа; я испугался чрезвычайно и не помню, какъ спрятался съ братьями подъ мельницу.

Толпа эта, увидя няню нашу, окровавленную, лежавшую на землѣ у мельничнаго амбара, спросила мельника, что это значитъ; онъ сказалъ всю правду и указалъ мѣсто, гдѣ мы спрятались. Двое изъ толпы спустились по лѣстницѣ и вынесли на рукахъ братьевъ моихъ; третій, взявъ меня за волосы, потащилъ за собою на лѣстницу, четвертый въ это время билъ меня сзади палкою.

Я увидѣлъ всю толпу у мельничнаго амбара; насъ поставили въ середину ея и стали произносить приговоръ. Всякъ говорилъ свое и предлагалъ, какъ меня убить; а братьевъ, какъ малолѣтнихъ, отдать бездѣтнымъ мужикамъ въ пріемыши. Нѣкоторые предлагали бросить меня съ камнемъ на шеѣ въ воду; другіе—повѣсить, застрѣлить или разрубить; тѣ же, которые были пьянѣе и старше, взду-

мали учить надо мною молодыхъ казаковъ, не привыкшихъ еще къ убійству. Слыша эти разсужденія и ругательства, я ничего не говорилъ и уже готовился къ смерти: но тутъ одинъ изъ толпы сказалъ, что, будучи въ городѣ, получилъ онъ отъ самозванца приказаніе привести къ нему дворянина, мальчика лѣтъ пятнадцати, умѣющаго хорошо читать и писать, за котораго обѣщалъ тотъ 50 рублей награжденія. Это предложеніе было всѣми тотчасъ принято, меня начали экзаменовать, заставили писать углемъ на доскѣ, задавали легкія задачи изъ ариѳметики, и, наконецъ, признали достойнымъ занять важное мѣсто секретаря у Пугачева. Снисходя на мою просьбу, они согласились не разлучать меня съ братьями.

Мы пробыли у мельницы все время, необходимое на кормъ лошадей и на отдыхъ пѣшимъ. Между тѣмъ стали со мной обходиться почтительно, называли меня секретаремъ, разсказывали о разныхъ происшествіяхъ, относящихся до самозванца, о силѣ его и о намѣреніи истребить всѣхъ дворянъ, и наконецъ о приказаніи крестьянамъ защищаться всѣми силами отъ воинскихъ командъ, ожидаемыхъ вскорѣ.

Во время этихъ разсужденій и разсказовъ, одинъ пьяный казакъ, взявъ меня за косу, сказалъ: «Батюшка не любитъ долгихъ волосъ, это бабамъ носить прилично». И тутъ же, прислонивъ меня къ близь-стоявшему дереву, закричалъ другому: «Руби, братъ!» Этотъ будучи также пьянъ, отрубилъ мнѣ топоромъ косу вплоть къ затылку. Я чрезвычайно испугался, но имѣлъ столько присутствія духа, что шутилъ насчетъ своихъ волосъ и благодарилъ этихъ пьяницъ.

Вѣсти о близости воинскихъ командъ обрадовали меня; я сталъ придумывать, какъ бы мнѣ укрыться отъ злодѣевъ на нѣсколько дней. Но между тѣмъ надобно отправляться съ ними въ путь пѣшкомъ, безъ одежды и обуви.

Во время нашего путешествія подружился я съ однимъ крестьяниномъ, приставшимъ къ толпѣ изъ ближняго селенія. День уже склонялся къ вечеру; мы стали выходить изъ лѣса; большія поляны, засѣянные хлѣбомъ, показывали близость деревни. Въ это время слышу я разсужденія злодѣевъ, ѣхавшихъ верхомъ, которые говорили, что сомнѣваются застать самозванца въ городѣ Алатырѣ, и что надобно будетъ вести меня далѣе, не зная, гдѣ найдутъ они Пугачева, и заплатитъ ли онъ обѣщанную сумму; другіе говорили, что когда доведутъ меня до селенія, и я объявлю себя секретаремъ, они принуждены будутъ не оставлять меня и жертвовать своимъ трудомъ и временемъ, быть можетъ, понапрасну, и потому согласились убить меня, не выходя изъ лѣса, а братьевъ, какъ малолѣтнихъ, раздать въ пріемыши бездѣтнымъ мужикамъ.

Слыша эти разсужденія, я страдалъ; сердце неизъяснимо ныло, но дѣлать было нечего: надобно было молчать и притворяться еще, что не слышу. Въ это время крестьянинъ, подружившійся со мною и не вмѣшивавшійся въ разсужденія, отведя меня немного въ сторону, сказалъ: «Или ты не слышишь, что ребята-то говорятъ?» Я отвѣчалъ: «Слышу, и, если можешь, бога ради, спаси меня и братьевъ». Онъ, взявъ съ меня слово, что я пойду къ нему въ работники, обѣщалъ усыновить меня; разсказалъ, какъ надо найти деревню и домъ его и потомъ, сказавъ злодѣямъ, что идетъ съ нами въ сторону, велѣлъ бѣжать въ кусты и тамъ скрыться.

Какъ стало уже смеркаться, вышелъ я изъ лѣсу и увидѣлъ деревню, гдѣ былъ домъ моего избавителя, и возлѣ нея ту маленькую мордовскую деревеньку, гдѣ останавливались мы, ѣхавши въ лѣсъ. Я пошелъ въ послѣднюю, въ домъ къ мордвину; его тогда не было дома, но жена его пригласила насъ, какъ знакомыхъ, благосклонно.

Черезъ нѣсколько минутъ собралось въ ней множество жителей того селенія; старшины, казалось, что-то грозно говорили хозяйкѣ по мордовски, и одинъ изъ нихъ, подойдя ко мнѣ, сказалъ повелительно, чтобы тотчасъ вышелъ я съ братьями изъ деревни потому, что имъ не велѣно принимать дворянъ.

Я повиновался и, выйдя за околицу, сѣлъ на землю; недоумѣніе сжимало мое сердце; я боялся идти въ ту деревню, гдѣ жилъ крестьянинъ, пригласившій меня къ себѣ; между тѣмъ ночь уже наступила; заунывные голоса людей, сгонявшихъ скотъ, ревъ и топотъ коровъ, вмѣстѣ съ темнотою ночи, произвели такое чувство въ напуганномъ моемъ воображеніи, что мнѣ казалось лучше быть убитымъ, тѣмъ терпѣть это страшное мученіе духа.

Вставъ поспѣшно, пошелъ я обратно въ деревню, гдѣ не встрѣтилъ никого на улицѣ; войдя въ домъ къ мордвину, я не нашелъ въ избѣ жены его. Оставленный тутъ маленькій ребенокъ, сидя въ зыбкѣ, плакалъ; я сыскалъ въ столѣ хлѣбъ и ножъ, отрѣзалъ всѣмъ по куску и посадилъ братьевъ на полати, куда и самъ забрался.

По окончаніи домашнихъ работъ хозяйка возвратилась въ избу, засвѣтила огонь, поужинала и, поигравъ съ своимъ ребенкомъ, собиралась уже идти спать. Въ эту минуту, поспѣшно сойдя съ полатей, бросился я предъ

нею на колѣна, прося позволенія ночевать въ ея домѣ; поутру, если ей угодно, сама бы насъ убила или отдала бы на убійство... Долго не отвѣчала она ни слова, умильно смотрѣла на меня, покачивала головою; наконецъ, слезы, покатившіяся по лицу, убѣдили меня, что жалость взяла верхъ надъ страхомъ. Она, поднявъ меня, говорила: «Если свѣдаютъ, что я скрыла у себя дворянъ, то меня, мужа моего и ребенка нашего убьютъ и домъ сожгутъ, но быть такъ». Послѣ этого, снявъ съ полатей братьевъ моихъ, которые тамъ уже было заснули, одѣла всѣхъ насъ въ мордовскія платья, провела на задній дворъ въ сѣнницу; положивъ на землю подушку, велѣла намъ лечь и, одѣвъ шубою, накрыла насъ пошевнями. Отъ усталости я такъ сладко заснулъ, что ничего во снѣ мнѣ не грезилось.

Лишь только стало свѣтать, хозяинъ, снявъ пошевни, покрывавшіе насъ, разбудилъ меня и убѣдительно просилъ не губить его и, пока люди спятъ, выйти изъ селенія. Въ краткихъ словахъ изъяснилъ онъ мнѣ всѣ опасности нашего положенія, говорилъ, что матушку и сестеръ провезли къ Пугачеву, и что, конечно, ужъ нѣтъ ихъ теперь на свѣтѣ. Этотъ честный человѣкъ самъ плакалъ, видя мои слезы. Когда я ему изъяснилъ, что желаю пробраться въ свою деревню, онъ совѣтовалъ, избѣгая встрѣчъ по дорогѣ, спуститься къ рѣкѣ и берегомъ ея добраться до мѣста; повелъ насъ за околицу и простился со слезами со мною, говоря, что во вѣки намъ не видаться...

5.

Слѣдуя наставленію мордвина, шелъ я верстъ восемь берегомъ рѣки до моста, перейдя который, вышли мы по маленькой лѣсной дорогѣ на большую, никого не встрѣтивъ. Наконецъ, когда показались мѣста знакомыя, и осталось менѣе десяти верстъ до деревни, увидѣлъ я человѣка, лежащаго подъ кустомъ, и привязанную подлѣ него лошадь. Поднявъ голову, онъ спросилъ насъ, что мы за люди. Я отвѣчалъ: «Дворяне».—«Стой! куда?», закричалъ онъ, я бросился отъ него, но тяжесть на плечахъ, разбитыя, исцарапанныя и распухшія босыя ноги, изнеможеніе вслѣдствіе голода,—все это лишило меня возможности спасаться бѣгствомъ, и я былъ схваченъ крестьяниномъ, который, взявъ меня за воротъ рубашки, привелъ къ своей телегѣ и приказалъ лечь въ нее, мучительнымъ образомъ связалъ веревкою руки мои назадъ, локоть съ локтемъ, и, загнувъ ноги, привязалъ къ рукамъ.

Въ то время, какъ вязалъ онъ меня, и я, чувствуя несносную боль, умолялъ его о помилованіи, подъѣхалъ знакомый ему крестьянинъ, къ которому посадилъ онъ въ телѣгу моихъ братьевъ. Запрягая свою лошадь, онъ между тѣмъ говорилъ съ товарищемъ своимъ, что когда привезутъ они насъ въ городъ и представятъ къ самозванцу, то получатъ за каждаго по десяти рублей.

По дорогѣ къ городу, недалеко отъ того мѣста, гдѣ я былъ взятъ и связанъ, находилось большое село, близь котораго было убито большое число дворянъ, и крестьяне этого села болѣе другихъ участвовали въ этихъ злодѣйствахъ. Большой Алатырскій лѣсъ окруженъ многими селеніями; крестьяне, узнавъ, что дворяне, жившіе въ окрестности, скрываясь отъ самозванца, прячутся въ лѣсу съ своимъ имѣніемъ, ходили шайками по лѣсу, ловили дворянъ, раздѣляли ограбленное имущество между собою, а дворянъ отвозили къ Пугачеву. Возчики наши, остановясь въ селѣ близь церкви, пошли къ толпѣ народа, собравшейся на площади. Когда такимъ образомъ мы остались одни, старушка, жившая въ богадѣльнѣ, подойдя къ моей телѣгѣ, положила мнѣ облупленное яйцо и кусокъ хлѣба, сказавъ: «Прими Христа ради»; спросила, какъ зовутъ меня, и объявила мнѣ, что знаетъ насъ, что матушку и сестеръ привезли наканунѣ и убили недалеко отъ села, и маленькую трехнедѣльную сестру положили матушкѣ на грудь. Потомъ, увидя, что хозяева нашихъ телѣгъ возвращаются, простилась со мною, сказавъ, что и меня на томъ же мѣстѣ убьютъ.

Отъѣхавъ двѣ версты отъ села, увидѣлъ я, сквозь щели телѣги, брошенныя близь дороги тѣла убитыхъ дворянъ. Полагая, что между ними находятся и тѣла близкихъ моему сердцу, спросилъ я у крестьянина, куда везетъ онъ меня?»—«Въ городъ—отвѣчалъ онъ;—потому что тамъ только велѣно убивать дворянъ». Я сталъ просить, чтобы, развязавъ меня, онъ позволилъ найти тѣла матушки и сестеръ и проститься съ ними; но он сказалъ мнѣ презрительно: «Ты сегодня же съ ними на томъ свѣтѣ увидишься».

Отчаяніе привело меня въ ожесточеніе; я сталъ бранить его, укоряя, что онъ мучитъ человѣка, не сдѣлавшаго ему никакого зла, и предаетъ его на убійство за десять рублей, и что в послѣдніе часы жизни лишаетъ его горестной отрады увидѣть и проститься съ тѣлами родныхъ; наконецъ, стращая гнѣвомъ божіимъ, я достигъ того, что онъ сжалился надо мною: развязалъ мнѣ ноги, помогъ поворотиться и позволилъ сидѣть въ телѣгѣ.

Это снисхожденіе послужило мнѣ только къ большему мученію; я могъ не только видѣть, но и узнавать тѣла знакомыхъ и родственни-

ковъ; сердце до того сжалось, что я уже не хотѣлъ оставаться въ живыхъ. Связанные руки мои распухли; запонка, оставшаяся у одного рукава, давила мнѣ одну изъ нихъ; я попросилъ крестьянина отстегнуть ее, говоря: «Она серебряная, тебѣ годится». Исполнивъ мою просьбу и любуясь, онъ сказалъ: «Ба, да ты, братъ, добрый, не сердишься на меня». Я отвѣчалъ, что если все перемѣнится и будетъ по-прежнему, и я останусь живъ, то даю ему слово, что не только не будетъ онъ наказанъ за поступокъ со мною, но что я постараюсь наградить его. На это грозно онъ возразилъ: «Врешь, этому не бывать; прошла уже ваша пора». Однако вскорѣ послѣ того развязалъ мнѣ руки.

6.

По пріѣздѣ въ городъ представилъ онъ насъ въ канцелярію воеводы, гдѣ записали наши имена, заплатили ему за каждого изъ насъ по десяти рублей, высадили изъ телѣгъ и приказали отвести въ тюрьму, находившуюся близь канцеляріи.

Насилу съ помощію какого-то человѣка взобрался я на лѣстницу, и можно представить себѣ мое удивленіе и радость, когда увидѣлъ я матушку и сестеръ, посаженныхъ тутъ въ числѣ множества дворянъ. Я бросился съ восхищеніемъ къ матушкѣ, но она, холодно давъ мнѣ руку, спросила: «гдѣ отецъ?». Я отвѣчалъ, что не знаю. Послѣ этого во все продолженіе дня и слѣдующей ночи, она ни съ кѣмъ ни слова не говорила. Сестра мнѣ разсказала, что человѣкъ, котораго батюшка посылалъ изъ лѣса, былъ въ толпѣ злодѣевъ, напавшихъ на насъ, что онъ былъ пьянъ и ударилъ матушку и ее дубиною по головѣ; окровавленныя ихъ платья подтверждали истину этихъ словъ; разбойники, выбравъ всѣ вещи изъ повозокъ, раздѣлили ихъ между собою и сбирались убить матушку и сестеръ; но люди наши умоляли о помилованіи, свидѣтельствуя о томъ, что господа были добрые; выйдя изъ лѣса, они провожали до тѣхъ поръ, пока могли не отставать отъ повозокъ, ѣхавшихъ тихо, и во все это время оказывали матушкѣ и сестрамъ усердіе и почтеніе; даже человѣкъ, ударившій ихъ дубиною по головѣ, молчалъ и показывалъ видъ раскаянія. Все это было причиною того, что крестьяне учтиво съ ними поступали все время и, привезя въ городъ, объявили о томъ воеводѣ, опредѣленному отъ самозванца. Со слезами разсказывала мнѣ сестра, что матушка въ теченіе двухъ сутокъ ни съ кѣмъ не говоритъ, и что въ поступкахъ ея замѣтно помѣшательство.

На другой день поутру вошла къ намъ въ тюрьму для подаянія милостыни горничная двоюродной сестры нашей, убитой во время смятенія. Матушка спросила ее, не знаетъ ли чего о батюшкѣ.—«Его вчера повѣсили въ деревнѣ вашей»,—отвѣчала та хладнокровно. Услышавъ это, матушка упала въ обморокъ и долго пролежала безъ чувствъ; мы думали, что она скончалась и, окруживъ ее, рыдали; помочь же ей и не умѣли и не имѣли средствъ: у насъ и воды тогда не было.

Очувствовавшись отъ обморока, матушка, стоя на колѣняхъ, долго молилась богу, потомъ просила горничную разсказать подробности нашего несчастія. Женщина эта разсказала намъ, что батюшка рано поутру прибѣжалъ къ околицѣ своей деревни, гдѣ встрѣтилъ дворовыхъ людей нашихъ и нѣкоторыхъ крестьянъ. Сказавъ имъ, что онъ трое сутокъ ничего не ѣлъ, разбросалъ свое платье по лѣсу, будучи не въ силахъ нести его на себѣ, просилъ дать ему молока и хлѣба, что тотчасъ было исполнено; потомъ, узнавъ, что матушку и сестру отвезли въ городъ, просилъ, чтобы и его туда же отправили; люди, исполняя его волю, запрягли парою телѣгу, въ которой онъ выѣхалъ изъ деревни, но какая-то женщина, мывшая на рѣкѣ платье, увидя толпу злодѣевъ, ѣхавшихъ на другой сторонѣ рѣки, закричала имъ: «Баринъ здѣсь!». Эти люди тотчасъ же переправились вплавь черезъ рѣку и, не заставъ батюшку въ деревнѣ, поскакали вслѣдъ за нимъ. Нагнавъ его въ нѣсколькихъ верстахъ отъ селенія, заставили повернуть назадъ и, собравши всѣхъ дворовыхъ и крестьянъ нашихъ, объявили имъ, что кто хочетъ, можетъ бить его. Когда же всѣ сказали, что довольны батюшкою, и просили ему помилованія, то злодѣи приказали везти его въ городъ. Но тогда тотъ самый человѣкъ, который ударилъ матушку и сестру дубиною по головѣ, сталъ бить батюшку плетью; послѣ чего казаки повѣсили его и стрѣляли въ него, ранили въ плечо и бокъ. Наконецъ, полагая, что онъ уже умеръ, снявъ съ висѣлицы, потащили за ноги къ рѣкѣ и тамъ въ тинѣ оставили... Но видно, что онъ еще былъ живъ тогда, потому что преданные ему люди, чрезъ нѣсколько дней послѣ того выѣхавшіе изъ города, нашли тѣло его и свидѣтельствовали, что пальцы правой руки его были сложены для крестнаго знаменія...—

7.

Часу въ десятомъ утра услышали мы шумъ народа, толпившагося около канцеляріи. Караульные наши смотрѣли за нами слабо, я сошелъ внизъ и слышу, все кричатъ: «Вое-

вода [1]) идетъ, сѣчетъ и рубитъ». Вскорѣ послѣ того показались бѣжавшіе окровавленные люди. За ними слѣдовалъ воевода Бѣлокопытовъ съ обнаженною шпагою въ рукѣ и кругомъ его пять солдатъ штатной команды съ ружьями на плечахъ; двери предъ нимъ отворились; онъ вошелъ въ канцелярію; всѣ робко на него смотрѣли и готовы были ему повиноваться.

Войдя въ судейскую комнату, Бѣлокопытовъ засталъ на воеводскомъ стулѣ Сердешева, назначеннаго въ воеводы самозванцемъ. Тутъ начался споръ стараго воеводы съ новымъ [2]); Сердешевъ говорилъ, что не отдастъ онъ Бѣлокопытову своего мѣста, потому что спасъ отъ смерти многихъ дворянъ; Бѣлокопытовъ, не отвѣчая ему, закричалъ своимъ солдатамъ: «Возьмите его!». Солдаты, схвативъ Сердешева, кто какъ попало, стащили его со стула и отвели подъ стражу. Тогда Бѣлокопытовъ, открывъ окно на площадь, гдѣ много собралось народа, закричалъ повелительнымъ голосомъ, чтобы всѣ прежніе начальники въ городѣ и въ предмѣстьи тотчасъ явились къ нему, что и было исполнено немедленно. Вышедъ на крыльцо, именемъ государыни объявилъ имъ всѣмъ, что преступленія ихъ прощаетъ, но только, чтобы жители поставили триста человѣкъ конныхъ и вооруженныхъ людей, которымъ обѣщалъ давать по одной копѣйкѣ въ день жалованія и назвалъ ихъ копѣйщиками. Требованіе его такъ скоро было исполнено, что онъ тутъ же успѣлъ осмотрѣть представленныхъ ему людей, записать ихъ имена, раздѣлить на команды и опредѣлить къ нимъ начальниками солдатъ, возвратившихся съ нимъ изъ лѣса. Узнавъ, что партія бунтовщиковъ пьянствуетъ въ дворянскомъ селеніи, въ восемнадцати верстахъ отъ города, онъ отрядилъ туда команду, которая взяла ихъ и привезла въ городъ; нѣкоторые изъ нихъ замучены были до смерти, а другіе посажены въ острогъ; по показанію послѣднихъ о другой партіи, находившейся въ другомъ селеніи, Бѣлокопытовъ отправилъ и за ними команду; все это исполнилъ онъ въ первый день своего воеводства...

8.

На другой день передъ разсвѣтомъ сильное волненіе въ городѣ разбудило насъ; крикъ шумъ, скачка по улицамъ навели на всѣхъ большой страхъ. Причина этого шума скоро объяснилась: сотня казачьяго полка, прискакавъ въ городъ, окружила канцелярію съ ужаснымъ крикомъ и спрашивала: «Кому вы служите?». Вновь набранное войско, думая, что эта партія бунтовщиковъ, отвѣчало, что служитъ самозванцу; командиръ сотни, поставя часовыхъ, поскакалъ въ домъ къ воеводѣ Бѣлокопытову, который въ испугѣ спрятался въ огородѣ, гдѣ казаки нашли его между двухъ грядъ гороха. Когда они привели его къ ротмистру, воевода, думая, что онъ стоитъ предъ Пугачевымъ, объявилъ себя слугою самозванца; ротмистръ, давъ ему нѣсколько пощечинъ, вывелъ несчастнаго на площадь и, при множествѣ собравшагося народа, высѣкъ плетьми. Такимъ же образомъ поступилъ онъ съ воеводою Сердешевымъ и приказалъ связать имъ руки назадъ и посадить въ двѣ телѣги, запряженные парою.

Въ то время, какъ ротмистръ управлялся съ воеводами, казаки его команды бросились въ обывательскіе дома грабить. Хозяйка наша, обливаясь горькими слезами, просила помилованія у грабителей; но казаки брали всѣ вещи, которые находили и могли взять, не отвѣчая ей ни слова. Жалость взяла меня; не говоря никому ни слова, я, надѣвъ старый набойчатый халатъ и туфли моего хозяина, отправился на площадь. Ротмистръ въ то время бранился съ связанными и посаженными въ телѣги высѣченными воеводами; я подошелъ къ нему, объявилъ, что я дворянинъ, потерпѣвшій несчастіе отъ бунта, лишился отца и, не имѣя пристанища, призрѣнъ со всею оставшеюся семьею моею подьячимъ, котораго ограбили казаки его команды. Ротмистръ, хотя былъ пьянъ, но сжалился надо мною,—приказалъ сыскать казаковъ и отдать мнѣ все взятое; въ мигъ возвратили мнѣ множество платья и вещей. И когда я объявилъ ротмистру, что я не въ состояніи поднять все принесенное, онъ приказалъ казакамъ тотчасъ отнести все обратно, что и было исполнено.

---

[1]) Незадолго передъ бунтомъ, присланъ былъ въ Алатырь къ исправленію воеводской должности подполковникъ Бѣлокопытовъ; онъ узналъ о приближеніи самозванца и, замѣтивъ сильное волненіе въ народѣ, не имѣя никакой возможности сопротивляться, рѣшился спасаться бѣгствомъ. Онъ ушелъ ночью съ шестью солдатами изъ города въ лѣсъ и унесъ съ собою все деньги, кромѣ мѣдныхъ. Возвратясь въ городъ, оставилъ въ лѣсу при деньгахъ одного солдата и такимъ образомъ спасъ и себя и казну.

[2]) Инвалидной команды прапорщикъ Сердешевъ, не успѣвъ бѣжать, явился къ самозванцу и присягнулъ ему. Онъ опредѣленъ былъ всеводою въ Алатырь, и ему данъ былъ указъ, состоящій только въ томъ, чтобы вѣшать всѣхъ дворянъ. Сердешевъ объявилъ въ народѣ, что не позволяетъ убивать дворянъ въ уѣздѣ, и приказалъ возить ихъ для того въ городъ. Чтобы успѣшнѣе провести эту мѣру въ исполненіе, онъ платилъ за каждаго мужчину десять, а за женщину пять рублей и такимъ образомъ спасъ многихъ отъ смерти.

Я понравился пьяному ротмистру; онъ поцѣловалъ меня, объявилъ мнѣ, что высѣкъ воеводъ, и спрашивалъ, не досадили ли они мнѣ, обѣщая прибавить имъ по нѣскольку ударовъ. Потомъ онъ приказалъ привести на площадь бунтовщиковъ, привезенныхъ воеводою Бѣлокопытовымъ наканунѣ и посаженныхъ въ острогъ. Казаки, поднявъ ихъ на пики, разстрѣляли. Совершивъ этотъ послѣдній подвигъ, собралъ онъ свою команду и съ обоими воеводами отправился изъ города, оставивъ насъ безъ всякаго начальства...—

(Записки Д. Б. Мертьаго, стр. 3—21.)

120. Письмо помѣщицы Лопатиной о Пугачевщинѣ.

Арзамасъ, сентября 19-го 1774 года.

Государь мой, Иванъ Антиповичъ! Письмо отъ васъ, отъ 2-го сентября, получила того жъ 18-го, въ которомъ изволите писать о несносной нашей горести и печали общей, о смерти покойныхъ Степана Ивановича и Марія Григорьевны. И на то вамъ, государь мой, доношу, что мы къ вамъ писали обстоятельно и послали человѣка, столяра Тимошку, августа 27-го числа; а отъ васъ изъ Мурома онъ поѣхалъ на парѣ; на что и нынѣ васъ о горестномъ случаѣ нашемъ, по смерти ихъ, увѣдомляю. Покойные поѣхали, собравши къ вамъ въ Тулу и взявъ съ собою лучшее платье, брилліанты и серебро, до пріѣзду злодѣя Пугачева въ Саранскъ за день и доѣхали до Сипягина генерала и предводителя саранскаго, и съ ними Василій Ивановичъ Языковъ. А у Сипягина ночевавъ, и послѣ обѣда поѣхали всѣ вмѣстѣ и, отъѣхавъ 15 верстъ до села Украинцева Щербачевой, Марьи Григорьевой, и въ томъ селѣ пойманы мужиками; Степана Ивановича сковавъ съ Сипягинымъ, а Василья Ивановича, посадя на стулъ, взявъ на боярскій дворъ подъ караулъ. Обозъ остался за деревнею, въ коемъ была несчастная Марья Григорьевна, назвавъ ее Бориска своею женою и выпросивъ у мужиковъ за двадцать три рубли; и какъ они изъ Украинцова повезли ихъ въ Саранскъ, и отъѣхавъ до села Исы три версты, и въ томъ селѣ встрѣтясь злодѣйская команда—казаки; она ушла изъ обозу, взявъ съ собою бѣднаго сына Дмитрія и всѣхъ прося людей и женщинъ, въ такомъ несчастномъ случаѣ, чтобъ ихъ не оставили; однако никто съ нею не пошелъ. Она же еще на сносехъ была брюхата; и изъ вышеписаннаго села Украинцова ушла Катерина съ сыномъ поваромъ и дѣвка. А изъ Исы ушелъ Васька, приказчиковъ сынъ; Федька, дальной Нѣеловки, приказчиковъ сынъ и писарь. Такъ злодѣи, довезя Степана Ивановича, въ Голицынѣ ночевали, коя на Инзарѣ; изъ Голицына бѣжали Бориска, и столяръ Оска, Савушка, Мишка.

Его упокойнаго, привезя въ Саранскъ, злодѣи замучили плетьми, и муча бросили; нѣсколько полежа и сгоряча вскочилъ, такъ ему предали смерти, подсѣкли жилы. Сипягина тожъ плетьми замучили и вбивъ въ ротъ клинъ, который много передъ нимъ говорилъ и бранилъ его, называя его злодѣемъ и воромъ и разорителемъ Пугачевымъ, и говоря въ народъ, чтобъ не думали, якобы государь былъ; а Василія Ивановича повѣсили, и Сипягина сына 14-ти лѣтъ. И единымъ словомъ сказать, если бы люди просили о избавленіи ихъ смерти, то бъ они отъ него, злодѣя, избавлены были; многіе такіе образцы были, что упрашивали люди и крестьяне. Имѣніе ихъ все разграблено въ Саранскомъ, кое съ ними было; а въ домѣ что осталося: платья, хлѣбъ, скотъ, по себѣ все раздѣлили, до нитки, люди и крестьяне, его и приданные кареты, возки, стулья, канапе, кожу и сукно ободрали, желѣзо сняли, дерево и полозья все изрубили. Единымъ сказать словомъ, въ домѣ стекла побили, ставни, двери выбрали; пробои, крючья выдрали; печи разломили.

А она, упокойная, пошла странным образомъ съ Митькой до своей приданой деревни пѣшкомъ, ночевала по лѣсамъ; одѣяніе было—одна рубаха на плечахъ. И какъ стала подходить къ своей деревнѣ, узнавъ воры мужики, взявъ ее, привезли къ себѣ и возили на дорогу къ Пугачеву; злодѣй ее простилъ и отпустилъ, коя ими обратно къ себѣ въ деревню привезена къ приданому мужику на дворъ. Они, не выѣзжая изъ его станицы злодѣйской, звали команду, что у нихъ барыня у приданаго мужика; такъ три команды наѣзжали и отпускали; четвертая пріѣхала, сѣкши плетьми нещадно, повѣшана и мужикъ съ нею тожъ; а бѣднаго Митьку, назвавъ онаго мужика повѣшеннаго сынъ своимъ сыномъ, такъ онъ и жизнь свою спасъ. Впрочемъ, пребуду всегда вамъ, государю моему, съ моимъ почтеніемъ, государь мой, покорная всегда *Прасковья Лопатина*».

(Приписка Лопатиной на лоскуткѣ):

Упокойный Степанъ Ивановичъ замученъ августа 29-го и, послѣ злодѣя въ третій день, погребенъ съ прочими тѣлами, за Инзарою у валу, въ двухъ ямахъ, на что вамъ о убитыхъ саранскихъ, пензенскихъ, алаторскихъ реестръ посылаю. А упокойная тогожъ 30-го

августа замучена жъ, и снявъ ее воры съ петли и съ мужикомъ отвезли за деревню и бросили въ поле безъ всякаго присмотру, гдѣ они лежали съ мужикомъ недѣлю; не только скотина, и муха на нихъ не садилась. Такъ было, на томъ мѣстѣ вырыли яму и бросили ихъ; изъ канцеляріи поѣхали, велѣли тѣла хоронить. Кормилица ее, мужикова жена, кой повѣшалъ, вступилася, вырыла и погребла у церкви села Пестровки середней Леванева Петра Ивановича, который имъ былъ пріятелемъ,—они у него гостили ночи по двѣ и по три; положена въ томъ крестьянскомъ сарафанѣ, въ коемъ она замучена, а саванъ, Христа ради, солдатка у нихъ злодѣевъ сыскала, ровный холстъ изъ ихъ разграбленныхъ пожитковъ. Они все бѣлье и холсты разодрали на каждаго по лоскутамъ, и двѣ кровати ситцевая и домашняя кисейная, и платья, кои остались, пряжу и нитки все по себѣ бабы сѣнные, дворовые и крестьянки раздѣлили и такъ толпами всѣ и ходили.

(«Русская Старина» 1874 г. т. X, стр. 617—618.)

121. Рапортъ о разореніи заводовъ во время Пугачевщины.

Въ оренбургское горное начальство мѣдныхъ и желѣзныхъ заводовъ отъ директора Якова Твердышева доношеніе [1]).

1) Извѣстно оному оренбургскому горному начальству: имѣли мы общие съ зятемъ моимъ, колежскимъ асессоромъ Ив. Мясниковымъ, въ Оренбургской губерніи подъ вѣдомствомъ онаго начальства вододѣйствуемыхъ двѣнадцать заводовъ, въ томъ числѣ 6 мѣдиплавленныхъ и 4 доменныхъ, одинъ молотовой и одинъ лѣсопильный; а именно: Воскресенскій, Преображенскій, Богоявленскій, Архангельскій, Верхотурскій и Покровскій; желѣзные доменные: Катавъ и Юрезянь-Ивановскіе, Симскій и Бѣлорѣцкій, молотовой Устья-Катавскій, лѣсопилочный Симскій [2]). При тѣхъ всѣхъ заводахъ и шести деревняхъ по послѣдней ревизіи имѣлось въ поселеніи купленныхъ нашихъ крѣпостныхъ мастеровыхъ и работныхъ людей мужескаго пола 7.269 душъ, да отданныхъ указомъ правительствующаго сената въ прошломъ 1757 г. изъ платежа подушныхъ денегъ въ заводскія работы изъ непомнящихъ родства и помѣщиковъ мужеска жъ полу 135 душъ.

2) А нынѣ, по приведенію въ усмиреніе Башкирцовъ, что во время извѣстнаго государственнаго злодѣя Емельки Пугачева и его сообщниковъ, Башкирцами вышеозначенные наши мѣдные и желѣзные заводы не только разорены, при разграбленіи на нихъ состоявшаго наличнаго капитала въ заводскихъ матеріалахъ и въ разныхъ припасахъ, мѣдь, желѣзо и наличные деньги, и крестьянскую всю пожить, скотъ и хлѣбъ,—при мѣдныхъ; при Воскресенскомъ, Преображенскомъ, Архангельскомъ, Покровскомъ, при желѣзныхъ: при Симскомъ, Юрезянскомъ, Бѣлорѣцкомъ, Устья-Катавскомъ и лѣсопилочномъ Симскомъ фабрикъ Вѣшняки и во платинахъ славъ, магазейны, пильные и все заводское строеніе и крестьянскіе домы и съ имѣющимися при тѣхъ заводахъ деревнями: Ромодановкою, Кугавпкомъ, Зилимомъ, Враломъ, Орковкою и Арскою до основанія пожжены. Остались хотя также разграбленными, но непожженными два завода: мѣдный — Богоявленскій, а желѣзный—Катавскій. А при всѣхъ тѣхъ заводахъ, что извѣстно рѣченному оренбургскому горному начальству, имѣлися при каждомъ обыкновенныя заводскія конторы. При разореніи, разграбленіи и сожженіи тѣхъ, имѣющіеся въ тѣхъ конторахъ всякіе письменные дѣла и получаемые изъ разныхъ присутственныхъ мѣстъ указы, данные на записку выплавляемой мѣди и чугуна шнуровыя за печатями книги, такъ и конторскія, по которымъ со многими разнаго званія людьми имѣлись расчеты въ датѣ денегъ; въ поставкѣ разныхъ матеріаловъ и припасовъ, векселя, росписки и съ вольнонаемными людьми домовые контракты и договоры, безъ остатку пожжены жъ. А какъ злодѣй государственный Пугачевъ къ городу Оренбургу подошелъ прошлаго 1773 г., въ послѣднихъ (числахъ) сентября мѣсяца, и во первыхъ напавъ на мѣдные наши каргалинскіе [3]) рудники, а потомъ на ближніе заводы, состоящіе ко Оренбургу; потому при всѣхъ нашихъ заводахъ на нѣкоторыхъ въ послѣднихъ — сентября, а на нѣкоторыхъ въ первыхъ октября, какъ плавка мѣди, такъ и выплавка чугуна остановилась, и нынѣ не производится.

3) А по послѣднимъ тѣхъ заводовъ изъ заводскихъ конторъ присланнымъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ прошлаго 1773 г. письменнымъ извѣстіямъ, показано, что при тѣхъ заводахъ состояли въ заводскомъ капиталѣ въ наличныхъ по всѣхъ заводахъ матеріалахъ и припасахъ, въ томъ числѣ при мѣдныхъ,—наличная мѣдь и наличныя деньги, при желѣзныхъ—чугунъ, желѣзо, и въ магазейнахъ приготовленный для мастеровыхъ и работныхъ людей наличный разный хлѣбъ, кромѣ заводскаго строенія и плотинъ и употребленныхъ на то строеніе матеріаловъ, а

именно: при Воскресенскомъ и Верхотурскомъ—на 63.592 р. 50 к., при Преображенскомъ—на 33.995 р. 86 к., при Богоявленскомъ—на 104.515 р. 6 к., при Архангельскомъ—на 28.310 р. 19 к., при Покровскомъ—на 2.350 р. 17 к., при желѣзныхъ при Катавъ-Ивановскомъ — на 105.039 р. 99 к., при Юрюзанскомъ — на 36.194 р. 52 к., при Симскомъ — на 52.464 р. 12 к., при Бѣлорѣцкомъ—на 77.942 р., при Усть-Катавскомъ—на 18.744 р. 52 к., при Симскомъ лѣсопиленномъ — на 2.671 р. 7 к., при Каргалинскихъ мѣдныхъ рудникахъ разнаго инструмента, хлѣба, на вольнонаемныхъ работниковъ одолженія—на 11.439 р. 23 к., на желѣзныхъ Буланскихъ рудникахъ къ припасахъ—на 554 р. 72 к., а при всѣхъ вышеписанныхъ заводахъ заводскихъ припасовъ и матеріаловъ и наличныхъ денегъ, мѣди и желѣза, по показанію отъ заводскихъ конторъ, по цѣнѣ въ наличности имѣлось на 537.813 р. 95 к. А изъ того наличнаго при заводахъ капитала, какъ денегъ, такъ мѣди и желѣза въ августѣ мѣсяцѣ, даже и въ сентябрѣ, отпуску никуда не имѣлось; потому всей вышеозначенной суммѣ въ матеріалахъ и припасахъ, мѣди и желѣзу, и деньгами по день разоренія заводовъ наличнымъ и быть долженствуетъ.

4) А какія при которомъ заводѣ для выплавки при мѣдныхъ — мѣди, а при желѣзныхъ для выплавки чугуна, выковки разныхъ сортовъ и дѣла листового желѣза имѣлись въ построеніи фабрики, въ нихъ мѣдиплавиленныхъ печей, доменъ и молотовъ, и при которыхъ имѣлись пильные для пиленія лѣсу, о томъ изъ посылаемыхъ отъ конторы Воскресенской полугодовыхъ вѣдомостей, какъ государственной бергъ-коллегіи и канцеляріи главнаго заводовъ правленія, такъ и рѣченному оренбургскому горному начальству извѣстно.

5) Но нынѣ, по разореніи и сожженіи тѣхъ заводовъ, въ какомъ они точно состояніи находятся, имѣется ли при которомъ заводѣ на сожженныхъ въ остаткѣ сколько припасовъ и матеріаловъ, мѣди, желѣза и платины при каждомъ, въ сущемъ ли разореніи или остались цѣлыми, или требуютъ какого поправленія до наступленія будущей весны, а на оставшихъ двухъ заводахъ при мѣдномъ Богоявленскомъ и при желѣзномъ Катавскомъ, а при Богоявленскомъ коликое число свезенной со всѣхъ заводовъ, въ наличности состоитъ мѣди, а на желѣзномъ чугуна и желѣза, также сколько на нихъ припасовъ и матеріаловъ, годныхъ ко употребленію заводскаго производства, осталось, — всему тому, для донесенія государственной бергъ-коллегіи и канцеляріи главнаго заводовъ правленія, отъ присутственнаго мѣста потребно свидѣтельство и подробное описаніе. А при томъ со всѣхъ вышеописанныхъ пожженныхъ заводовъ крестьяне, по сожженіи заводовъ и по разграбленіи ихъ крестьянскаго имѣнія, всѣ, какъ мужескъ, такъ и женскъ полъ, взяты были Башкирцами въ ихъ башкирскія кочевья и при разореніи заводовъ не малое число тѣхъ крестьянъ мужескаго пола Башкирцами побиты, женскъ полъ обруганы; и находились тѣ всѣ крестьяне у тѣхъ Башкирцовъ въ разныхъ работахъ съ іюня по октябрь, а другіе—по ноябрь мѣсяцъ. А по возвращеніи отъ тѣхъ Башкирцовъ военными командами, тѣ крестьяне въ таковомъ бѣдственномъ состояніи, не только никакого имѣнія при себѣ, но къ покрытію наготы тѣла одежнаго ничего не имѣютъ, и отъ голоду весьма истощенные, которые не имѣя у себя не только къ пропитанію, но и для покрытія наготы никакой одежи; почему тѣ всѣ крестьяне, безъ снабженія ихъ одеждою, хлѣбомъ, лошадьми, никакихъ заводскихъ работъ производить не въ состояніи.

Того ради, оренбургскому горному начальству представляя о разореніи и пожженіи нашихъ заводовъ, покорнѣйше прошу, дабы повелѣно было чрезъ кого надлежитъ всѣ вышеписанные наши заводы и рудники освидѣтельствовать и какое онымъ послѣдовало разореніе и истребленіе и осталось ли въ наличности на тѣхъ пожженныхъ мѣстахъ мѣди, желѣза и другихъ матеріаловъ, и сколько погибло людей, учинить тому опись и узнать, въ какомъ бѣдственномъ состояніи, лишась своего имѣнія, находятся заводскіе крестьяне; а по свидѣтельству и описанію, что окажется, представить то свидѣтельство и описаніе къ свѣдѣнію государственой бергъ-коллегіи и въ канцелярію главнаго заводовъ правленія, и о семъ моемъ прошеніи учинить милостивое разсмотрѣніе и резолюцію [1]).

Генваря 5-го дня 1775 г. Къ сему доношенію Яковъ Твердышевъ руку приложилъ.

ПРИМѢЧАНІЕ.

1) Въ 1774 г., по ходатайству начальника Оренбургскаго края Неплюева, отданъ былъ симбирскому купцу Ив. Твердышеву (впослѣдствіи пожалованному в колежскіе асессоры) находившійся у пригорода Табынска казенный мѣдиплавильный заводъ и казен-

ные мѣдные рудники того края. Заводъ построенъ былъ еще Кирилловымъ въ 1736 г. и 1737 г., но вскорѣ потомъ оставленъ безъ дѣйствія. Твердышевъ, вмѣсто возобновленія его, построилъ на болѣе удобномъ мѣстѣ новый заводъ, Воскресенскій, въ 90 верстъ отъ Табынска, на р. Торѣ, впадающей въ Бѣлую. Потомъ Твердышевъ, принявши къ себѣ въ компанію зятя Мясникова, вмѣстѣ съ нимъ устроилъ въ разныхъ мѣстахъ Оренбургскаго края еще десять мѣдныхъ, чугуноплавильныхъ и желѣзодѣлательныхъ заводовъ. При этихъ заводахъ и въ окрестностяхъ ихъ Твердышевъ и Мясниковъ посылали купленныхъ ими, съ разрѣшенія правительства, и переведенныхъ изъ внутренней Россіи крестьянъ; кромѣ того, приписано къ ихъ заводамъ небольшое число работниковъ изъ бродягъ и непомнящихъ родства. Земли и лѣса къ заводамъ Твердышевъ и Мясниковъ пріобрѣтали отъ Башкирцевъ по добровольнымъ договорамъ. Какъ извѣстно, Башкиры въ то время уступали за самую ничтожную плату огромныя пространства земель, въ чемъ потомъ сами раскаивались. Въ Пугачевщину они стремились захватить эти земли обратно себѣ.

2) Покровскій заводъ послѣ Пугачевскаго бунта уже не былъ возобновляемъ.

3) Въ 40 верстахъ къ сѣверу отъ Оренбурга на правомъ берегу съ Сакмары простирается, съ запада на востокъ по берегамъ рѣчекъ Верхней и Средней Каргалы и Янгизы, притоковъ Сакмары, возвышенная мѣстность, чрезвычайно обильная мѣдной рудой. Многочисленные находящіеся тутъ рудники разныхъ владѣльцевъ называются Каргальскими и доселѣ снабжаютъ рудою большую часть мѣдныхъ заводовъ Оренбургскаго края.

4) Въ концѣ 1774 г. требовались отъ заводскихъ начальствъ въ бергъ-коллегію свѣдѣнія объ убыткахъ, причиненныхъ пугачевскими шайками казеннымъ и частнымъ заводамъ и жителямъ ихъ. Такія вѣдомости доставлены были со всѣхъ заводовъ въ главную екатеринбургскую канцелярію. Иныя изъ нихъ кратки; другія же до мелочности подробны и занимаютъ листовъ по 20-ти, такъ что ни одна изъ разграбленныхъ вещей не пропущена и каждой вещи показана цѣна, часто весьма неумѣренная. Такъ, напримѣръ, въ вѣдомости о похищенномъ имуществѣ изъ господскаго дома и изъ конторы въ Суксунскомъ Демидова заводѣ значится между прочимъ:

Отъ дверей крюковъ и петель 20 паръ — на 20 р., задвижекъ и скобъ 40—на 6 р., подсвѣчниковъ желѣзныхъ 11—на 2 р. 70 к., двѣ клюки (кочерги) желѣзныя — на 1 р., вьюшка чугунная одна — на 1 р., замковъ висячихъ 4 — на 2 р., рамы деревянныя, цѣна 2 р., ухватовъ, 3, цѣна 1 р. 50 к., сковородниковъ 2 — 50 к., сковородъ 6 — 1 р. 60 к.

Приказчики Нижне-тагильскихъ заводовъ въ вѣдомости своей въ число убытковъ заводчика включили слѣдующія двѣ статьи:

За отлученіемъ мастеровыхъ и работныхъ людей и отъ остановки фабрики и за неприготовленіемъ угля, желѣза не додѣлано и впредь, отъ недостатка угля и остановокъ не додѣлается, и оттого не дополучится 63.447 р. $41^1/_4$ к.

Съ заводовъ во время сраженія со злодѣями убито людей десять человѣкъ, по 250 рублей каждый, на 2.500 рублей.

Начальствовавшій въ канцеляріи главнаго правленія полковникъ Бибиковъ возвратилъ нѣкоторыя вѣдомости для передѣлки, потому что въ нихъ показаны были излишніе убытки; такъ, по его мнѣнію, не слѣдовало класть въ счетъ, сколько прибыли заводы могли бы получить отъ выплавки металловъ, если бъ не случилось остановки ихъ дѣйствія во время бунта. «Сіе не есть убытокъ, потому что руды и матеріалы остались имъ (заводчикамъ) на будущее время. Да и самый убытокъ во многихъ мѣстахъ послѣдовалъ отъ собственнаго заводскихъ жителей зла, которые не токмо отъ бунтовщиковъ не оборонялись, но еще къ себѣ призывали, презирая помощь отъ здѣшней стороны (т.-е., Екатеринбурга) и предательствуя защищающихъ ихъ людей». «Иные,—говоритъ Бибиковъ,—и самымъ убитымъ при сраженіяхъ людямъ не стыдились поставить цѣну».

(«Русская Старина», 1875 г. 12, стр. 540 - 544.)

---

122. Изъ записокъ секундъ-майора Папава о борьбѣ съ Пугачевымъ.

1.

«...Бывшимъ тогда въ командѣ моей рекрутамъ, — пишетъ Папавъ, — нужно было внушить о самозванцѣ,—гдѣ ласкою, а индѣ строгостью обуздать самовольство, пріобучить въ сраженіяхъ къ безстрашію никогда небывалыхъ въ томъ людей... Старался я выучить рекрутъ по короткому времени первымъ правиламъ экзерциціи ружьями, присланными ко мнѣ до того отъ покойнаго генерала Бибикова».

На заводахъ были отысканы четыре чугунныя трехъ-фунтовыя пушки; къ нимъ «сдѣланы по чертежу съ оковкою желѣзною

лафеты, къ нимъ ящики съ подлежащими въ картузахъ ядрами и картечами, фитили и свѣчи подѣланы, и лафеты и ящики выкрашены, и люди къ пушкамъ обучены...»

Кромѣ рекрутъ, къ отряду Папава присоединились нѣкоторые кунгурскіе купцы, мѣщане, заводскіе служители и сельскіе обыватели «съ оружіемъ, у кого какое было».

«Преслѣдуя бунтовщиковъ, — заявляетъ Папавъ—зимою, будучи самъ то на дровняхъ, то на лыжахъ, а лѣтомъ безъ палатокъ на открытомъ воздухѣ... — бога милостію и щедротами предохраняемъ былъ отъ сонмищъ атамана и отъ предательства въ руки ихъ моими новобранцами, коихъ я холодомъ и голодомъ наскучилъ, и удерживалъ ихъ отъ насилія и грабительствъ, которыя мятежники дѣлали, гдѣ только врывались, не спуская и самимъ храмамъ...»

2.

Въ запискахъ Папава мы находимъ подробное описаніе сраженія, бывшаго 11-го іюля 1774 года.

«Извѣстился я,—пишетъ Папавъ,—чрезъ посланнаго мною изъ Кунгура въ разъѣздъ офицера въ сторонѣ Красноуфимской крѣпости, что съ толпою идетъ самъ Пугачевъ и не подалеку отъ Красноуфимска, а *отъ Кунгура въ 75 верстахъ* расположился въ полѣ.

«Дабы онъ больше не усиливался стеченіемъ къ нему отовсюду всякой сволочи, осмотря все, что въ походъ взять было нужно, я 9-го числа іюня изъ Кунгура съ деташементомъ, въ *800 человѣкъ* состоящим, *съ 4 пушками*, выступилъ, отрядя впередъ разъѣзды по дорогѣ и по сторонамъ, съ приказаніемъ, чтобъ они отъ деташемента далѣе десяти верстъ не отъѣзжали, а доѣхавъ до назначеннаго отъ меня мѣста, гдѣ быть лагерю, остановились бы. Такимъ образомъ, дошедъ до мѣста, переночевалъ; на другой день, сдѣлавъ маршъ, сталъ отъ Пугачева разстояніемъ только уже въ восьми верстахъ.

«Хотя и вся предосторожность сдѣлана мною была отъ могущаго быть внезапнаго Пугачевымъ нападенія постановленіемъ деташемента баталіономъ каре, но какъ междуусобная брань весьма опаснѣе обыкновенной войны, а притомъ и одно извѣстное имя, принятое на себя Пугачевымъ, занимало больше мѣста въ сердцахъ черни, обольщенной выгодами, — принужденъ я былъ ежечасно всѣхъ нижнихъ чиновъ, особливо рекрутъ увѣщавать, чтобъ они, какъ присягали предъ богомъ съ клятвою государынѣ вѣрно служить, сражаясь до сего двѣнадцать разъ съ бунтовщиками, у коихъ пушки были, но всѣ нами отбиты, постояли и нынѣ въ послѣдній разъ, а я обѣщаю, что его разбить намъ богъ пособитъ, только лишь бы слушались меня и наблюдали порядокъ въ оборотахъ, а отъ толпы крику нимало бъ не опасались, ибо у бунтовщиковъ одни только ружья и стрѣлы, а у насъ есть исправныя четыре пушки и на каждаго по сороку патроновъ въ рукахъ, да по стольку же въ ящикахъ. Притомъ же я вѣрно слышалъ, что Пугачевъ всѣхъ, которые ему сдаются, а равно и тѣхъ, кои обманомъ его къ нему изъ команды бѣгутъ, отдаетъ, по любви своей къ яицкимъ казакамъ, въ холопи для поселенія по Яику, а оттуда казаки за малую вину продаютъ киргизцамъ.

— Гдѣ вамъ лучше служить: казакамъ, или государынѣ и быть добрыми людьми? Васъ же по сіе время за вѣрность и храбрость вездѣ хвалятъ, и государыня пожаловала вамъ по рублю сверхъ жалованья, которое вы зачали получать наравнѣ уже съ полевыми солдатами. А что вы ходите еще въ зипунахъ и носите въ сумкахъ сухари, потерпите только до зимы: пришлются и сукна на мундиры, и сумы патронныя и для пошенія провіанта; тожъ сапоги, чулки и рубахи. По первому жъ зимнему пути отпущу я васъ къ отцамъ и къ роднѣ погулять...—

«Переночевавши тутъ, я на разсвѣтѣ выступилъ впередъ четырьмя колоннами, а отошедъ версты съ четыре, получилъ извѣстіе отъ посланныхъ впередъ разъѣздовъ, идущихъ предъ деташементомъ въ двухъ верстахъ, что они видѣли въ полуверстѣ предъ собою стоящіе въ одну линію, въ пяти мѣстахъ, бунтовщичьи бекеты, человѣкъ по сту, а самой толпы сквозь ихъ не разглядѣли; почему и приказалъ я шагу прибавить. Подходя же къ тому мѣсту, бекеты тѣ вдругъ разсыпались и, отскакивая за мои фланги, какъ бы рекогнисировали о количествѣ и шествіи моихъ силъ; я жъ не останавливаясь шелъ все впередъ и, прошедъ нѣсколько разстоянія за мѣста тѣхъ бекетовъ, увидѣлъ толпу, стоящую линіею къ принятію меня уже въ готовности.

«Мѣстоположеніе было обширное и ровное, засѣянное хлѣбомъ; почему я, остановясь, построилъ фронтъ, и чтобъ дать оному больше дистанціи, то пѣхоту въ двѣ шеренги, а конницу раздѣлилъ по флангамъ,—но и тутъ едва ль четвертую долю занялъ дистанціи противъ линіи ополченія сволочи, которой было слишкомъ четыре тысячи. Но дѣло было неминуемо. Приказавъ, чтобъ наблюдали прямизну и порядокъ, не разрываясь, ударивъ въ барабаны походъ, пошелъ прямо противъ

середины и, дошедъ въ такую дистанцію, что пушки могли доставать, велѣлъ шучк стрѣлять, чтобъ тѣмъ толпу привесть нѣсколько въ конфузію, что и въ самомъ дѣлѣ примѣчена была въ ней съ мѣста на мѣсто перебѣжка и замѣшательство. Но середина не столько колебалась до тѣхъ поръ, какъ, приближась на ружейный выстрѣлъ, приказалъ я изъ пѣхоты передней шеренгѣ сдѣлать залпъ, отъ котораго, при безпрерывной пальбѣ изъ пушекъ, видъ повалившихся нѣсколькихъ всадниковъ и бѣгающихъ лошадей привелъ всю толпу въ разстройку; а какъ сдѣланъ еще таковой же залпъ второй шеренгою, то сволочь, не ожидая третичнаго, стремглавъ обратилась въ бѣгство. Я же, подаваясь впередъ, прошедъ уже и становище ихъ, думалъ, что тѣмъ все дѣло и кончится и толпа вдаль побѣжитъ; но вышло мнѣнію моему противное.

«Пугачевъ сдѣлалъ умышленно ретираду, дабы тѣмъ подать конницѣ моей къ смѣлости поводъ отдѣленіемъ ее отъ пѣхоты для преслѣдованія его, которая легко бы могла быть разбита; но видя, что оная нимало отъ пѣхоты не отдѣляется, Пугачевъ, отбѣжавъ съ версту, остановился; потомъ чрезъ четверть часа, раздѣлясь на двѣ части, поскакалъ мимо обоихъ моихъ фланговъ, а проскакавъ за оные съ полверсты, сомкнулся и сдѣлалъ фронтъ, подобный первому, чтобъ напасть на деташементъ съ тылу.

«Противъ такого неожидаемаго мною отъ толпы плана, нужно мнѣ было показать ей лицо деташемента сдѣланіемъ фронта направо кругомъ; а учиня сіе, пошелъ я къ толпѣ навстрѣчу и, сблизясь на ружейный выстрѣлъ, сдѣлалъ два залпа; потомъ начатъ батальонный огонь.

«Толпа, съ превеликимъ крикомъ наскакивая, то отбѣгая, наконец, покусилась съ фланговъ напасть на конницу. Находясь въ опасности, если толпа сдѣлаетъ сильный ударъ во фланги конницы, которая никакъ не можетъ устоять», Папавъ отправилъ по 40 человѣкъ пѣхоты на фланги кавалеріи и ружейнымъ огнемъ ихъ отбилъ нападеніе пугачевцевъ. Они обскакали отрядъ Папава и появились въ тылу. Будучи окруженъ со всѣхъ сторонъ, Папавъ построилъ каре.

«Толпа сближалась со всѣхъ сторонъ, стрѣляла изъ ружей и стрѣлъ. Пугачевъ же поощрялъ сволочь ворваться въ который нибудь фасъ, но всегда отбиваемы были. Уральскіе и красноуфимскіе казаки съ башкирдами, многіе въ кольчугахъ, всѣхъ ближе подскакивали къ фронту и кричали моей командѣ:

— Выдайте намъ только подполковника съ офицерами, а васъ всѣхъ батюшка прощаетъ и пожалуетъ деньгами и отъ податей сдѣлаетъ свободными.

«Одна злая минута только на то потребна была схватить и выдать меня. Будучи между страхомъ и надеждою на бога, избралъ я послѣднее тогда средство: въ случаѣ отъ подчиненныхъ мнѣ насилія лишить себя жизни изъ пистолета... А межъ тѣмъ, поруча себя богу, приказывалъ стрѣлять не робѣя и не слушая измѣнниковъ обмана, и бить больше въ барабаны, чтобъ тѣмъ заглушить голоса казаковъ, доходимые до ушей рекрутовъ и прочихъ.

«Будучи въ таковой блокадѣ около трехъ часовъ и не видя ослабы и конца, и чтобы не пришли подчиненные въ усталость и робость, разсудилъ пробиваться по дорогѣ къ Кунгуру; почему и приказалъ сдѣлать отбой, и потомъ, ударивъ въ фасъ (каре), въ сторонѣ Кунгура стоящемъ, походъ, пошелъ прямо на бунтовщиковъ, которые, раздавшись, дали дорогу. Но толпа, наскакивая на прочіе 3 фаса, покушалась всячески ворваться. Симъ порядкомъ идучи версты съ 4 и приблизившись по счастію къ рѣчкѣ, за которой была мельница съ довольно широкимъ прудомъ, разсудилъ тутъ, по тогдашнему жаркому дню, дать людямъ нѣсколько времени для отдохновенія.

«Пугачевъ, не имѣя удачи, потерявъ у себя отъ стрѣльбы карточной и изъ ружей по крайней мѣрѣ до двухсотъ человѣкъ, какъ видно было по лошадямъ, выбѣгающимъ изъ толпы въ поле безъ всадниковъ; кромѣ раненыхъ людей, коихъ должно быть еще и больше и которыхъ, равно и убитыхъ, увозили арканами, — не тревожа болѣе, потянулся впередъ къ сторонѣ Кунгура; и отошедъ отъ деташамента версты съ три, сталъ линіею поперекъ дороги, лежащей къ Кунгуру, загородя мнѣ путь и, можетъ быть, думая, что я останусь ночевать, велѣлъ онъ не только всѣмъ слѣзать съ лошадей, изъ коихъ много пущено на траву, но даже и кашу стали варить и бить животину, нахватанную въ стадахъ.

3.

«Таковое самозванца на себя надѣяніе по приверженности къ нему глупой черни, позволившаго ей всякія насильства и грабительства, дѣлало его о моемъ деташементѣ пренебрегающимъ. Да и самъ я зналъ, что мнѣ не только не было способа ниоткуда себя усилить, но, находясь *внутри полнаго возмущенія*, и на существующихъ у меня въ деташементѣ,—изъ коихъ у многихъ отцы и род-

ственники въ жительствахъ ихъ заражены съ прочими бунтомъ, а изъ крестьянъ взятые мною въ Казани почасту дезертируютъ и переметываются въ толпы,—не совсѣмъ полагался. Воображая всѣ сіи обстоятельства, представляющіяся мнѣ въ ужасномъ видѣ, что по причинѣ дисциплины легко можетъ вкрасться заговоръ къ бунту и злой у меня умыселъ, принужденъ былъ многія до того не спать почи для развѣдыванія. Притомъ озабочивалъ меня городъ Кунгуръ, ввѣренный моему храненію, въ коемъ до двухсотъ тысячъ рублей государственной лежало суммы, и что воевода и весь городъ не можетъ быть несвѣдомъ уже, что я имѣлъ съ Пугачевымъ дѣло; и, будучи отрѣзанъ имъ отъ города и не получая отъ меня воевода извѣстія, въ какомъ я нахожусь положеніи, можетъ быть почтетъ и совсѣмъ деташементъ мой погибшимъ, и какъ бы близлежащія къ городу селенія, а въ городѣ низкаго состоянія обыватели не взбунтовались и не истребили чиновниковъ для расхищенія государственной казны и достаточныхъ гражданъ имѣнія. Рѣшился, по отдохновеніи, того жъ дня еще въ толпу ударить, а чтобъ поспѣшнѣе и врасплохъ на нее наступить и тѣмъ привести больше ее въ конфузію, приказалъ подъ пушки и ящики заложить лошадей. А какъ все оное распоряжено было, то сдѣлалъ всѣмъ вкороткѣ увѣщаніе съ обнадеживаніемъ о побѣдѣ.

— Побѣжимте, ребята, поскорѣе, увидите, какъ намъ богъ поможетъ бунтовщиковъ разбить и отнять у нихъ весь харчъ и котлы.

Затѣмъ пустился деташементъ не шагами уже, а бѣгомъ съ наблюденіемъ притомъ порядка во фронтѣ, и меньше четверти часа прибѣжалъ на становище толпы лѣваго фланга, который, бросивъ котлы съ кашею, метался въ безпорядкѣ на лошадей, а иные, не поймавъ ихъ, къ правому флангу толпы пѣшкомъ бѣжали. Почему, заступя ихъ пѣхотою мѣсто и зашедъ поворотомъ во флангъ толпы, приказалъ изъ-подъ пушекъ лошадей отложить и разъ по 10 вдоль фронта толпы выстрѣлить, что и отвѣчало моему чаянію, а справедливѣе сказать, богъ мнѣ былъ поборникомъ... Толпа, по нечаянію скораго на нее нападенія, въ такое пришла замѣшательство, что, смѣшавшись въ кучу, покидала свои съ котлами каши, множество повозокъ съ хлѣбомъ и лошадей.

«Но чтобъ не дать ей исправиться, то приказано по-прежнему заложить подъ пушки лошадей и также бѣгомъ наступать на толпу, которая, пришедъ пуще въ недоумѣніе и разстройку и не ожидая еще на себя удара, стремглавъ съ своимъ Мазепою побѣжала и, будучи такою скоростію преслѣдуема безъ остановки верстъ съ 6, скрылась напослѣдокъ изъ виду деташемента, который тутъ за позднимъ временемъ остановился ночевать.

4.

Возблагодаривъ о семъ бога, послалъ я въ то жъ время десять человѣкъ мѣщанъ на перемѣнныхъ по жительствамъ лошадяхъ къ воеводѣ съ извѣстіемъ, что Пугачевъ разбитъ, и чтобъ какъ въ городѣ, такъ и въ окольныхъ жительствахъ немедленно опубликовано было.

«А по слѣдамъ толпы посланныя изъ деташемента партіи, возвратясь поутру, объявили, что Пугачевъ, съ 20 верстъ отбѣжавъ, разсыпался по жительствамъ. Однакожъ я, толкуя его скрытіе въ противную сторону, что онъ, удалясь изъ виду, хочетъ привести меня въ безпечность, дабы тѣмъ удобнѣе врасплохъ на меня напасть, въ разсужденіи его толпы, изъ конницы состоящей, которая чрезъ одну ночь верстъ пятьдесятъ и болѣе перескакать можетъ,—за нужное счелъ употребить бдительность. Сколько во ожиданіи на себя, больше жъ на провинціальный городъ, отстоящій отъ моего стана еще въ шестидесяти верстахъ, какъ бы самозванецъ, вѣдая предъ нимъ моихъ силъ не столь легкое движеніе, не предпринялъ, выпередя меня, броситься на Кунгуръ, принужденъ, не теряя нимало времени, форсированнымъ маршемъ слѣдовать къ городу, пославъ еще конныхъ о томъ для свѣдѣнія къ воеводѣ; и на другой день прибывъ какъ для обезпеченія онаго, такъ и ради снабженія деташемента сухарями и порохомъ, и потомъ паки итти къ поиску Пугачева, который и самъ не спалъ и помчался, разстояніемъ отъ Кунгура въ 80 верстахъ, къ сторонѣ Камы съ намѣреніемъ, какъ послѣ на самомъ дѣлѣ оказалось, переправиться черезъ ту рѣку.

«И хотя я не воображалъ себѣ, чтобъ могъ онъ наклониться къ пригородку Осѣ, въ коемъ стоялъ майоръ Скрипицынъ *съ сильнѣйшею противъ моей командою* и *семнадцатью пушками*, однакожъ послалъ къ нему сообщеніе съ нарочными о семъ, чтобы онъ имѣлъ взглядъ на дороги, идущія къ Осѣ межъ Кунгура и Красноуфимска, и взялъ бы должную предосторожность, и что и я въ помощь къ нему поспѣшать не премину. Буде же онъ, Скрипицынъ, противустать силамъ самозванца увидитъ себя не въ состояніи, а меня задержатъ прибытіемъ къ нему непредвидимыя

обстоятельства опасностію Кунгура, то совѣтовалъ ему ретироваться къ соединенію со мною, и что я, по первому отъ него извѣстію, оставя третью часть изъ деташемента въ случаѣ надобности въ Кунгурѣ, съ достальными поспѣшу къ нему навстрѣчу, и по соединеніи можемъ ударить общими на самозванца силами, а тѣмъ самымъ, отрѣзавъ его отъ Камы, преградимъ совсѣмъ путь его за нее перебраться и выгонимъ его по-прежнему въ Башкирь, гдѣ могутъ встрѣтить его деташементы, по слѣдамъ его идущіе.

«Но сей офицеръ, или по надеждѣ на себя, или не хотѣлъ послѣдовать совѣту и быть на нѣсколько времени въ моемъ распоряженіи, не будучи мнѣ подчиненъ, *ничего не исполнилъ*.

«Я жъ, взявъ сухарей и снабдясь картузами и патронами, выступилъ изъ Кунгура къ сторонѣ Осы; а не имѣвъ еще подлиннаго извѣстія о наклоненіи Пугачева, отошедъ, остановился въ тридцати верстахъ, дабы всегда взглядъ имѣть на Кунгуръ, чтобъ отдаленіемъ моимъ отъ него не подпалъ оной опасности. Наконецъ, получилъ я извѣстіе, что Пугачевъ станъ свой имѣетъ въ восьмидесяти верстахъ отъ Осы, которая отъ Кунгура во стѣ двадцати, а отъ моего мѣста въ девяносто верстахъ; слѣдовательно, майору Скрипицыну о состояніи самозванца не можно быть уже несвѣдому. И хотя промежутокъ въ разстояніи межъ Кунгура и Осы былъ немалый, однако жъ, держась моего къ Скрипицыну посланнаго сообщенія, тронулся я съ мѣста къ нему для поданія помощи, выискивая ближнія дороги, но коимъ, прошедъ верстъ съ десять, не могъ далѣе, за узкостію и за заваленіемъ обывателями поперекъ дороги большими деревьями, итти, а принужденъ былъ искать другой дороги по полямъ.

«И сдѣлавъ на пути два ночлега, на третій день, не доходя до Осы верстъ за 25, прибѣжало ко мнѣ 4 человѣка съ ружьями солдатъ, объявляя, что Пугачевъ къ Осѣ приступилъ, а они, стоя на отводномъ бекетѣ въ лѣсу, толпою будучи невидимы и не могши, яко-бы, пройти въ команду, пошли вчерашній день по окольной дорогѣ къ Кунгуру.

5.

«Я, прошедъ еще нѣсколько впередъ, у рѣчки остановился для поправленія худого моста и отдохновенія людямъ, чтобъ потомъ поспѣшнѣе слѣдовать, командировавъ напередъ офицера, въ 30 человѣкахъ изъ мѣщанъ конныхъ, съ приказаніемъ, чтобы онъ ѣхалъ поспѣшнѣе къ Осѣ и высмотрѣлъ: точно-ль пришелъ Пугачевъ и что у него со Скрипицынымъ происходитъ.

«Офицеръ тотъ, часа черезъ 3 возвращающійся, увидѣнъ былъ мною саженяхъ въ 200 наскоро ѣдущій. Заключа изъ сего, что надобно тутъ быть чему необычайному, поскакалъ я одинъ къ нему навстрѣчу,—который объявилъ мнѣ, что онъ привезъ вѣсть не радостную: якобы майоръ Скрипицынъ поддался Пугачову со всею своею командою, о чемъ привезенные имъ, офицеромъ, три человѣка осинскіе обыватели обстоятельнѣе пересказать могутъ,—кои на спрашиваніе мое то самое подтвердили. Не довѣряя сему, сверхъ чаянія моего, слуху, спрашивалъ ихъ порознь съ угрозами, ежели они подосланы отъ Пугачева тѣмъ меня устрашить, то я ихъ, какъ измѣнниковъ, тутъ же повѣшу. По они въ томъ же стояли съ прибавленіемъ, что Скрипицынъ со всею командою учинилъ присягу и ходилъ съ офицерами при шпагахъ на свободѣ, равно и всѣ солдаты и заводскіе въ командѣ его служители безъ всякаго караула, смѣшавшись съ толпою; а они трое, сговорясь, прошли между строенія въ кусты и, ими пробравшись, увидѣли въ полѣ ходящихъ лошадей, коихъ изловя, на нихъ уѣхали, съ намѣреніемъ искать меня, какъ-де слышно было Скрипицыну и въ толпѣ, что я иду къ Осѣ. Находясь между правдою и ложью, разсудилъ я ту посыланную команду обще съ тѣми выбѣгшими обывателями, исключая офицера, не соединять съ деташементомъ до времени, дабы такими вѣстями не заразились и мои подчиненные.

«О поступкѣ-жъ таковомъ Скрипицына казалось мнѣ все еще невѣроятно и съ здравымъ разсудкомъ несходно, потому что какъ могъ онъ сдѣлаться столь легковѣрнымъ, что волею поддалъ себя самозванцу; посему должно думать, что и офицеровъ и всю команду къ тому онъ же, Скрипицынъ, своими увѣщаніями склонилъ и, признавъ послѣдователя Отрепьева за истиннаго, въ томъ присягою подтвердилъ къ вѣчному поношенію своего имени... Таковое сверхъ всякаго чаянія его, Скрипицына, предательство остановило меня на мѣстѣ въ разсужденіи, что мнѣ отъ Пугачева, получившаго новыя силы съ толикимъ числомъ пушекъ, неминуемо должно быть атаковану, или, миновавъ меня, бросится онъ другою дорогою на Кунгуръ.

«Но межъ тѣмъ, чтобы узнать еще вѣрнѣе о вѣстяхъ тѣхъ и сколько можно о предпріятіяхъ самозванца, посланы того-жъ часа двѣ партіи: одна при офицерѣ къ Осѣ, чтобъ онъ, подъѣхавъ въ темнотѣ, если можетъ миновать опасности, къ форштадту, схватилъ изъ первой

лабы обывателя и съ ними возвратился: другой же партіи приказано было отъ деташемента прямо къ лѣвую сторону дорогъ, идущихъ въ Осѣ, держась къ рѣкѣ Тулвѣ, обселяющей ее башкирцами обще съ татарами, развѣдать, нѣтъ-ли межъ ними какого скопища.

«И какъ я чаялъ, что Скрипицынъ съ офицерами своими при толпѣ будетъ и при присутствіи самозванца не оставитъ показать своего перваго опыта въ храбрости и усердіи, то въ большое приводило безпокойство увѣденіе его, съ солдатами, моими рекрутами и прочими: какъ бы не вышли они изъ моего повиновенія и не предались бы самозванцу...

6.

«По минованіи съ часъ времени толпа появилась и, остановясь на пушечномъ выстрѣлѣ, выслала трехъ человѣкъ башкирцевъ и одного русскаго въ кольчугахъ, съ растянутыми на копьяхъ бѣлыми платками.

«Подъѣхавъ, русскій кричалъ, чтобы по нихъ не стрѣлять, что они послы, мирные люди, посланные отъ батюшки къ подполковнику, чтобъ онъ съ офицерами и со всею силою преклонился; за то ему батюшка пожалуетъ Кунгуръ съ казною, офицерамъ деревни, а рекрутъ распуститъ по домамъ; казаковъ же освободитъ ото всѣхъ податей вѣчно, и солдатчины съ крестьянъ никогда не будетъ; а майору Скрипицыну пожаловалъ батюшка Осу и рыбные на Камѣ ловли, офицерамъ всякому по мѣдному заводу.

«Выслушавъ сію нелѣпость съ терпѣніемъ, чтобъ послѣ и съ моей стороны имъ о злодеѣ внушить,—приказалъ, вышедши, одному сержанту, кричать:

— Батюшка, вами называемый, васъ обманываетъ: онъ бунтовщикъ, бѣглый донской казакъ Емелька Пугачевъ. И подполковникъ вамъ приказываетъ, чтобы вы къ государынѣ пришли съ повинною, а его, плута, Емельку Пугачева, связали и привели къ подполковнику. За то васъ государыня всѣхъ проститъ и пожалуетъ. А ежели вы не послушаетесь, его не приведете и будете заодно съ нимъ, воромъ, еще бунтовать, то васъ велитъ государыня десятаго вѣшать, а прочихъ кнутьями сѣчь и ссылать на каторгу. Поѣзжайте же и скажите о томъ вашей братіи, сколько васъ всѣхъ у Емельки Пугачева.

«По окончаніи сего они тихимъ образомъ къ толпѣ поѣхали и, какъ бы разсуждая, стояли на мѣстѣ съ четверть часа; потомъ вперёдъ всѣ тронулись и, приближаясь на картечный выстрѣлъ, вытянулись вдоль рѣки съ намѣреніемъ сыскать удобное мѣсто къ переправѣ. Числомъ же сей сволочи примѣрно было сотъ до восьми, по большей части изъ иновѣрцевъ, позади коихъ подалѣ разъѣзжало на лошадяхъ человѣкъ двадцать въ полномъ солдатскомъ мундирѣ,—по коимъ я заключилъ, что они посланы отъ Пугачева умышленно для доказательства моему деташементу, что они команды Скрипицына; однако жъ близко не подъѣзжали.

«Сволочь во многіе голоса кричала, чтобъ подполковникъ со всею силою подался заодно съ майоромъ Скрипицынымъ, а ежели не хочетъ податься, то батюшка велѣлъ его, подполковника, съ офицерами связать и выдать намъ головою; а не выдадите, то батюшка самъ завтра придетъ на васъ съ арміей и съ пушками и побьетъ всѣхъ васъ на голову.

«Выговоривъ сіе, зачали стрѣлять нѣкоторые изъ винтовокъ, а большая часть изъ луковъ; почему приказалъ я сперва изъ двухъ пушекъ картечами и передней шеренгѣ рекрутамъ выстрѣлить потомъ изъ другихъ двухъ и задней шеренгѣ, отчего столь затуманились и стремглавъ обратились въ бѣгъ, что и сотоварищей своихъ, оставшихся на мѣстѣ, побоялись забрать. Вслѣдъ ихъ заряженные ту жъ минуту пушки ядрами одна за другой выстрѣлили, отчего вся та сволочь провалилась изъ виду и больше уже не показывалась...

7.

«Къ вечеру жъ прибѣжали изъ осиповскихъ обывателей два человѣка съ объявленіемъ, что Пугачевъ перебрался чрезъ Каму въ полдень съ майоромъ Скрипицынымъ и его командою, а къ вечеру же и достальные изъ толпы всѣ переѣдутъ.

«Сіе объявленіе казалось мнѣ на правду никакъ непохожимъ въ разсужденіи разъѣздовъ, отъ толпы видѣнныхъ офицеромъ и старшиною; почему тѣ выбѣгшіе и закованы въ желѣзо съ устращиваніемъ: ежели они пришли для высмотрѣнія моихъ силъ, то живые отъ меня не выйдутъ; однако жъ въ томъ безъ робости утвердились,—почему и приказалъ я изготовить капитану Буткевичу съ пушкою 100 человѣкъ рекрутъ и 200 конныхъ и на самой утренней зарѣ, посадя рекрутъ на лошадей, велѣлъ ему итти прямо къ Осѣ, имѣя осторожность, наиболѣе съ лѣвой стороны; и если никакой опасности не будетъ, доѣхать до самой Осы и заглянуть въ нее.

«Капитанъ рапортовалъ, что онъ доходилъ до самой Осы, въ которой ни одного человѣка

изъ пугачевской толпы не осталось, а перебрались всѣ за Каму вмѣстѣ съ майоромъ Скрипицынымъ, поддавшимся со всею своею командою и пушками. И какъ онъ Буткевичъ, поворотя отъ Осы, взялъ путь другою дорогою въ правую руку и отошелъ верстъ за 7, то вдругъ повстрѣчалась ему толпа, по большей части изъ иновѣрцевъ, человѣкъ около 400. Видя, что пѣшихъ при немъ нѣтъ, сблизясь на ружейный выстрѣлъ, толпа начала стрѣлять изъ ружей и луковъ; и покуда рекруты спѣшивались, толпа стала охватывать фланги. Но какъ рекруты, по принятіи отъ нихъ лошадей, построясь, сдѣлали по толпѣ той два залпа съ пушками, то толпа, въ ту же минуту отскочивши, пустилась въ бѣгство. Онъ же, опасаясь вдаль преслѣдовать, чтобъ не быть заманену въ засаду, повернулъ вкрутѣ влѣво и вышелъ благополучно на прежнюю дорогу, посадя пѣхоту по прежнему на лошадей. Изъ толпы жъ той человѣкъ со сто, возвратясь, ѣхали за нимъ въ виду верстъ съ 10 и послѣ отстали.

8.

«Какъ *по переходѣ Камы Пугачевымъ* стремленіе его неотмѣнно должно быть обращено на заводы къ истребленію ихъ и склоненію заводскихъ служителей въ свою шайку, которую никто не преслѣдуетъ, я жъ переправиться за Каму самъ собою никакъ не смѣлъ, во-первыхъ, что опредѣленъ былъ единственно къ храненію только Пермской провинціи и ее города Кунгура, во-вторыхъ, что повсюднаго повиновенія въ провинціи сей еще не возстановлено. Слѣдовательно, переправою моею чрезъ Каму обнажу провинцію, и Кунгуръ можетъ подпасть гибели; тогда ничѣмъ я не могу быть извиненъ, что по одному своему предразсудку, перемѣня главной команды планъ, вышелъ собою изъ черты, мнѣ предписанной. А чтобъ по крайней мѣрѣ о стремленіи самозванца скорѣе повсюду было извѣстно къ принятію нужныхъ мѣръ, послалъ я того жъ дня къ воеводѣ съ нарочнымъ письменное извѣстіе чтобъ онъ, не мѣшкавши, съ нарочными отнесся въ Казань къ генералъ-губернатору Бранту, то жъ и въ Екатеринбургъ къ полковнику Бибикову, у котораго находятся съ деташементами полковникъ Жолобовъ и майоръ Гагринъ, то не разсудитъ ли Бибиковъ ихъ обоихъ отрядить за Каму чрезъ Оханное экономическое село къ преслѣдованію самозванца. А буде воевода свѣдомъ, что оные Жолобовъ и Гагринъ находятся отъ Екатеринбурга ближе къ Кунгуру, то бъ особенно и къ нимъ прямо о такомъ важномъ и не терпящемъ время дѣлѣ чрезъ нарочныхъ же сообщилъ.

«Самъ же я на другой день поутру пошелъ къ Осѣ, дабы сдѣлать преграду отъ стороны Уфы башкирцамъ и татарамъ, скопившимся съ намѣреніемъ перебраться за Каму. И, прошедъ подлѣ Осы, склонился внизъ по теченію Камы, чтобъ чрезъ то больше захватить мѣстъ, наполнившихся скопищами башкирцевъ и татаръ.

«Сдѣлавъ поворотъ влѣво къ сторонѣ Кунгура, дабы *очистить дорогу отъ бунтовщиковъ*, которые, свѣдавъ, что имъ путь при Осѣ къ Камѣ препятъ, атаковали меня въ пятнадцати отъ Осы верстахъ, примѣрно человѣкахъ въ тысячѣ, по большей части изъ иновѣрцевъ; но по узкости мѣстоположенія, не могли сдѣлать круговой атаки. А тѣмъ самымъ и подало мнѣ лучшій способъ наступить на нихъ всѣмъ фронтомъ и разбить къ сторонѣ Башкиріи. Преслѣдуя верстъ съ десять конницею съ посаженіемъ на лошадей полутораста человѣкъ пѣхоты и съ одною пушкою, при капитанѣ Буткевичѣ отряженною, гдѣ, наконецъ, разсыпались въ разныя стороны изъ виду вонъ; а дабы и совсѣмъ разрушить ихъ къ переходу за Каму предпріятіе, переночевавъ съ деташементомъ въ полѣ, на другой день дошелъ до первыхъ пустыхъ иновѣрческихъ селеній, по рѣкѣ Тульвѣ лежащихъ, — изъ коихъ въ одномъ, которое было побольше, расположился, отряжая партіи далѣе при офицерахъ, съ которыми, хотя по нѣскольку башкирцевъ, выбѣгая изъ лѣсовъ, и встрѣчалось, производя перестрѣлки, но большихъ сшибокъ не было, а напослѣдокъ и ничего не стало слышно.

«Пробывъ же здѣсь недѣли съ три, поворотилъ съ деташементомъ *къ Кунгуру*; увѣщевая по дорогѣ собою и посылаемыми партіями по жительствамъ обывателей ласкою и угрозами къ должному начальству повиновенію, дошелъ до Кунгура, гдѣ нужно было на непредвидимый случай всѣмъ потребнымъ до деташемента запастись; особливо рекруты обносились безъ мундира и обуви, будучи въ сѣрыхъ зипунахъ, котахъ и лаптяхъ, находясь безъ палатокъ всегда на открытомъ воздухѣ.

«А чтобъ по стоянію въ Кунгурѣ не выпустить изъ виду сторону, отъ Уфы съ Камою соединяющуюся, дабы еще и иновѣрцы, частію съ русскими, не вздумали, скопившись, перебраться чрезъ Каму вслѣдъ самозванца, — посылалъ туда частые *разъѣзды*, которые одинъ по другомъ подтверждали вновь появляющіеся скопища; почему, пробывъ въ Кунгурѣ

только съ небольшимъ недѣлю, за необходимое счелъ по-прежнему итти къ Осѣ. И, не доходя до неё, расположился съ деташементомъ въ селѣ Крыловѣ, отряжая при офицерахъ партіи къ поселеніямъ иновѣрцевъ, — которые до того остервенились, что, оставя домы и хлѣбъ въ полѣ, скрылись съ семьями ихъ въ лѣсахъ; выбѣгая изъ оныхъ человѣкъ по пятьдесятъ, имѣли съ партіями частыя сшибки. Почему и принужденъ я быть пробыть въ тѣхъ мѣстахъ всю осень и уже возвратился въ Кунгуръ зимнимъ путемъ, когда настала повсюду тишина»...

(«Русская Старина», 1904 г., т. 118, стр. 650—660.)

---

123. Рапортъ полковника Михельсона о побѣдѣ надъ Пугачевымъ подъ Казанью.

1774. іюля 16.

(кн. Щербатову)

Я, не будучи въ состояніи, за изнуренными моими лошадьми, довольно пользоваться двоекратными побѣдами 12 и 13 чиселъ надъ государственнымъ злодѣемъ, воромъ Пугачевымъ, долженъ былъ остановиться на Арскомъ полѣ. 14-го получилъ извѣстіе, что злодѣй, верстахъ въ 20-ти отъ Казани, усиливаетъ свою толпу, кою онъ и дѣйствительно, совокупя къ себѣ болѣе 10 кучъ, избранныхъ его сообщниками, умножилъ и сдѣлался больше какъ въ 25.000 человѣкъ, съ коими вчерашняго числа и сталъ подвигаться для нападенія на меня, съ тѣмъ, чтобъ разбить меня, взять Казань и простирать бы далѣ свои варварства и злости. Я, какъ скоро узналъ о приближеніи злодѣевъ, будучи подкрѣпленъ полученіемъ отъ его превосходительства г. генералъ-маіора и кавалера Потемкина полутораста пѣхоты, пошелъ къ нимъ на встрѣчу къ тому мѣсту, гдѣ имѣлъ сраженіе 12-го числа. Злодѣи на меня наступили съ такою пушечною и ружейною пальбою и съ такимъ отчаяніемъ, коего только въ лучшихъ войскахъ найти надѣялся, и малое мое число, конечно бы, должно было уступить многолюдству злодѣевъ, ежели бы не были подкрѣплены надеждою на бога, усердіемъ къ е. и. в., нашей всемилостивѣйшей государынѣ, и утверждены не были со мною умереть, или побѣдить стремленія злодѣйскія.

Въ продолженіе четырехъ часовъ сраженіе, не уступая ни съ которой стороны, сражаясь спачала стрѣльбою, а потомъ уже штыками и копьями, сколь ни опасный взяло видъ, однако, помощію божіею перемѣнилось:—я, взявъ съ собою послѣдній мой резервъ въ 40 человѣкъ карабинеровъ, ударилъ въ то мѣсто, гдѣ подкрѣпленіе было нужнѣе, и злодѣи, сколько ни усиливались, помощію божіею и храбростію войскъ е. и. в. были обращены въ бѣгъ съ потерею всей артиллеріи и до 2.000 разныхъ народовъ, по большей части иновѣрцевъ, убитыхъ; живыхъ взято до 5.000 человѣкъ, знаменъ 17, пушекъ мѣдныхъ 3, чугунныхъ 6, ящиковъ съ снарядами 9 и не малое число пороха. Сколь мои кони утомлены ни были, я, не оставляя ни единаго человѣка, гнался за злодѣемъ, и препоруча всю кавалерію маіору Харину, не велѣлъ онаго спускать съ глазъ. Злодѣи, имѣвъ лагери въ двухъ мѣстахъ, въ коихъ оставались несчастные Казанскіе жители, доѣзжая какъ до перваго, такъ и до втораго, останавливаясь, старалися удерживать стремленіе: однако, наши храбрые воины не давали злодѣямъ справляться. Воръ Пугачевъ изъ втораго его лагеря едва ускакалъ изъ рукъ нашихъ, и бывъ преслѣдованъ болѣе 30 верстъ, ударился онъ въ лѣсъ, а наши кони были не въ состояніи далѣе итти. Казанскіе жители, жены и дѣти ихъ, кои злодѣемъ были захвачены до 10.000 и болѣе душъ, изъ рукъ варварскихъ освобождены, и получена совершенная побѣда. Я не оставлю, какъ скоро узнаю, куда злодѣй повернулся, употребить всѣ возможности къ истребленію сего вора...

(Пушкинъ. «Исторія Пугачевскаго бунта», т. II, стр. 308—310.)

---

124. Письмо П. А. Демидова къ Михельсону.

Покорнѣйшую мою благодарность приношу столь справедливо прославившемуся храбростью и неутомленностью своею господину полковнику Михельсону; а за то, что съ малымъ, но храбрымъ корпусомъ и непобѣдимымъ, ея императорскаго величества оружіемъ не устрашился нападать на множественную толпу рабойшичью государственнаго бунтовщика Пугачева, и не препятствовали тебѣ недостатки въ пищѣ и лошадяхъ, и не удерживала медленность отъ вспоможенія живущихъ. Вы, государь мой, слѣдовали по пятамъ его болѣе пяти тысячъ верстъ, по мѣстамъ пустымъ и почти не проходимымъ, и многіе ему вору съ большимъ уро-

помъ дѣлали нападенія. Всего того удивительнѣе: уже Пугачевъ пришедши въ городъ Казань, грабилъ и разорялъ и огню предавалъ, по помощью божеею вы, государь мой, радѣніемъ и усердіемъ своимъ съ тѣмъ же небольшимъ храбрымъ корпусомъ ускорили и Казанское царство отъ совершеннаго разоренія сохранили и многихъ плѣнныхъ благородныхъ отъ мучительныхъ смертей избавили, и тутъ со всею его поганою толпою разбили; а паче всего, что тѣмъ разбитіемъ отвратили его намѣреніе итти въ царство Московское, къ чему прозорливостью, примѣрнымъ ко отечеству усердіемъ и благоразумными наставленіями великаго въ наши времена мужа графа Петра Ивановича Панина совсѣмъ его, вора, искоренили, за что, милостивый государь, приношу нижайшую мою съ презентомъ благодарность и покорно прошу принять во знакъ моего усердія, что далъ мнѣ жизнь и прочимъ московскимъ мѣщанамъ отъ убіенія собственныхъ нашихъ людей, которые, слышавъ его злодѣйскія прелести, многіе прихода его ожидали и жадно разорять, убивать и грабить домы господъ своихъ желали. И за таковые ко всему обществу усердные и радѣтельные поступки должны общо всѣ вашему высокородію всегда благодарность приносить и бога молить.

И остаюсь вашимъ, милостиваго государя моего, усерднымъ слугою.

Прокофей Демидовъ.

8 Генваря 1775 года Москва.

(Тутъ же приложенъ современный списокъ съ письма Екатерины II-й.)

---

125. Письмо имп. Екатерины II къ полк. Михельсону.

Господинъ полковникъ Михельсонъ. Неутомленные ваши труды, преслѣдовавшіе государственнаго злодѣя, усердіе ваше и храбрость, съ которою вы сего изверга многократно поражали, всякой похвалы достойны. Вы мнѣ и государству не токмо знаменитѣйшіе заслуги тѣмъ самымъ показали, но и роду человѣческому, избавляя оной вездѣ отъ лютѣйшаго тиранства. Сія ваша служба безъ знатнаго награжденія не можетъ и впредь остаться; но на первой случай посылаю я къ вамъ, военному человѣку, необходимую вещь, шпагу. Алмазы на ней изображаютъ отличныя ваши заслуги. Продолжайте, какъ начали. Богъ да поможетъ вамъ, а я всегда къ вамъ пребываю доброжелательна. *Екатерина.*

Письмо писано собственною ея императорскаго величества рукою.

Сентября 16 числа 1774 г. изъ Санктъ Петербурга.

(Русскій Архивъ 1873 г., стр. 2234 и 2235.)

---

126. Переписка имп. Екатерины II съ моск. главнокомандующимъ кн. М. Н. Волконскимъ.

(О Пугачевѣ.)

1. Письмо имп. Екатерины II.

Князь Михаилъ Никитичъ.

Извѣстіе о занятіи Курмыша злодѣями, къ сожалѣнію моему, получила сего вечера и не сумнѣваюсь, что они стараются пройдти къ Москвѣ, и сумнительно, чтобъ они пошли къ Нижнему. Но думаю, что они прямо къ вамъ пойдутъ, и для того не пропустите никакого способа, чтобъ отвратить сіе несчастіе. Я сего вечера изъ Новгорода седьмой полкъ, а именно лейбъ-кирасирскій, еще къ вамъ отправить приказала. Сверхъ того, совѣтую вамъ призвать къ себѣ Московскихъ дворянъ или, по крайней мѣрѣ, таковыхъ изъ нихъ, кои надежны быть могутъ на своихъ людей или же вооруженныхъ имѣютъ, и предложите имъ отъ себя, чтобъ они по примѣру предковъ своихъ вооружили, колико могутъ, надежныхъ людей для общей отъ злодѣевъ обороны. Можайскіе дворяне во время послѣдняго Московскаго мятежа готовы были во время язвы итти къ Москвѣ. Я чаю, они и нынѣ не откажутся отъ сей службы. На Москвѣ, чаю, найдется много и таковыхъ, кои служатъ и служили: ваше дѣло разбудить ревность вездѣ тутъ, гдѣ она быть можетъ, и, чаю, никто не откажется ее въ семъ случаѣ оказать. Употребите всѣхъ тѣхъ, кои способны быть могутъ, гдѣ бъ употреблены ни были, для общей обороны. Съ моей стороны же ничего не оставлю, чтобъ злу сему сдѣлать конецъ.

Неужели чтобъ съ семью полками вы не въ состояніи найдетесь Пугачова словить и прекратить безпокойствіе? Я надѣюсь, что Чорба къ вамъ пріѣхалъ. Я фельдмаршалу приказала генералъ-поручика Суворова прислать къ вамъ наискорѣя. Боже дай, чтобъ все сіе въ скоромъ времени прекратилось, въ чемъ и надежду имѣю на святую его волю.

Іюля 28-го 1774 г. изъ Петергофа.

2. Письма кн. Волконскаго.

1) Здѣсь все тихо, но въ уѣздѣ есть разглашеніе, что будто злодѣй Пугачевъ, называя его Петромъ Третіимъ, сюды идетъ, отъ чего многіе въ страхъ пришли. Я послалъ въ разныя мѣста партіи казацкія такихъ вредныхъ разгласителей ловить и стараюсь тотъ страхъ изъ головы у слабыхъ людей выбить.

1-го Августа 1774 г. Москва.

2) Хотя тапер Москвѣ опасности и не настоитъ по причинѣ, что злодѣй и самозванецъ, по послѣднимъ извѣстіямъ, отдаляется отъ здѣшнихъ мѣстъ и деташементами войскъ преслѣдуется, однако, какъ его разбойническіе обороты неизвѣстны, но на, всегда готовымъ быть должно:—того ради сегодняшній день все дворянство, въ Москвѣ находящееся, у меня въ домѣ соберется и положитъ сочинить корпусъ гусаръ изъ людей ихъ и на ихъ коштѣ. Всѣ охотно сего желаютъ, и когда уже все сіе установимъ, то в. и. в—ву впредь донесу. По городамъ же приказано, чтобъ воеводы и обще съ предводителями дворянскими старались въ готовности быть къ отпору, ежели бъ злодѣи покусились на которое мѣсто напасть, а паче всего пріѣзжали ловить разгласителей и возмутителей (какъ уже таковой въ Коломнѣ и пойманъ, и теперь въ тайной экспедиціи допросы производятся, о чемъ вскорѣ в. и. в—ву донесу); приготовленія же въ городахъ, какъ изъ многихъ мѣстъ репортуютъ, съ усердіемъ и успѣхомъ производятся. Сверхъ сего, для ловленія разгласителей я послалъ въ разныя мѣста маленькія казацкія партіи.

3-го августа 1774 г.

(Бартеневъ, XVIII в. стр. 113—116.)

---

127. Донесеніе кн. Волконскаго о привозѣ въ Москву Пугачева и о показаніяхъ его.

Всемилостивѣйшая государыня!

Сего числа по полуночи въ девять часовъ злодѣй Пугачевъ и старая его жена и сынъ подъ стражею гвардіи капитана Галахова въ Москву привезены, и злодѣй посаженъ въ уготованное для сего весьма надежное мѣсто, на Монетномъ дворѣ [1]), гдѣ сверхъ того, что онъ въ ручныхъ и ножныхъ кандалахъ, прикованъ къ стѣнѣ; жена жъ съ сыномъ въ особомъ номерѣ. Въ десятомъ же часу и я въ тайную экспедицію пріѣхалъ и съ симъ извергомъ говорилъ исторически: сначала, какимъ образомъ, гдѣ и когда сіе содѣянное имъ злодѣйство въ скверное свое сердце посѣялъ и кто ему первые были въ семъ злѣ пособники, и во все время кто его и чѣмъ подкрѣплялъ, на что онъ отвѣчалъ точно такъ, какъ и у графа Панина въ допросѣ показалъ (хотя оной ему былъ здѣсь и не читанъ), гдѣ я, пробывъ до втораго часа, его оставилъ, приказавъ Шешковскому [2]), чтобъ онъ отъ начала мерзкаго его рожденія со всѣми обстоятельствами до того часа, какъ онъ связанъ, записалъ, что онъ уже и началъ, надѣясь съ нимъ просидѣть не больше какъ часовъ шестьдесятъ, а по крайней мѣрѣ семдесятъ.

Всемилостивѣйшая государыня! Осмѣливаюсь донести о семъ злодѣѣ мое примѣчаніе: первое, онъ человѣкъ нельзя никакъ сказать, чтобъ былъ великаго духа, а тѣмъ меньше разума, ибо я по всѣмъ его отвѣтамъ нисколько остроты его не видалъ, какъ-то высочайше изъ написанной его гисторіи ваше величество усмотрѣть соизволите. И первое, коль скоро введенъ передъ меня, и я остался только въ судейской съ Шешковскимъ, то онъ, безъ всякаго еще спроса, тотчасъ палъ на колѣни и сказалъ: «виноватъ передъ богомъ и предъ государынею». А какъ его уличать сталъ безчеловѣчными звѣрскими злодѣяніями и убивствами, то онъ сказалъ: «Мой грѣхъ, подбили меня люди, да ужъ тапер виноватъ». Людей изъяснялъ точно самыхъ тѣхъ, о коихъ у графа Панина показывалъ, не прибавляя никого больше. Скверенъ такъ, какъ мужику быть простому свойственно, съ тою только разницею, что онъ бродяга. И наконецъ сказалъ, что я уже былъ этому и самъ не радъ: «Да Яицкіе казаки дѣлали, что хотѣли». Впрочемъ, о сдѣланныхъ убивствахъ не только онъ дѣлалъ уваженія, сколько было должно, будучи съ чувствительнымъ сердцемъ человѣку, но прямо, какъ злодѣй. И напослѣдокъ, надѣлавъ столько, превосходя лютѣйшаго звѣря, злодѣйства, сказалъ онъ: «Радъ заслужить вины свои ея императорскому величеству».

Жена его человѣкъ самый подлой и, видимо, тихой; а сынъ, мальчишка лѣтъ двѣнадцати, также ничего лучше матери не обѣщаетъ. И жена его сказала: «Чортъ его знаетъ, что онъ это надѣлалъ; а я о злодѣйствахъ его прежде никогда отъ него не слыхала, и онъ меня бросилъ уже съ три года»...

[1]) Въ Охотномъ ряду.

[2]) Слѣдователю.

Впрочемъ, всемилостивѣйшая государыня, въ городѣ обстоитъ тихо и благополучно; только, какъ везли злодѣя по городу, то зрителей было великое множество; да какъ привезли его сюда и посаженъ быть, и во все то время, какъ я самъ былъ, народу въ каретахъ и дамъ столь было у Воскресенскихъ воротъ много, что проѣхать съ нуждою было можно, только что глядятъ на палаты. Я думаю, что они ожидали, не подойдетъ ли злодѣй къ окошку. Однако жъ, зрители въ семъ обманулись, что его видѣть никакъ не возможно. Что же по сей комиссіи происходить будетъ, то я буду имѣть счастіе всеподданнѣйше, чрезъ каждые два дни, в. и. в—ву на штафетѣ доносить и, коли что откроется новое, то того же самаго дня донести не оставлю.

Въ высочайшую в. и. в. милость себя подвергая, пребываю со всеглубочайшимъ респектомъ, всемилостивѣйшая государыня, в. и. в. всеподданнѣйшій рабъ.

Князь М. Волконской.

5-го ноября 1774 г. Москва.

(П. Бартеневъ. XVIII вѣкъ стр. 155 — 7.)

---

128. Допросы Пугачеву.

Из показаній Пугачева въ Секретной Комиссіи въ сентябрѣ 1774 г.

(Пугачевъ разсказываетъ, какъ онъ бѣжалъ изъ казанской тюрьмы и по дорогѣ на Иргизъ скрывался у одного пріятеля, Оболяева (Еремкина Курица); не рѣшаясь ѣхать на Иргизъ, чтобы не быть тамъ пойманнымъ, онъ временно укрывается у Курицы. Тутъ приходитъ ему мысль о самозванствѣ).

...По пріѣздѣ къ нему Еремкина Курица узналъ его... и спросилъ: «Что, Емельянъ, отпущенъ изъ подъ караула (ибо онъ зналъ, что былъ пойманъ)?» По Пугачевъ отвѣчалъ: «Нѣтъ, де, а я бѣжалъ», и просилъ его, чтобъ позволилъ у себя до времени пожить. А (тотъ) на сіе говорилъ: «Живи, де; я много добрыхъ людей скрывалъ». И такъ жилъ у него недѣли двѣ или больше, упражнялся въ стрѣлянiи и ловли на степи звѣрей.

А какъ сей уметъ на такомъ мѣстѣ, что великое число его проѣзжаютъ людей, а Яицкихъ казаковъ множество ѣздитъ туда для стрѣлянія звѣрей, то въ одно время обѣдали нѣсколько человѣкъ Яицкихъ казаковъ за однимъ съ нимъ и Еремкиной Курицей столомъ, и разговаривали тѣ Яицкіе казаки, коихъ онъ, Пугачевъ, не знаетъ, что они скрываются изъ городка для того, что по убитіи, де, генерала съ командою, разложена на войскѣ сумма денегъ за пограбленное у генерала и прочихъ имѣніе и велѣно собрать съ кого 40, съ кого 30, а с нѣкоторыхъ по 50 рублей. А какъ такой суммы заплатить нечѣмъ, то войсковая команда строго взыскиваетъ, и такъ, де, многіе отъ того разбѣжались... А заступить, де, за насъ некому; а сотниковъ, де, нашихъ, кои было вступились за войско, били кнутомъ и послали въ ссылку. И такъ, де, мы въ конецъ разорились и разоряемся. А какъ, де, мы укрываемся и послѣ поймапы будемъ, то и намъ, какъ сотникамъ, какъ видно, также пострадать будетъ. И чрезъ это, де, мы погибаемъ, да и намѣрены, по причинѣ той обиды, разбѣжаться всѣ; да мы, де, и прежде уже хотѣли бѣжать въ Золотую Мечеть, однако жъ, де, отдумали, до времени». Послѣ сего разговора тѣ казаки, вставъ изъ обѣда, разъѣхались.

Въ оно то время онъ, Пугачовъ, разсудилъ наименовать себя государемъ Петромъ Третьимъ, въ чаяніи томъ, что Яицкіе казаки, по обольщенію его, скорѣй, чѣмъ въ другомъ мѣстѣ, его признаютъ и помогутъ ему въ намѣреніи дѣйствительно. А на другой день просилъ онъ Еремкину Курицу, чтобъ велѣлъ истопить баню. Когда жъ оная была готова, то пошли съ нимъ вмѣстѣ; а по выходѣ Еремкина Курица спросилъ Пугачева: «Что, де, это у тебя на груди?». На что Пугачевъ говорилъ: «Это, де, знаки государевы».— А какъ Еремкина Курица усумнился и говорилъ: «Что де, ты говоришь? Какіе государевы?» На то Пугачевъ, подтвердя ему: «Я, де, самъ государь Петръ Ѳедоровичъ», сказалъ. Еремкина Курица замолчалъ, и пошли изъ бани къ нему въ землянку, гдѣ и сталъ онъ говорить еще съ увѣреніемъ, что онъ подлинно государь; а онъ, ему повѣря, и дѣлалъ ему, яко царю, приличное учтивство. Потомъ говорилъ ему же, Еремкиной Курицѣ: «Если бъ Яицкіе казаки войсковой руки умные люди какіе проѣхали, то я бы съ ними погуторилъ». На то Еремкина Курица: «Ко мнѣ, де, будетъ скоро Яицкой Григорій Закладной, для лошади попросить».

Когда жъ Закладной пріѣхалъ, то Еремкина Курица ему, Пугачеву, объ немъ объявилъ; а какъ Закладновъ просилъ хозяина объ лошади, а Пугачевъ, сіе увидя, сказалъ Оболяеву, чтобъ лошадь ему отдалъ безденежно вовсе, то тутъ Оболяевъ говорилъ: «Ты, де, самъ не называйся при Закладномъ госуда-

ремъ, а я, де, ему объявлю, что ты царь, и попрошу его, чтобъ онъ прислалъ сюда изъ городка умнаго человѣка, а именно, Короваева съ товарищемъ, кого онъ знаетъ. Когда же Оболяевъ Закладному объ немъ объявилъ, то онъ вначалѣ поблагодарилъ бога, что открывается благополучіе, а потомъ, поѣхавъ, сказалъ притомъ, что Короваева пришлетъ. А чрезъ сутки и Короваевъ къ нимъ съ товарищемъ, какъ оный прозывается, не знаю, пріѣхалъ. Какъ же Оболяевъ мнѣ о пріѣздѣ ихъ сказалъ, то я приказалъ ввесть ихъ въ сарай, куда всѣ и вошли, гдѣ Короваевъ спросилъ: «Ты ли надежа государь нашъ, Петръ Ѳедоровичъ?». На то сказано мною было: «Я», и говорилъ Короваеву: «Чрезъ кого вы извѣстны обо мнѣ стали?». Когда жъ мнѣ сказано, что чрезъ Закладного увѣдомлены и присланы, то говорилъ я: «Ну, Яицкіе казаки! Коли вамъ угодно, такъ вы меня примите, я государь вашъ, Петръ Ѳедоровичъ; а не угодно, такъ откажите: я поѣду на Узень вашу, и тамъ жить буду до времени». На то Короваевъ: «Я, де, поѣду въ войско и тамъ съ другими подумаю, и пріѣдемъ сюда въ третій день съ умными и престарѣлыми людьми». На то я сказалъ: «Хорошо, де, поѣзжай, да, скажи о семъ хорошимъ людямъ». Говорилъ же въ то время и то, какимъ образомъ я спасся отъ смерти, гдѣ былъ, чему онъ, кажется, вѣрилъ, и между тѣмъ сказывалъ, что и примѣты царскія имѣю. И такъ, Короваевъ съ товарищемъ поѣхалъ...

Тутъ былъ въ то время одинъ только Шигаевъ. И такъ сѣли обѣдать; и лишь только начали рѣзать хлѣбъ, то увидали, что ѣдутъ къ нимъ еще два человѣка, Чика и Мясниковъ; какъ же ихъ увидѣли, то Шигаевъ пришелъ къ всѣмъ намъ и говорилъ: «Надобно, де, отъ нихъ укрыться: эти люди не надежные, а особенно Чика». И такъ я съ Шигаевымъ бросились въ траву, а Короваевъ остался тутъ, къ которому Чика подъѣхавъ, спрашивалъ: «Что, де, ты, Короваевъ, зачѣмъ здѣсь?». А Короваевъ отвѣтствовалъ, что пріѣхалъ бить звѣря; а Чика говорилъ: «Нѣтъ, видно, людей обманывать. Вы, де, пріѣхали къ государю, да и я вѣдь того же ищу.» А какъ Короваевъ услышалъ, что Чика уже объ немъ знаетъ, то изъ травы ихъ и кликнулъ; почему я съ Шигаевымъ и вышли: Короваевъ пригласилъ Пугачева къ себѣ. Пугачевъ поѣхалъ.

Поздоровавшись дружелюбно, сѣли обѣдать. Когда пообѣдали (за которымъ о намѣреніи еще не говорили) и помолились богу, то Короваевъ спросилъ меня: «Покажитко, де, намъ царскіе знаки, чтобъ было вамъ чему вѣрить, и не прогнѣвайся, что я васъ о семъ просилъ». Почему я взялъ ножикъ и, разрѣзавъ до пупа воротъ у рубашки, показывалъ имъ свои раны; а какъ они спросили: «Отъ чего, де, эти знаки?». На то я говорилъ: «Когда, де, въ Петербургѣ противъ меня возмутились, такъ это гвардейцы кололи штыками». А какъ Шигаевъ увидѣлъ у меня на лѣвомъ вискѣ пятно отъ золотухи и спросилъ: «А это, де, что у васъ?». На то я говорилъ: «Это де, шрамъ у меня, потому что болѣло». А гербовъ и орловъ Россійскихъ отнюдь онъ не показывалъ; но гдѣ что сказано на меня, если кто говорилъ, то напрасно.

И потомъ сказывалъ имъ, на спросъ ихъ, какимъ образомъ при возшествіи ея величества на престолъ, ушелъ изъ Петербурга, — яко бы выпустилъ меня офицеръ, и вмѣсто меня похороненъ другой. А казаки говорили: «И намъ, де, слышно было, что государь скончался, однако жъ, болѣе, де, поговаривали, что онъ живъ, да взять не знали, гдѣ; а теперь видимъ, что ваше величество здѣсь? Да гдѣ жъ вы такое долгое время были?». На то я отвѣчалъ, что «былъ, де, я въ Кіевѣ, въ Польшѣ, въ Египтѣ, въ Іерусалимѣ и на рѣкѣ Терекѣ, а оттоль вышелъ на Донъ, а съ Дону, де, пріѣхалъ къ вамъ и слышу, что вы, да и вся чернь, обижены; такъ я хочу за васъ вступиться и удовольствовать. И хотя, де, не время было мнѣ явиться, однако жъ, видно, богъ привелъ. А когда вы меня не примете, такъ я пойду на Узень для жительства до времени». Потомъ Шигаевъ, да и всѣ сказали: «Примемъ, батюшка, только вступись за насъ и въ нашихъ отъ старшинъ обидахъ помоги; мы, де, въ конецъ всѣ разорились отъ большихъ денежныхъ поборовъ»...

Въ заключеніе жъ сего объявляю, когда еще шелъ къ Казани, то просили меня Яицкіе казаки, чтобъ итти въ Москву и далѣе, на что я былъ и согласенъ. Когда жъ былъ подъ Казанью разбитъ и переправился въ маломъ числѣ толпы чрезъ Волгу, то хотя великую толпу и собралъ, но къ Москвѣ уже итти не разсудилъ, а пробирался на низъ, куда разсудилось. И дошелъ до Саратова; уговорили меня казаки, чтобъ со всею толпою, коя была въ великомъ числѣ, итти въ Яицкій городокъ, тамъ перезимовать и опять выйти въ Русь, для докончанія моего намѣренія. Дворянъ и офицеровъ убивалъ, большею частію по представленію Яицкихъ казаковъ, а самъ я столько жестокъ отнюдь не былъ; а не попущалъ тѣмъ, кои отягощали своихъ крестьянъ, или командиры подчиненныхъ, а такъ же и тѣхъ безъ справокъ казнилъ, если кто изъ

крестьянъ на помѣщиковъ хорошихъ доносили. Солдатъ для того въ толпѣ своей не имѣлъ, что они для меня въ службѣ не годится. А когда въ пѣхотѣ была надобность, то я приказывалъ спѣшиваться казакамъ, кои все то дѣлали, что и солдаты. Дальняго намѣренія, чтобъ завладѣть всѣмъ Россійскимъ царствомъ, не имѣлъ; ибо, разсуждая о себѣ, не думалъ къ правленію быть, по неумѣнію грамотѣ, способенъ; а шелъ на то, если удастся чѣмъ поживиться или убиту на войнѣ быть. Все я заслужилъ смерть; такъ лучше умереть на войнѣ...

(Чт. въ О-вѣ Ист. и др. Росс. 1858 г., кн. II, отд. II, с. 12—16, 36.)

129. Казнь Пугачева.

Въ скоромъ времени по прибытіи нашемъ въ Москву я увидѣлъ позорище, для всѣхъ чрезвычайное, для меня же и новое: смертную казнь. Жребій Пугачева рѣшился. Онъ осужденъ на четвертованіе. Мѣсто казни было на такъ называемомъ Болотѣ.

Въ цѣломъ городѣ, на улицахъ, въ домахъ, только и было рѣчей объ ожидаемомъ позорищѣ. Я и братъ нетерпѣливо желали быть въ числѣ зрителей: но мать моя долго на то не соглашалась. По убѣжденію одного изъ нашихъ родственниковъ, она ввѣрила насъ ему подъ строгимъ наказомъ, чтобъ мы ни на шагъ отъ него не отходили.

Это происшествіе такъ врѣзалось въ память мою, что я надѣюсь и теперь съ возможною вѣрностію описать его, по крайней мѣрѣ, какъ оно мнѣ тогда представлялось.

Въ десятый день Января 1775 г., въ восемь или девять часовъ по полуночи пріѣхали мы на Болото: на серединѣ его воздвигнутъ былъ эшафотъ или лобное мѣсто, вкругъ коего построены были пѣхотные полки. Начальники и офицеры имѣли знаки и шарфы сверхъ шубъ, по причинѣ жестокаго мороза. Тутъ же находился и оберъ-полиціймейстеръ Н. П. Архаровъ, окруженный своими чиновниками и ординарцами. На высотѣ или помостѣ лобнаго мѣста увидѣлъ я съ отвращеніемъ въ первый разъ исполнителей казни. Позади фронта все пространство Болота, или, лучше сказать, низкой лощины, всѣ кровли домовъ и лавокъ, на высотахъ съ обѣихъ сторонъ ея, усѣяны были людьми обоего пола и различнаго состоянія. Любопытные зрители даже вспрыгивали на козлы и запятки каретъ и колясокъ. Вдругъ все всколебалось и съ шумомъ заговорило: везутъ, везутъ! Вскорѣ появился отрядъ кирасиръ, за нимъ необыкновенной величины сани, и въ нихъ сидѣлъ Пугачевъ; насупротивъ духовникъ его и еще какой-то чиновникъ, вѣроятно секретарь Тайной Экспедиціи. За санями слѣдовалъ еще отрядъ конницы.

Пугачевъ, съ непокрытою головою, кланялся на обѣ стороны, пока везли его. Я не замѣтилъ въ лицѣ его ничего свирѣпаго. На взглядъ онъ былъ сорока лѣтъ, роста средняго, лицомъ смуглъ и блѣденъ, глаза его сверкали, носъ имѣлъ кругловатый, волосы, помнится, черные, и небольшую бороду клиномъ.

Сани остановились противъ крыльца лобнаго мѣста. Пугачевъ и любимецъ его Перфильевъ, въ препровожденіи духовника и двухъ чиновниковъ, едва взошли на эшафотъ, — раздалось повелительное слово н а к а р а у л ъ, и одинъ изъ чиновниковъ началъ читать манифестъ; почти каждое слово до меня доходило.

При произнесеніи чтецомъ имени и прозвища главнаго злодѣя, также и станицы, гдѣ онъ родился, оберъ-полиціймейстеръ спрашивалъ его громко: «ты ли донской казакъ Емелька Пугачевъ?». Онъ отвѣтствовалъ столь же громко: «Такъ, государь, я донской казакъ, Зимовейской станицы, Емелька Пугачевъ». Потомъ, во все продолженіе чтенія манифеста, онъ, глядя на соборъ, часто крестился; между тѣмъ сподвижникъ его Перфильевъ, немалаго роста, сутулый, рябой и свирѣповидный, стоялъ неподвижно, потупя глаза въ землю.

По прочтеніи манифеста духовникъ сказалъ имъ нѣсколько словъ, благословилъ ихъ и пошелъ съ эшафота; читавшій манифестъ послѣдовалъ за нимъ. Тогда Пугачевъ сдѣлалъ съ крестнымъ знаменіемъ нѣсколько земныхъ поклоновъ, обратясь къ соборамъ, потомъ съ уторопленнымъ видомъ сталъ прощаться съ народомъ; кланялся на всѣ стороны, говоря прерывающимся голосомъ: «Прости, народъ православный, отпусти мнѣ, въ чемъ я согрубилъ предъ тобою; прости, народъ православный!»

— При семъ словѣ экзекуторъ далъ знакъ: палачи бросились раздѣвать его; сорвали бѣлый бараній тулупъ; стали раздирать рукава шелковаго малиноваго полукафтанья. Тогда онъ всплеснулъ руками, опрокинулся навзничь, и вмигъ окровавленная голова уже висѣла въ воздухѣ: палачъ взмахнулъ ее за волосы. Съ Перфильевымъ послѣдовало то же.

(И. Дмитріевъ. Взглядъ на мою жизнь, с. 27—30).

130. Крестьянскія волненія при имп. Павлѣ I.

1. ...На стеклянномъ заводѣ помѣщика Поздѣева, при церкви архангела Михаила, что на Кубенницѣ, находилась въ это время келья, гдѣ жила въ черничкахъ одна старуха, крѣпостная г-жи Поздѣевой. Въ эту келью крестьяне Поздѣевой зазвали ночью 4-го января 1797 г. ученика Вологодской семинаріи Григорія Коропацкаго, пріѣхавшаго на рождественскія святки къ отцу своему, дьячку той же церкви, Ивану Коропацкому, для приложенія руки къ написаннымъ отъ нихъ на высочайшее имя двумъ прошеніямъ, одного и того же содержанія, написаннымъ отъ имени выборныхъ крестьянъ, старостъ и сотскихъ Поздѣевской вотчины. 16-ти лѣтній Григорій Коропацкій, по просьбѣ ихъ и по приказанію отца своего, находившагося въ той же кельѣ, приложилъ, за безграмотствомъ просителей, свою руку. На другой день праздника богоявленія, въ домъ дьячка Коропацкаго явились: староста г-жи Поздѣевой Яковъ Яковлевъ, выборный Андрей Осиповъ и крестьянинъ Афанасій Алексѣевъ и упросили Григорія Коропацкаго, въ отсутствіи отца его, написать проходное письмо (подорожную) до Петербурга для Яковлева и Алексѣева, «дабы ихъ въ городахъ и на учрежденныхъ заставахъ безъ задержанія пропустили, а въ Петербургѣ, до исправленія ихъ надобностей, держали безъ опасенія». Подъ прошеніемъ на высочайшее имя подписались свидѣтелями 24 человѣка понятыхъ, старостъ, сотскихъ и крестьянъ, принадлежащихъ слѣдующимъ помѣщикамъ: кн. Касаткиной, Логовчиной, Огареву, гр. Головкину, Игнатьеву, Еропкину, Васюлевой, Бологовскому, Макшѣевой, Суровцову, Извѣкову, Тайдалову, Воейкову, д-не Измайловой, г-жѣ Шипиловой, Медвѣдевой, Бибикову (И. А.). Вотъ это прошеніе.

«Всепресвѣтлѣйшій, самодержавнѣйшій, великій государь нашъ, императоръ Павелъ Петровичъ, самодержецъ всероссійскій, государь всемилостивѣйшій.

«Просятъ Кадниковской округи, Михайловской волости, вотчины полковника Осипа Алексѣевича Поздѣева, староста Яковъ Яковлевъ, выборные — Андрей Осиповъ, Гаврила Прокопьевъ и всѣ той вотчины крестьяне, а о чемъ наше прошеніе, — о томъ значитъ ниже сего.

«Доношеніе мы, [illegible] помянутому господину Поздѣеву по купчей, тому уже 18 лѣтъ, то онъ первые годы и бралъ съ насъ оброки, да къ тому бралъ отъ нашей вотчины въ Москву въ топорную работу человѣкъ по 9-ти и болѣе, да въ тѣ же самые годы и въ нашей вотчинѣ строенія господскаго было не малое число, т.-е. господскіе домы для пріѣзду его. Да въ нашей же вотчинѣ приказалъ построить заводъ стеклянный, тому уже 10 лѣтъ; да въ томъ самое время, когда заводъ строили, въ то время онъ, господинъ нашъ, разорилъ цѣлое селеніе, деревню Пелюбовскую, жителей поселилъ въ другія селенія, а на той деревнѣ приказалъ построить житные дворы и избы, а поля приказалъ пахать на себя, равно жъ и покосы; да и въ другихъ мѣстахъ приказалъ надѣлать усадебъ не малое число, — то бы (безъ этого) по нашей вотчинѣ и довольно было господской работы пашенной, сѣнокосной и строенія. Да онъ же, господинъ нашъ, сверхъ оныхъ работъ, на стеклянный заводъ нарядилъ съ каждаго человѣка мужчинъ, отъ 15-ти лѣтъ и до 70-ти, на каждый годъ по 30-ти саженъ дровъ да по 30-ти четвертей золы. То мы, покамѣстъ были въ силахъ и люди были всѣ при вотчинѣ, такъ мы оные уроки всѣ отправляли. Но какъ онъ, господинъ нашъ, свезъ въ другія мѣста 15 человѣкъ мужескаго пола, да многихъ продалъ въ рекруты, да многіе отъ таковыхъ несносныхъ работъ и отъ тяжчайшего наказанія разбѣжалися, отъ чего въ нашей вотчинѣ и стало людей великое умаленіе, а на заводъ требуетъ надобность какъ золы, такъ и дровъ; такъ онъ господинъ нашъ наложилъ на насъ уроки тяжчае и первыхъ; съ каждаго человѣка помянутаго возраста на каждую недѣлю по 3 четверти золы и по 3 сажени дровъ; а мы онаго урока уже выработать никакимъ способомъ и не можемъ. За то каждую недѣлю работныхъ людей и сѣчетъ (онъ) немилосердно.

«Равно и нынѣ, минувшаго декабря 31 дня 1796 года, прибылъ онъ, господинъ нашъ, на стеклянный заводъ и насъ, работныхъ людей, сталъ головы обривать, и при немъ (были) пучки палокъ и кнутья, и намѣренъ (былъ) всѣхъ пересѣчь. И мы поклонилися ему и прочь отъ него отошли; только ему сказали, что «мы изъ силъ своихъ вышли и вашихъ уроковъ сработать не можемъ, потому что мы хлѣба уже для пропитанія не имѣемъ, также одежи и обутки на насъ нѣту, а всегда и съ женами нашими на вашей господской работѣ непремѣнно день и ночь работаемъ, отъ мразу и гладу умираемъ, а пропитаніе имѣемъ только то, какъ маленькіе ребята наши, ходя въ міръ, напросятъ и насъ [illegible]». И, поклонившись ему, прочь отъ него отошли, о

чемъ черезъ сотскаго (ими) объявлено и земскому суду сего 1797 года генваря 9 дня.

«Но какъ, по объявленіи, г. Кадниковскій исправникъ Иванъ Ивановичъ Торбѣевъ, прибывъ къ нашей церкви въ 4-й день сего генваря, т.-е. въ праздничный воскресный день, приводилъ нашей волости всѣхъ людей къ присягѣ (государю?); и, по приведеніи, во время службы божественныя литургіи всѣхъ нашей волости разныхъ вотчинъ людей изъ храма божія выслалъ, а насъ, Поздѣевыхъ, оставя въ божіемъ храмѣ и собою стражу поставя военную строгость (команду) съ обнаженными тесаками и заряженными ружьями, и самъ исправникъ, обнажа свой тесакъ, стоя въ храмѣ, и насъ 15 человѣкъ связалъ невѣдомо за что (или по просьбѣ господина нашего,—о томъ мы неизвѣстны), не объявя сотцкому никакого дѣла. И повелѣ насъ связанныхъ къ господину нашему въ домъ; и мы, убояся смертельнаго наказанія и безвиннаго, другъ друга распутали и отъ него, исправника, отошли и ничего ему не противорѣчили, въ чемъ мы ссылку имѣемъ на всю нашу волость, которые (люди) были у церкви и присяги, равно жъ и другихъ волостей, прилучившихся у нашей церкви, также и священника и другихъ священноцерковнослужителей.

«Того ради и пріемлемъ смѣлость трудить ваше императорское величество, дабы благоволено бъ было сіе всенижайшее прошеніе всемилостивѣйше принять и погибающихъ отъ мраза и глада обиженныхъ людей въ ваши всемилостивѣйшіе нѣдра принять; а мы, нижайшіе, желаемъ какъ богу, такъ и вашему императорскому величеству, служить. Генваря 5 дня 1797 года».

Свидѣтели, удостовѣрявшіе справедливость того, что говорится въ этомъ прошеніи, присовокупляютъ, что Поздѣевскіе крестьяне «пришли въ крайнюю бѣдность, неимѣющи у себя дневнаго пропитанія, равножъ одѣянія и обуванія, скитающіеся въ мірѣ, лишающіеся своихъ крестьянскихъ работъ, домы и поля ихъ пришли въ запустѣніе», и что стеклянный заводъ завелъ Поздѣевъ тамъ, «гдѣ прежде были церкви святыя, т. е. Цѣвецкая пустынь, церкви святыя сжегъ, а на томъ мѣстѣ построилъ хлѣвы скотскіе».

2. Теперь послушаемъ, что говоритъ другая сторона, заинтересованная въ этомъ дѣлѣ. Вотъ, что пишетъ подполковникъ Поздѣевъ въ Петербургъ къ Ивану Владиміровичу (Лопухину) отъ 7-го января, одновременно съ составленіемъ семинаристомъ Коропацкимъ проходного письма для его крестьянъ:

«По распространившейся въ здѣшнемъ краю сильной молвѣ, что дѣлается нынѣ присяга государю для того (происходитъ), чтобы впредь не быть за помѣщиками, при случаѣ взятья мною, для отлучки въ Москву, безъ всякаго наказанія, одного изъ крестьянъ жены моей, побуждающаго паче прочихъ къ ослушанію, ночью, наканунѣ Новаго года, изъ крестьянъ жены моей до 70-ти человѣкъ вломились съ нолѣньями въ домъ мой и убили бы, вѣрно, меня и дворовыхъ моихъ людей до смерти, естли бы богъ не даровалъ мнѣ безбоязненнаго духа вытти къ нимъ прямо, что ихъ нѣсколько остановило. Я, употребя на успокоеніе ихъ едиными словами чрезъ цѣлой часъ, чтобы они себя самихъ не губили, насилу, съ божіей помощію, довелъ вытти изъ моего дома. А когда они разошлись по избамъ, то я, опасаясь на другой день вторичной отъ нихъ сцены, уѣхалъ въ городъ Кадниковъ и, взявъ оттуда исправника и двухъ токмо старыхъ солдатъ, коихъ въ городѣ больше нѣтъ, пріѣхалъ въ деревни жены моей, гдѣ исправникъ, по своей должности, при приводѣ цѣлую волость къ присягѣ, въ которой слишкомъ тысяча душъ, хотѣлъ взять начинщиковъ бунта, то вся волость, взбунтовавшися, взятыхъ отняли и едва исправника самого не убили до смерти, если бы онъ отъ нихъ уходомъ не спасся. И къ оному бунту и еще двѣ волости присоединились, въ коихъ всѣхъ около трехъ тысячъ душъ; и естли не присланъ будетъ цѣлый полкъ въ губернію Вологодскую для квартированія, то это разовьется далеко. И кромѣ сихъ волостей, въ крестьянахъ видимъ явно готовящійся бунтъ, весьма похожій на Пугачевскій, ибо всѣ крестьяне имѣютъ оставшагося отъ времени Пугачева духа, дабы не было дворянъ, да и теперь же у нихъ слышится, что и городовъ не будетъ: что есть точно илюминантической духъ—безначальства и независимости, распространившійся, какъ знаете, по всей Европѣ; естли не будетъ скоро утишаемъ, можетъ здѣшнему глухому краю крайне быть истребителемъ. Здѣсь, въ Вологдѣ, нѣтъ военныхъ людей, чѣмъ бы оный утишить, почему прошу васъ употребить ходатайство у государя, что, я думаю, здѣшній губернаторъ рапортомъ не упуститъ, дабы скорѣе хотя одинъ батальонъ былъ посланъ для наведенія страху и на протчихъ крестьянъ здѣшняго краю, а взбунтовавшихся для приведенія въ надлежащее повиновеніе.

«Который бунтъ, по таковой всеобщей молвѣ, можетъ разлиться далеко и подвергнуть истребленію невинныхъ дворянъ таковому же,

каковое было отъ Пугачева, изъ числа которыхъ и я теперь съ женою моею и двумя маленькими дѣтьми и могущій скоро выѣхать, по экономическимъ моимъ нуждамъ; хотя губернаторъ вологодской прислалъ мнѣ трехъ человѣкъ солдатъ для охраненія, что онъ только могъ, а вы сами знаете, сколь это мало значитъ. Спокойство здѣшняго краю требуетъ такова [illegible] духа, каковъ есть государевъ, для присылки помянутой команды. Желаю вамъ добраго здоровья и всякаго благословенія божія; поручаю себя въ вашу любовь, есмь вамъ съ моею искреннею привязанностію и съ почтеніемъ покорнѣйшимъ и усерднымъ слугою Іосифъ Поздѣевъ.

P. S. «Въ таковыхъ случаяхъ, отъ неуваженія одна искра можетъ произвести великій пожаръ, какъ то было въ низовыхъ губерніяхъ при злодѣѣ Пугачевѣ. И теперь, сыщись какой-нибудь предпріимчивый злодѣй, то крестьяне, наносные желаніемъ безначальства, уже готовы; нашъ же простой народъ—охочій къ грабежамъ, изъ коего много сыщется охотниковъ грабежемъ поживиться. Здѣсь же, въ Вологодской, Ярославской, Костромской и Архангелогородской губерніяхъ, нѣтъ ниже какихъ командъ, коими бы можно было затушить, естли оное сумасбродство разольется. И здѣсь, въ Вологдѣ, въ новый годъ, въ соборѣ и внѣ онаго, великое было, какого никогда не запомнятъ, стеченіе простаго народу и *поповъ, кои, т. е. деревенскіе, тѣ же мужики, только что грамотные*,—въ ожиданіи, что читать будутъ указы о вольности крестьянъ и яко бы соль будетъ дешевле и вино (будетъ) продаваться по два рубля ведро, — пріѣхали слушать изъ селеніевъ, верстъ за сто отъ Вологды отстоящихъ. Крестьяне, въ ожиданіи таковой мнимой вольности, во многихъ мѣстахъ не платятъ оброковъ своимъ господамъ, а особливо дожидались этакаго указа о вольности въ новый годъ; и безразсудство черни до такой крайности (дошло), что думаютъ, будто въ Вологдѣ нарочно не распечатываютъ таковыхъ о вольности крестьянъ указовъ»...

3. ...Еще сильнѣе обнаружилось участіе *сельскаго духовенства* въ крестьянскихъ движеніяхъ въ Псковской и Калужской губерніяхъ, въ послѣдней принявшихъ обширные размѣры. Въ первой волненія крестьянъ прежде всего обнаружились въ уѣздахъ Порховскомъ и Печерскомъ, а оттуда уже перешли въ Холмскій и разгорѣлись пожаромъ: здѣсь почти во всѣхъ помѣщичьихъ имѣніяхъ крестьяне не только отказались повиноваться, но, собираясь по погостамъ и вооружившись ружьями, дубинами, топорами, и т. п., открыто возстали, «предводимые къ тому и попами», какъ гласитъ офиціальное извѣстіе. Такъ, въ одномъ мѣстѣ этого уѣзда, въ церкви, они поставили аналой: священники вышли изъ алтаря въ полномъ облаченіи и вынесли крестъ и евангеліе, которые положили на аналой; крестьяне прикладывались къ св. иконамъ, ко кресту и евангелію и клялись «въ единодушномъ до смерти стояніи». Присланная для усмиренія ихъ команда, подъ начальствомъ земскаго засѣдателя, была побита; «крайнія неистовства и озорничества», которыя они стали повсемѣстно дѣлать, были слѣдствіемъ такого же успѣха. Въ Медынскомъ уѣздѣ Калужской губерніи, почти поголовно возставшемъ противъ помѣщиковъ, главными виновниками были священникъ села Кудинова Григорій и еще какихъ-то два попа, разглашавшіе о мнимыхъ манифестахъ и сочинявшіе прошенія къ государю.—Высочайшій манифестъ косвеннымъ образомъ подтверждаетъ участіе сельскаго духовенства въ крестьянскомъ возстаніи. Въ одномъ мѣстѣ Минской губерніи, впрочемъ, по слуху, какъ говоритъ офиціальное извѣстіе, «одинъ дерзкій попъ вралъ, что у насъ (де) государя нѣтъ, потому что онъ не короновался»...

4. ...Самые серьезные безпорядки произошли въ *южныхъ губерніяхъ* — въ Орловской, Тульской и Калужской; южнѣе ихъ движеніе между помѣщичьими крестьянами, кажется не распространилось, о чемъ мы заключаемъ по тому обстоятельству, что, напр., изъ Тамбовской губерніи (Липецкаго уѣзда) вызывались войска въ Калужскую губернію для прекращенія безпорядковъ. Въ Орловской губерніи волненія крестьянъ обнаружились въ Сѣвскомъ уѣздѣ, въ имѣніи бригадирши княгини Голицыной, въ мѣстечкѣ *Радогощи* и въ селѣ *Брасовѣ*, имѣніи Апраксина. Въ первомъ изъ нихъ, крестьяне возстали вооруженною силою и рѣшились или овладѣть всѣмъ, принадлежащимъ ихъ помѣщицѣ и раздѣлить между собою, или быть побитыми; какіе размѣры приняло движеніе апраксинскихъ крестьянъ, объ этомъ можно судить по обстоятельствамъ ихъ усмиренія, вслѣдствіе которыхъ, какъ увидитъ читатель, село Брасово получило печальную извѣстность въ этихъ прискорбныхъ событіяхъ. Кромѣ этихъ двухъ мѣстъ, крестьянскіе безпорядки обнаружились также въ имѣніи помѣщиковъ Хлюпина и Водски, въ селѣ Алешенкахъ. Число возставшихъ крестьянъ въ Сѣвскомъ уѣздѣ во всякомъ случаѣ было болѣе десяти тысячъ. Въ Тульскомъ намѣстничествѣ волненія обнаружились въ Алексинскомъ уѣздѣ, въ имѣніяхъ

помѣщика Юрина, въ селѣ Никольскомъ и въ деревняхъ Сонинкѣ, Лѣповкѣ и Хрущевой. Здѣсь предводителемъ возстанія былъ Хрущевскій староста Василій Семеновъ, а подстрекателемъ какой-то бѣглый изъ дворовыхъ, называвшійся Никитою Прокофьевымъ. Возмутившіеся крестьяне не хотѣли слушать высочайшаго манифеста отъ 29 января, считая его подложнымъ, ударили, въ присутствіи исправника, въ набатъ, избили людей, преданныхъ помѣщику, и кричали: «Умремъ, а не хотимъ быть за помѣщикомъ! Желаемъ остаться казенными». Въ Калужской губерніи самое сильное движеніе обнаружилось между крестьянами Мещовской округи (уѣзда). Такъ, по свидѣтельству нашихъ источниковъ, въ имѣніи помѣщицы Давыдовой, возставшіе еще въ прошломъ году крестьяне всѣ разбѣжались, кромѣ женщинъ и малолѣтнихъ дѣтей; такъ что, по наивному выраженію офиціальной бумаги, и усмирять было не кого: этотъ побѣгъ, какъ надобно думать, въ окрестныя селенія, также волнующіяся, произошелъ послѣ того, какъ земская полиція, вслѣдствіи манифеста 29 января, хотѣла привести крестьянъ въ повиновеніе ихъ помѣщицѣ. Въ томъ же уѣздѣ, въ имѣніяхъ помѣщиковъ братьевъ Воейковыхъ и ихъ сосѣдки Никифоровой, крестьяне возстали поголовно, въ числѣ болѣе тысячи человѣкъ. Во Владимірской губерніи, близъ города Петровска, въ имѣніяхъ Демидова и Рудакова, и въ Переславлѣ-Залѣсскомъ, у помѣщика Карцева и Макарова, крестьяне также отказались отъ повиновенія; тоже произошло и въ Александровскомъ уѣздѣ. Крестьяне этихъ помѣщиковъ причину своего непослушанія объясняли чрезмѣрно тяжелыми работами. Въ этой же губерніи, въ имѣніи гр. Апраксина и кн. Голицына, съ помѣщичьими соединились экономическіе крестьяне и общими силами умертвили, какъ сказано въ донесеніи, «многихъ вотчинныхъ начальниковъ, денежный и хлѣбный заборъ какъ кн. Голицына, такъ и Апраксина разграбили, разоряя всякаго рода господскія заведенія».

5. ...Получивъ 20-го января высочайшее повелѣніе и сдѣлавъ нужныя распоряженія на время своего отсутствія, по управленію Остзейскаго края и Литвы, на другой день, 21-го числа, князь Рѣпнинъ отправился въ путь прямо на сѣверъ, въ Вологду, по поздѣевскому дѣлу. Зима въ этомъ году была снѣжная: отъ сугробовъ почти не было проѣзду: 27-го князь прибылъ въ Вологду, гдѣ прожилъ до 3-го февраля. Поздѣевское дѣло удалось ему покончить самымъ миролюбивымъ образомъ: крестьяне принесли повинную и просили прощенія у помѣщика; военные команды, которыя притянулъ было Рѣпнинъ къ мѣсту своего пребыванія, пришлось отсылать обратно. Пребываніе фельдмаршала въ Вологдѣ и кроткія мѣры, употребленныя имъ для успокоенія поздѣевскихъ крестьянъ, имѣли большое вліяніе на волновавшихся крестьянъ Ярославской и Владимірской губерній, гдѣ все пришло въ надлежащій порядокъ, безъ употребленія военной силы и кровопролитія, одними лишь распоряженіями мѣстной администраціи. Не вмѣшивъ Ярославль, князь Рѣпнинъ на ночь съ 4-го на 5-ое февраля прибылъ въ Ростовъ. Здѣсь нагналъ его курьеръ съ высочайшимъ повелѣніемъ отъ 30 января отправиться немедленно въ Орелъ, куда фельдмаршалъ и прибылъ въ ночь 9-го числа...

6. ...И такъ Орловская губернія ставилась какъ бы въ военное положеніе, хотя на самомъ дѣлѣ этого и не было. Въ то время, какъ князь Рѣпнинъ приближался къ предѣламъ возстанія, тамъ вотъ что происходило. Рязскій полкъ кн. Горчакова замедлилъ прибытіемъ въ Сѣвскій уѣздъ: между тѣмъ сдѣлалось извѣстнымъ, что ослушные крестьяне княгини Голицыной, собиравшіеся обыкновенно въ мѣстечкѣ Радогощи, назначали 10-е февраля срокомъ для приведенія въ исполненіе своего намѣренія броситься на усадьбу помѣщицы и разорить ее. Орловскій губернаторъ Воейковъ и генералъ Линденеръ рѣшились, не дожидаясь князя Горчакова, предупредить мятежниковъ. Въ этотъ день, въ 8-мъ часу утра, они подошли съ полкомъ Линденера къ селу Радогощи и, остановившись у околицы, требовали, чтобы крестьяне принесли повинную своей помѣщицѣ и выдали бы главныхъ зачинщиковъ. Получивъ отказъ, Воейковъ и Линденеръ приказали стрѣлять изъ двухъ орудій и зажечь въ двухъ мѣстахъ село. Отъ сильнаго вѣтра пожаръ распространился, при чемъ сгорѣло нѣсколько крестьянскихъ дворовъ и господскій хлѣбный магазинъ, впрочемъ, почти уже опустошенный мятежниками. Крестьяне смирились. Заводчикъ возмущенія Куркинъ и нѣсколько его товарищей, засѣвшихъ было на колокольнѣ, должны были сдаться. Донося государю объ этомъ дѣлѣ и отдавая честь распорядительности губернатора Воейкова, Линденеръ распространяется съ похвалою о дѣятельномъ участіи подполковника Уварова, совершенно случайно проѣзжавшаго чрезъ Радогощь и принявшаго команду надъ лейбъ-эскадрономъ и распоряженіе орудіями. Князь Рѣпнинъ получилъ извѣстіе объ этомъ усмиреніи на другой день,

уже находясь въ Кромахъ; 12-го февраля онъ былъ на самомъ мѣстѣ происшествія.

Изъ Радогощи фельдмаршалъ отправилъ въ село Брасово къ апраксинскимъ крестьянамъ, съ приложеніемъ высочайшаго манифеста, свое приказаніе представить къ нему главныхъ зачинщиковъ возмущенія: но получилъ на это дерзкій отвѣтъ: «Пусть-де пріѣдетъ самъ». Отсылая читателей за подробностями этого дѣла, о которомъ упомянуто выше, къ рѣпнинскому журналу, здѣсь приводимъ приказъ фельдмаршала тепер соединившимся полкамъ Линденера и кн. Горчакова:

«Отъ генералъ-фельдмаршала кн. Рѣпнина приказъ:

Завтра походъ въ село Брасово, для покоренія тамошнихъ крестьянъ генералъ-лейтенанта Апраксина.

1. Выступить отсель въ 8 часовъ по утру. Впереди итти г. генералъ-майору Линденеру съ 4-мя эскадронами его полку.

2. За ними двѣ гренадерскія пушки Ряжскаго мушкатерскаго полку; потомъ полковыя пушки; за ними четыре единорога брянскіе; затѣмъ первый баталіонъ: за нимъ одна полковая пушка, а за ней второй баталіонъ: потомъ же, въ замкѣ, четыре эскадрона Линденерова полку.

3. Никому изъ своихъ мѣстъ не отлучаться, ни подъ какимъ предлогомъ.

4. Наистрожайше подтверждается. чтобы никто не дерзалъ ни малѣйшаго грабежа дѣлать, подъ опасеніемъ неминуемаго и строгаго наказанія. за что отвѣчаютъ командиры.

5. Никому и нигдѣ и ничего не зажигать, безъ моего особеннаго и точнаго на сіе повелѣнія.

6. Какъ дѣйствовать должно будетъ. по прибытіи въ Брасову, о томъ на мѣстѣ приказано будетъ. По г. генералъ-майору Линденеру, подходя къ тому селу, обхватить оное четырьмя эскадронами, которые впередъ идутъ, чтобы всѣ изъ онаго выходы вполнѣ загромождены были, дабы преступники уйти не могли. А какъ передовая кавалерія такимъ образомъ раздѣлится, то пѣхота, черезъ то. откроется для продолженія дѣйствій: задніе же два эскадрона. за пѣхотой слѣдующіе. тогда пойдутъ на правое и лѣвое крыло пѣхоты, по одному эскадрону, а послѣдніе два слѣдуютъ въ резервѣ. Но все сіе начинать не прежде, какъ отъ меня повелено будет.

7. Два эскадрона Линденерова полку и две орловскія пушки [illegible] Радогощи, которымъ быть въ осторожности.

8. Въ походѣ, гдѣ положеніе мѣста потребуетъ и нужно будетъ, имѣть отъ кавалеріи боковые патрули.

9. Ружья. карабины и пистолеты зарядить пулями; равномѣрно и пушки имѣть заряженными ядрами; картечи же имѣть готовыми; также фитили зараженные; калительныя трубки и свѣчи въ готовности держать.

10. Никакой толпы ближе ста шаговъ, къ фрунту ни къ которому не подпускать; а если пойдутъ ближе, то по нихъ стрѣлять и дѣйствовать. какъ противъ непріятеля».

12 февр. 1797 года.

Брасовское дѣло продолжалось два часа. Крестьяне не имѣли огнестрѣльнаго оружія и дѣйствовали цѣпами и дубинами; имъ удалось поранить только двухъ гусаръ, но зато шефу полка. Линденеру, крѣпко досталось по спинѣ дубиной. За Брасовское дѣло кн. Горчаковъ получилъ анненскую ленту, а полкъ его высочайшую благодарность и по рублю на человѣка; полку же Линденера, при паролѣ, велѣно объявить строгій выговоръ государя.

Изъ журнала кн. Рѣпнина.

1797 генваря 30.

7. Были приведены въ 6 часовъ по полудни крестьяне ослушные г. Поздѣева и окрестные другихъ помѣщиковъ, въ томъ ослушаніи участіе имѣющіе, — при чемъ былъ и самъ г. Поздѣевъ, коимъ была истолкована вся важность ихъ преступленія и строгость законнаго наказанія, которому они себя подвергли. съ объявленіемъ высочайшаго повелѣнія, чтобы они непремѣнно оставались въ законномъ повиновеніи своимъ помѣщикамъ и отнюдь не дерзали изъ онаго выходить, подъ опасеніемъ неизбѣжнаго наказанія по всей строгости закона, въ чемъ, по милосердію его величества, повелѣлъ онъ мнѣ ихъ остеречь. По сему объявленію, крестьяне всѣ бросились на колѣни и валялись въ ногахъ, прося всемилостивѣйшаго помилованія; а равномѣрно, тѣмъ же образомъ, и у г. Поздѣева прощенія просили и обѣщаніе давали быть вѣрными и послушными. Почему, видя их искреннее раскаяніе, я, высочайшимъ именемъ его императорскаго величества, ихъ простилъ, съ подтвержденіемъ. чтобы они не забывали милости государевой и своего обѣщанія быть послушными, дабы. въ противномъ случаѣ. сами на себя не навлекли неминуемаго несчастія, объявя имъ при томъ, что и войска уже сюда наряжены были и шли для приведенія ихъ въ надлежащее повиновеніе и порядокъ

Г. Поздѣевъ также своихъ крестьянъ простилъ, а они все молили бога за государя и благодарили за оказанное имъ его императорскимъ величествомъ милосердіе. Послѣ чего отпущены они съ тѣмъ, чтобы имъ формально сія высочайшая милость объявлена была въ губернскомъ правленіи и чтобы они свободно и немедленно были отпущены въ ихъ домы.

Февраль.

...11. По причинѣ чрезвычайнаго вѣтра и вьюги, выѣхалъ уже по разсвѣтѣ. Въ Кромахъ получилъ извѣстіе, что крестьяне княгини Голицыной генералъ-майоромъ Линденеромъ, вкупѣ съ Орловскимъ г. губернаторомъ Воейковымъ, покорены. Въ 7 часовъ вечера прибылъ въ Дмитріевскъ, куда и 2-й батальонъ Ряжской въ 10-мъ часу пришелъ. Тутъ извѣстился отъ вышесказанныхъ г.г. Линденера и губернатора, что крестьяне Апраксина еще упорствуютъ. Почему приказано завтра рано полку Ряжскому слѣдовать къ соединенію съ полкомъ Линденеровымъ въ село Радогощь кн. Голицыной. Писалъ къ преосвященному, чтобы онъ ужъ не ѣздилъ въ Дмитріевскъ.

12. — По утру въ 8 часовъ поѣхалъ въ село Радогощь, гдѣ нашелъ полкъ Линденеровъ и куда въ полдень прибылъ и Ряжскій полкъ. Тотчасъ же по пріѣздѣ въ Радогощь послано мое повелѣніе, съ приложеніемъ манифеста его императорскаго величества, чрезъ засѣдателя нижняго земскаго суда, въ село Апраксина Брасово, приказавъ представить къ себѣ начинщиковъ злодѣевъ; но, по упорству и непослушанію крестьянъ, которые въ отвѣтъ велѣли сказать, чтобъ я самъ къ нимъ пріѣхалъ, приказалъ я обоимъ полкамъ на завтра туда слѣдовать, давъ обоимъ шефамъ приказъ, который при семъ въ копіи прилагается.

13. Выступили войска повелѣннымъ порядкомъ изъ Радогощи въ 8 часовъ поутру, а прибыли къ селу Брасову въ 12 часовъ съ четвертью. И какъ, не смотря на всѣ увѣщанія, крестьяне, коихъ было болѣе двухъ тысячъ человѣкъ, не сдавались и не покорялись, то силою начато ихъ покореніе. Сдѣлано во все дѣйствіе 33 выстрѣла пушечныхъ и выпалено 600 патроновъ изъ мелкаго ружья, при чемъ сдѣлался пожаръ и сгорѣло 13 [illegible]. Убито крестьянъ 20, ранено всякихъ изъ же 70 человѣкъ. Линденерова полку унтеровъ съ лошадьми двухъ гусаръ и тѣхъ лошадей дубинами и цѣпами больно ранили, также и самого шефа сзади, бывъ онъ по своему усердію между толпы народа, дубиною по спинѣ зашибли. Въ 3-мъ часу пополудни пали, наконецъ, крестьяне на колѣни и стали просить помилованія, покоряясь законной власти. Тогда все прекратилось: пожаръ стали тушить и раненыхъ крестьянъ собирать и перевязывать, начинщиковъ же злодѣянія отыскивать, изъ коихъ самый первый, крестьянинъ Емельянъ Черподыровъ, схваченъ, скрываясь въ погребу. Всѣ преступники, для законнаго изслѣдованія по гражданской части, отданы Орловскому генералъ-губернатору. Въ 9 часовъ вечера отправленъ фельдъегерь Наумовъ со всеподданнѣйшимъ донесеніемъ къ его имп. величеству о семъ бывшемъ. Съ нимъ же написано къ генералъ-прокурору.

14. Собраны были крестьяне всей вотчины г. генералъ-лейтенанта Апраксина въ церкви въ селѣ Брасовѣ, гдѣ имъ говорено было пристойное увѣщаніе, съ изображеніемъ всего пространства преступленія, въ которое они впали и за которое такъ жестоко наказаны; послѣ чего взята съ нихъ подписка въ непрекословномъ впредь помѣщику повиновеніи. Къ вечеру получено высочайшее повелѣніе, отъ 7 числа, о обстоятельномъ донесеніи о всемъ томъ, что по поводу непослушанія крестьянъ въ Орловской губерніи происходитъ. Отправленъ эстафетъ, чрезъ Орелъ и Москву, въ Литву, съ предписаніемъ о присылкѣ именныхъ вѣдомостей о отлучныхъ, на основаніи его импер. величества указа, отъ 7-го сего мѣсяца.

15. Зарыты въ особую яму тѣла убитыхъ 13 числа преступниковъ, яко недостойныхъ быть погребенными съ вѣрными подданными на обыкновенномъ кладбищѣ. Надъ той ямой приказано поставить знакъ, съ надписью: «Здѣсь лежатъ преступники противъ бога, государя и помѣщика, справедливо наказанные огнемъ и мечемъ, по закону божію и государеву»...

(«Рус. Арх.» 1869 г. Стр. 532—570.)

VIII. Дворянская монархія.

131. Указъ имп. Екатерины I о состояніи Имперіи.

(1727 г.)

Божіею милостію мы, Екатерина, императрица и самодержица всероссійская, и пр., и пр., и пр.

Понеже всякого государства дѣла состоять въ духовныхъ и свѣтскихъ, и оныя оба между собою такъ связаны, что одно безъ другаго быть не можетъ, и гдѣ оба сіи дѣла въ хорошемъ порядкѣ находятся, тутъ и благословеніе божеское, тутъ и всякое благополучіе.

Но, по разсужденіи о нынѣшнемъ состояніи нашего имперія, показывается, что едва ли не всѣ тѣ дѣла, какъ духовныя, такъ и свѣтскія, въ худомъ порядкѣ находятся и скорѣйшаго поправленія требуютъ, и какимъ неусыпнымъ прилежаніемъ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти его императорское величество, нашъ любезнѣйшій супругъ и государь ни трудился въ установленіи добраго порядку во всѣхъ дѣлахъ, какъ въ духовныхъ, такъ и въ свѣтскихъ, и въ сочиненіи пристойныхъ регламентовъ, въ надеждѣ, что уже весьма надлежащій порядокъ во всемъ слѣдовать будетъ, однакожъ того не учинено. О духовныхъ дѣлахъ и о такъ нужномъ поправленіи оныхъ нынѣ не упоминаетъ, понеже такое поправленіе требуетъ зрѣлаго разсужденія и довольнаго времени. Но что до свѣтскихъ дѣлъ надлежитъ, то потребно въ разсужденіе взять съ одной стороны, что Россійское государство окружено такими сосѣдями, которые всѣ генерально счастію Россійскаго государства завидуютъ, и что Россійское государство еще персидскою войною обязано, и еще въ такія другія дѣла обязано, которыя едва безъ войны окончены быть могутъ; умалчивая о многихъ своевольныхъ, россійскому государству подданныхъ народахъ, на которыхъ постоянство положиться невозможно, и потому доброучрежденное войско и добровооруженный флотъ всегда потребны, понеже отъ нихъ вся наша безопасность зависитъ.

А и съ другой стороны, что не токмо крестьянство, на которое содержаніе войска положено, въ великой скудости обрѣтается и отъ великихъ податей, и непрестанныхъ экзекуцій и другихъ непорядковъ въ крайнее и всеконечное разореніе приходитъ; но и прочія дѣла, яко: коммерція, юстиція и монетные дворы, весьма въ разоренномъ состояніи обрѣтаются.

Чего ради, имѣя мы матернее ко всему государству попеченіе и желая, дабы всѣ тѣ дѣла исправлены и въ лучшій порядокъ и состояніе приведены быть могли, повелѣли всѣмъ членамъ нашего верховнаго тайнаго совѣта о исправленіи оныхъ подавать намъ каждому свое мнѣніе, которое выслушавъ, всемилостивѣйше повелѣваемъ учинить слѣдующее:

1.

Какъ вредительно есть государству несогласіе, о томъ упоминать не надлежитъ; ибо вѣдомо и написано есть, что согласіе приноситъ пользу и преуспѣяніе, а несогласіе значитъ разореніе, и гдѣ несогласіе есть, тамо всегдашнія распри, вражды и ненависти, и для того тутъ и благословеніе божіе присутствовать не можетъ. Сіе, какъ мы видимъ, показывается не токмо въ духовныхъ и другихъ государственныхъ дѣлахъ, но и при бѣдныхъ россійскихъ крестьянѣхъ, которые не отъ одного хлѣбнаго недороду и отъ подати подушной разоряются и бѣгаютъ, какъ отъ несогласія у офицеровъ съ земскими управителями и у солдатъ съ мужиками. И понеже армія такъ нужна, что безъ нее государству стоять невозможно, какъ и въ выше помянутыхъ мнѣніяхъ согласно признано, того ради и о крестьянѣхъ попеченіе имѣть надлежитъ; ибо солдатъ съ крестьяниномъ связанъ, какъ душа съ тѣломъ, и когда крестьянина не будетъ, тогда не будетъ и солдата. И того ради надлежитъ имѣть прилежное разсужденіе, какъ о сухопутной арміи, такъ и о флотѣ, чтобъ оные безъ великой тягости народной содержаны были, къ чему немедленно учредить коммиссію изъ генералитета и флагмановъ, при которой быть одному члену изъ верховнаго совѣта и одному жъ изъ сената и камеръ-коллегіи президенту, и прочимъ изъ той коллегіи кому заблагоразсуждено будетъ, которые могутъ разсмотрѣть положенной окладъ какъ на армію, такъ и на флотъ, на какіе расходы именно исходитъ, и что отъ тѣхъ расходовъ сбережено быть можетъ.

Такожде весьма потребно, дабы воинской коммиссаріатъ всегда былъ въ добромъ и

исправномъ порядкѣ, того ради надлежитъ выбрать добраго генерала кригсъ-коммиссара, которому быть членомъ и въ военной коллегіи.

2.

И понеже въ поданныхъ намъ помянутыхъ мнѣніяхъ согласно написано, чтобы изъ подушнаго сбора нѣчто убавить; но, по разсужденію нашему, такой убавки основательно учинить невозможно, пока въ вышеречённой коммиссіи разсмотрѣно и положено будетъ, какою суммою армія и флотъ по крайней мѣрѣ содержаны быть могутъ; къ тому жъ, какъ намъ о томъ извѣстно, надлежитъ, что и подушныя деньги двухъ первыхъ третей до сентября мѣсяца до арміи сполна не приходятъ, того ради, между тѣмъ, для скорѣйшаго облегченія крестьянъ, и для увеселенія и надежды народной, публиковать, что наше императорское величество, имѣя къ вѣрнымъ нашимъ подданнымъ наше матернее милосердіе и попеченіе о исправленіи всѣхъ дѣлъ, отъ которыхъ вреда государству происходитъ, и особливо о облегченіи крестьянъ въ податяхъ, и для того повелѣли: **въ платежѣ подушной подати на нынѣшній 1727 годъ дать сроку до сентября мѣсяца сего жъ года;** пока отъ насъ, по имѣвшимъ довольномъ разсужденіи, по состоянію нуждъ государственныхъ, положено будетъ, по чему впредь платить. Но чтобъ, надѣясь на такую отсрочку, крестьяне, по своему обычаю, не ослабѣли, а помѣщики излишними сборами своихъ оброковъ ихъ не отягощали, того ради сіе накрѣпко предостеречь и подтвердить надлежитъ, чтобъ наипаче, взирая на такую нашу милость, помѣщики старались свои деревни въ лучшее состояніе приводить, а гдѣ помѣщиковъ нѣтъ, то ихъ прикащики и старосты и выборные, понеже съ сентября мѣсяца положенную подать на крестьянъ сами помѣщики, которые будутъ въ деревняхъ, а въ небытность ихъ, прикащики и старосты и выборные платить принуждены будутъ, и для того **накрѣпко за крестьянами смотрѣть, чтобъ старались себя въ лучшее состояніе приводить,** а деньги къ платежу подати къ будущему сентябрю мѣсяцу весьма бы были у нихъ готовы, и при первой публикаціи указа могли бы платить исправно, не дожидаясь экзекуціи.....

И понеже крестьяне ничѣмъ такъ не скудны, какъ деньгами, и для платежа подушныхъ денегъ многіе принуждены хлѣбъ продавать за половину цѣны, а наипаче въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ оный лучше родится, того ради положить тотъ подушной окладъ платить деньгами половину или двѣ трети, а другую половину или одну треть, какъ по имѣвшемъ разсужденіи вышеупомянутой коммиссіи заблагоразсудится, платить провіантомъ и фуражемъ въ определенные магазейны, или стоящимъ полкамъ на квартирахъ давать порціоны и раціоны въ натурѣ, какъ въ поданныхъ мнѣніяхъ написано. Сіе учинить, по разсужденію провинціи, и по хлѣбному уроду и по способности къ магазейнамъ, и чтобъ то учинено было къ пользѣ крестьянской.

8.

Умноженіе правителей и канцелярій во всемъ государствѣ не токмо служитъ къ великому отягощенію стата, но и къ великой тягости народной. Выше сего, при артикулѣ о подушныхъ деньгахъ, уже показано, какія почитай несносныя тягости и разореніе происходитъ бѣдному крестьянству отъ разныхъ командировъ, и мочно всякому легко разсудить, какая народу отъ того тягость происходитъ, что вмѣсто того, что прежде сего къ одному управителю адресоваться имѣли во всѣхъ дѣлахъ, а нынѣ къ десяти и можетъ быть больше. Всѣ тѣ разные управители имѣютъ свои особливыя канцеляріи, и канцелярскихъ служителей и особливой свой судъ; и каждый по своимъ дѣламъ бѣдный народъ волочитъ; и всѣ тѣ управители, такъ и ихъ канцелярія и канцелярскіе служители жить и пропитанія своего хотятъ, умалчивая о другихъ непорядкахъ, которые отъ безсовѣстныхъ людей, къ вящщей народной тягости, ежедневно происходятъ, или и происходить будутъ. И для того немедленно разсмотрѣть въ сенатѣ штатъ и учредить на лучшемъ основаніи...

12.

И понеже ревизіи не меньше какъ и экономія, а у насъ она только именемъ, а въ самомъ дѣлѣ счету никогда не бывало, и отъ того происходитъ, что и по сіе время нѣтъ совершеннаго извѣстія о приходѣ и о расходѣ, и объ остаткахъ, того ради учредить ревизіонъ-коллегію на такомъ надежномъ основаніи, чтобъ счеты годовые весьма порядочно слѣдовали, и оная бы коллегія обо всемъ состояніи ея дѣлъ помѣсячно въ верховный тайный совѣтъ репортовала и накрѣпко того смотрѣла, что не превосходитъ-ли государственный расходъ приходу. Такожде, чтобъ

дача жалованья какъ воинскимъ, такъ и прочимъ чинамъ, и во всѣхъ мѣстахъ исправно по указамъ и регламентамъ вѣчнодостойной памяти государя императора происходила, а не такъ, какъ мы увѣдомились, что нѣкоторые полки или баталіоны на 723 и 724 годы жалованья не получали. И понеже не токмо что имѣемъ порядочные приходу и расходу счеты, но и вѣдомостей о приходѣ и о расходѣ государственномъ ни въ верховномъ тайномъ совѣтѣ, ни въ нашемъ кабинетѣ не имѣется, хотя отъ насъ въ сенатъ и указъ посланъ, по которому велѣно сдѣлать о приходѣ и о расходѣ табели, но и по тому ничего до сего времени не исполнено; и для того надлежитъ призвать сенаторей и спросить: для чего они по тому указу не сдѣлали? и о томъ доложить намъ.

И какъ для сихъ, такъ и прочихъ случающихся важныхъ дѣлъ призывать въ верховный тайный совѣтъ, по однова или по дважды въ недѣлѣ, для совѣту сенаторей, также изъ духовной, воинскихъ и штатскихъ коллегій президентовъ, вице-президентовъ и совѣтниковъ, смотря по случаю и по важности дѣла, что до того принадлежитъ.....

(Сб. Академіи Наукъ, т. IX, с. 85—98.)

132. Докладъ Н. Панина Екатеринѣ II-й.

(1762).

О времени Елизаветы.

Сей эпохъ [1]) заслуживаетъ особливое примѣчаніе. Въ немъ все было жертвовано настоящему времени, хотѣніямъ припадочныхъ людей и всякимъ постороннимъ малымъ приключеніямъ въ дѣлахъ. До того времени имѣли еще наши государи особливыя верховныя мѣста и хотя нѣкогда оныя мѣста какъ форму свою перемѣняли, такъ и выборы къ нимъ персонъ обращаемы были въ чины, въ знатное произвожденіе и отличность припадочнымъ людямъ, однако же со всѣмъ тѣмъ еще тамъ оставались способы и средства, которыми государи могли имѣть общее попеченіе о государственныхъ частяхъ, особливо о тѣхъ, кои по ихъ натурѣ требуютъ всегдашняго поправленія, частыхъ перемѣнъ и полезныхъ новостей, чего въ обыкновенныхъ трибуналахъ (ограниченныхъ не токмо въ дѣлѣ, но въ разсужденіяхъ изданными законами) и не подъ очами государевыми исполнить не возможно. Образъ восшествія на престолъ покойной императрицы требовалъ ея разумной политики, чтобъ хотя съ начала сообразоваться сколько возможно съ неоконченными уставами правленія великаго родителя ея; въ слѣдствіе чего тотчасъ былъ истребленъ учрежденной до того во всей государственной формѣ Кабинетъ, которой, особливо, наконецъ, когда Биронъ упалъ, принялъ было такую форму, которая могла произвесть государево общее обо всемъ попеченіе. Ея величество вспамятовала, что у ея отца государя былъ домовой кабинетъ, изъ котораго, кромѣ партикулярныхъ ордеровъ и писемъ, ничего не выходило; приказала и у себя такой же учредить. Тогдашніе случайные и припадочные люди воспользовались симъ домашнимъ мѣстомъ для своихъ прихотей и собственныхъ видовъ и поставили, средствомъ онаго, всегда злоключительной общему благу интервалъ между государя и правительства. Они, временщики и куртизаны, сдѣлали въ немъ, яко въ безгласномъ и никакого образа государственнаго не имѣющемъ мѣстѣ, гнѣздо всѣмъ своимъ прихотямъ, чѣмъ оно претворилось въ самой вредной источникъ, не токмо государству, но и самому государю...

Въ такомъ положеніи государство оставалось подлинно безъ общаго государскаго попеченія съ теченіемъ только обыкновенныхъ дѣлъ по однимъ указамъ всякаго сорта. Государь былъ отдаленъ отъ правительства. Прихотливые припадочные люди пользовались Кабинетомъ, развращали форму и порядокъ и хватали отъ всюду въ него дѣла на безконечную перѣшимость пристрастными изъ него указами и повелѣніями. Сего не довольно; они тутъ родили еще новое мѣсто страннѣе уже и перваго, и по дежурству отъ генералъ-адъютантства не военными командами распоряжали, но государственные распорядки дѣлали, и имъ правила въ наслѣдствѣ и въ дѣлѣ же партикулярныхъ людей безъ законовъ и причинъ мѣшалися, домы ихъ печатали, у одного отнимали, другому отдавали. Между тѣмъ большіе и случайные господа предѣловъ не имѣли своимъ стремленіямъ и дальнимъ видамъ. Государственныя дѣла безъ призрѣнія, все было смѣшано, всѣ наиважнѣйшія должности и службы претворены были въ ранги и въ награжденія любимцевъ и угодниковъ, вездѣ фаворъ и старшинство людей опредѣляло, не было выбору способности и достоинства. Каждой, по произволу и по кредиту дворскихъ интригъ, хваталъ и присвои-

---

[1]) Время Елизаветы.

валъ себѣ государственныя дѣла, какъ кто которыми думалъ удобнѣе своего завистника истребить или съ другимъ противъ третьяго соединиться. Есть-ли кромѣ самоизвольства оставалися еще какія статскія правила, то конечно, онѣ были тѣ, по которымъ внутреннее государства состояніе насильствовано и жертвовано для внѣшнихъ политическихъ дѣлъ, чѣмъ наконецъ (и едва не взаимными льсюрпризами зависти между собою) завелась война въ самое то время, когда дошло до высочайшей степени безстрашіе, лихоимство расхищеніе, роскошь, мотовство и распутство въ имѣніяхъ и сердцахъ...

Таково, всемилостивѣйшая государыня, истинное существо формы или лучше сказать ея недостатка, въ нашемъ правительствѣ, и такова вѣрная картина происшедшаго изъ того положенія царствованію въ бозѣ почивающей человѣколюбивой императрицы Елисаветы Петровны.

Одаренное знаніемъ остроуміе вашего императорскаго величества несумнѣнно проникаетъ въ томъ до существительной причины коварнаго ей отъ злонамѣренныхъ воображенія о самодержавствѣ: подъ видомъ ея собственной воли лишили ее власти исполнить по собственному желанію благое отечеству. Можетъ ли и партикулярный хозяинъ управить своимъ домомъ, когда онъ добрымъ раздѣленіемъ своего домоводства не уставитъ прежде порядокъ? И какъ искусный фабрикантъ учредитъ свою фабрику, есть ли мастеровъ не по званію, но по любви къ нимъ будетъ распоряжать по станамъ разныхъ работъ? Нашъ сапожный мастеръ не мѣшаетъ подмастерья съ работникомъ и нанимаетъ каждаго по своему званію. А мнѣ, напротивъ того, случилось слышать у престола государева отъ людей его окружающихъ пословицу льстивую за статское правило: была бы милость, всякаго на все станетъ...

Спасительно нашему претерпѣвшему Отечеству намѣреніе вашего императорскаго величества, чтобъ богомъ и народомъ врученное вамъ право самодержавства употребить съ полною властію, къ основанію и утвержденію формы и порядка въ правительствѣ, дабы ваше величество сами безпрестанно могли имъ дѣйствовать въ праведную и общую пользу о благосостояніи Имперіи вашей...

Осмѣлюсь себя ласкать, всемилостивѣйшая Государыня, что въ семъ проектѣ установляемое формою государственное верховное мѣсто лежисляціи или законоданія, изъ котораго, яко отъ единаго государя и изъ единаго мѣста, истекать будетъ собственное монаршое изволеніе все оживотворяющее, оградитъ самодержавную власть отъ скрытыхъ иногда похитителей оныя...

«Русскій Архивъ» 1871. № 9 с. 1413—1420.).

---

133. Собственноручная записка Екатерины II о первыхъ годахъ ея царствованія.

1769 года, сентября 20.

При вступленіи моемъ на престолъ, въ 1762 году, я нашла имперію въ слѣдующемъ состояніи:

Послѣ кончины покойной императрицы Елисаветы Петровны, война, которая началась въ 1756 году съ прусскимъ королемъ, въ которой изъ аукселярныхъ австрійскаго дома мы сдѣлались главною воюющею державою, кончена была по волѣ Петра III, несмотря ни на какія обязательства, такимъ миромъ, коимъ возвращена была Пруссія королю того имени, и, кромѣ мира, не видно, чтобъ Россіи выгода какая была пріобрѣтена въ семъ случаѣ. 28 числа 1762 года армія была еще за границею и не получила осьмой мѣсяцъ жалованья. На штатсъ-конторѣ было семнадцать милліоновъ долгу. Ни единый человѣкъ въ государствѣ не то, чтобъ зналъ, сколько казнѣ было дохода, ниже не вѣдалъ званій доходовъ разныхъ. Повсюду народъ приносилъ жалобу на лихоимство, взятки, притѣсненія и неправосудія разныхъ правительствъ, а наипаче приказныхъ служителей.

Всѣ вѣтви коммерціи почти отданы были частнымъ людямъ на откупъ. Флотъ былъ въ упущеніи, армія въ разстройкѣ, крѣпости развалівались. Въ Сенатѣ за излишество почитали государственныя дѣла слушать, ландкарту имѣвъ предъ собою на столѣ, и оттого сдѣлалось, что иногда сами не знали, о чемъ судятъ. Стыдно сказать, что и карты печатанныя не были въ сенатѣ, и что первую карту я, бывъ въ сенатѣ, послала купить въ Академіи. Тюрьмы были такъ наполнены колодниками, что хотя при смерти своей императрица Елисавета Петровна освободила до семнадцати тысячъ колодниковъ, однако при коронаціи моей 22 сентября 1762 года оныхъ еще до осми тысячъ было. Къ заводамъ приписныхъ крестьянъ я нашла сорокъ девять тысячъ въ явномъ ослушаніи и открытомъ бунтѣ противъ заводчиковъ и, слѣдовательно, власти той, которая ихъ приписала къ заво-

дамъ. Монастырскихъ крестьянъ и самыхъ помѣщичьихъ почиталось до полутораста тысячъ, кои отложились отъ послушанія и коихъ всѣхъ усмирить надлежало. Повѣренности же къ правительству никто не имѣлъ, но всякъ привыкъ былъ думать, что иное учрежденіе не могло выходить, какъ вредное общему благу. Жестокія пытки и наказанія за бездѣлицу, какъ за тяжкое преступленіе, ожесточили такъ умы, что многимъ казалось, что тотъ-то и самый порядокъ правосудія, а не иной какой.

Политическія же обстоятельства были таковы, что сверхъ сего еще мы ожидали пришествія татаръ на Украйну къ масляницѣ.

(Сб. Р. И. О. 10 с. 380—381).

---

134. О состояніи Имперіи при воцареніи Екатерины II.

(«Записка на Россійскомъ языкѣ».—II.)

Въ 1762 году при вступленіи моемъ на престолъ я нашла сухопутную армію въ Пруссіи за двѣ трети жалованіе не получившею.

Въ статсъ-конторѣ именные указы на выдачу семнадцати милліоновъ рублей не выполненными.

Монетный дворъ со времени царя Алексѣя Михайловича считалъ денегъ въ обращеніи сто милліоновъ, изъ которыхъ сорокъ почитали вышедшими изъ имперіи вонъ и натурою отправленными, понеже тогда вексельнаго оборота либо вовсе не знали, либо мало употребляли.

Почти всѣ отрасли торговли были отданы частнымъ людямъ въ монополіи.

Таможни всей имперіи сенатомъ даны были на откупъ за два милліона.

Шестьдесятъ милліоновъ рублей, кои остались въ имперіи, были двѣнадцати разныхъ вѣсовъ, серебренные отъ 82 пробы до 63, мѣдные отъ сорока рублей съ пуда до 32 рублей въ пудѣ.

Блаженной памяти государыня императрица Елисавета Петровна во время седьмилѣтной войны искала занять два милліона рублей въ Голландіи, но охотниковъ на тотъ заемъ не явилось, слѣдовательно, кредита или довѣрья къ Россіи не существовало.

Внутри имперіи заводскіе и монастырскіе крестьяне почти всѣ были въ явномъ непослушаніи властей, и къ нимъ начинали присоединяться мѣстами и помѣщичьи.

Правительствующій Сенатъ тогда составлялъ одинъ департаментъ. Сей слушалъ апелляціонныя дѣла не экстрактами, но самое дѣло со всѣми обстоятельствами, и дѣло о выгонѣ города Масальска занимало при вступленіи моемъ на престолъ первыя шесть недѣль чтеніемъ засѣданія сената.

Сенатъ хотя посылалъ указы и повелѣнія въ губерніи, но тамо такъ худо исполняли указы Сената, что въ пословицу почти вошло говорить: «ждутъ третьяго указа», понеже по первому и по второму не исполняли...

Каждая губернія была раздѣлена на провинціи, а къ каждой провинціи были приписаны окружные города, въ коихъ находились воеводы и воеводскія канцеляріи. Оные не получали жалованья, и дозволено имъ было кормиться съ дѣлъ, хотя взятки строго запрещены были.

Сенатъ хотя опредѣлялъ воеводъ, но число городовъ въ Имперіи не зналъ. Когда я требовала реестра городамъ, то признались въ невѣдѣніи оныхъ: также карту всей Имперіи сенатъ отъ основанія своего не имѣлъ. Я, бывъ въ сенатѣ, послала пять рублевъ въ Академію Наукъ отъ сената чрезъ рѣку, и купили Кирилловскаго печатнаго атласа, котораго въ тотъ же часъ подарила правительствующему сенату.

Въ первые три года царствованія моего, усматривая изъ прошеній, мнѣ подаваемыхъ, изъ сенатскихъ и разныхъ коллегій дѣлъ, изъ сенатскихъ разсужденій и прочихъ многихъ людей разговоровъ не единообразныя ни объ единой вещи, установленныя правила, законы же по временамъ сдѣланные, соотвѣтствующіе сему умовъ расположенію, многимъ казались законами противорѣчащими; и требовали и желали, дабы законодательство было приведено въ лучшій порядокъ. Изъ сего у себя на умѣ я вывела заключеніе, что образъ мыслей вообще да и самой гражданской законъ не можетъ получить поправленія инако, какъ установленіемъ полезныхъ для всѣхъ въ имперіи живущихъ и для всѣхъ вещей вообще правилъ, мною писанныхъ и утвержденныхъ. И для того я начала читать, и потомъ писать Наказъ Коммисіи Уложенія. И читала я и писала два года, не говоря ни слова полтора года, послѣдуя единственно уму и сердцу своему, съ ревностнѣйшимъ желаніемъ пользы, чести и щастія (и съ желаніемъ) довести имперію до вышней степени благополучія всякаго рода, людей и вещей, вообще всѣхъ и каждаго особенно. Предуспѣвъ, по мнѣнію моему, въ сей работѣ довольно, я начала казать по частямъ, всякому по его вкусу, статіи, мною заготовленныя, людямъ разнымъ, и между прочимъ князю Орлову и графу Никитѣ Панину. Сей послѣдной мнѣ сказалъ: «Это аксіомы, способныя разрушить стѣны».

Князь Орловъ цѣны не ставилъ моей работѣ и требовалъ часто тому или другому показать, но я болѣе листа одного или другого не показывала вдругъ. Наконецъ, заготовя манифестъ о созывѣ депутатовъ со всей имперіи, дабы лучше спознать каждой округи состояніе, съѣхались оные къ Москвѣ въ 1767 г., гдѣ, бывъ въ Коломенскомъ дворцѣ, назначила я разныхъ персонъ, вельми разно мыслящихъ, дабы выслушать заготовленной Наказъ Комиссіи Уложенія. Тутъ при каждой статьѣ родились пренія. Я дала имъ волю чернить и вымарать все, что хотѣли. Они болѣе половины того, что написано мною было, помарали, и остался Наказъ Уложенія, яко напечатанъ. И я запретила на онаго иначе взирать, какъ единственно онъ есть: то есть правила, на которыхъ основать можно мнѣніе, не яко законъ, но мнѣніе основать на ономъ дозволено.

Комиссія Уложенія, бывъ въ собраніи, подала мнѣ свѣтъ и свѣдѣнія о всей имперіи, съ кѣмъ дѣло имѣемъ и о комъ пещися должно. Она всѣ части законы собрала и по матеріямъ разобрала, и болѣе того бы здѣлала, ежели бы Турецкая война не началась. Тогда распущены были депутаты, и военные поѣхали въ армію.

Наказъ Комиссіи Уложенія ввелъ единство въ правила и въ разсужденія не въ примѣръ болѣе прежняго, и стали многіе о цвѣтахъ судить по цвѣтамъ, а не яко слѣпые о цвѣтахъ. По крайней мѣрѣ стали знать волю законодавца и по оной поступать.

(Записки Екатерины II, с. 337—545.)

---

135. Инструкція, данная Коммиссіи о церковныхъ имѣніяхъ.

1762 г. Ноября 29.

Возвращая отнятыя въ прошломъ правленіи недвижимыя имѣнія духовному чину къ управленію по прежнему нашимъ манифестомъ, отъ 14 Августа въ народъ публикованнымъ, тѣмъ же указомъ дали мы знать, что и объявленныя въ немъ учрежденія къ полученію доходовъ церковныхъ постановляются только на время, доколѣ къ лучшему успѣху новое и полезнѣйшее о семъ узаконимъ опредѣленіе...

Почему и долженствуемъ перво всего распорядить доброе употребленіе недвижимыхъ имѣній, церкви божіей принадлежащихъ. Имѣніе церковное, духовными управляемое, есть и благолѣпію церковному украшеніе и санъ духовный благопристойно питающее, а при томъ оно удовлетворяетъ и тѣмъ богоусерднымъ подателямъ, которые церкви божіи награждали столь щедрыми подаяніями, когда получаемые изъ онаго доходы, по намѣренію ихъ, въ прославленіи имени божія добрымъ управленіемъ, а вящше того богоугоднымъ употребленіемъ издерживается, то есть на благолѣпіе храмовъ, на умѣренное и беззазорное властямъ духовнымъ содержаніе, на насажденіе и произращеніе плодовъ духовныхъ полезными въ епархіяхъ училищами, и на пропитанія отъ избытка бѣднымъ, увѣчливымъ и пропитанія лишившимся, святѣйшій синодъ, пастырскую власть на себѣ носящій, вѣдаетъ и то, сколь великій соблазнъ въ законѣ, а паче въ нашемъ православіюмъ, когда имущество церковное расточается иногда на временныя житейскія попеченія, а вѣчныя и богоугодныя дѣла остаются въ забвеніи или и вовсе въ уничтоженіи...—

А яко ничего лучшаго уже опредѣлять намъ невозможно, и желать только надобно, чтобъ сіе въ духовномъ регламентѣ узаконеніе всѣмъ освященнымъ соборомъ и синглитомъ подписанное и собственною его величества рукою конфирмованное, дѣломъ самимъ отправлялося, то мы сердцемъ и духомъ наклоняяся въ пользѣ нашего народа и къ исполненію дѣлъ благочестивыхъ, желаемъ усердно, чтобъ все оное подаяніе боголюбивыхъ обращено было на дѣло божіе, по предписаннымъ въ томъ духовномъ регламентѣ правиламъ, и по состоявшимся въ дополненіе тому указамъ сего великаго монарха. Сіе учредиться инако не можетъ, какъ добрымъ перво всего разсмотрѣніемъ волостей, деревень и земель церковныхъ по ихъ положенію, угодьямъ, добротѣ земель и числу душъ, а потомъ (примѣняяся лучшему хозяйству свѣтскихъ помѣщиковъ), положеніемъ годовыхъ доходовъ опредѣленныхъ и съ тѣмъ каждой епархіи, монастырю и собору постановленіемъ извѣстнаго штата. Чего ради мы чрезъ сіе учреждаемъ особливую на то коммиссію...

И учредивши такимъ образомъ мѣсто, повелѣваемъ, съ нашею высочайшею къ оному довѣренностію исполнить слѣдующее.

1. Прежде всего собрать всѣ описи, а гдѣ нѣтъ достовѣрныхъ, приказать вновь сочинить всѣмъ синодальнымъ, архіерейскимъ, монастырскимъ и прочимъ церковнымъ селамъ, деревнямъ, землямъ и угодьямъ, полагая число душъ такое, какое по домашней ревизіи найтиться можетъ, и таковыя взять за основаніе къ расположенію работъ и окладовъ крестьянскихъ...

4. По совершеніи сего распредѣлить подобно каждую волость и деревню, смотря по

ея состоянію, по числу душъ, по положенію рѣкъ и другихъ способностей, на земледѣліе или на оброкъ; ежели которые крестьяне оставлены будутъ на пашнѣ, таковымъ раздавать излишнія земли, а иногда отдавать и всѣ тѣ, которыя на помѣщиковъ работались, а за то по пропорціи положить оброки такіе, которые обыкновенно налагаются у добрыхъ тѣхъ же уѣздовъ помѣщиковъ свѣтскихъ...

5. Опредѣливши доходы денежные и хлѣбные по всякой епархіи, монастырѣ и во всѣхъ другихъ духовныхъ мѣстахъ, сочинить надобно штаты каждой епархіи, то есть архіерейскому дому, монастырю и собору, смотря по достоинствамъ сановъ ихъ и по достатку имѣній, предостерегая, какъ возможно, чтобъ благопристойное, но беззазорное и несоблазненное содержаніе дому архіерейскому, архимандричьяго и соборнаго священства было, и такое опредѣленіе постановить на деньгахъ и на припасахъ, изъ деревень присылаемыхъ, которые штаты сочинивъ, подать къ нашей конфирмаціи.

11. До сего мы объявили нашего высочайшаго намѣренія двѣ части, которыя мы желаемъ опредѣлить на доходы церковные, то есть въ содержаніе домовъ архіерейскихъ и прочихъ духовныхъ, и учрежденіе училищъ для наученія священства, въ которомъ мы желаемъ имѣть благоправныхъ проповѣдниковъ для просвѣщенія нашего народа. Теперь еще намъ на сердцѣ лежитъ не меньше дѣло богоугодное, то есть призрѣніе старымъ, раненымъ, увѣчливымъ и пропитанія не имущимъ людямъ, которые, послуживъ своему отечеству, злощастію, наконецъ, подвержены бываютъ, таковые называются инвалиды, которыхъ неотмѣнно долгъ нашъ велитъ пропитать до конца жизни ихъ въ покоѣ и молитвѣ къ богу...

12. Для таковыхъ сборовъ церковныхъ и расходовъ, необходимо кажется установить надобно Главную Духовную Экономическую Коллегію подъ дирекціею двухъ или трехъ знатныхъ людей...

(П. С. З. т. XVI, № 11716 с. 117 — 124.)

---

136. Манифестъ 26 Февраля 1764 года.

(О секуляризаціи.)

Объявляемъ всенародно. Прадѣдъ нашъ, блаженныя и вѣчнодостойныя памяти, государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, въ 1649 году, учреждая правосудіе въ подданномъ своемъ народѣ, усмотрѣлъ количество имѣній духовныхъ не по намѣренію подателей употребляемое, помышлять началъ о распоряженіи оныхъ и обращеніи на дѣйствительныя дѣла церкви христовой; но преемникъ его, нашъ вселюбезнѣйшій дѣдъ императоръ Петръ Великій съ первыхъ лѣтъ своего царствованія, то самое дѣломъ произвелъ. Сей высокихъ дарованій государь въ 1701 году генваря 31 дня обращать началъ указомъ своимъ всѣ имѣнія недвижимыя духовныя на истинную пользу душеспасительную, для которой благочестивые податели награждали церковь божію въ имперіи нашей. Онъ повелѣлъ графу Мусину-Пушкину взять оныя подъ свое вѣденіе, и распорядить на благолѣпіе церковное и на достодолжное и безобидное содержаніе олтарю служащимъ, а остатки посвятить опредѣлилъ на учрежденіе училищъ духовныхъ, на пропитаніе отечеству послужившимъ и оставшимся въ старости, ранахъ и болѣзняхъ, бѣднымъ и неимущимъ...

Таковое было дѣйствіе и стараніе о распоряженіи на дѣла богоугодныя имѣній духовныхъ, отъ времени государя императора Петра Великаго чрезъ 63 года, въ бозѣ почивающихъ бывшихъ до насъ монарховъ; но для чего оное конца своего не достигло, о томъ мы не изслѣдываемъ, а осталося намъ, какъ видимъ, судьбами божіими, принявъ скипетръ въ имперіи нашей, перво всего утвердить въ народѣ тѣ дѣла спасительныя церкви нашей православной, о которыхъ столь много прежде было помышляемо...

Да не возмнитъ же кто, яко бы желаніе наше было достояніе благочестивыхъ подателей церквамъ единожды посвященное обратить на какое-либо употребленіе свѣту и его суетѣ служащее! Но кто можетъ столь неразуменъ и дерзновененъ предъ богомъ явиться, чтобъ благолѣпіе церковное, поученіе народа, нищимъ призрѣніе, въ старости, ранахъ и болѣзняхъ послужившимъ за вѣру и отечество содержаніе, не принимать за тѣ добродѣтели, къ которымъ насъ прямая вѣра Христова поучаетъ? И не мы ли, самодержавную власть отъ бога пріявши надъ многими народами, паче всѣхъ земныхъ о томъ помышлять должны? Сіи и прочія къ тому служащія размышленія, вѣрою и закономъ, а къ кому и собственною нашею любовію къ исполненію должности нашей въ сердцѣ нашемъ внесаемыя, побудили насъ даръ божій по завѣту его обратить на сіи богоугодныя дѣла, и составляющее немалую часть доходовъ государственныхъ, а нѣкоторыми властями безпорядочно иногда управляемое, привести въ такой порядокъ, о которомъ прадки

наши чрезъ 60 лѣтъ и больше трудилися, но не окончали...

...Достигли мы совершить слѣдующее: 1. Понеже въ Камеръ-Коллежской вѣдомости, по послѣдней ревизіи оказалось всѣхъ архіерейскихъ, монастырскихъ и церковныхъ крестьянъ 910.866 душъ, и управленіе столь великаго числа деревень духовными, часто перемѣняющимися властями, происходило тѣмъ самымъ домамъ архіерейскимъ и монастырямъ тягостное, а временемъ, или за расхищеніемъ служками или и за незнаніемъ прямаго хозяйства деревенскаго, безпорядочное и самимъ крестьянамъ разорительное; сверхъ же того многія епархіи, монастыри, соборы и бѣлое священство такъ были неуравнены, что одни передъ другими весьма малые доходы, а другіе и никакихъ не имѣли: то мы, учредя Коллегію Экономіи, повелѣваемъ отъ сего времени приписать ей всѣ оныя вотчины, со всѣми казенными въ нихъ наличностьми, подъ свое вѣдѣніе и управленіе. А яко Коммиссія за сходственное и удобное крестьянамъ безъ отягощенія ихъ нашла и о томъ намъ свое мнѣніе представила, чтобъ на каждую душу вмѣсто всѣхъ архіерейскихъ и монастырскихъ, пашенныхъ и сѣнокосныхъ работъ, и всякаго рода хлѣбныхъ и другихъ окладовъ, положить оброку денежнаго по полтора рубли съ души: то мы оное Коммисское представленіе утвердя, повелѣли по тому окладу и начать собирать съ сего 1764 года генваря съ 1 числа; а вмѣсто того, 2) Всѣ архіерейскіе домы, и мужескіе, и дѣвичьи монастыри, имѣвшіе за собою до сего времени вотчины, раздѣлили на три класса, на которые такъ какъ и на вотчинные и ружные соборы и церкви сдѣлали особенные штаты и въ нихъ именно означили, сколько домовъ архіерейскихъ и мужескихъ и дѣвичьихъ монастырей въ тѣхъ классахъ по древнимъ ихъ степенямъ быть; сколько соборовъ и церквей ружныхъ, и что по тѣмъ штатамъ изъ Коллегіи Экономіи въ каждой изъ нихъ, вмѣсто денежной суммы, отпускать всякой годъ должно...

...7. За таковыми знатными расходами, единственно къ славѣ имени божія служащими, оставалось намъ самое важное устроить, о чемъ предки наши, въ бозѣ почивающіе монархи, столь долговременно паче всего трудилися, а именно, дабы часть доходовъ опредѣлить отъ тѣхъ имѣній, которыми боголюбивые податели церкви божія наградили, больнымъ, престарѣлымъ, дряхлымъ, и за вѣру и любовь по ревности къ отечеству, тяжкой военной морской и сухопутной службѣ раны понесшимъ. Сами пастыри духовные въ церквѣ поучаютъ, сколь великая есть жертва богу, разумѣвать на нища и убога и вѣдать скорбь ихъ и болѣзни, а паче отъ службы безъ пропитанія изнемогшихъ и оставшихся, и коликаго вѣчнаго воздаянія отъ бога, каждый христіанинъ надѣется за призрѣніе таковыхъ должень. Кольми паче мы принявши отъ небесныя силы бремя правительства всѣхъ нашихъ народовъ, къ устроенію такихъ дѣлъ одолжаемся, и не церковь ли сама, питая нищихъ и болящихъ, сей даръ въ снѣдь имъ принести отъ избытковъ своихъ долженствуетъ? Для того мы знатную годовую сумму отъ той же Коллегіи Экономіи опредѣлили на пенсіи вѣрно и долговременно служившимъ и безъ пропитанія оставшимся офицерамъ, на инвалидовъ, на госпитали, богадѣльни и на многія по смерть временныя дачи, такожде вдовамъ и сиротамъ, и всего болѣе 250.000 рублей въ годъ къ тому назначили, такъ какъ то особливо въ росписаніяхъ находится, нами конфирмованныхъ...

(Полное Собраніе Законовъ. Томъ XVI, № 12060 с. 549—553.)

---

137. Доношеніе Арсенія Мацѣевича Синоду.

Изъ полученныхъ мною, при указѣ ея императорскаго величества изъ святѣйшаго синода, присланныхъ къ моему смиренію для достодолжнаго вѣдома и надлежащаго исполненія печатныхъ инструкцієвъ и приложенныхъ при нихъ формъ, каковымъ образомъ отправленнымъ изъ коммиссіи оберъ-офицерамъ домамъ архіерейскимъ и монастырямъ повелѣнныя описи сочинять, опредѣлено,— усмотрѣлъ я между прочаго въ тѣхъ формахъ, что тѣмъ офицерамъ обще съ монастырскими настоятелями надлежитъ въ монастыряхъ и пустыняхъ описывать церкви святыя, и сколько въ нихъ престоловъ, а въ другомъ указѣ, полученномъ мною жъ изъ св. правительствующаго синода, между прочимъ написано въ третьемъ пунктѣ: понеже-де къ сочиненію всѣмъ монастырямъ штатовъ потребно коммиссіи знать о имѣющихся въ означенныхъ монастыряхъ, ризницахъ и церковной утвари, дабы, по усмотрѣніи въ томъ каковаго гдѣ недостатка, надлежащее къ снабдѣнію распоряженіе учинить было можно. Того ради означеннымъ же оберъ-офицерамъ со всѣхъ вышеозначенныхъ монастырей за руками настоятельскими означеннымъ ризничнымъ вещамъ и прочей церковной утвари

описей, гдѣ же таковыхъ описей нѣтъ, или и есть, да съ наличностью оныхъ вещей въ чемъ несходны, то оныя описи самимъ настоятелемъ, при тѣхъ же оберъ-офицерахъ описать.

И такъ, по сему слѣдуетъ непремѣнно показаннымъ офицерамъ въ алтарь входить и иногда священныхъ сосудовъ касаться, чего намъ законъ православный издревле, выключивши царскихъ персонъ, правилами и узаконеніями церковными запрещаетъ.

Надѣяться же, что и нынѣ благополучно царствующая благочестивѣйшая императрица наша, государыня всемилостивѣйшая, не оставитъ церкви [1]), ежели ея величеству обстоятельно о церкви божіей и о нынѣшнемъ ея озлобленіи изволите ваше святѣйшество предложить, а наипаче, что еще церковь и отъ прешедшаго недавно бывшаго [2]) удара и разоренія не отдохнула и въ чувство не пришла и ниже мало исправилась, а тутъ опять на нее навѣты и нападенія и таковыи подлоги, дабы ей современемъ въ конецъ истребиться: понеже теперь, напримѣръ, когда пашлются по силѣ инструкціи, офицеры, то какъ въ прошломъ году, безъ яроваго хлѣба и съ малымъ числомъ сѣна осталися, такъ и теперь будемъ съ тѣмъ же, или противу того. съ превосходствомъ оставаться, офицеры бо присланные будутъ немалые вкладчики, аще по силѣ, аще въ противность инструкціи поступая. Крестьяне же, совершенно еще въ послушаніе монастырямъ и архіереямъ не пришедшіи, отъ оныхъ офицеровъ, по силѣ инструкціи, вопросы, по мужичьему своему уму, въ разсужденіе взявши, къ хлѣбной никакой другой работѣ будутъ огурны и непослушны; впредь же, ежели паче чаянія утвердится оброкъ на крестьянъ, чтобы имъ ничего не работать, но деньги давать, то они хотя и примутъ изначала сіе за благо, потому что придутъ имъ не токмо поля, но и лѣса и луга въ руки ихъ, однако послѣ, опустошивши лѣса, не будутъ въ состояніи и не похотятъ, хотя душу изъ нихъ возьми, оброковъ платить: и такъ, домы архіерейскіе и монастыри не токмо безъ дровъ. но и безъ хлѣба, и безъ денегъ, и безъ водовоза, послѣдняго работника, останутся...—

Что же касается до нуждъ церковныхъ. напримѣръ, до починки домовъ и монастырей и храмовъ божіихъ, такожъ и нуждамъ священнослуженія и жертвы безкровныя, о томъ нечего и воспоминать: не съ чего бо будетъ, хотя бы и самому архіерею и по одному на крилосѣ пѣвчему содержать, а о ризницѣ и о благолѣпіяхъ и о утваряхъ, церкви и служенію нужныхъ, нечего и говорить, и тако за малое время можетъ благочестіе все у насъ перевестися и слѣда ему не остаться, развѣ только въ памяти многимъ будетъ и въ сожалѣніи, яко въ толь древнемъ и благочестивомъ государствѣ, на весь свѣтъ славномъ и знатномъ, вдругъ не отъ татаръ, и ниже отъ иностранныхъ непріятелей, но отъ своихъ домашнихъ. благочестивыми и сынами церкви нарицающихся, церковь и благочестіе истребилося...

Чего не дажди богъ намъ видѣть и дождаться, предосторожность же надлежитъ имѣть и бога молить, въ которыхъ молитвахъ и я послѣднѣйшій одолжаяся, навсегда пребываю.

Святѣйшаго правительствующаго синода послушникъ смиренный Арсеній, митрополитъ ростовскій и ярославскій. Своеручно.

Марта 15-го дня 1763 года.

(«Русская Старина», 1876 г., т. XV, с. 742 — 745.)

---

138. Манифестъ о дарованіи вольности и свободы всему Россійскому Дворянству.

1762 г., Февраля 18.)

Безсмертныя славы, премудрый монархъ, любезный государь дѣдъ нашъ, Петръ Великій, и императоръ всероссійскій, какую тягость и великіе труды принужденъ былъ снесть единственно для благополучія и пользы отечества своего, возводя Россію къ совершенному познанію, какъ военныхъ, гражданскихъ, такъ и политическихъ дѣлъ, — тому не только вся Европа, но и большая часть свѣта неложный свидѣтель.

Но какъ къ возстановленію сего нужно было, въ наипервыхъ, яко главный въ государствѣ членъ, благородное дворянство пріучить и показать, сколь есть велики преимущества просвѣщенныхъ державъ въ благоденствіи рода человѣческаго противъ безчисленныхъ народовъ, погруженныхъ въ глубинѣ невѣжества: — то по сему въ тогдашнее еще время самая крайность настояла россійскому дворянству, оказывая отличныя свои къ нимъ знаки милости, повелѣть вступать въ военныя и гражданскія службы, и сверхъ того обучать благородное юношество, не только разнымъ свобод-

---

[1]) Как и имп. Елизавета Петровна.

[2]) При Петрѣ III.

нымъ наукамъ, но и многимъ полезнымъ художествамъ, посылая оныхъ въ европейскія государства, и для того же самаго учреждая и внутрь Россіи разныя училища, дабы съ наивящшею поспѣшностью достигнуть желаемаго плода.

Правда, что таковыя учрежденія, хотя въ началѣ частію казались тягостными и несносными для дворянства, лишаться покоя, отлучаться домовъ, продолжать противъ воли своей самимъ военную и другія службы, и дѣтей своихъ въ оныя записывать, отъ которой нѣкоторые укрывались, подвергая себя за то не только штрафамъ, но и лишались имѣній своихъ, какъ нерадивые о своемъ и потомковъ своихъ добрѣ.

Упомянутому-жъ установленію, хотя оное въ началѣ нѣсколько и съ принужденіемъ сопряжено было, но весьма полезное, послѣдовали всѣ со времени Петра Великаго владѣющіе россійскимъ престоломъ, а особливо любезная наша тетка, блаженной памяти государыня императрица Елисавета Петровна, подражая дѣламъ государя родителя своего, знаніе политическихъ дѣлъ и разныя науки распространила и умножила подъ своимъ покровительствомъ въ россійской державѣ; но что-жъ изъ всего того произошло, мы съ удовольствіемъ нашимъ видимъ, и всякъ истинный сынъ отечества своего признать долженъ, что последовали отъ того неисчетныя пользы, истреблена грубость въ нерадивыхъ о пользѣ общей, перемѣнилось невѣжество въ здравый разсудокъ, полезное знаніе и прилежность къ службѣ умножило въ военномъ дѣлѣ искусныхъ и храбрыхъ генераловъ, въ гражданскихъ и политическихъ дѣлахъ поставило свѣдущихъ и годныхъ людей к дѣлу, однимъ словомъ заключить, благородныя мысли вкоренило въ сердцахъ всѣхъ истинныхъ Россіи патріотовъ, безпредѣльную къ намъ вѣрность и любовь, великое усердіе и отмѣнную къ службѣ нашей ревность, а потому и не находимъ мы той необходимости, въ принужденіи къ службѣ, какая до сего времени потребна была.

И такъ мы, въ разсужденіи упомянутыхъ обстоятельствъ, по данной намъ отъ всевышняго власти, изъ высочайшей нашей императорской милости, отнынѣ впредь на вѣчныя времена и въ потомственные роды жалуемъ всему россійскому благородному дворянству вольность и свободу, кои могутъ службу продолжать, какъ въ нашей имперіи, такъ и въ прочихъ европейскихъ союзныхъ намъ державахъ, на основаніи слѣдующаго узаконенія:

1) Всѣ находящіеся въ разныхъ нашихъ службахъ дворяне могутъ оную продолжать, сколь долго пожелаютъ, и ихъ состояніе имъ дозволитъ, однакожъ военные ни во время кампаніи, ниже предъ началіемъ оной за три мѣсяца о увольненіи изъ службы, или абшида просить да не дерзаютъ, но по окончаніи, какъ внутрь, такъ и внѣ государства...

4) Кто-жъ, будучи уволенъ изъ нашей службы, пожелаетъ отъѣхать въ другія европейскія государства, такимъ давать нашей Иностранной Коллегіи надлежащіе паспорты безпрепятственно съ таковымъ обязательствомъ, что куда нужда востребуетъ, то бъ находящіеся дворяне внѣ государства нашего явились въ своемъ отечествѣ, когда только о томъ учинено будетъ надлежащее обнародованіе, то всякой въ такомъ случаѣ повиненъ со всевозможною скоростію волю нашу исполнить, подъ штрафомъ секвестра его имѣнія...

9) Но какъ мы сіе наше всемилостивѣйшее учрежденіе всему благородному дворянству, на вѣчныя времена фундаментальнымъ и непремѣннымъ правиломъ узаконяемъ; то въ заключеніе сего мы, нашимъ императорскимъ словомъ наиторжественнѣйшимъ образомъ утверждаемъ, на всегда сіе свято и ненарушимо содержать въ постановленной силѣ и преимуществахъ, и ниже послѣдующіе по насъ законные наши наслѣдники въ отмѣну сего въ чемъ-либо поступить могутъ, ибо сохраненіе сего нашего узаконенія будетъ имъ непоколебимымъ утвержденіемъ самодержавнаго всероссійскаго престола; напротиву жъ того мы надѣемся, что все благородное россійское дворянство, чувствуя толикія наши къ нимъ и потомкамъ ихъ щедроты, по своей къ намъ всеподданнѣйшей вѣрности и усердію побуждены будутъ не удаляться, ниже укрываться отъ службы, но съ ревностію и желаніемъ въ оную вступать, и честнымъ и незазорнымъ образомъ оную по крайней возможности продолжать, не меньше и дѣтей своихъ съ прилежностію и раченіемъ обучать благопристойнымъ наукамъ, ибо всѣ тѣ, кои никакой и нигдѣ службы не имѣли, но только, какъ сами въ лѣности и праздности все время препровождать будутъ, такъ и дѣтей своихъ въ пользу отечества своего ни въ какія полезныя науки не употребятъ, тѣхъ мы, яко суще нерадивыхъ о добрѣ общемъ, презирать и уничтожать, всѣмъ нашимъ вѣрноподданнымъ и истиннымъ сынамъ отечества повелѣваемъ, и ниже къ двору нашему

пріѣздъ, или въ публичныхъ собраніяхъ и торжествахъ термины будутъ.

(П. С. З. т. XV № 11444, с. 912—915.)

---

139. Учрежденія о губерніяхъ.

(1775 г.)

Изъ предисловія.

...Сіе наше постановленіе, какъ всякъ усмотрѣть можетъ, судебныя мѣста отдѣляетъ отъ губернскихъ правленій, предписываетъ каждому мѣсту должности и правила, доставляетъ онымъ возможность исполнять предписанное, не токмо порядкомъ своимъ соотвѣтствуютъ нынѣшнему внутреннему состоянію нашей имперіи, но еще наивящше противу прежняго надежно утверждаетъ общую тишину и безопасность, снабдѣвая разными выгодами частное и личное состояніе и пребываніе въ нѣдрахъ государства живущихъ разнаго рода и поколѣнія людей; и слѣдственно существомъ своимъ производитъ новый опытъ къ удостовѣренію нашихъ вѣрнолюбезныхъ подданныхъ, сколь наполнены мы человѣколюбивымъ призрѣніемъ къ народу, и горячимъ попеченіемъ о общемъ благѣ и добромъ устройствѣ...

ГЛАВА I.

Примѣрный штатъ губерніи.

§ 1. Какое число душъ въ губерніи примѣрно полагается.

Дабы губернія, или намѣстничество, порядочно могла быть управляема, полагается въ оной отъ трехъ до четырехъ сотъ тысячъ душъ.

§ 17. Примѣрное число душъ въ уѣздѣ.

Въ уѣздѣ, или округѣ считается отъ двадцати до тритцати тысячъ душъ.

ГЛАВА III.

Порядокъ опредѣленія въ должности.

§ 59. Государевъ намѣстникъ, или генералъ губернаторъ, правитель, или губернаторъ, поручикъ правителя, или вицъ губернаторъ опредѣляются отъ Имп. Величества.

§ 60. Председатели палатъ, председатели верьхняго земскаго суда, Сенат, избирая достойныхъ людей на каждое порожнее мѣсто по два, вносетъ о томъ докладъ къ Имп. Величеству, и ожидаетъ назначенія.

§ 61. Въ намѣстническое правленіе и въ палаты совѣтники и ассесоры опредѣляются Сенатомъ.

§ 65. Верьхняго земскаго суда десять засѣдателей и двое дворянскіе засѣдатели совѣстного суда выбираются дворянствомъ тѣхъ уѣздовъ, кои составляютъ подсудное вѣдомство того верьхняго земскаго суда, чрезъ всякіе три года и представляются отъ онаго правителю, или губернатору, когда генералъ губернатора на мѣстѣ нѣтъ, и буде за ними нѣтъ явнаго порока, то государевъ намѣстникъ, или въ небытность его правитель намѣстничества подтверждаетъ дворянской выборъ.

§ 66. Уѣздный или окружной судья и земской исправникъ, или капитанъ выбираются дворянствомъ чрезъ всякіе три года, и представляются отъ онаго правителю, и буде за ними нѣтъ явнаго порока, то губернаторъ подтверждаетъ дворянской выборъ. Въ тѣхъ же уѣздахъ, гдѣ дворянскихъ имѣній нѣтъ, или мало, то земской исправникъ опредѣляется намѣстническимъ правленіемъ изъ чиновныхъ людей по представленію 3 достойныхъ людей отъ верьхней расправы.

§ 67. Засѣдатели уѣзднаго суда и дворянскіе засѣдатели нижняго земскаго суда выбираются дворянствомъ чрезъ три года и представляются правителю, и буде за ними нѣтъ явнаго порока, то губернаторъ подтверждаетъ дворянской выборъ.

§ 71. Городничей опредѣляется Сенатомъ по представленію намѣстническаго правленія.

§ 75. Верьхней расправы засѣдатели, да восемь засѣдателей нижней расправы, изъ коихъ двое отсылаются для засѣданія въ нижнемъ земскомъ судѣ, да двое въ совѣстномъ судѣ по дѣламъ до ихъ селеній касающимся, выбираются тѣми селеніями, кои составляютъ подсудное вѣдомство той верьхней расправы, и не запрещается имъ избрать и изъ дворянъ, или ученыхъ людей, или изъ чиновныхъ людей, или изъ разночинцовъ, или поселянъ безпорочныхъ людей, чрезъ всякіе три года, и представляются правителю, и буде за ними нѣтъ явнаго порока, то губернаторъ дозволяетъ имъ засѣданіе.

Примѣчаніе: (Послѣ § 80.) Выборъ по балламъ производится на основаніи депутатскаго выбора 1766 года 14 Декабря. [Какъ въ Комиссію 1767 г.]

ГЛАВА IV.

О должности государева намѣстника.

§ 81. Должность государева намѣстника, или генералъ губернатора есть слѣдующая: строгое и точное взысканіе чинить со всѣхъ ему подчиненныхъ мѣстъ и людей о исполненіи законовъ и опредѣленнаго ихъ званія

и должностей; но безъ суда да не накажетъ никого; преступниковъ законовъ и должностей да отошлетъ куда по узаконеніямъ слѣдуетъ для суда, ибо

§ 82. Государевъ намѣстникъ не есть судья, но оберегатель законовъ и проч.: -

Государевъ намѣстникъ не есть судья, но оберегатель имп. величества изданнаго узаконенія, ходатай за пользу общую и государеву, заступникъ утѣсненныхъ и побудитель безгласныхъ дѣлъ. Словомъ сказать, носяй имя государева намѣстника, долженъ есть показать въ поступкахъ своихъ доброхотство, любовь и соболѣзнованіе къ народу.

ГЛАВА XIV.

О должности верьхняго земскаго суда.

§ 173. Какія дѣла принадлежатъ до Верьхняго Земскаго Суда.

Въ Верьхній Земскій Судъ вносятся по апелляціи на уѣздные суды, дворянскія опеки и нижніе земскіе суды всѣ дѣла, жалобы и тяжбы дворянскія и на дворянина какъ гражданскія, такъ и уголовныя дѣла касающіяся до вотчинъ, привилегіи, завѣщанія, до наслѣдства въ имѣніи и до права наслѣдованія, спорныя о владѣніи, тяжкія до безчестія и до права стряпчихъ касающіяся, такожъ и всѣ дѣла разночинцевъ тѣхъ, кои по правамъ апелляціи на уѣздные и нижніе земскіе суды непосредственно до верьхняго земскаго суда принадлежатъ.

ГЛАВА XXIII.

О судѣ, называемомъ нижняя расправа, и его должности.

§ 335. Учреждается Нижняя Расправа.

Въ тѣхъ городахъ и округахъ, гдѣ жительство имѣютъ однодворцы, или всякихъ прежнихъ службъ служилые люди, или черносошные, или государственные крестьяне, или государевы крестьяне приписные къ какимъ ни есть мѣстамъ, или заводамъ; то для таковыхъ, какъ въ 75 статьѣ написано, дозволяется въ губерніи учредить по усмотрѣнію генер. губернатора, смотря на пользу и нужды, и сообразуясь съ обширностію намѣстничества и обстоятельствами разнообразныхъ уѣздовъ, у 10 до 30 тысячъ душъ по одному суду подъ названіемъ: Нижняя Расправа, ямщики же, экономическіе и дворцовые крестьяне и прочіе временно въ коронномъ управленіи состоящіе, вѣдомы да будутъ судомъ и расправою на такомъ же основаніи въ Нижней Расправѣ.

§ 336. О засѣдающихъ въ Нижней Расправѣ.

Въ Нижней Расправѣ засѣдаетъ расправный судья и весемь засѣдателей, изъ коихъ двое отсылаются для засѣданія въ нижнемъ земскомъ судѣ и двое для засѣданія въ совѣстномъ судѣ по дѣламъ до ихъ селеній касающимся, опредѣляются же они чрезъ три года, какъ о томъ предписано въ статьѣ 75.

ГЛАВА XXV.

О приказѣ общественнаго призрѣнія и его должности.

§ 378. Въ каждой губерніи учреждается по одному приказу подъ названіемъ: Приказъ общественнаго призрѣнія.

§ 379. О присутствующихъ.

Въ Приказѣ общественнаго призрѣнія предсѣдаетъ губернаторъ самъ, и засѣдаютъ два засѣдателя Верьхняго земскаго суда, два засѣдателя губернскаго Магистрата, да два засѣдателя Верьхней расправы (гдѣ есть, гдѣ же которыхъ нѣтъ, то само собою разумѣется, что въ засѣданіи не будутъ) и дозволяется Приказу общественнаго призрѣнія, буде случится надобность для свѣденія подробнаго, или мѣстнаго призвать для засѣданія въ Приказъ общественнаго призрѣнія уѣзднаго котораго дворянскаго предводителя, или городскаго главу для общаго уваженія дѣлъ.

§ 380. Что есть дѣло Приказа общественнаго призрѣнія.

Приказу общественнаго призрѣнія поручается попеченіе и надзираніе о установленіи и прочномъ основаніи 1. народныхъ школъ, 2. установленіе и надзираніе сиротскихъ домовъ для призрѣнія и воспитанія сиротъ мужескаго и женскаго пола, оставшихся послѣ родителей безъ пропитанія, 3. установленіе и надзираніе гошпиталей, или больницъ для излѣченія больныхъ, 4. установленіе и надзираніе богадѣленъ для мужескаго и женскаго пола убогихъ, увѣчныхъ и престарѣлыхъ, кои пропитанія не имѣютъ, 5. установленіе и надзираніе особаго дома для неизлѣчимыхъ больныхъ, кои пропитанія не имѣютъ, 6. установленіе и надзираніе дома для съ ума сшедшихъ, 7. установленіе и надзираніе работныхъ домовъ для обоего пола, 8. установленіе и надзираніе смирительныхъ домовъ для обоего же пола людей.

§ 381. Какія установленія не подчинены Приказу общественнаго призрѣнія.

Изъ попеченія и надзиранія Приказа общественнаго призрѣнія изключаются тѣ училища, или установленія, кои особыми привилегіями, или жалованными грамотами снаб-

дьны, или особымъ правленіямъ духовнымъ или свѣтскимъ поручены повелѣніемъ имп. величества.

§ 384. О народныхъ школахъ.

Въ разсужденіи народныхъ школъ, приказъ общественнаго призрѣнія долгъ имѣетъ стараться, чтобъ оныя были установлены во 1. по всѣмъ городамъ, а потомъ въ тѣхъ многолюдныхъ селеніяхъ, кои подсудны верьхней расправѣ, для всѣхъ тѣхъ, кои добровольно пожелаютъ обучаться въ оныхъ (въ чемъ однакоже не чинить ни кому принужденія, но отдать на волю родителей отдавать дѣтей въ школу, или оставлять ихъ дома). 2. чтобъ неимущіе могли учиться безъ платежа, а имущіе за умѣренную плату, 3. ученіе въ народныхъ школахъ имѣетъ на перьвый случай состоять въ наученіи юношества грамотѣ, рисовать, писать, ариѳметикѣ, дѣтей же греко-россійскаго исповѣданія учить катихизису для познанія основаній православной вѣры, толкованію десяти заповѣдей божіихъ, для вкорененія нравоученія всеобщаго. 4. во всякой школѣ надлежитъ имѣть смотрѣніе, дабы горницы были чисты и всякій день выметены, и воздухъ въ нихъ перемѣнялся открытіемъ оконъ лѣтомъ во весь день, а зимою всякій день на короткое время, дабы дѣти отъ духоты въ горницахъ не претерпѣли въ здоровьѣ своемъ поврежденія, 5. ученіе производиться имѣетъ всякій день, выключая воскресные и табельные дни, но не болѣе двухъ часовъ сряду по утру, да двухъ часовъ сряду послѣ обѣда для однихъ дѣтей одной наукѣ, по середамъ же и по субботамъ послѣ обѣда дается отдохновеніе, 6. учителямъ запрещается наказывать дѣтей тѣлеснымъ наказаніемъ, 7. приказъ общественнаго призрѣнія имѣетъ прилежное попеченіе, чтобъ учители и школы все опредѣленное получали по всюду, исправно, не радивыхъ же и не исправныхъ учителей, по разсмотрѣнію жалобъ, смѣняетъ и опредѣляетъ на мѣсто ихъ радѣтельныхъ и исправныхъ...

(Учрежденіе о губерніяхъ Екатерины II, с. 1—159.)

140. Жалованная грамота дворянству.

(1785 г.)

...Съ новыми выгодами и приращеніемъ нашей Имперіи, когда пользуемся всякою внутреннею и внѣшнею повсюду тишиною, мы подвигъ свой вящше устремляемъ къ непрерывному упражненію доставить нашимъ вѣрноподданнымъ во всѣхъ нужныхъ частяхъ внутренняго государственнаго управленія твердыя и прочныя постановленія, ко умноженію благополучія и порядка на будущія времена; и для того, вопервыхъ достойно находимъ, простерши наше попеченіе къ нашему вѣрнолюбезному подданному россійскому дворянству, имѣя въ памяти вышесказанныя его заслуги, ревность, усердіе и непоколебимую вѣрность самодержцамъ всероссійскимъ, намъ самимъ и престолу нашему оказанныя въ наисмутнѣйшія времена, какъ въ войнѣ, такъ и посреди мира. А подражая примѣрамъ правосудія, милосердія и милости въ бозѣ почивающихъ, россійскій престолъ украсившихъ и прославившихъ предковъ нашихъ, и движимыя будучи собственною нашею матернею любовію и отличною признательностію къ россійскому дворянству, по благоразсужденію и изволенію нашему императорскому, повелѣваемъ, объявляемъ, постановляемъ и утверждаемъ в память родовъ, для пользы россійскаго дворянства, службы нашей и Имперіи, слѣдующія статьи на вѣчныя времена и непоколебимо.

1. Дворянское названіе есть слѣдствіе, истекающее отъ качества и добродѣтели начальствующихъ въ древности мужей, отличившихъ себя заслугами, чѣмъ, обращая самую службу въ достоинство, пріобрѣли потомству своему нарицаніе благородное.

2. Не токмо Имперіи и престолу полезно, но и справедливо есть, чтобъ благороднаго дворянства почтительное состояніе сохранялось и утверждалось непоколебимо и ненарушимо: и для того изстари нынѣ да и пребудетъ на вѣки благородное дворянское достоинство неотъемлемо, наслѣдственно и потомственно тѣмъ честнымъ родамъ, кои онымъ пользуются, и слѣдственно.

3. Дворянинъ сообщаетъ дворянское достоинство женѣ своей.

4. Дворянинъ сообщаетъ дѣтямъ своимъ благородное дворянское достоинство наслѣдственно.

5. Да не лишится дворянинъ или дворянка дворянскаго достоинства, буде сами себя не лишили онаго преступленіемъ, основаніямъ дворянскаго достоинства противнымъ.

6. Преступленія, основанія дворянскаго достоинства разрушающія и противныя, суть слѣдующія: 1) нарушеніе клятвы, 2) измѣна, 3) разбой, 4) воровство всякаго рода, 5) лживые поступки, 6) преступленія, за кои по законамъ слѣдовать имѣетъ лишеніе чести и тѣлесное наказаніе, 7) буде доказано будетъ, что другихъ уговаривалъ или научалъ подобныя преступленія учинить.

7. Но понеже дворянское достоинство не отъемлется, окромѣ преступленія; бракъ же есть честенъ и закономъ божіимъ установленъ: и для того благородная дворянка, вышедши замужъ за недворянина, да не лишится своего состоянія, но мужу и дѣтямъ не сообщаетъ она дворянства.

8. Безъ суда да не лишится благородный дворянскаго достоинства.

9. Безъ суда да не лишится благородный чести.

10. Безъ суда да не лишится благородный жизни.

11. Безъ суда да не лишится благородный имѣнія.

12. Да не судится благородный, окромѣ себѣ равными.

13. Дѣло благороднаго, впадшаго въ уголовное преступленіе и по законамъ достойнаго лишенія дворянскаго достоинства, или чести, или жизни, да не вершится безъ внесенія въ Сенатъ и конфирмаціи императорскаго величества.

14. Всякаго рода преступленія (благороднаго), коимъ 10 лѣтъ прошло, и чрезъ таковое долгое время они не сдѣлались гласны, и по онымъ производства не было: всѣ таковыя дѣла повелѣваемъ отнынѣ предать, если гдѣ объ нихъ взыскатели, истцы или доносители явятся, вѣчному забвенію.

15. Тѣлесное наказаніе да не коснется до благороднаго.

16. Съ дворянами, служащими въ нижнихъ чинахъ нашихъ войскъ, поступать во всѣхъ штрафахъ такъ, какъ по нашимъ военнымъ правиламъ поступается съ оберъ-офицерскими чинами.

17. Подтверждаемъ на вѣчныя времена въ потомственные роды россійскому благородному дворянству вольность и свободу.

18. Подтверждаемъ благороднымъ, находящимся въ службѣ, дозволеніе службу продолжать и отъ службы просить увольненія по сдѣланнымъ на то правиламъ.

19. Подтверждаемъ благороднымъ дозволеніе вступить въ службы прочихъ европейскихъ намъ союзныхъ державъ и выѣзжать въ чужіе края.

20. Но какъ благородное дворянское названіе и достоинство изстари, нынѣ да впредь пріобрѣтается службою и трудами, Имперіи и престолу полезными, и существенное состояніе россійскаго дворянства зависимо есть отъ безопасности отечества и престола: и для того во всякое таковое россійскому самодержавію нужное время, когда служба дворянства общему добру нужна и надобна, тогда всякой благородной дворянинъ обязанъ, по первому позыву отъ самодержавной власти, не щадить ни труда, ни самаго живота для службы государственной.

21. Благородный имѣетъ право по прозванiи своемъ писаться какъ помѣщикомъ его помѣстій, такъ и вотчинникомъ родовыхъ наслѣдственныхъ и жалованныхъ его вотчинъ.

22. Благородному свободная власть и воля оставляется, бывъ первымъ пріобрѣтателемъ какого имѣнія, благопріобрѣтенное имъ имѣніе дарить, или завѣщать, или въ приданое, или на прожитокъ отдать, или передать, или продать, кому заблагоразсудитъ. Наслѣдственнымъ же имѣніемъ да не распоряжаетъ инако, какъ законами предписано.

23. Благороднаго наслѣдственное имѣніе, въ случаѣ осужденія и по важнѣйшему преступленію, да отдается законному его наслѣднику, или наслѣдникамъ...

26. Благороднымъ подтверждается право покупать деревни.

27. Благороднымъ подтверждается право оптомъ продавать, что у нихъ въ деревняхъ родится, или рукодѣліемъ производится.

28. Благороднымъ дозволяется имѣть фабрики и заводы по деревнямъ.

29. Благороднымъ дозволяется въ вотчинахъ ихъ заводить мѣстечки, и въ нихъ торги и ярмарки, согласно съ государственными узаконеніями, съ вѣдома генералъ-губернаторовъ и губернскихъ правленій, и съ наблюденіемъ, чтобы сроки ярмарокъ въ мѣстечкахъ ихъ соображены были съ сроками въ другихъ окрестныхъ мѣстахъ.

30. Благороднымъ подтверждается право имѣть, или строить, или покупать домы въ городахъ, и въ оныхъ имѣть рукодѣліе.

31. Буде кто благородный желаетъ пользоваться городовымъ правомъ, да повинуется оному.

32. Благороднымъ дозволяется оптомъ продавать, или изъ указныхъ гаваней за моря отпускать товаръ, какой у кого родится, или на основаніи законовъ выдѣланъ будетъ; ибо имъ не запрещается имѣть, или заводить фабрики, рукодѣлія и всякіе заводы.

33. Подтверждается благороднымъ право собственности, дарованное милостивымъ указомъ отъ 28 іюня 1782 года, не только на поверхности земли каждому изъ нихъ принадлежащей, но и въ нѣдрахъ той земли и въ водахъ, ему принадлежащихъ, на всѣ сокровенные минералы и произрастенія, и на всѣ изъ того дѣлаемые металлы, въ полной силѣ и разумѣ, какъ въ томъ указѣ изъяснено.

34. Подтверждается благороднымъ право собственности въ лѣсахъ, растущихъ въ ихъ дачахъ, и свободнаго ихъ употребленія въ

полной силѣ и разумѣ, какъ въ милостивомъ указѣ 22 сентября 1782 года изображено.

35. По деревнямъ помѣщичій домъ имѣетъ быть свободенъ отъ постоя.

36. Благородный самъ лично изъемлется отъ личныхъ податей.

37. Нашимъ вѣрноподданнымъ дворянамъ жалуемъ дозволеніе собираться въ той губерніи, гдѣ жительство имѣютъ, и составлять дворянское общество въ каждомъ намѣстничествѣ, и пользоваться нижеписанными правами, выгодами, отличностями и преимуществами.

38. Дворянство собрается въ губерніи по позыву и дозволенію генералъ-губернатора или губернатора, какъ для ввѣренныхъ дворянству выборовъ, такъ и для выслушиванія предложеній генералъ-губернатора или губернатора, всякіе три года въ зимнее время.

39. Собранію дворянства въ намѣстничествѣ дозволяется избрать губернскаго предводителя дворянства той губерніи, и для того собранію дворянства всякіе три года представить изъ уѣздныхъ дворянскихъ предводителей двухъ государеву намѣстнику или правителю, и котораго изъ сихъ генералъ-губернаторъ или губернаторъ назначитъ, тому и быть губернскимъ предводителемъ дворянства той губерніи.

40. По силѣ 64 и 211 статей Учрежденій, уѣздный предводитель дворянства выбирается дворянствомъ того уѣзда чрезъ всякіе три года по балламъ.

41. По силѣ 65 статьи Учрежденій, Верьхняго Земскаго Суда десять засѣдателей и двое засѣдателей Совѣстнаго Суда выбираются дворянствомъ тѣхъ уѣздовъ, кои составляютъ подсудное вѣдомство того Верьхняго Земскаго Суда, чрезъ всякіе три года, и представляются отъ онаго правителю или губернатору, когда генералъ-губернатора на мѣстѣ нѣтъ; и буде нѣтъ за ними явнаго порока, то государевъ намѣстникъ, или въ небытность его правитель намѣстничества, подтверждаетъ дворянскій выборъ.

42. Десять засѣдателей (Верьхняго Земскаго Суда и засѣдателей Совѣстнаго Суда, Уѣзднаго Суда и Нижняго Земскаго Суда) выбираются чрезъ всякіе три года дворянствомъ тѣхъ уѣздовъ, кои составляютъ подсудное вѣдомство того Верьхняго Земскаго Суда, изъ дворянъ на мѣстѣ живущихъ, или изъ тѣхъ, кои въ дворянскомъ спискѣ той губерніи написаны суть, но неотлучны по службѣ и должностямъ бываютъ.

43. По силѣ 66 статьи Учрежденій, уѣздный или окружной судья и земскій исправникъ или капитанъ выбираются дворянствомъ чрезъ всякіе три года и представляются отъ онаго правителю, и буде за нимъ нѣтъ явнаго порока, то губернаторъ подтверждаетъ дворянскій выборъ.

44. По силѣ 67 статьи Учрежденій, засѣдатели Уѣзднаго Суда и дворянскіе засѣдатели Нижняго Земскаго Суда выбираются дворянствомъ чрезъ три года и представляются правителю; и буде за ними нѣтъ явнаго порока, то губернаторъ подтверждаетъ дворянскій выборъ.

47. Собранію дворянства дозволяется представить генералъ-губернатору или губернатору о своихъ общественныхъ нуждахъ и пользахъ.

48. Подтверждается собранію дворянства дозволеніе дѣлать представленія и жалобы чрезъ депутатовъ ихъ, какъ Сенату, такъ и императорскому величеству на основаніи узаконеній.

49. Собранію дворянства запрещается дѣлать предложенія, противныя законамъ, или требованія въ нарушеніе узаконеній, подъ опасеніемъ за первый случай (то-есть за положенія, противныя законамъ) наложенія и взысканія съ собранія пени 200 рублей; а за второй случай (то-есть за требованія въ нарушеніе узаконеній) уничтоженія недѣльныхъ требованій, что поручается бдѣнію и иску губернскихъ стряпчихъ, по силѣ втораго предмета должности ихъ.

62. Собранію дворянства запрещается избирать для тѣхъ должностей, кои по силѣ Учрежденій выборовъ наполняются, дворянина, котораго доходъ съ деревень ниже 100 рублей составляетъ и который моложе 25 лѣтъ.

63. Въ собраніи дворянства дворянинъ, который самъ не владѣетъ деревнею и моложе 25 лѣтъ, присутствовать можетъ, но голоса не имѣетъ.

64. Въ собраніи дворянства быть можетъ дворянинъ, который вовсе не служилъ или, бывъ въ службѣ, до оберъ-офицерскаго чина не дошелъ (хотя бы оберъ-офицерскій чинъ ему при отставкѣ и былъ данъ); но съ заслуженными сидѣть не долженъ, ни голоса въ собраніи дворянства имѣть не можетъ, ни выбранъ быть способенъ для тѣхъ должностей, кои наполняются выборомъ собранія дворянства...

(«Русскій Архивъ» 1885 г., с. 158—163.)

---

141. Городовое положеніе.

(1785 г.)

О городскихъ обывателяхъ.

29. Городовымъ обывателямъ каждаго города жалуется дозволеніе собираться въ томъ

городѣ, и составить общество градское, и пользоватися нижеписанными правами и выгодами.

33. Засѣдатели въ суды выбираются мѣщанствомъ изъ мѣщанъ на мѣстѣ живущихъ, или изъ тѣхъ, кои въ городовой обывательской книгѣ того города написаны суть, но неотлучны по торгу и промыслу бываютъ.

36. Обществу градскому дозволяется представить губернатору о своихъ общественныхъ нуждахъ и пользахъ.

О гильдіяхъ.

О первой гильдіи.

102. Въ первую гильдію вписать всякаго пола и лѣтъ, кто объявитъ капиталъ выше десяти тысячъ рублей и до пятидесяти тысячъ рублей.

103. Въ первой гильдіи кто объявитъ болѣе капиталъ, тому дается мѣсто предъ тѣмъ, кто менѣе объявилъ капиталъ.

104. Первой гильдіи не токмо дозволяется, но и поощряется производить всякіе внутри и внѣ Имперіи торги, товары выписывать и отпускать за море, оные продавать, вымѣнивать и покупать оптомъ или подробно на основаніи законовъ.

105. Первой гильдіи не запрещается имѣть или заводить фабрики, заводы и морскія всякія суда.

106. Первой гильдіи дозволяется ѣздить по городу въ каретѣ парою.

107. Первая гильдія освобождается отъ тѣлеснаго наказанія.

О второй гильдіи.

108. Во вторую гильдію вписать всякаго пола и лѣтъ, кто объявитъ капиталъ выше пяти тысячъ рублей и до десяти тысячъ рублей.

109. Во второй гильдіи кто объявитъ болѣе капиталъ, тому дается мѣсто предъ тѣмъ, кто менѣе объявилъ капитала.

110. Второй гильдіи не токмо дозволяется, но и поощряется производить всякіе внутри Имперіи торги, и товары возить водою и сухимъ путемъ по городамъ и ярманкамъ, и по онымъ продавать, вымѣнивать и покупать потребное для ихъ торгу оптомъ или подробно на основаніи законовъ.

111. Второй гильдіи не запрещается имѣть или заводить фабрики, заводы и рѣчныя всякія суда.

112. Второй гильдіи дозволяется ѣздить по городу въ коляскѣ парою.

113. Вторая гильдія освобождается отъ тѣлеснаго наказанія.

О третьей гильдіи.

114. Въ третью гильдію вписать всякаго пола и лѣтъ, кто объявитъ капиталъ выше тысячи рублей и до пяти тысячъ рублей.

115. Въ третей гильдіи, кто объявитъ болѣе капиталъ, тому дается мѣсто предъ тѣмъ, кто менѣе объявилъ капитала.

116. Третей гильдіи не токмо дозволяется, но и поощряется производить мелочный торгъ по городу и по уѣзду, продавать мелочный товаръ въ городѣ и въ округѣ, и тотъ мелочный товаръ возить водою и сухимъ путемъ по селамъ, селеніямъ, и сельскимъ торжкамъ, и на оныхъ торжкахъ продавать, вымѣнивать и покупать потребное для мелочнаго торгу оптомъ или подробно въ городѣ или округѣ.

117. Третей гильдіи не запрещается имѣть станы, производить рукодѣлія и имѣть и содержать малыя рѣчныя суда.

118. Третей гильдіи дозволяется имѣть трактиры, герберги, торговыя бани и постоялые дворы для проѣзжихъ и прохожихъ людей.

119. Третей гильдіи запрещается по городу ѣздить въ каретѣ и впрягать зимою и лѣтомъ болѣе одной лошади.

О городской общей Думѣ и о городской шестигласной Думѣ.

156. Городовымъ обывателямъ дозволяется составить общую городскую Думу.

157. Городскую общую Думу составляютъ городской глава и гласные отъ настоящихъ городовыхъ обывателей, отъ гильдій, отъ цѣховъ, отъ иногородныхъ и иностранныхъ гостей, отъ имянитыхъ гражданъ и отъ посадскихъ. Каждое изъ сихъ раздѣленій имѣетъ одинъ голосъ въ обществѣ градскомъ.

158. Чтобъ составить голосъ настоящихъ городовыхъ обывателей, собираются всякіе три года въ каждой части города настоящіе городовые обыватели и выбираютъ по балламъ одного гласнаго. Каждый гласный настоящихъ городовыхъ обывателей явиться долженъ у городскаго Главы.

164. Общая городская Дума избираетъ шестигласную городскую Думу изъ своихъ гласныхъ.

165. Шестигласная городская Дума составляется изъ голоса настоящихъ городовыхъ обывателей, изъ голоса гильдейскихъ, изъ голоса цѣховыхъ, изъ голоса иногородныхъ и иностранныхъ гостей, изъ голоса имянитыхъ граж-

данъ, и изъ голоса посадскихъ, въ председательствѣ городскаго Главы; въ случаѣ же убыли во время срока общая городская Дума наполняетъ мѣсто изъ того же голоса.

166. Въ городской Думѣ сидитъ городской Глава на стулѣ по срединѣ; противъ городскаго Главы сидятъ на лавкѣ на право голосъ цѣховыхъ, на лѣво голосъ посадскихъ; возлѣ городскаго Главы въ правомъ заворотѣ на лавкѣ голосъ настоящихъ городовыхъ обывателей, и голосъ иногородныхъ и иностранныхъ гостей; возлѣ городскаго Главы въ лѣвомъ заворотѣ на лавкѣ же голосъ имянитыхъ гражданъ и голосъ гильдейской.

167. Городской Думѣ предлежатъ попеченія: 1) доставить жителямъ города нужное пособіе къ ихъ прокормленію, или содержанію. 2) Сохранять городъ отъ ссоръ и тяжебъ съ окрестными городами, или селеніями. 3) Сохранять между жителями города миръ, тишину и доброе согласіе. 4) Возбранять все, что доброму порядку и благочинію противно, оставляя однакожъ относящееся къ части полицейской исполнять мѣстамъ и людямъ для того установленнымъ. 5) Посредствомъ наблюденія доброй вѣры, и всякими позволенными способами поощрять привозъ въ городъ и продажу всего, что ко благу и выгодамъ жителей служить можетъ. 6) Наблюдать за прочностію публичныхъ городскихъ зданій, стараться о построеніи всего потребнаго, о заведеніи площадей для стеченія народа по торгу, пристаней, анбаровъ, магазейновъ и тому подобнаго, что можетъ быть для города потребно, выгодно и полезно. 7) Стараться о приращеніи городскихъ доходовъ на пользу города и для распространенія заведеній по Приказу общественнаго призрѣнія. 8) Разрѣшать сомнѣнія и недоумѣнія по ремесламъ и гильдіямъ въ силу сделанныхъ о томъ положеній.

172. Общая городская Дума, бывъ составлена изъ людей, занятыхъ торгами, промыслами и ремеслами, обязана собираться по однажды всякой срокъ засѣданія, или же когда нужда и польза городская потребуетъ и въ другое время.

173. Для всегдашняго отправленія дѣлъ, выше въ статьѣ 167-й изъясненныхъ, полагается, какъ выше сказано, городская шестигласная Дума.

174. Городская шестигласная Дума собирается всякую недѣлю однажды, развѣ когда нужда или польза городская востребуетъ и кромѣ того.

(Город. Полож. 1785 г.)

142. Россія при Екатеринѣ II.

(по Г. Винскому).

Губернская реформа.

Россія, послѣ Петра I-го, мало имѣвшая участія въ дѣлахъ Европы, въ царствованіе Екатерины II приняла на политическомъ театрѣ дѣйствительную ролю. Она показала себя во уважительной осанкѣ: дружескія же Англіи и Пруссіи расположенія обнадежили ее первую выступь. Внутреннее ея состояніе, хотя необработанное, было неповреждено и довольно мочно. Изобиліе и дешевизна первыхъ потребностей жизни содѣлывали народъ здоровымъ, веселымъ и на все годнымъ. Торговля, хотя въ рукахъ иностранцевъ, приносила, по причинѣ великаго плодородія земли, важные прибытки. Словомъ, мы столько были внутренно благополучны, что для Семилѣтней оконченной со славою войны не болѣе 30 коп. прибавлено подушныхъ; что цѣны, во все продолженіе войны, ни одною копѣйкою ни на какія вещи не возвысились; что курсъ нашъ держался всегда около 30 штиверовъ; и наконецъ, что деньги, золотыя, серебряныя, мѣдныя и ассигнаціи, ходили для всѣхъ въ своей истинной цѣнѣ.

Екатерина разстроеніемъ Польши, побѣдами надъ турками и отторженіемъ отъ нихъ Крыма, сыграла и первое дѣйствіе своея политическія драмы, довольно удачно вздумала народъ свой занять, ослѣпить и Европѣ бросить нѣсколько въ глаза пыли блистательными торжествами и премудрыми, новыми, ежели не законами, то учрежденіями. Для сихъ важныхъ дѣлъ назначена была древняя столица и цѣлый 1775 годъ.

Мелодрама открылась нарядиѣйшимъ императрицы въѣздомъ въ Москву, предшествуемой и сопутствуемой блистательнымъ дворомъ, видными полками тѣлохранителей и безчисленнымъ народомъ. Торжественныя врата, взгроможденные, на скорую руку, хотя изъ дубковъ и рогожъ, но раскрашенныя, раззолоченныя и въ приличныхъ мѣстахъ убранныя соотвѣтственными предмету картинами, восхищали всѣхъ до безумія; къ чему присоединяя военную музыку, колокольный звонъ и пушечную пальбу, каждый можетъ себѣ вообразить, что сіе очаровательное явленіе, не взирая на лютую зиму, было бозподобно.

Въ мартѣ мѣсяцѣ государыня, при торжественномъ засѣданіи въ Сенатѣ, пожаловала народу 47-мь милостей. Сіи милости, для овѣковѣченья ихъ внесенныя въ государственную хронологію, тогда же, по сужденію нѣко-

торыхъ крутыхъ головъ, не стоили ни одной дѣльной. Затѣмъ, скоро появилось новое учрежденіе, или совершенное преобразованіе правительственной махины. Все переновлено, даже до именованій: губерніи названы намѣстничествами, губернаторы правителями, воеводы городничими и пр. и пр.

Судебныя мѣста умножены, съ умноженіемъ въ нихъ чиновниковъ, такъ что иная губернія, управляемая прежде 50-ю чиновниками, раздѣлившись по сему учрежденію на четыре намѣстничества, въ каждомъ имѣла до 80 судей. Умноженіе судейскихъ мѣстъ, конечно, открыло многимъ бѣднымъ семействамъ средства къ существованію, ибо жалованіе по тогдашнему времени назначено было довольно достаточное; но грубый хлѣбопашецъ скоро почувствовалъ отъ сея перемѣны невыгоду: поелику, вмѣсто трехъ барановъ въ годъ, должны возить ихъ до 15-ти въ городъ.

Учрежденіе совѣстнаго суда, съ важнымъ преимуществомъ рѣшать дѣла безъ переносу, въ рѣшеніяхъ придерживаться болѣе совѣсти, нежели закона, дѣла по суевѣрію или изувѣрству, дѣла слабоумныхъ и малолѣтнихъ, которыя составляли важнѣйшую его обязанность, заставило во всей Европѣ пропѣть и вострубить Екатеринину мудрость. Славный тогда Мерсье сгоряча написалъ: «Заря благоденствія рода человѣческаго занялась на сѣверѣ. Владыки вселенныя, законодатели народовъ! Спѣшите къ полуночной Семирамидѣ и, преклонивъ колѣна, поучайтесь: она первая учредила судъ совѣсти!». Но мы, россіяне, для которыхъ собственно великая законодательница изобрѣла сіи спасительные суды, мы скоро на свой счетъ узнали, что они были одна кукольная игра. Какихъ дарованій, знаній не долженствовалъ имѣть совѣстный судья по однимъ дѣламъ колдовства, которое въ невѣжествующей черни сколько многочисленно, столько по нелѣпостямъ и сумасбродствамъ разновидно! Бывали примѣры, что, по слѣдствіямъ земскихъ судовъ, цѣлыя селенія обнаруживались преступными въ колдовствѣ; одни, какъ колдуны, другіе — заколдованные, утверждающіе сіе своими собственными признаніями. Какое искусство, какая сила рѣчи потребны судьѣ, дабы образумить сихъ несчастныхъ и истребить въ нихъ вредныя нелѣпости, ставшіе имъ какъ бы врожденными! Касательно разбирательства тяжебныхъ дѣлъ, сіи одни, конечно, могли бы существенную доставлять обидимому пользу, ежели бы учрежденіе точнѣе уполномочивало сей судъ въ производствѣ дѣла. Когда одинъ изъ тяжущихся, и несомнительно справедливѣйшій, желалъ предать разбирательству совѣстнаго суда свое дѣло, тогда другой, и непремѣнно виновный, отъ онаго отказывался; и суду не только не дано силы его принудить къ явкѣ, но ниже права его позвать или записать и сдѣлать гласнымъ его злонамѣренное сопротивленіе.

Такъ, желаніе благонамѣренныхъ быть судиму по совѣсти уничтожалося, и ябедники безбоязненно продолжали угнетать безпомощныхъ. Можно утвердительно сказать, что, во все время существованія сихъ судовъ, едва ли десять дѣлъ произведено въ оныхъ надлежащимъ образомъ. Я, четыре года живши въ домѣ совѣстнаго уфимскаго судьи, видѣлъ, какъ его Алешка, бутузъ, гонялъ со двора несчастныхъ чувашъ и мордвовъ, притекавшихъ къ совѣстному правосудію; какъ судія самъ хвасталъ, что въ двѣнадцать лѣтъ его судейства и двѣнадцати дѣлъ не поступило въ судъ. По навѣдываніямъ въ другихъ губерніяхъ совершалось то же.

Привилегіи дворянству и городамъ.

Важнѣйшимъ и точно полезнымъ пожалованіемъ можно бы почесть права и преимущества, дворянству и городамъ данныя, ежели бы умѣли читать и понимать. Въ другомъ европейскомъ народѣ подобныя узаконенія произвели бы неминуемо во всемъ полезныя перемѣны, но Екатерина знала основательно своихъ россіянъ и твердо была увѣрена, что они не только не воспользуются даруемою свободою устраивать свое счастье, но не поймутъ ни содержанія, ни силы ея благоволенія, и что она, не отваживая ни малѣйше симъ смѣлымъ поступкомъ своего самодержавія, броситъ пыль въ глаза Европы и обморочитъ потомство. Сіе все въ точности воспослѣдовало: во всѣхъ собраніяхъ дворянства, кромѣ нелѣпостей, споровъ о пустякахъ и ссоръ, никогда ни одно дѣльное дѣло не было предлагаемо. Люди благонамѣренные, съ знаніями и душами, или правительствомъ подъ различными видами устраняемы, или, ежели случались во оныхъ, были заглушаемы кликами черни. Такъ, скажу смѣло, и всякъ благомыслящій меня одобритъ, что у насъ людей со свѣдѣніями весьма немного тогда было, потому, что одни лучшіе и достаточнѣйшіе домы чрезъ воспитаніе доставали знанія, что изъ сихъ домовъ наполнялися дворъ, гвардія и важнѣйшія мѣста въ столицахъ, и что въ губерніяхъ таковыхъ особъ было весьма мало: жившее же въ деревняхъ дворянство, по грубости своей и бѣдности, рѣдко даже бы-

бывшее въ своихъ уѣздныхъ городахъ, съ нуждою наученное читать и писать, не справедливо ли я называлъ чернью? И сія-то благородная чернь, будучи самая людная, составляла дворянскія собранія...

(Вписк͡ій. Мое время, стр. 40—41.)

143. Открытіе Тульскаго намѣстничества.

(1777 г.)

(По Болотову.)

Настоящее дѣло, и такъ называемое открытіе намѣстничества, началось въ исходѣ декабря и тѣмъ, что все дворянство въ назначенный день собралось въ соборную церковь, и по отслуженіи обѣдни и молебна, и по учиненіи общей присяги, всѣ отправились въ помянутую красную и для общаго засѣданія назначенную палату, куда и мы съ г. Кологривовымъ втѣснились и имѣли, какъ гости, наилучшую удобность видѣть всю торжественность сего перваго и никогда еще до того небывалаго всего тульскаго дворянства собранія и засѣданія. И подлинно, зрѣлище было сколько съ одной (стороны) пышное и великолѣпное, столько съ другой поразительное и пріятное. Собраніе было многочисленное; никогда еще Тула не видала въ стѣнахъ своихъ столь великаго множества и знатнаго, и средственнаго, и мелкаго дворянства.

Вся помянутая и довольно просторная зала наполнена была ими, и всѣ скамьи, которыми она вся сплошь была установлена, были ими усажены. У самой же передней стѣны сооруженъ былъ императорскій тронъ, подъ богатымъ балдахиномъ и съ стоящимъ на немъ портретомъ императрицы, во весь ея ростъ написанной, а на ступеняхъ трона сталъ намѣстникъ и говорилъ всѣмъ краткую привѣтственную рѣчь всему собранію. По обѣимъ сторонамъ его стояли на полу всѣ его приближенные, также губернаторъ и прочіе чиноначальники, а вмѣстѣ съ ними и всѣ гости, пріѣзжіе изъ другихъ губерній, а въ томъ числѣ и мы съ г. Кологривовымъ. Передъ нимъ же прямо сидѣло по уѣздамъ все знаменитѣйшее дворянство, состоящее изъ генераловъ, бригадировъ и другихъ чиновныхъ людей, а за ними и прочіе.

Всѣ они, при началѣ рѣчи, говоренной намѣстникомъ, въ своихъ мѣстахъ встали и выслушивали оную съ должнымъ благоговѣніемъ, чѣмъ самымъ и совершилось открытіе тульскаго намѣстничества. Послѣ сего предложено было намѣстникомъ всему дворянству, чтобъ оно приступило къ общему выбору губернскаго предводителя, посредствомъ баллотированія, и тотчасъ же тогда понесли по всѣмъ усѣвшимся на скамьяхъ дворянамъ, опредѣленными къ тому людьми, одними на блюдахъ шары, а другіе, покрытые зеленымъ сукномъ, баллотировальные ящики, при которомъ случаѣ въ первый еще разъ я оные увидѣлъ и получилъ объ нихъ и о самомъ баллотированіи понятіе. Сіе впервое дѣйствіе продолжалось нарочито долго, ибо надобно было человѣкъ трехъ или четырехъ изъ предложенныхъ намѣстникомъ баллотировать, и для каждаго обносить вновь по всѣмъ шары и ящики, и потомъ вынимать первые изъ нихъ и пересчитывать, для указанія, которыми на нихъ положено сколько и кому больше всѣхъ. Счисленіе сіе производилъ, при глазахъ самого намѣстника, губернатора и прочихъ, губернскій прокуроръ, г. Небольсинъ, на столѣ, поставленномъ передъ намѣстникомъ. И какъ оказалось, что множайшее число шаровъ положено было знакомцу и свойственнику нашему генералу Дмитрію Васильевичу Арсеньеву, то и хотѣли было его тѣмъ поздравить; но какъ онъ сталъ просить о увольненіи его отъ сей должности и уступалъ ее находившемуся подъ нимъ по балламъ господину генералу Юшкову, то сей и былъ отъ всего дворянства въ семъ достоинствѣ поздравленъ, чѣмъ все дѣло въ сей день было и кончено, и всѣ знаменитѣйшіе люди, по приглашенію намѣстника, поѣхали къ нему обѣдать, а мы всѣ, повидавшись и переговоривъ со всѣми своими знакомыми, разъѣхались также по своимъ квартирамъ, и достальное время дня употребили на разъѣзды другъ къ другу для свиданій.

Въ слѣдующій за симъ день было опять такое же общее всѣхъ дворянъ въ семъ домѣ собраніе, но уже безъ намѣстника, а при предсѣдательствѣ новоизбраннаго губернскаго предводителя и прокурора. И въ сей день занималось дворянство по уѣздамъ выборами своихъ уѣздныхъ предводителей, черезъ что каждое уѣздное дворянское сословіе получило своего собственнаго начальника, а черезъ нихъ предложено было потомъ отъ каждаго своимъ дворянамъ, чтобъ они выбирали изъ среды своей по два человѣка въ кандидаты, для избранія двѣнадцати человѣкъ, для опредѣленія въ совѣстный судъ, въ верхній земскій судъ и въ приказъ общественнаго призрѣнія, въ засѣдатели. А изъ сихъ, наконецъ, всѣмъ общимъ собраніемъ выбаллотировали потребное число людей въ помянутыя должности. И сего довольно уже было для упражненія въ сей день, ибо все сіе продлилось довольно

долго. По выборѣ же и назначеніи всѣхъ сихъ судей и начальниковъ, водимы они были въ домъ къ намѣстнику для утвержденія, который ихъ всѣхъ съ сими временными чинами утвердя и поздравилъ, а потомъ всѣхъ ихъ угостилъ у себя обѣдомъ. Мы съ г. Кологривовымъ и въ сей день были также въ красной палатѣ, желая видѣть и сей обрядъ, какъ никогда еще до того невиданный, и я, любопытствуя узнать, кто именно избранъ въ предводители по нашему Богородицкому уѣзду, услышалъ, что удостоенъ тѣмъ нѣкто г. Сухотинъ, человѣкъ мнѣ еще не знакомый и по достоинствамъ своимъ не весьма знаменитый; достольное же время дня проводили мы опять по взаимныхъ другъ друга посѣщеніяхъ.

Въ послѣдующій за тѣмъ третій день надлежало всѣмъ дворянамъ избирать также баллотированіемъ въ каждый городъ своихъ уѣздныхъ судей и засѣдателей; но какъ для сего требовалось болѣе простора, нежели сколько было бы въ помянутой красной палатѣ, то назначено было производить сіи выборы въ квартирѣ самого намѣстника, въ разныхъ, отведенныхъ для уѣздовъ комнатахъ. Симъ они въ сей день и занимались, и были поуѣздно угощаемы столомъ. Но мы, какъ гости и не хотящіе брать въ томъ собственнаго соучастія, не разсудили за благо туда жъ вмѣстѣ съ прочими ѣхать, а сей день употребили на отдохновеніе, а отчасти на сборы ѣхать въ театръ, узнавши, что въ сей вечеръ данъ будетъ первый спектакль.

... Наконецъ, настaлъ день для открытія всѣхъ знаменитѣйшихъ судебныхъ мѣстъ, какъ-то: — намѣстническаго правленія, гражданской, уголовной и казенной палаты, верьхняго земскаго суда и верьхней расправы, также совѣстнаго суда и приказа общественнаго призрѣнія, и посаженіе всѣхъ опредѣленныхъ и избранныхъ судей на мѣста ихъ. Все сіе производилось съ обыкновенными обрядами, при присутствіи самого намѣстника, губернатора и другихъ имянитѣйшихъ чиновниковъ: но какъ сіе производилось въ домахъ разныхъ, то и не можно было сіи, по существу своему ничего незначущіе, обряды видѣть. А мы занимались между тѣмъ своими дѣлами и сборами къ ѣздѣ, ввечеру, на даваемый намѣстникомъ въ помянутомъ другомъ демидовскомъ домѣ балъ и маскарадъ, и для смотрѣнія оттуда фейерверка, которымъ долженствовало всѣмъ симъ праздникамъ и торжествамъ окончиннымъ быть...

(Записки А. Болотова. часть III стр. 720—725.)

144. Обрядъ, како обвиненный пытается.

(Справка, составленная для имп. Екатерины II по ея требованію, во время разбирательства на судѣ дѣла объ убійствѣ Жуковыхъ; результатомъ этой справки былъ секретный указъ губернаторам, 1767 г., предписывавшій имъ не употреблять впредь пытки.)

(Изъ дѣлъ Тайной Канцеляріи.)

Для пытки приличившихся въ злодѣйствахъ, здѣлано особливое мѣсто, называемое застѣнокъ, огороженъ палисадникомъ і покрытъ для того, что при пыткахъ бываютъ судьи і секретарь, и для записки пыточныхъ речей подьячей; і, въ силу указу 1742-го году, велено, записавъ пыточныя речи, крѣпить судьямъ, не выходя іззастенка.

Взастенке-жъ для пытки здѣлана дыба, состоящая втрехъ столбахъ, ізкоторыхъ два вкопаны взелмю, а третей сверху, поперегъ.

І когда назначено будетъ для пытки время, то катъ или палачь явиться долженъ взастенокъ с своими инструментами, а оные есть: хомутъ шерстяной, х которому пришита веревка долгая; кнутья, і ремень, которымъ пытанному ноги связываютъ.

По приходе судей въ застенокъ і по разсужденіи въ чемъ подлежащаго къ пыткѣ спрашивать должно, приводитца тотъ, котораго пытать надлежитъ, і от караульнаго отдаетца палачу; который долгую веревку перекинетъ чрезъ поперечной въ дыбѣ столбъ, і взявъ подлежащаго къ пытке, руки назадъ заворотитъ, і положа ихъ вхомутъ, чрезъ приставленныхъ для того людей встягивается, дабы пытанной на земле не стоялъ; у котораго руки і выворотитъ совсѣмъ назадъ, і онъ на нихъ виситъ; потомъ свяжетъ показаннымъ выше ремнемъ ноги, і привязываетъ к здѣланному нарочно впереди дыбы столбу; і растянувши симъ образомъ, бьетъ кнутомъ, гдѣ и спрашивается о злодѣйствахъ і все записывается, что таковой сказывать станетъ.

Естьли жъ іsподлежащихъ к пытке такой случитца, которой ізобличается во многомъ злодѣйствѣ, а онъ запирается, і по дѣлу обстоятельства доказываютъ его к подозрѣнію, то для изыскaнія истины употребляются нарочно: 1-е тиски здѣланныя із желѣза в трехъ полосахъ с винтами, в которые кладутся злодѣя персты сверху большія два із рукъ, а внизу ножныя два і свинчиваются от палача до техъ поръ, пока іли повинится, іли не можно будетъ больше жать перстовъ

і винтъ не будетъ дѣйствовать. 2-е. Наложа на голову веревку і просунувъ клинъ і вертять такъ, что оной ізумленнымъ бываетъ; потомъ простригаютъ на головѣ волосы до тѣла, і на то мѣсто льютъ холодную воду только что почти по капле, от чего также въ изумленіе приходитъ. 3-е. При пыткѣ, во время таково-жъ запирательства, і для изысканія істины пытанному, когда виситъ на дыбѣ, кладутъ между ногъ на ремень, которымъ они связаны, бревно і на оное палачь становится за тѣмъ, чтобъ на виске потянуть ево, дабы болѣе істязанія чувствовалъ. Есть ли же і потому істины показывать не будетъ, снимая пытанаго съ дыбы правятъ руки, а потомъ опять на дыбу таким же образомъ подымаютъ для того, что і чрезъ то боли бываетъ больше.

Хотя по законамъ положено только три раза пытать, но когда случится пытаной на второй іли на третьей пыткѣ рѣчи переменить, то еще трижды пытается. — И если переговаривать будетъ въ трехъ пыткахъ, то пытки употребляются до тѣхъ поръ, пока съ трехъ пытокъ одинаковое скажетъ, ібо сколкобъ разъ пытанъ ни былъ, а есть ли въ чемъ нибудь разнитъ в показаніяхъ будетъ, то въ утвержденіе долженъ еще три пытки вытерпѣть; а потомъ і огонь такимъ образомъ: палачь отвязавъ привязанныя ноги от столба, висячаго на дыбѣ ростянетъ і зажегши вѣникъ съ огнемъ водитъ по спинѣ, на что употребляетца вѣниковъ три или больше, смотря по обстоятельству пытаннаго.

Когда пытки окончатся, і пытанной подлежать будетъ по винамъ ссылки на каторгу, то при посылке от палача вырываются ноздри здѣланными нарочно клещами. Есть ли же которые подлежатъ смертной казни, то і таковыхъ, в силу указовъ, до будущаго о дѣйствительной казни опредѣленія, велено ссылать на каторгу жъ а при посылке также ноздри вырезываются. І сверхъ того особливыми прислаными стемпелями на лбу і на щекахъ кладутся знаки (:воръ:); въ техъ же стемпеляхъ набиты желѣзныя острыя спицы словами, і ими палачь бьетъ в лобъ і щоки, і натираетъ порохомъ, і от того слова видны бываютъ.

(Русс. Старина, 1877 г., № 7, с. 58—59. Д. Ровинскій, Русс. народныя картинки, т. V. с. 399—401.)

145. Кн. М. М. Щербатовъ.

Из разных рассужденій о правленіи.

1. Правленіе монаршеское.

Понеже монаршическое правленіе имѣетъ свое начало отъ правленія патріарховъ, или отцовъ фамилій, тутъ государь—по избранію ли, иль по праву рожденія, на престолъ бываетъ возведенъ—долженъ не только себя почитать царемъ народа, который управляемъ, какъ отцомъ, а они себя его (должны) дѣтьми считать: онъ есть ихъ покровитель, защитникъ, судья и пр. И яко въ правленіи каждаго рода, хотя вышняя власть и въ персонѣ единаго отца пребываетъ, однако и тотъ въ важныхъ дѣлахъ спрашиваетъ совѣту у старѣйшихъ или мудрѣйшихъ своихъ дѣтей, то тѣмъ найвяще, понеже въ монаршическомъ правленіи болѣе важныхъ дѣлъ случается, и что когда же надлежитъ сохранить установленные уже законы иль новые установить для благополучія народа: не необходимо ли нужно государю имѣть совѣтъ, сочиненный изъ мудрѣйшихъ и болѣе знанія имѣющихъ въ дѣлахъ, людей его народа, которые должны ему представлять то, что можетъ служить къ щастью государствъ, и отсовѣтовать колику возможно въ вещахъ предосудительныхъ государству и клонящихся къ самовластію.

И тако я считаю за величайшаго и счастливѣйшаго между монарховъ того, который, почитая себя отцомъ народа, не старается, отвергая законы, ввести самовластіе, не раздѣляетъ свои интересы съ интересами государства, знаетъ великое искусство избирать себѣ въ совѣтники таковыхъ людей, которые сопрягаютъ усердіе къ ихъ государю съ любовью къ отечеству и законамъ. Но коль мало есть таковыхъ монарховъ, которые, имѣя уже вышнюю власть, бывъ склонены честолюбіемъ, разными страстьми, а паче симъ ацкимъ (адскимъ) чудовищемъ (т.-е. лестью придворныхъ), не покушаются достигнуть до самовластья. Коль же мало есть и министровъ, которые бы по слѣпой любви къ государю, а болѣе для собственной ихъ корысти, не готовы были ему въ томъ помогать, иль бы не могли сопротивляться блистанію злата и достоинствъ! Также мало и народовъ, которые бы не хотѣли простерть ихъ привилегіи чрезъ уменьшеніе власти и доходовъ государя.

5. О самовластіи.

Я не знаю, можно ли по справедливости самовластіе именемъ правленія именовать, по-

неже сіе есть мучительство, въ которомъ нѣтъ иныхъ законовъ и иныхъ правилъ, окромя безумныхъ своеправій деспота — (самовладѣтеля). Вмѣсто, что въ монархіи государь есть для народа, въ самовластномъ правленіи народъ является быть сдѣланъ для государя. Тщетно естество истощитъ свои сокровищи для произведенія деспота, одареннаго всѣми возможными добродѣтельми, въ семъ родѣ правленія однако онъ весьма мало блага народу сдѣлаетъ, есть ли не ниспровергнетъ самовластіе: вмѣсто что нещастіе и злоключеніе народа почти вездѣ послѣдуютъ поступкамъ такого государя. Воюетъ ли онъ, миръ ли заключаетъ, никогда ни въ чемъ о пользахъ народа не старается, но болѣе имѣетъ въ предметѣ честолюбіе, иль своеправіе государя; сочиняетъ ли благіе законы, народъ не имѣетъ причины радоваться, понеже въ его самоизволеніи состоитъ ихъ отвергнуть, иль и оставя ихъ, пребывать, нарушать ихъ, когда ему угодно, ради всѣхъ тѣхъ, для кого онъ восхочетъ. И дѣйствительно, какіе законы могутъ быть полезны для такого народа, который, я уже не упоминаю о дарованіяхъ щастія, но и самую жизнь имѣетъ токмо тогда, пока угодно деспоту дозволить ему оной пользоваться—навсегда лишенъ величайшаго дара природы, то есть вольности? Возможетъ ли что ужаснѣе быть, какъ видѣть милліоны людей, сравненныхъ съ скотами, которые работаютъ лишь для единаго, и для его визиря и фаворита, который, бывъ рожденъ въ неволѣ, достигъ до милости государя лишь чрезъ мерзкую лесть и подлость — требуетъ, чтобы другіе ему подобное же почтеніе воздавали и дѣлали бы для него то же, что онъ, для сохраненія своего случая, дѣлаетъ? Тщетно человѣкъ, утвержденной въ добродѣтельныхъ склонностяхъ, надѣется достигнуть до нѣкотораго достоинства, понеже всегда льстецы ему пресѣкаютъ дорогу, и недовольно того, что препятствуютъ ему произойтить, становятся его изгонителями, по единой токмо той причинѣ, что онъ является своею добродѣтелью ихъ укорять въ ихъ преступленіяхъ. Какое можетъ воинъ награжденіе ожидать за свою храбрость и доброй поступокъ, когда тотъ, кто по государѣ милости разливаетъ, часто не болѣе что, какъ токмо шутъ, а почти всегда человѣкъ воспитанный при дворѣ и знаетъ войну лишь по наслышкѣ одной? Имѣетъ ли право справедливой судья требовать награжденія за его непристрастное правосудіе, когда разливатель оныхъ не токмо никакого знанія въ правахъ не имѣетъ, но часто насилу и азбуку помнитъ, и имѣетъ нужду, чтобы ему давали для удовлетворенія его сластолюбія и лѣности? Такимъ образомъ подъ симъ правленіемъ народъ стонетъ въ неволѣ, воинъ болѣе старается угодить, нежели дѣлаетъ свою должность, судья продаетъ правосудіе для удовольствованія сребролюбія временщика, духовнаго чину человѣкъ безъ твердости, вмѣсто наставленій, лишь панегрики сочиняетъ, торговля ослабѣваетъ, науки, сіи украшенія разума, не имѣя вольности мыслить, бѣгутъ сихъ мѣстъ, искать благорастворенні̇ѣйшихъ воздуховъ.

7. О правах народов под сими разными правленіями.

Понеже ничто болѣе дѣйствія не имѣетъ надъ правами человѣческими, какъ воспитаніе, и какъ воспитаніе разнствуетъ по разнымъ родамъ правленія, и такъ подъ всякимъ правленіемъ народъ имѣетъ особливые правы, болѣе иль меньше сходственные съ законами государства. Такимъ образомъ въ монархіи люди честолюбивы, во аристократіи горды и тверды, въ демократіи смутнолюбивы и увертчивы, въ самовластномъ же правленіи подлы и низки.

(Соч. кн. Щербатова т. I.)

---

146. А. Н. Радищевъ.

Сонъ.

Изъ «Путешествія изъ Петербурга въ Москву.»

(1790.)

...Мнѣ представилось, что я царь, шахъ, ханъ, король, бей, набабъ, султанъ, или какое-то сихъ названій нѣчто, сидящее во власти на престолѣ.

Мѣсто моего возсѣданія было изъ чистаго злата и, хитро искладенными драгими разнаго цвѣта каменьями, блистало лучезарно. Ничто сравниться не могло съ блескомъ моихъ одеждъ. Глава моя украшалася вѣнцомъ лавровымъ. Вокругъ меня лежали знаки, власть мою изъявляющіе... Не единые бездыханные изображенія возвѣщали власть мою и величество. Съ робкимъ подобострастіемъ и взоры мои ловящи стояли вокругъ престола моего чины государственные. Въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ престола моего толпилося безчисленное множество народа, коего разныя одежды, черты лица, осанка, видъ и станъ различіе ихъ племени возвѣщали. Трепетное ихъ молчаніе увѣряло меня, что они всѣ воли моей

подвластны... Глубочайшее въ собраніи семъ присутствовало молчаніе: казалося, что всѣ въ ожиданіи были чрезвычайнаго какого происшествія, отъ коего спокойствіе и блаженство всего общества зависѣли. Обращенный самъ въ себя и чувствуя глубоко вкоренившуюся скуку въ душѣ моей, отъ насыщающаго скоро единообразія происходящую, я долгъ отдалъ естеству и, ротъ разинувъ до ушей, зѣвнулъ во всю мочь. Всѣ внимали чувствованію души моей. Внезапу смятеніе распростерло мрачный покровъ свой по чертамъ веселія, улыбка улетала со устъ нѣжности, и блескъ радованія съ ланитъ удовольствія... Тронутый до внутренности сердца толико печальнымъ зрѣлищемъ, ланитныя мышцы нечувствительно стянулися ко ушамъ моимъ, и, растягивая губы, произвели въ чертахъ лица моего кривленіе, улыбкѣ подобное, за коимъ я чхнулъ весьма звонко. Подобно какъ въ мрачную атмосферу, густымъ туманомъ отягченную, проникаетъ полуденный солнца лучъ... тако при улыбкѣ моей развѣялся видъ печали, на лицахъ всего собранія поселившейся: радость проникла сердца всѣхъ быстротечно и не осталося косого вида неудовольствія нигдѣ. Всѣ начали восклицать: «Да здравствуетъ нашъ великій государь, да здравствуетъ навѣки...»

... Но ничто не сравнилося съ удовольствіемъ самоодобренія при раздаваніи моихъ приказаній. Первому военачальнику повелѣвалъ я идти съ многочисленнымъ войскомъ на завоеваніе земли, цѣлымъ небеснымъ поясомъ отъ меня отдѣленной. «Государь», отвѣтствовалъ онъ мнѣ, «слава единая имени твоего побѣдитъ народы, оную землю населяющіе. Страхъ предшествовать будетъ оружію твоему, и возвращуся приносяй дань царей сильныхъ».—Учредителю плаванія я рекъ: «да корабли мои разсѣятся по всѣмъ морямъ, да узрятъ ихъ невѣдомые народы: флагъ мой да извѣстенъ будетъ на сѣверѣ, востокѣ, югѣ и западѣ». «Исполню, государь». И полетѣлъ на исполненіе, яко вѣтеръ, опредѣленный надувать вѣтрила корабельные. — «Возвѣсти до дальнѣйшихъ предѣловъ моея области», рекъ я хранителю законовъ: «се день рожденія моего, да ознаменится онъ въ лѣтописяхъ навѣки отпущеніемъ повсемѣстнымъ. Да отверзутся темницы, да изыдутъ преступники, и да возвратятся въ дома свои, яко заблудшіе отъ истиннаго пути».— «Милосердіе твое, государь, есть образъ всесильнаго существа. Бѣгу возвѣстить радость скорбящимъ отцамъ по чадахъ ихъ, супругамъ по супругахъ ихъ».— «Да воздвигнутся», рекъ я первому зодчію, «великолѣпнѣйшія зданія для убѣжища мусъ [1], да украсятся подражаніями природы разновидными; и да будутъ они ненарушимы, яко небесныя жительницы, для нихъ же они уготовляются». — «О премудрый», отвѣчалъ онъ мнѣ, «егда велѣніямъ твоего гласа стихіи повиновалися, и, совокупя силы свои, учреждали въ пустыняхъ и на дебряхъ обширныя грады, превосходящіе великолѣпіемъ славнѣйшіе въ древности, колико маловаженъ будетъ сей трудъ для ревностныхъ исполнителей твоихъ велѣній. Ты рекъ, и грубые строенія припасы уже гласу твоему внемлютъ». — «Да отверзется нынѣ», рекъ я, «рука щедроты, да изліются остатки избытка на немоществующихъ, сокровища ненужные да возвратятся къ ихъ источнику». — «О всещедрый владыко, всевышнимъ намъ дарованный, отецъ своихъ чадъ, обогатитель нищаго, да будетъ твоя воля».—

При всякомъ моемъ изреченіи всѣ предстоящіе восклицали радостно, и плесканіе рукъ не токмо сопровождало мое слово, но даже предупреждало мысль. Единая изъ всего собранія жена, облокотяся твердо о столпъ, испускала вздохи скорби и являла видъ презрѣнія и негодованія. Черты лица ея были суровы и платье простое. Глава ея была покрыта шляпою, когда всѣ другіе обнаженными стояли головами. «Кто сія?», вопрошалъ я близъ стоящаго меня. «Сія есть странница, намъ неизвѣстная, именуетъ себя Прямовзорой и глазнымъ врачемъ. Но есть волхвъ опаснѣйшій, носяй ядъ и отраву, радуется скорби и сокрушенію; всегда нахмурена, всѣхъ презираетъ и поноситъ; даже не щадитъ въ руганіи своемъ священныя твоея главы». — «Почто же злодѣйка сія терпима въ моей области? По о ней завтра. Сей день есть день милости и веселія. Пріидите, сотрудники мои въ понесеніи тяжкаго бремени правленія, пріимите достойное за труды и подвиги ваши воздаяніе». Тогда, возставъ отъ мѣста моего, возлагалъ я различные знаки почестей на предстоящихъ; отсутствующіе забыты не были, но тѣ, кои пріятнымъ видомъ словамъ моимъ шли во срѣтеніе, имѣли большую во благодѣяніяхъ моихъ долю.

По семъ продолжалъ я мое слово: «Пойдемъ, столпы моея державы, опоры моея власти, пойдемъ усладиться по трудѣ. Достойно бо да вкуситъ трудившійся плода трудовъ своихъ. Достойно царю вкусити веселія, онъ же изливаетъ многочисленные всѣмъ. Покажи намъ путь къ уготованному тобою празднеству», рекъ я къ учредителю веселій. «Мы тебѣ послѣдуемъ». — «Постой», вѣщала мнѣ

[1] Музъ.

странница отъ своего мѣста, «постой, и подойди ко мнѣ. Я врачъ, присланный къ тебѣ и тебѣ подобнымъ, да очищу зрѣніе твое. — Какія бѣльма», сказала она съ восклицаніемъ.—Нѣкая невидимая сила нудила меня идти предъ нея, хотя всѣ меня окружавшіе мнѣ въ томъ препятствовали, дѣлая даже мнѣ насиліе.

«На обоихъ глазахъ бѣльма», сказала странница, «а ты столь рѣшительно судилъ о всемъ». Потомъ коснулася обоихъ моихъ глазъ и сняла съ нихъ толстую плену, подобно роговому раствору. «Ты видишь», сказала она мнѣ, «что ты былъ слѣпъ и слѣпъ всесовершенно.—Я есмь Истина. Всевышній, подвигнутый на жалость стенаніемъ тебѣ подвластнаго народа, ниспославъ меня съ небесныхъ круговъ, да отжену темноту, проницанію взора твоего препятствующую. Я сіе исполнила. Всѣ вещи представятся днесь въ естественномъ ихъ видѣ взорамъ твоимъ... Единъ разъ являюся я царямъ во все время ихъ царствованія, да познаютъ меня въ истинномъ видѣ; но я никогда не оставляю жилища смертныхъ. Пребываніе мое не есть въ чертогахъ царскихъ. Стража, обсѣвшая ихъ вокругъ и бдящая денноночно, стоглазно, воспрещаетъ мнѣ входъ въ оные... Не убойся гласа моего николи. Если изъ среды народныя возникнетъ мужъ, порицающій дѣла твоя, вѣдай, что той есть твой другъ искренній; чуждый надежды мзды, чуждый рабскаго трепета, онъ твердымъ гласомъ возвѣститъ меня тебѣ. Блюдись и не дерзай его казнити, яко общаго возмутителя... Но обрати теперь взоры свои на себя и на предстоящихъ тебѣ, воззри на исполненіе твоихъ велѣній, и если душа твоя не содрогнется отъ ужаса при взорѣ таковомъ, то отыду отъ тебя, и чертогъ твой загладится навсегда въ памяти моей...»

Одежды мои, столь блестящія, казались замараны кровью и омочены слезами. На перстахъ моихъ видѣлися мнѣ остатки мозга человѣческаго; ноги мои стояли въ тинѣ. Вокругъ меня стоящіе являлися того скареднѣе. Вся внутренность ихъ казалась черною и сгараемою тусклымъ огнемъ ненасытности. Они метали на меня и другъ на друга искаженные взоры, въ коихъ господствовали хищность, зависть, коварство и ненависть. Военачальникъ мой, посланный на завоеваніе, утопалъ въ роскоши и веселіи. Въ войскахъ подчиненности не было; воины мои почиталися хуже скота. Не радѣли ни о ихъ здравіи, ни прокормленіи; жизнь ихъ ни во что вмѣнялася; лишалися они установленной платы, которая употреблялась на ненужное имъ украшеніе. Большая половина новыхъ воиновъ умирали отъ небреженія начальниковъ или ненужныя и безвременныя строгости. Казна, опредѣленная на содержаніе всеополченія, была въ рукахъ учредителя веселостей. Знаки военнаго достоинства не храбрости были удѣломъ, но подлаго раболѣпія. Я зрѣлъ передъ собою единаго знаменитаго по словесамъ военачальника, коего я отличными почтилъ знаками моего благоволенія; я зрѣлъ нынѣ ясно, что все его отличное достоинство состояло въ томъ только, что онъ пособіемъ былъ въ насыщеніи сладострастія своего начальника; и на оказаніе мужества не было ему даже случая, ибо онъ издали не видалъ непріятеля. Отъ такихъ-то воиновъ я ждалъ себѣ новыхъ вѣнцовъ! Отвратилъ я взоръ мой отъ тысящи бѣдствъ, представившихся очамъ моимъ... Подвигъ мой, коимъ въ ослѣпленіи моемъ душа моя наиболѣе гордилася, отпущеніе казни и прощеніе преступниковъ, едва видны были въ обширности гражданскихъ дѣяній. Велѣніе мое или было совсѣмъ нарушено, обращаяся не въ ту сторону, или не имѣло желаемаго дѣйствія превратнымъ онаго толкованіемъ и медлительнымъ исполненіемъ. Милосердіе мое сдѣлалося торговлею, и тому, кто давалъ больше, стучалъ молотъ жалости и великодушія. Вмѣсто того, чтобы въ народѣ моемъ чрезъ отпущеніе вины прослыть милосерднымъ, я прослылъ обманщикомъ, ханжею и пагубнымъ комедіантомъ... Но паче всего уязвило душу мою изліяніе моихъ щедротъ... Сколь прискорбно было видѣть, что щедроты мои изливалися на богатаго, на льстеца, на вѣроломнаго друга, на убійцу иногда тайнаго, на предателя и разрушителя общественной довѣренности, на уловившаго мое пристрастіе, на снисходящаго моимъ слабостямъ, на жену, кичащуюся своимъ безстыдствомъ... Теперь ясно я видѣлъ, что знаки почестей, мною раздаваемые, всегда доставалися въ удѣлъ недостойнымъ...

Видя во семъ толикую превратность, отъ слабости моей и коварства министровъ моихъ проистекшую... возревѣлъ я яростью гнѣва. «Недостойные преступники, злодѣи, вѣщайте, почто во зло употребили довѣренность господа вашего? предстаньте нынѣ предъ судію вашего. Вострепещите въ окаменѣлости злодѣянія вашего. Чѣмъ можете оправдать дѣла ваши? Что скажете во извиненіе ваше?...

Изрекши сіе, обратилъ я взоръ мой на мой санъ, позналъ обширность моея обязанности, позналъ, откуду проистекаетъ мое право и власть. Вострепеталъ во внутренности моей, убоялся служенія моего. Кровь моя пришла въ жестокое волненіе, и я пробудился...

Властитель міра, если, читая сонъ мой, ты улыбнешься съ насмѣшкой или нахмуришь чело, вѣдай, что видѣнная мною странница отлетѣла отъ тебя далеко и чертоговъ твоихъ гнушается...

(Соч. Радищева, ред. Каллаша, т. I стр. 171—184.)

147. А. Н. Радищевъ.

Ода «Вольность».

Изъ «Путешествія изъ Петербурга въ Москву».

1.

О, даръ небесъ благословенный,
Источникъ всѣхъ великихъ дѣлъ,
О вольность, вольность, даръ безцѣнный!
Позволь, чтобъ рабъ тебя воспѣлъ.
Исполни сердце твоимъ жаромъ,
Въ немъ сильныхъ мышцъ твоихъ ударомъ,
Во свѣтъ рабства тьму претвори.
Да Брутъ и Телль еще проснутся,
Сѣдяй во власти, да смятутся
Отъ гласа твоего цари.

2.

Я въ свѣтъ изшелъ и ты со мною;
На мышцахъ нѣтъ моихъ заклепъ;
Свободною могу рукою
Пріяти данный въ пищу хлѣбъ.
Стопы несу, где мнѣ пріятно;
Тому внимаю, что понятно;
Вѣщаю то, что мыслю я.
Любить могу и быть любимымъ;
Творю добро, могу быть чтимымъ;
Законъ мой — воля есть моя.

3.

Но чтожъ претитъ моей свободѣ?
Желаньямъ зрю вездѣ предѣлъ;
Возникла обща власть в народѣ,
Соборной всѣхъ властей удѣлъ.
Ей общество во всемъ послушно,
Повсюду съ ней единодушно;
Для пользы общей нѣтъ препонъ;
Во власти всѣхъ своей зрю долю,
Свою творю, творя всѣхъ волю: —
Родился въ обществѣ законъ!

. . . .

6.

Возводитъ строгія зѣницы [1]),
Льетъ радость, трепетъ, вкругъ себя,
Равно на всѣ взираетъ лицы,
Ни ненавидя, ни любя.
Онъ лести чуждъ, лицепріятства,
Породы, знатности, богатства,
Гнушаясь жертвенныя тли;
Родства не знаетъ, ни пріязни;
Равно дѣлитъ и мзду и казни;
Онъ образъ божій на земли.

7.

И се, чудовище ужасно,
Какъ гидра, сто имѣя главъ,
Умильно и въ слезахъ всечасно,
Но полны челюсти отравъ,
Земные власти попираетъ,
Главою неба досязаетъ,
Его отчизна тамъ, гласитъ,
Призраки, тьму повсюду сѣетъ,
Обманывать и льстить умѣетъ,
И слѣпо вѣрить намъ велитъ.

8.

Покрывши разумъ темнотою
И всюду вѣя ползкій ядъ,
Троякою обнесъ стѣною
Чувствительность природы чадъ;
Повлекъ въ ярмо порабощенья,
Облекъ ихъ въ броню заблужденья,
Бояться истины велѣлъ.
Законъ се божій, царь вѣщаетъ;
Обманъ святый, — мудрецъ взываетъ, —
Народъ давить, что ты обрѣлъ.

9.

Сей былъ, и есть, и будетъ вѣчной
Источникъ лютъ рабства оковъ;
Отъ золъ всѣхъ жизни скоротечной
Пребудетъ смерть единъ покровъ.
Всесильный боже! благъ податель,
Естественныхъ ты благъ создатель,
Законъ свой въ сердцѣ основалъ:
Возможно ль, ты чтобъ измѣнился,
Чтобъ ты, богъ силъ, столь уподлился,
Чужимъ чтобъ гласомъ намъ вѣщалъ?

10.

Воззримъ на области обширны,
Гдѣ тусклый тронъ стоитъ рабства.
Градскія власти тамъ всѣ мирны,
Въ царѣ зря образъ божества.
Власть царска вѣру охраняетъ
Власть царску вѣра утверждаетъ;
Союзно общество гнетутъ:
Одинъ сковать разсудокъ тщится,
Другая волю стерть стремится
На пользу общую, рекутъ.

11.

Покоя рабскаго подъ сѣнью
Плодовъ златыхъ не возрастетъ;
Гдѣ все ума претитъ стремленью,
Великость тамъ не прозябетъ.
Тамъ нивы запустѣютъ тучны,
Коса и серпъ тамъ несподручны,
Въ сохѣ уснетъ лѣнивый волъ,
Блестящій мечъ померкнетъ славы,
Минервинъ храмъ сталъ обветшалый,
Коварства сѣть простерлась въ долъ!

12.

Чело надменное вознесши,
Пріявъ желѣзный скипетръ, царь,
На грозномъ тронѣ властно сѣвши,
Въ народѣ зритъ лишь подлу тварь.
Животъ и смерть въ рукѣ имѣя:
По волѣ, рекъ, щажу злодѣя;
«Я властию могу дарить,
«Гдѣ я смѣюсь, тамъ все смѣется;
«Нахмурюсь грозно, все смятется;
«Живешь тогда, велю коль жить».

13.

И мы внимаемъ хладнокровно,
Какъ крови нашей алчный гадъ,
Ругаясь всегда безспорно,
Въ веселы дни намъ сѣетъ адъ.
Вокругъ престола всѣ надменно
Стоятъ колѣнопреклоненно.
Но мститель, трепещи, грядетъ.
Онъ молвитъ, вольность прорекая —
И се, молва отъ край до края,
Глася свободу, протечетъ.

[1]) «Глухое божество суда», возсѣдающее «во храмѣ Закона.»

14.

Возникнетъ рать повсюду бранна
Надежда всѣхъ вооружитъ;
Въ крови мучителя вѣнчанна
Омыть свой стыдъ ужъ всякъ спѣшитъ.
Мечъ остръ, я зрю, вездѣ сверкаетъ,
Въ различныхъ видахъ смерть летаетъ,
Надъ гордою главой паря.
Ликуйте склепанны народы!
Се право мщенное природы,
На плаху возвело царя.

15.

И нощи се завѣсу лживой
Со трескомъ мощно разодравъ,
Кичливой власти и строптивой
Огромный истуканъ поправъ,
Сковавъ сторучна исполина,
Влечетъ его какъ гражданина,
Къ престолу, гдѣ народъ возсѣлъ.
Преступникъ власти мною данной,
Вѣщай, злодѣй, мной увѣнчанный,
Противъ меня возстать какъ смѣлъ?

16.

«Тебя облекъ я во порфиру
«Равенство въ обществѣ блюсти,
«Вдовицу призирать и сиру,
«Отъ бѣдъ невинность чтобъ спасти;
«Отцомъ ей быть чадолюбивымъ;
«Но мстителемъ непримиримымъ
«Пороку, лжи и клеветѣ;
«Заслуги честью награждати,
«Устройствомъ зло предупреждати,
«Хранити правы въ чистотѣ.
« . . . .

19.

«Но ты забывъ мнѣ клятву данну,
«Забывъ, что я избралъ тебя
«Себѣ въ утѣху быть вѣнчанну,
«Возмнилъ, что ты господь, не я
«Мечемъ мои расторгъ уставы,
«Безгласными повергъ все правы,
«Стыдиться истины велѣлъ;
«Расчистилъ клеветѣ дорогу,
«Взывать сталъ не ко мнѣ, но къ богу,
«А мной гнушаться восхотѣлъ.
. . . .

22.

«Злодѣй, злодѣевъ всѣхъ лютѣйшій!
«Превзыде зло твою главу.
«Преступникъ, изо всѣхъ первѣйшій!
«Предстань, на судъ тебя зову!
«Злодѣйства всѣ скопилъ въ едино,
«Да ни едина прейдетъ мимо
«Тебѣ изъ казней, супостатъ!
«Въ меня дерзнулъ острить ты жало!
«Единой смерти зато мало —
«Умри, умри же ты стократъ!»

23.

Великій мужъ, коварства полный.
Ханжа, и льстецъ, и святотатъ,
Единъ ты въ свѣтѣ столь благотворный
Примѣръ великій могъ подать.
Я чту, Кромвель, въ тебѣ злодѣя
Что власть въ рукѣ своей имѣя,
Ты твердь свободы сокрушилъ;
Но научилъ ты въ родъ и роды,
Какъ могутъ мстить себя народы:
Ты Карла на судѣ казнилъ.
. . . .

25.

Внезапу вихри возшумѣли,
Прервавъ спокойство тихихъ водъ
Свободы гласы такъ взгремѣли,
На Вѣче весь течетъ народъ,
Престолъ чугунный разрушаетъ,
Самсонъ какъ древле, сотрясаетъ
Исполненный коварствъ чертогъ;
Закономъ строитъ твердь природы:
Великъ, великъ, ты, духъ свободы!
Зиждателенъ, какъ самъ есть богъ.
. . . .

42.

Сей былъ и есть законъ природы,
Неизмѣнимый никогда,
Ему подвластны всѣ народы,
Незримо правитъ онъ всегда:
Мучительство, стряся предѣлы,
Отравы полны свои стрѣлы.
Въ себя не вѣдая, вонзитъ;
Равенство казнію возставитъ;
Едину власть, вселясь, раздавитъ;
Обидой право обновитъ.
. . . .

45.

О вы! счастливые народы,
Гдѣ случай вольность даровалъ!
Блюдите даръ благой природы,
Въ сердцахъ что вѣчный начерталъ.
Се хлябь разверстая, цвѣтами
Усыпанная, подъ ногами
У васъ, готова васъ сглотить.
Не забывай ни на минуту,
Что крѣпость силъ въ немощность люту,
Что свѣтъ во тьму льзя претворить.

46.

Къ тебѣ душа моя вспалена,
Къ тебѣ, славутая страна!
Стремится, гнетомъ гдѣ согбена
Лежала вольность попрана;
Ликуешь ты! а мы здѣсь страждемъ!
Того жъ, того жъ и мы всѣ жаждемъ;
Примѣръ твой мѣту обнажилъ.
Твоей я славѣ не причастенъ —
Позволь, коль духъ мой неподвластенъ,
Чтобъ брегъ твой пепелъ хотя мой скрылъ!

47.

Но нѣтъ! гдѣ рокъ судилъ родиться
Да будетъ тамъ и днямъ предѣлъ;
Да хладный прахъ мой осѣнится
Величествомъ, что днесь я пѣлъ;
Да юноша, взалкавый славы,
Пришелъ на гробъ мой обветшалый,
Дабы со чувствіемъ вѣщать:
«Подъ игомъ власти сей, рожденный,
«Нося оковы позлащенны,
«Намъ вольность первый прорицалъ».
. . . .

52.

Но не приспѣ еще година,
Не совершилися судьбы;
Вдали, вдали еще кончина.
Когда иссякнутъ всѣ бѣды.
Встрепещутъ заклены тяжкой ночи;
Упруга власть, собравъ всѣ мочи,
Вкатися, гдѣ потщится насъ,
Да грознымъ махомъ вся раздавитъ,
И стражу къ словеси приставитъ,
Да будетъ горькая напасть.

53.

Влача оковъ несносно бремя,
Въ вертепѣ плача возреветъ.
Пріидетъ вожделѣнно время,
На небо смертность воззоветъ;
Направлено въ стезю свободой,
Десную ополча природой,
Качнется въ долъ — и страхъ предъ ней;
Тогда всѣхъ силъ властей сложенье
Пріидетъ во низложенье —
О день! избраннѣйшій всѣхъ дней!

54.

Мнѣ слышится ужъ гласъ природы,
Начальный гласъ, гласъ божества,
Трясутся вѣчна мрака своды,
Се мигъ рожденью вещества.
Се медленно и въ стройномъ чинѣ
Грядетъ зиждитель наслинѣ —
Рекъ — яркій свѣтъ пустилъ свой лучъ,
И ложный плѣна скипръ поправши,
Сгущенную тьму разогнавши,
Блестящій день родилъ изъ тучъ.

«Былое» 1922 г. № 19, стр. 18—31.

---

148. Вопросные пункты Шешковскаго Радищеву и его отвѣты.

1.

Книга, названная «Путешествіемъ изъ С.-Петербурга въ Москву» и которая ему при семъ объявлена, кѣмъ сочинена?

На 1.

Сія книга сочинена имъ, Радищевымъ, самимъ, и черный манускриптъ весь писанъ былъ его рукою; по написаніи же оной переписывалъ ее на бѣло таможенный надзиратель Царевскій.

5.

Съ какимъ намѣреніемъ писалъ онъ сію книгу?

На 5.

Главное его намѣреніе въ сочиненіи сей книги состояло въ томъ, чтобы прослыть писателемъ и заслужить въ публикѣ гораздо лучшую репутацію, нежели какъ объ немъ думали до того; впрочемъ, теперь при объясненіи оной и самъ онъ видитъ, что она наполнена гнусными, дерзкими и развратными выраженіями, о чемъ отъ всего сердца и сожалѣетъ. Францію жъ въ примѣръ онъ не бралъ, хотя и самъ признается, что сіе похоже на то обстоятельство; ибо сіе писалъ онъ прежде, нежели во Франціи было возмущеніе.

10.

На стр. 119, 120, 121, 122 и 123 почему вы охуждаете нынѣшній образъ правленія и описываете пороки онаго?

На 10.

На сіе отвѣтствовалъ: Я никогда не намѣренъ былъ охуждать нынѣшняго образа правленія, а почиталъ учрежденія о губерніяхъ мудрымъ законоположеніемъ и таковымъ, какова въ другихъ мѣстахъ не находится; а на оныхъ страницахъ о могущихъ быть иногда злоупотребленіяхъ, о которыхъ судить, признаюсь, не мое было дѣло, чего однако жъ доказать не можетъ, а писалъ, какъ по умствованію своему съ слышанныхъ имъ иногда въ народной молвѣ якобы происходившихъ по приказнымъ дѣламъ злоупотребленіяхъ.

11.

На стр. 124 вы старались доказать непостойное произведеніе въ чины, то какую причину на сіе имѣли, и на кого цѣлили именно?

На 11.

На сіе онъ отвѣчалъ: я виноватъ, потому что не могу судить, кто бы по недостоинству былъ произведенъ въ чины, ибо сіе до меня и не принадлежало, а писалъ такъ дерзко, могу истинную сказать, по сумасшествію на то время и сумасбродству своему и хотя тѣмъ показать свою смѣлость.

14.

Почему онъ охуждалъ состояніе помѣщичьихъ крестьянъ, зная, что лучшей судьбы россійскихъ крестьянъ у хорошаго помѣщика нигдѣ нѣтъ?

На 14.

Охужденіе мое тутъ было только на одно описанное тутъ происшествіе; впрочемъ, я и самъ увѣренъ, что у хорошаго помѣщика крестьяне благоденствуютъ больше, нежели гдѣ либо; а писалъ сіе изъ своей головы. — чая, что между помѣщиковъ есть такіе, можно сказать, уроды.

23.

Почему вы хотите уничтожить цензуру?

На 23.

Признаю мое заблужденіе: я такъ думалъ, что безъ нея можно обойтиться; но теперь вижу изъ опыта на себѣ самомъ, что она полезна, потому болѣе, что если она будетъ существовать такъ, какъ законодательница предписала, то подлинно она спасетъ многихъ, подобныхъ мнѣ, заблуждающихъ мыслящихъ, отъ той гибели, въ которую я себя ввергнулъ нещастно отъ слабаго своего разсудка.

24.

Начиная съ 306-ю по 340 между разсужденіями о цензурѣ помѣщены сіи слова: «Онъ былъ царь. Скажите жъ, въ чьей головѣ можетъ быть болѣе несообразностей, если не въ царской?». То какъ вы объ оныхъ словахъ думаете?

На 24.

Признаюсь, что они весьма дерзновенны, но никакъ не разумѣлъ тутъ освященныя ея императорскаго величества особы, а писалъ подлинно о царяхъ, извѣстныхъ по исторіи, которые ознаменованы въ свѣтѣ въ прошедшихъ вѣкахъ, могу сказать, дурными поступками...

(Соч. Радищева, ред. Каллаша, т. II, стр. 565—576.)

---

149. Пушкинъ.

Историческія замѣчанія,

1822 г.

Характеристика Екатерины II.

Царствованіе Екатерины II имѣло новое и сильное вліяніе на политическое и нравственное состояніе Россіи. Возведенная на престолъ заговоромъ нѣсколькихъ мятежниковъ, она обогатила ихъ насчетъ народа и унизила безпокойное наше дворянство. Если царствовать значитъ знать слабость души человѣческой и ею пользоваться, то въ семъ отношеніи Екатерина заслуживаетъ удивленіе потомства. Ея великолѣпіе ослѣпляло, привѣтливость привлекала, щедроты привязывали. [Самый развратъ] Самое сластолюбіе сей хитрой женщины утверждало (о) ее владычество. Производя слабый ропотъ въ народѣ, привыкшемъ уважать и пороки своихъ властителей, (онъ) оно возбуждало гнусное соревнованіе въ высшихъ состояніяхъ, ибо не нужно было ни ума, ни заслугъ, ни талантовъ для достиженія второго мѣста въ государствѣ. Много было званыхъ и много избранныхъ, но въ длинномъ спискѣ ея любимцевъ, обреченныхъ (ненависти) презрѣнію потомства, имя страннаго Потемкина будетъ отмѣчено рукою исторіи. Онъ раздѣлитъ съ Екатериною часть воинской ея славы, ибо ему обязаны мы Чернымъ моремъ и блестящими, хоть и безплодными, побѣдами въ сѣверной Турціи.

Униженная Швеція и уничтоженная Польша, вотъ великія права Екатерины на благодарность русскаго народа. Но со временемъ исторія оцѣнитъ вліяніе ея царствованія на нравы, откроетъ жестокую дѣятельность ея деспотизма, подъ личиной кротости и терпимости, народъ угнетенный намѣстниками, казну расхищенную любовниками, покажетъ важныя ошибки ея въ политической экономіи, ничтожность въ законодательствѣ, отвратительное фиглярство въ сношеніяхъ съ философами ея столѣтія, и тогда голосъ обольщеннаго Вольтера не избавитъ ее славной памяти отъ проклятія Россіи.

Мы видѣли, какимъ образомъ Екатерина унизила духъ дворянства. Въ этомъ дѣлѣ ревностно помогали ея любимцы. Стоитъ напомнить о пощечинахъ щедро ими раздаваемыхъ нашимъ князьямъ и боярамъ, о славной роспискѣ Потемкина [1], хранимой донынѣ въ одномъ изъ присутственныхъ мѣстъ государства, объ обезьянѣ графа Зубова, о кофейникѣ (князя Куракина) и пр.

Екатерина знала плутни и грабежи своихъ любовниковъ, но молчала. Ободренные таковою слабостью, они не знали мѣры своему корыстолюбію, и самые отдаленные родственники временщика съ жадностью пользовались краткимъ его царствованіемъ. Отселѣ произошли сіи огромныя имѣнія вовсе неизвѣстныхъ фамилій, и совершенное отсутствіе чести и честности въ высшемъ классѣ народа. Отъ канцлера до послѣдняго протоколиста все крало и все было продажно. Такимъ образомъ, развратная государыня развратила и государство.

Екатерина уничтожила званіе (справедливѣе: названіе) рабства, а раздарила около милліона государственныхъ крестьянъ (т.-е. свободныхъ хлѣбопашцевъ) и закрѣпостила вольную Малороссію и польскія провинціи. Екатерина уничтожила пытку—а тайная канцелярія процвѣтала подъ ея патріархальнымъ правленіемъ; Екатерина любила просвѣщеніе, а Новиковъ, распространившій первые лучи его, перешелъ изъ рукъ Шешковскаго (домашній палачъ кроткой Екатерины) въ темницу, гдѣ и находился до самой ея смерти. Радищевъ былъ сосланъ въ Сибирь, Княжнинъ умеръ подъ розгами, и Фонвизинъ, котораго она боялась, не избѣгнулъ бы той же участи, если бъ не чрезвычайная его извѣстность...

Современные иностранные писатели осыпали Екатерину чрезмѣрными похвалами:

---

[1]) (Потемкинъ) послалъ однажды адъютанта взять изъ казеннаго мѣста 100.000 рублей. Чиновники не осмѣлились отпустить эту сумму безъ письменнаго вида. [Потемкинъ] на другой сторонѣ ихъ отношенія своеручно написалъ: дать е... м...

(прим. Пушкина).

очень естественно: она знала собственно по переписке съ Вольтеромъ, и не [illegible] тѣхъ именно лишь, [illegible] представлять.

Фарса нашихъ депутатовъ, столь непристойно разыгранная, имѣла въ Европѣ свое дѣйствіе; наказъ ея читали вездѣ и на всѣхъ языкахъ. Довольно было, чтобы поставить ее на-ряду съ Титами и Траянами: но, перечитывая сей лицемѣрный наказъ, нельзя воздержаться отъ праведнаго негодованія. Простительно было Фернейскому философу превозносить добродѣтели Тартюфа въ юбкѣ и коронѣ: онъ не зналъ, онъ не могъ знать истины; но подлость русскихъ писателей для меня непонятна...

(Соч. Пушкина, изд. Брокгаузъ и Ефронъ. т. IV, с. 474—475.)

IX. Дворъ императрицы.

150. Русскій дворъ при Аннѣ Ивановнѣ.

(По запискамъ Манштейна.)

...Говоря о герцогѣ Курляндскомъ, я сказалъ, что онъ былъ большой охотникъ до роскоши и великолѣпія; этого было довольно, чтобы внушить императрицѣ желаніе сдѣлать свой дворъ самымъ блестящимъ въ Европѣ. Употреблены были на это большія суммы денегъ, но все-таки желаніе императрицы не скоро исполнилось. Часто, при богатѣйшемъ кафтанѣ, парикъ бывалъ прескверно вычесанъ; прекрасную штофную матерію неискусный портной портилъ дурнымъ покроемъ, или, если туалетъ былъ безукоризненъ, то экипажъ былъ изъ рукъ вонъ плохъ, господинъ въ богатомъ костюмѣ ѣхалъ въ дрянной каретѣ, которую тащили клячи.

Тотъ же вкусъ господствовалъ въ убранствѣ и чистотѣ русскихъ домовъ, съ одной стороны обиліе золота и серебра, съ другой страшная нечистоплотность. Женскіе наряды соотвѣтствовали мужскимъ; на одинъ изящный женскій туалетъ встрѣчаешь десять безобразно одѣтыхъ женщинъ. Впрочемъ, вообще женскій полъ Россіи хорошо сложенъ: есть прекрасныя лица, но мало тонкихъ талій.

Это несоотвѣтствіе одного съ другимъ было почти общее; мало было домовъ, особенно въ первые годы, которые составляли бы исключенія; мало-по-малу стали подражать тѣмъ, у которыхъ было болѣе вкуса. Даже дворъ и Биронъ не сразу успѣли привести все въ тотъ порядокъ, ту правильность, которую видишь въ другихъ странахъ; на это понадобились годы; но должно признаться, что, наконецъ, все было очень хорошо устроено.

Роскошь была уже преувеличенная и стоила двору огромныхъ денегъ. Неизвѣстно, сколько черезъ это ушло денегъ за границу. Придворный, который опредѣлялъ въ годъ только по двѣ или по три тысячи рублей на свой гардеробъ, т.-е. 10 или 15 тыс. франковъ, не могъ похвастать щегольствомъ. Здѣсь кстати было повторить замѣчаніе, сдѣланное однимъ саксонцемъ покойному Августу II, королю польскому: что слѣдовало бы расширить городскія ворота для выпуска дворянъ, навалившихъ на себя цѣлыя деревни, потому что всѣ особы, имѣвшія честь служить при дворѣ, разстраивали свое состояніе на наряды; жалованіемъ нельзя было покрыть эти расходы, оно было недостаточно. Довольно было торговцу модъ прожить въ Петербургѣ два года, чтобы нажить себѣ состояніе, хотя бы сначала весь его товаръ былъ взятъ въ кредитъ.

...При дворѣ играли въ большую игру, которая многихъ обогатила въ Россіи, но въ то же время многихъ и разорила. Я видѣлъ, какъ проигрывали до 20 тыс. рублей въ одинъ присѣстъ за квинтичемъ или за банкомъ. Императрица не была охотница до игры; если она играла, то не иначе, какъ съ цѣлью проиграть. Она тогда держала банкъ, но только тому позволяла понтировать, кого она называла; выигравшій тотчасъ же получалъ деньги, но такъ какъ игра происходила на марки, то императрица никогда не брала денегъ отъ тѣхъ, кто ей проигрывалъ.

Она любила театръ и музыку, и выписала то и другое изъ Италіи. Итальянская и нѣмецкая комедія чрезвычайно понравились. Въ 1736 г. поставлена первая опера въ Петербургѣ, она была очень хорошо исполнена, но не такъ понравилась, какъ комедія и итальянское интермеццо.

При Петрѣ I такъ же, какъ и въ слѣдующія царствованія, при дворѣ сильно пили; не то было при Аннѣ. Она видѣть не могла пьянаго человѣка. Одному князю Куракину дозволено было пить вволю, но чтобы вообще не совсѣмъ потеряли привычку пить, то 29-го января (ст. стиля), день восшествія на престолъ императрицы, было положено праздно-

вать Бахуса; на этой церемоніи каждый гость обязанъ былъ выпить по большому кубку венгерскаго вина, ставъ на одно колѣно передъ ея величествомъ.

(Зап. Манштейна.)

---

151. Ледяной домъ.

Къ концу 1739 г. императрица дала потѣшный праздникъ. Поводомъ послужилъ князь Голицынъ. Несмотря на его сорокъ лѣтъ, ни на то, что у него сынъ служилъ въ арміи поручикомъ, его въ одно время произвели въ пажи и въ придворные шуты въ наказаніе за перемѣну религіи. Такъ какъ онъ былъ вдовъ, то императрица объявила ему, что онъ долженъ вторично жениться: она возьметъ уже на себя свадебные расходы. Шутъ согласился на предложеніе, выбралъ дѣвушку простого званія и требовалъ отъ императрицы исполненія обѣщанія. Желая по случаю этой потѣшной свадьбы показать, сколько различныхъ народовъ обитаютъ въ ея обширныхъ владѣніяхъ, императрица предписала всѣмъ губернаторамъ выслать въ Петербургъ по нѣскольку инородцевъ обоего пола.

Когда они пріѣхали, ихъ одѣли заново на счетъ двора, каждаго въ его народный костюмъ. Кабинетъ-министру Волынскому поручено распорядиться свадьбою. Для празднованія ея выбрали зимнее время, а для пущей оригинальности императрица приказала выстроить домъ изъ одного льду. Въ этомъ домѣ были двѣ комнаты; вся утварь въ нихъ была сдѣлана изо льду. Передъ домомъ поставлены четыре маленькія пушки и двѣ мортиры изо льду же. Изъ пушекъ сдѣлано нѣсколько выстрѣловъ при зарядѣ въ полуунцію пороху, и онѣ не треснули; метали изъ мортиръ маленькія деревянныя гранаты: онѣ тоже оставались цѣлы.

Въ день свадьбы, всѣ участвовавшіе въ церемоніи собрались на дворѣ дома Волынскаго, распорядителя праздника; отсюда процессія прошла мимо императорскаго дворца и по главнымъ улицамъ города. Поѣздъ былъ очень великъ, состоя изъ 300 человѣкъ съ лишнимъ. Новобрачные сидѣли въ большой клѣткѣ, прикрѣпленной къ спинѣ слона, гости парами ѣхали въ саняхъ, въ которыя были запряжены разныя животныя: олени, собаки, волы, козлы, свиньи и т. д. Нѣкоторые ѣхали верхомъ на верблюдахъ. Когда поѣздъ объѣхалъ все назначенное пространство, людей повели въ манежъ герцога курляндскаго. Тамъ по этому случаю полъ былъ выложенъ досками и разставлено нѣсколько обѣденныхъ столовъ. Каждому инородцу подавали его національное кушанье. Послѣ обѣда открыли балъ, на которомъ также всякій танцовалъ подъ свою музыку и свой народный танецъ. Послѣ обѣда новобрачныхъ повезли въ ледяной домъ...

(Зап. Манштейна, с. 181—185.)

---

152. Описаніе Ледяного дома.

Подлинное и обстоятельное описаніе построеннаго въ Санктпетербургѣ въ январѣ мѣсяцѣ 1740 года Ледяного дома и всѣхъ находившихся въ немъ домовыхъ вещей и уборовъ, съ приложенными притомъ грыдорованными фигурами, также и нѣкоторыми примѣчаніями о бывшей, въ 1740 г., во всей Европѣ жестокой стужѣ, сочиненное для охотниковъ до натуральной науки, чрезъ Георга Вольфганга Крафта, Санктпетербургскія Императорскія Академіи Наукъ члена и физики профессора.

(1741.)

(Авторъ начинаетъ свой трактатъ разсужденіемъ о томъ, что «художество» до сихъ поръ пользовалось для своихъ произведеній всевозможнымъ матеріаломъ,—но ледъ оставался до сихъ поръ мало употребителенъ).

... Здѣсь, въ Санкпетербургѣ, художество гораздо знатнѣйшее дѣло изо льду произвело. Ибо мы видали изъ чистаго льда построенный домъ, который, по правиламъ новѣйшей архитектуры, расположенъ и, для изряднаго своего вида и рѣдкости, достоинъ былъ, чтобъ, по крайней мѣрѣ, такъ-жъ долго стоять, какъ наши обыкновенные домы; или, чтобъ въ Сатурна, какъ въ число звѣздъ, перенесенъ и между двумя, весьма достопамятными, строеніями, а именно—между созданною, отъ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти императора Петра Перваго, адмиралтейскою крѣпостью и построеннымъ, отъ блаженныя-жъ и вѣчнодостойныя памяти государыни императрицы Анны, новымъ зимнимъ домомъ, который, для своего великолѣпія, достоинъ всякаго удивленія. На семъ мѣстѣ строеніе опять началось; самый чистый ледъ, на подобіе большихъ квадратныхъ плитъ, разрубали, архитектурными украшеніями убирали, циркулемъ и линейкою размѣривали, рычагами одну ледяную плиту на другую клали, а каждый рядъ водой поливали, которая тотчасъ замерзала и вмѣсто крѣпкаго цемента служила. Такимъ образомъ, чрезъ краткое время, построенъ былъ домъ, который былъ длиною въ 8 саженъ, или 56 лондонскихъ футовъ, шириною въ 2 сажени съ половиною, а вышин-

ною, вмѣстѣ съ кровлею, въ 3 сажени; и гораздо великолѣпнѣе казалося, нежели когда бы онъ изъ самаго лучшаго мрамора былъ построенъ, для того, что казался сдѣланъ быть будто бы изъ одного куска, и для ледяной прозрачности и синяго его цвѣта на гораздо дрожайшій камень, нежели на мраморъ походилъ...—

Напереди передъ домомъ, стояло 6 ледяныхъ пушекъ, которыя имѣли колеса и станки ледяныя-жъ, что и о всемъ послѣдующемъ разумѣть должно, развѣ что нелѣпное случится, о чемъ именно упомянуто будетъ. Помянутыя пушки величиною и размѣромъ противъ мѣдныхъ трехфунтовыхъ, сдѣланы и высверлены были. Изъ оныхъ пушекъ неоднократно стрѣляли, въ которомъ случаѣ кладено въ нихъ пороху по четверти фунта, а при томъ посконное или желѣзное ядро закачивали. Такое ядро, нѣкогда въ присутствіи всего императорскаго придворнаго штата, въ разстояніи 60 шаговъ, доску, толщиною въ два дюйма, насквозь пробило. Еще стояли, въ томъ же ряду съ пушками, двѣ мортиры. Оныя мортиры сдѣланы были по размѣру мѣдныхъ мортиръ противъ двухпудовой бомбы, изъ которыхъ многократно бомбы бросали, при чемъ на зарядъ въ гнѣздо по четверти фунта пороху кладено. Напослѣдокъ, въ томъ же ряду, у воротъ, стояли два дельфина. Сіи дельфины, помощію насосовъ, огонь отъ зажженной нефти изъ челюсти выбрасывали, что ночью пріятную потѣху представляло. Позади помянутаго ряда пушекъ и мортиръ сдѣланы были, около всего дома, изъ ледяныхъ балясъ изрядныя перилы, между которыми, въ равномъ разстояніи, четырехугольные столбы стояли. Когда на оный домъ изъ-близи смотрѣли, то съ удивленіемъ видна была вверху, на кровлѣ, четырехугольными столбами и точными статуями украшенная галлерея, а надъ входомъ—преизрядный фронтишпицъ въ разныхъ мѣстахъ статуями украшенный.

Самый домъ имѣлъ дверные и оконичные косяки, также и пилястры, выкрашенные краскою, на подобіе зеленаго мрамора. Въ ономъ же домѣ находилось крыльцо и двѣ двери. При входѣ въ домъ были сѣни, а по обѣимъ сторонамъ—покои безъ потолка, съ одною только кровлею. Въ сѣняхъ были четыре окна, а въ каждомъ покоѣ—по пяти оконъ, въ которыхъ какъ рамки, такъ и стекла изъ тонкаго, чистаго льда сдѣланы были. Ночью въ оныхъ окнахъ неоднократно много свѣчъ горѣло и почти на каждомъ окнѣ видны были на полотнѣ писанныя смѣшныя картины, при чемъ сіяніе, сквозь окна и стѣны проницающее, преизрядный и весьма удивительный видъ показывало. Въ перилахъ, кромѣ главнаго входа, находились еще двухсторонніе ворота и на нихъ горшки съ цвѣтами и съ померанцевыми деревьями, а подлѣ нихъ—простыя ледяныя деревья, листья и вѣтви ледяныя же имѣющія, на которыхъ сидѣли птицы, что все изряднымъ мастерствомъ сдѣлано было.

Теперь посмотримъ, какимъ образомъ убраны покои. Тутъ стоялъ уборный столъ, на которомъ находились зеркало, нѣсколько шандаловъ со свѣчами, которыя по ночамъ, будучи нефтью намазаны, горѣли, карманные часы и всякая посуда, а на стѣнѣ висѣло зеркало. Тутъ видны были преизрядная кровать съ занавѣсомъ, постелью, подушками и одѣяломъ, двое туфель, два колпака, табуретъ и рѣзной работы камель, въ которомъ лежали ледяныя дрова, нефтью намазанныя, многократно горѣли. Тамъ стоялъ столъ, а на немъ лежали столовые часы, въ которыхъ находящіяся колеса, сквозь свѣтлый ледъ, видны были. Сверхъ сего, на столѣ, въ разныхъ мѣстахъ, лежали, для игранія, приморженныя подлинныя карты съ марками. Подлѣ стола, по обѣимъ сторонамъ, стояли рѣзной работы два легкіе стула, а въ углахъ—двѣ статуи. Тутъ стоялъ, по правую руку, рѣзной угольный поставецъ съ разными небольшими фигурами, а внутри онаго стояла точеная чайная посуда: стаканы, рюмки и блюда съ кушаньемъ. Всѣ оныя вещи изо льда сдѣланы и приличными, натуральными красками выкрашены были.

Наружное и прочее сего дома украшеніе состояло въ слѣдующихъ вещахъ. Во-первыхъ, по всякой сторонѣ, на пьедесталѣ съ фронтишпицомъ, поставлено было по четырехугольной пирамидѣ. Помянутыя пирамиды внутри были пусты, которыя сзади отъ дома входъ имѣли. На каждой оныхъ сторонѣ высѣчено было по круглому окну, около которыхъ, снаружи, размалеванныя часовыя доски находились; а внутри осьмиугольный бумажный большой фонарь висѣлъ, у котораго, на каждой сторонѣ, всякія смѣшныя фигуры намалеваны были, и въ которомъ ночью свѣчи горѣли. Оный фонарь находившійся внутри потаенной человѣкъ вокругъ оборачивалъ, дабы сквозь каждое окно изъ помянутыхъ фигуръ одну за другою смотрители видѣть могли.

Второе, по правую сторону дома изображенъ былъ слонъ въ надлежащей его величинѣ, на которомъ сидѣлъ персіянинъ съ чеканомъ въ рукѣ, а подлѣ его еще два персіянина, въ обыкновенной человѣческой величинѣ

стояли. Сей слонъ внутри былъ пустъ и такъ хитро сдѣланъ, что днемъ воду, вышиною на 24 фута, пускалъ, которая, изъ близъ находившагося канала Адмиралтейской крѣпости трубами приведена была; а ночью, съ великимъ удивленіемъ всѣхъ смотрителей, горящую нефть выбрасывалъ. Сверхъ же того, могъ онъ, какъ живой слонъ, кричать, который голосъ потаенный въ немъ человѣкъ трубою производилъ. Третье, на лѣвой сторонѣ дома, по обыкновенію сѣверныхъ странъ, изо льда построена была баня, которая, казалось, будто бы изъ простыхъ бревенъ сдѣлана была, и которую нѣсколько разъ топили и дѣйствительно въ ней парились.

Такого состоянія былъ сей ледяной домъ; и понеже жестокая стужа, съ начала января мѣсяца по самый мартъ, почти безпрерывно продолжалась, то и оный домъ до того же времени стоялъ, безъ всякаго поврежденія. Въ исходѣ марта мѣсяца (1740) началъ онъ къ паденію клониться и по маленьку, особливо съ полуденной стороны, валиться; при чемъ изъ обвалившихся льдинъ самыя большія въ императорскій ледникъ отвезены были. Кромѣ того увеселенія, которое сей ледяной домъ въ каждомъ смотрителѣ производилъ, можемъ мы оный еще и за дѣйствительный физическій опытъ почесть, который тѣмъ больше пользы имѣетъ, что учиненъ великимъ числомъ ледяной матеріи. Въ такомъ разсужденіи распространяемъ мы свое познаніе, какъ я уже выше упомянулъ, и, будучи увѣренъ чрезъ самое искусство, видимъ теперь ясно, что изо льда, при жестокой стужѣ, можно строить; льдины поливая водою, въ скоромъ времени сплачивать, также и ледъ точить, сверлить, рубить, красить и, способомъ намазанной нефти, огонь производить; а притомъ еще изъ оного стрѣлять, не употребляя того, какъ нѣкоторые думали, чтобъ порохъ въ жестяной трубѣ туда вкладывать. Все сіе познали мы при семъ предпріятіи, и о истинѣ того совершенно увѣрены, хотя въ нѣмецкой землѣ нѣкоторые нашлись, которымъ наибольшая часть вышеупомянутаго описанія вѣроятно и вымышленна казалась. И сія невѣроятность часъ отъ часу больше возрасти можетъ, чѣмъ далѣе въ полуденныя страны слухъ о ледяномъ домѣ распространится...

(Русс. Старина 1873 г., т. VII, с. 354—359.)

---

152. Выходъ Императрицы Екатерины II.

(По запискамъ современника — нѣмца.)

1781.

...Итакъ, около половины двѣнадцатаго мы поѣхали во дворецъ. Безчисленные великолѣпные экипажи стояли уже длинными рядами передъ дворцомъ, другіе еще только подъѣзжали къ нему. Державшіе караулъ гвардейцы не опросили меня, кто я такой, такъ какъ мой товарищъ былъ самъ гвардейскимъ офицеромъ. Мы и прошли мимо караульныхъ и у входа, и у лѣстницъ, какъ внизу, такъ и на верху, до часовыхъ у пріемной залы, которыхъ выбираютъ изъ гвардейскихъ унтеръ-офицеровъ. Въ армейскихъ полкахъ они имѣютъ чинъ фендриховъ, но чаще чинъ подпрапорщиковъ или прапорщиковъ. Часовые у пріемной залы спросили меня; кто я такой. Мой спутникъ отвѣтилъ: «Кавалеръ, нѣмецъ», а затѣмъ пояснилъ мнѣ, что этою вынужденною ложью избавляетъ меня отъ дальнѣйшихъ опросовъ.

Двери открылись передъ нами, и боже! среди какого несмѣтнаго множества орденскихъ лентъ, звѣздъ, разнообразныхъ мундировъ и проч. увидѣли мы себя. Тутъ были люди почти отъ всѣхъ народовъ Европы и отъ различныхъ азіатскихъ, какъ казаки, калмыки, крымцы, одинъ персъ и др. Собственно русскіе превосходили всѣхъ мужественной красотой и ростомъ. Я вообще замѣтилъ здѣсь, въ обществѣ, преобладаніе красивыхъ мужчинъ надъ женщинами; но это замѣчаніе не относится къ провинціи, а только къ Петербургу, куда привлекается все выдающееся всякаго рода. Особенно же замѣтилъ я это, при дворѣ, относительно мужчинъ. Большинство иностранцевъ очень проигрывало передъ этими красивыми и рослыми русскими.

Здѣсь въ залѣ, были всѣ иностранные посланники, завѣдывающіе дѣлами, резиденты и одинъ посолъ; сверхъ того, много разныхъ иностранцевъ всякихъ національностей, которымъ это зрѣлище казалось величественнымъ и пріятнымъ не менѣе, чѣмъ мнѣ. Много было тутъ русскихъ генераловъ, штабъ-офицеровъ и другихъ знатныхъ, состоящихъ на службѣ у монархини. Мое особенное вниманіе привлекали тѣ личности, которыя получили уже извѣстность по значенію, которое имѣли или еще и теперь имѣютъ въ политическихъ дѣлахъ, какъ, напримѣръ, графъ Кобенцель, посланникъ императора, графъ де-Веракъ — француз-

скій, графъ Герцъ — прусскій, Гаррисъ — англійскій и др., а также адмиралъ Григорій Орловъ, сжегшій при Чесмѣ большой турецкій флотъ, и генералъ Бауэръ. Будучи прусскимъ офицеромъ, онъ былъ присланъ королемъ прусскимъ еще къ Петру III, чтобъ показать нѣкоторые прусскіе маневры, а впослѣдствіи своими талантами и неутомимымъ усердіемъ онъ пріобрѣлъ благорасположеніе государыни и неувядаемую память въ русскихъ, за улучшенія по инженерному вѣдомству, за учрежденіе корпуса кондукторовъ, за устройство болѣе точныхъ геометрическихъ съемокъ города, за мѣры о благоустройствѣ большихъ дорогъ, за обложеніе Фонтанки, за возведеніе нѣсколькихъ зданій и исправленіе многого другого.

Всѣ эти персоны и многія другія изъ значительнѣйшихъ въ настоящее время вращались одинъ около другого. Это непрестанное расхаживаніе, привѣтствія, господствующее желаніе быть представленнымъ, громкія увѣренія (частенько лживыя) видѣть другъ друга здоровыми, рѣчи ничего не значащія или означающія совѣтъ противное, вполголоса разговоры, — все это усиливало неумолкаемый шумъ въ залѣ.

Вдругъ отворились двери; возвѣстили о приближеніи государыни и тотчасъ всѣ посланники и другія знатныя персоны образовали проходъ, ставъ по обѣимъ сторонамъ. Ближайшимъ къ дверямъ сталъ баронъ Фонъ-Ассенааръ, посолъ семи голландскихъ соединенныхъ штатовъ, которому, какъ послу, давалось преимущество передъ прочими. Напротивъ него стоялъ графъ фонъ-Кобенцель. За этими двумя, стоявшими во главѣ прохода, слѣдовали посланники: французскій, герцогъ де-Веракъ; англійскій, кавалеръ Гаррисъ; испанскій, кавалеръ фонъ-Нермандесъ; португальскій, кавалеръ Хорта; шведскій, баронъ фонъ-Польгенъ; прусскій, графъ Герцъ; саксонскій, кавалеръ баронъ фонъ-Сакенъ; уполномоченный отъ Ганзейскихъ городовъ (Любека, Гамбурга, Бремена и Данцига), кавалеръ Виллебрантъ и другіе представители: Польши, Сардиніи, Неаполя, также и нѣкоторые секретари посольствъ, какъ, напр., графъ Тизенгаузенъ.

Водворилась торжественная тишина. Казалось, никто не смѣлъ громко дышать. Такъ умолкали прочіе боги, по словамъ Гомера въ Иліадѣ, когда приближался Зевесъ. Впереди всѣхъ показался гофмаршалъ; за нимъ, попарно, камергеры, министры всѣхъ вѣдомствъ и прочіе придворные. За ними шелъ князь Потемкинъ (русскіе произносятъ, какъ Потёмкинъ) съ жезломъ, какъ генералъ-адъютантъ императрицы; онъ шелъ одинъ. Непосредственно за нимъ слѣдовала та, которая, кромѣ своего собственнаго государства, тысячи существъ возбуждаетъ отъ тихаго покоя, по одному своему усмотрѣнію, и въ Константинополѣ и въ Испагани и даруетъ миръ нашему отечеству; та, флаги которой развѣваются въ Черномъ, Каспійскомъ и Средиземномъ моряхъ, а также, какъ въ Балтійскомъ и Бѣломъ; та, которая достигла того, мой дорогой другъ, что вы и безчисленное множество людей можете теперь съ меньшимъ страхомъ и дрожью пѣть молебные слова: «сохрани насъ отъ меча турецкаго».

Екатерина II средняго, скорѣе большого, чѣмъ маленькаго роста; она только кажется невысокою, когда ее сравниваешь съ окружающими ее высокими русскими людьми. Она немного полна грудью и тѣломъ; у нея большіе голубые глаза, высокій лобъ и нѣсколько удлиненный подбородокъ. Такъ какъ ей теперь 52 года, то и нельзя ожидать юношеской красоты. Но она всего менѣе не красива; напротивъ, въ чертахъ ея лица еще много признаковъ ея прежней красоты и въ общемъ видны знаки ея тѣлесной прелести. Ея щеки, благодаря краскѣ, ярко румяны. Въ ея взглядѣ столько же достоинства и величія, сколько милости и снисхожденія. Она держится съ большимъ достоинствомъ, весьма прямо, но не впадаетъ въ принужденность.

Если я не ошибаюсь, то слышу вопросъ вашей милой жены. Что же на ней было надѣто? Была ли она завита? Какое у нея головное украшеніе? Ну, хорошо, я попробую на это отвѣчать. Ея одежда по отношенію къ кройкѣ почти такая же, какую носятъ вообще русскіе; только немного различія, особенно въ рукавахъ. Длинное платье, которое тянется отъ груди до ногъ, совершенно прямо. Это полукафтанье. Рукава доходятъ до кисти руки во множествѣ небольшихъ складокъ. Вверху у плечъ эти рукава нѣсколько шире, но ближе къ рукамъ они становятся уже. Надъ этими Stolan [1]) или Adrienne [2]) (если дерзну такъ назвать) носила она летучее одѣяніе безъ рукавовъ. Костюмъ и верхнее платье разныхъ цвѣтовъ, и тамъ, гдѣ приходятся руки, все одно къ другому хорошо приложено, и я долженъ сказать, что это нѣсколько азіатское одѣяніе на меня не произвело неблагопріятнаго впечатлѣнія, такъ какъ цвѣта не слишкомъ ярки. Нижнее платье было изъ легкой матеріи, чередующейся между бѣлымъ и серебрянымъ. Верх-

---

[1]) Эпитрахиль.

[2]) Одно изъ пасторскихъ облаченій.

все платье [illegible]. Въ немногихъ затканныхъ серебромъ мѣстахъ, лилово-красныхъ и переливчато-серебристыхъ. Ея головной уборъ: ко лбу спускающаяся и почти въ три пальца возвышающаяся прическа, сзади которой спадаетъ нѣсколько сплетенныхъ косъ. На тупеѣ покоилась небольшая брилліантами пригвожденная корона, подобная изображеннымъ на монетахъ. На груди небольшой щитокъ, покрытый алмазами. Возлѣ этого грудного украшенія видны были двѣ орденскія ленты. Такъ какъ она эти орденскія ленты носила черезъ плечо, вплоть до бедра, и притомъ между верхнимъ и нижнимъ платьемъ, то посему онѣ особенно замѣтны у самой груди. Одна прикрываетъ другую, такъ что нижняя лишь немного выдвигается. Верхняя, свѣтло-голубая, почти въ руку шириною, лента перваго и высшаго ордена россійскаго государства, Андреевскаго; нижняя, оранжево-желтая съ черными полосами: это военный орденъ св. Георгія, или за военныя заслуги. Отъ обоихъ, Андреевскаго и Георгіевскаго, орденовъ носила она золотыя и брилліантовыя цѣпи вокругъ шеи и на груди, двѣ звѣзды, одна другую заслоняющія, такъ какъ она гроссмейстеръ обоихъ орденовъ.

Ея полная грудь мало видна, вслѣдствіе русской одежды. Талія очень широка, но, благодаря умѣло избранному платью, весьма удачно скрыта. Ногъ ея и совсѣмъ не видно.

Какъ только императрица вступила въ комнату, она остановилась и нѣсколько разъ милостиво поклонилась многочисленнымъ присутствующимъ. Ея поклонъ совершается по русскому обычаю съ наклоненіемъ верхней части тѣла, какъ у нихъ кланяются только мужчины; ибо вообще русская женщина никогда не наклоняется, какъ въ Германіи, а кланяется. Только немногія женщины и притомъ только тѣ, которыя хотятъ быть важными, наклоняются. Однако это происходитъ почти всегда во время минуэта. Затѣмъ подходили одинъ за другимъ съ двухъ рядовъ и цѣловали ей руку, которую она всѣмъ подавала.

Пока это цѣлованіе руки происходило, съ одной стороны, съ достоинствомъ и почитаніемъ, а съ другой, съ благоговѣніемъ, она разговаривала по-французски съ графомъ Кобенцелемъ. Такъ какъ я стоялъ близко за нимъ, то могъ ясно понимать. Я любовался ея снисхожденіемъ или, если хотите, ея вѣжливостью, ибо она исключительно говорила о его дѣлахъ, о его семьѣ и о его родственникахъ.

Свита, которая предшествовала императрицѣ, перешла въ сосѣднюю комнату. Какъ только кончилось цѣлованіе руки, она сперва сдѣлала поклонъ на ходу нѣкоторымъ изъ стоявшихъ и перешла въ смежную комнату.

Непосредственно за монархиней слѣдовалъ ея камергеръ г-нъ фонъ-Ланской (Landskoy) или, какъ его здѣсь всѣ зовутъ, фаворитъ, быть можетъ, красивѣйшій мужчина, какого я въ жизни видѣлъ. Онъ высокаго роста, прекрасно сложенъ, лицомъ болѣе смуглый, чѣмъ бѣлый. Онъ брюнетъ, но при этомъ съ лица нѣсколько темный, что встрѣчается, говорятъ, только у бѣлокурыхъ. Въ его появленіи достоинство, его взглядъ многообѣщающій: однако, нѣкоторые увѣряли меня, что его умъ нисколько не отвѣчаетъ благопріятному впечатлѣнію...

За нимъ, г-мъ фонъ-Ланскимъ, слѣдовало въ парадномъ шествіи до 16 или 20 придворныхъ дамъ и фрейлинъ. Нѣкая фрейлина Энгельгардтъ, племянница князя Потемкина, отличается ростомъ, красотой и, какъ говорятъ, также головою и сердцемъ преимущественно предъ другими. Онѣ шли попарно за нею въ другую комнату, но часть ихъ осталась въ этомъ залѣ или пріемной.

Принесли прохладительное въ видѣ ликеровъ, вина и печеній, которыми насладились не только оставшіяся дамы, но и разные господа, разговаривавшіе нѣкоторое время между собою.

Кромѣ названныхъ лицъ, мнѣ показали еще нѣкоторыхъ изъ тайнаго совѣта императрицы; генералъ-фельдмаршала князя Голицына, генералъ-фельдмаршала графа Чернышева, генералъ-аншефа князя Волконскаго, генералъ-фельдцейхмейстера князя Орлова, тайнаго совѣтника князя Вяземскаго, канцлера графа Остермана, къ каковому совѣту еще принадлежитъ и князь Потемкинъ.

Между придворными кавалерами выдавались оба — Александръ и Левъ Нарышкины, о садахъ которыхъ я недавно писалъ, Шуваловъ, Елагинъ, Гагаринъ, Барятинскій, Воронцовъ, Шкуринъ, Бибиковъ, Корсаковъ, Куракинъ, Павелъ Потемкинъ, генералъ-Ребиндеръ и многіе другіе.

(Русскій архивъ 1911 г. № 7 с. 322—327.)

---

154. День императрицы Екатерины II.

(По запискамъ Грибовскаго.)

Въ обыкновенные дни государыня въ Зимнемъ дворцѣ вставала въ 7 часовъ; до 9 занималась въ зеркальномъ кабинетѣ, по большей части сочиненіемъ устава для Сената (я говорю о томъ времени, когда я при с. в.

находился ¹), въ 10-мъ часу выходила въ спальню и садилась на стулѣ (а не на креслахъ), обитомъ бѣлымъ штофомъ, передъ выгибнымъ столикомъ, къ которому приставленъ былъ еще другой такой же столикъ, выгибомъ въ противную сторону, для докладчика; и передъ нимъ стулъ. Въ сіе время дожидались въ уборной всѣ имѣвшіе дѣла для доклада; а дежурный камердинеръ въ собственномъ платьѣ тогдашняго нѣмецкаго покроя и произвольнаго цвѣта (ливрей тогда, кромѣ лакейскихъ и камеръ-лакейскихъ, придворные чины и служители не носили), въ башмакахъ, черныхъ шелковыхъ чулкахъ и съ пудрою причесанный, стоялъ у дверей спальни; по звонку колокольчика онъ входилъ въ спальню и получалъ приказаніе позвать прежде всѣхъ оберъ-полицеймейстера. За нимъ входили, по приказу, и съ докладами всѣ прочіе. Вошедшій поклонялся по обыкновенію, цѣловалъ руку, и, когда угодно ей это было, и если имѣлъ дѣла для доклада, то, по данному знаку, садился за столикъ противъ государыни, и докладывалъ...—Статсъ-секретари ежедневно, вице-канцлеръ по четвергамъ, а генералъ-прокуроръ по воскресеньямъ, съ сенатскими меморіями.

Въ двѣнадцать часовъ слушаніе дѣлъ прекращалось; государыня выходила въ малый кабинетъ для прическы волосъ, которые тогда довольно еще были густы; прическа оканчивалась не больше, какъ въ четверть часа. Въ сіе время приходили оба великіе князья, а иногда великія княжны, для поздравленія съ добрымъ днемъ. Послѣ государыня выходила въ уборную для наколки головного убора, что также не болѣе четверти часа продолжалось; при семъ представляться могли всѣ тѣ, кои имѣли въ уборную входъ, и нѣсколько камеръ-юнгферъ. Чепчикъ накалывала А. Ал. Палекучи, гречанка, пожилая дѣвица и глухая; булавки держали двѣ сестры Звѣревы, дѣвицы зрѣлыхъ лѣтъ, которыя въ молодости слыли красавицами; ледъ на блюдѣ и полотенце держала Марія Степановна Алексѣева, также дѣвица немолодая, собою видная, густо нарумяненная, но некрасивая. Во время наколки чепчика государыня обтирала лицо льдомъ и разговаривала съ нѣкоторыми изъ присутствующихъ тутъ, въ числѣ коихъ нерѣдко бывали у туалета ея шталмейстеръ Левъ Александровичъ Нарышкинъ и Александръ Сергѣевичъ Строгановъ; съ ними охотно государыня любила разговаривать. По окончаніи туалета государыня возвращалась въ спальню одна, а камеръ-юнгферы выходили другою дверью въ предуборную комнату, и послѣ уходили въ спальню для одѣванія; при чемъ находилась уже и Марія Савишна ¹).

Оставшись, до обѣда государыня занималась чтеніемъ книгъ или слѣпками камеевъ, которые она иногда дѣлала. Въ два часа садилась за столъ; послѣ обѣда время проходило въ чтеніи иностранной почты, въ тѣ дни, когда она приходила, а въ другіе или чтеніемъ какого-либо сочиненія, до законодательства относящагося, или помянутыми снимками камеевъ. Въ Царскомъ Селѣ, въ долгіе лѣтніе дни иногда немного спала. Въ шесть часовъ начиналось вечернее собраніе въ ея покояхъ или въ театрѣ, въ Эрмитажѣ; въ десятомъ часу всѣ разъѣзжались, и въ одиннадцать часовъ императрица почивала.

(Записки А. Грибовскаго, статсъ-секретаря императрицы, с. 31—37.)

---

155. Державинъ.

Описаніе торжества въ домѣ князя Потемкина по случаю взятія Измаила.

(1791 г.)

По всеподданнѣйшему отъ хозяина прошенію великой государыни и ихъ высочествъ и по сдѣланному зву знатнаго обоего пола дворянства, въ 6-ти часамъ пополудни всѣ собралися. Всѣ были въ маскарадномъ платьѣ. Хотя отъ множества каретъ заперлись улицы, но въ домѣ такой былъ просторъ, что можно бы, безъ стѣсненія, пригласить такое же или еще большее число гостей. Наконецъ, прибылъ дворъ. Въ самое то время, на устроенномъ нарочно противъ дома амфитеатрѣ, украшенномъ зеленью, заиграли трубы и открылся пиръ для народа. Представлены были въ даръ ему разнаго рода одежды, всякое съѣстное и сладкіе напитки. Повсюду раздавалось восклицаніе въ честь и славу всемилостивѣйшей обладательницы: простосердечное у р а наполняло воздухъ. Самая лучшая похвала доброму государю — радостный кликъ его народа. Подъ симъ гласомъ искренности хозяинъ встрѣтилъ высочайшихъ своихъ посѣтителей въ подобающемъ августѣйшему ихъ сану мѣстѣ, со всевозможнымъ благоговѣніемъ и знаками подданническаго усердія. Глубокое молчаніе и жадное устремленіе взоровъ нѣсколькихъ тысячъ гостей на священныхъ императорскихъ особъ, вступившихъ сперва

¹) 1795—1796 г.

¹) Перекусихина.

въ большую залу, было первое пріятное зрѣлище...

Какъ скоро высочайшіе посѣтители соизволили возсѣсть на приуготовленныя имъ мѣста, то вдругъ загремѣла голосовая и инструментальная музыка, изъ трехъ сотъ человѣкъ состоявшая. Торжественная гармонія разлилась по пространству залы. Выступилъ отъ алтаря хороводъ, изъ двадцати четырехъ паръ знаменитѣйшихъ и прекраснѣйшихъ женъ, дѣвицъ и юношей составленный. Они одѣты были въ бѣлое платье столь великолѣпно и богато, что однихъ бриліантовъ на нихъ считалось болѣе, нежели на десять милліоновъ рублей. Сіе младое и избранное общество тѣмъ большій возбудило въ Россіянахъ восторгъ, что государи великіе князья Александръ и Константинъ Павловичи удостоили сами быть въ ономъ... Какою радостью, какимъ восторгомъ наполнило сіе ихъ чувства и что изображалося на ихъ то удивленныхъ, то улыбающихся лицахъ, того никакое перо описать не въ состояніи; удобно было токмо сіе видѣть и чувствовать. Сія великолѣпная кадриль, такъ сказать, изъ юныхъ грацій, младыхъ полубоговъ и героевъ составленная, открыла балъ польскимъ танцемъ. Громкая музыка его сопровождаема была литаврами и пѣніемъ; слова онаго и послѣдующаго за нимъ польскаго же были слѣдующія:

Громъ побѣды, раздавайся!
Веселися, храбрый Россъ!
Звучной славой украшайся;
Магомета ты потрясъ.
Славься симъ, Екатерина,
Славься, нѣжная къ намъ мать!
Воды быстрыя Дуная
Ужъ въ рукахъ теперь у насъ;
Храбрость Россовъ почитая,
Тавръ подъ нами и Кавказъ.
Славься симъ, Екатерина,
Славься, нѣжная къ намъ мать!
Ужъ не могутъ орды Крыма
Нынѣ рушить нашъ покой;
Гордость низится Селима
И блѣднѣетъ онъ съ луной.
Славься симъ, Екатерина,
Славься, нѣжная къ намъ мать!—

Въ продолженіе танцевъ августѣйшая гостья, оказавъ свое благоволеніе участвовавшимъ въ ономъ, изволила оставить собраніе и уклонилась для отдохновенія въ чертогъ, устланный коврами и обитый драгоцѣнными тканями... Тогда въ другой комнатѣ подлѣ сей, золотой слонъ, обвѣшанный жемчужными бахромами, убранный алмазами и изумрудами, началъ обращать глаза. Онъ былъ какъ бы живъ... Персіянинъ, сидящій на немъ, ударилъ въ колоколъ, и сіе было извѣщеніемъ театральнаго представленія. Хозяинъ всеподданнѣйше просилъ къ оному высочайшихъ своихъ посѣтителей и пригласилъ прочихъ гостей. Открылся занавѣсъ. Мѣсто дѣйствія и помостъ освѣтилися лучезарнымъ солнцемъ, въ срединѣ котораго сіяло въ зеленыхъ лаврахъ вензловое имя Екатерины II. Выступившая танцовщица, представлявшіе поселянъ и поселянокъ. Воздѣвая руки къ сему благотворному свѣтилу, они показывали движеніями усерднѣйшія свои чувствованія. Балетъ препровождаемъ былъ музыкою и пѣніемъ...

За нимъ слѣдовала комедія, а послѣ оной балетъ, представлявшій смирнскаго купца, торгующаго невольниками всѣхъ народовъ. Но, къ чести россійскаго оружія, не было ни одного соотечественника нашего въ плѣну сего корыстолюбиваго варвара. Какая перемѣна политическаго нашего состоянія! Давно ли Украйна и низовыя мѣста подвержены были непрестаннымъ набѣгамъ хищныхъ ордъ? давно ли? О, коль пріятно напоминаніе минувшихъ напастей, когда онѣ прошли, какъ страшный сонъ! Теперь мы наслаждаемся въ пространствахъ торжествомъ и благоденствіемъ. О, потомство! вѣдай: все сіе есть твореніе духа Екатерины...—

Ужъ наступила ночь, и когда изъ театра возвратилися въ залу, преподнесено было концертомъ великолѣпнѣйшее зрѣлище...

Вступили въ освѣщенные чертоги. Что же представилось? Сама августѣйшая императрица вопросила: «Неужели мы тамъ, гдѣ прежде были?» Все тлѣетъ лампадъ внутри дома: карнизы, окна, простѣнки, все усыпано численными кристальными, наполненными возженнаго бѣлаго благовоннаго воску. Граненыя паникадила и фонари, висящіе съ высоты, а по сторонамъ позлащенные свѣтильники, одни, какъ жаръ горятъ, а другіе — какъ воды переливаются и, отражая лучи свои въ разноцвѣтное сіяніе, все покрывали свѣтозарностью. Какой блескъ! Волшебные [illegible] Шехеразады! смѣетесь ли вы съ вашими духами, украшенными звѣздами, или, лучше, съ [illegible] сравненіе? [illegible] вкуса и славы! [illegible] великолѣпнѣйшаго? — [illegible] ярчайшій и живой лучъ, и какъ бы [illegible]. Такъ, какъ бы въ лазурный день, разливается блескъ тонкій и утонченный; и весь въ зарѣхъ. Окна [illegible]. Горящіе полосы звѣздъ [illegible]. Рубины, изумруды, яхонты, топазы блещутъ. Разноцвѣтные съ живыми цвѣтами и зеленью переплетенные вѣнцы и цѣпи висятъ между столпами; тѣнистыя радуги бѣгаютъ по пространству; зарево славы здѣсь проглядываетъ;

искусство вездѣ подражаетъ природѣ. Но что, кромѣ сего, было чрезъестественнаго, описать трудно. Высочайшія пальмы, по подборнетымъ и ровнымъ ихъ стеблямъ до самыхъ вершинъ увиты какъ бы звѣздами и горятъ, какъ пламенѣющіе столпы. Ароматныя рощи обременены златопрозрачными померанцами, лимонами, апельсинами; зеленый, черленый и желтый виноградъ, віясь по тычинкамъ огнистыми кистями своими, и въ тѣняхъ по чернымъ грядамъ лилеи и тюльпаны, ананасы и другіе плоды пламенностію своею испещренную пестроту и чудесность удивленному взору представляютъ. Гдѣ находишься? Что видишь? Не обманываешься ли? Самъ себѣ не вѣришь! — ...

Между тѣмъ какъ такими забавами занимались въ покояхъ, во внѣшнемъ, весьма пространномъ и прекрасномъ саду возжены были увеселительные огни. Хотя пасмурная погода не позволяла всѣмъ утѣшаться ими, но любопытство примѣтило оные. Тамъ, на прекрасныхъ прудахъ, чешуящихся между открытою пологою зеленью, а инѣ древами осѣненныхъ, зыблилась флотилія, изъ нѣсколькихъ судовъ состоявшая, украшенная разноцвѣтными флагами, фонарями, со множествомъ матросовъ и гребцовъ, богато одѣтыхъ. Рощи, пріятно разбросанныя, и аллеи, далеко простирающіяся, также испещрены были разными огнями. Всего пріятнѣе казалось помаваніе деревъ, надъ водами стоящихъ, которыя, отъ случившагося тогда нарочитаго вѣтра наклоняясь и возвышаясь, заставляли по колеблющемуся подъ ними стеклу пробѣгать то зеленыя, то красныя струи. Всѣ дороги были покрыты народомъ, толпящимся подобно рою пчелъ, привившихся къ тому мѣсту, гдѣ матка ихъ находится. Шорохъ деревъ, шумъ водъ катящагося водопада, жужжанье говорящихъ, гласъ вдалекѣ гребецкаго рога и пѣсенъ, слышимый съ гуломъ музыки, вырывающимся изъ дому, погружали мысли въ нѣкую задумчивость. Какіе разговоры, какіе вопросы о причинѣ праздника и щедрости хозяина!..

Угощенные толь пріятнымъ образомъ, посѣтители внутри и внѣ дома ничего уже болѣе не ожидали, что бы могло усугубить ихъ удовольствіе; но вдругъ, по данному отъ хозяина знаку, театръ уничтожается; на мѣстѣ же его и еще въ нѣсколькихъ другихъ покояхъ являются для 600 человѣкъ накрытые столы, кромѣ тѣхъ, которые приставлены были къ стѣнамъ для всякаго, кто чего мимоходомъ пожелаетъ. Гдѣ были театральное дѣйствіе и зрители, тамъ чрезъ нѣсколько минутъ открылись горы серебра съ разнымъ кушаньемъ, вокругъ съ золотыми подсвѣчниками. Достойны были удивленія расторопная услуга и порядокъ, а паче хозяйское распоряженіе и присмотръ его повсюду...

Начался ужинъ. Мѣста театра и оркестръ удостоены были высочайшаго императорскаго присутствія. На первомъ, въ числѣ кадрили, изволили кушать государи великіе князья Александръ и Константинъ Павловичи; а на второмъ всемилостивѣйшая государыня и его императорское высочество наслѣдникъ престола съ высочайшею его супругою; партеръ и нѣсколько картинныхъ покоевъ заняты были прочими обоего пола особами. Порядокъ поставленныхъ столовъ достоинъ примѣчанія: всѣхъ [illegible] обращены были къ лицу государыни, и отъ сцены по степенямъ до нѣкоего [illegible] возвышенія возносилась освѣщенная гора съ приборами, услугою и гостями, подобно какъ бы съ зрителями. На самой высотѣ оной сіяли стеклянные разноогненные сосуды, что также представляло нѣкое необычайное зрѣлище. Казалось, что вся Имперія пришла со всѣмъ своимъ великолѣпіемъ и изобиліемъ на угощеніе своей владычицы и тѣснилась даже на высотахъ, чтобъ насладиться ея лицезрѣніемъ.

Богатая Сибирь, наклонясь надъ столами,
Разсыпала по нихъ и злато и сребро;
Восточный, западный, сѣдые океаны,
Трясяся челами, держали рѣдкихъ рыбъ;
Чернокудрявый лѣсъ и бѣловласы степи,
Украйна, Холмогоръ несли тельцовъ и дичь;
Вѣнчанна класами, хлѣбъ Волга подавала,
Съ плодами сладкими принесъ корзину Тавръ;
Рифей, нагнувшися, въ топазы, аметисты
Лилъ кубки медъ златый, древъ искрометный сокъ,
И съ Дона сладкія и крымски вкусны вина;
Прекрасная Нева, пріявъ отъ Бельта съ рукъ,
Въ фарфорѣ, кристалѣ чужія питья, свѣдя
Носила по гостямъ, какъ будто бы стыдясь,
Что потчевать должна такъ прихоть поневолѣ.
Обилье тучное всѣмъ простирало длань.
Картины по стѣнамъ, огнями освѣщенны,
Казалось, ожили и, рдяны лица ихъ
Изъ мрака выставя, на славный пиръ смотрѣли;
Лукуллы, Цезари, Трояны, Октавій, Титъ,
Какъ будто изумясь, сошли со стѣнъ желали
И вопросить: Кого такъ угощаетъ свѣтъ?
Кто, кромѣ насъ, владѣть отважился вселенной?...

(Сочиненія Державина, 2-е академич. изданіе, т. I, стр. 392—417.)

---

156. Фавориты Екатерины II.

(По Валишевскому.)

Увлеченіе Екатерины Орловымъ было понятно и даже окружено извѣстнымъ ореоломъ: этотъ человѣкъ рисковалъ для нея жизнью, и она любила его — или думала, что любитъ, — не только чувственною любовью. Разставаясь съ нимъ, она страдала глубоко и

сильно, и когда онъ умеръ, оплакивала его искренними, горькими слезами.

Скандальная хроника императрицы началась въ сущности лишь послѣ смерти перваго фаворита. Съ Васильчиковымъ въ 1772 году въ жизнь Екатерины влилась струя матеріальной, грубой и безстыдной чувственности. А съ появленіемъ Потемкина въ 1774 году Екатерина стала дѣлить свою императорскую власть со случайными любовниками и придала этимъ новый характеръ своему царствованію. Фавориты теперь быстро чередовались одинъ за другимъ: въ іюнѣ 1778 года англичанинъ Гаррисъ отмѣчаетъ возвышеніе Корсакова, а въ августѣ говоритъ уже объ его соперникахъ, которые стараются отбить у него милости императрицы; ихъ поддерживаютъ, съ одной стороны, Потемкинъ, съ другой—Панинъ вмѣстѣ съ Орловымъ; въ сентябрѣ Страховъ, «шутъ низшаго разбора», одерживаетъ надъ всѣми верхъ: четыре мѣсяца спустя его мѣсто занимаетъ майоръ Семеновскаго полка, нѣкто Левашевъ; молодой человѣкъ, покровительствуемый графиней Брюсъ, Свейковскій, произилъ себя шпагой въ отчаяніи, что ему предпочли этого офицера. Корсаковъ опять на минуту возвращается къ прежнему положенію, онъ борется теперь съ какимъ-то Стояновымъ, любимцемъ Потемкина, но всѣ они должны уступить дорогу Ланскому; Ланского смѣняетъ Мамоновъ; у Мамонова временно отбиваютъ мѣсто Милорадовичъ и Миклашевскій, и т. д., и т. д.... Это какой-то безудержный потокъ: и въ 1792 году, въ шестьдесятъ три года, Екатерина опять начинаетъ съ Платономъ Зубовымъ и, повидимому, и съ его братомъ Валерьяномъ главу романа, пережитаго ею прежде съ двадцатью другими предшественниками.

Въ депешѣ Корберона, посланной имъ графу Верженну изъ Петербурга 17-го сентября 1778 года, мы читаемъ слѣдующія строки:

«Въ Россіи замѣчается по временамъ родъ междуцарствія въ дѣлахъ, которое совпадаетъ со смѣщеніемъ одного фаворита и появленіемъ новаго. Это событіе затмѣваетъ всѣ другія. Оно сосредоточиваетъ на себѣ всѣ интересы и направляетъ ихъ въ одну сторону; даже министры, на которыхъ отзывается это общее настроеніе, пріостанавливаютъ дѣла, пока окончательный выборъ временщика не приведетъ всѣхъ опять въ нормальное состояніе и не придастъ правительственной машинѣ ея обычный ходъ».

... Обыкновенно постъ временщика достигался цѣною сложныхъ интригъ. Перейдя съ 1776 года на положеніе почетнаго фаворита, Потемкинъ сталъ представлять Екатеринѣ прошедшихъ у него школу и находившихся подъ его вліяніемъ молодыхъ людей, предоставляя одного изъ нихъ ея выбору. Но и избраннику и ему стоило громадныхъ усилій удержать за собою завоеванное мѣсто: короткаго отсутствія, болѣзни, минутной слабости было достаточно, чтобы погубить все дѣло. Самое названіе фаворита, такъ образно звучащее по-русски — временщикъ, указывало баловнямъ судьбы, какъ призрачно ихъ быстротечное и невозвратное, какъ время, счастье. Въ 1772 году, отправившись изъ Фокшанъ для заключенія мирнаго договора съ Турціей, Григорій Орловъ узналъ, что Васильчиковъ занялъ такъ неосторожно оставленный имъ постъ. Орловъ сейчасъ же помчался въ Петербургъ: почти безъ отдыха, какъ курьеръ, онъ проѣхалъ однимъ духомъ три тысячи верстъ, не останавливаясь ни для сна, ни для обѣда. И все-таки онъ пріѣхалъ слишкомъ поздно. Въ 1784 году Ланской заболѣлъ и, боясь впасть въ немилость, сталъ прибѣгать къ искусственнымъ возбудительнымъ средствамъ, погубившимъ его здоровье и сведшимъ его въ могилу. Иногда же случалось, что, взлетѣвъ въ одно мгновеніе на головокружительную высоту, сосѣднюю съ царскимъ престоломъ, фавориты начинали забываться: Зоричъ считалъ все для себя позволеннымъ, даже измѣну той женщинѣ, которая вывела его изъ ничтожества. Мамоновъ хотѣлъ, чтобы она позволила ему дѣлить любовь между ней и ея фрейлиной, въ которую онъ влюбился. Но этого было довольно: на ближайшемъ вечернемъ пріемѣ всѣ замѣчали, что императрица пристально смотритъ на какого-нибудь неизвѣстнаго поручика, представленнаго ей лишь наканунѣ или терявшагося прежде въ блестящей толпѣ придворныхъ; на слѣдующій день становилось извѣстно, что онъ назначенъ флигель-адъютантомъ ея величества. Всѣ понимали, что это значитъ. Днемъ молодого человѣка короткимъ приказомъ вызывали во дворецъ: здѣсь онъ знакомился съ лейбъ-медикомъ государыни, англичаниномъ Роджерсономъ. Затѣмъ его поручали заботамъ графини Брюсъ, а впослѣдствіи фрейлины Протасовой: щекотливыя обязанности этихъ дамъ не поддаются болѣе точному опредѣленію. Послѣ этихъ испытаній его отводили въ особое помѣщеніе фаворитовъ, въ которомъ временщики смѣнялись чаще, чѣмъ французскіе министры въ министерскихъ отеляхъ. Аппартаменты стояли уже пустыми и были готовы для вновь прибывшаго. Его ожидали здѣсь всевозможная роскошь и комфортъ, полное хозяйство, громадный штатъ слугъ, и, открывъ письменный

столъ, онъ находилъ въ немъ сто тысячъ золотомъ, первый даръ императрицы, за которымъ должны были послѣдовать другіе безчисленные дары. Вечеромъ, передъ собравшимся дворомъ, Екатерина показывалась, фамильярно опираясь на его руку; и когда было десять часовъ, и она кончала игру и удалялась къ себѣ во внутренніе покои, новый фаворитъ провожалъ ее туда же одинъ...

Теперь онъ уже не могъ выйти изъ дворца иначе, какъ въ сопровожденіи своей августѣйшей подруги. Онъ былъ птицей, запертой въ клѣтку, — клѣтку, правда, драгоцѣнную, но которую зорко сторожили.

И, наконецъ, надо принимать въ разсчетъ еще одно обстоятельство, которое показываетъ, что Екатерина не была такъ неразборчива въ своихъ увлеченіяхъ, какъ то многіе полагали: ея фавориты, всѣ безъ исключенія были людьми въ полномъ расцвѣтѣ силъ и въ большинствѣ случаевъ богатырскаго сложенія. Старѣя, Екатерина выбирала ихъ себѣ все болѣе молодыми. Братьямъ Зубовымъ было одному двадцать два года, а другому восемнадцать лѣтъ, когда она остановила на нихъ свое вниманіе. Не знаютъ возрастъ Ланского и знаютъ также причину его преждевременной смерти.

Но сколько же именно фаворитовъ было съ восшествія Екатерины на престолъ и до ея кончины, т.-е. съ 1762 до 1796 года? Опредѣлить ихъ число вполнѣ точно — не такъ легко. Только десятеро изъ нихъ занимали офиціально постъ временщика со всѣми его привилегіями и обязанностями: Григорій Орловъ съ 1762 до 1772 года; Васильчиковъ съ 1772 до 1774 года; Потемкинъ съ 1774 до 1776 года; Завадовскій съ 1776 до 1777 года; Зоричъ съ 1777 до 1778 года; Корсаковъ съ 1778 до 1780 года; Ланской съ 1780 до 1784 года; Ермоловъ съ 1784 до 1785 года; Мамоновъ съ 1785 до 1789 года и Зубовъ съ 1789 до 1796 года. Но при Корсаковѣ въ жизни Екатерины былъ временный переломъ, когда она увлекалась сразу очень многими молодыми людьми, и одинъ изъ этихъ ея воздыхателей, Страховъ, несомнѣнно, былъ близокъ къ ней, — это установлено почти съ полной достовѣрностью, — хотя и никогда не занималъ положенія, отведеннаго во дворцѣ фаворитамъ. То же могло, конечно, повториться и съ другими. Осматривая Зимній дворецъ, нѣсколько лѣтъ спустя послѣ смерти Екатерины, одинъ путешественникъ былъ пораженъ убранствомъ двухъ маленькихъ гостиныхъ, расположенныхъ рядомъ со спальней императрицы: стѣны одной изъ нихъ были сверху донизу увѣшаны очень цѣнными миніатюрами въ золотыхъ рамахъ, изображавшими сладострастныя и любовныя сцены; стѣны другой комнаты были точной копіей первой. Но только всѣ миніатюры ея были портреты — портреты мужчинъ, которыхъ любила или знала Екатерина.

Фаворитизмъ стоилъ дорого. Кастера вычисляетъ, что обошлись Россіи десять главныхъ его представителей; онъ присоединяетъ къ нимъ еще какого-то неизвѣстнаго Высоцкаго.

Получили:

Пять братьевъ Орловыхъ . .	17.000.000	руб.
Высоцкій	800.000	»
Васильчиковъ	1.100.000	»
Потемкинъ	50.000.000	»
Завадовскій	1.380.000	»
Зоричъ	1.420.000	»
Корсаковъ	920.000	»
Ланской	7.260.000	»
Ермоловъ	550.000	»
Мамоновъ	880.000	»
Братья Зубовы	3.500.000	»
Расходы фаворитовъ	8.500.000	»
Итого	92.500.000	руб.

Или, другими словами, 400 милліоновъ франковъ по курсу того времени. Приблизительно такую же цифру приводитъ и англійскій посланникъ Гаррисъ. По его расчету, семейство Орловыхъ получило съ 1762 года по 1783 годъ отъ 40 до 50 тысячъ душъ крестьянъ и 17 милліоновъ рублей деньгами, дворцами, драгоцѣнностями и посудой. Васильчиковъ за неполныхъ два года — 100.000 рублей серебромъ, 50.000 руб. золотыми вещами, домъ съ полной обстановкой стоимостью въ 100.000 рублей, сервизъ въ 500.000 руб., пожизненная пенсія въ 20.000 руб. и 7.000 душъ. Потемкинъ за два года — 37.000 душъ крестьянъ и драгоцѣнностями, дворцами, пенсіей, посудой около 9.000.000 руб. Завадовскій за полтора года — 6.000 душъ въ Малороссіи, 200 душъ въ Польшѣ, 1.800 душъ въ русскихъ губерніяхъ, 80.000 драгоцѣнностями, 150.000 руб. деньгами, сервизъ въ 30.000 руб. и пенсію въ 10.000 рублей. Зоричъ за годъ — имѣніе въ Польшѣ цѣною въ 500.000 руб., другое въ 100.000 руб. въ Лифляндіи, 500.000 руб. наличными деньгами, 200 тысячъ рублей драгоцѣнностями и командорство Мальтійскаго ордена въ Польшѣ, приносившее доходу до 12.000 руб. въ годъ. Корсаковъ за шестнадцать мѣсяцевъ — 150.000 руб. и при своемъ отъѣздѣ — 4.000 душъ въ Польшѣ, 100.000 руб., чтобъ расплатиться съ долгами, 100.000 руб. на первое обзаведеніе и 20.000 руб. въ мѣсяцъ для путешествія за границей.

Эти цифры не требуютъ комментаріевъ. Въ іюлѣ 1778 года кавалеръ Корберонъ писалъ изъ Петербурга графу Верженну:

«Новый фаворитъ Корсакъ (таково, повидимому, первоначальное имя этого лица) только что произведенъ въ камергеры. Онъ получилъ 150.000 рублей, и время его возвышенія, которое врядъ ли продолжится, будетъ по крайней мѣрѣ блестящимъ для него и разорительнымъ для государства. Это бѣдствіе, отъ котораго такъ страдаетъ Россія, повторяется очень часто и вызываетъ ропотъ и недовольство въ обществѣ, что могло бы имѣть опасныя послѣдствія, если бы Екатерина II не была сильнѣе и предусмотрительнѣе всѣхъ, кто ее окружаетъ. Всѣ ропщутъ глухо, но она продолжаетъ царствовать, и въ силѣ ея духа—ее спасеніе... На-дняхъ, въ одномъ русскомъ семействѣ вычислили, что стоилъ фаворитизмъ въ настоящее царствованіе: общій итогъ достигъ 48 милліоновъ рублей».

(К. Валишевскій, «Романъ Императрицы», с. 538—563.)

---

157. Изъ записокъ А. М. Тургенева.

О фаворитахъ Екатерины II.

Безплодіе брака Петра Федоровича.

Императрица Елизавета видѣла, или, лучше сказать, канцлеръ Бестужевъ видѣлъ, что Елизавета, слабаго ума, преданная пьянству и сладострастію, не могла, не умѣла видѣть совершенную неспособность въ назначенномъ наслѣдникѣ престола къ управленію не только обширнѣйшей имперіи Россійской, но и къ благоустроенному домоводству частнаго человѣка. Петръ III никакимъ дѣломъ не хотѣлъ и не могъ заняться, кромѣ ученія солдатъ экзерциціи, безпрестаннаго перекрашиванія мундировъ, курить не переставалъ табакъ и непремѣнно всякій день былъ пьянъ и не по одному разу.

Бестужевъ, владѣя слабымъ умомъ Елизаветы, преклонилъ ее убѣжденіями своими на согласіе объявить наслѣдницею престола великую княгиню Екатерину, супругу наслѣдника, въ которой всѣ безъ изъятія видѣли великія дарованія, а его предпочитать [illegible] по поврежденной и единственной его наклонности къ дѣлу и чину капральскому. Бестужевъ получилъ уже повелѣніе Елизаветы приуготовлять исподволь умы при дворѣ и въ обществѣ города къ [illegible] наслѣдницею Екатерину. [illegible] отлично занималась дѣлами и училась, какъ править государствомъ, у канцлера Бестужева.

Слабоумный и пьяный Петръ Федоровичъ ни мало не подозрѣвалъ тетку свою, императрицу Елизавету, въ замыслахъ ея, но какъ ему противъ прочаго было предоставлено болѣе свободы дѣлать, что хочетъ, муштровать голштинцевъ своихъ и кадетъ шляхетнаго корпуса, Петръ, въ знакъ благодарности своей къ императрицѣ за дозволеніе, дарованное ему дѣйствовать и располагать занятіями своими по собственному его произволу, началъ оказывать теткѣ-императрицѣ болѣе уваженія. Насмѣшки его надъ церковными обрядами, надъ духовенствомъ русскимъ, надъ дамами, окружающими государыню,—которыя, наряженныя въ пребольшіе фижмы и съ убранствомъ на головахъ, поднимавшимся перпендикулярно болѣе аршина, походили на оживотворенныя башни,—начали становиться гораздо рѣже и скромнѣе, какъ то прежде отъ него слышали.

Бестужевъ, преподавая лекціи Екатеринѣ, и безъ этого уже ею многоуважаемый,—она знала, что ему обязана удостоеніемъ раздѣлять нѣкогда тронъ императорскій,—еще болѣе пріобрѣлъ ее довѣренность и, наконецъ, былъ ее министромъ, повѣреннымъ всѣхъ тайныхъ ее помысловъ. Отъ нея непосредственно Бестужевъ свѣдалъ, что она съ супругомъ своимъ всю ночь занимается экзерциціей ружьемъ, что они стоятъ попеременно на часахъ у дверей, что ей занятіе это весьма наскучило, да и руки и плечи болятъ у нея отъ ружья. Она попросила его сдѣлать ей благодѣяніе, уговорить великаго князя, супруга ее, чтобы онъ оставилъ ее въ покоѣ, не заставлялъ бы по ночамъ обучаться ружейной экзерциціи, что она не смѣетъ доложить объ этомъ императрицѣ, страшась тѣмъ прогнѣвить ея величество.

Рѣшеніе Бестужева.

Бестужевъ при всей славѣ своей въ искусствѣ утонченной политики, въ ухищреніяхъ проницательнаго дипломатика, т.-е. знатока, совершеннаго въ искусствѣ обманывать и притворяться, не умѣлъ на этотъ разъ скрыть испуга, удивленія и вмѣстѣ отчаянія до того, что великая княгиня съ безпокойствомъ и простодушіемъ начала спросить его:

— Что съ вами сдѣлалось, Алексѣй Петровичъ,—вы перемѣнились въ лицѣ,—ахъ, я, вѣрно, васъ огорчила, простите мнѣ—и заплакала. Екатерина въ то время была, дѣйствительно, милый, непорочный, чистый ангелъ, прекрасная тѣломъ и съ душою, расположенною ко всему хорошему, благородному, высокому. [illegible] всѣ сіи дары природы въ Екатеринѣ уступили мѣсто разврату, преступленіямъ и всякаго рода неистовствамъ.

Бестужевъ старался успокоить великую княгиню, сказавъ ей, что съ нимъ это часто случается, что онъ подверженъ головной боли, которая, однакоже, скоро у него проходитъ. Просилъ великую княгиню не безпокоиться и какъ ловкій царедворецъ и скрылъ въ себѣ впечатлѣніе, произведенное чистосердечнымъ разсказомъ Екатерины, сдѣлался веселъ, забавенъ, рассказалъ великой княгинѣ много веселыхъ анекдотовъ, заставилъ ее смѣяться и, оставляя ее, просилъ Екатерину, чтобы она не пересказывала супругу своему о разговорѣ, бывшемъ между ними.

Екатерина съ тѣмъ же простодушіемъ, свойственнымъ невинности, отвѣчала Бестужеву:

— Великій князь никогда и ни о чемъ у меня не спрашиваетъ; у насъ только и словъ: слушай, на карауль и пр.

Того же дня или на другой, и вѣроятно на другой, потому что Елизаветѣ можно было говорить о дѣлѣ до 12 часовъ, Бестужевъ, явясь къ императрицѣ, доложилъ ея величеству, что онъ имѣетъ доложить ей о самоважнѣйшемъ дѣлѣ государственномъ и всенижайнѣйше просить ея величество всемилостивѣйше назначить ему аудіенцію...

Елизавета Петровна соизволила всемилостивѣйше Бестужеву сказать: «Завтра, Алексѣй Петровичъ».

Ужаснѣйшее завтра для обоихъ. Завтра Бестужевъ долженъ былъ доложить ея величеству, что не только умственныя способности наслѣдника ея величества, но и тѣлесныя его высочества качества, находятся не въ лучшемъ состояніи. Что она, къ душевному ея и всѣхъ вѣрноподданныхъ прискорбію, не должна ласкать себя надеждою видѣть въ великой княгинѣ лозу плодовитую, что вертоградарь немощенъ лелѣять и питать лозу. Великій умъ канцлера изощрялся въ изысканіяхъ, въ придумываніи средствъ, какъ дѣйствовать въ семъ случаѣ, какъ преклонить и согласить три лица: императрицу, наслѣдника ея престола и его супругу къ сознанію въ томъ, что крайнія обстоятельства заставляютъ ихъ согласиться на дѣйствіе постыдное, противузаконное, на обманъ вѣроломнѣйшій народа и всего міра.

Болѣе всего Бестужевъ опасался встрѣтить отверженіе предложенію своему въ великой княгинѣ Екатеринѣ, въ чемъ и не ошибся. Малоуміе Петра и пьянство его ручались ему за успѣхъ предначертаннаго имъ дѣйствія.

По назначенію Елизаветы явился Бестужевъ въ кабинетъ, и государыня, встревоженная предварительнымъ его извѣщеніемъ, была въ это время трезвѣе обыкновеннаго — однакоже, послѣ завтрака.

Умнѣйшій своего времени, краснорѣчивый ораторъ Бестужевъ, по предварительномъ приготовленіи Елизаветы услышать ужаснѣйшую для нея вѣсть, разрушившую всѣ предначертанія ея, всю надежду, и поставлявшую ее въ столь затруднительное положеніе обстоятельствъ, что дѣйствительно и съ большимъ умомъ человѣкъ не скоро бы нашелся, придумалъ, что должно предпринять. Сказалъ ей причину, ради которой онъ испросилъ у ея величества секретную аудіенцію.

Пораженная сею вѣстью, какъ громовымъ ударомъ, Елизавета казалась онѣмѣвшею, долго не могла вымолвить слова. Наконецъ, зарыдала и, обращаясь къ Бестужеву, сказала ему:

— Алексѣй Петровичъ, спаси государство, спаси меня, спаси всѣх, придумай и дѣлай, какъ знаешь.

Бестужевъ: Успокойтесь, всемилостивѣйшая государыня, есть средства, благовидность, приличіе можно будетъ сохранить, а непроницаемая тайна будетъ неодолимымъ оплотомъ къ дознанію истины. Дѣйствіе будетъ первымъ примѣромъ. Въ тайныхъ изгибахъ политики много таковыхъ было и будетъ; въ томъ нѣтъ сомнѣнія. Вѣрьте, управляетъ неисповѣдимо промыселъ, и люди, воображая себѣ, что они фундаторы событія, не что иное суть, какъ посредственныя, потребныя къ приведенію дѣйствія орудія. Дозвольте мнѣ, всемилостивѣйшая государыня, подумать; въ непродолжительномъ времени буду имѣть счастіе повергнуть на благоусмотрѣніе вашего величества мои соображенія.

Елизавета, ободренная, обнадеженная словами Бестужева, успокоилась и, разставаясь съ нимъ, повторила слова:

— Дѣлай, какъ знаешь.

Сергѣй Салтыковъ и Екатерина.

Бестужевъ придумалъ дать великой княгинѣ любовника, выбравъ такового изъ молодыхъ царедворцевъ; великаго князя Петра Федоровича увѣрить въ произведеніи, котораго онъ не могъ исполнить. Рѣшительнѣе, можно сказать, беспросыпное пьянство великаго князя удостовѣряло Бестужева въ успѣхѣ. Но какъ преклонить къ согласію великую княгиню, въ то время среди утопавшаго двора Елизаветы въ разврате, отличавшуюся примѣрною строгостью благонравія и благочестія. Когда Бестужевъ раскрылъ предъ государынею планъ предначертаній своихъ, Елизавета содрогнулась, побѣлѣла, вскочила съ креселъ, запылала гнѣвомъ.

Бестужевъ, уклонившись, сказалъ:

— Всемилостивѣйшая государыня, пламенное усердіе о славѣ имени вашего величества, о сохраненіи непоколебимого спокойствія и благосостоянія богомъ ввѣренной вашему величеству пространнѣйшей имперіи, родило во мнѣ мысль дерзновенную, недостойную величія вашего, всемилостивѣйшая государыня, но съ теченіемъ злокачественныхъ обстоятельствъ ко спасенію всего необходимую. Что будетъ, если, чего боже храни, обстоятельства принудятъ призвать Ульриха (находившійся въ заточеніи императоръ Иванъ Антоновичъ).

Елизавета упала въ кресло, закрывъ лицо платкомъ и послѣ долго продолжавшегося рыданія спросила Бестужева:

— Какъ же это сдѣлать?

Бестужевъ, получивши повелѣніе говорить, объяснилъ во всей подробности ея величеству предначертанное дѣйствіе.

Долго Елизавета не знала, рѣшиться ли ей приступить къ исполненію придуманнаго Бестужевымъ. Спрашивала его, нѣтъ ли какого другого способа произвесть сіе въ дѣйствіе, и, получивъ отъ Бестужева на вопросы отвѣтъ рѣшительно отрицательный, сказала:

— Ну, такъ опредѣленно. Какъ же начнемъ.

Бестужевъ предложилъ для дѣйствія прекраснаго собою, умнаго и отличнаго поведенія передъ прочими камергера Сергѣя Салтыкова. Обмануть и во всемъ увѣрить великаго князя принялъ обязанность на себя.

— Что же касается, ваше величество, до преклоненія ея высочества ко вступленію въ союзъ съ нами, это единственно подлежитъ вашему величеству, ибо кто будетъ имѣть дерзновеніе начать говорить о семъ великой княгинѣ. И ежели вашему величеству благоугодно будетъ довѣрить кому-либо склонять ея высочество, въ такомъ случаѣ всѣ предположенія будутъ при самомъ началѣ своемъ уничтожены. Великая княгиня, по выслушаніи предложенія, обратится непремѣнно къ вашему величеству съ жалобою, и вы, государыня, будете вынуждены, приличія и величія особы ради, разрѣшить сами начатое по повелѣнію вашему и примѣрнымъ наказаніемъ обременить участь вѣрнаго исполнителя высочайшей воли вашей.

Елизавета поморщилась, подумала и сказала Бестужеву:

— Что дѣлать,—начнемъ.

Того же дня Бестужевъ вынесъ именное повелѣніе быть камергеру Сергѣю Салтыкову при дворѣ его высочества великаго князя. Бестужевъ съ своей стороны употребилъ всѣ средства къ преклоненію на свою сторону лекаря Дольста, любимца Петра III.

Государыня принялась разыгрывать главную и труднѣйшую роль. Самое труднѣйшее для Елизаветы было то, что она не умѣла привязать къ себѣ великую княгиню, не могла пріобрѣсть ея довѣренности; да и какъ было это сдѣлать. Императрица—глупа, великая княгиня—великаго ума. Императрица—пьяна, великая княгиня—какъ ангелъ мила, невинна.

Болѣе шести мѣсяцевъ продолжалось послѣ уже того, какъ императрица съ помощью Бестужева объявила ей прямое свое начертаніе, какъ должно событію совершиться.

Елизавета была принуждена, къ уничтоженію упорства великой княгини въ согласіи, сознаться ей, а о случившемся собственно съ нею разсказать великой княгинѣ, что первый предметъ любви ея былъ слѣпой, который, конечно, и до сего времени не знаетъ,—говорила она,—о томъ, кто былъ въ его объятіяхъ (о слѣпомъ счастливцѣ разсказывалъ бывшій фаворитъ Екатерины—Александръ Семеновичъ Васильчиковъ, который увѣрялъ, что все то ему было пересказано Екатериною).

Но всѣ сознанія въ амурныхъ дѣлахъ Елизаветы остались бы безъ успѣха, если бы великая княгиня не влюбилась въ камергера Салтыкова, а камергеръ не влюбился страстно въ великую княгиню.

Тайна рожденія Павла.

Взаимная страсть любовниковъ мгновенно одолѣла всѣ препятствія, сравняли состоянія, отважила на всѣ опасности, закрыла будущность, и желанія Елизаветы съ Бестужевымъ получили полное совершеніе. Результатъ совершенія заключался въ томъ, что камеръ-фрау и лейбъ-медикъ княгини доложили императрицѣ о состояніи великой княгини въ благословенной тягости.

За нѣсколько времени передъ тѣмъ замѣтили въ великомъ князѣ неблаговоленіе къ камергеру Салтыкову. Сначала, не дознавши настоящей причины нерасположенія его высочества, перетревожились, боялись, не узналъ ли наслѣдникъ о свершившемся. Но скоро всѣ беспокойства миновались, когда узнали, что великій князь изъявляетъ холодность свою Салтыкову за то, что онъ не пьетъ и не соглашается перейти въ военную службу. Бестужевъ, какъ хитрый и прозорливый политикъ, съ самодовольствіемъ принесъ императрицѣ, получивъ увѣдомленіе отъ государыни о состояніи тѣлеснаго положенія великой княгини, всеподданнѣйшее поздравленіе съ изъявленіемъ искреннѣйшаго желанія о благополучномъ разрѣшеніи наслѣдникомъ. Потомъ всеподданнѣйше доложили государынѣ: «Начертанное по премудрому соображенію вашего величества

воспріяло благое и желанное начало.—присутствіе исполнителя высочайшей воли вашего величества теперь не только здѣсь не нужно, но даже къ достиженію всесовершеннаго исполненія и сокровенію на вѣчныя времена тайны было бы вредно. По уваженію сихъ соображеній благоволите, всемилостивѣйшая государыня, повелѣть камергеру Салтыкову быть посломъ вашего величества въ Стокгольмѣ, при королѣ Швеціи».

Елизавета подписала указъ. Бестужевъ черезъ три дня вытурилъ новаго посла къ мѣсту назначенія.

Великая княгиня сердилась, дулась на канцлера, имѣла съ нимъ объясненія. При случаѣ канцлеръ сказалъ великой княгинѣ:

— Ваше высочество, государи не должны любить. Вамъ угодно было, потребно было, чтобы Салтыковъ вашему высочеству служилъ. Онъ выполнилъ порученіе по предназначенію; нынѣ польза службы всемилостивѣйшей нашей императрицы требуетъ, чтобы онъ служилъ въ качествѣ посла въ Швеціи. Высочайшая воля августѣйшей монархини для всѣхъ и каждаго есть священный законъ.

Великій князь, не терпѣвшій Бестужева за то, что онъ преслѣдовалъ прусскаго короля Фридриха II, съ которымъ тогда вели войну, отозвался, быть можетъ, въ первый разъ благосклонно насчетъ Бестужева, сказавъ, что канцлеръ одолжилъ его назначеніемъ Салтыкова въ Швецію, что его высочеству несносно было видѣть человѣка, который молодецъ собою, но не пьетъ вина и не куритъ табаку!

Осталась роль не разыгранною Бестужева, то есть удостовѣреніе Петра въ томъ, чего онъ не дѣлалъ. Трехъ или четырехдневное пьянство, уготовленное по распоряженію Бестужева,— можетъ быть, и опіумъ былъ употребленъ для доведенія до совершенной безчувственности, до полумертвенія,—призванъ лекарь Дольстъ, искусная рука его, вооруженная ланцетомъ, совершила, чего желала. Великій князь, очнувшись, испуганъ былъ до крайности, увидавъ себя окровавленнымъ и, чувствуя боль, спрашивалъ, что такое съ нимъ случилось. Всѣ окружавшіе, не изъявляя ни малѣйшаго удивленія, улыбаясь, отвѣчали ему, что это есть обыкновенное слѣдствіе бракосочетанія, и они всеподданнѣйше имѣютъ счастіе принесть его высочеству поздравленіе съ благополучнымъ окончаніемъ. Долго великій князь глядѣлъ на предстоявшихъ и поздравлявшихъ его, какъ на сумасшедшихъ, наконецъ, какъ говоритъ пословица, когда двое говорятъ— пьянъ, третій—ложись спать, а ему говорили и повторяли одно и то же 20—40 и болѣе, повѣрилъ тому, чего не было!

Черезъ нѣсколько времени торжественно государыня объявила о беременности великой княгини, въ церквахъ молились о благополучномъ разрѣшеніи!

Не знаю, какъ это случается, но великія княгини, королевы, императрицы и даже супруги знатныхъ вельможъ и богачей всегда разрѣшаются отъ бремени первенцомъ мужеска пола! Слѣдовательно, великая россійская княгиня, супруга наслѣдника, могла ли разрѣшиться отъ бремени дочерью, — нѣтъ! Всенепремѣнно должна была родить сына!

Секретнѣе еще всего сказаннаго говорили старики вполголоса, что великая княгиня разрѣшилась отъ бремени дочерью; одни утверждали—живою, другіе спорили, что дитя было мертвое. Что наскоро было сыскано новорожденное дитя въ селѣ Гатчинѣ и заступило мѣсто рожденнаго великою княгинею!

Если все это справедливо—не остается ничего болѣе сказать,—судьбы всевышняго непостижимы!

Анна Степановна Протасова.

Императоръ Павелъ возвелъ фрейлину покойной императрицы Екатерины, Анну Степановну *Протасову*, въ графское достоинство, съ правомъ передачи титла графскаго родственникамъ ея. Протасова не имѣла счастья служить самодержавному и не могла такъ служить, какъ она имѣла счастье служить въ бозѣ почившей матушкѣ государынѣ! Должности и соединенныя съ ней обязанности Анны Степановны, для императора были вовсе не нужны. Въ царствованіе Великой посылали обыкновенно къ Аннѣ Степановнѣ на пробу избираемаго въ фавориты ея величества. При осмотрѣ предназначеннаго въ высокій санъ наложника матушкѣ-государынѣ лейбъ-медикомъ Роджерсономъ и по удостовѣренію представленнаго годнымъ на службу относительно здоровья, сопровождали завербованнаго къ Аннѣ Степановнѣ Протасовой на трехнощное испытаніе. Когда нареченный удовлетворялъ вполнѣ требованія Протасовой, она доносила всемилостивѣйшей государынѣ о благонадежности испытаннаго, и тогда первое свиданіе было назначено по заведенному этикету двора или по уставу, высочайше для посвященія въ санъ наложника конфирмованному. Перекусихина, Марья Савишна, и камердинеръ Захаръ Константиновичъ были обязаны въ тотъ день обѣдать вмѣстѣ съ избраннымъ. Въ 10 часовъ вечера, когда императрица была уже въ постели, Перекусихина вводила новобранца въ опочивальню благочестивѣйшей, одѣтаго въ китайскій шлафрокъ, съ книгою въ рукахъ и оставляла его для чтенія въ креслахъ подлѣ ложа помазанницы. На

другой день Перекусихина также выходила изъ опочивальни посвященнаго и передавала его Захару Константиновичу, который вводилъ вновь поставленнаго избранника въ приготовленные для него чертоги; здѣсь докладывалъ Захаръ уже раболѣпно фавориту, что всемилостивѣйшая государыня высочайше соизволила назначить его при высочайшей особѣ своей флигель-адъютантомъ, подносилъ ему мундиръ флигель-адъютантскій, шляпу съ брильянтовымъ аграфомъ и 100.000 рублей карманныхъ денегъ. До выхода еще государыни,—зимою въ Эрмитажъ, а лѣтомъ въ Царскомъ Селѣ въ садъ прогуляться съ новымъ флигель-адъютантомъ, которому она давала руку вести ее, передняя зала у новаго фаворита наполнялась первѣйшими государственными сановниками, вельможами, царедворцами, для принесенія ему усерднѣйшаго поздравленія, съ полученіемъ высочайшей милости. Высокопреосвященный пастырь митрополитъ пріѣзжалъ обыкновенно къ фавориту на другой день посвященія его и благословлялъ его святою иконою.

Былое 1919 г. № 14, стр. 58—59. (78—85.)

---

158. Языкъ любви XVIII в.

(1770 года.)

53. *Знаю* [1]). Моя душа безцѣнная.

Вѣдаю. Ты знаешь, что я весь твой.

Правда. И у меня только ты одна.

Безъ сомнѣнія. Я по смерть тебѣ вѣренъ, и интересы твои мнѣ нужны.

Вѣрю.

Какъ по сей причинѣ, такъ и по своему желанію, мнѣ всего пріятнѣе твоя служба (*Давно доказано*), и употребленіе заранѣе моихъ способностей, сдѣлавъ что ни ему для меня (*Съ радостью. Чего?*), право не раскайся, а увидишь пользу. (*Душой рада да тупа. Яснѣе скажи*).

54. Владыко и собесѣдникъ! [2]). Я жажду отвѣтъ съ той строки, которая болѣе меня трогаетъ. кто велитъ плакать? Для чего болѣе дать волю воображенію живому, нежели доказательствамъ, глаголющимъ въ пользу твоей жены; два года назадъ была ли она къ тебѣ привязана святѣйшими узами? Голубчикъ изволишь сумнѣваться невозможное, на меня пленишься, перемѣнила ли я глазъ, можешь ли быть не любимъ; вѣрь моимъ словамъ, люблю тебя и привязана къ тебѣ всѣми узами; теперь самъ сличай: два года назадъ были ли мои слова и дѣйствія въ твою пользу сильнѣе, нежели теперь?

58. . . . . . . По приказанію твоему солнцѣ наряжу въ прахъ pour vous plaire, mon coeur [1]).

62. Гришенька, знаешь ли ты, вѣдь тебѣ цѣны нѣту, только, пожалуй, пришли сказать, каковъ ты послѣ мыленки?

67. Мамурка, здоровъ ли ты, я здорова и очень, очень тебя люблю.

69. Батинька, не смѣю приходить, что поздно, а люблю тебя, какъ душу.

81. Воля твоя, милюша милая Гришифишичка, а я не ревную, а тебя люблю очень.

84. Милая милуша, здравствуй, знай, что тебя милѣе нѣтъ на свѣту, душичка, Гришенокъ мой.

86. Батинька, Гришинька, душа моя, каковъ ты? мнѣ кажется пусто для того, что тебя не вижу, и кажется, будто и не слышу объ тебѣ малѣйшаго отзыва и для того пишу, чтобъ узнать, каковъ ты мой милой, дорогой?

88. Милая милуша, дорогіе сладкіе губки, жизнь, радость, веселье, сударушка, голубушка, mon faisan d'or, je vous aime de tout mon coeur [2]).

89. Матушка жизнь моя, мнѣ смертельно грустно, что ты не можешь, а безъ того бы очень весело. Буду завтра послѣ обѣда, самъ прискачу. Жизнь моя, Зомеръ поѣхалъ. Прости моя душа. Дай богъ тебѣ здоровья. (Письмо Потемкина, адресъ его же рукою: *Варварѣ Васильевнѣ.*)

96. Милуша здорово, я тебя мысленно цѣлую и милую.

101. Сударынька, могу ли я придти къ тебѣ и когда умираю хочу видѣть Гришатка мой собственный.

102. Милушинька, какъ велишь, мнѣ ли быть къ тебѣ, или ко мнѣ пожалуешь, а каковъ ты сего вечера?

(«Русская Старина» 1881 г., т. 32 стр. 195—200.)

---

[1]) Подчеркнутые слова писаны женскимъ почеркомъ—это отвѣты на слова, написанные Григоріемъ Александровичемъ Потемкинымъ; все остальные записочки писаны женскимъ почеркомъ. (Прим. «Русс. Старины.»)

[2]) Милый супругъ!

[1]) Чтобы вамъ понравиться, сердце мое!

[2]) Мой золотой фазанъ, я васъ люблю отъ всего сердца.

159. Путешествіе Екатерины II въ Крымъ 1787 г.

Плаваніе по Днѣпру.

(По Сегюру.)

Зима миновала. Днѣпръ освободился изъ ледяныхъ оковъ своихъ; природа, сбросивъ траурный покровъ и засіявъ блескомъ весны, подавала Екатеринѣ знакъ къ отъѣзду. Мы отпраздновали день ея рожденія. Помолясь усердно въ Печерскомъ монастырѣ, императрица раздала много наградъ, лентъ, брилліантовъ и жемчугу. Де-Линь сказалъ: «Кіевская Клеопатра не глотаетъ жемчуговъ, а раздаетъ ихъ во множествѣ». Наконецъ, 22 апрѣля императрица пустилась въ путь на галерѣ, въ сопровожденіи великолѣпнѣйшей флотиліи, которая когда либо шла по широкой рѣкѣ. Она состояла изъ 80 судовъ съ 3.000 человѣкъ матросовъ и солдатъ. Впереди шли семь нарядныхъ галеръ огромной величины, искусно расписанныхъ, съ множествомъ ловкихъ матросовъ въ одинаковой одеждѣ. Комнаты, устроенныя на палубахъ, блистали золотомъ и шелками. Одна изъ тѣхъ галеръ, которыя слѣдовали за царскою, была назначена Кобенцелю и Фитцъ-Герберту; другая де-Линю и мнѣ; прочія были отданы князю Потемкину и его племянницамъ, оберъ-камергеру, шталмейстеру, министрамъ и сановникамъ, которые удостоились чести сопровождать императрицу. На остальныхъ судахъ помѣстились разные служителя, пожитки, провизія. Г-жа Протасова и каждый изъ насъ имѣлъ комнату и еще нарядный и роскошный кабинетъ, съ покойными диванами, съ чудесною кроватью подъ штофною занавѣсью и съ письменнымъ столомъ краснаго дерева. На каждой изъ галеръ была своя музыка. Множество лодокъ и шлюпокъ носилось впереди и вокругъ этой эскадры, которая, казалось, создана была волшебствомъ.

Мы подвигались медленно, часто останавливались и, пользуясь остановками, садились на легкія суда и катались вдоль берега, вокругъ зеленѣющихъ островковъ, которыми усѣяна рѣка. Множество народа громкими криками привѣтствовало императрицу, когда, при громѣ пушекъ, матросы мѣрно ударяли по волнамъ Борисѳена своими блестящими, расписанными веслами. По берегамъ появлялись толпы любопытныхъ, которые безпрестанно мѣнялись и стекались со всѣхъ сторонъ, чтобы видѣть торжественный поѣздъ и поднести въ даръ императрицѣ произведенія различныхъ мѣстностей. Порою на береговыхъ равнинахъ Днѣпра маневрировали легкіе отряды казаковъ. Города, деревни, усадьбы, а иногда простыя хижины такъ были изукрашены цвѣтами, расписанными декораціями и тріумфальными воротами, что видъ ихъ обманывалъ взоръ, и они представлялись какими-то дивными городами, волшебно созданными замками, великолѣпными садами. Снѣгъ стаялъ; земля покрылась яркою зеленью; луга запестрѣли цвѣтами; солнечные лучи оживляли, одушевляли и украшали всѣ предметы. Гармоническіе звуки музыки съ нашихъ галеръ, различные наряды побережныхъ зрителей разнообразили эту роскошную и живую картину. Когда мы подъѣзжали къ большимъ городамъ, то передъ нами на опредѣленныхъ мѣстахъ выравнивались строемъ превосходные полки, блиставшіе красивымъ оружіемъ и богатымъ нарядомъ. Противуположность ихъ щегольскаго вида съ наружностью румянцевскихъ солдатъ уже доказывала намъ, что мы оставляемъ области этого маститаго, знаменитаго воина и вступаемъ въ мѣста, которыя судьба подчинила власти Потемкина. Стихіи, весна, природа и искусство, казалось, соединились для торжества этого могучаго любимца. Окружая императрицу такими дивами, когда она проѣзжала страны, недавно покоренныя его оружіемъ, онъ надѣялся возбудить ея самолюбіе и внушить ей желаніе и смѣлость рѣшиться на новыя завоеванія.

Мы были свободны только по утрамъ и пріятно проводили ихъ въ чтеніи, въ разговорахъ, въ переходахъ съ одной галеры на другія и въ прогулкахъ по берегамъ. Въ часъ мы отправлялись на царскую галеру и обѣдали съ императрицей. Столъ ея, какъ всегда, былъ накрытъ на десять приборовъ. Только разъ въ недѣлю она сзывала всю свиту, имѣвшую честь сопровождать ее. Тогда столъ устраивался на огромномъ суднѣ, гдѣ помѣщалось до 60 человѣкъ.

Я никогда не видалъ императрицы болѣе любезною, какъ въ первый день нашего плаванія: за обѣдомъ было очень весело; мы всѣ рады были, что выѣхали изъ скучнаго Кіева, гдѣ льды держали насъ цѣлые три мѣсяца. Весна молодила наши умы. Прекрасная погода, великолѣпіе нашего флота, величественная рѣка, движеніе, радость зрителей, толпившихся по берегу, азіатская или воинственная пестрота въ разнообразныхъ нарядахъ тридцати различныхъ народовъ, наконецъ, увѣренность видѣть каждый день новые, любопытные предметы,—все это возбуждало и подстрекало воображеніе, которое въ стремленіи своемъ опережало насъ самихъ. Не останавливаясь долго на одномъ предметѣ, мы въ разговорахъ нашихъ безпрестанно

переходили отъ одного къ другому. Мы сравнивали прежнія времена съ новыми, Францію съ Греціей, Англію съ Карѳагеномъ, Пруссію съ Македоніею, имперію Екатерины съ Кировою, разсказывали анекдоты старые и новые; императрица сообщила намъ нѣсколько случаевъ изъ жизни Петра Великаго и Елизаветы. Когда мы дивились скорости, съ какою она успѣла смягчить нравы, недавно еще столь грубые и суровые, она сказала намъ: Правда, наши старики должны находить различіе при сравненіи ихъ времени съ нынѣшнимъ. Я не могу безъ ужаса думать о положеніи народа въ правленіе императрицы Анны или, лучше сказать, ея министра Бирона. Этотъ жестокій человѣкъ, которому она довѣрялась, лишилъ жизни и сослалъ болѣе семидесяти тысячъ человѣкъ...

(Зап. Сегюра, с. 183—187.)

160. Письмо имп. Іосифа II къ гр. Ласси.

Севастополь, 3 іюня 1737 г.

Севастополь — красивѣйшій портъ, какой я когда-либо видѣлъ. Въ немъ могутъ удобно помѣститься полтораста кораблей въ совершенной безопасности отъ всякихъ случайностей со стороны моря и отъ непріятеля, который никогда не отважится проникнуть въ бухту, защищаемую тремя батареями. Выходить изъ бухты въ море можно при трехъ вѣтрахъ. Есть отдѣльная гавань для торговыхъ судовъ, другая для карантина и третья для починки и килованія судовъ.

Настроено уже много домовъ, магазиновъ, казармъ, и если будутъ продолжать такимъ образомъ въ слѣдующіе три года, то, конечно, этотъ городъ сдѣлается очень цвѣтущимъ. Все это очень не по шерсти французскому посланнику, и онъ смотритъ страшно озадаченнымъ.

Обыкновенный переѣздъ отсюда въ Константинополь совершается въ двое сутокъ, а иногда даже только въ полтора сутокъ. Судите же, мой любезный маршалъ, на какія непріятныя размышленія все это должно наводить моего собрата, повелителя правовѣрныхъ, который никогда не можетъ быть увѣренъ, что эти молодцы не явятся, не нынѣ завтра, разгромить у него окна пушечными выстрѣлами.

Императрица находится въ восторженномъ состояніи по поводу всего, что она видитъ, и при мысли о новой степени величія и могущества, на которую это возводитъ Русскую Имперію. Князь Потемкинъ въ настоящее время всемогущъ, и его чествуютъ выше всякаго представленія. Будь у меня возможность такъ близко придвинуться къ Берлину, да будь пруссаки такіе же олухи, какъ турки, я бы не устоялъ противъ желанія отдѣлаться отъ такихъ сосѣдей.

(«Русскій Архивъ». 1880 г., I. с. 363—361.)

161. Путешествіе Екатерины II въ Крымъ.

(По Брикнеру.)

1) Бюджетъ путешествія.

...Изъ копіи указа сената, обнародованнаго въ маѣ 1786 года, видно, что въ расходахъ на это путешествіе участвовала вся Россія: ближайшія губерніи поставляли лошадей, а болѣе отдаленныя платили на это особый сборъ. Этимъ указомъ предписывалось заготовить, начиная отъ С.-Петербурга до Кіева, на каждой изъ 76 станцій по 550 лошадей, всего 41.800 лошадей. Кромѣ того, въ екатеринославскомъ намѣстничествѣ велѣно было поставить на каждой станціи 420 лошадей. Независимо отъ этого, указомъ отъ 6-го мая того же года велѣно было заготовить по тракту отъ г. Кременчуга чрезъ г. Полтаву до Бѣлевской крѣпости по 150 на каждой станціи. Сверхъ того, отъ г. Кіева до новаго Кайдака, въ пунктахъ, лежащихъ по р. Днѣпру, приказано было выставить для курьеровъ по 12, а въ городахъ по 30 лошадей.

Лошадей должны были ставить купцы и мѣщане, по 1 лошади съ каждыхъ 30 душъ, казенные и помѣщичьи крестьяне—по 1 лошади съ 500 душъ и т. д.

На обратный путь государыни, отъ мѣстечка Морохвы, черезъ Харьковъ, полагая на 1 станцію 420 лошадей, а на остальныя 60 станцій по 550 лошадей, исчислено 33.420 лошадей, но ихъ велѣно было перевести изъ числа 41.800 лош., назначенныхъ для путешествія императрицы въ Крымъ.

Понятно, что владѣльцы лошадей должны были испытывать при этомъ большое затрудненіе, такъ какъ инымъ приходилось приводить лошадей, напр., изъ Пензы въ Новгородъ-Сѣверскъ. Странно также, что курскихъ лошадей назначили въ Орловскую губернію, а орловскихъ въ Тульскую, вмѣсто того, чтобы оставлять ихъ въ своихъ губерніяхъ.

На всѣхъ станціяхъ для лошадей велѣно было заготовить фуражъ, помѣщеніе и пастбища.

Весьма значительную часть расходовъ на путешествіе императрицы должны были нести жители отдаленныхъ губерній, не поставлявшіе натурой лошадей, такъ что, напр., обитатели Иркутской, Колыванской, Тобольской, Пермской и Кавказской губерній платили при этомъ случаѣ весьма значительныя суммы денегъ. Что же касается владѣльцевъ лошадей, то ихъ расходы были гораздо больше, чѣмъ приходилось имъ прогоновъ, такъ какъ многимъ изъ нихъ, о чемъ уже сказано выше, приходилось вести лошадей на дальнее разстояніе. Размѣры всѣхъ этихъ расходовъ опредѣлить невозможно, но изъ нѣкоторыхъ примѣровъ видно, что путешествіе Екатерины обошлось очень дорого народу. Въ Устинской дворцовой волости Костромской губерніи собрано было съ крестьянъ по 30 коп. съ ревизской души, всего 870 рублей.

Въ сенатскомъ указѣ было сказано, что послѣ проѣзда государыни лошади могутъ быть отпущены домой, съ тѣмъ, чтобы были собраны для обратнаго возвращенія ея заблаговременно на станціяхъ. Слѣдовательно, множеству лошадей приходилось бы сдѣлать въ теченіе нѣсколькихъ недѣль по нѣскольку тысячъ верстъ, если онѣ возвращались домой послѣ перваго проѣзда императрицы. Такъ, напр., изъ Саратовской губерніи назначено было 1.013 лошадей, которыя должны были прибыть для перваго проѣзда въ Новгородъ-Сѣверскую губернію, а потомъ, при возвращеніи Екатерины изъ Крыма, ихъ перевели въ Курскую губернію. Понятно, что владѣльцамъ этихъ лошадей легче было не возвращаться домой.

Изъ нѣкоторыхъ распоряженій губернаторовъ видно, съ какими хлопотами и расходами для жителей тѣхъ мѣстностей, черезъ которыя происходило «шествіе», было сопряжено это предпріятіе императрицы.

Такъ, напр., между распоряженіями, относящимися къ «церемоніалу шествія» въ Тульскомъ намѣстничествѣ, встрѣчаются слѣдующіе.

Дворянство устраиваетъ ворота и галлереи: на галлереяхъ столы съ завтракомъ для путешественниковъ. Требовалось «имѣть алое сукно для насланія по лѣстницѣ до самыхъ дверей, что и наблюдать при всѣхъ на станціяхъ домахъ». Подъ карету государыни приготовляются отъ дворянства 10 лошадей одношерстныхъ съ пристойными хомутами и тремя одѣтыми почталіонами. Отъ дворянства четырехмѣстная запасная карета въ 8 лошадей, которая приготовляется на случай, иногда потребныи въ пути, чтобы [illegible] слѣдовать до другой станціи. На каждой станціи назначается нѣкоторое число чиновныхъ лицъ къ препровожденію до другой станціи верхомъ, передъ самою каретою императрицы, «съ наблюденіемъ того, что если иногда пыль отъ вѣтру будетъ назадъ, въ такомъ случаѣ должны далѣе быть впереди отъ кареты». Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ было приказано поставить палатки съ «пристойными шалашами, пріуготовя нѣсколько фруктовъ, имѣя и ледъ».

При въѣздѣ въ Тулу императрицу должны были встрѣтить, кромѣ намѣстника, губернатора и пр., «съ хорошо прибранными конскими уборами» еще 12 «наряженыхъ почетныхъ молодыхъ дворянъ, имѣющихъ на кафтанахъ эксельбанты и одинаковые конскіе уборы». Такъ какъ проѣздъ можетъ случиться вечеромъ или ночью, то нужно «пріуготовить для освѣщенія плошки, а по числу людей коннаго конвоя имѣть факелы, а на берегу Оки пріуготовить довольное число лодокъ, дабы, во время шествія черезъ мостъ, могли оное по сторонамъ освѣщать». Въ 6-мъ пунктѣ «общаго наблюденія» сказано: хотя дорога всевозможно устроена наилучшимъ образомъ, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ есть спуски... приказано, дабы при тѣхъ мѣстахъ по нѣскольку человѣкъ для спуску находилось, имѣя при надежныхъ канатахъ прикрѣпленные крючья».

О съѣстныхъ припасахъ, приготовляемыхъ для станцій, сказано: «Должны быть нижеслѣдующіе: гдѣ назначено быть обѣденнымъ столамъ или ночлегамъ, надобно имѣть въ заготовленіи всевозможныхъ рогатыхъ скотинъ, на станціи по три, телятъ, хорошо наноенныхъ, — трое, барановъ — 10, птицъ: курей 15, гусей 15 и дикихъ птицъ сколько можно, муки крупичатой два пуда, сыръ голландскій, масла коровья пудъ, сливокъ 2 ведра, яицъ 500, огурцовъ 6, чаю фунтъ, кофе ½ пуда, масла прованскаго ½ дюжины, сельдей боченокъ, сахару 2 пуда, самовары, чайники большіе, доски подносныя, чайные приборы, также и вина бѣлаго и краснаго французскихъ по 3 ведра, водки французской, сладкой и горькой водки штофовъ по пяти, аглицкаго пива по 4 дюжины, лимоновъ 50, столовое бѣлье, столовые приборы, посуда столовая и поварская, поваровъ и прочее, что до столовъ нужно, и служителей въ хорошемъ одѣяніи... Что же касается до тѣхъ станцій, гдѣ ни обѣда, ни ночлега не означено, тамъ должно быть въ заготовленіи блюдамъ съ жареными [illegible] рода холодными блюдами, [illegible], [illegible], [illegible], [illegible], [illegible] со всѣхъ, [illegible] поставить поло-

винное количество противъ прежняго пункта». Дальше сказано: «желательно, чтобы всѣ съѣстные припасы, а если можно, и всѣ, кои въ хозяйствахъ дворянскихъ имѣются и ма-лаго имъ стоютъ, не были покупаемы, да и покупать зазорно, а даны бъ были изъ домовъ дворянскихъ безденежно, яко-то: рыбы, птицы, бараны, масло коровье, молоко, сливки, окороки, водка крѣпкая, мука крупичатая, телята и все подобное, что все болѣе 50 руб. въ каждомъ уѣздѣ, а во всѣхъ болѣе 500 руб. дѣлаетъ; ибо денежный расходъ еще на многое надобенъ... яко-то: пряное вареные конфекты... и ворота совсѣмъ не уплачены. Еще необходимо надобна иллюминація, для которой отъ каждаго уѣзда прислать по 6 рублей денегъ» и пр.

Въ одномъ изъ пунктовъ «плана дворянскихъ должностей во время шествія ея величества черезъ губернію Новгородъ-Сѣверскую» сказано: «За нужное почитается и о томъ упомянуть, что буде бы, паче чаянія, свыше писанныхъ нарядовъ, или въ другомъ чемъ, до сего случая касающемся, кто изъ господъ дворянъ ослушнымъ или нерадивымъ оказался, таковой подвергаетъ честь, жизнь и имѣніе свое опасности».

Нѣтъ возможности хотя бы приблизительно опредѣлить цифры расходовъ, сопряженныхъ съ этими приготовленіями для путешествія Екатерины. Всюду для этой цѣли строились дворцы, дома, галлереи, тріумфальныя ворота; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ разведены сады; въ другихъ были устроены базары.

Такъ, напр., въ «общемъ наблюденіи», что слѣдуетъ исполнить въ Тульскомъ намѣстничествѣ, сказано: «во всѣхъ на дорогѣ селеніяхъ жителей поставить по обѣимъ сторонамъ улицы, такъ какъ и изъ окружныхъ близъ лежащихъ селеній приказать быть при тѣхъ самыхъ деревняхъ, кои на трактѣ, гдѣ будутъ удобнѣе мѣста при дорогѣ для пастьбы скота, то изъ окружныхъ селеній приказать на оныхъ мѣстахъ на тотъ день, когда будетъ шествіе, пригнать, дабы въ поѣздѣ отъ поселянъ во всѣхъ частяхъ лучшій видъ былъ представленъ». Далѣе: «При всѣхъ оныхъ крестьянахъ должны быть тѣхъ селеній начальники, кои наблюдаютъ между ними тишину и порядокъ, чтобы всѣ крестьяне мужеска и женска пола были въ пристойной крестьянской чистой одеждѣ: также строго смотрѣть того, чтобы между сими поселянами не было больныхъ и увѣчныхъ... гдѣ шествіе будетъ мимо церквей, священники въ лучшемъ облаченіи со крестомъ выходятъ на улицу... Улицы въ селеніяхъ намостать травою съ полевыми цвѣтами, не густо посыпанными, но ольшнику нигдѣ не употреблять и деревьями не усаживать... у кого въ домѣ случится оспа, корь и тому подобная прилипчивая сыпь, онымъ запрещается во время шествія ея величества изъ дому выходить, подъ опасеніемъ строгаго за то взысканія... никакихъ повозокъ по большой улицѣ не терпѣть, и никто бы навстрѣчу не ѣздилъ...»

Въ Тулѣ было приказано: «всѣмъ гражданамъ, живущимъ и проѣзжимъ, обвестить, съ строгимъ подтвержденіемъ, дабы каждый по своему званію въ пристойной были одеждѣ, а въ издранной и безобразной никто не казался, подъ опасеніемъ строгаго за то взысканія... Кто вечеромъ пожелаетъ противъ своего дома ставить плошки, онымъ не только предоставить на волю, но и отъ начальства похвалены будутъ» и пр.

Въ Новгородѣ Сѣверскомъ было обозначено, что лошади, назначенныя «для цуга», должны быть цѣною не меньше какъ по 50 рублей и въ цугѣ ходить заблаговременно пріобучены» и пр.

Такого же рода приготовленія были сдѣланы и въ другихъ губерніяхъ. Вездѣ, гдѣ не положено было дворцовъ, устраивались по присланному рисунку галлереи и приготовлены были «приличные напитки и приборъ». Вездѣ для надзора за людьми и содержаніемъ лошадей опредѣлены на каждую станцію по нѣскольку дворянъ. На каждой станціи долженъ былъ находиться плотникъ и кузнецъ съ инструментами, во всякомъ дорожномъ дворцѣ было приказано приготовить по 500 плошекъ, 10 фонарей и 6 пустыхъ смоляныхъ бочекъ. Въ каждомъ городѣ были иллюминаціи и иногда фейерверки; по обѣимъ сторонамъ дороги вечеромъ пылали костры. Всѣ вновь построенные дворцы и помѣщенія, въ которыхъ императрица останавливалась, были снабжены новою мебелью. Впрочемъ Безбородко, сообщая въ письмѣ отъ 9-го мая 1786 года Румянцеву «новое росписаніе становъ для шествія ея величества», извѣщалъ его, что «мебели въ путевыхъ дворцахъ, такъ и въ кіевскомъ, должны быть простыя, нужныя для одной только необходимости, а не къ украшенію». Въ средѣ иностранныхъ дипломатовъ въ Петербургѣ разсказывали, что во время путешествія каждый разъ за столомъ употреблялось совершенно новое столовое бѣлье. Въ городахъ нужно было приготовлять по 25 квартиръ для свиты императрицы. До чего доходили хлопоты по этому дѣлу, видно изъ письма Безбородки къ Румянцеву отъ 3-го декабря 1786 г., гдѣ сказано: «по качеству министра иностранныхъ дѣлъ, нельзя мнѣ обойтись безъ нѣкотораго рода репрезентаціи;

слѣдствепию, я предпочту хотя и не ближній домъ, но нѣкоторый немного пообширнѣе и выгоднѣе, тѣмъ болѣе что однажды или дважды пріѣхать во дворецъ въ извѣстное и обыкновенное время не будетъ мнѣ въ тягость. Надобно при томъ имѣть и нѣкоторые покои для канцеляріи» и пр. Въ Кіевѣ, гдѣ путешественники оставались около трехъ мѣсяцевъ, императрица не хотѣла дозволить, чтобы посланники иностранныхъ державъ жили на свой счетъ. Каждому изъ нихъ отвели цѣлый домъ, въ которомъ былъ дворецкій, множество лакеевъ, поваровъ, кучеровъ, экипажей, полный серебряный и фарфоровый приборы, большое количество бѣлья и запасы рѣдкихъ винъ.

Особенно дорого народу должно было обходиться желаніе администраціи, чтобы императрица вездѣ встрѣчала радостныя и веселыя зрѣлища, чтобы она всюду могла убѣдиться въ томъ, что Россія счастлива и богата. Иностранцы съ насмѣшкою говорили о множествѣ народа, который, отчасти по неволѣ, долженъ былъ толпиться около тѣхъ мѣстъ, чрезъ которые проѣзжала Екатерина. Она же, какъ разсказываетъ принцъ де-Линь, съ удовольствіемъ смотря на эту толпу, спрашивала своихъ спутниковъ, видѣли ли все это иностранные писатели, утверждавшіе, что въ Россіи лишь однѣ пустыни? Пѣсенники въ шлюпкахъ на рѣкѣ, а также по берегамъ, одѣтые въ лучшее платье; дома, украшенные гирляндами и цвѣтами; большія стада, являвшіяся часто на пути; рынки со множествомъ товаровъ, — все это должно было дѣйствовать на воображеніе императрицы. Все, что не согласовалось съ цѣлью—произвести самое благопріятное впечатлѣніе на Екатерину, было тщательно устранено. Больные, увѣчные, какъ мы видѣли, должны были оставаться дома, не показываться во время «шествія» Екатерины. То же самое было предписано «инвалидамъ» въ училищахъ и воспитательныхъ домахъ. О пребываніи Екатерины на возвратномъ пути въ Москвѣ въ то время, когда уже въ большей части имперіи свирѣпствовалъ голодъ, князь Щербатовъ писалъ немного позже: «я видѣлъ, и сіе есть истинно, въ прошедшемъ году изгнанныхъ изъ Москвы всѣхъ нищихъ безъ всякаго опредѣленія о ихъ пропитаніи, которое они отъ подаянія московскихъ жителей получали, и сіе было учинено къ пріѣзду всемилостивѣйшей государыни, дабы видѣніе толикаго числа нищихъ ее не обезпокоило». Зато принцъ де-Линь разсказываетъ, что онъ иногда полными руками отъ имени императрицы долженъ былъ бросать золото толпившемуся около кареты Екатерины народу.

Не говоря уже о томъ, что золото, кидаемое толпѣ, имѣло источникомъ народное хозяйство, происходило отъ налоговъ той же самой толпы, путешествіе императрицы обходилось очень дорого народу. Оно было роскошно, и главнымъ проявленіемъ расточительности при этомъ случаѣ было стараніе показать видъ, будто населеніе Россіи располагало неисчерпаемымъ богатствомъ. Всѣми мѣрами заставляли императрицу думать, что благосостояніе и зажиточность, чистота и порядокъ, благочиніе и приличіе были правиломъ по всему государству, между тѣмъ какъ все это на фактѣ было самымъ рѣдкимъ исключеніемъ.

Вотъ каковы были распоряженія тогдашняго правителя Харьковскаго намѣстничества Василія Черткова. Предписываемые имъ правила о способѣ «встрѣтенія» императрицы отчасти походятъ на распоряженія правителя Тульскаго намѣстничества Кречетникова. Но Чертковъ особенно подробно говорилъ о томъ, какъ должно было держать себя населеніе тѣхъ мѣстностей, чрезъ которыя ѣхала Екатерина. «Обыватели,—сказано тутъ,—должны ожидать карету императрицы въ лучшей одеждѣ, а особливо дѣвки въ уборѣ на головахъ по ихъ обыкновенію съ цвѣтами, наблюдая, чтобы отнюдь никого въ разодранной одеждѣ, а паче пьяныхъ не было. При проѣздѣ императорской кареты да сдѣлаютъ они всѣ обыкновенный поклонъ, и лучшіе обыватели могутъ поднести по обычаю ихъ хлѣбъ и соль, а женщины цвѣты, и по поднесеніи дѣвки бросаютъ подъ карету цвѣты, а прочіе изъявляютъ свои восхищенія приличными поступками и привѣтствіями. По всѣмъ улицамъ, гдѣ предполагался проѣздъ императрицы, велѣно было дома выбѣлить, крыши и заборы исправить, а надъ окнами и дверьми повѣсить вѣнки изъ сосны или изъ травъ и цвѣтовъ; косяки у дверей и у оконъ велѣно было украсить сосновыми вѣтвями, въ окнахъ на улицу вывѣсить какіе у кого сыщутся «портища, суконные, стамедные или такіе, изъ чего дѣлаются плахты, равно ковры и килимы, такъ чтобы противъ оконъ покрылись призбы, т.-е. завалены, что соблюсти во всѣхъ тѣхъ селеніяхъ, чрезъ которые проѣздъ будетъ». Музыкантамъ и пѣвчимъ велѣно было сдѣлать новые мундиры; далѣе было приказано освѣщать дома, приготовить по всему протяженію дороги смоляныя бочки. Затѣмъ говорится о запасныхъ лошадяхъ, объ особенныхъ сѣжаныхъ цуговыхъ лошадяхъ подъ императорскую карету, о роскошномъ обмундированіи форейторовъ. Затѣмъ сказано: равномѣрно поставитъ себѣ дворянство за честь угостить во всѣхъ мѣстахъ высочайшую ея

императорскаго величества особу, въ чемъ въ Харьковѣ купечество не преминетъ участвовать». Еще было приказано, чтобы нигдѣ «стѣсненія народа и шуму, равно просящихъ милостыню и въ разодранной одеждѣ, паче же пьяныхъ отнюдь не было, для чего въ городѣ и въ деревняхъ имѣть денные и ночные караулы, кои бы неупустительно соблюдали тишину, чистоту и безопасность». Губернаторъ указываетъ на законъ 19 января 1765 года, въ которомъ было сказано, что «ежели явятся такіе продерзкіе, которые, не бивъ челомъ о своихъ дѣлахъ прежде въ учрежденныхъ правительствомъ мѣстахъ, прошенія свои подавать будутъ ея и. в. и тѣмъ е. в. утруждать осмѣлятся», то они строго наказываются: имѣющіе чины — отдачею навсегда въ солдаты, не имѣющіе чиновъ — отсылкою на каторгу, публичнымъ наказаніемъ или поселеніемъ въ Нерчинскъ. Еще было приказано, чтобы никто не смѣлъ въ каретахъ, колыскахъ, дрожкахъ и повозкахъ ѣхать навстрѣчу, а еще менѣе въ объѣздъ, но чтобъ ѣдущіе навстрѣчу тотчасъ же останавливались, выходили бы изъ своихъ повозокъ, а въ тѣсныхъ мѣстахъ возвращались бы или поворачивали въ другую улицу. Городовымъ магистратамъ было вмѣнено въ обязанность наблюдать за тѣмъ, чтобы не были возвышены цѣны на товары, особенно на съѣстные и питейные припасы, чтобы не было въ продажѣ ничего поврежденнаго и залежавшагося, чтобы торговцы сами «были одѣты опрятно и чисто, чтобъ ихъ посуда, столы и лавки были чисты, фартуки незамаранные, и чтобы нигдѣ ничего не было завѣшено рогожами, въ шинкахъ же, чтобы никто на то время никого отнюдь до пьяна не напаивалъ подъ штрафомъ взятія таковыхъ людей подъ стражу, запрещенія имъ торговать, или, смотря по винѣ, и неминуемаго истязанія».

Все, значитъ, должно было явиться въ какомъ-то праздничномъ видѣ. До чего доходила перемѣна въ обыкновенномъ житьѣ-бытьѣ мѣстнаго населенія, видно изъ предписанія, что всѣ присутственныя мѣста нѣкоторыхъ уѣздовъ Харьковскаго намѣстничества должны были на время прекратить свои работы; всѣ судьи были уволены отъ присутствія «на сей высокій, знаменитый случай», и въ важномъ судебномъ мѣстѣ оставалось по одному присутствующему и проч.

Мало того, что въ улицахъ городовъ, чрезъ которые проѣзжала Екатерина, на время «шествія» прекратилось всякое сообщеніе, — на Днѣпрѣ во время плаванія, продолжавшагося двѣ недѣли, была запрещена переправа, дабы не сдѣлалось остановки въ плаваніи. Нетрудно представить себѣ, что значило для мѣстнаго населенія прекращеніе сообщенія между обоими берегами рѣки.

Всѣ эти распоряженія требовали весьма значительныхъ пожертвованій со стороны населенія. Прусскій дипломатъ, баронъ Келлеръ, доносилъ своему двору въ концѣ 1786 года: «вѣроятно императрица не знаетъ вовсе о бѣдственномъ состояніи своего народа; она также сильно ошибается относительно оцѣнки комплекта находящихся въ ея распоряженіи войскъ». По расчету Келлера, для путешествія Екатерины губерніи, за исключеніемъ Екатеринославскаго намѣстничества и Крымскаго полуострова, должны были поставить 76.720 лошадей, а Екатеринославское намѣстничество и Крымъ еще 34.000, что стоило не менѣе 5 милліоновъ рублей. Въ донесеніяхъ Келлера также встрѣчается замѣтка, что народъ сильно ропталъ на экстренную подушную подать въ размѣрѣ 20 копѣекъ, взимаемую по случаю путешествія Екатерины и составлявшую для всей имперіи сумму въ 2 милліона рублей.

Нельзя удивляться тому, что баснословная роскошь двора во время путешествія служила предметомъ разговоровъ и сплетней, какъ это видно изъ слѣдующей замѣтки въ письмѣ Екатерины къ барону Гримму отъ 30-го іюня 1787 года: «Не вѣрьте тому, что пишутъ въ газетахъ о моихъ путевыхъ расходахъ. Выдумали, будто бы графиня Браницкая была моей поставщицей, будто въ Кіевѣ ей выдавалось на мой столъ по 5.000 рублей въ сутки, и она продавала мнѣ яйца по полтинѣ за штуку; все одна пошлая ложь, но она доставила намъ случай вдоволь подразнить поименованную графиню, которая сама вмѣстѣ съ нами хохотала по этому поводу».

Нѣтъ сомнѣнія, что особенно Потемкинымъ были истрачены громадныя суммы денегъ по поводу путешествія императрицы. Его распоряженія обходились особенно дорого мѣстному населенію. Для плаванія по Днѣпру готовились шлюпки съ гребцами, «прилично одѣтыми». Къ съѣзду въ Кременчугѣ приглашены были дворяне съ ихъ семействами и отдаленныхъ городовъ купцы и «лучшіе граждане». До Кіева путешественники ѣхали въ 14-ти каретахъ, 124 саняхъ и 40 запасныхъ экипажахъ. Изъ Кіева ѣхали въ 50 до 80 галерахъ, построенныхъ нарочно для этого путешествія. Эти галеры были великолѣпно убраны и снабжены всевозможными предметами роскоши. На каждомъ суднѣ находилось по нѣскольку музыкантовъ. Галеры были устроены въ римскомъ вкусѣ. На особенно большой галерѣ «Деснѣ» находилась огром-

ная столовая, въ которой императрица давала [illegible] обѣды. По повелѣнію Потемкина многія скалы на Днѣпрѣ были взорваны порохомъ для болѣе безопаснаго плаванія. На галерахъ находилось около 3.000 человѣкъ.

На югѣ, въ намѣстничествѣ Потемкина, къ пріѣзду Екатерины строились временные дворцы, пролагались удобнѣйшія дороги, сооружались тріумфальныя ворота, воздвигались цѣлые города, какъ, напримѣръ, Алешки, на лѣвомъ берегу Днѣпра, противъ Херсона: въ октябрѣ 1786 года его еще не существовало, а въ апрѣлѣ 1787 года городокъ былъ отстроенъ и заселенъ малороссіянами и запорожцами. Проложеніе дороги отъ Кизиркермана къ Перекопу Потемкинъ поручилъ полковнику Корсакову, желая ее «сдѣлать богатою рукою, чтобы не уступала римскимъ». Я назову ее «Екатерининскій путь»,—прибавлялъ онъ. Генералъ-майору Синельникову поручено было озаботиться приданіемъ Кременчугу вида города столичнаго: архіепископу Амвросію екатеринославскому и таврическому Потемкинъ собственноручно написалъ тему, на которую преосвященный долженъ былъ сказать привѣтственное слово; наконецъ, неутомимый князь успѣвалъ удѣлять время къ слушанію торжественной ораторіи, приготовленной къ пріѣзду Екатерины италья нскимъ капельмейстеромъ Сарти.

Нѣкоторыя свѣдѣнія о приготовленіяхъ къ путешествію заключаются въ письмахъ правителя Таврической области В. В. Коховскаго къ правителю канцеляріи князя Потемкина В. С. Попову. Тутъ мы узнаемъ, какія мѣры въ продолженіе 1786 года были приняты для постройки новыхъ зданій, для поставки лагерей, для приготовленія лошадей, кибитокъ, хомутовъ, вожжей и пр. Такъ, напримѣръ, въ донесеніи отъ 25-го октября 1786 года сказано: «Дороги, въ городахъ дворцы, мили, версты дѣйствительно готовы будутъ... Симферопольскій дворецъ почти къ окончанію приходитъ; но нужно будетъ пособіе въ мебеляхъ, а также и по прежде посланнымъ отъ меня регистрамъ на всѣ почтовыя станціи выставить не можно, и купить здѣсь нигдѣ кибитокъ и хомутовъ и прочей упряжи». 2-го февраля 1787 года: «Часть живописцевъ изъ Карасу-базара на сей недѣлѣ сюда будутъ для отдѣлки здѣшняго дворца. Купленныя въ Москвѣ кибитки обойдутся съ транспортомъ до Бериславля около 20 рублей, а хомуты по 180 коп. Я радъ, что куплено дешевле, какъ я думалъ». Въ другихъ письмахъ говорится о собраніи «для принесенія поклона татаръ, киргизцевъ, ногайцевъ и туркменцевъ». Въ донесеніи отъ 12-го марта 1787 г. сказано: «Въ деревняхъ, по пути лежащихъ, развалины поправятся, въ Бахчисараѣ народъ умножится»; 24-го марта: «Прошу васъ не отбирать отъ меня двухъ дворцовъ, кои изъ Дону привезутся... Если 2.000 лошадей изъ Дону придутъ, то въ лошадяхъ не будетъ недостатка... Сто кибитокъ и къ нимъ дуги и хомуты доставлены уже въ Бериславль... Перестроеніе дворца по данному плану идетъ поспѣшно. Рыбасъ съ усерднѣйшею заботливостью исправляетъ свое порученіе. Одинъ ночлежный и одинъ обѣденный подвижные дворцы приходятъ здѣсь къ отдѣлкѣ деревянною и желѣзною работою. По окончаніи сихъ отправятся мастеровые въ судахъ для построенія тамъ онаго. Дай богъ, чтобъ поскорѣе привезено было изъ Москвы все нужное для отдѣлки оныхъ. Два первые привезутся изъ Бахчисарайской дороги на Карасу-базарскую для обратнаго шествія къ Перекопу. Итакъ, въ полуостровѣ здѣшнемъ потребны только три дворца подвижныхъ. Изъ построенныхъ на Дону четырехъ дворцовъ, кои повелѣно привезть въ Перекопъ, сколько назначается для отвозу въ Екатеринославскую губернію?... Выписуемое же полотно и желѣзныя вещи къ онымъ (дворцамъ) изъ Москвы можно продать здѣсь чужестранцамъ безъ потери... Ледъ на станціяхъ будетъ. Столики, столы, стулья дѣлаются. Дёжъ, кадокъ, ведеръ, ушатовъ и прочей деревянной посуды ожидаю скоро изъ Миргорода, куда отправленъ нарочный. Свѣчи будутъ ли дворцовыя? Прошу увѣдомить. Чаю такого, какъ вы кушаете, у насъ нѣтъ. Но кофе по станціямъ будетъ леванской. Коровы для молока будутъ наемныя отъ обывателей окрестныхъ деревень, дабы черезъ то доставить имъ прибыль; и чтобъ они видѣли, что ныне безъ платы ничего не требуется. Доставленіе для дѣланія фейерверка 5-или 4-саженныхъ бревенъ и болѣе 1.000 досокъ приняло свое начало. В— къ своему времени доставляется и пр...».

Англійскій посолъ Фицгербертъ по поводу путешествія въ Тавриду извѣщалъ дворъ свой, что на покрытіе издержекъ по путешествію назначена сумма въ 4 милліона рублей, равная по тогдашнему курсу 700.000 фунт. стерлинговъ. Но къ этимъ милліонамъ нужно прибавить еще тѣ милліоны, которые составляли пожертвованіе частныхъ лицъ, дворянства, купечества, крестьянства, угощеніе путешественниковъ въ городахъ и на станціяхъ, потери, сопряженныя для купцовъ, промышленниковъ и земледѣльцевъ, вслѣдствіе прекращенія на нѣкоторое время обыкновенныхъ работъ, сообщенія, устройство базаровъ,

искусственную mise en scène[1]) картинъ народнаго богатства. Администрація не щадила ни казенныхъ, ни частныхъ средствъ для достиженія главной цѣли: произвести благопріятное впечатлѣніе на императрицу.

Этотъ образъ дѣйствій представителей администраціи подалъ поводъ къ разсказамъ современниковъ, будто большая часть городовъ и деревень, показанныхъ на пути императрицѣ, были не что иное, какъ театральная декорація. Одинъ изъ спутниковъ Екатерины, принцъ де-Линь, смѣется надъ подобными слухами, которые онъ называетъ нелѣпыми, но онъ же допускаетъ что дѣйствительно на пути встрѣчались «города безъ улицъ, улицы безъ домовъ, дома безъ крышъ, безъ дверей и оконъ»; что императрицѣ показывались лишь казенныя помѣщенія губернаторовъ и нѣкоторыя находящіяся около послѣднихъ каменныя строенія; что Екатерина не прогуливалась пѣшкомъ по городамъ, въ которыхъ она останавливалась, и что поэтому видѣла меньше, чѣмъ нѣкоторые изъ ея спутниковъ и пр.

2) Закладка Екатеринослава.

...Уже начиная съ 1784 года, шли приготовленія къ закладкѣ новаго города, Екатеринослава. Здѣсь все должно было имѣть громадные размѣры. Новый городъ долженъ былъ сдѣлаться средоточіемъ и умственнаго, и матеріальнаго благосостоянія всего края. Потемкинъ имѣлъ въ виду учрежденіе въ этомъ мѣстѣ университета, музыкальной консерваторіи, храма, похожаго на знаменитый храмъ св. Петра въ Римѣ, «судилища, наподобіе древнихъ базиликъ, лавокъ полукружіемъ, наподобіе пропилей афинскихъ»; съ биржей и театромъ по срединѣ, двѣнадцати фабрикъ; для всѣхъ этихъ построекъ отчасти уже было приготовлено множество строительныхъ матеріаловъ. Ко времени прибытія Екатерины въ это мѣсто, Потемкинымъ въ Берлинѣ даже была заказана статуя императрицы, которая, однако, не была готова въ маѣ 1787 года. Городъ долженъ былъ имѣть пространство въ 300 квадратныхъ верстъ. Выгонной земли для пастбища городского скота предназначалось до 80.000 десятинъ. Улицы должны были имѣть ширину 30 саженъ.

Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ работали сотни каменщиковъ, плотниковъ, кузнецовъ. Истрачено множество денегъ.

Когда Екатерина, сопровождаемая Іосифомъ II, 8-го мая, пріѣхала къ тому мѣсту, гдѣ строится городъ Екатеринославъ, послѣднее уже «имѣло видъ пріятнаго обиталища»,... какъ пишетъ Самойловъ въ составленной имъ біографіи Потемкина. Въ походной церкви, устроенной въ шатрѣ, раскинутомъ на берегу Днѣпра, отслужили молебенъ, а затѣмъ происходила закладка собора, при чемъ Потемкинъ приказалъ архитектору «пустить на аршинчикъ длиннѣе, чѣмъ соборъ св. Петра въ Римѣ». Разсказываютъ, будто Іосифъ II съ саркастическою улыбкою сказалъ при этомъ случаѣ своимъ приближеннымъ, что въ одинъ день совершилъ вмѣстѣ съ императрицею великое дѣло: «она положила первый камень новаго города, онъ же—второй и послѣдній».

Надежды въ отношеніи къ Екатеринославу не сбылись. Предсказаніе Сегюра, что въ соборѣ никогда не будетъ службы, сбылось. Война 1787—1791 годовъ помѣшала приведенію въ исполненіе разныхъ построекъ. Строеніе храма было пріостановлено. Денегъ не доставало. Въ 1795 году, кромѣ нѣкоторыхъ казенныхъ зданій и весьма немногихъ частныхъ домовъ, существовалъ только домъ и садъ Потемкина. Фабрики, устроенныя имъ, вскорѣ прекратили свои дѣйствія. Великолѣпныя оранжереи при домѣ Потемкина съ ананасами, лавровыми, померанцевыми, апельсинными, лимонными, гранатными, финиковыми деревьями оказались безполезными. Фундаментъ проектированнаго собора, стоившій болѣе 70.000 руб., составляетъ ограду церкви, построенной на этомъ мѣстѣ въ гораздо болѣе скромныхъ размѣрахъ.

Однако Екатерина въ 1787 году была чрезвычайно довольна впечатлѣніемъ, произведеннымъ приготовленіями Потемкина. Онъ умѣлъ придавать своимъ проектамъ особенную прелесть. Увлеченіе замѣтно не только въ императрицѣ, но и въ другихъ лицахъ.

Гарновскій писалъ В. С. Попову, въ іюлѣ 1787 года: «Я сомнѣваюсь, чтобы кто болѣе превозносилъ хвалами походъ ее императорскаго величества въ Тавриду, какъ Е. А. Чертковъ. Сіе преимущество отдаю я потому, что онъ льстить не умѣетъ. Онъ, между прочимъ, разсказывалъ почти тако: «Я былъ съ его свѣтлостію въ Тавридѣ, въ Херсонѣ и въ Кременчугѣ мѣсяца за два до пріѣзда туда ее величества. Я удивлялся его свѣтлости и не понималъ, что то было такое, что онъ тамъ хотѣлъ показать ее императорскому величеству. Нигдѣ тамъ ничего не видно было отмѣннаго; словомъ, я сожалѣлъ, что его свѣтлость позвалъ туда ее императорское величество попустому. Пріѣхалъ съ государынею, богъ знаетъ что тамъ за чудеса явилися! Чортъ знаетъ, откудова взялись строенія, войска, людство, татарва, одѣтая прекрасно, казаки, корабли... Ну, ну, богъ

[1]) Постановку.

знаетъ что!.. Какое изобиліе въ яствахъ, въ напиткахъ, словомъ, во всемъ—ну, знаешь, такъ, что придумать нельзя, чтобъ пересказать порядочно. Я тогда ходилъ какъ во снѣ, право, какъ сонный. Самъ себя ни въ чемъ не вѣрилъ, щупая себя: я ли? гдѣ я? не мечту ли, или не привидѣніе ли вижу? Н-у! Надобно правду сказать, ему-ему только одному можно такія дѣла дѣлать! и когда онъ успѣлъ все это сдѣлать? Кажется, не видно было, чтобъ онъ и въ Кіевѣ занимался слишкомъ дѣлами, ну, знаешь, все какъ здѣсь. Только и слышно было «Василія Степановича» да «Попова»; «Попова» да «Василія Степановича»; но да все вѣдь одно. Удивилъ! Ну, подлинно удивилъ! Не духи ли какіе-нибудь ему прислуживаютъ?»

(«Ист. Вѣстникъ» 1885 г. № 7, стр. 12—23, № 9, стр. 476—478.)

---

162. Изъ переписки императрицы Екатерины II съ Вольтеромъ.

1. Екатерина Вольтеру.

...Сегодня, я въ первый разъ въ жизни скорблю о томъ, что не умѣю писать стиховъ: на ваши — я въ состояніи отвѣтить только прозой, но могу васъ увѣрить, что, начиная съ 1746 г., съ того момента, когда я начала располагать своимъ временемъ, я считаю себя передъ вами въ величайшемъ долгу. До этого времени я читала только романы, но, благодаря случайности, произведенія ваши попали мнѣ в руки, и съ тѣхъ поръ я не переставала ихъ читать; всякія другія книги, не написанныя столь же хорошо и изъ которыхъ я не могу извлечь того-же, сдѣлались для меня излишни. А гдѣ найти такихъ? Я возвратилась поэтому къ тому, что дало самый первый толчокъ моему вкусу и доставляетъ мнѣ самое дорогое наслажденіе. Могу васъ увѣрить, м. г., что если я обладаю кое-какими познаніями, то всѣмъ этимъ я обязана только этимъ книгамъ. Но такъ какъ, изъ чувства уваженія, онъ возбраняетъ себѣ высказать мнѣ, что цѣлуетъ мое письмо, то поэтому и мнѣ приходится тоже скрыть отъ него, изъ чувства приличія, что я преисполнена восторга къ его произведеніямъ. Въ настоящее время я читаю «Essai sur L'histoire générale» [1]), и хотѣла бы выучить наизусть каждую страницу этой книги, въ ожиданіи полученія «Les Oeuvres du grand Corneille» [2]), на покупку которой банковый билетъ, какъ я полагаю, уже отправленъ.

Екатерина.

[1]) Опытъ всеобщей исторіи.
[2]) Труды великаго Корнеля.

2. Екатерина Вольтеру.

Петербургъ, 29-го іюня (9-го іюля) 1766 г.

М. Г. Мерцаніе звѣзды Сѣвера не болѣе, какъ сѣверное сіяніе. Тѣ добрыя дѣла, о которыхъ вы такъ любезно упоминаете, совершенныя на разстояніи нѣсколькихъ сотенъ лье, никоимъ образомъ не могутъ быть приписываемы мнѣ. Каласы, всѣмъ, что они получили, обязаны своимъ друзьямъ; г. Дидро, продажею своей библіотеки, — своему другу; но что касается Каласовъ и Сирвеновъ, то всѣмъ они обязаны всецѣло вамъ. Удѣлить немножко ближнему изъ того, что имѣется въ великомъ изобиліи, ровно ничего не значитъ; но быть ходатаемъ рода человѣческаго, защитникомъ угнетенной невинности, это значитъ пріобрѣсти себѣ право на безсмертіе. Эти два дѣла вызываютъ къ вамъ также чувство благоговѣйнаго уваженія, съ которымъ только и можно относиться к подобнымъ чудесамъ... Вы боролись съ цѣлою арміею враговъ человѣческихъ: съ суевѣріемъ, фанатизмомъ, невѣжествомъ, ябедой, безсовѣстными судьями и могущественной властью, находящеюся въ рукахъ той или другой партіи. Чтобы побороть всѣ эти препятствія, нужно не мало добродѣтелей и душевныхъ качествъ. Вы доказали, что онѣ вамъ присущи и потому вы побѣдили...

3. Вольтеръ Екатеринѣ.

22-го декабря (1766 г.).

Да проститъ меня ваше императорское величество, нѣтъ!—Вы совсѣмъ не «сѣверное сіяніе»; вы доподлинно самое блестящее свѣтило Сѣвера и никогда не было тамъ другаго, столь благотворнаго, какъ вы: Андромедъ, Персей и Калисто—не стоятъ васъ. Всѣ эти свѣтила оставили-бы Дидро умирать съ голоду. Онъ былъ жертвою преслѣдованія на своей родинѣ, и ваше благотворительное сердце нашло его даже тамъ. Самому Людовику XIV присуща меньшая степень благолѣпія въ этомъ отношеніи, чѣмъ вашему величеству; онъ награждалъ достойное въ чужеземныхъ странахъ, но это достойное ему указывалось: вы же, государыня, вы его отыскиваете сами и находите. Ваши великодушныя заботы о томъ, чтобы установить свободу совѣсти въ Польшѣ — такое великое и благое дѣло, которое долженъ прославлять весь родъ человѣческій, и я осмѣливаюсь это говорить

отъ имени рода человѣческаго, если только мой голосъ можетъ еще быть услышанъ.

Въ ожиданіи же этого, государыня, позвольте мнѣ опубликовать то, что вы соизволили мнѣ написать относительно архіепископа Новгородскаго и о вѣротерпимости вообще. Все написанное вами—есть памятникъ вашей славы. Мы трое,—Дидро, Д'Аламберъ и я, —мы воздвигаемъ вамъ алтари; вы дѣлаете изъ меня, государыня, язычника. Не только съ глубокимъ чувствомъ уваженія, но съ страстнымъ и благоговѣйнымъ чувствомъ истиннаго идолопоклонника я склоняюсь къ стопамъ вашего величества.

Священнослужитель вашего храма.

(Чуйко, Европ. классики, т. IV.)

163. Письмо Вольтера къ И. И. Шувалову.

Въ Фернеѣ, 12. февраля, 1768.

Вы ко мнѣ, государь мой, написали изъ Москвы такое письмо, коему подобныхъ изъ Версаліи не пишутъ, ни въ слогѣ, ни въ существенности дѣла, и вы сердце мое воспламенили. Мнѣ неизвѣстно, знаете ли вы худую комедію мечтателей, которая прежде имѣла во Франціи величайшій успѣхъ: въ семъ сочиненіи есть глупая старуха, которая влюблена въ Александра. Что жъ касается до меня, то я старой дуракъ влюбленъ въ Екатерину, которая кажется мнѣ столько преимуществуетъ передъ Александромъ, сколько основатель превосходитъ разрушителя.

Вотъ поучительное слово, по которому, кажется мнѣ, что она святая. Проповѣдникъ смѣло предлагаетъ образцомъ небольшому народу примѣръ обширнѣйшей въ свѣтѣ Имперіи. Въ сосѣдствѣ моемъ истинно благоговѣютъ къ Сѣверной законодательницѣ, между тѣмъ какъ во Франціи сочиняютъ еще слово похвальное св. Франциску, учредителю подъ именемъ своимъ босоногихъ монаховъ; св. Доминику, коему одолжены мы якобинцами; св. Норберту, который пожаловалъ намъ Августинскій монашескій орденъ. Мы имъ дѣйствительно много обязаны, и я весьма хвалю ихъ за то, что они имѣютъ олтари, хотя мы не думали быть кумирослужителями. Я очень почитаю св. Терезію, св. Урзулу; но я лучше люблю святую Екатерину.

Я весьма тѣмъ удивленъ, что Дидеротъ, въ пользу котораго сія святая Екатерина произвела чудеса, не воспѣлъ ей какихъ ни есть антифоновъ. Повидимому, боится онъ нѣкоторыхъ еретиковъ, находящихся во Франціи, кои очень худо наставлены. Мнѣ кажется, что это было бы благочестивое и довольно нужное дѣло, чтобъ оныхъ еретиковъ обратить. Я весьма увѣренъ, что они отверзутъ очи свои и всѣ будутъ со мною одной вѣры.

Вы, государь мой, начальствуете въ наипрекраснѣйшемъ обществѣ, какое я знаю. Лучше сочинять россійскіе законы, нежели ѣхать справляться съ законами Китая, и я лучше желаю, чтобы вы были законоположителемъ, нежели посломъ.

Я чрезъ нѣсколько дней отправлю толстую книгу товаровъ, кои е. и. в. для книгохранительницы своей требовать у меня изволила. Она не скоро прибудетъ. Разстояніе между вами и мною занимаетъ около четверти земного шара, и для меня это очень непріятно.

(Письмо Вольтера къ Шувалову, с. 126—129.)

164. Характеръ Екатерины.

(По секретнымъ мемуарамъ Масона.)

О характерѣ Екатерины судить слѣдуетъ по ея дѣламъ. Царствованіе ея было счастливо и блестяще для нея и ея двора; но конецъ его былъ гибеленъ особенно для Имперіи и народа. Всѣ пружины управленія попортились: каждый генералъ, каждый губернаторъ, каждый начальникъ части сдѣлался самостоятельнымъ деспотомъ. Мѣста, правосудіе, безнаказанность продавались за деньги: около двадцати олигарховъ раздѣляли между собою Россію подъ покровительствомъ фаворита, они или сами грабили государственные доходы, или предоставляли грабить другимъ, или оспаривали другъ у друга добычу, захваченную у несчастныхъ. Случалось, что ихъ слуги, ихъ рабы даже въ короткій срокъ достигали значительныхъ должностей и богатства. Иной, получая всего триста — четыреста рублей жалованія, могъ увеличивать его только посредствомъ взяточничества — и настолько, что строилъ около дворца пятидесятитысячные дома. Екатерина, и не помышлявшая разыскивать нечистые источники этихъ эфемерныхъ богатствъ, кичилась, видя, какъ столица украшается у нее на глазахъ и рукоплескала необузданной роскоши негодяевъ, считая ее доказательствомъ благоденствія подъ ея владычествомъ. Никогда, даже во Франціи, грабежъ не былъ дѣломъ такимъ всеобщимъ и такимъ доступнымъ. Всякій, черезъ чьи руки шли казенные деньги на какое-нибудь предпріятіе, нагло оставлялъ себѣ половину и дѣлалъ потомъ

представленіе о полученіи добавочныхъ подъ предлогомъ недостаточности отпущенныхъ суммъ, [illegible] или предпріятіе останавливалось. Большіе воры сами участвовали въ дѣлежѣ награбленнаго мелкими и были ихъ соучастниками. Каждый министръ зналъ приблизительно, сколько дохода дастъ секретарю каждая его подпись, а полковникъ безъ колебаній толковалъ съ генераломъ о барышахъ, получаемыхъ имъ съ полка.

Начиная съ самого фаворита и кончая послѣднимъ чиновникомъ, всѣ смотрѣли на государственную собственность, какъ на мачту съ призами, которые надо добыть, и бросались на нее съ тѣмъ же безстыдствомъ, съ какимъ чернь на выставленнаго ей быка. Одни только Орловы, Потемкинъ и Панинъ занимали свои мѣста съ извѣстнымъ достоинствомъ: у первыхъ проявлялись нѣкоторыя способности и огромное честолюбіе; у Панина же было больше достоинствъ: онъ былъ образованъ, любилъ родину и былъ добродѣтеленъ. Вообще же ничто не сравнится съ ничтожествомъ сильныхъ міра сего за послѣдніе годы царствованія Екатерины: лишенные знаній, убѣжденій, возвышенныхъ чувствъ и честности, они не имѣли даже той хвастливой чести, которая также далека отъ истинной честности, какъ лицемѣріе отъ добродѣтели; безчувственные, какъ колоды, лихоимцы, какъ мытари, хищные, какъ лакеи, и продажные, какъ субретки въ комедіяхъ, они были, поистинѣ, сволочью имперіи. Ихъ прихвостни, креатуры, ихъ лакеи и даже родня обогащались вовсе не отъ ихъ щедротъ, а съ помощью притѣсненій, творимыхъ ихъ именемъ, и торговли ихъ кредитомъ: впрочемъ, и ихъ самихъ обворовывали такъ же, какъ они обворовывали казну. Всѣ услуги имъ, вплоть до самыхъ низкихъ, оплачивались государствомъ: часто ихъ слуги, шуты, музыканты, личные секретари и даже гувернеры дѣтей получали вознагражденіе изъ какой-либо казенной кассы, бывшей въ ихъ завѣдыванія. Нѣкоторые изъ нихъ покровительствовали талантамъ, уважали достойныхъ людей; но ни тѣ, ни другіе не обогащались около нихъ: они имъ ничего не давали, не столько изъ жадности, какъ по полному отсутствію склонности къ благотворительности. Только ставъ шутомъ, можно было снискать ихъ милость, и, сдѣлавшись мошенникомъ, извлечь изъ этого выгоду.

Поэтому должностными лицами и людьми сильными были въ это царствованіе почти исключительно выскочки. Новые князья и графы роями роились на праздникахъ Екатерины, въ то самое время, какъ во Франціи стремились совсѣмъ отмѣнить титулы. За исключеніемъ Салтыковыхъ, ни одна [illegible] семья не была [illegible]. Въ [illegible] другихъ странахъ, кромѣ Россіи, въ томъ не было бы бѣды; но для нея это сущее несчастье, потому что тамъ богатая знать—единственно образованный классъ, въ которомъ встрѣчается чувство чести. Къ тому же всѣ эти новые люди оказывались такими голодными піявками, что ихъ пришлось накачивать самой чистой кровью государства и потомъ народа. Частая смѣна королей не ложится тяжестью на государство, наслѣдующее имъ, но постоянныя смѣны фаворитовъ и правителей, обогащающихся и уносящихъ съ собою его сокровища, несомнѣнно, истощили бы всякую страну, кромѣ Россіи. Сколько милліоновъ пошло на то, чтобы осыпать богатствами одного за другимъ двѣнадцать офиціальныхъ фаворитовъ? Сколько понадобилось, чтобы обогатить и превратить въ вельможъ всякихъ Безбородко, Завадовскихъ, Морковыхъ и многихъ другихъ, настолько многочисленныхъ, что всѣхъ ихъ и не назовешь? Орловы, Потемкины, Зубовы, не стали ли они богаче королей? И даже тѣ, что торговали ихъ подписями и завѣдывали ихъ разнообразными увеселеніями, не стали ли и они богаче самыхъ удачливыхъ торговцевъ Европы?

Насколько мягкимъ и умѣреннымъ было правленіе Екатерины вблизи ея, настолько же ужаснымъ и произвольнымъ было оно вдали отъ нея. Человѣкъ, которому прямо или косвенно покровительствовалъ фаворитъ, являлся открытымъ тираномъ всѣхъ, гдѣ бы онъ ни находился: онъ дерзилъ начальству, давилъ подчиненныхъ и безнаказанно нарушалъ правосудіе, дисциплину и указы.

(К. Масонъ. Секретные мемуары о Россіи стр. 41—44 нѣмецкаго изданія.)

---

165. Кн. М. М. Щербатовъ.

О поврежденіи нравовъ въ Россіи.

(Впервые напечатано Герценомъ въ Лондонѣ въ 1861 г. Въ Россіи напечатано въ 1870 г. въ «Русской Старинѣ».)

1) Вельможи Екатерины II.

Когда смѣшались состоянія, когда чины начали изъ почтенія выходить, а достатки не стали ровняться, единые, отъ монаршей щедроты получая многое, могли много проживать, а другіе, имѣя токмо рожденіе и службу и небольшой достатокъ, съ ними восхотѣли равны быть, тогда естественно роскошь и сластолюбіе сверху внизъ стали переходить и разо-

рять нижнихъ; а какъ сластолюбіе никогда предѣловъ излишностямъ своимъ не полагаетъ, и самые вельможи начали изыскивать умножить оное въ домахъ своихъ. Дворъ, подражая или, лучше сказать, угождая императрицѣ, въ златотканныя одежды облекался; вельможи изыскивали въ одѣяніи все, что есть богатѣе, въ питьѣ все, что рѣже; въ услугѣ возобновя древнюю многочисленность служителей, приложили къ оной пышность въ одѣяніи ихъ. Екипажи возблистали златомъ, дорогія лошади, не столько для нужды удобныя, какъ единственно для виду, учинились нужны для воженія позлащенныхъ каретъ. Домы стали украшаться позолотою, шелковыми обоями во всѣхъ комнатахъ, дорогими мебелями, зеркалами и другими. Все сіе составляло удовольствіе самимъ хозяевамъ, вкусъ умножался, подражаніе роскошнѣйшимъ народамъ возрастало, и человѣкъ дѣлался почтителенъ (почтенъ) по мѣрѣ великолѣпности его житья и уборовъ.

Очевидный будучи свидѣтель роду жизни и сластолюбія тогдашняго времени, я нѣкоторые примѣры потщуся представить. Графъ Алексѣй Петровичъ Бестужевъ имѣлъ толь великой погребъ, что онъ знатной капиталъ составилъ, когда послѣ смерти его былъ проданъ графомъ (графамъ) Орловымъ. Палатки, которыя у него становливались на его загородномъ дворѣ на Каменномъ Острову, имѣли шелковыя веревки. Степанъ Федоровичъ Апраксинъ всегда имѣлъ великой столъ, гардеробъ его изъ многихъ сотъ разныхъ богатыхъ кафтановъ состоялъ; въ походѣ, когда онъ командовалъ россійскою арміей противу прусскаго Короля, всѣ спокойствіи, всѣ удовольствіи, какіе возможно было имѣть въ цвѣтущемъ торговомъ градѣ, съ самою роскошію при звукѣ оружій и беспокойствѣ марней ему послѣдовали. Палатки его величиною городъ составляли, обозъ его болѣе нежели 500 лошадей отягчалъ, и для его собственнаго употребленія было съ нимъ 50 заводныхъ богато убранныхъ лошадей. Графъ Петръ Борисовичъ Шереметевъ, сперва камеръ-геръ, а потомъ генералъ-аншефъ и генералъ-адъютантъ, богатѣйшій тогда въ Россіи человѣкъ, — человѣкъ весьма посредственный разумомъ своимъ, лѣнивъ, не знающъ въ дѣлахъ, и, однимъ словомъ, таскающій, а не носящій свое имя, и гордящійся единымъ своимъ богатствомъ, въ угодность монархинѣ со всѣмъ возможнымъ великолѣпіемъ жилъ; одежды его наносили ему тягость отъ злата и сребра и блистаніемъ ослѣпляли очи; екипажи его, къ чему онъ и охоты не имѣетъ, окромѣ что лучшаго вкусу, были выписаны изъ Франціи, были наидрагоцѣннѣйшіе; столъ его великолѣпенъ, услуга многочисленна и житье его, однимъ словомъ, было таково, что не однажды случалось, что нечаянно пріѣхавшую къ нему императрицу съ не малымъ числомъ придворныхъ онъ въ вечернемъ кушаньи, яко бы изготовляясь, могъ угощать...

...Тако сластолюбіе повсюду вкоренялось, къ раззоренію домовъ и къ испорченію нравовъ. Но гдѣ оно намъ наиболѣе оказало вредныхъ своихъ дѣйствій и гдѣ оно, соединяяся съ пышностью и властолюбіемъ, можно сказать, оказало свою побѣду надъ добрыми нравами? Сіе было въ особѣ графа Петра Ивановича Шувалова... Мнѣ должно помянуть о его правахъ и роскоши. Безпрестанно въ замыслахъ и безпрестанно въ дѣлахъ, не могъ онъ имѣть открытаго дому и роскошь свою великолѣпнымъ житьемъ показывать. Но былъ сластолюбивъ и роскошенъ въ приватномъ своемъ житьѣ. Домъ его былъ убранъ колико возможно лучше по тогдашнему состоянію, столъ его маленькой наполненъ былъ всѣмъ тѣмъ, что есть драгоцѣннѣйшее и вкуснѣйшее; десертъ его былъ по тогдашнему наивеликолѣпнѣйшій, ибо тогда какъ многіе, изживши вѣкъ, вкусу ананасовъ не знали, а о бананѣ и не слыхивали, онъ ихъ въ обильствѣ имѣлъ, и первый изъ приватныхъ завелъ ананасовую большую оранжерею. Вины, употребляемые имъ не токмо были лучшіе, но, не довольствуяся тѣми, которые обыкновенно привозятся и употребляются, дѣлалъ дома вино ананасовое. Екипажъ его былъ блистающъ златомъ, и онъ первый цугъ англійскихъ, тогда весьма дорогихъ, лошадей имѣлъ; платье его соотвѣтствовало также пышности; злато, сребро, кружевы, шитье на немъ блистали, и онъ первый по графѣ Алексѣе Григорьевичѣ Раумовскомъ имѣлъ бриліантовые пуговицы, звѣзду, ордена и еполетъ, съ тою токмо разностью, что его бриліантовые уборы богатѣе были. Во удовольствіе своего любострастія, всегда имѣлъ многихъ метресъ, которымъ не жалѣя деньги сыпалъ, а дабы и тѣло его могло согласоваться съ такою роскошью, принималъ ежедневно горячіе лекарствы, которые и смерть его приключили. Однимъ словомъ, хотя онъ тогда имѣлъ болѣе 400 тысячъ рублей доходу, но на его роскошь, любострастіе и дары окружающимъ императрицу недоставало, и онъ умеръ, имѣя болѣе милліона на себѣ казеннаго долгу...

2) Самовластіе Екатерины II.

Общимъ образомъ сказать, что жены имѣютъ болѣе склонности къ самовластію,

нежели мущины; о сей же со справедливостью можно увѣрить, что она наипаче въ семъ случаѣ есть изъ женъ жена. Ничто ей не можетъ быть досаднѣе, какъ то, когда докладывая ей по какимъ дѣламъ въ сопротивленіе воли, ея законы поставляютъ, и тотчасъ отвѣтъ отъ нея вылетаетъ: развѣ я не могу, не взирая на законы, сего учинить? Но не нашла никого, кто бы осмѣлился отвѣтствовать ей, что можетъ яко деспотъ, но съ поврежденіемъ своей славы и догѣренности народной. Дѣла многіе свидѣтельствуютъ ея самовластіе. 1) Возвращеніе Маріи Павловнѣ Нарышкиной отъ Талызина деревень, утвержденныхъ купчими и самымъ владѣніемъ. 2) Дѣло дѣтей князь-Бориса Васильевича Голицына о прадѣда ихъ Стрѣшневскихъ деревняхъ, беззаконно отписанныхъ. Сенатомъ сіе беззаконіе признано, и докладомъ испрашивано было позволеніе ихъ законнымъ наслѣдникамъ возвратить, и подпись на докладѣ: быть по сему, являлся сдѣлать справедливое удовлетвореніе онымъ, но послѣ изъ комнаты было истолковано, что «быть по сему» знаменовало: быть въ описи. Акимъ Ивановичъ Апухтинъ докладывалъ ей по военной коллегіи о отставкѣ одного генералъ-майора,—получилъ повелѣніе отставить безъ чина: но, какъ онъ началъ представлять, что законы точно повелѣваютъ генералъ-майорамъ давать чины при отставкѣ, получилъ въ отвѣтъ, что она превыше законовъ, и дать ему не хочетъ сего награжденія. Таковые примѣры, видимые въ самомъ государѣ, не побуждаютъ ли и вельможъ къ подобному же самовластію и къ несправедливостямъ, и стенящая отъ таковыхъ наглостей Россія ежедневные знаки представляетъ, коль есть заразителенъ примѣръ государской...

(Соч. кн. Щербатова, II с. 201—236.)

X. Внѣшняя политика.

166. Борьба съ татарами въ XVIII в.

Я думаю, не лишне будетъ здѣсь дать нѣкоторое понятіе объ украинскихъ линіяхъ. Петръ I предположилъ ихъ устроить въ защиту отъ набѣговъ татаръ. Послѣ его кончины, до 1731 г., дѣло на этомъ остановилось, потомъ за эти линіи снова взялись, и ихъ кончили въ 1732 г.; но укрѣпленія были отстроены не ранѣе 1738 г.; правая сторона линій опирается на Днѣпръ, а лѣвая на Донецъ. Всего онѣ простираются болѣе чѣмъ на 100 французскихъ лье [1]), и на этомъ протяженіи выстроены до пятнадцати крѣпостей, снабженныхъ хорошимъ земляным брустверомъ, штурмфалами, наполненнымъ водою рвомъ, гласисомъ и контрэскарпомъ съ палисадомъ. Въ промежуткахъ крѣпостей, по всей линіи, устроены надежные редуты и реданы. Линіи охраняются 20.000 драгунъ изъ милиціи, размѣщенныхъ по крѣпостямъ и по селамъ, нарочно для нихъ выстроеннымъ. Въ мирное время они получаютъ на одну треть менѣе обыкновеннаго войскового жалованья, а взамѣнъ имъ розданы участки пахотной земли, которую они обработываютъ. Это войско набрано изъ двухсотъ тысячъ бѣдныхъ дворянскихъ семействъ въ областяхъ Курской и Рыльской, такъ называемыхъ однодворцевъ, т.-е. владѣльцевъ одного только двора, которые сами пашутъ свою землю. Эти же семейства обязаны ежегодно высылать на линію изъ своей среды извѣстное число работниковъ, въ помощь войску при земледѣльческихъ работахъ. Скажу мимоходомъ, что это превосходнѣйшее войско въ Россіи...—Всѣ эти мѣры не мѣшали татарамъ дѣлать набѣги на Украйну; на такомъ большомъ протяженіи линія не могла быть всегда исправно охраняема. Они только и дѣлали, что переходили черезъ линію взадъ и впередъ, совершенно безнаказанно. Только въ послѣднюю войну этихъ грабителей порядкомъ нѣсколько разъ побили и отняли у нихъ добычу, благодаря благоразумнымъ мѣрамъ, принятымъ фельдмаршаломъ.

Осмотрѣвъ линіи и верфи, Минихъ расположился на главной квартирѣ въ Изюмѣ, казацкомъ городѣ по близости линій...

Полкамъ велѣно справлять свою походную амуницію. Фельдмаршалъ снова завелъ пики, которыя было вышли изъ употребленія послѣ ништадтскаго мира. Каждый полкъ обязанъ былъ имѣть 350 пикъ, каждая длиною въ 18 футъ, и также 20 рогатокъ, длиною въ туазъ, для постановки передъ лагеремъ. Эти рогатки оказали большую пользу, потому что лишь только войско становилось лагеремъ, какъ рогатки выставлялись и армія была

[1]) Лье—съ небольшимъ четыре версты.

обезпечена отъ нечаяннаго нападенія. Но пики были безполезны, даже затрудняли солдатъ въ походѣ (вторая шеренга несла пики), и кромѣ того надо было увеличить обозъ двумя подводами на полкъ, такъ какъ на нихъ складывались пики больныхъ. Минихъ распорядился также освободить офицеровъ и унтеръ-офицеровъ отъ эспонтоновъ и алебардъ, которые онъ замѣнилъ болѣе практичными короткими ружьями со штыками.

Довольно своеобразны были порядки, заведенные русскими во время ихъ похода противъ турокъ. Какъ скоро до главнокомандующаго доходило извѣстіе, что непріятель близокъ, армія строилась въ одно или нѣсколько каре, помѣщая внутри обозъ. Такой порядокъ возможенъ въ степяхъ того края, представляющаго плоскую равнину, гдѣ очень мало ущелій, такъ что развѣ черезъ десять лье встрѣтится холмъ или балка, черезъ которые надо переходить. Кромѣ того, тутъ нѣтъ собственно проложенныхъ дорогъ, вся ширь степи открыта для войска, что весьма облегчаетъ походъ. Но тѣмъ болѣе хлопотъ представляетъ обозъ, который армія должна тащить за собою. Во всей странѣ между Украйною и Крымомъ нѣтъ городовъ, за исключеніемъ Запорожской станицы, не стоющей порядочнаго села; поэтому, собираясь въ походъ, армія поставлена въ необходимость заготовлять для себя все нужное на все время похода, до того, что иногда воду и дрова надобно перевозить изъ лагеря въ лагерь. Понятно теперь, какъ великъ долженъ быть обозъ такой арміи. Я не преувеличиваю, говоря, что армія Миниха не выступала въ походъ иначе, какъ въ сопровожденіи обоза изъ 90 т. подводъ, особенно послѣ того, какъ опытъ доказалъ, что нельзя продовольствоваться на счетъ непріятеля. Эта чрезмѣрная цифра, можетъ быть, удивляетъ; такъ я докажу, что дѣйствительно было такъ на самомъ дѣлѣ. Для арміи въ 80 т. человѣкъ везли муки на 6 мѣсяцевъ, а для этого одного требовалось 40 т. подводъ; отдѣльный обозъ каждаго полка состоялъ не менѣе какъ изъ 250 подводъ; прибавьте къ нимъ генеральскіе обозы, обозъ регулярнаго войска, артиллерійскій паркъ, да 7 или 8 т. маркитантовъ, и окажется, что я нисколько не преувеличиваю. Спору нѣтъ, что безъ этого страшнаго обоза походы Миниха далеко не были бы такъ изнурительны, и Россія извлекла бы изъ нихъ, можетъ быть, болѣе выгоды. Важнымъ удобствомъ для арміи было то, что ей не нужно было запасаться фуражемъ; русскія лошади привыкли быть все лѣто на подножномъ кормѣ; а степи, черезъ которыя проходила армія, представляютъ самыя роскошныя пастбища. Край этотъ одинъ изъ великолѣпнѣйшихъ въ Европѣ; только жаль, что эта мѣстность не обрабатывается отъ недостатка въ водѣ и лѣсѣ; можно пройти 15 и 20 верстъ, не встрѣтивъ ни одного куста, ни малѣйшаго ручейка; вотъ почему надо было тащить дрова съ одной стоянки на другую, отъ неизвѣстности — найдутся ли они на новомъ мѣстѣ. Кромѣ того, каждая рота всегда везла по большой бочкѣ съ водою, для утоленія жажды солдата въ походѣ. Бочки имѣли еще другое назначеніе; въ каждомъ полку ихъ имѣлось отъ 8 до 10-ти и постольку же большихъ дубовыхъ досокъ; тѣ и другія служили мостами для переправы пѣхоты и легкаго обоза; понтоны служили только для перехода тяжелаго обоза и кавалеріи.

Понятіе о плодородіи этого края можно себѣ составить изъ того, что трава на лугахъ достигаетъ вышины, превосходящей ростъ самаго высокаго мужчины. Спаржа растетъ тутъ въ большомъ количествѣ, и ботанисты нашли тамъ множество растеній, весьма рѣдкихъ, которыя въ нашихъ аптекарскихъ садахъ имѣли бы большой уходъ. Въ этихъ же степяхъ растетъ трава, изъ которой турки и татары приготовляютъ свои фитили. Въ іюлѣ или августѣ мѣсяцахъ, татары выжигаютъ траву въ степяхъ. Они дѣлаютъ это потому, что какъ нѣтъ возможности косить траву, то она отъ зноя выгорѣла бы и заглушила молодые отростки, въ предупрежденіе чего они сами ее выжигаютъ огнемъ. Татары часто поджигали луга съ цѣлью лишить русскихъ фуража; и если бы не брали охранительныхъ мѣръ противъ такого пожара, то онъ легко сжегъ бы цѣлый лагерь. Оттого фельдмаршалъ Минихъ распорядился снабдить каждую телѣгу метлою для гашенія огня. Также бывало необходимо окопать лагерь рвомъ въ 2 фута ширины, чтобы не сгорѣть живыми.

Какъ скоро дѣлалось извѣстно, что татары выступили, то зажигали огонь на первыхъ сигнальныхъ столбахъ по всей линіи: этимъ предупреждали караулы и жителей быть на-сторожѣ; если же непріятель показывался по близости одного изъ постовъ, зажигали огни на вторыхъ столбахъ; а когда непріятель уже вторгся въ страну въ какомъ-либо мѣстѣ, то зажигали огонь на третьихъ столбахъ. Тогда все войско немедля выступало навстрѣчу непріятелю и шло по направленію завидѣннаго огня, стараясь отрѣзать хищникамъ отступленіе. Для большей быстроты движенія, каждому пѣхотному полку было роздано по 200 лошадей, которыхъ запрягали попарно въ сани съ 3-мя или 4-мя сѣдоками. Я пола-

гаю, что нѣтъ человѣческой возможности принимать болѣе предосторожностей, и, несмотря на то, года не проходило безъ того, чтобы изъ многихъ набѣговъ, дѣлаемыхъ татарами, не удался имъ хотя одинъ.

(Зап. Манштейна, с. 68—103.)

167. Записка Потемкина о Крымѣ.

Крымъ, положеніемъ своимъ, — разрываетъ наши границы. Нужна ли осторожность съ турками по Бугу или со стороны Кубанской — во всѣхъ сихъ случаяхъ и Крымъ на рукахъ. Тутъ ясно видно, для чего ханъ нынѣшній туркамъ непріятенъ: для того, что онъ не допуститъ ихъ чрезъ Крымъ входить къ намъ, такъ сказать, въ сердце. Положите теперь, что Крымъ вашъ и что нѣтъ уже сей бородавки на носу, — вотъ вдругъ положеніе границъ прекрасное; по Бугу турки граничатъ съ нами непосредственно, потому и дѣло должны имѣть съ нами прямо сами, а не подъ именемъ другихъ. Всякій ихъ шагъ тутъ виденъ. Со стороны Кубанской сверхъ частыхъ крѣпостей, снабженныхъ войсками, многочисленное войско донское всегда тутъ готово. Довѣренность жителей въ Новороссійской губерніи будетъ тогда несумнительна, мореплаваніе по Черному морю свободное, а то извольте разсудить, что кораблямъ вашимъ и выходить трудно, а входить еще труднѣе. Еще вдобавокъ избавимся отъ труднаго содержанія крѣпостей, кои теперь въ Крыму на отдаленныхъ пунктахъ.

Всемилостивѣйшая государыня! неограниченное мое усердіе къ вамъ заставляетъ меня говорить: презирайте зависть, которая вамъ препятствовать не въ силахъ. Вы обязаны возвысить славу Россіи. Посмотрите, кому оспорили, кто что пріобрѣлъ: Франція взяла Корсику; Цесарцы безъ войны у турковъ въ Молдавіи взяли больше, нежели мы. Нѣтъ державы въ Европѣ, чтобы не подѣлили между собою Азіи, Африки, Америки. Пріобрѣтеніе Крыма ни усилить, ни обогатить васъ не можетъ, а только покой доставитъ. Ударъ сильный — да кому? Туркамъ: это васъ еще больше обязываетъ. Повѣрьте, что симъ пріобрѣтеніемъ безсмертную славу получите и такую, какой ни одинъ государь въ Россіи еще не имѣлъ. Сія слава положитъ дорогу еще къ другой и большей славѣ: съ Крымомъ достанется и господство въ Черномъ морѣ: отъ васъ зависѣть будетъ запирать ходъ туркамъ и кормить ихъ или морить съ голоду. Хану пожалуйте въ Персіи, что хотите — онъ будетъ радъ. Вамъ онъ Крымъ поднесетъ нынѣшнюю зиму, и жители охотно принесутъ о семъ просьбу. Сколько славно пріобрѣтеніе, столько вамъ будетъ стыда и укоризны отъ потомства, которое при каждыхъ хлопотахъ такъ скажетъ: вотъ она могла, да не хотѣла или упустила. Есть ли твоя держава кротость, то нуженъ въ Россіи рай. Таврическій Херсонъ! изъ тебя истекло къ намъ благочестіе: смотри, какъ Екатерина Вторая паки вноситъ въ тебя кротость христіанскаго правленія.

(Брикнеръ. Потемкинъ, с. 60—62.)

168. Трактатъ въ Кучукъ Кайнарджи.

10 іюля 1774 г.

Арт. 3. Всѣ татарскіе народы: Крымскіе, Буджатскіе, Кубанскіе, Едисанцы, Жамбуйлуки и Едичкулы, безъ изъятія отъ обѣихъ Имперій имѣютъ быть признаны вольными и совершенно независимыми отъ всякой посторонней власти, но пребывающими подъ самодержавною властію собственнаго ихъ хана Чингисскаго поколѣнія, всѣмъ татарскимъ обществомъ избраннаго и возведеннаго, который да управляетъ ими по древнимъ ихъ законамъ и обычаямъ, не отдавая отчета ни въ чемъ никакой посторонней державѣ; и для того ни Россійскій Дворъ, ни Оттоманская Порта не имѣютъ вступаться какъ въ избраніе, такъ и возведеніе помянутаго хана, такъ и въ домашнія, политическія, гражданскія и внутреннія ихъ дѣла ни подъ какимъ видомъ, но признавать и почитать оную татарскую націю въ политическомъ и гражданскомъ состояніи по примѣру другихъ державъ, подъ собственнымъ правленіемъ своимъ состоящихъ, ни от кого, кромѣ единаго бога, независящихъ; въ духовныхъ же обрядахъ, какъ единовѣрные съ мусульманами, въ разсужденіи его султанскаго величества, яко верховнаго калифа магометанскаго закона, имѣютъ сообразоваться правиламъ, закономъ имъ предписаннымъ, безъ малѣйшаго предосужденія, однакожъ, утверждаемой для нихъ политической и гражданской вольности...

Арт. 7. Блистательная Порта обѣщаетъ твердую защиту христіанскому закону и церквамъ онаго, равнымъ образомъ дозволяетъ министрамъ россійскаго императорскаго двора дѣлать по всѣмъ обстоятельствамъ въ пользу какъ воздвигнутой въ Константинополѣ упомянутой въ 14-мъ артикулѣ церкви, такъ и служащихъ оной разныя представленія, и обѣщаетъ принимать оныя въ уваженіе,

яко чинимыя довѣренною особою сосѣдственной и искренно-дружественной державы.

Арт. 16. Россійская Имперія возвращаетъ блистательной Портѣ всю Бессарабію съ городами Аккерманомъ, Киліею, Измаиломъ и прочими съ слободами, деревнями и всѣмъ тѣмъ, что оная провинція въ себѣ содержитъ; равномѣрно возвращаетъ ей и крѣпость Бендеры. Возвращаетъ также Россійская Имперія блистательной Портѣ оба княжества, Волохское и Молдавское со всѣми крѣпостьми, городами, слободами, деревнями и всѣмъ тѣмъ, что въ оныхъ находится; а блистательная Порта пріемлетъ оныя на слѣдующихъ кондиціяхъ, съ торжественнымъ обѣщаніемъ свято наблюдать оныя: 1. Наблюдать въ разсужденіи всѣхъ жителей сихъ княжествъ, какого бы достоинства, степени, состоянія, званія и рода они ни были, безъ малѣйшаго исключенія, полную амнистію и вѣчное забвеніе, постановленныя въ первомъ сего трактата артикулѣ, противъ всѣхъ тѣхъ, кои дѣйствительно преступили, или подозрѣваемы въ намѣреніи вредствовать интересамъ блистательной Порты, возстановляя оныхъ въ прежнія ихъ достоинства, чины и владѣнія, и возвратя имъ имѣнія, коими они прежде настоящей войны пользовались. 2. Не препятствовать, какимъ бы то образомъ ни было, исповѣданію христіанскаго закона совершенно свободнаго, такъ какъ созданію церквей новыхъ и поправленію старыхъ, какъ то прежде сего уже было. 3. Возвратить монастырямъ и прочимъ партикулярнымъ людямъ земли и владѣнія, прежде сего имъ принадлежащія, и которыя потомъ противъ всей справедливости были у нихъ отняты около Браилова, Хотина, Бендеръ и прочихъ, и нынѣ раями называемыя. 4. Признавать и почитать духовенство съ должнымъ оному чину отличіемъ. 5. Фамиліямъ, пожелающимъ оставить свое отечество и въ другія мѣста переселиться, позволить свободный выѣздъ со всѣмъ ихъ имѣніемъ; а чтобъ оныя фамиліи могли имѣть удобность къ распоряженію дѣлъ, дается имъ годъ времени для сего свободнаго изъ отечества переселенія, считая со дня размѣны настоящаго трактата. 6. Не требовать, или не взыскивать никакой денежной, или другой суммы за старые счеты, какого бы существа они ни были. 7. Не требовать отъ нихъ никакой контрибуціи, или платежа за все военное время; а за многія ихъ страданія и разоренія, въ теченіе сей войны ими претерпѣнныя, и еще впредь на два года, считая со дня размѣны сего трактата. 8. По истеченіи помянутаго времени, обѣщаетъ наблюдать всякое умѣренность и снисхожденіе въ наложеніи на нихъ подати, состоящей въ деньгахъ, и получать оную посредствомъ присылаемыхъ депутатовъ всякіе два года; при таковомъ ихъ наложеніи на нихъ подати точномъ платежѣ никто изъ пашей, изъ губернаторовъ, или какая бы то ни была особа, не имѣетъ притѣснять ихъ, или требовать отъ нихъ какого либо платежа, или другихъ налоговъ, подъ какимъ бы имянованіемъ, или претекстомъ то ни было; но дозволить имъ пользоваться тѣми же самыми выгодами, коими пользовались они во время царствованія, достойной памяти, султана Мегмета Четвертаго, любезнаго родителя его султанова величества. 9. Позволяетъ князьямъ сихъ двухъ княжествъ каждому съ своей стороны имѣть при блистательной Портѣ повѣреннаго въ дѣлахъ изъ христіанъ греческаго закона, которые будутъ бдѣть о дѣлахъ, до помянутыхъ княжествъ касающихся, и будутъ блистательною Портою благосклонно трактованы и въ малости ихъ почитаемы; однакожъ людьми, народнымъ правомъ пользующимися, то есть никакому насилію не подверженными. 10. Соглашается также, чтобъ по обстоятельствамъ обѣихъ сихъ княжествъ, министры россійскаго императорскаго двора, при блистательной Портѣ находящіеся, могли говорить въ пользу сихъ двухъ княжествъ, и обѣщаютъ внимать оныя съ сходственнымъ къ дружескимъ и почтительнымъ державамъ уваженіемъ.

Арт. 17. Россійская Имперія возвращаетъ блистательной Портѣ всѣ Архипелагскіе острова, подъ ея зависимостію находящіеся, а блистательная Порта со стороны своей обѣщаетъ: 1. Наблюдать свято, въ разсужденіи жителей оныхъ острововъ, кондиціи, въ первомъ артикулѣ постановленныя, касательно общей амнистіи и совершеннаго забвенія всякаго рода преступленій учиненныхъ, или подозрѣваемыхъ быть оными учиненныя въ предосужденіе интересамъ блистательной Порты. 2. Что христіанскій законъ не будетъ подверженъ ни малѣйшему притѣсненію, такъ какъ и церкви онаго, ниже будетъ препятствовано къ перестраиванію, или поправленію оныхъ: люди же въ нихъ служащіе равнымъ образомъ не имѣютъ быть оскорбляемы, ниже притѣсняемы. 3. Что не будетъ отъ нихъ требованъ платежъ никакой подати ежегодно ими платимой, со времени, какъ они находятся подъ зависимостію Россійской Имперіи, по причинѣ великаго ихъ претерпѣнія въ продолженіе настоящей войны, впредь на два года, считая со времени возвращенія оныхъ острововъ ей блистательной Портѣ. 4. Фамиліямъ, пожелающимъ оставить свое отечество и въ другія мѣста переселиться, позво-

[illegible] ихъ [illegible]; а чтобъ [illegible] могли имѣть удобность къ распоряженію дѣлъ ихъ, дается имъ годъ времени для сего свободнаго изъ отечества переселенія, считая со дня размѣны настоящаго трактата; и 5. Въ случаѣ, когда Россійскій флотъ при самомъ его отъѣздѣ, что имѣетъ учинено быть въ три мѣсяца, считая со дня размѣны настоящаго трактата, будетъ имѣть въ чемъ нужду, блистательная Порта обѣщаетъ снабдить его всѣмъ тѣмъ, чѣмъ ей возможно будетъ.

Арт. 18. Замокъ Кинбурнъ, лежащій на устьѣ рѣки Днѣпра съ довольнымъ округомъ по лѣвому берегу Днѣпра и съ угломъ, который составляетъ степи, лежащія между рѣкъ Буга и Днѣпра, остается въ полное, вѣчное и непрекословное владѣніе Россійской Имперіи.

Арт. 19. Крѣпости: Еникале и Керчь, лежащія въ полуостровѣ Крымскомъ, съ ихъ пристаньми и со всѣмъ въ нихъ находящимся, тожъ и съ уѣздами, начиная отъ Чернаго моря и слѣдуя древней Керченской границѣ до урочища Бугакъ и отъ Бугака по прямой линіи къ верху даже до Азовскаго моря — остаются въ полное, вѣчное и непрекословное владѣніе Россійской Имперіи.

Арт. 20. Городъ Азовъ съ уѣздомъ его и съ рубежами, показанными въ инструментахъ, учиненныхъ въ 1700 году, то есть въ 1113, между Губернаторомъ Толстымъ и Ачугскимъ Губернаторомъ Гассаномъ Пашею, вѣчно Россійской Имперіи принадлежать имѣетъ...

(Г. Юзефовичъ. Договоры Россіи съ Востокомъ, с. 26—35.)

---

169. Потемкинъ о туркахъ.

(По запискамъ Сегюра.)

Между тѣмъ какъ я, по долгу своему, старался указывать министрамъ Екатерины тѣ неодолимыя препятствія, которыя государыня ихъ должна будетъ встрѣтить прежде, нежели овладѣть Константинополемъ, Потемкинъ, не переставая увѣрять меня, что императрица не желаетъ войны, доказывалъ мнѣ, что если она вынуждена будетъ начать ее, то легко и скоро достигнетъ своей цѣли.

«Вы хотите, говорилъ онъ мнѣ, — поддерживать государство, готовое къ паденію, громаду, близкую къ разстройству и разрушенію. Изнѣженные, развращенные турки могутъ убивать, грабить, но не могутъ сражаться. Для побѣды надъ ними не нужно даже много искусства; въ продолженіе сорока лѣтъ въ каждую войну они впадаютъ въ тѣ же ошибки и терпятъ постоянный урокъ. Они не умѣютъ пользоваться уроками опыта. Въ суевѣрной гордости приписываютъ они наши побѣды какому то злому духу, который передаетъ намъ свое знаніе, свои изобрѣтенія и умѣнье вести войну; причиною же ихъ пораженій — одинъ Аллахъ, карающій ихъ за грѣхи. При первомъ воззваніи къ войнѣ толпы ихъ выступаютъ изъ Азіи, приближаются въ безпорядкѣ и истребляютъ въ одинъ мѣсяцъ весь запасъ продовольствія, заготовленный на полгода. Пятисотъ-тысячное войско стремится, какъ рѣка, выступившая изъ береговъ. Мы идемъ на нихъ съ арміею въ 40 или 50 тысячъ человѣкъ, размѣщенныхъ въ три карре, съ пушками и кавалеріею. Турки нападаютъ на насъ, оглашая воздухъ своими криками; обыкновенно они строятся треугольникомъ, въ вершинѣ котораго становятся отважнѣйшіе изъ нихъ, упитанные опіумомъ; прочіе ряды, до самаго послѣдняго, замѣщены менѣе храбрыми и, наконецъ, трусами. Мы подпускаемъ ихъ на разстояніе ружейнаго выстрѣла, и тогда нѣсколько картечныхъ залповъ производятъ безпорядокъ и страхъ въ этой нестройной толпѣ. Нѣсколько отчаянныхъ, разгоряченныхъ опіумомъ, бросаются на наши пушки, рубятъ ихъ и падаютъ подъ нашими штыками. Когда эти погибли, прочіе пускаются бѣжать. Наша кавалерія преслѣдуетъ ихъ и производитъ страшную рѣзню; она гонится за ними до ихъ стана и овладѣваетъ имъ. Оставшіеся изъ нихъ, оцѣпенѣлые, прячутся за городскими стѣнами, гдѣ ихъ ждетъ чума и часто истребляетъ прежде, чѣмъ мы успѣемъ сдѣлать приступъ.

«Этого довольно, чтобы дать понятіе о всякой другой кампаніи, потому что всегда они оказываются такими же трусами и невѣждами, и мы поражаемъ ихъ всегда одними и тѣми же средствами. Они храбры только за своими окопами; да и тутъ, при осадахъ, какъ глупо они дѣйствуютъ! Они дѣлаютъ безпрестанныя вылазки, и вмѣсто того, чтобы стараться насъ обмануть, безразсудствомъ своимъ обнаруживаютъ всѣ свои намѣренія. Во первыхъ, мы уже всегда заранѣе знаемъ, что они нападутъ на насъ въ полночь. Къ тому же они въ тотъ день непремѣнно выставляютъ на стѣнѣ съ той стороны, откуда намѣрены выйти, столько лошадиныхъ хвостовъ, сколько отрядовъ наряжено для вылазки. Поэтому мы знаемъ напередъ часъ нападенія, число нападающихъ, ворота, изъ которыхъ они выйдутъ, и направленіе, по которому сдѣлаютъ свое движеніе».

Разумѣется этотъ разсказъ былъ нѣсколько преувеличенъ; но въ основаніи его была

истина: инженеръ Лаффитъ, посланный отцомъ моимъ въ Константинополь, чтобы дать туркамъ нѣсколько наставленій и помочь имъ обороняться, въ письмахъ своихъ ко мнѣ передалъ нѣсколько случаевъ, доказывающихъ безразсудство турокъ.

(Зап. Сегюра, с. 75—77.)

---

170. Польская Конституція 3 мая 1791 г.

I. Господствующая народная религія есть и будетъ вѣра римско-католическая во всѣхъ ея правахъ. Переходъ изъ господствующей религіи въ другое вѣроисповѣданіе запрещается подъ страхомъ наказанія за отступничество. Но такъ какъ сама эта вѣра учитъ насъ любить своихъ ближнихъ, то всѣмъ людямъ, какого бы то ни было исповѣданія, мы обязаны предоставить спокойствіе въ дѣлахъ вѣры и защиту отъ правительства, а потому мы обезпечиваемъ свободу всякаго обряда и всякой религіи въ польскихъ краяхъ, согласно туземнымъ постановленіямъ.

II. Уважая память предковъ нашихъ, какъ учредителей свободнаго правленія, мы утверждаемъ шляхетскому сословію всю свободу, льготы, преимущества и первенство въ частной и общественной жизни, въ особенности всѣ права, постановленія и привилегіи, справедливо и законно дарованныя этому сословію королями... утверждаемъ, упрочиваемъ и признаемъ ненарушимыми... Вся шляхта равна между собою не только въ исканіи служебныхъ должностей и въ отправленіи службы отечеству, приносящей честь, почетъ и выгоды, но и по отношенію къ равному пользованію привилегіями и преимуществами, присвоенными шляхетскому званію. Сверхъ всего желаемъ, чтобы сохранились свято и ненарушимо всѣ существовавшія искони для каждаго права личной безопасности, личной свободы и собственности недвижимой и движимой, торжественно ручаясь, что не допустимъ никакого измѣненія или исключенія изъ правъ, въ ущербъ чьей бы то ни было собственности; напротивъ, верховная власть и установленное ею правительство отнюдь не будутъ, подъ предлогомъ jurium regalium[1]) или подъ какимъ либо инымъ видомъ, предъявлять притязаній на шляхетскую собственность по частямъ или въ цѣлости. Въ силу чего желаемъ, чтобы безопасность личности и всякой собственности, кому бы то ни было принадлежащей по закону, какъ истинная связь общества, какъ зѣница обывательской свободы, уважалась, ограждалась и утверждалась, и на будущее время оставалась уважаемою, огражденною и ненарушимою. Признаемъ шляхту первѣйшею охранительницею вольности и ей, какъ единой твердынѣ отечества, поручаемъ святыню настоящей конституціи, во огражденіе доблести, гражданства и чести каждаго шляхтича.

V. Всякая власть въ человѣческомъ обществѣ исходитъ изъ воли народа. Чтобы цѣлость государства Рѣчи-Посполитой, гражданская свобода и общественный порядокъ навсегда оставались въ равновѣсіи, правительство польскаго народа, по волѣ настоящего сейма, должно состоять изъ трехъ властей, то-есть: законодательной въ собранныхъ чинахъ, исполнительной въ королѣ и стражѣ[1]), и судебной въ юрисдикціяхъ, учрежденныхъ для этой цѣли или же долженствующихъ быть учрежденными.

VI. Сеймъ или собранные чины раздѣляются на двѣ избы: посольскую и сенаторскую, подъ предсѣдательствомъ короля...

Все вездѣ должно быть рѣшаемо большинствомъ голосовъ, а потому liberum veto[2]), всякаго рода конфедераціи и конфедераціонные сеймы, какъ противные духу настоящей конституціи, ниспровергающіе правительство и разстроивающіе общество, уничтожаются навсегда...

Польскій престолъ навсегда установляемъ и объявляемъ избирательнымъ по фамиліямъ. Испытанныя бѣдствія безкоролевья, періодически ниспровергавшія правленіе, необходимость обеспечить судьбу каждаго обитателя польской земли и пресѣчь навсегда пути вліянію иностранныхъ государствъ, воспоминаніе о счастіи отечества нашего во времена продолжительно царствовавшихъ фамилій, необходимость отвратить чужеземцевъ отъ честолюбивыхъ замысловъ на польскій престолъ, а польскихъ вельможъ обратить къ единственной заботливости о народной свободѣ, указали намъ, въ видахъ предусмотрительности, сдѣлать польскій престолъ наслѣдственнымъ.

Итакъ, постановляемъ, что, по кончинѣ нынѣшняго короля (да продлитъ его дни благость божія), нынѣшній саксонскій князь-избиратель будетъ въ Польшѣ царствовать. Династія будущихъ польскихъ королей начнется съ Фридерика Августа, и преемниками его на польскомъ престолѣ будутъ его наслѣдники

---

[1]) Королевскихъ правъ.

[1]) Стража—министры короля.

[2]) Право свободнаго отказа: «не согласенъ», «не позволямъ».

въ мужескомъ колѣнѣ, и старшій сынъ будетъ вступать на престолъ послѣ родителя...

(Н. Костомаровъ, Посл. годы Рѣчи Посполитой т. I, с. 460—470.)

171. Сеймъ въ Гроднѣ.

Въ Гроднѣ открытъ былъ сеймъ. Сиверсъ [1]) потребовалъ за понесенные Россіею убытки въ уничтоженіе конституціи, за разрушеніе анархіи, подобной французскимъ якобинамъ, губерніи: Минскую, Подольскую и Волынскую. Долго Поляки сопротивлялись, но когда увидѣли, что ревностнѣйшіе изъ ихъ патріотовъ изъ Гродны пропадали, то по продолжительномъ преніи согласились сказанный край уступить императрицѣ. Но такъ какъ въ Гроднѣ былъ и прусскій министръ Бухгольцъ и дворы наши были въ тѣсной связи, то поляки справедливо опасались, чтобы король Прусскій не сталъ требовать нѣкоторыхъ областей, смежныхъ съ его королевствомъ, потому что его министръ Лукезини способствовалъ сдѣлать имъ конституцію 3-го мая. По утвержденіи на сеймѣ, какъ сказано, уступить край Россіи, тогда же сдѣлали постановленіе, что ежели кто предложитъ трактовать съ Пруссіей въ уступкѣ земель отъ Польши, того тутъ же на сеймѣ изрубить.

Обрядъ сейма такъ происходилъ. Близъ трона, на которомъ король всякое собраніе бывалъ, вкругъ его сидѣли министры, по сторонамъ сенаторы. Вдоль стѣны сдѣланы были мѣста амфитеатромъ для депутатовъ, или, какъ они называли, пословъ, отъ каждаго повѣта по два человѣка. За ними находились зрители, какъ поляки, такъ и иностранцы, но послѣднимъ не дозволялось быть въ мундирахъ и съ оружіемъ. Избираемъ былъ сеймовый маршалъ, отъ котораго зависѣло, если многіе требовали голоса, говорить, кому онъ позволитъ. На сей сеймъ былъ избранъ маршаломъ графъ Бѣлинскій; собраніе сейма всегда начиналось въ 3 часа пополудни; какъ скоро король садился на тронъ, то сеймовый маршалъ объявлялъ: сессія загоспа, то-есть засѣданіе открыто. На что депутаты отвѣчали: загоспа. Ежели сего не скажутъ, то засѣданіе не почиталось открытымъ. Послѣ сего маршалъ предлагалъ, что въ прошломъ сеймѣ заслушано и не окончено, или о чемъ слѣдуетъ трактовать. Тогда депутаты требовали голоса; сеймовый маршалъ говорилъ: ма глосъ пóселъ, напримѣръ Слонимскій. Получа позволенія, тотъ началъ предлагать, въ чемъ имѣлъ нужду. Ежели его голосъ былъ принятъ собраніемъ, то всѣ закричатъ: згода. И уже то почитано утвержденнымъ и не могло ничѣмъ быть нарушено; если предлагаемое противно, то закричатъ: не позволямъ. Ежели же иные кричатъ: згода, а другіе: непозволямъ, то собрали голоса подписаніемъ депутатовъ на листѣ бумаги, который носили для сего особо избранные, и тогда рѣшалось дѣло по большинству голосовъ. Иногда случалось, что дѣлали возраженія на произнесенную рѣчь, по дозволенію сеймоваго маршала, и должно сказать, что ораторы объяснялись съ большимъ краснорѣчіемъ; иные говорили противъ короля въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ, на которыя и король отвѣчалъ всегда съ особливымъ снисхожденіемъ и краснорѣчивымъ убѣжденіемъ. Когда же король хотѣлъ говорить, то канцлеръ произносилъ: яснѣйшій панъ кроль мовѣ. Король Станиславъ Августъ былъ прекрасный мужчина, высокаго роста и важной осанки; на сеймѣ онъ всегда былъ въ мундирѣ народовой кавалеріи.

Графъ Бѣлинскій былъ близорукъ; когда многіе депутаты требовали позволенія говорить, то онъ долго разсматривалъ въ лорнетъ, дабы позволить говорить тому, который согласовался съ интересами дворовъ россійскаго и прусскаго. Случалось, что ошибкою позволялъ говорить противнымъ пользамъ оныхъ, и они тогда же были выводимы бывшими тутъ русскими офицерами во фракахъ, для сего нарочно наряжаемыми. Одинъ закупленный депутатъ Сухоржевскій хотѣлъ было предложить трактовать съ прусскимъ министромъ; тогда многіе депутаты, обнаживъ сабли, бросились на него и нанесли ему нѣсколько ударовъ, такъ, что упомянутые офицеры насилу могли его спасти и вывесть изъ сеймовой залы; а слуги, бывшіе въ сѣняхъ, кричали: здрайца (измѣнникъ), и забросали его шапками.

Во время шумливаго сего сейма безпрестанные были праздники, балы, фейерверки; какъ нашъ посолъ, такъ и прусскій, угощали и веселили поляковъ, а равно и они угощали русскихъ. Множество было польскихъ самознатнѣйшихъ дамъ, красотою и любезностію одушевлявшихъ сіи праздники; но красотою затмѣвала всѣхъ прочихъ четырнадцатилѣтняя княжна Четвертинская.

Нѣсколько было засѣданій, но трактовать съ прусскимъ министромъ никто болѣе предлагать не осмѣливался. Наконецъ въ одно таковое засѣданіе сеймъ былъ окруженъ 4 батальонами съ пушками. Генералъ-майоръ

[1]) Представитель Россіи.

Раутенфельдъ въ мундирѣ введенъ былъ въ сеймовую залу, близъ трона поставлены ему кресла; сорокъ человѣкъ офицеровъ въ мундирахъ также введены были въ залу и размѣщены въ разныхъ мѣстахъ, чтобъ исполнять повелѣнія его превосходительства.

Когда король вошелъ и сѣлъ на тронъ, то сеймовый маршалъ объявилъ по обыкновенію: сессія загосна. Незагосна, не загосна, со всѣхъ сторонъ раздался крикъ. И сколько разъ маршалъ ни начиналъ объявлять, то таковымъ же крикомъ отвѣтствовали, что происходило до трехъ часовъ утра. Къ дверямъ залы поставленъ былъ караулъ, чтобы никого не выпускать; король изнемогъ, и ему приносили нѣсколько разъ бульону и вина. Въ теченіе того времени одинъ изъ депутатовъ сказалъ: «Императрица именуетъ патріотовъ якобинцами; я думаю, что якобинцы противятся законному монархическому правленію и власти королевской, а мы, напротивъ, защищаемъ тронъ и права нашего отечества. Но вотъ якобинъ (указавъ на генерала Раутенфельда), который только что не сидитъ на тронѣ; вотъ якобины, которые вопреки нашимъ законамъ съ оружіемъ введены въ сеймовую залу для угнетенія нашихъ правъ; вотъ якобины, которые стоятъ съ примкнутыми штыками около сейма и поставили пушки, готовыя разрушить тронъ и нашу вольность». По произношеніи сей смѣлой рѣчи, онъ тотчасъ былъ выведенъ. Другой сказалъ: «Я думаю, что насъ называютъ якобинами потому, что у насъ Россійскій посолъ Якубъ Сиверсъ». И того вывели.

Наконецъ въ три часа утра, безъ обыкновеннаго предложенія, что сессія загосна, Бѣлинскій, подошедъ къ трону, доложилъ, что получена отъ россійскаго посла нота. Король приказалъ ее прочесть. Въ нотѣ требовалось сдѣлать легацію или отдѣлить нѣсколько депутатовъ трактовать съ прусскимъ министромъ. Когда требовалось, чтобы каждый подписалъ, согласенъ на то, или нѣтъ, то никто не осмѣливался подать противный голосъ, страшась быть отправленнымъ въ Сибирь. Почему выбраны были уполномоченными тѣ, которые уже были напередъ назначены и готовы подписать все, что будетъ имъ приказано. Тѣмъ кончилось сіе насильственное засѣданіе.

Уполномоченные уступили Пруссіи великое герцогство Познанское, что утверждено сеймомъ, и сеймъ въ сентябрѣ распущенъ. Король и всѣ министры возвратились въ Варшаву, а полки вступили въ квартиры. Козловскій полкъ расположился въ Слонимѣ.

Поляки, которые были забираемы на сеймѣ, какъ было сказано, и о которыхъ думали, что отправлены въ Сибирь, на другой же день по окончаніи сейма явились въ Гродну, гдѣ они содержались хорошо, но тайно.

(Зап. Л. Энгельгардта, с. 143—147.)

---

172. Россійская армія по запискамъ Тучкова.

...Всѣ военные люди, видѣвшіе тогда Россійскую армію, согласятся, что пѣхота была въ лучшемъ видѣ, нежели конница. Она одѣта была почти по-французски, а обучалась на образецъ прусскій съ нѣкоторыми перемѣнами въ тактикѣ, достигнутыми путемъ опыта въ войнахъ противъ разныхъ народовъ. Но излишнее щегольство, выправка и стягиваніе солдатъ доведены были до крайности. Я засталъ еще, что голова солдата причесана была въ нѣсколько буколь. Красивая гренадерская шапка и мушкатерская шляпа были только для вида, а не для пользы. Онѣ были высоки, но такъ узки, что едва держались на головѣ и потому ихъ прикалывали проволочной шпилькой къ волосамъ, завитымъ въ косу. Ружья, для того, чтобы они прямо стояли, когда солдаты держатъ ихъ на плечѣ, имѣли прямыя ложа, что было совсѣмъ неудобно для стрѣльбы. Приклады были выдолблены и положено было въ оные нѣсколько стеколъ и звучащихъ черепковъ, а сіе для того, чтобы при исполненіи разныхъ ружейныхъ пріемовъ, чемъ больше всего тогда занимались, каждый ударъ производилъ звукъ. Сумы, перевязи и портупеи были подъ лакомъ, безрукавные плащи скатывались весьма фигурно въ тонкія трубки и носились на спинѣ сверхъ сумы. Весь мѣдный приборъ былъ какъ можно яснѣе вычищенъ, а гербы на шапкахъ вызолочены; я не говорю уже объ узкихъ для лучшаго вида мундирахъ, исподнихъ платьяхъ и сапогахъ. Сверхъ того, каждый полкъ имѣлъ огромный хоръ музыки, и музыканты были одѣты великолѣпно. Во всемъ этомъ заключалось великое—злоупотребленіе. Напримѣръ, полковникъ получалъ отъ казны весьма малое жалованіе, и почти всѣ вещи для полка получалъ изъ комиссаріата готовыми, кромѣ сукна на мундиры, подкладки и холста на рубашки и прочія потребности и кромѣ полотна на палатки и лѣтнее платье. Все отпускалось штуками или, какъ говорится, половинками по положенію. Цѣны на отпускаемыя въ готовности вещи были весьма низки, и потому принимали ихъ въ полки въ такомъ видѣ, что надлежало одни

передѣлывать, а другія совсѣмъ вновь исправлять. Содержаніе музыки и другихъ украшеній стоило полковникамъ весьма дорого; но они нашли средство не только содержать все сіе въ наилучшемъ видѣ, но и самимъ жить въ современной роскоши и помогать бѣднымъ офицерамъ. И вотъ какъ это дѣлалось.

1) Экономія состояла въ остаткахъ сукна, полотна и холста, употребляемыхъ на одежду солдатъ. 2) Экономія получалась отъ содержанія полковыхъ лошадей подъ обозъ и полковую артиллерію, между тѣмъ какъ получались деньги за продовольствіе оныхъ. 3) Отъ солдатскаго провіанта, потому что въ сіе время полки каждый годъ въ маѣ мѣсяцѣ выходили въ лагерь и стояли тамъ до сентября, прочее же время года располагались въ деревняхъ по квартирамъ, и тамъ довольствовались они отъ жителей, провіантъ же оставался въ пользу полка. 4) Солдатъ отпускали въ отпускъ, а провіантъ и жалованіе ихъ оставались у полковника. 5) Самое позволительное было то, что по нѣскольку лѣтъ не выключали умершихъ и получали на нихъ жалованіе, провіантъ и аммуницію, и наконецъ, 6) Они брали изъ полка людей въ свою услугу, сколько хотѣли, обучали разнымъ мастерствамъ и пользовались ихъ заработками. Вообще, отпускаемые для собственной ихъ пользы на разныя работы солдаты должны были часть заработанныхъ ими денегъ отдавать въ полкъ. Но всего несноснее была безчеловѣчная выправка солдатъ; были такіе полковники, которые, отдавая капитану трехъ рекрутъ, говорили:—«вотъ тебѣ три мужика, сдѣлай изъ нихъ одного солдата».

Но должно сказать, къ удивленію, что полковые и ротные начальники не виноваты въ сихъ злоупотребленіяхъ: отъ нихъ требовали пышности и великолѣпія въ содержаніи полковъ, а денегъ не давали. Не значитъ ли сіе—поставлять всѣ полки въ необходимость покушаться на злоупотребленія? Не подобно ли сіе тому, какъ если бы кто поставилъ человѣка стеречь большой запасъ хлѣба, не давалъ однако ему ѣсть, а требовалъ бы притомъ, чтобы онъ былъ сытъ и здоровъ. Виноватъ ли онъ будетъ, если изобрѣтетъ средство искуснымъ образомъ что-нибудь украсть для своего существованія? Таково то Россійское правительство, военная и гражданская служба. Чиновники, малымъ жалованіемъ и лишеніемъ всѣхъ средствъ къ содержанію себя, приводимы бываютъ въ необходимость дѣлать злоупотребленія. Вотъ что наиболѣе развращаетъ нравы всѣхъ состояній. Всѣ нуждаются, отъ всѣхъ много требуютъ, наконецъ, всѣ поставлены въ необходимость обманывать одинъ другого, а черезъ то паипаче въ нынѣшнее время и при нынѣшней строгости сколько несчастныхъ! Это то же, что спартанское воспитаніе дѣтей—тѣмъ не давали ѣсть и заставляли красть, если же поймаютъ—сѣкутъ немилосердно. Точная правда. Я знаю множество несчастныхъ, но знаю много и такихъ, которые, обкрадывая государство и притѣсняя другихъ, сдѣлали себѣ большое состояніе и сверхъ того награждены и почтены правительствомъ. Какое развращеніе, какой соблазнъ!

(Рус. бытъ по восп. современниковъ. XVIII. вѣкъ. Время Екатерины II— Вып. 2, стр. 128 сл.)

---

173. О русской арміи во второй половинѣ Екатерининскаго царствованія.

Записки генералъ-поручика Ржевскаго.

Разныя замѣчанія по службѣ армейской, отчего она въ упадокъ приведена и нелестно хорошимъ офицерамъ продолжать службу и о полковникахъ.

Писаны сіи замѣчанія въ 1782-мъ году генераломъ-поручикомъ и кавалеромъ Степаномъ Матвеевичемъ Ржевскимъ, по смерти котораго у него они найдены и собраны.

I. Неограниченность во власти, которую полковники себѣ присвоили къ существительному вреду, состоитъ между прочимъ въ слѣдующемъ: 1-е, записка людей къ себѣ въ полкъ всякаго званія и рода и націй; 2-е, употребленіе людей полковыхъ къ себѣ въ лакеи, камердинеры, дворецкіе и прочіе; а сему примѣру и всѣ полковые офицеры пріятно слѣдуютъ, увѣрены будучи, что полковникъ не можетъ строго за то взыскать; 3-е, отдаленіе во всѣхъ вещахъ отъ штатнаго положенія; 4-е, наглое похищеніе полковыхъ денегъ и натяжка беззаконная въ поддѣлкѣ расходныхъ статей въ книгахъ, которыя документально подписывать всѣ офицеры принуждены подъ лишеніемъ милости господина полковника или и совсѣмъ подъ потеряніемъ мѣста въ полку; 5-е, грабежъ наглыхъ людей и переманка ихъ изъ другаго полку къ себѣ; 6-е, разрушеніе чинопочитанія въ полку, а установленіе одной только тиранской полковничьей власти, который, 7-е, за первѣйшую считаетъ уже свою должность не повиноваться своимъ генераламъ больше и иначе какъ ему самому угодно и для какихъ-нибудь на тотъ или другой разъ своихъ частныхъ выгодъ или нѣкоторой заступы противъ горькихъ жалобъ, на полкъ приносимыхъ.

Сіи суть главные только случаи, о которыхъ можно сказать вѣрно, что ими всѣ полки до единаго заражены. Прочія жъ развратности меньшей важности, такъ многочисленны, что и описать ихъ не можно, и onѣ всякой день произрастаютъ отъ которой нибудь изъ капитальныхъ причинъ, о коихъ выше упомянуто.

. . . .

XV. Подъ тиранскимъ полковничьимъ правленіемъ офицеры находятся въ рабствѣ, полковникъ въ гордости и въ славолюбіи, а всѣ вмѣстѣ въ совершенномъ невѣжествѣ и въ незнаніи существа службы. Можно ли ожидать храбрости въ такомъ развратномъ войскѣ, гдѣ первѣйшею поставлено должностью отдѣлаться отъ должности, гдѣ офицеръ доведенъ до унынія, гдѣ онъ, отъ безмѣрнаго и принужденнаго щегольства, разоряется; гдѣ солдатъ въ слезахъ горькихъ съѣдаетъ сухарь свой, проклиная службу и командировъ, озираясь только во всѣ стороны, гдѣ бы скорѣе къ побѣгу найти дорогу и случай. Капральствами бѣгивали, да кто жъ—русскіе солдаты. А къ кому—къ туркамъ. Не содрогнется ли душа отъ сего и всякаго россіянина, прямо мыслящаго? Полковника же, однако, какъ сіе не трогаетъ, такъ и все то надъ нимъ не дѣлаетъ ни малѣйшаго дѣйствія, когда онъ что по полку дѣлаетъ безчестное, беззаконное и вредное. Таковъ ужъ почти общій тонъ.

(«Русскій Архивъ» 1879 г. № 3, стр. 357—360.)

---

174. О секретѣ двора Екатерины II.

(По дипломатической перепискѣ Джемса Гарриса.)

... Съ этой непослѣдовательностью англійскому правительству необходимо было считаться; на это указывалъ посланнику и Потемкинъ, когда Гаррисъ передалъ ему свой разговоръ съ императрицей.

«Ваше министерство должно принять во вниманіе характеръ и полъ императрицы, сказалъ онъ; нѣтъ ничего постыднаго льстить слабымъ, когда изъ этого можно извлечь величайшія выгоды; пусть оно сдѣлаетъ то, что сдѣлали король прусскій и императоръ австрійскій, пусть оно затронетъ ея страсти и ея чувства, и она будетъ самой вѣрной и самой дѣятельной вашей союзницей. Бога ради не стѣсняйтесь со своей стороны льстить ей; это единственное средство снискать ея благоволеніе. Она жаждетъ похвалъ и комплиментовъ. Не скупитесь на нихъ, и она представитъ въ ваше распоряженіе всѣ вооруженныя силы имперіи».

«Это сказалъ мнѣ дословно Потемкинъ, и въ этомъ весь секретъ здѣшняго двора», присовокупляетъ Гаррисъ.

Но посланникъ предпочелъ прибѣгнуть къ тому средству, которое считалось самымъ дѣйствительнымъ при русскомъ дворѣ, т.-е. щедро платить за дѣйствительныя или мнимыя услуги болѣе или менѣе вліятельныхъ лицъ, которыя могли быть ему полезны. Желая оправдать свою расточительность, онъ писалъ 24 декабря 1780 г. лорду Веймуту, стоявшему во главѣ англійскаго министерства иностранныхъ дѣлъ.

«Ваша свѣтлость не можете себѣ представить, до какой степени въ этой странѣ всѣ продажны, какія огромныя суммы тутъ запрашиваютъ и съ какой безцеремонностью это дѣлается: французскій, голландскій и даже прусскій посланники самые щедрые въ этомъ отношеніи; первый изъ нихъ истратилъ, насколько мнѣ извѣстно, огромныя суммы, впрочемъ, безъ всякаго успѣха. Онъ снабдилъ деньгами двухъ двоюродныхъ братьевъ графа Панина и вице-канцлера, которые купили дома, стоимостью отъ 4—5 тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Всякій мелкій чиновникъ разсчитываетъ получить вознагражденіе, которое бываетъ соразмѣрно съ требованіями минуты. Герцогъ Курляндскій тратитъ 20.000 ф. ст. въ годъ и можетъ похвастать тѣмъ, что въ числѣ лицъ, получающихъ отъ него пенсіи, находятся гр. Панинъ, Чернышевъ и Остерманъ».

«Трудно себѣ представить расточительность французскихъ и прусскихъ дипломатическихъ агентовъ. Императрица сама подаетъ къ тому примѣръ. Она подарила, нѣсколько дней тому назадъ, кн. Потемкину 40 тыс. ф. ст. безъ всякаго повода; этотъ странный человѣкъ до того избалованъ, что не счелъ даже нужнымъ поблагодарить за это».

Эта огромная сумма была вознагражденіемъ за новыя услуги, оказанныя государынѣ. Екатеринѣ наскучилъ Ланской, и Потемкинъ посвященный въ эту тайну, поспѣшилъ найти ему достойнаго преемника.

«Я слышалъ, что новый фаворитъ, Мордвиновъ», писалъ Гаррисъ 18 мая 1781 г.: «который давно уже исполняетъ всѣ обязанности, сопряженныя съ этою должностью, будетъ на-дняхъ открыто пользоваться всѣми преимуществами своего положенія, а Ланской, числящійся пока офиціальнымъ фаворитомъ, уступитъ ему свои покои въ разныхъ дворцахъ».

«Бывшій фаворитъ виситъ на волоскѣ», сообщилъ посланникъ нѣсколько дней спустя:

но онъ получитъ отставку не прежде, какъ съ отъѣздомъ двора въ Петергофъ. Дворъ представляетъ собою печальную картину безурядицы тѣмъ болѣе, что [illegible] держитъ себя безукоризненно и не подалъ ни малѣйшаго повода къ его удаленію. Онъ не ревнивъ, не дерзокъ и не заслужилъ упрека въ непостоянствѣ; онъ жалуется на свою отставку, которую считаетъ неизбѣжной, въ такихъ трогательныхъ выраженіяхъ, что государыня и ея довѣренныя лица поставлены въ весьма затруднительное положеніе и не знаютъ, какъ отдѣлаться отъ него, не заслуживъ упрека въ жестокости. Но его преемникъ громко заявляетъ свои права, и жалость, вѣроятно, скоро уступитъ мѣсто иному чувству. Я слышалъ, что кн. Потемкинъ, коего власть въ подобныхъ случаяхъ бываетъ безгранична, собирается испросить себѣ сумму въ 700 тысячъ рублей.

(«Русская Старина» 1908, т. 135; с. 462—464.)

XI. Дворянская культура.

175. Обученіе грамотѣ.

(Разсказъ маіора Данилова.)

Я родился въ 1722 году: тогда отца моего разбойники разбили и подана была на сихъ злодѣевъ явочная челобитная, съ которой досталась мнѣ копія, почему я и рожденіе свое въ томъ году почитаю. Былъ я любимый сынъ у моего отца; отъ роду моего лѣтъ семи, или болѣе, отдали меня въ томъ же селѣ Харинѣ, гдѣ отецъ мой жилъ, понамарю Филипу, прозваніемъ Брудастому, учиться.

Понамарь былъ роста малаго, широкъ въ плечахъ, борода большая, круглая покрывала грудь его, голова съ густыми волосами равнялась съ плечьми его и казалось, что у него шеи не было; у него, въ тоже время, учились два брата мнѣ двоюродные, Елисей и Борисъ. Учитель нашъ Брудастой жилъ только одинъ съ своею женою, весьма въ малой избушкѣ: приходилъ я учиться къ Брудастому очень рано, въ началѣ дня, и безъ молитвы дверей отворить, покуда мнѣ не скажетъ «аминь», не смѣлъ. Памятно мнѣ мое ученіе у Брудастаго и поднесь, по той можетъ быть причинѣ, что часто меня сѣкли лозою: я не могу признаться по справедливости, чтобъ во мнѣ была тогда лѣность или упрямство, а учился я по моимъ лѣтамъ прилежно и учитель мой задавалъ мнѣ урокъ учить весьма умѣренный, по моей силѣ, который я затверживалъ скоро; но какъ намъ, кромѣ обѣда, никуда отъ Брудастаго отпуска ни на малѣйшее время не было, а сидѣли на скамейкахъ безсходно и въ большіе лѣтніе дни великое мученіе претерпѣвали, то я отъ таковаго всегдашняго сидѣнія такъ ослабѣвалъ, что голова моя дѣлалась безпамятна и все, что выучилъ прежде напзусть, при сказываніи урока, въ вечеру и половины прочитать не могъ, за что послѣдняя резолюція меня какъ непонятнаго «сѣчь». Я мнилъ тогда, что необходимо при ученіи терпѣть надлежитъ наказаніе.

Брудастаго жена, во время нашего ученія, понуждала насъ, въ небытность своего мужа, всечасно, чтобъ мы громче кричали, хотябъ и не то, что учимъ. Отраднѣе намъ было отъ скучнаго сидѣнья, когда учитель нашъ находился въ полѣ на работѣ. По возвращеніи Брудастаго отвѣчать я во всемъ урокѣ такъ, какъ утромъ при неутомленныхъ мысляхъ, весьма исправно и памятно: изъ сего нынѣ заключаю, что принужденное дѣтемъ ученіе грамотѣ неполезно, потому что отъ тѣлеснаго труда изнемогаютъ душевныя силы и приходятъ въ ослѣбленіе и унылость; явственнѣе можно усмотрѣть сію правду, принудить только ребенка играть сверхъ его воли, тогда ему та игра и игрушки отъ скуки омерзѣютъ и тою игрою мало будетъ ужъ играть, или вовсе возненавидитъ. Въ подобіе сего обрѣтается: разныхъ рукодѣлъ мастера обременяютъ своихъ учениковъ не по силѣ лѣтъ ихъ, изъ коихъ нѣкоторые, не возмогши снести такой налагаемой на нихъ тягости ученія, обращаются въ бѣгство, кроются по разнымъ мѣстамъ, вымышляютъ бездѣльные обманы, наконецъ отъ воображенія страха, что будутъ ихъ наказывать за побѣгъ жестоко, приходятъ въ отчаянье и дѣлаются бездѣльниками на вѣкъ. Вотъ какой плодъ происходитъ отъ таковыхъ безпутныхъ и ни къ чему годныхъ учителей, каковъ былъ мой Брудастой; вымышлялъ иногда и я, отъ таковаго скучнаго сидѣнія, напрасно показывать какія ни есть за собою затѣйныя приключенія и болѣзни, коихъ отнюдь во мнѣ не бывало...

(Записки Данилова, с. 38—41.)

176. Ломоносовъ о самомъ себѣ. (письмо къ И. И. Шувалову).

1753 г.

Милостивый государь
Иванъ Ивановичъ!

Милостивое вашего превосходительства меня письмомъ напоминовеніе увѣряетъ къ великой моей радости о непремѣнномъ вашемъ ко мнѣ снисходительствѣ, которое я чрезъ много лѣтъ за великое между моими благополучіями почитаю. Высочайшая щедрота несравненная монархини нашея, которую я вашимъ отеческимъ предстательствомъ имѣю, можетъ ли меня отвести отъ любленія и отъ усердія къ наукамъ, когда меня крайняя бѣдность, которую я для наукъ терпѣлъ, добровольно отвратить не умѣла? Не примите ваше превосходительство мнѣ въ самохвальство, что я въ свое защищеніе представить смѣлость принимаю. Обучаясь въ Спаскихъ школахъ, имѣлъ я со всѣхъ сторонъ отвращающія отъ наукъ пресильныя стремленія, которыя въ тогдашнія лѣта почти непреодолѣнную силу имѣли. Съ одной стороны отецъ, никогда дѣтей кромѣ меня не имѣя, говорилъ, что я, будучи одинъ, его оставилъ, оставилъ все довольство (по тамошнему состоянію), которое онъ для меня кровавымъ потомъ нажилъ, и которое послѣ его смерти чужіе расхитятъ. Съ другой стороны не сказанная бѣдность: имѣя одинъ алтынъ въ день жалованья, нельзя было имѣть на пропитаніе въ день больше какъ за денежку хлѣба, и на денежку квасу, протчее на бумагу, на обувь и другія нужды. Такимъ образомъ жилъ я пять лѣтъ, и наукъ не оставилъ. Съ одной стороны пишутъ, что, зная моего отца достатки, хорошіе тамошніе люди дочерей своихъ за меня выдадутъ, которые и въ мою тамъ бытность предлагали; съ другой стороны школьники малые ребята кричатъ и перстами указываютъ: смотри де какой болванъ лѣтъ въ двадцать пришелъ латинѣ учиться! Послѣ того вскорѣ взятъ я въ Санктпетербургъ и посланъ за море и жалованіе получалъ противъ прежняго въ сорокъ разъ. Оно меня отъ наукъ не отвратило: но по пропорціи своей умножило охоту, хотя силы мои предѣлъ имѣютъ.

Я всепокорнѣйше прошу ваше превосходительство въ томъ быть обнадежену, что я всѣ свои силы употреблю, чтобы тѣ, которые мнѣ отъ усердія велятъ быть предостерожну, были обо мнѣ безпечальны; а тѣ которые изъ недоброхотной зависти толкуютъ, в [illegible] бы въ своемъ неправомъ мнѣніи были, и знать бы научились, что они своимъ [illegible] чужихъ силъ мѣрить не должны: и помнили бъ, что музы кого хотятъ, того и полюбятъ. Ежели кто еще въ такомъ мнѣніи, что ученой человѣкъ долженъ быть бѣденъ, тому я предлагаю въ примѣръ съ его стороны Діогена, которой жилъ съ собаками въ бочкѣ, и своимъ землякамъ оставилъ нѣсколько остроумныхъ шутокъ для умноженія ихъ гордости, а съ другой стороны Невтона, богатаго Лорда Бойла, которой всю свою славу въ наукахъ получилъ употребленіемъ великой суммы; Вольфа, которой лекціями и подарками нажилъ больше пятисотъ тысячъ и сверхъ того баронство; Слоана, въ Англіи, которой послѣ себя такую библіотеку оставилъ, что никто приватно не былъ въ состояніи купить, и для того парламентъ далъ за нее двадцать тысячъ фунтовъ штерлинговъ. По приказанію вашему все исполнить не премину, съ глубокимъ высокопочитаніемъ пребывая вашего превосходительства

всепокорнѣйшій слуга
Михайла Ломоносовъ.

Изъ Санктпетербурга.
Маія 10 дня 1753 года.

(Билярскій. Матеріалы для біографіи Ломоносова. № 127, стр. 204—205.)

177. Ломоносовъ о своихъ работахъ.

(Изъ письма къ И. Шувалову 1753 г.)

... Что до электрической силы надлежитъ, то сыисканы здѣсь два особливые опыты весьма недавно, одинъ — господиномъ Рихманомъ чрезъ машину, а другой — мною въ тучѣ; первой, что Мушенброковъ опытъ съ сильнымъ ударомъ можно переносить съ мѣста на мѣсто, отдѣляя отъ машины въ знатное разстояніе около цѣлой версты; чему описаніе и рисунокъ при семъ сообщаю... Второе примѣтилъ у своей громовой машины, 25 числа сего апрѣля, что безъ грому и молніи, что бы слышать или видѣть можно было, нитка отъ желѣзнаго прута отходила и за рукою гонялась; а въ 28 число того же мѣсяца, при прохожденіи дождеваго облака безъ всякаго чувствительнаго грому и молніи происходили отъ громовой машины сильные удары съ ясными искрами и съ трескомъ издалека слышными; что еще нигдѣ не примѣчено, и съ моею давнею теоріею о теплотѣ и съ нынѣшней о электрической силѣ весьма согласно, и мнѣ къ будущему публичному акту весьма прилично. Оной актъ буду я отправлять съ господиномъ профессоромъ Рихманомъ; онъ будетъ предлагать опыты свои, а я теорію и пользу отъ оной происходящую, къ чему уже я приуготовляюсь.

Что же надлежитъ до второй части руководства къ краснорѣчію, то оная уже нарочито далече и въ концѣ октября мѣсяца уповаю изъ печати выйдетъ, о ускореніи которой всячески просить и стараться буду, а писменнаго не присылаю, за тѣмъ что ваше превосходительство требовать изволите по листу печатныхъ. О первомъ томѣ Россійской исторіи по обѣщанію моему стараніе прилагаю, чтобы онъ къ новому году письменной изготовился.

Ежели кто по своей профессіи и должности читаетъ лекціи, дѣлаетъ опыты новые, говоритъ публично рѣчи и диссертаціи, и внѣ оной сочиняетъ разные стихи и проекты къ торжественнымъ изъявленіямъ радости, составляетъ правила къ краснорѣчію на своемъ языкѣ и исторію своего отечества, и долженъ еще на срокъ поставить, отъ того я ничего больше требовать не имѣю, и готовъ бы съ охотою имѣть терпѣніе, когда бы только что путное родилось.

Въ протчемъ удостовѣряясь многократно, коль охотно слушаете ваше превосходительство разговоры о наукахъ, весьма жадно ожидаю радостнаго и пріятнаго съ вами свиданія, чтобы вы новыми моими стараніями удовольствіе имѣли, которыхъ всѣхъ въ отдаленіе сообщить не возможно. Въ домѣ вашего превосходительства обѣщанныхъ оптическихъ вещей еще долго устроить не уповаю, за тѣмъ, что еще нѣтъ ни половъ, ни потолковъ, ни лѣсницъ, и недавно я ходилъ въ нихъ съ немалою опасностію. Електрическіе шарики по вашему желанію пришлю вамъ не умедливъ, какъ возможно.

Я могу увѣрить ваше превосходительство, что въ мастеровыхъ людяхъ здѣсь великая скудность: такъ, что я для дѣланія себѣ електрической машины не токмо гдѣ индѣ, но и съ вашего двора столяра за деньги не могъ достать. И для того по сіе время вмѣсто земной машины служатъ мнѣ иногда облака, къ которымъ я съ кровли шестъ выставилъ. Какіе вашему превосходительству инструменты потребны, о томъ прошу дать мнѣ позволеніе представить въ Канцелярію Академическую именемъ вашимъ, для приказанія мастерамъ, за тѣмъ, что онѣ по шабашамъ долго протянутъ дѣло.

Заключая сіе, съ глубокимъ высокопочитаніемъ пребываю всепокорнѣйшій и вѣрный слуга *Михайла Ломоносовъ.*

(Изъ Санктпетербурга. Маія 31 дня 1753 года.)

(Билярскій № 131, с. 210—212).

---

178. Манифесть объ учрежденіи Моск. Университета.

1755 г.

... Какъ всякое добро происходитъ отъ просвѣщеннаго разума, а напротивъ того зло искореняется, то слѣдовательно нужда необходимо о томъ стараться, чтобъ способомъ пристойныхъ наукъ, возрастало въ пространной нашей Имперіи всякое полезное знаніе, чему подражая для общей отечеству славы Сенатъ нашъ, и признавъ за весьма полезное къ общенародному благополучію всеподданнѣйше намъ доносилъ, что дѣйствительной нашъ камергеръ и кавалеръ Шуваловъ поданнымъ въ Сенатъ доношеніемъ, съ приложеніемъ проэкта и штата о учрежденіи въ Москвѣ одного университета и двухъ гимназій слѣдующее представлялъ:

Какъ наука вездѣ нужна и полезна, и какъ способомъ той просвѣщенные народы превознесены и прославлены надъ живущими во тьмѣ невѣдѣнія людьми... и что пространная наша Имперія установленною здѣсь Академіею... хотя оная со славою иностранною и съ пользою здѣшнею плоды свои и производитъ, но однимъ онымъ ученымъ корпусомъ довольствоваться не можетъ, въ такомъ разсужденіи, что за дальностію дворяне и разночинцы къ пріѣзду въ Санктпетербургъ многія имѣютъ препятствія и хотяжъ первые къ надлежащему воспитанію и наученю къ службѣ нашей, кромѣ Академіи, въ сухопутномъ и морскомъ кадетскихъ корпусахъ, въ инженерствѣ и артиллеріи открытой путь имѣютъ;—но для ученія высшимъ наукамъ желающимъ дворянамъ, или тѣмъ, которые въ вышеписанныя мѣста для какихъ либо причинъ незаписаны и для генеральнаго обученія разночинцамъ — упомянутой нашъ дѣйствительной камергеръ и кавалеръ Шуваловъ, о учрежденіи вышеобъявленнаго въ Москвѣ университета для дворянъ и разночинцовъ, по примѣру европейскихъ университетовъ, гдѣ всякое званія люди свободно наукою пользуются, и двухъ гимназей, одну для дворянъ, другую для разночинцовъ, кромѣ крѣпостныхъ людей, усердствуя намъ и отечеству о выше упомянутомъ изъяснялъ для таковыхъ обстоятельствъ, что установленіе онаго университета въ Москвѣ тѣмъ способнѣе будетъ:

1) великое число въ ней живущихъ дворянъ и разночинцовъ; 2) положеніе оной среди Россійскаго Государства, куда изъ округъ

лежащихъ мѣстъ способно пріѣхать можно; 3) содержаніе всякова не стоитъ многова иждивенія; 4) почти всякой у себя имѣетъ родственниковъ или знакомыхъ, гдѣ себя квартирою и пищею содержать можетъ; 5) великое число въ Москвѣ у помѣщиковъ на дорогомъ содержаніи учителей, изъ котоныхъ большая часть не токмо учить науки не могутъ, но и сами къ тому ни какова начала не имѣютъ и только чрезъ то младыя лѣта учениковъ, и лутчее время къ ученію пропадаетъ, а за ученіе онымъ безполезно великая плата дается; всѣжъ почти помѣщики имѣютъ стараніе о воспитаніи дѣтей своихъ, не щадя иные по бѣдности великой части своего имѣнія и ласкаясь надеждою произвести изъ дѣтей своихъ достойныхъ людей въ службу нашу, а иные не имѣя знанія въ наукахъ, или по необходимости не сыскавъ лутчихъ учителей принимаютъ такихъ, которые лакеями, парикмахерами и другими подобными ремеслами всю жизнь свою препровождали; — и показывая онъ камергеръ и кавалеръ Шуваловъ, что такіе въ ученіяхъ недостатки реченнымъ установленіемъ исправлены будутъ и желаемая польза надежно чрезъ скорое время плоды свои произведетъ, начежъ когда довольно будетъ націнальныхъ достойныхъ людей въ наукахъ, которыхъ требуетъ пространная наша Имперія къ разнымъ изобрѣтеніямъ сокровенныхъ въ ней вещей и ко исполненію начатыхъ предпріятіевъ, и ко учрежденію впредь по знатнымъ россійскимъ городамъ россійскими профессорами училищъ, отъ которыхъ и въ отдаленномъ простомъ народѣ суевѣріе, расколы и тому подобныя отъ невѣжества ереси истребятся.

Того ради мы, признавая упомянутаго камергера и кавалера Шувалова представленіе, поданное намъ чрезъ докладъ отъ Сената, за весьма нужное и полезное нашей Имперіи слѣдующее къ благополучію всего отечества, и которое впредь къ немалой пользѣ общаго добра быть можетъ, всемилостивѣйше конфирмовали, и надѣемся несумнѣнно, что всѣ наши вѣрноподданные, видя толь многія наши объ нихъ матерніи попеченіи, какъ и сіе весьма потребное учрежденіе, простираться станутъ дѣтей своихъ пристойнымъ образомъ воспитавъ обучить, и годными чрезъ то въ службу нашу и въ славу отечества представить.

И для того всѣхъ находящихся воономъ университетѣ, высочайшею нашею протекціею обнадеживаемъ, а кои особливую прилежность и добропорядочные свои поступки окажутъ, тѣ предъ другими съ отмѣнными авантажами въ службу опредѣлены будутъ; и объ ономъ для всенароднаго извѣстія сіе наше всемилостивѣйшее соизволеніе публиковать повелѣли, о чемъ симъ и публикуется.

(Зап. Нащокина, с. 273—278.)

179. Проектъ Устава имп. Моск. Университета, высочайше утв. 12 генваря 1755 г.

Проэктъ.

1. На содержаніе сего университета и при ономъ гимназіи довольно 10.000 рублей въ годъ.

1) Весьма за нужно ко ободренію наукъ почитается, чтобъ е. и. в. новоучреждаемый Университетъ въ собственную свою высочайшую протекцію принять и одну или двухъ изъ знатнѣйшихъ особъ, какъ въ другихъ государствахъ обычай есть, кураторами Университета опредѣлить соизволила, которые бы весь корпусъ въ своемъ смотрѣніи имѣли и о случающихся его нуждахъ докладывали е. и. в.

2) Чтобъ сей корпусъ, кромѣ Правительствующаго Сената, неподчиненъ былъ никакому иному присутственному мѣсту, и ни отъ кого бы иного повелѣнія принимать не былъ обязанъ.

3) Чтобъ какъ профессоры и учителя, такъ и прочіе подъ университетскою протекціею состоящіе безъ вѣдома и позволенія университетскихъ кураторовъ и директора неповинны были ни передъ какимъ инымъ судомъ стать, кромѣ университетскаго.

4) Чтобъ всѣ принадлежащіе къ Университету чины въ собственныхъ ихъ домахъ свободны были отъ постоевъ и всякихъ полицейскихъ тягостей, также и отъ вычетовъ изъ жалованья и всякихъ другихъ сборовъ.

8. Никто изъ профессоровъ не долженъ по своей волѣ выбрать себѣ систему или автора и по оной науку своимъ слушателямъ предлагать, но каждый повиненъ послѣдовать тому порядку и тѣмъ авторамъ, которые ему профессорскимъ собраніемъ и отъ кураторовъ предписаны будутъ.

13. При окончаніи каждаго мѣсяца выбрать день субботный, въ которой профессорамъ, согласясь между собою, заставлять студентовъ приватно диспутоваться и задавать имъ для того тезисы, которые за три дня напередъ прибивать къ дверямъ большой аудиторіи,

дабы желающіе то предпріять заблаговременно приготовить могли...

24. Учащіеся въ Университетѣ студенты не должны ни въ какомъ другомъ судѣ вѣдомы быть, кромѣ университетскаго, и ежели прилучатся въ какихъ-либо непорядочныхъ поступкахъ, то, не касаясь до нихъ никакимъ образомъ, приводить ихъ немедленно въ университетскій домъ, и директоръ, который смотря по винѣ, учинитъ имъ надлежащій штрафъ, или отошлетъ къ тому суду, до котораго такія дѣла принадлежатъ.

26. Понеже науки не терпятъ принужденія, и между благороднѣйшими упражненіями человеческими справедливо считаются: того ради какъ въ Университетъ, такъ и въ гимназію не принимать никакихъ крѣпостныхъ и помѣщиковыхъ людей; однако, ежели который дворянинъ, имѣя у себя крѣпостного человѣка сына, въ котором усмотритъ особливую остроту, пожелаетъ его обучить свободнымъ наукамъ, овый долженъ напередъ того молодого человѣка объявить вольнымъ и отказавшись отъ всего права и власти, которую онъ прежде надъ нимъ имѣлъ, дать ему увольнительное письмо за своею рукою и за приписаніемъ свидѣтелей, при томъ же повиненъ онъ за себя и за наслѣдниковъ своихъ обязаться давать оному ученику пристойное содержаніе, доколѣ онъ при Университетѣ счисляться будетъ, и до совершеннаго окончанія наукъ ни подъ какимъ видомъ ся не отлучать.

27. При допущеніи въ Университетъ и въ гимназію такого студента или ученика, принять отъ него и хранить въ Университетѣ данное ему отъ бывшаго его господина письменное увольненіе, и когда онъ науки свои порядочно окончаетъ и отъ Университета съ аттестатомъ отпущенъ будетъ для опредѣленія въ службу государеву, или на вольное пропитаніе, тогда вручить ему паки помянутое письмо прежняго его господина и дать волю, чтобъ никакимъ образомъ никто его въ холопство привести не могъ; ежели жъ имѣвъ волю и пользуясь однимъ тѣмъ, будетъ въ худыхъ поступкахъ, то такого выписать вонъ, и отдать какъ его, такъ и увольнительное письмо его помѣщику.

§§ 28—38. При университетѣ учреждаются двѣ гимназіи, одна для дворянъ, другая для разночинцевъ, «кромѣ крѣпостныхъ людей».

§ 39. Для различенія дворянъ отъ разночинцевъ, учиться имъ въ разныхъ гимназіяхъ; а какъ уже выдутъ изъ гимназіи и будутъ студентами, у вышнихъ наукъ такимъ быть вмѣстѣ, какъ дворянамъ и разночинцамъ, чтобъ тѣмъ болѣе дать поощренія къ прилежному ученію.

(Н. Соловьевъ. Русс. университеты вып. 1, с. 17—22.)

---

180. Въ университетѣ.

(Изъ восп. Д. Фонвизина.)

Остается мнѣ теперь сказать объ образѣ нашего университетскаго ученія; но самая справедливость велитъ мнѣ предварительно признаться, что нынѣшній университетъ уже не тотъ, какой при мнѣ былъ. Учители и ученики совсѣмъ нынѣ другихъ свойствъ и сколько тогдашнее положеніе сего училища подвергалось осужденію, столь нынѣшнее похвалы заслуживаетъ.

Я скажу въ примѣръ бывшій нашъ экзаменъ въ нижнемъ латинскомъ классѣ. Наканунѣ экзамена дѣлалося приготовленіе; вотъ въ чемъ оно состояло: учитель нашъ пришелъ въ кафтанѣ, на коемъ было пять пуговицъ, а на камзолѣ четыре; удивленный сею странностью, спросилъ я учителя о причинѣ. «Пуговицы мои вамъ кажутся смѣшны», говорилъ онъ, «но онѣ суть стражи вашей и моей чести: ибо на кафтанѣ значутъ пять склоненій, а на камзолѣ четыре спряженія; итакъ, — продолжалъ онъ, ударя по столу рукою, — извольте слушать все, что говорить стану. Когда станутъ спрашивать о какомъ-нибудь имени какого склоненія, тогда примѣчайте, за которую пуговицу я возьмусь: если за вторую, то смѣло отвѣчайте: втораго склоненія. Съ спряженіями поступайте, смотря на мои камзольныя пуговицы, и никогда ошибки не сдѣлаете». Вотъ каковъ былъ экзаменъ нашъ! О вы, родители, восхищающіеся часто чтеніемъ газетъ, видя въ нихъ имена дѣтей вашихъ, получившихъ за прилежность свою прейсы, послушайте, за что я медаль получилъ. Тогдашній нашъ инспекторъ покровительствовалъ одного нѣмца, который пріѣхалъ былъ учителемъ географіи. Учениковъ у него было только трое. Но какъ учитель нашъ былъ тупѣе прежняго латинскаго, то пришелъ на экзаменъ съ полнымъ партищемъ пуговицъ и мы слѣдственно экзаменованы безъ всякаго приготовленія. Товарищъ мой спрошенъ былъ: куда течетъ Волга? Въ Черное море, отвѣчалъ онъ; спросили о томъ же другого моего товарища: въ Бѣлое, отвѣчалъ тотъ; сей же самый вопросъ сдѣланъ былъ мнѣ; не знаю, сказалъ я съ такимъ видомъ простодушія, что экзаменаторы единогласно мнѣ медаль присудили. Я, конечно, сказать

правду, заслужилъ бы со изъ класса практическаго нравоученія, но отнюдь не изъ географическаго.

Какъ бы то ни было, я долженъ съ благодарностью воспоминать университетъ. Ибо въ немъ, обучась полатыни, положилъ основаніе нѣкоторымъ моимъ знаніямъ. Въ немъ научился я довольно нѣмецкому языку, а паче всего въ немъ получилъ я вкусъ къ словеснымъ наукамъ...

Въ бытность мою въ университетѣ учились мы весьма безпорядочно. Ибо съ одной стороны причиною тому была ребяческая лѣность, а съ другой нерадѣніе и пьянство учителей. Ариѳметическій нашъ учитель пилъ смертную чашу; латинскаго языка учитель былъ примѣръ злонравія, пьянства и всѣхъ подлыхъ пороковъ; но голову имѣлъ преострую, и какъ латинскій, такъ и россійскій языкъ зналъ очень хорошо...

(Соч. Фонвизина, с. 533—537.)

181. Генеральнаго плана Московскаго воспитательнаго для приносныхъ младенцевъ дома.

Часть III.

I. О надобности воспитанія сходнаго съ намѣреніемъ, съ которымъ заведенъ домъ воспитательный.

...Всякъ увѣренъ, что приноснымъ симъ дѣтямъ потребно на воспитаніе отмѣнное отъ преподаваемаго благороднымъ, и что въ семъ заведеніи правиламъ воспитанія касающимся до тѣлесныхъ и душевныхъ упражненій должно быть въ маломъ гораздо числѣ, но яснымъ, вразумительнымъ и къ исполненію весьма удобнымъ: ибо прямое намѣреніе требуетъ произвести здѣсь людей способныхъ служить отечеству дѣлами рукъ своихъ въ различныхъ искусствахъ и ремеслахъ.

Въ подобныхъ сему заведеніяхъ не надобны танцмейстеры и проч.; того меньше потребны дѣвочкамъ учительницы для показанія модъ, безполезныхъ способовъ обхожденія и множества подобныхъ сему вредныхъ и гнусныхъ излишествъ, кои произошли отъ одной роскоши, и нынѣ у праздныхъ людей въ большихъ городахъ обыкновенно бываютъ. Довольно извѣстно, сколь надобно воспитаніе сходственное съ намѣреніемъ, съ которымъ Домъ сей учрежденъ; для того пространныя о семъ доказательства для просвѣщенныхъ читателей не нужны. Здѣсь упоминается только нижеслѣдующее:

Въ чужихъ государствахъ третій чинъ народа, заведенный уже за нѣсколько вѣковъ, продолжается изъ рода въ родъ. Но какъ здѣсь сей чинъ еще не находится; то мнится, во ономъ и нужда состоитъ. Слѣдовательно приуготовить основаніе сего чина заведеніемъ сперва учителей и учительницъ имѣющихъ потребныя качества для воспитанія и обученія обоего пола дѣтей, какъ сего требуетъ намѣреніе. Того для слѣдовать должно предписанному здѣсь наставленію, ибо успѣхъ хорошаго и полезнаго воспитанія въ семъ Домѣ, единственно отъ нихъ зависитъ.

II. О упражненіяхъ.

Многіе презираютъ забавы дѣтскія и признаютъ оныя не нужными. Большая часть отцовъ и матерей требуютъ, чтобъ они заблаговременно тихи, постоянны и разсудительны были, въ чемъ очевидно ошибаются. Дабы сему повѣрить совершенно, посмотримъ, что дѣлаютъ животныя въ первыхъ лѣтахъ. Все время младости раздѣляется на три упражненія, ѣсть, спать и играть.

Когда дѣти свободно ходить начнутъ, то безпрестанно въ движеніи бываютъ, выключая время сна. Сіе, какъ извѣстно, происходитъ отъ естественнаго ихъ сложенія. Кто въ семъ оказываетъ запрещеніе или насиліе, тотъ безъ сомнѣнія ихъ губитъ. Того для не токмо позволять имъ быть въ невинныхъ забавахъ по своей волѣ, но и всѣми способами побуждать ихъ къ онымъ...

VI. Вопросъ,

надобно ли въ семъ заведеніи дѣвочкамъ учиться тому, что для мальчиковъ сказано?

За первое предводительство оказанное намъ, какъ на свѣтъ вышли, за первую помощь и сбереженіе, за первое пропитаніе, за первыя наставленія и за первую дружбу, которою въ жизни своей пользуемся, кому одолжены? Одному женскому полу. Но мы мужчины столь тщеславимся превосходствомъ въ крѣпости силъ своихъ, столь горды и притомъ столь упрямы и неправосудны, что и въ пріобрѣтеніи наставленій, къ просвѣщенію разума потребныхъ, препятствуемъ такому полу, которому мы, какъ выше показано, за все одолжены. Сынъ знатной особы изнуряется большимъ числомъ учителей, для чего? Для того, что такой отецъ приличное дворянству ученіе признаетъ необходимо нужнымъ, разсуждая, что сынъ его безъ сей науки не можетъ отправлять должностей по

чинамъ въ арміи, во флотѣ, либо при дворѣ. Имѣя крѣпостныхъ людей не думаетъ онъ, чтобъ они полезны и надобны были къ иному чему, кромѣ обыкновенной въ домѣ службы, либо за нимъ ѣздить. Утверждаетъ при томъ смѣло, что наставленіе въ правоученіи, касающемся до гражданской жизни, имъ не только не потребно, но еще неполезно и вовсе ненадобно. Въ заключеніи суровымъ голосомъ скажетъ: «не хочу, что бы философами были тѣ, кои мнѣ служить должны».

Коль бѣденъ человѣкъ такимъ образомъ ослѣпившійся! Иль того ты не видишь, что тотъ самый крепостной котораго ты столь презираешь, и всѣми мѣрами дѣлаешь свирѣпымъ звѣремъ, первый будетъ наставникъ твоему сыну, въ которомъ однакожъ ты все свое полагаешь благополучіе, всю надежду. Тотъ самый крѣпостной или крѣпостная, первый будетъ наперстникъ или наперстница, первый другъ или подруга сыну твоему или дочери твоей. Дѣти твои, коихъ ты любишь, какъ утробу свою, напитаются съ перьвымъ млекомъ, въ перьвые годы возраста, всѣми пороками, всею грубостію, всѣми худыми разговорами отъ сихъ рабовъ, которыхъ столь гордо и столь надменно пренебрегаешь. Дѣти твои будутъ у нихъ въ рукахъ и въ полной власти до самаго времени юношества и далѣе. Отъ сообщества съ ними наслѣдствуютъ они невѣжество, свирѣпство, развратные нравы: въ ихъ мысли вперяются разсказы тѣмъ гнуснѣйшіе, и тѣмъ опаснѣйшіе, чѣмъ величавѣе и суровѣе поступаешь съ рабами.

Такіе то плоды пріобрѣтаетъ человѣкъ, воспитанный тамъ, гдѣ глупость и коварство, гдѣ общества подлыхъ рабовъ, несмысленныхъ кормилицъ, и безстыдныхъ служанокъ обитаютъ.

Жалуются непрестанно, что несчастныхъ имѣютъ дѣтей, не оказывающихъ почтенія родителямъ, ненавидящихъ всякое наставленіе и трудъ, праздныхъ, живущихъ въ нечистотѣ, и утопающихъ въ пьянствѣ или звѣрскомъ буйствѣ. Отецъ (говорю о разумномъ, потому что многіе родители и того не чувствуютъ) болѣзнуетъ непрестанно о своемъ сынѣ, всему полагаетъ причиною злую природу бѣднаго сего юноши, думаетъ, что родился подъ худою планетою. Смѣшная мечта съ давняго времени за справедливую почитаемая: но никогда въ мысль ему не приходитъ, что сіе отъ того единственно произошло, когда у сихъ дѣтей подлые рабы перьвыми учителями, сверстниками и друзьями были, и вкоренили въ ихъ сердце и разумъ то, что ему толь горестно кажется.

Чаятѣ надобно, что понявъ вышеписанное, не сыщется еще такой, кто бы толь далеко отступилъ отъ здраваго разума, кому бы нечувствительно было благоденьствіе рода человѣческаго, и кто бы не желалъ, дабы всѣ дѣвушки не только обучились читать и писать, но имѣли бы и разумъ просвѣщенный различными знаніями для гражданской жизни полезными. Будучи матерями лучше и разсудительнѣе воспитаютъ своихъ и чужихъ ввѣренныхъ имъ дѣтей; — будучи няньками не помрачатъ ихъ пустыми разсказами, странными повѣстьми о привидѣніяхъ, о превращеніяхъ, о колдовствахъ, о непреодолимой силѣ діявольской и проч. Напротивъ того разговоры ихъ будутъ подражанія достойны, страсти обузданы, обхожденіе пріятно и человѣколюбія исполнено.

Ежели бы воспитываемымъ въ семъ Домѣ дѣвушкамъ слѣдовало быть крестьянками; не надлежало бы и упоминать о обученіи ихъ. Но по принятому въ семъ заведеніи намѣренію, назначены онѣ учиться (кромѣ того, что показано въ первой части Генеральнаго Плана) искусствамъ, жизни человѣческой и гражданству потребнымъ, хранить въ цвѣтущемъ состояніи фабрики, купечество и ремесла, способствовать къ заведенію оныхъ, управлять всѣ, а инначе ихъ полу принадлежащія части домостроительства, разумѣть подробности онаго [1]), знать, какъ въ казначействѣ поступать [2]) и проч...

XI. О наказаніяхъ.

...Единожды навсегда ввести въ сей Домъ неподвижный законъ и строго утвердить, никогда и ни за что не бить дѣтей; ибо не удары въ ужасъ приводятъ, но страхъ умножается въ нихъ отъ рѣдкости наказаній, что есть самое дѣйствительное средство къ ихъ поправленію, да и по физикѣ доказано, что бить дѣтей, грозить имъ и бранить, хотя и причины къ тому бываютъ, есть существенное зло. Кромѣ того, что сіе дѣлаетъ перемѣну въ ихъ здоровьѣ, слѣдовательно и въ живости естественной, становятся чрез то мстительны, притворны, обманщики, угрюмы и нечувствительны. Сердца ихъ ожесто-

---

[1]) Умѣть куръ, гусей и проч. водить и кормить; сыръ, масло, творогъ дѣлать, и т. п.

[2]) По тому обряду, которой у нѣмцевъ въ домахъ гаусгальтерины обыкновенно наблюдаютъ. Хотя все сіе у насъ еще не вездѣ употребляется; но отчаяваться не надобно, чтобы не вошло въ обыкновеніе отъ таковыхъ воспитанія способовъ, ибо всему потребно начало.

(Всѣ прим. *автора*).

чаются; въ правахъ лишаются кротости, которая есть мать человѣчеству.

Легчайшимъ наказаніемъ служить можетъ: 1) заставлять ихъ одинъ или два часа, смотря по ихъ лѣтамъ, стоять на одномъ мѣстѣ ни на что не опираясь, 2) не пускать съ другими гулять; сіе весьма чувствительно дѣтямъ, ибо отъ природы не любятъ покоя и насилія, что и доказывается въ молодыхъ животныхъ, 3) дѣлать выговоръ наединѣ, побуждая къ раскаянію, 4) пристыживать публичнымъ выговоромъ, 5) хлѣбъ и вода на 12 или на 24 часа способны для возраста отъ 5 до 10 лѣтъ, 6) смотря по ихъ возрасту заставлять и поститься, то есть лишать завтрака, иногда и обѣда, но никогда не отъимать ужина...

Не приступая къ наказанію, надлежитъ всего прежде (а паче при первомъ и второмъ случаѣ) имѣть прибѣжище къ помянутому краткому сочиненію, и изъяснять на словахъ виноватому предписаніе, касающееся до преступленія его. Отъ сего произойдутъ удивительныя дѣйствія, ибо, когда дѣтямъ нѣсколько разъ повторены будутъ предписанія, почувствуютъ они тогдажъ, что не по пустому воображенію, не по прихоти, и не по страсти, но праведно осуждаются отъ начальниковъ своихъ, и наказываются силою устава, которое особливую еще принесетъ пользу, а именно: питомцы, будучи въ дѣтствѣ, невидимо наставляются въ познаніи того, что праведно и неправедно. Своимъ разумомъ постигнутъ, какая страсть хулы достойна...

XIII. Разсужденіе о званіи, къ которому питомцевъ пріуготовлять должно.

Прежде изъясненія, къ чему сіи дѣти назначены, слѣдуетъ разсуждать, въ какое званіе жительства въ Имперіи, вышедши изъ сего Дома, себя опредѣлить могутъ съ пользою.

Извѣстно, что въ государствѣ два чина только установлены, дворяне и крѣпостные: но какъ по привилегіямъ, жалованнымъ сему учреждено отъ великодушной и премудрой самодержицы нашей, воспитанники сіи и потомки ихъ вольными пребудутъ: то они слѣдовательно составятъ третій чинъ въ государствѣ.

Не неприлично принять въ разсужденіе, какую жизнь они провождать могутъ въ семъ званіи, и какимъ образомъ себя между людьми впредь вести будутъ. Въ знатныхъ городахъ Имперіи находятся фабрики, гдѣ употребляютъ въ дѣло всякую руду, ленъ, пеньку, конопли, шелкъ, хлопчатую бумагу и проч.

Кажется, что питомцы наши мужеска и женска пола, достигши искусства къ различнымъ таковымъ и до комерціи касающимся заведеніямъ, при томъ получа воспитаніе сему званію приличное, удобно сыщутъ себѣ пропитаніе, вступя въ сообщество съ нынѣшними купцами, художниками, торговщиками и фабрикантами, и немало помогутъ имъ своимъ знаніемъ, къ чему совершенно пріуготовлены быть должны...

(Учрежденія и Уставы, касающіеся до воспитанія и обученія въ Россіи юношества обоего пола 1774 г., т. I, с. 78—118.)

---

182. Уставъ воспитанія 200 благородныхъ дѣвицъ.

(Смольнаго института.)

Глава вторая.

О воспитаніи вообще.

О ученіи.

5.

Надлежитъ имъ истолковать ясно по лѣтамъ и по нѣжности естественнаго сложенія, разсуждая и по незрѣлому ихъ уму, всѣ части закона, то есть катехизисъ, догматы православной вѣры, и все, что касается до прямаго содержанія оной.

6.

Сверхъ сего можно ихъ обучать россійскому и чужестраннымъ языкамъ, дабы на оныхъ исправно читать, писать и говорить умѣли; арифметикѣ, географіи, исторіи, стихотворству, и отчасти архитектуре и геральдикѣ, а въ художествахъ наставлять рисованію и миніатюрѣ, танцованію, музыку вокальную и инструментальную. Шитье всякаго рода, вязаніе и плетеніе шелковое, нитяное, шерстяное и бумажное, а къ сему присовокупить надлежитъ и всѣ части экономіи.

7.

Сверьхъ предписаннаго здѣсь вообще обученія наукамъ и художествамъ, третьяго возраста [1]) по двѣ дѣвицы ежедневно по очереди присматриваться должны на поварняхъ ко всѣмъ работамъ, какія на оныхъ отправляются, то есть, чтобъ могли онѣ знать всѣ подробности, касающіяся до домашней экономіи. Онѣ же должны: 1) Сами сочинять щеты дневнымъ расходамъ, и показывать госпожѣ учительницѣ съ своими на то примѣчаніями; 2) Чулки и прочей уборъ имѣть

[1]) Отъ 12 до 15 лѣтъ.

собственной своей работы, также и платье на себя имѣютъ шить сами и изъ даваемыхъ матерiй, что и о четвертомъ возрастѣ разумѣется; 3) Представлять между собою нѣкоторыя драматическiя сочиненiя, нарочно для ихъ употребленiя составленныя.

8.

Четвертаго же возраста [1]) дѣвицы повторяютъ ученiе свое почти одною практикою, и вмѣсто того, что въ третiемъ возрастѣ еженедневно по двѣ присматриваются къ домашнимъ обрядамъ, въ семъ возрастѣ [illegible] онѣ опредѣлиться къ тому поодиночкѣ. Онѣ должны 1) Вести записку расходамъ, какiе бы ни были, донося объ онныхъ госпожѣ начальницѣ, также договариваться съ поставщиками о припасахъ, каждую субботу дѣлать расчетъ, и при себѣ платежъ производить, опредѣлять цѣну всякому товару по качеству своего; и паче смотрѣть, чтобъ во всемъ наблюдаемъ былъ совершенной порядокъ и чистота; 2) Чтобъ возбудить въ дѣвицахъ [illegible] трехъ классовъ похвальную [illegible] и [illegible] отличной видъ, который оно необходимо имѣть должно; то употребятся изъ сего возраста въ каждой день по двѣ къ обученiю первыхъ классовъ дѣвицъ: ибо такимъ образомъ во первыхъ сами онѣ достигнутъ большаго совершенства, а при томъ и отъ Учительницъ тѣхъ классовъ, яко помощницы [illegible] непремѣнно съ отличностiю [illegible] будутъ, а на конецъ отъ сей практики научатся заблаговременно, какъ имъ будучи матерями обучать дѣтей своихъ, и въ собственномъ своемъ воспитанiи найдутъ себѣ великое вспоможенiе, въ какомъ бы состоянiи имъ жить ни случилось.

9.

Для вящей своей пользы и взаимной забавы, дѣвицы, изображая иногда одна другой, портретами или другими работами между собою дариться могутъ, также составлять по голосахъ и инструментахъ что [illegible] есть [illegible]. Въ первомъ случаѣ прiобрѣтутъ онѣ большое искусство въ рисованiи, а во второмъ въ музыкѣ.

10.

Послѣдней [illegible] [illegible] по [illegible] [illegible] [illegible] ствуетъ, [illegible] въ [illegible] по [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] рать [illegible], въ первыхъ трехъ возрастахъ понесенныхъ [1]). Онѣ въ разсужденiи мыслей, честнаго поведенiя и благонравiя почти уже все то прiобрѣли, что отъ добраго воспитанiя зависитъ: по сему первыхъ трехъ классовъ дѣвицы отъ нихъ заимствовать имѣютъ примѣры высокаго совершенства, котораго онѣ приближаясь къ часу своего выпуска уже неотмѣнно имѣть должны, наипаче содержать всегда въ твердой памяти, что отъ самаго юношества и до возраста [illegible] были къ добродѣтелямъ къ учтивости, ласковымъ и прiятнымъ разговорамъ не токмо съ равными, но и съ самыми послѣдними, какого бъ званiя кто ни былъ. [illegible] добрые поведенiе и поступки [illegible] ихъ въ свѣтъ вступленiи учинятся онѣ отличными въ обществѣ; благоразумными [illegible] въ семъ возрастѣ размышленiями, [illegible] подкрѣпляемыми, получатъ себѣ для впреду какъ въ наукахъ, такъ и въ [illegible] обхожденiи руководства. [illegible] въ сiе время надлежитъ имъ стараться о прiобрѣтенiи всего, чего иногда къ совершенству ихъ воспитанiя и обученiя [illegible] не [illegible].

11.

Весьма [illegible], чтобъ дѣвицы сего возраста чрезъ воспитанiе и полученныя въ наукахъ [illegible] прiобрѣтали себѣ должную честь [illegible]; то по сему и отъ самыхъ госпожъ [illegible] [illegible] предпочтены быть [illegible] [illegible], особливыми уваженiями. [illegible] принадлежащихъ имъ въ [illegible] обществѣ, состоять будутъ въ [illegible] [illegible] по достоинству и [illegible], какiя с. и. в. всемилостивѣйше опредѣлить и въ высочайшее свое присутствiе [illegible] [illegible]. А для большей привычки къ [illegible] обхожденiю, то есть, чтобъ [illegible] надлежащую и [illegible] въ [illegible], необходимо [illegible] въ семъ обществѣ во праздничные или по [illegible] днямъ собранiя для [illegible], [illegible] дамъ и [illegible] почтительныхъ людей съ дозволенiя госпожи начальницы. Сiи собранiя [illegible] будутъ, одно для концерта [illegible] составленное, другое для какой ни есть драматической или [illegible] игры [illegible], а третiе для обыкновенныхъ [illegible]. При всѣхъ онныхъ дѣвицы [illegible] классовъ хозяйствуютъ, [illegible] удо- [illegible] и прiятностiю

[1]) Отъ 15 до 18 лѣтъ.

[1]) [illegible] лѣтъ.

оныхъ, дабы прежде [illegible] невиннымъ [illegible], какое честной природѣ и доброму [illegible] особливо приличествуетъ, то есть не [illegible] застѣнчивости и въ случаѣ о всемъ пристойно и благородно изъясняться.

(Учр. и Уставы, т. II, с. [illegible].)

103. Генеральное учрежденіе о воспитаніи обоего пола юношества.

(Составлено Бецкимъ.)

Съ давняго уже времени имѣетъ Россія Академіи и разныя училища, и много употреблено иждивенія на посылку россійскаго юношества для обученія наукамъ и художествамъ; но мало, буде не сказать никакой, существительныхъ отъ того плодовъ собрано.

Разбирая прямыя тому причины, не можемъ мы жаловаться на природное и малую въ россійскомъ народѣ къ наукамъ и художествамъ способность; но можно неоспоримо доказать, что къ достиженію того неприличные токмо пути избраны были, а чего совсѣмъ не доставало, о томъ со всѣмъ и помышляемо не было.

Изъ посланныхъ еще при государѣ императорѣ Петрѣ Великомъ, дворяне съ хорошими возвратились успѣхами въ томъ, чему они обучаться назначены были; но по возвращеніи, имѣя путь и право къ большимъ чинамъ и заслугамъ, не могли они въ томъ упражняться.

Другіе, изъ подлости въ науки взятые, также весьма скоро успѣли въ оныхъ, но скорѣе еще въ прежнее невѣжество и самое небытіе возвратились; отъ чего и людей такого состоянія, которое въ другихъ мѣстахъ третьимъ чиномъ или среднимъ называется, Россія до сего времени и произвести не могла.

Искусство доказало, что одно токмо украшенной или просвѣщенной науками разумъ не дѣлаетъ еще добраго и прямаго гражданина: но во многихъ случаяхъ паче во вредъ бываетъ, есть ли кто отъ самыхъ нѣжныхъ юности своей лѣтъ воспитанъ не въ добродѣтеляхъ, и твердо оныя въ сердце его не вкоренены; а небреженіемъ того и [illegible] дурными примѣрами привыкаетъ онъ къ мучительству, своевольству, безчестному ласкательству и непослушанію. При такомъ [illegible] смѣло утвердить можно, что прямаго въ наукахъ и художествахъ успѣха, и третьяго чина людей въ государствѣ — ожидать, всуе себя и ласкать.

По сему ясно, что корень всему злу и добру воспитаніе; достигнуть же сего съ успѣхомъ и съ твердымъ исполненіемъ не иначе можно, какъ избравъ средства къ тому служащія и основательныя.

Держась сего неоспоримаго правила, единое только средство остается, то есть: произвести сперва способомъ воспитанія, такъ сказать, новую породу или новыхъ отцовъ и матерей, кои бы дѣтямъ своимъ тѣ же прямыя и основательныя воспитанія правила въ сердце вселить могли, какія получили они сами, и отъ нихъ дѣти предали бы паки своимъ дѣтямъ; и такъ слѣдуя изъ родовъ въ роды въ будущіе вѣки.

Великое сіе намѣреніе исполнить, нѣтъ совсѣмъ иного способа, какъ завести воспитательныя училища для обоего пола дѣтей, которыхъ принимать отнюдь не старѣе, какъ по пятому и по шестому году. Излишно было бы упоминать, что въ тѣ самые годы начинаетъ дитя приходить въ познаніе изъ невѣдѣнія, а еще нерассудительнѣе вѣрить, яко бы по прошествіи сихъ лѣтъ еще можно исправить въ человѣкѣ худой нравъ, чемъ онъ уже заразился, и исправляя его, тѣ правила добродѣтелей твердо въ сердце его вкоренять, кои ему имѣть было потребно.

И такъ о воспитаніи юношества печься должно неусыпными трудами, начиная, какъ выше показано, отъ пятаго и шестаго до семнадцати и двадцати лѣтъ безвыходнаго въ училищахъ пребыванія. Во все же то время не имѣть имъ ни малѣйшаго съ другими сообщенія, такъ что и самые ближніе сродники хотя и могутъ ихъ видѣть въ назначенные дни, но не иначе, какъ въ самомъ училищѣ, и то въ присутствіи ихъ начальниковъ. Ибо неоспоримо, что частое съ людьми безъ разбору обхожденіе внѣ и внутрь онаго весьма вредительно, а наипаче во время воспитанія такого юношества, которое должествуетъ безпрестанно взирать на подаваемые ему примѣры и образцы добродѣтелей.

(Учр. и Уставы Прилож. с. 1—5.)

104. Письма Екатерины II къ смолянкѣ Левшиной.

Переводъ.

1. [illegible] Левушка! Я хотѣла садиться въ карету, когда получила твое пріятное письмо, и намѣрена была ѣхать прямо въ монастырь тебя увидѣть; но [illegible], великой холодъ меня удержалъ; ибо я [illegible] немножко [illegible], но [illegible] и нахожу тебя очень [illegible]. Однакожь въ семь мѣсяцѣ воздухъ въ [illegible] большихъ коридорахъ [illegible]. [illegible] больше

морозы убавятся. я прiѣду на цѣлое послѣобѣденное время присутствовать при всѣхъ вашихъ различныхъ занятiяхъ, ежели мои то позволятъ; ибо и у меня опыя есть. Мой поклонъ всему обществу; обойми за меня, ежели вамъ будетъ то угодно, моихъ самыхъ старинныхъ знакомокъ сѣрыхъ сестрицъ [1]), скажи имъ, что мнѣ прiятно видѣть ихъ успѣхи во всѣхъ родахъ; это мое истинное удовольствiе. Я окажу имъ оное. прiѣхавъ когда нибудь вечеромъ, чтобъ подолѣе насладиться вашимъ обществомъ. — Мое почтенiе госпожѣ Лафонъ [2]), которой вы столько обязаны и которую столь нѣжно любите.

Екатерина.

2. Мнѣ кажется, сударыня. что мнѣ изъ письма вашего надлежитъ вывесть двоякое заключенiе: первое, что вы печальны, когда меня не видите и напротивъ, что вы бываете очень веселы, когда меня видите. Ибо погода наклоняется къ дождю, къ унылости. Путешествiе въ Москву васъ огорчаетъ; признаки того видѣла я въ послѣднее наше свиданiе. а потому увернулась, чтобы избѣжать злой пословицы, которая говоритъ: ежели одна женщина плачетъ, всѣ другiя сдѣлаютъ тоже. Смотри, какъ свѣтъ не справедливъ и какъ насмѣхается надъ нашею чувствительностiю. Однакожъ, сударыня, не плачьте о томъ, что меня годъ не увидите. Когда я возвращусь, и когда придетъ срокъ, я возьму тебя къ себѣ, и тогда смотри на меня досыта, и ворчи какъ придворная сорока. Поклонись г-жѣ Лафонштѣ, пожелай скораго возстановленiя ея здоровья. Я желаю благополучiя тѣлеснаго и душевнаго всѣмъ монастыркамъ. Замѣть. ежели угодно. что хотя я пишу не такъ хорошо, какъ ты, однакожъ лучше наблюдаю орфографiю.

Екатерина.

(«Русскiй Архивъ» 1870 г., с. 530—540)

185. В. О. Ключевскiй. Люди XVIII вѣка.

Предки Онѣгина.

Да, Онѣгинъ не былъ печальною случайностью, печаянною ошибкою: у него была своя генеалогiя, свои предки, которые наслѣдственно изъ рода въ родъ передавали приобрѣтаемые ими умственные и нравственные вывихи и искривленiя...

Прадѣда нашего героя надобно искать во второй половинѣ XVII вѣка, около конца Алексѣева царствованiя. въ томъ промежуточномъ слоѣ дворянскихъ фамилiй, который вѣчно колебался между столичною знатью и провинцiальнымъ рядовымъ дворянствомъ. Отецъ этого прадѣда, какой-нибудь Нелюбъ-Злобинъ, сынъ такой-то, былъ еще нетронутый служака вполнѣ стараго покроя: онъ изъ года въ годъ ходилъ въ походы посторожить какую-нибудь границу отечества съ пяткомъ вооруженныхъ холоповъ, по временамъ получалъ неважныя воеводства, чтобъ умѣреннымъ кормомъ пополнить оскудавшiе отъ походовъ животы, а на частныхъ дѣловыхъ его бумагахъ вмѣсто его подписи ставилась помѣта. что отецъ его духовный, попъ Иванъ, въ его. Нелюбово. мѣсто руку приложилъ, затѣмъ. что онъ, Нелюбъ, грамотѣ не умѣетъ.

Его сына ждала менѣе торная дорога. За бойкость его съ 15-ти лѣтъ зачислили въ солдатскiй полкъ новаго иноземнаго строя, подъ команду нѣмецкихъ офицеровъ, за понятливость взяли въ подъячiе, за любознательность отдали въ Спасскiй монастырь, на Никольской, въ Москвѣ, къ ученому Кiевскому старцу «учиться по латынямъ». Съ кислою гримасой принимался онъ за «грамматичное ученье» и то твердилъ по ходячимъ въ то время словарькамъ исковерканныя и вавилонски перемѣшанныя греческiя и польско-латинскiя вокабулы, написанныя русскими литерами: *ликосъ*—волкъ, *лупа*—волчица, *спириды*—лапти, *офира*—молебенъ, *препоситъ*—бояринъ, *цекжаръ*—пиво; то въ ужасѣ отъ мысли, что все это—ляхо-латинская ересь, неистово рвалъ свою грамматику и бѣжалъ къ туземнымъ благочестивымъ старцамъ каяться въ соблазнѣ, но, успокоенный батогами, снова принимался твердить: *онагръ*—дикiй оселъ, *преторъ* —губная изба, *фулгуръ*—молнiя, *скандализи мя*—соблазняютъ мя. Кiевскiй старецъ заставлялъ молодого подъячего читать переводныя космографiи. внушалъ ему католическiя мнѣнiя о пресуществленiи св. даровъ и объ исхожденiи св. духа, обучалъ его польской рѣчи и искусству слагать хитрыя вирши.

Набожный выученикъ, успѣшно пробѣгая служебный путь, старался сдѣлать благочестивое употребленiе изъ усвоеннаго иноземнаго искусства и на досугѣ перелагалъ въ неуклюжiя вирши акафистъ пресв. богородицѣ или церковныя пѣснопѣнiя о страстяхъ Христовыхъ. Но время шло, разгоралась Петровская реформа, и чиновнаго латиниста съ его виршами и всею грамматичною мудростью назначили комиссаромъ для прiема и отправки въ армiю солдатскихъ сапогъ. Тутъ-то, разглядывая сапожные швы и подошвы и помня

[1]) Такъ называютъ дѣвицъ, состоящихъ въ третьемъ возрастѣ, кои носятъ платье сѣраго цвѣта.
[2]) Начальницѣ.

государеву дубинку, онъ впервые почувствовалъ себя неловко со своимъ грузомъ кіевской учености и со вздохомъ спрашивалъ: зачѣмъ это кіевскій нехай, учившій меня строчить вирши, не показалъ мнѣ, какъ шьютъ кожаные солдатскіе епанчи?

Дѣти этого меланхолическаго комиссара уже подпадали подъ дѣйствіе закона 1714 г. объ обязательномъ обученіи дворянства, учились въ цифирной школѣ мѣстнаго архіерейскаго дома, женились, отцами семействъ являлись на царскіе смотры дворянскихъ недорослей и по разбору компаніями, покидая женъ, отправлялись за море для науки подъ наблюденіемъ комиссара съ инструкціей, въ которой за нерадѣніе «рукою самаго монарха писанъ престрашный гнѣвъ и безо всякія пощады превеликое бѣдство». Эти компаніи разсѣивались по всѣмъ важнымъ приморскимъ городамъ Западной Европы: Амстердаму, Венеціи, Марсели, Кадиксу и проч. Въ «заграничныхъ академіяхъ» ихъ обучали математикѣ, «экипажеству» и механикѣ, наукамъ философскимъ и дохтурскимъ», но особенно «мореходскимъ и сухопутскимъ», навигаціи, инженерству, артиллеріи, «черченію мачтановъ», боцманству, артикулу солдатскому, танцовать, на шпагахъ биться, на лошадяхъ ѣздить. За границей русскіе навигаторы бѣгали съ учебной службы, спасаясь въ монастыри на Афонской горѣ, должали, посѣщали австеріи и «редуты», т.-е. игорные дома, дрались тамъ и убивали одинъ другого, а къ роднымъ въ Россію слали письма, жалуясь на нищету и разлуку, на то, что наука опредѣлена имъ самая премудрая и хотя бы пришлось имъ всѣ дни живота своего на тѣхъ наукахъ себя трудить, и все-таки имъ не выучиться; что они на разныя науки ходятъ, да безъ дѣла сидятъ, потому что языковъ иноземныхъ не разумѣютъ и «незнамо учиться языка, незнамо—науки». Навигаторы молили родныхъ походатайствовать за нихъ у кабинетъ-секретаря Макарова или у самого генералъ-адмирала Апраксина взять ихъ въ Москвѣ и опредѣлить хотъ бы послѣдними рядовыми солдатами, или хотя бы въ тѣхъ же европейскихъ краяхъ быть, но обучаться какой-нибудь наукѣ сухопутской, только бы не мореходству.

Въ числѣ этихъ навигаторовъ оказался, и даже не одинъ, прямой наслѣдникъ неудачи нашего сапожнаго комиссара, его собственный *сынъ* или чужой—это все равно. Поступивъ солдатомъ въ гвардейскій Преображенскій полкъ, онъ учился въ военной академіи въ Петербургѣ и во время второй беременности жены, въ концѣ царствованія преобразователя, былъ посланъ въ Голландію, забѣжалъ передъ отъѣздомъ къ доброй императрицѣ, которая «на всякую нужду» дала ему 5 червонныхъ, около 100 р. на наши деньги; въ Амстердамѣ учился лучше многихъ и преимущественно дѣльнымъ наукамъ, которые наиболѣе цѣнилъ преобразователь, даже рапортовалъ мѣстному русскому послу, что отказывается отъ шпажнаго и танцовальнаго ученья «понеже оно къ службѣ его величества угодно быть не можетъ»; вернувшись въ Петербургъ, успѣшно сдалъ экзаменъ членамъ адмиралтейской коллегіи, опредѣлился къ дѣламъ, служилъ усердно, чая воздаянія, и тутъ впервые замѣтилъ, что времена перемѣнились.

Великаго императора уже не было въ живыхъ. Навигацкія науки уступили мѣсто инымъ вкусамъ. Въ Петербургѣ высшее общество дорого платило нѣмцу за то, что «въ барабанъ билъ и на головѣ стоялъ», и нашъ навигаторъ, попавъ въ общество своихъ сверстниковъ, очутился между двухъ огней. Одни послѣ Петра, заболѣвшіе тоской по родной старинѣ, встрѣтили его насмѣшками и ругательствами за «европейскій обычай», привезенный имъ изъ Голландіи; другіе, одержимые вожделѣніемъ къ новизнѣ, преслѣдовали его кличками неуча, деревенскаго мужика; за недостаточный запасъ европейскаго обычая, имъ привезенный, за незнаніе моднаго катехизиса, которымъ вмѣнялось благородному шляхтичу въ обязанность то самое шпажное и танцовальное искусство, которое онъ считалъ безполезнымъ; предписывалось намѣренія свои скрывать, губъ рукой не утирать, въ сапогахъ не танцовать, встрѣчному знакомому пріятнымъ образомъ шляпу снимать за три шага, ни ближе, ни дальше, и глядѣть на него весело и пріятно, съ благообразнымъ постоянствомъ. Къ тому же ближайшіе сотрудники Петра скоро перегрызлись. На ихъ мѣста явились невѣдомые люди изъ Митавы и Германіи, алчные, подозрительные и жестокіе. Отъ нихъ пострадалъ и нашъ навигаторъ. Разъ на Святкахъ онъ отказался нарядиться и вымазаться сажей. За это его на льду Невы раздѣли до-нага, нарядили чортомъ и въ очень прохладномъ костюмѣ заставили простоять на часахъ нѣсколько часовъ: онъ захворалъ горячкой и чуть не умеръ. Въ другой разъ, за неосторожное слово про Бирона, его послали въ Тайную канцелярію къ Ушакову, который его пыталъ, билъ кнутомъ, вывертывалъ ему лопатки, гладилъ по спинѣ горячимъ утюгомъ, забивалъ подъ ногти раскаленныя иглы и калѣкой отпустилъ въ деревню, гдѣ онъ при

малѣйшемъ промахѣ дворовыхъ выходилъ изъ себя и, топоча ногами, безконечно повторялъ: «ахъ вы растрепанные, растрепанные, не пытанные, не ученые и не наказанные!» Впрочемъ онъ былъ добрый баринъ, рѣдко наказывалъ своихъ провинившихся, читалъ вслухъ себѣ самому Квинта Курція *Жизнь Александра Македонскаго* въ подлинникѣ, занимался астрономіей, водилъ комнатную прислугу въ красныхъ ливреяхъ и напудренныхъ волосахъ; страдая безсонницей, съ гусинымъ крыломъ въ рукѣ самъ выгонялъ по ночамъ сатану изъ своего дома, окуривая ладаномъ и кропя святою водою нечистыя мѣста, гдѣ онъ могъ пріютиться, пѣлъ и читалъ въ церкви на клиросѣ, дома ежедневно держалъ монашеское келейное правило, но дружно жилъ съ женой, которая подарила ему 18 человѣкъ дѣтей, и, наконецъ, на 86 году умеръ отъ апоплексическаго удара. Однако привезенныя имъ изъ Голландіи математическія и навигацкія познанія остались безъ употребленія. Къ русской дѣйствительности этотъ ученый русскій служака сталъ какъ-то криво, нечаянно и больно ушибся головой объ ея уголъ и безъ особенной пользы, хотя и безъ вреда, всю остальную жизнь коптилъ небо, созерцая звѣзды.

Отцы Онѣгиныхъ начинали свое воспитаніе при Елизаветѣ, кончали его или начинали службу въ царствованіе Екатерины II и доживали свой вѣкъ при Александрѣ I. Ихъ дѣтство протекало подъ впечатлѣніями веселой свѣтской жизни, получившей «свое основаніе» подъ покровомъ доброй и умной дочери Петра. То было время отдыха отъ ужасовъ бироновщины; тогда «началъ развиваться въ обществѣ тонкій вкусъ во всемъ, и самая нѣжная любовь, подкрѣпляемая нѣжными и въ порядочныхъ стихахъ сочиненными пѣсенками, тогда получила первое надъ молодыми людьми свое господствіе». Молодые дворяне, хорошо пристроенные въ столицѣ, 5—6-ти лѣтъ записанные въ гвардейскій полкъ рядовыми, лѣтъ 15-ти производились въ офицеры, допускались на французскія комедіи, дважды въ недѣлю дававшіяся на придворномъ театрѣ, бывали на дѣтскихъ балахъ, гдѣ въ присутствіи императрицы, танцовало паръ по 50 дѣтей, строго выдерживая всѣ attitudes (позы) взрослыхъ господъ и госпожъ, участвовали въ вельможескихъ балъ-маскарадахъ, длившихся по 48 часовъ сряду, привѣтствовали русскихъ барышень, которые привозили изъ Лондона и вводили въ Петербургѣ англійскіе контрадансы и [illegible] становились героинями столичнаго свѣта. Изъ сферы веселыхъ лицъ и рѣчей они нечувствительно переносились въ сферу пріятныхъ книгъ и идей. Законъ 1714 г. не прошелъ безслѣдно. Правда, теперь уже не требовалась петровская военно-техническая выучка; любимая навигацкая наука преобразователя упала при его дочери, не любившей моря, кадетовъ шляхетскаго корпуса на цѣлыя недѣли отрывали отъ учебныхъ занятій, заставляя ихъ разучивать и играть новую трагедію Сумарокова. Но обязательное обученіе, не давая значительнаго запаса научныхъ свѣдѣній, пріучало къ процессу выучки, дѣлало ее привычною сословною повинностью, а потомъ свѣтскимъ приличіемъ и даже возбуждало нѣкоторый аппетитъ къ знанію. Дворянинъ мало учился съ охотой тому, что требовалось по узаконенной программѣ; но онъ привыкалъ учиться чему-нибудь, хотя обыкновенно выучивался не тому, что требовалось по программѣ. Къ 6-лѣтнему гвардейцу выписывали сперва изъ Берлина madame Рюино, потомъ изъ Парижа м-ль Берже подороже, наконецъ, мосье Рау, еще дороже, потому что онъ не только могъ преподавать французскій языкъ, «но и въ томъ, что называется belles lettres[1]) былъ гораздо свѣдущъ». Отецъ выписывалъ для сына изъ Голландіи, пріюта французскихъ мыслителей, библіотеку, довольно хорошо подобранную изъ лучшихъ французскихъ поэтовъ и историковъ, и лѣтъ 12-ти гвардейскій сержантъ уже осваивался съ Расиномъ, Корнелемъ, Буало и даже съ самимъ Вольтеромъ.

Въ царствованіе Екатерины онъ подходилъ къ самымъ источникамъ свѣта. По желанію самой императрицы онъ посѣщалъ фернейскій скитъ Вольтера съ толпою другихъ молодыхъ офицеровъ, «нарочно ѣздившихъ видѣть философа и слушать его разговоры, не мино- [illegible] молодыхъ людей», какъ тогда звали Парижъ питомцы петровской школы, бывалъ на ужинахъ, гдѣ два философа, три dames d'esprit[2]), одинъ еврей, одинъ капелланъ съ православнымъ секретаремъ русскаго посла и съ швейцарскимъ капитаномъ—кальвинистомъ часа по четыре сыпали остротами, разсказывали анекдоты, разсуждая о безсмертіи души, о предразсудкахъ, о всевозможныхъ вопросахъ науки, морали и эстетики. По возвращеніи въ Россію, покинувъ службу въ гвардіи, онъ занялъ административную должность, но не могъ привыкнуть къ дѣламъ, переѣхалъ въ свою губернію; задумавъ служить по выборамъ, былъ выбранъ въ дворянскіе засѣдатели совѣстнаго суда, но соску-

[1]) Литература.
[2]) Умницы.

чился, дожидаясь дѣлъ, которыхъ въ три года поступало [illegible] одного: [illegible] ствомъ, но только собою [illegible] щаго и старику; хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, пожить весело, окружалъ себя шутами и шутихами, составлялъ себѣ вольерную свиту изъ арабовъ, башкиръ и калмыковъ, потчевалъ гостей честными обѣдами, баловался псовою охотой съ дворовою музыкой и цыганскою пляскою и, наконецъ, [illegible] въ долговую книгу, махнувъ на все рукою, окончательно переселился въ деревню доканчивать давно начатую и сложную работу изолированія себя отъ русской дѣйствительности. Здѣсь онъ грозно нахмуривъ брови, уединился въ своемъ кабинетѣ—

Съ печальной думою въ очахъ,
Съ французскою книжкою въ рукахъ.

Съ этою книжкою въ рукахъ, гдѣ-нибудь въ глуши Тульской или Пензенской губерніи, онъ представлялъ собою очень странное явленіе. Усвоенныя имъ манеры, привычки, симпатіи, понятія, самый языкъ,—все было чужое, привозное, все влекло его въ заграничную даль, а дома у него не было никакой органической связи съ окружающимъ, не было никакого житейскаго дѣла, которое онъ считалъ бы серьезнымъ. Онъ принадлежалъ къ сословію, которое, держа въ своихъ рукахъ огромное количество главныхъ производительныхъ силъ страны, земли и крестьянскаго труда, было могущественнымъ рычагомъ народнаго хозяйства; онъ входилъ въ составъ мѣстной сословной корпораціи, которой предоставлено было широкое участіе въ мѣстномъ управленіи. Но свое сельское хозяйство онъ отдавалъ въ руки крѣпостнаго приказчика или наемнаго управляющаго-нѣмца, а о дѣлахъ мѣстнаго управленія не считалъ нужнымъ и думать; вѣдь на то есть выборные предводители и исправники.

Такъ ни сочувствія, ни интересы, ни воспоминанія дѣтства, ни даже сознаніе долга не привязывали его къ средѣ, его окружавшей. Съ дѣтства, какъ только онъ сталъ себя помнить, онъ дышалъ атмосферою, пропитанною развлеченіемъ, изъ которой обязанности, забавы и приличія выкурили самый запахъ труда и долга. Всю жизнь помышляя о европейскомъ обычаѣ, о просвѣщенномъ обществѣ, онъ старался стать своимъ между чужими и только становился чужимъ между своими. Въ Европѣ видѣли въ немъ переодѣтаго по-европейски татарина, а въ глазахъ своихъ онъ казался родившимся въ Россіи французомъ. Въ этомъ положеніи культурнаго межеумка, исторической ненужности было много трагизма, и мы готовы жалѣть о немъ, [illegible] ему должно было становиться очень тяжело чувствовать себя въ такомъ положеніи. Некоторые, дѣйствительно, не выносили его и пускали себѣ пулю въ лобъ; но это были рѣдкіе люди, которымъ не удавалось уединить себя отъ дѣйствительности, которые не умѣли заживо бальзамировать себя, чтобы защитить свое мертворожденное міросозерцаніе отъ разрушительнаго дѣйствія времени и свѣжаго воздуха. Большинству людей этого рода удавалась операція такого бальзамированія довольно легко, безъ мучительныхъ кризисовъ, безъ потугъ, тоски и даже скуки. Заурядный екатерининскій вольнодумецъ оставался добръ и веселъ, не скучалъ и не тосковалъ. Тосковать будетъ его сынъ при Александрѣ I въ лицѣ Чацкаго, а скучать—его внукъ въ лицѣ Печорина при Николаѣ I. Когда наступила пора серьезно подумать объ окружающемъ, они начинали размышлять о немъ на чужомъ языкѣ, переводя туземныя русскія понятія на иностранныя рѣченія, съ оговоркой, что хоть это не то же самое, но похоже на то, нѣчто въ томъ же родѣ. Когда всѣ русскія понятія съ такою оговоркою и съ большею или меньшею филологическою удачей были переложены на иностранныя рѣченія, въ головѣ переводчика получался кругъ представленій, не соотвѣтствовавшихъ ни русскимъ, ни иностраннымъ явленіямъ. Русскій мыслитель не только не достигалъ пониманія родной дѣйствительности, но и терялъ самую способность понимать ее. Ни на что не могъ онъ взглянуть прямо и просто, никакого житейскаго явленія не умѣлъ ни назвать его настоящимъ именемъ, ни представить его въ настоящемъ видѣ, и не умѣлъ представить его, какъ оно есть, именно потому, что не умѣлъ назвать его, какъ слѣдуетъ.

Въ суммѣ такихъ представленій русскій житейскій порядокъ являлся такою безотрадною безсмыслицей, наборомъ такихъ вопіющихъ нелѣпостей, что наиболѣе впечатлительные изъ людей этого рода, желавшіе поработать для своего отечества, проникались «отвращеніемъ къ нашей русской жизни». Ихъ собственное будущее становилось имъ противно по своей бездѣльности, и они предпочитали «бытію переходъ въ ничто». Но это были рѣдкіе случаи. Большинство, болѣе разсудительное и менѣе нервное, умѣло обходить этотъ критическій моментъ и отъ непониманія переходило прямо къ равнодушію. Очутившись при помощи своеобразнаго метода изученія родной земли между двумя житейскими порядками, въ какомъ-то пустомъ про-

странствѣ, гдѣ нѣтъ исторіи, русскій мыслитель удобно устроялся на этой центральной полосѣ между двумя мірами, пользуясь благами обоихъ, получая крѣпостные доходы съ одной стороны, умственныя и эстетическія подаянія—съ другой. Поселившись въ этой уютной пустынѣ, природный сынъ Россіи, подкинутый Франціи, а въ дѣйствительности человѣкъ безъ отечества, какъ называли его жившіе тогда въ Россіи французы, онъ холодно и просто рѣшалъ, что порядокъ въ Россіи есть assez immoral [1]), потому что въ ней il n'y a presque aucune opinion publique [2]), и думалъ, что этого вполнѣ достаточно, что игнорировать все, что дѣлалось въ Россіи. Такъ познаніе вело къ равнодушію, а равнодушіе приводило къ пренебреженію. Чтобъ оправдать это пренебреженіе къ отечеству, онъ загримировывался миной мірового безстрастія, мыслилъ себя гражданиномъ вселенной, космополитизируя такимъ образомъ очень и очень доморощенный продуктъ, какимъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ. Такъ онъ создавалъ себѣ «своевольное и пріятное существованіе». Вольныя мысли, которыя онъ черпалъ изъ привозныхъ книгъ, разсѣивали его житейскія огорченія, сообщали блескъ его уму, украшали его рѣчь, даже порой потрясали его нервы: космополитическій индифферентизмъ не мѣшалъ литературной впечатлительности, не подавлялъ воспитанной чувствительными романсами временъ Сумарокова наклонности къ отвлеченнымъ, безпредметнымъ восторгамъ. Быть можетъ, никогда культурный русскій человѣкъ не плакалъ такъ легко и охотно даже отъ хорошихъ словъ, какъ во второй половинѣ прошлаго вѣка,—плакалъ и только. Эстетическіе восторги и стереотипные философскія слезы были только патологическими развлеченіями, нервнымъ моціономъ, но не отражались на волѣ, не становились нравственными мотивами. Вольномыслящій тульскій космополитъ съ увлеченіемъ читалъ и перечитывалъ страницы о правахъ человѣка рядомъ съ русской крѣпостною дѣвичьей и, оставаясь гуманистомъ въ душе, шелъ въ конюшню расправляться съ досадившимъ ему холопомъ. Культурно-психологическій курьезъ, онъ ждетъ руки художника; но, какъ передаточный пунктъ идей и преданій, какъ посредникъ «двухъ вѣковъ», готовыхъ поссориться, онъ занимаетъ видное мѣсто и въ исторіи нашего общества.

(«Очерки и рѣчи» Ключевского. Евгеній Онѣгинъ и его предки, стр. 73, 75—84.)

[1]) Довольно безнравственный.

[2]) Почти вовсе нѣтъ общественнаго мнѣнія.

XII. Дворянство и монархія.

186. Изъ записокъ кн. Ф. Н. Голицына о началѣ царствованія Павла I.

(Екатерина II) скончалась апоплексическимъ ударомъ 6 ноября 1796 года. Къ государю, находившемуся тогда въ Гатчинѣ, послали тогда гр. Николая Зубова донести, что императрица совсѣмъ безъ надежды и въ крайней опасности. Государь однакожъ ее засталъ хотя дышащую, но уже совершенно безъ памяти. Какъ скоро она скончалась, онъ велѣлъ сказать князю Өеодору Барятинскому, бывшему оберъ-гофмаршаломъ, что онъ отставленъ. Все чрезъ сутки приняло совсѣмъ новый видъ. Перемѣна мундировъ въ полкахъ гвардіи, вахтъ-парады, новыя правила въ военномъ ученіи; однимъ словомъ, кто бы за недѣлю до того уѣхалъ, по возвращеніи ничего бы не узналъ, что со мною и случилось по моемъ пріѣздѣ изъ Москвы. Дворецъ какъ будто обратился весь въ казармы: внутренніе пикеты, безпрестанно входящіе и выходящіе офицеры съ повелѣніями, съ приказами, особливо поутру. Стукъ ихъ сапоговъ, шпоръ и тростей, все сіе представляло совсѣмъ новую картину, къ которой мы не привыкли. Тутъ уже тотчасъ было примѣтно, сколь государь страстно любилъ все военное, а особливо точность и аккуратность въ движеніяхъ, слѣдуя отчасти правиламъ Фредерика, короля Прусскаго...

(«Р. Арх.» 1874, кн. 1, с. 1305 сл.)

187. Частное письмо о первыхъ дняхъ царствованія императора Павла I [1]).

1796 года. Ноября 7-го дня.

... Кончина вамъ уже известна ея величеству государыне Екатерине Алексеевне и о вступленіи на всероссійскій престолъ государя императора Павла 1-го. По повелѣнію его величества назначено перенесеніе тѣла по-

[1]) Печатается с соблюденнем орфографии подлинника.

койнаго государя Петра Өеодоровича изъ Невскаго монастыря въ Петропавловскій соборъ для погребенія съ ея величествомъ, и во дворцѣ сего ноября съ 15 дня допускаемы будутъ всякаго званія люди прощатца, опричь мужиковъ. Учреждена для церемоніи печальная коммисія, въ коей присутствуетъ Есиповъ и отъ насъ въ сей коммисіи чиновники и иныя чины, въ томъ числе дядя Никита, въ Сенатъ съ сыномъ отряжено. Гвардія въ чинахъ уничтожена; гвардіи капитаны въ отставку выпущены будутъ арміи майорами, такъ и прочія чины по порядку. Сержантовъ не будетъ, а въ каждой роте одинъ фельдфебель, и будутъ унтеръ-офицеры и все какъ оберъ, такъ и все сержанты и унтеръ-офицеры; сверхкомплектные и недоросли исключены. Будутъ мундиры гвардіи перемѣнены на иной прусской, и, сказываютъ, все войско по прежнему обмундировано будетъ въ длинныя стриженныя волосы. У гвардіи офицеровъ виски обрезаны, и косы привязаны къ затылку по плотнее. Тарифъ отмененъ, а изданъ будетъ новой. Какъ поговариваютъ, что съ привозимыхъ товаровъ пошлина унизится, а съ отвозимыхъ увысится. Гвардіи офицерамъ не ѣздить въ шесть и четыре лошади, а парою, да и то въ саняхъ. Тоже примѣтно, что все гвардейскія офицеры, не доезжая дворца, выходятъ изъ каретъ и шествуютъ пешкомъ ко дворцу. Какъ лейбъ-кирасиры, казаки и гусары, также и батальоны морскія, которыя въ команде находятся у его величества, и лейбъ-гренадеры прозравлены лейбъ-гвардіею. Кавалергардамъ всѣмъ позволена отставка въ армейскіе полки и къ статской службе, и на мѣсто ихъ будутъ изъ дворянъ набрано 800 человѣкъ унтеръ-офицеровъ; учить будетъ его величество артикулу и екзерцициямъ. Его же величество каждой день бываетъ при разводе со своимъ батальономъ и гвардіей и со всякимъ офицеромъ очень ласково обходится и жалуетъ отличныхъ при всемъ собраніи и разводе крестами, и къ народу очень ласковъ, даже не велитъ отгонять отъ себя. Естли же межъ тѣмъ итти ему, а притеснится народъ къ нему, сниметъ шляпу и въ которую сторону итти надобно будетъ, поклонится оному народу, который безъ отгоненія даетъ дорогу поспѣшно. Въ городе же съ 10 часа вечера ночь должна быть, и чтобы въ публичныхъ собраніяхъ разъезжалися и нигдѣбъ не были компаніи. А ночью ходящіе откликаются часовымъ своимъ именемъ и чиномъ, а не солдатомъ. А на нашу канцелярію пожаловалъ 5000 душъ, какъ въ положенномъ регистрѣ видеть можете. Черноморское адмиралтейское правленіе присоединено къ адмиралтейскую коллегію въ управленіе. Ожидаютъ еще великихъ перемѣнъ, что будетъ и впредь же. Въ Сенате еще не изволилъ быть, а обѣщался и какая перемена будетъ, уведомить васъ въ свободное время не умедлю.

(П. Бартеневъ. XVIII вѣкъ. III. с. 419 — 420.)

---

188. Изъ приказовъ императора Павла I.

По Шиману и Бриккеру.

...Извѣстный русскій военный писатель Михайловскій-Данилевскій выбралъ въ 1820 г. изъ дѣлъ русскаго военнаго министерства приказы по арміи, отданные Павломъ въ теченіе своего царствованія. Получается слѣдующая яркая картина:

8-го января. Выговоръ двумъ генераламъ за то, что они проводили на судѣ неправильный взглядъ.

3-го марта. Генералъ-лейтенантъ Стояновъ исключенъ изъ службы за пьянство.

4-го марта. 7 генералъ-лейтенантовъ и 28 генералъ-майоровъ уволены отъ службы.

7-го марта. 1 полный генералъ, 8 генералъ-лейтенантовъ и 22 генералъ-майора получаютъ отставку.

8-го марта. 2 полныхъ генерала, 1 генералъ-лейтенантъ и 7 генералъ - майоровъ увольняются въ отставку.

Генералъ отъ кавалеріи Денисовъ исключается изъ службы за проволочку одного дѣла.

Около этого же времени начинается рядъ приказовъ, направленныхъ противъ Суворова.

20-го марта. Генералиссимусъ князь Суворовъ, вопреки дѣйствующему предписанію, имѣлъ при своемъ корпусѣ по прежнему обычаю постояннаго дежурнаго генерала, о чемъ съ порицаніемъ сообщается къ свѣденію всей арміи.

22-го марта. е. и. вел. съ крайнимъ неудовольствіемъ замѣчаетъ по возвратившимся полкамъ, какъ мало господа инспектора и начальники употребили стараній на то, чтобы удержать отрядъ въ желательномъ для его величества порядкѣ, и видитъ въ этомъ, какъ мало усердія они прилагаютъ къ исполненію его воли и къ службѣ.

17-го апрѣля. Сынъ Суворова, произведенный во время похода въ Италію въ генералъ-адъютанты, назначается снова камергеромъ.

25-го апрѣля. У князя Суворова приказано отнять адъютанта.

Его величество замѣчаетъ по присланнымъ изъ полковъ въ гвардію солдатамъ, что во многихъ полкахъ люди имѣютъ выправку, болѣе

похожую на кулачный бой, тѣмъ неприте- [illegible] майоръ Угрюмъ(?), [illegible] что отъ нихъ невозможно было добиться.

8-го апрѣля. Семь полковъ, потерявшіе свои знамена, должны быть лишены [illegible] значекъ.

2-го мая. Штабсъ-капитанъ Кирпичниковъ исключается изъ службы, приказано прогнать его сквозь строй и дать ему тысячу шпицрутеновъ [1]).

26-го мая. Генералъ-лейтенантъ Гагемейстеръ исключается изъ службы, какъ негодяй.

Вообще, въ теченіе первыхъ 8 мѣсяцевъ этого года,—продолжаетъ Михайловскій-Данилевскій,—императоръ сдѣлался еще строже, чѣмъ обыкновенно, такъ что каждый указъ содержитъ въ себѣ выговоры и увольненія, сопровождающіеся крайне бранными словами; кто, напримѣръ, повѣритъ собственнымъ глазамъ, читая въ приказѣ отъ 10-го августа: генералъ-майоръ Михельсонъ исключается изъ службы за то, что онъ, судя по свѣту, глупъ и недостоинъ своего званія. Однако 4-го сентября онъ былъ опредѣленъ снова. Въ числѣ прочихъ въ этомъ году были исключены Дохтуровъ, Ламбъ и храбрый въ сраженіи при Тарутинѣ храбрый Багговутъ,—послѣдній за то, что называлъ юнкеровъ прапорщиками.

9-го августа. Выговоръ войскамъ за маневры. Въ приказѣ говорится, что, очевидно, подобное непослушаніе и небрежность и вызвали потерю сраженій въ Швейцаріи и Голландіи.

10-го августа, е. и. вел. ставитъ на видъ генераламъ финляндской инспекціи, что имъ далеко даже до посредственныхъ генераловъ, и если они не дойдутъ до нихъ, то, конечно, обязательно будутъ побиты всѣми и каждымъ. и т. д...—

Свѣчину было поручено 16/28-го сентября 1800 г. объявить къ исполненію и съ угрозой тяжкихъ наказаній слѣдующіе старые приказы императора.

1798-го года. Запрещеніе являться въ [illegible]. Запрещено носить [illegible] 4 [illegible]. Запрещеніе [illegible] съ [illegible] и [illegible] саней, а также высокихъ галстуковъ. Портнымъ воспрещается подъ страхомъ наказанія обработка не вымоченнаго сукна, а лакеямъ и кучерамъ ношеніе перьевъ. Разрѣшеніе ѣздить по городу на дрожкахъ. Запрещеніе носить шубы всѣмъ состоящимъ на службѣ и отставнымъ офицерамъ, запрещеніе [illegible] шапокъ.

1799-го года. Запрещеніе танцовать вальсъ. Запрещеніе носить тупей, свѣшивающійся на лобъ. Дамамъ воспрещается надѣвать черезъ плечо пестрыя ленты, похожія на орденскія. Молодые люди должны всюду снимать шляпу передъ старшими. Воспрещается ношеніе короткихъ локоновъ. Маленькія дѣти не должны являться на улицѣ безъ надзора. Цвѣточные горшки могутъ стоять на окнахъ только за рѣшеткой. Никто не долженъ носить бакенбардовъ. Запрещаются цвѣтные воротники и обшлага. Въ театрахъ должны соблюдаться тишина и порядокъ. Кучера и форейторы не должны кричать при ѣздѣ. Всѣ ремесленники должны соблюдать срокъ, если берутъ заказъ. Женщинамъ воспрещено носить синія юбки съ бѣлыми блузами и открытымъ воротомъ. Каждый отъѣзжающій долженъ быть три раза названъ въ газетахъ.

1800-го года. При проѣздѣ императора каждый ѣдущій или идущій долженъ остановиться. Общественныя собранія не должны называться клубами. Штабъ и оберъ-офицеры должны срѣзать конецъ косички и не оставлять его висѣть. Никто не долженъ играть въ запрещенныя игры. Дворовыя собаки не должны выпускаться на улицу, а остальныя должны носить особые значки. Кто имѣетъ ордена на шубѣ, шинели и т. п., долженъ надѣвать звѣзды. Никто не долженъ ѣздить цугомъ болѣе, чѣмъ въ 2 или 4 лошади. Никто не долженъ возить съ собой курьера. Ни одинъ портной не долженъ шить мундировъ съ высокими воротниками. Никто не долженъ ѣздить быстро. Никто изъ гражданскихъ чиновъ, состоящихъ на государственной службѣ, не имѣетъ права носить ботфорты. Запрещеніе рукоплескать въ театрѣ, пока императоръ не подастъ къ тому знака. Разрѣшеніе гражданскимъ чинамъ носить лакированные сапоги.

24 августа 1800-го года. Свѣчинъ получилъ приказаніе задержать въ русскихъ портахъ всѣ англійскіе корабли и наложить арестъ на всѣ англійскіе гавани(?), а 30-го приказъ освободить и тѣ и другіе.

[1]) Михайловскій-Данилевскій пропустилъ нѣсколько аналогичныхъ приговоровъ Павла. 26 апрѣля 1800 г. лейтенантъ гвардіи Грузиновъ, И. О., наказанъ плетью, а 5 сентября того же года Е. О. Грузиновъ засѣченъ плетью на смерть въ Старочеркасскѣ [illegible]. За измѣну намъ и Россіи,—говорится въ указѣ отъ 26 августа,—лишить его чиновъ и дворянства, бить кнутомъ нещадно и отобрать имущество въ пользу казны. В чемъ заключалась его измѣна, такъ и не удалось установить. Лейтенантъ Акимовъ, по отрѣзаніи языка, былъ сосланъ въ Сибирь за эпиграмму на постройку Исаакіевскаго собора. (Прим. автора.)

13-го октября ему было поручено выслать изъ Петербурга всѣхъ ненужныхъ — крестьянъ, и т. д.

(Шиманъ и Брикнеръ. Смерть Павла I, 17—21.)

---

189. Павелъ I и дворянство.

(По М. Клочкову.)

Относительно службы въ жалованной грамотѣ дворянства въ ст. 17 и 18 говорится: «Подтверждаемъ на вѣчныя времена въ потомственные роды россійскому благородному дворянству вольность и свободу». «Подтверждаемъ благороднымъ, находящимся на службѣ, дозволеніе службу продолжать и отъ службы просить увольненія по сдѣланнымъ на то правиламъ». Изъ этихъ двухъ статей Павелъ сначала направилъ удары противъ второй, стѣсняя свободу дворянина выходить въ отставку по собственному желанію. Неодобрительно смотря на всѣхъ, кто хотѣлъ бы избѣжать государственной службы, въ особенности военной, Павелъ прежде всего затруднилъ способы, благодаря которымъ можно было выйти въ отставку. Такъ, если кто просилъ отставки въ неположенный срокъ и не выполнивъ закономъ предписанныхъ условій, то онъ такимъ лицамъ отставки не давалъ, а иногда даже наказывалъ за подобную просьбу. Былъ затрудненъ выходъ въ отставку офицерамъ. Такъ, указомъ 6-го октября 1799 года офицеры, которые не выслужили болѣе года въ офицерскомъ званіи, предупреждались, что если они «будутъ просить объ увольненіи отъ службы», то «будутъ исключены изъ оной наравнѣ съ прапорщиками, за лѣнь». Это была чувствительная угроза, удерживавшая офицеровъ на службѣ, такъ какъ исключенные изъ службы теряли право на полученіе должности по гражданскому вѣдомству или по выборамъ. Затѣмъ, 12-го апрѣля 1800 года, послѣдовалъ указъ, который не въ меньшей степени затруднялъ выходъ въ отставку. Указъ гласилъ: «всѣхъ тѣхъ, кои при отставкѣ ихъ изъ военной службы не назначаются именно нами къ опредѣленію въ статскую службу, запрещаемъ безъ всякаго изъятія сенату нашему опредѣлять въ оную». Благодаря этому каждый выходящій въ отставку могъ опасаться, что для него при отставкѣ навсегда закроется доступъ къ службѣ государственной.

Ставя высоко военную службу и требуя отъ нѣхъ строгаго исполненія обязанностей, Павелъ хотѣлъ, чтобы дворянство прежде всего служило въ арміи и шло въ гражданскую службу лишь тогда, когда не имѣло возможности служить въ военной. Когда же нѣкоторые дворяне, желая избѣгнуть воинской службы, пытались пристроиться въ гражданской, то 5 октября 1799 года былъ изданъ указъ, въ которомъ говорилось: «Отнынѣ повелѣваемъ никого изъ дворянскихъ дѣтей, неслужившихъ и вступить въ службу желающихъ, по статской службѣ никуда не записывать и не опредѣлять сенату нашему, не войдя прежде о томъ къ намъ докладомъ для утвержденія нашего»...

Второй важный привилегіей дворянъ было то, что они сами лично были свободны отъ какихъ-либо сборовъ въ пользу государства. И въ этомъ отношеніи павловское время несло за собой новшества: на дворянъ наложены были нѣкоторые сборы, на ихъ счетъ возложено было содержаніе обще-государственныхъ судебно-административныхъ учрежденій. Любопытны мотивы, которыми объясняется эта мѣра: «Сей знатнѣйшій чинъ государственный, какъ говорится о дворянствѣ въ указѣ 18-го декабря 1797 года, паче прочихъ ощутилъ монаршую милость, да и нынѣ посредствомъ учреждаемаго въ пользу его вспомогательнаго банка получаетъ новый опытъ нашего попеченія о сохраненіи родовъ его при цѣлости достоянія ихъ». Кромѣ того, приведенъ впрочемъ и еще мотивъ: «большая часть онаго (штата губернскихъ учрежденій), служащая къ доставленію правосудія, къ охраненію порядка и къ огражденію общей безопасности пополняется изъ дворянства»; но этотъ мотивъ, хотя и поставленъ на первомъ мѣстѣ, не является самымъ существеннымъ и основнымъ, такъ какъ позднѣе, когда упразднены были дворянскіе выборы, и мѣстныя учрежденія стали пополняться чиновниками путемъ назначенія, тѣмъ не менѣе сборъ съ дворянъ, установленный указомъ 18-го декабря, оставался по прежнему. Значитъ, главнѣйшей причиной, по которой введенъ былъ сборъ, было то, что дворянство больше другихъ сословій пользовалось милостями монарховъ, исключительными правами и привилегіями, а потому и должно было по справедливости принять на себя хотя бы небольшую долю общаго бремени.

По этимъ причинамъ правительство «нашло справедливымъ», чтобы «сей знатнѣйшій чинъ» «обѣимъ надобностямъ способствовалъ отъ собственныхъ своихъ стяжаній», а возложило на содержаніе дворянства часть губернскихъ штатовъ, требующую расходовъ въ размѣрѣ 1.640 тысячъ руб., распредѣливъ эту сумму въ [illegible] справедливости и «совокупной соразмѣрности» по величинѣ дворянскихъ имѣній, измѣряемую, надо пола-

гать, количествомъ душъ крестьянъ. Это былъ сборъ, который падалъ исключительно на дворянскія имѣнія; распредѣленіе его между отдѣльными владѣльцами и сборъ, исправный и бездоимочный, былъ возложенъ на попеченіе губернскихъ и уѣздныхъ предводителей дворянства. Суммой въ 1.640 тысячъ не ограничились сборы съ дворянскихъ имѣній; въ 1799 г., какъ указано выше, потребовался новый дополнительный расходъ на содержаніе прибавочныхъ засѣдателей нижняго земскаго суда въ размѣрѣ 104 тысячъ, такъ что съ этого времени съ дворянскихъ имѣній слѣдовало производить сборъ въ суммѣ 1.748.000 рублей...

«Тѣлесное наказаніе да не коснется до благороднаго», гласитъ 15 статья жалованной грамоты дворянству, ограждая личную неприкосновенность дворянства. Но при Павлѣ и эта статья потерпѣла существенное ограниченіе...

Послѣ нѣсколькихъ частныхъ случаевъ примѣненія кнута и розогъ къ дворянамъ по суду, послѣдовало въ началѣ 1797 года общее разъясненіе статьи 15 жалованной грамоты по такому поводу. Отставной прапорщикъ Рожневъ С.-Петербургской уголовной палатой и сенатомъ былъ признанъ виновнымъ въ произнесеніи «дерзновенныхъ и законопреступныхъ словъ» и присужденъ къ лишенію чиновъ, дворянства и ссылкѣ въ тяжкую работу. На докладѣ объ этомъ отъ 4-го департамента сената Павелъ 3-го января 1797 написалъ собственноручно извѣстную резолюцію: «Коль скоро снято дворянство, то уже и привилегія до него не касается. Почему и впредь и поступать. Его же выведя на площадь, сослать въ Сибирь»...

Отмѣчу также указъ (4 мая 1797 года), которымъ высочайше повелѣно «ни отъ кого и ни въ какихъ мѣстахъ прошеній, многими подписанныхъ, не принимать». Въ позднѣйшемъ законодательномъ актѣ времени Александра I отмѣчалось, что указомъ 4-го мая было стѣснено право дворянъ ходатайствовать о своихъ нуждахъ, хотя слѣдуетъ сказать, что отмѣнена была лишь форма жалобъ, а по существу право ходатайства дворянства за нимъ признавалось, и дворяне имѣли возможность не въ видѣ жалобы, многими подписанной, а въ видѣ прошенія или представленія отъ имени предводителя дворянства ходатайствовать передъ высшими властями о своихъ нуждахъ.

(М. Клочковъ. Очерки правительственной [illegible] Павла I. [illegible])

190. Изъ записокъ Тургенева о времени Павла I.

Уже въ послѣдніе часы жизни Екатерины всѣ съ беспокойствомъ почувствовали, что надвигается время, когда никому нельзя будетъ свободно дышать. «Первымъ геройскимъ дѣяніемъ новаго царствованія была жестокая и безпощадная борьба противъ злѣйшихъ враговъ русскаго государства, противъ круглыхъ шляпъ, фраковъ и жилетовъ. Уже на слѣдующій день 200 полицейскихъ драгуновъ бѣгали по улицамъ и по особому указу срывали у всѣхъ прохожихъ шляпы, которыя тутъ же уничтожались; отъ фраковъ отрѣзали воротники, а жилеты, по усмотрѣнію капраловъ и унтеръ-офицеровъ, разрывались на части. Въ 12 часовъ на улицахъ уже не видно было ни одной круглой шляпы; фраки и жилеты были совершенно обезврежены; тысячи обывателей Петрополиса разбѣгались по домамъ съ непокрытыми головами, въ изорванномъ платьѣ, полунагіе. Нѣкоторые пробовали сопротивляться, но ихъ тутъ же избивали кулаками и палками. На жалобы и просьбы не обращали никакого вниманія. Ни чины, ни общественное положеніе не принимались въ расчетъ. Полиція получила строжайшій приказъ расправляться со всѣми безъ всякой пощады; снисходительнымъ солдатамъ грозили розги. Эти несчастные исполняли поэтому свою печальную обязанность съ необычайнымъ стараніемъ».

... Въ нѣсколько часовъ былъ потрясенъ весь государственный порядокъ, всѣ правовые устои, всѣ пружины государственной машины были сдвинуты со своихъ мѣстъ, все было перемѣшано и выворочено, и такъ тянулось цѣлыхъ четыре года. Высшіе посты заняли люди, которые едва умѣли читать, люди безъ образованія и безъ всякаго понятія о насущныхъ интересахъ государства; они знали только Гатчину и ея казармы; они ничего другого не дѣлали, кромѣ того, что участвовали въ парадныхъ смотрахъ, ничего другого не слышали, кромѣ трубы и сигнальнаго рожка. Лакей генерала Апраксина — Клейнмихель былъ уполномоченъ обучать военному искусству—фельдмаршаловъ. Шесть или семь фельдмаршаловъ, находившихся тогда въ Петербургѣ, сидѣли за столомъ подъ предсѣдательствомъ бывшаго лакея, который объяснялъ такъ называемую тактику послѣднимъ въ военныхъ походахъ полководцамъ. Вся его премудрость состояла изъ чисто внѣшнихъ пріемовъ строевой и караульной службы, разныхъ уловокъ и другихъ подобнаго рода пустяковъ».

...Кирасирскій полкъ, въ которомъ служилъ Тургеневъ, больше всѣхъ страдалъ отъ гнѣва Павла. Когда по случаю какого-то праздника шефъ полка генералъ князь Волконскій и его адъютантъ Тургеневъ явились однажды въ формѣ, которая не вполнѣ отвѣчала строгимъ предписаніямъ на этотъ счетъ, Павелъ приказалъ дежурному камергеру удалить «обоихъ дураковъ». По самому грубому произволу, безъ всякой вины многіе офицеры этого полка были разжалованы, лишены орденовъ и высланы изъ столицы. Во время торжественнаго коронованія всѣ офицеры полка были тяжко оскорблены тѣмъ, что были лишены возможности участвовать въ процессіяхъ и другихъ церемоніяхъ. На цѣлыхъ два часа, во время которыхъ происходило торжество, всѣ 231 офицеръ этого полка были заперты въ кремлевскую башню. Ни одинъ парадъ, на которомъ только присутствовалъ императоръ, не проходилъ безъ наказанія и арестовъ среди офицеровъ именно этого полка. Разгадку исключительной ненависти императора къ этой части войска даетъ намъ Тургеневъ. «Въ одинъ прекрасный день»,—разсказываетъ онъ,—«всѣ дежурные офицеры штаба и адъютанты получили приказъ собраться въ залѣ передъ рабочимъ кабинетомъ государя. Когда всѣ явились, Павелъ вышелъ и громкимъ, хриплымъ голосомъ закричалъ: «Адъютантъ Екатеринославскаго полка, впередъ». Въ качествѣ такого, я подошелъ къ императору. Онъ подступилъ очень близко ко мнѣ и началъ меня щипать; справа отъ него стоялъ, весь блѣдный, великій князь Александръ, слѣва — Аракчеевъ. Это щипаніе продолжалось, и у меня появились слезы на глазахъ отъ боли. Глаза Павла Петровича сверкали отъ гнѣва. «Разскажите», — воскликнулъ онъ, наконецъ, — «въ своемъ полку, а такъ уже и дальше передадутъ, что я выбью изъ васъ потемкинскій духъ и сошлю васъ туда, куда и воронъ вашихъ костей не занесъ бы». Продолжая щипать меня, его величество пять или шесть разъ повторилъ эти слова, а затѣмъ приказалъ мнѣ удалиться». И все это только за то, что раньше Екатеринославскій полкъ носилъ имя Потемкина.

...«Каждое утро»,—пишетъ Тургеневъ,—«всѣ, начиная генераломъ и кончая прапорщикомъ, шли на вахтпарадъ, какъ на эшафотъ. Никто не зналъ, какая участь его тамъ ждетъ». Тургеневъ насчитываетъ около 12000 жертвъ этой строгой системы среди офицеровъ и чиновниковъ: они были сосланы въ Сибирь и могли вернуться обратно только послѣ восшествія на престолъ Александра I.

«Такимъ образомъ», — прибавляетъ далѣе Тургеневъ, — каждый годъ насчитывали 3000 жертвъ, каждый мѣсяцъ — 250, каждый день—8. Въ Петропавловской крѣпости томилось 900 заключенныхъ, и имъ всѣмъ принесли свободу устраненіе Павла и воцареніе Александра».

. . . .

Павелъ Петровичъ въ продолженіе 8 часовъ царствованія своего успѣлъ прекратить войну и (разбить) большую часть стотысячной россійской арміи, находившейся тогда въ Персіи подъ начальствомъ графа Валеріана Зубова.

Онъ послалъ, помимо главнокомандующаго, каждому полковнику особенное повелѣніе, въ сихъ словахъ состоящее: «съ полученія сего выступить на непремѣнныя квартиры такой-то губерніи въ такой-то городъ».

Одному драгунскому полку досталось по сему расписанію изъ окрестностей Баку слѣдовать въ Иркутскъ. Главнокомандовавшій графъ Зубовъ и весь генералитетъ остались въ непріятельской землѣ и могли быть взяты въ плѣнъ, что неминуемо и случилось бы, если бы атаманъ Платовъ съ казаками, вопреки особому велѣнію, не остался охранять графа Зубова и при немъ весь генералитетъ.

Платовъ за этотъ поступокъ, по возвращеніи въ Россію, былъ посаженъ въ Петропавловскую крѣпость, въ которой содержался болѣе трехъ годовъ.

Объявлена война въ Россіи круглымъ шляпамъ, отложнымъ воротникамъ, фракамъ, жилетамъ, сапогамъ съ бѣлыми отворотами, и совершенная одержана побѣда надъ многочисленнѣйшими непріятелями. Учреждены попрежнему, какъ было при Петрѣ Первомъ, юстицъ, камеръ и ревизіонъ-коллегіи, которымъ дѣлать было нечего потому, что юстицъ-коллегію въ каждой губерніи замѣняетъ гражданская и уголовная палаты, камеръ и ревизіонъ-коллегіи — казенная палата.

Уничтожены всѣ учрежденные Екатериною уѣздные города, и назначено новое раздѣленіе губерній, отчего произошло, что уѣздные жители для подачи въ судъ какого-либо объявленія и купить соли въ городѣ принуждены были ѣздить за 200 и 300 верстъ; поповъ нарядили въ ордена, дамъ — въ фишбейны; обрили у всѣхъ военныхъ бакенбарды и съ сокрушеннымъ сердцемъ видѣли совершенную невозможность всему войску въ арміи вдругъ привить косы и приставить букли. Перемѣнены въ войскѣ русскія командныя слова: вмѣсто ступай — маршъ, вмѣсто заряжай — шаржируй, вмѣсто взводъ — плутонгъ, вмѣсто

стрѣлъ — литаншантъ, [illegible] пѣхоты — инфантерія, [illegible]...

Безбородко [illegible], а генералъ-адъютантъ Нелидовъ, братъ камеръ-фрейлины Екатерины Ивановны Нелидовой, по особому повелѣнію написалъ приказъ, чтобы во всей гвардіи и арміи изъ замочныхъ курковъ, ружей, пистолетовъ, штуцеровъ вынуть кремни и вмѣсто нихъ вставить деревянные кусочки дерева, обдѣланные наподобіе въ видѣ кремней; всѣ боевые заряды съ пулями отъ всѣхъ полковъ отослать въ арсеналы или артиллерійскія депо (должно замѣтить — артиллерійскихъ депо не было еще учреждено); артиллерійскіе боевые снаряды съ ядрами, картечами, гранатами и пр. препроводить туда же, т.-е. въ арсеналы и не существовавшіе еще депо, оставивъ однакоже при полкахъ и пушкахъ зарядные ящики. Въ патронныхъ сумкахъ гренадеръ, мушкетеръ и фузилеръ оставить по 30 боевыхъ съ пулями зарядовъ, но не держать ихъ въ сумахъ у солдатъ, а каждые 30 зарядовъ, назначенный комплектъ для сумы, обернуть въ картузную бумагу и, запечатавъ, хранить въ зарядныхъ ящикахъ или у комендантовъ и на главной гауптвахтѣ; палашей, сабель у кавалеріи, тесаковъ у инфантеріи не отпущать и штыковъ не отвострѣвать; привесть немедленно въ оборонительное состояніе крѣпости прежде въ Санктъ-Петербургѣ Петропавловскую и Адмиралтейскую, въ Москвѣ Кремль и кругъ города Китая, потомъ всѣ прочіе во всей имперіи; устроить во всѣхъ городахъ государства нашего на въѣздахъ шлагъ-баумы, гауптъ-вахты и пестрыя будки для часовыхъ. Въ степныхъ мѣстахъ лежащіе города: на Оренбургской линіи, на Сибирской вверхъ по Иртышу, въ Березовѣ, гдѣ строевыхъ чиновъ вовсе не существуетъ, жители были принуждены выписывать шлагъ-баумы, будки для часовыхъ и обточенныя сошки для приставки ружей изъ отдаленнѣйшихъ мѣстъ, какъ выписываютъ экзотическія растенія изъ Африки, Америки и прочихъ отдаленныхъ краевъ ботаники въ оранжереи.

Приказано было, чтобы во всѣхъ городахъ государства русскаго, селахъ и деревняхъ, начиная съ 9-ти часовъ послѣ полудня, ходили непрестанно по улицамъ нахтъ-вахтеры и громко кричали по пробитіи каждаго часа: столько-то часовъ било, гасите огонь, запирайте ворота, ложитесь спать.

Въ Петербургѣ ревъ нахтъ-вахтеровъ услышали въ тотъ же вечеръ: всѣ были перепуганы, но знали, не понимали, что значатъ слова: «гасите огонь, запирайте ворота, ложитесь спать»! [illegible] лось, что въ Петербургѣ въ 9 часовъ вечера по [illegible] на улицу ни одной [illegible].

Для мастеровыхъ и преимущественно портнаго ремесла, сугубо тогда обремененнаго [illegible] и шитьемъ одежды по новымъ особо утвержденнымъ формамъ, воспослѣдовало, вслѣдствіе доклада военнаго губернатора генерала отъ инфантеріи Архарова, изъятіе: портные, сапожники и прочіе ремесленники, дѣйствовавшіе и содѣйствовавшіе скорѣйшему приведенію особаго повелѣнія въ исполненіе, имѣли право зажигать свѣчи, сколько имъ было потребно, и продолжать освѣщеніе до самаго разсвѣта.

Еще велѣніе: Павелъ Петровичъ, видѣвъ всегда въ благородномъ русскомъ дворянствѣ твердый и непоколебимый оплотъ, увѣренный въ присягѣ и преданности, повелѣть соизволилъ сформировать 6 эскадроновъ кавалергардовъ, въ которыхъ, кромѣ литаврщика, трубачей и прочихъ чиновъ унтеръ-штаба, всѣ рядовые должны быть дворяне; шефомъ же сего дворянскаго полка назначить произведеннаго въ полковники отданные въ солдаты однодворца Давыдова, и въ тотъ же день на вахтъ-парадѣ соизволилъ благоволить — вступившаго въ караулъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка развода унтеръ-офицеровъ дворянъ строго наказывать.

(«Русская Старина» 1889 г. т. 62, стр. 204—207.)

191. Изъ письма Александра I къ Лагарпу о Россіи при Павлѣ I.

Вотъ что писалъ цесаревичъ Александръ Павловичъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Лагарпу:

Вамъ извѣстны различныя злоупотребленія, царившія при покойной императрицѣ; они лишь увеличивались по мѣрѣ того, какъ ея здоровье и силы, нравственныя и физическія, стали слабѣть. Наконецъ, въ минувшемъ ноябрѣ она покончила свое земное поприще. Я не буду распространяться о всеобщей скорби, о сожалѣніяхъ, вызванныхъ ея кончиною, и, которыя, къ несчастью, усиливаются теперь ежедневно. Мой отецъ, по вступленіи на престолъ, захотѣлъ преобразовать все рѣшительно. Его первые шаги были блестящи, но послѣдующія событія не соотвѣтствовали имъ. Все сразу перевернуто вверхъ дномъ, и потому безпорядокъ, господствовавшій въ дѣлахъ и безъ того въ слишкомъ сильной степени, лишь увеличился еще болѣе.

«Военные почти все свое время теряютъ исключительно на парадахъ. Во всемъ прочемъ рѣшительно нѣтъ никакого строго опредѣленнаго плана. Сегодня приказываютъ то, что черезъ мѣсяцъ будетъ уже отмѣнено. Доводовъ никакихъ не допускается, развѣ ужъ тогда, когда зло все совершилось. Наконецъ, чтобы сказать однимъ словомъ, благосостояніе государства не играетъ никакой роли въ управленіи дѣлами: существуетъ только неограниченная власть, которая все творитъ шиворотъ-на-выворотъ. Невозможно перечислить всѣ тѣ безразсудства, которыя совершились здѣсь; прибавьте къ этому строгость, лишенную малѣйшей справедливости, не малую долю пристрастія и полнѣйшую неспособность въ дѣлахъ. Выборъ исполнителей основанъ на фаворитизмѣ; заслуги здѣсь ни при чемъ. Однимъ словомъ, моя несчастная родина находится въ положеніи, не поддающемся описанію. Хлѣбопашецъ обиженъ, торговля стѣснена, свобода и личное благосостояніе уничтожены. Вотъ картина современной Россіи, и судите, насколько должно страдать мое сердце. Я самъ, обязанный подчиняться всѣмъ мелочамъ военной службы, теряю все свое время на выполненіе обязанностей унтеръ-офицера, рѣшительно не имѣя никакой возможности отдаться своимъ научнымъ занятіямъ, составляющимъ мое любимое времяпрепровожденіе; я сдѣлался теперь самымъ несчастнымъ человѣкомъ».

(«Русская Старина», 1897 г. т. [illegible] стр. 279—280.)

---

192. Изъ переписки вельможъ.

1. Изъ писемъ гр. Палена.

Я не могу вамъ сообщить ничего новаго, дорогой Ланжеронъ, ни о характерѣ Павла, ни о его сумасбродныхъ причудахъ; вы сами отъ нихъ страдали не меньше нашего. Но васъ въ послѣднее время его царствованія не было въ Петербургѣ, и вы не могли наблюдать его въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ. Вы и не можете поэтому знать, какъ далеко ушла въ своемъ развитіи его быстро прогрессировавшая ненормальность. Она привела бы его къ кровавымъ расправамъ. Такіе случаи впрочемъ и бывали. Никто изъ насъ не былъ увѣренъ въ своемъ завтрашнемъ днѣ. Скоро должны были вездѣ начаться эшафоты, и Сибирь заселена была бы несчастными жертвами.

2. Изъ [illegible]

...Трудно описать вамъ, въ какомъ вѣчномъ страхѣ мы всѣ живемъ. Боишься своей собственной тѣни. Всѣ дрожатъ, такъ какъ доносы слѣдуютъ за доносами, и имъ вѣрятъ, не справляясь, насколько они соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Всѣ тюрьмы переполнены заключенными. Какой-то ужасный кошмаръ душитъ всѣхъ. Объ удовольствіяхъ никто и не помышляетъ теперь... Тотъ, кто получаетъ какую-нибудь должность, не разсчитываетъ оставаться на ней болѣе трехъ или четырехъ дней и поэтому всячески старается немедленно же получить крестьянъ въ подарокъ... Теперь появилось распоряженіе, чтобы всякая корреспонденція шла только черезъ почту. Отправлять письма черезъ курьеровъ, слугъ или оказіей воспрещается. Императоръ думаетъ, что каждый почтмейстеръ можетъ вскрыть и прочесть любое письмо. Хотятъ раскрыть заговоръ, но ничего подобнаго не существуетъ. Ради бога обращайте вниманіе на все, что вы пишете. Я не сохраняю писемъ, я ихъ жгу. Я не знаю, куда это насъ приведетъ. Всѣхъ насъ это невѣроятно мучаетъ. Нужно бояться, что доведенныя лица, на головы которыхъ обрушиваются самыя жестокія кары, готовятся къ какому-нибудь отчаянному шагу. Никто даже не смѣетъ и представленія составить себѣ объ этомъ. Для меня, какъ и для всѣхъ другихъ, не исключая Ростопчина, заготовлена на всякій случай карета, чтобы при первомъ же сигналѣ можно было бѣжать... Не подумайте, что я преувеличиваю. Напротивъ, я еще умолчалъ обо многомъ, что вамъ показалось бы невѣроятнымъ... Если у васъ имѣются какіе-нибудь секреты для меня, то воспользуйтесь услугами англійскихъ курьеровъ и пишите лимоннымъ сокомъ».

(Шиманъ и Брикнеръ — Смерть Павла I, с. 53—81).

---

193. Режимъ Павла I.

Изъ записокъ Коцебу.

Духъ мелочности, нерѣдко заставлявшій его нисходить до предметовъ, недостойныхъ его вниманія, какъ происходитъ отъ двухъ причинъ: во-первыхъ, отъ желанія совершенно преобразовать старый дворъ своей матери такъ, чтобы ничто не напоминало ему объ ея временахъ; во-вторыхъ, отъ преувеличеннаго уваженія ко всему, что дѣлалъ прусскій король Фридрихъ II.

[illegible] полагалъ, что во время [illegible] ослаб[illegible], и что необходима неумолимая строгость, чтобы возстановить [illegible] въ мельчайшихъ подробностяхъ. Вслѣдствіе сего снова

введены были у солдатъ обременительныя букли и косы. Меня увѣрялъ одинъ гвардейскій офицеръ, что, когда полкъ долженъ былъ на другое утро вступать въ караулъ, солдатамъ нужно было вставать въ полночь, чтобы другъ другу завивать волосы. По окончаніи этого важнаго дѣла они должны были, дабы не испортить своей прически, до самаго вахтъ-парада сидѣть прямо или стоять и, такимъ образомъ въ продолженіе 36 часовъ не выпускать ружья изъ рукъ.

По той же причинѣ отданъ былъ приказъ генералу Мелессино относительно артиллерійскихъ фурлейтовъ. Въ русскомъ языкѣ сохранилось нѣмецкое слово «фурманъ»; но имѣли обыкновеніе и въ множественномъ числѣ говорить «фурманы», покуда императоръ Павелъ не приказалъ называть ихъ «фурлейтами». Замѣчанія достойно, что онъ издалъ этотъ указъ въ самый день своего коронованія въ Москвѣ, когда, само собою разумѣется, болѣе важные предметы должны бы были его занимать.

Когда онъ вступилъ на престолъ, я находился въ Ревелѣ, и очень хорошо помню, съ какимъ любопытствомъ распечатанъ былъ первый отъ него полученный указъ: въ немъ опредѣлялась вышина гусарскихъ султановъ, и приложенъ былъ рисунокъ.

Малѣйшее отступленіе отъ формы было проступкомъ, который навлекалъ неизбѣжное наказаніе. Эти наказанія постигали и гражданскихъ чиновниковъ. Никто не могъ показываться иначе, какъ въ мундирѣ, въ бѣлыхъ штанахъ, въ большихъ ботфортахъ, съ коротенькою тростью въ рукѣ. Однажды государь, прогуливаясь верхомъ, встрѣтилъ чиновника, который, будучи увѣренъ, что мундиръ его въ совершенной исправности, бодро сталъ передъ нимъ во фронтъ. Но отъ зоркаго взгляда императора не ускользнуло, что чиновникъ этотъ не имѣлъ трости. Павелъ остановился и спросилъ у него: «Что слѣдуетъ имѣть при такихъ сапогахъ»?—Тотъ затрепеталъ и онѣмѣлъ. «Что слѣдуетъ имѣть при такихъ сапогахъ?»—повторилъ императоръ уже нѣсколько громче. Испуганный чиновникъ совсѣмъ потерялся и, не понимая смысла сдѣланнаго ему вопроса, отвѣчалъ: «Ваксу, ваше императорское величество».—Тутъ Павелъ не могъ удержаться отъ смѣху. «Дуракъ», — сказалъ онъ: «слѣдуетъ имѣть трость»,—и поѣхалъ дальше. Счастливъ былъ этотъ чиновникъ, что его глупость развеселила государя, а то ему, безъ сомнѣнія, пришлось бы прогуляться на гауптвахту.

Не менѣе стѣснительнымъ было для столичныхъ жителей повелѣніе выходить изъ экипажей при встрѣчѣ съ императоромъ. За исполненіемъ этого повелѣнія наблюдали съ высочайшею строгостью, и, несмотря на глубокую грязь, разряженныя дамы должны были выходить изъ своихъ каретъ, какъ только издали замѣчали императора. Я однако самъ видѣлъ, какъ онъ однажды быстро подскакалъ къ г-жѣ Нарышкиной, готовившейся исполнить это повелѣніе, и заставилъ ее остаться въ каретѣ; зато сотни другихъ дамъ, когда онѣ или ихъ кучера не были достаточно проворны, подвергались сильнымъ непріятностямъ. Такъ, напримѣръ, г-жа Демутъ, жена извѣстнаго содержателя гостинницы, должна была изъ-за этого отправиться на нѣсколько дней въ смирительный домъ, и самые значительные люди, изъ опасенія подобныхъ обидъ, трепетали, когда ихъ жены, выѣхавшія со двора, не возвращались къ назначенному времени.

Но и тутъ бывали иногда забавные случаи. Однажды навстрѣчу императору ѣхала въ саняхъ какая-то французская модистка. Едва замѣтивъ издали государя, она закричала своему извозчику, чтобы онъ остановился; но такъ какъ она дурно говорила по-русски, вѣроятно, онъ ее не понялъ и догадался, чего она хотѣла, только тогда, когда уже совершенно близко подъѣхалъ къ императору. Оглохши отъ страха, онъ со всей мочи принялся погонять своихъ лошадей, чтобы поскорѣй проѣхать мимо, въ то время какъ модистка обоими кулаками барабанила по его спинѣ и кричала изо всѣхъ силъ: «Государь, я тутъ ни при чемъ, я тутъ ни при чемъ». Такимъ образомъ сани промчались мимо государя, который при видѣ этой сцены не могъ не разразиться громкимъ смѣхомъ.

(Цареубійство 11 марта 1801 г. с. 295—298.)

194. Цензура при Павлѣ.

Въ іюлѣ 1797 г. «государь императоръ высочайше повелѣть соизволилъ: книги, цензурою признаваемыя недозволенными, представлять на усмотрѣніе совѣту» [1]). Такимъ образомъ учреждена новая цензурная инстанція: главное завѣдываніе цензурою перешло прямо въ руки высшаго правительства. Въ слѣдующемъ году запрещено печатать географическія карты безъ разрѣшенія географическаго департамента [2]). В апрѣлѣ 1800 г. всѣ цензоры подчинены С.-Петербургской цензурѣ, безъ разрѣшенія которой нельзя ничего пе-

[1]) П. С. З. № [illegible].
[2]) П. С. З. № 18763.

чатать. Въ то же время запрещенъ «выпускъ изъ-за границы всякаго рода книгъ, на какомъ бы языкѣ оныя ни были безъ изъятія, равномѣрно и музыку» [1]).

Насколько придирчива и мелка была тогда цензура, доказываетъ высочайшее повелѣніе 1797 г., предписывавшее извѣстное словоупотребленіе: велѣно было вмѣсто обозрѣніе писать—осмотрѣніе, вмѣсто врачъ—лѣкарь, вмѣсто граждане—жители, обыватели, вмѣсто отечество—государство; слово общество совсѣмъ было запрещено и пр. [2]).

«Достопамятный годъ жизни» Августа Коцебу, служащій характернымъ памятникомъ произвола своего времени, даетъ намъ указанія на тогдашнія цензурныя требованія и между прочимъ на примѣненіе сейчасъ упомянутаго указа.

«Слово республика,—пишетъ Коцебу,—не должно было встрѣчаться въ моей драмѣ «Октавія». Антоній не смѣлъ говорить—умираю свободнымъ римляниномъ. Въ комедіи «Эпиграмма» должно было изъ императора Японіи сдѣлать простого владѣльца этого острова. Равнымъ образомъ необходимо было исключить вредную мысль, что икра получается изъ Россіи, и что Россія страна отдаленная. Не позволялось камергеру полагать, что онъ хорошій патріотъ, потому что не соглашался вступать въ бракъ съ иностранкою. Равнымъ образомъ не допускалось говорить, что камеръ-лакей дерзокъ. Надо было исключить фразу, въ которой говорилось, что его величество не боленъ и не ослѣпъ... Слово крѣпость замѣнялось словомъ тюрьма, слово царедворецъ словомъ льстецъ (что, конечно, не очень лестно для царедворцевъ...). Въ пьесѣ «Аббатъ Эпе» не позволено было, чтобы въ Тулузѣ обитали граждане. Франваль не смѣлъ говорить «горе моей родинѣ»; онъ долженъ былъ сказать «горе моей странѣ», потому что особымъ указомъ воспрещалось русскимъ имѣть родину»...

Коцебу тутъ же вспоминаетъ, что въ одной его пьесѣ цензоръ сдѣлалъ такое измѣненіе: влюбленный сапожникъ, сгоравшій безнадежно любовью, говорилъ: «Я уѣзжаю въ Россію; говорятъ, тамъ холоднѣе здѣшняго»; цензоръ вмѣсто этого вставилъ: «Я уѣзжаю въ Россію: тамъ только одни честные люди».

(Розенбергъ и Якушкинъ. Русская печать и цензура).

---

[1]) П. С. З. № 19386 и 19387.

[2]) «Русск. Стар.» 1871 г., апрѣль. Стр. 531 и 532. (Всѣ прим. *автора*.)

195. Внешняя политика имп. Павла I.

Изъ письма гр. Растопчина къ гр. Воронцову изъ с. Воронова, 30 іюня 1801 г.

Я получилъ письмо ваше, графъ, и мнѣ незачѣмъ говорить вамъ, сколько оно мнѣ доставило удовольствія. Съ самого того момента, когда я покинулъ Англію, я смотрѣлъ на васъ, какъ на своего благодѣтеля, и не перестану видѣть въ васъ благодѣтеля до самой своей смерти.

Что касается до моей политической системы, у меня не могло быть никакой системы,—я служилъ государю, который все хотѣлъ дѣлать самъ, требовалъ немедленнаго исполненія своихъ приказовъ и не выносилъ противорѣчій малѣйшимъ своимъ желаніямъ. Чтобы заставить его взять назадъ приказъ, перемѣнить мнѣніе, принять чужое лучшее мнѣніе, нужна была величайшая осторожность, благопріятная минута и счастливое настроеніе государя. Я знаю, меня считали виновникомъ разрыва съ Англіей, но я сейчасъ поставлю васъ передъ лицомъ фактовъ, какъ они происходили, и изложу вамъ мою точку зрѣнія, какой я тогда держался; я заявляю вамъ, что въ той же мѣрѣ полонъ уваженія и къ англійской націи и къ ее государственному порядку, въ какой ненавижу политику ее министерства.

Мысль возстановить морское соглашеніе (конвенцію)—мысль самого покойнаго императора. Первое амбарго, положенное на англійскія суда, было сдѣлано по почину князя Гагарина, вопреки моимъ настояніямъ,—князь дѣйствовалъ тутъ исключительно въ своемъ собственномъ интересѣ. По моему настоянію это первое амбарго было снято. Второе—было вызвано поведеніемъ Англіи при занятіи Мальты. Я полагалъ тогда и такъ же думаю и теперь, что это былъ удобнѣйшій моментъ, чтобы добиться признанія правъ нейтральныхъ, обезпечивъ имъ права свободной торговли, взявъ ихъ подъ защиту отъ несправедливостей державы, претендующей быть законодательницей морей. Въ моментъ кончины покойнаго императора Англія переживала громадный кризисъ. Ей приходилось опасаться Франціи, ей грозила опасность лишиться всѣхъ средствъ существованія. Порты всей Европы, за исключеніемъ береговъ Адріатики, должны были для нея закрыться. Я отлично понималъ, что эта система не могла ни къ чему привести. Покойный императоръ былъ слишкомъ стремителенъ въ своихъ поступкахъ. При томъ же эта химерическая мечта—

получить Мальту, получить гроссмейстерство. Эту несчастную идею внушилъ ему князь Безбородко, но онъ совершенно не предвидѣлъ печальныхъ ея послѣдствій. Онъ хотѣлъ создать для государя забаву, чтобы тѣмъ легче увлечь его въ союзъ съ Австріей и съ Англіей съ цѣлью, какъ это говорилось, возстановленія Бурбоновъ на французскомъ тронѣ. Было настоятельно необходимо подкрѣпить это нужно нейтральныхъ державъ, о которыхъ я говорилъ,—въ нѣчто доказательство тому въ твердой политикѣ Копенгагенскаго и Стокгольмскаго дворовъ. Что касается Берлинскаго двора, то этотъ дворъ стоялъ гораздо дальше, хотя друзья Англіи и предупреждали императора противъ шведскаго короля во время его послѣдней поѣздки въ Петербургъ, хотя они и добились того, что послѣдній Ростопчинъ былъ отозванъ, и, наконецъ, уже послѣ моего отъѣзда, добились предъявленія королю Пруссіи такихъ требованій, за коими должно было слѣдовать объявленіе войны. Я въ свое время думалъ, что то поведеніе, какого систематически держался Сентъ-Джемскій кабинетъ, не можетъ внушать довѣрія: въ теченіе цѣлаго столѣтія онъ не щадилъ никакихъ средствъ, чтобы захватить въ свои руки владычество на моряхъ,—а теперь эта война, разорительная во всякое другое время, война, ведущаяся наперекоръ желаніямъ народа, подъ благовиднымъ предлогомъ,—обогащаетъ страну побѣдами и захватами и ведетъ ее прямо къ конечной цѣли всѣхъ ея плановъ, къ разрушенію Франціи.

Я никогда не считалъ, чтобы Россіи слѣдовало бояться Франціи, каково бы ни было ея правительство. Разстояніе, отдѣляющее другъ отъ друга двѣ этихъ страны, гигантскія силы нашей имперіи, физическое ея положеніе, та поддержка, какую она даетъ другимъ монархамъ,—все это дѣлаетъ ея положеніе особенно сильнымъ. Ей нечего бояться коалицій. Французская революція доказала это: если даже чудовищная анархія, которая тамъ развилась, не могла объединить двухъ державъ для общаго ихъ спасенія, не могла ихъ заставить дѣйствовать солидарно противъ чудовища, угрожавшаго каждой изъ нихъ въ отдѣльности,—то чего же можетъ бояться Россія, Россія, сила которой обезпечиваетъ и ее самое, и весь сѣверъ Европы, и всю Германію?

Сама Франція представлялась мнѣ не долговѣчной,—эфемерное государство, только кажущееся прочнымъ: оно держится только утомленіемъ всей страны [illegible] усиліями своихъ [illegible]. Но весь этотъ великій [illegible],—кто можетъ предсказать, какія это будетъ имѣть послѣдствія? А кто можетъ въ настоящее время ручаться за жизнь человѣка, не отличающагося хорошимъ здоровьемъ, обремененнаго работой, снѣдаемаго честолюбіемъ, окруженнаго убійцами? Характеръ послѣдней французской революціи такъ страненъ, что никто никогда не могъ предвидѣть, что изъ нея выйдетъ. Къ несчастію, средства, какія были приложены къ французской революціи, не соотвѣтствовали природѣ самой болѣзни. Коалиція и девять лѣтъ войны содѣйствовали только объединенію умовъ во Франціи. За исключеніемъ первой кампаніи, помогшей больше обнаружить виды кабинетовъ, чѣмъ достигнуть торжества державъ, предъявившихъ громадный счетъ за величество одного Бурбона,—за исключеніемъ этой первой кампаніи, вся эта несчастная и упорная война всегда велась въ чужихъ странахъ, покоренныхъ французскимъ оружіемъ, и никогда еще чужестранныя арміи не вносили оружія внутрь Франціи. Было небезопасно рѣшиться на этотъ шагъ. Сошлюсь на мнѣніе покойнаго генералиссимуса, который почтилъ меня своимъ довѣріемъ,—онъ очень правильно смотрѣлъ на вещи: онъ много разъ повторялъ мнѣ, что стоило внести войну внутрь Франціи,—и это заставило бы объединиться для общей защиты все ея населеніе; и что до тѣхъ поръ, пока такъ называемая республиканская армія не объявитъ себя открыто сторонницей стараго порядка, до тѣхъ поръ не возможна никакая контръ-революція, до тѣхъ поръ все это будетъ планами и рѣчами искателей приключеній—эмигрантовъ—да пустыми политическими мечтами. И это еще вопросъ, что будетъ дѣлать Франція, расчлененная и возвращенная къ своему старому монархическому режиму,—не дастъ ли она слишкомъ значительныхъ силъ Австріи и Бранденбургу, а они оба—наши сосѣди и оба одержимы завистью къ нашему превосходству. Но къ какимъ бы новымъ фактамъ, и какимъ бы новымъ перемѣнамъ въ системѣ дворовъ ни привела сила обстоятельствъ,—все это никогда не измѣнитъ отношеній между Франціей и Англіей,—не ослабитъ ихъ взаимной зависти и страха. Эти двѣ державы-соперницы безъ конца будутъ искать и выискивать новыхъ способовъ ко взаимному истребленію.

А пока состояніе Европы за прошлый годъ было таково, что изъ него можно было извлечь большую пользу, чтобы уменьшить ужасающій деспотизмъ Англіи. Обладаніе Мальтой, завоеваніе Египта, отдавая въ ея руки всѣ богатства этой страны, заставятъ перейти подъ ея власть [illegible] съ Оттоман-

[illegible] и всю левантинскую торговлю; вознаградитъ ее съ избыткомъ за старыя ея затраты. Это дастъ ей громадныя средства для разжиганія новыхъ войнъ въ Европѣ, для уплаты за жизнь людей, нанимаемыхъ ею для своихъ выгодъ. Я убѣжденъ, что мощная коалиція противъ Франціи можетъ быть той приманкой, которая заставитъ ее согласиться на раздѣлъ Оттоманской Порты, единственнаго источника всяческихъ проектовъ...

(Архивъ кн. Воронцова. Т. VIII. Стр. 286—290.)

196. Внѣшняя политика Павла I.

По запискамъ Д. Мертваго.

Французская революція потрясла троны. Покойная императрица, искусно пользуясь смятеніемъ, присоединила нѣсколько губерній отъ Польши и объявила войну противъ Персіи. Войска наши перешли черезъ Кавказскія горы и приближались къ Анатоліи; это сдѣлано было, какъ говорятъ, для того, чтобы поступить съ Турціей, какъ поступлено было съ Польшею, и возстановить всеобщій миръ въ Европѣ. Государь оставилъ завоеванныя мѣста Персіи, отозвалъ войска, объявилъ, что не хочетъ никакой войны, не желаетъ никакого пріобрѣтенія, а намѣренъ беречь своихъ людей, не мѣшаться въ чужія дѣла и имѣть попеченіе о томъ, чтобы внутреннее устройство государства доведено было до степени желаемаго имъ совершенства.

Черезъ годъ по вступленіи его на престолъ великая княжна Александра Павловна помолвлена была за эрцъ-герцога Іосифа, брата Австрійскаго императора. Государь сталъ мѣшаться въ дѣла сосѣда, бывшаго тогда въ войнѣ съ Французской республикою. Онъ послалъ въ Австрію вспомогательный корпусъ и, по представленію полномочнаго посла римскаго императора, вызвалъ изъ деревни знаменитаго фельдмаршала Суворова и назначилъ его главнокомандующимъ. Вскорѣ потомъ на основаніи трактата, заключеннаго съ Англіей, посланы были противъ Франціи еще два вспомогательныхъ корпуса, одинъ въ Швейцарію, а другой въ Голландію. Войска подъ предводительствомъ фельдмаршала Суворова прославили Россію, въ одно лѣто вытѣснили французовъ изъ Италіи, перешли Альпійскія горы, выиграли много сраженій и подошли къ границамъ самой Франціи; другіе два корпуса дѣйствовали неуспѣшно и при первыхъ встрѣчахъ съ непріятелемъ проиграли сраженіе и потеряли много людей. Государь возымѣлъ подозрѣніе, что союзники, [illegible] русскихъ, дурно вспомоществовали общимъ предпріятіямъ. Это сдѣлало совершенный разрывъ, всѣ войска безъ всякихъ предварительныхъ сношеній отозваны были въ Россію. Возвращеніе ихъ было затруднительно, но общее почтеніе къ храбрости и честности русскихъ отверзало имъ повсюду путь, и доброжелательные наши бывшіе союзники доставляли войскамъ продовольствіе.

Небольшое число нашихъ плѣнныхъ, взятыхъ французами, должны были быть вымѣнены на плѣнныхъ, находившихся у австрійцевъ и англичанъ, но какъ внезапный разрывъ съ союзниками не позволилъ требовать этого обмѣна, то всѣ плѣнные исключены были изъ службы, что возбудило общее негодованіе и много добрыхъ искръ загасило въ сердцахъ.

Я забылъ упомянуть о главномъ поводѣ объявленія войны. Союзники, не имѣя въ Средиземномъ морѣ достаточныхъ морскихъ силъ, предложили императору Павлу I-му принять подъ покровительство Россіи островъ Мальту, предательски занятый французами. По совершеніи [illegible] онъ принялъ отъ орденскихъ безъ пристанища кавалеровъ званіе великаго магистра ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, назначилъ въ Мальту гарнизонъ и коменданта и приказалъ внести городъ въ календарь, наравнѣ съ губернскими городами. Англичане въ это время заняли островъ и, продолжая переговоры до прекращенія союза, присоединили его потомъ къ своимъ владѣніямъ.

Франція въ это время была въ затруднительномъ положеніи: лучшія войска ея почти въ плѣну, въ Египтѣ, у турокъ и англичанъ; она была въ войнѣ со всею Европою. Первый консулъ Бонапартъ, желая вступить въ союзъ съ Россіей, написалъ письмо къ государю, въ которомъ, называя его неограниченнымъ монархомъ, увѣдомлялъ, что 5,000 нашихъ, зная, что они исключены изъ службы, не принимаютъ никакихъ выгодныхъ предложеній французскаго правительства и остаются вѣрными своему государю, и что Франція готова отпустить ихъ безъ вымѣна, желая тѣмъ показать свое желаніе быть союзницею Россіи. Это письмо было прислано съ майоромъ, бывшимъ въ плѣну, который разсказывалъ, что всѣ плѣнные одѣты по новой формѣ, установленной государемъ, что изъ нихъ составлены баталіоны, которыми командуютъ русскіе офицеры и генералы и обучаютъ ихъ, согласно вновь изданному уставу. Государь [illegible] чувствительно принялъ это извѣстіе, [illegible] съ этого

времени началась дружеская переписка съ Бонапартомъ, и наши плѣнные выступили въ Россію.

На основаніи союза, заключеннаго съ французами, конфискованы были всѣ англійскія суда въ нашихъ портахъ; конторы ихъ въ Петербургѣ и другихъ приморскихъ городахъ подвергнуты были осмотру, и сочтены были ихъ капиталы. Думали этими мѣрами получить большія выгоды, но обманулись. Нарушили только довѣріе, которое должно быть свято почитаемо просвѣщенными народами, а дѣло показало, что конторы существовали однимъ кредитомъ, и что нашего капитала въ чужихъ краяхъ болѣе, чѣмъ англичане въ Россіи имѣютъ его. Этотъ поступокъ послужилъ лишь къ явному разрыву съ Англіей. Вслѣдствіе того заключенъ былъ оборонительный сѣверный союзъ съ датчанами и шведами, получающими хлѣбъ изъ Россіи. Начались приготовленія къ защитѣ береговъ Балтійскаго моря, построены были батареи, маяки и расставлены всюду войска; все это стоило большихъ издержекъ казнѣ и изнурило только людей.

Чтобы англичанамъ причинить чувствительное зло, которое бы могло ихъ разорить совершенно, приказано было 40 Донскимъ полкамъ со всею конною ихъ артиллеріи совершить удивительное предпріятіе. Они должны были отъ Оренбургской линіи, черезъ Киргизскую степь, проникнуть въ Бухарію и Хиву, освободить тамъ нашихъ плѣнныхъ, слѣдовать чрезъ степи въ Индію и разорять англійскія поселенія. Бонапартъ въ это время долженъ былъ послать часть французскихъ войскъ изъ Египта черезъ Сирію для соединенія съ Донскими казаками. Англичане, послѣ совершеннаго пораженія Типо-Саиба, имѣли мало войска въ Индіи; при помощи русскихъ и французовъ, возстали бы всѣ недовольные и можно было бы надѣяться лишить англичанъ этой отхожей ихъ пустоши, составляющей все ихъ богатство и силу, и если бы войска перенесли вліяніе климата и преодолѣли трудный путь, то возвратились бы съ большимъ богатствомъ.

Всѣ эти предположенія не осуществились по случаю кончины государя. Англійскій флотъ перешелъ черезъ Зундъ, сильно притомъ пострадалъ, но причинилъ большой вредъ датчанамъ. Донскіе казаки уже были на Оренбургской линіи, пройдя болѣе тысячи верстъ. Въ это время имъ велѣно было итти назадъ, и англійскій флотъ пошелъ обратно къ своимъ берегамъ.

(Записки Д. Б. Мертваго. Стр. 125—130.)

197. Заговоръ.

Разсказъ графа Палена.

Изъ записокъ Ланжерона.

«...Состоя въ высокомъ званіи и занимая отвѣтственные посты, я былъ однимъ изъ тѣхъ, которыхъ скорѣе всѣхъ могла поразить гроза царскаго гнѣва. Я долженъ былъ поэтому позаботиться о томъ, чтобы защищать себя отъ этой опасности и избавить Россію и, можетъ быть, даже Европу отъ неизбѣжнаго кроваваго пожара. Въ теченіе шести мѣсяцевъ меня занимала мысль о необходимости свергнуть Павла съ престола. Между тѣмъ казалось невозможнымъ—и такъ въ дѣйствительности и было—достигнуть этой цѣли, не заручившись согласіемъ и, даже болѣе, содѣйствіемъ великаго князя Александра. Нужно было, по крайней мѣрѣ, поставить его въ извѣстность объ этомъ. Я сдѣлалъ попытку позондировать его по этому поводу, сначала слегка, въ общихъ выраженіяхъ, ограничиваясь нѣкоторыми замѣчаніями о характерѣ его отца. Александръ слушалъ меня, вздыхалъ и молчалъ. Я не этого желалъ и рѣшилъ вскрыть ледъ, разсказавъ ему откровенно и чистосердечно обо всемъ, что я считалъ необходимымъ сдѣлать. Вначалѣ Александръ казался очень возмущеннымъ моимъ проектомъ. Онъ сказалъ мнѣ, что нисколько не обманывается насчетъ той опасности, которая угрожаетъ государству и даже ему самому, но, что онъ, несмотря на это, рѣшилъ терпѣть и ничего противъ отца не предпринимать. Я не испугался этихъ заявленій и снова сталъ приводить убѣдительные доводы, чтобы доказать великому князю неминуемость перемѣны. Ежедневно повторяющіеся припадки безумія достаточно выясняли эту неизбѣжность. Я старался разбудить самолюбіе Александра и запугать альтернативой — возможностью полученія трона—съ одной стороны и грозящей тюрьмой или даже смертью—съ другой. Такимъ образомъ мнѣ удалось подорвать у сына благочестивое чувство къ отцу и убѣдить его принять участіе въ обсужденіи вмѣстѣ со мной и Панинымъ способовъ, какъ ввести эту перемѣну, необходимость которой онъ и самъ не могъ не признать и т. д...

...Въ интересахъ истины я обязанъ заявить, что великій князь Александръ не хотѣлъ итти ни на какія убѣжденія, прежде чѣмъ я не далъ ему священную клятву въ томъ, что мы пощадимъ жизнь его отца. Несмотря на свое обѣщаніе, я не былъ настолько безразсуденъ, чтобы считать себя священ-

нимъ своимъ словомъ, которое просто не было выполнимо. Нужно было успокоить угрызенія совѣсти моего будущаго монарха, и я притворно шелъ навстрѣчу его желаніямъ, хотя и былъ убѣжденъ въ ихъ неисполнимости... Осуществленіе нашего проекта было нами назначено на конецъ марта мѣсяца, непредвидѣнныя обстоятельства заставили насъ ускорить моментъ. Многіе офицеры изъ гвардейскихъ полковъ были нами посвящены въ тайну или сами догадывались о ней. Отъ ихъ болтливости можно было ожидать самаго худшаго, и это меня безпокоило...

7-го марта, въ 7 часовъ утра, я вошелъ въ рабочій кабинетъ Павла съ рапортомъ о положеніи столицы, какъ я это дѣлалъ ежедневно. Я нашелъ его погруженнымъ въ свои мысли, серьезнымъ; онъ открываетъ дверь и минуты двѣ смотритъ на меня, не говоря ни слова. Наконецъ, онъ спросилъ меня:—«Господинъ Паленъ, были ли вы здѣсь въ 1762 году?»—«Да, государь».—«Значитъ, вы здѣсь были?»—«Да, государь, но что вы, ваше величество, этимъ хотите сказать?»—«Присутствовали ли вы во время революціи, которая моего отца лишила трона и жизни?» — «Я былъ, государь, свидѣтелемъ только, но не дѣйствующимъ лицомъ, я былъ очень молодъ и служилъ кавалерійскимъ унтеръ-офицеромъ въ гвардіи; я уѣхалъ со своимъ полкомъ, не подозрѣвая, что происходило кругомъ, но почему вы, ваше величество, задаете мнѣ этотъ вопросъ?» «Почему—да потому, что хотятъ повторить 1762 годъ».

Я задрожалъ при этихъ словахъ, но тотчасъ овладѣлъ собой и сказалъ:—«Да, государь этого хотятъ, я это знаю и также состою въ заговорѣ».—«Какъ, вы это знаете и также состоите въ заговорѣ? Что вы мнѣ говорите?»—«Да, государь, я принадлежу къ числу заговорщиковъ и долженъ себя вести, какъ ихъ соучастникъ, какъ могъ бы я иначе узнать, что хотятъ предпринять, я долженъ былъ показать имъ, что я ихъ сторонникъ. Но будьте покойны, вамъ нечего бояться. Всѣ нити заговора сосредоточены въ моихъ рукахъ. Вы скоро сами все узнаете. Но и не думайте сравнивать опасность, которая угрожаетъ вамъ, съ опасностью, угрожавшей вашему отцу. Онъ былъ иностранецъ, вы русскій. Онъ ненавидѣлъ русскихъ, не скрывалъ своего презрѣнія къ нимъ и былъ чуждъ народу. Вы, напротивъ, любите русскихъ, уважаете и цѣните ихъ и привлекаете ихъ къ государственной службѣ. Онъ не былъ коронованъ, надъ вами же этотъ обрядъ былъ совершенъ. Онъ преслѣдовалъ духовенство, а вы ему оказываете всякія почести. Онъ крайне вооружалъ противъ себя гвардейскіе полки, вамъ же эти войска, наоборотъ, очень преданы. Тогда въ Петербургѣ не было никакой полиціи, теперь она прекрасно организована, безъ моего вѣдома не дѣлается ни одного шага, не говорится ни одного слова. Каковы бы ни были виды императрицы, у нея нѣтъ ни дарованій, ни силы воли ее матери, у нея взрослыя дѣти, тогда какъ вамъ, ваше величество, тогда въ 1762 году было только семь лѣтъ».—«Все это такъ,—сказалъ Павелъ,—но нужно быть настороже».

Такъ кончился нашъ разговоръ. Я тотчасъ же написалъ великому князю, настаивая на немедленномъ устройствѣ переворота, на слѣдующій же день. Онъ убѣждалъ меня обождать до 11-го марта, потому что въ тотъ день долженъ былъ нести сторожевую службу третій батальонъ Семеновскаго полка, въ которомъ онъ былъ болѣе увѣренъ, чѣмъ въ двухъ другихъ. Я съ большой неохотой согласился на это и былъ очень неспокоенъ эти два дня».

«Паленъ имѣлъ всѣ основанія безпокоиться», *пишетъ по этому поводу Ланжеронъ.* «Императоръ, повидимому, догадывался о замыслѣ, и самъ Паленъ принадлежалъ къ числу заподозрѣнныхъ. Павелъ тайно вызвалъ двухъ своихъ прежнихъ любимцевъ гатчинскаго періода, Аракчеева и Линдера, которыхъ онъ удалилъ отъ себя. Если бы эти два изверга во-время вернулись, то они вытеснили бы Палена и, можетъ быть, Александра отъ занимаемыхъ ими постовъ и устроили бы кровавую баню въ столицѣ. Аракчеевъ пріѣхалъ черезъ десять часовъ послѣ смерти Павла, онъ былъ задержанъ у воротъ города и снова высланъ».

Въ заключеніе своему разсказу въ разговорѣ съ Ланжерономъ Паленъ замѣтилъ: «Моментъ, наконецъ, наступилъ. вы знаете, что произошло. Императоръ умеръ и долженъ былъ умереть. Я не былъ ни свидѣтелемъ, ни активнымъ лицомъ во время его смерти. Я предвидѣлъ его кончину, но не хотѣлъ принимать никакого участія въ этомъ дѣлѣ, такъ какъ далъ свое слово великому князю».

(Шиманъ и Брикнеръ. Смерть Павла I. Стр. 93—113.)

198. Переворотъ 11 марта 1801 г. по запискамъ Ланжерона.

Разсказъ Бенигсена.

Я былъ удаленъ со службы, и, не смѣя показываться ни въ Петербургѣ, ни въ Москвѣ, ни даже въ другихъ губернскихъ городахъ, изъ опасенія слишкомъ выставляться

на видъ, быть заключеннымъ и, можетъ быть, сосланнымъ въ мѣста болѣе отдаленныя, я проживалъ въ печальномъ уединеніи своего помѣстья на Литвѣ.

Въ началѣ 1801 года я получилъ отъ графа Палена письмо, приглашавшее меня явиться въ Петербургъ; я былъ удивленъ этимъ предложеніемъ и нимало не расположенъ послѣдовать ему; нѣсколько дней спустя получился приказъ императора, призывавшій назадъ всѣхъ сосланныхъ и уволенныхъ со службы. Но этотъ приказъ точно также не внушилъ мнѣ никакой охоты покинуть мое уединеніе; между тѣмъ Паленъ бомбардировалъ меня письмами, въ которыхъ энергично выражалъ свое желаніе видѣть меня въ столицѣ и увѣрялъ меня, что я буду прекрасно принятъ императоромъ. Послѣднее его письмо было такъ убѣдительно, что я рѣшился ѣхать.

Пріѣзжаю въ Петербургъ; сперва я довольно хорошо принятъ Павломъ; но потомъ онъ обращается со мною холодно, а вскорѣ совсѣмъ перестаетъ смотрѣть на меня и говорить со мною. Я иду къ Палену и говорю ему, что все, что предвидѣлъ, сбывалось, что надѣяться мнѣ не на что, зато много есть, чего опасаться, поэтому я хочу уѣхать какъ можно скорѣе. Паленъ уговорилъ меня потерпѣть еще нѣкоторое время, и я согласился на это съ трудомъ; наконецъ, наканунѣ дня, назначеннаго для исполненія его замысловъ, онъ открылъ мнѣ ихъ: я согласился на все, что онъ мнѣ предложилъ.

Въ намѣченный день мы всѣ собрались къ Палену; я засталъ тамъ трехъ Зубовыхъ, Уварова, много офицеровъ гвардіи [1]), всѣ были по меньшей мѣрѣ разгорячены шампанскимъ, которое Паленъ велѣлъ подать имъ (мнѣ онъ запретилъ пить и самъ не пилъ). Насъ собралось человѣкъ 60: мы раздѣлились на двѣ колонны: Паленъ съ одной изъ нихъ пришелъ по главной лѣстницѣ со стороны покоевъ императрицы Маріи [2]), а я съ другой колонной направился по лѣстницѣ (ведущей въ церкви) [3]). Больше половины сопровождавшихъ меня заблудились и отстали прежде, чѣмъ дошли до покоевъ императора: насъ осталось всего 12 человѣкъ. Въ томъ числѣ были Платонъ и Николай Зубовы. Валеріанъ былъ съ Паленомъ. Мы дошли до дверей прихожей императора, и одинъ изъ насъ велѣлъ отворить ее подъ предлогомъ, что имѣетъ что-то доложить императору [4]). Когда камердинеръ и гайдуки императора увидѣли насъ входящими толпой, они не могли усомниться въ нашемъ замыслѣ: камердинеръ спрятался, но одинъ изъ гайдуковъ, хотя и обезоруженный, бросился на насъ; одинъ изъ сопровождавшихъ меня свалилъ его ударомъ сабли и опасно ранилъ въ голову [5]).

Между тѣмъ, этотъ шумъ разбудилъ императора; онъ вскочилъ съ постели, и если бы сохранилъ присутствіе духа, то легко могъ бы бѣжать; правда, онъ не могъ этого сдѣлать черезъ комнаты императрицы, — такъ какъ Палену удалось внушить ему сомнѣніе насчетъ чувствъ государыни, то онъ каждый ве-

---

[1]) Между прочимъ князя Яшвиля изъ артиллеріи, Вяземскаго — Семеновскаго полка, Скарятина — Измайловскаго, Аргамакова — Преображенскаго, Татаринова — Кавалергардскаго, Волконскаго и др.

[2]) Думаютъ, что Паленъ, злой геній котораго все предвидѣлъ, и въ особенности не забылъ ничего, что могло касаться его лично, уклонился отъ дѣятельнаго участія, но не потому, какъ онъ увѣрялъ меня, что хотѣлъ исполнить обѣщаніе, данное великому князю Александру, а для того, чтобы быть въ состояніи, если не удастся предпріятіе, броситься на помощь къ императору; не желая самъ совершать преступленія, онъ, зная хладнокровіе и невозмутимое мужество Беннигсена, призвалъ его, чтобы замѣнить себя, и правда, что безъ Беннигсена ничего не удалось бы.

[3]) На верху этой лѣстницы на площадкѣ находится дверь; она ведетъ въ большую залу, служившую прихожей императора, и гдѣ спали два гусара или придворныхъ гайдука. За этой комнатой была спальня Павла, обширная и высокая; изъ нее вели двѣ двери, между которыми былъ устроенъ родъ чуланчика, гдѣ спалъ камердинеръ. Направо отъ входа стоялъ шкафъ, куда прятали знамена и штандарты гвардейскихъ полковъ и шпаги офицеровъ подъ арестомъ. Возлѣ шкафа была дверка, ведущая черезъ узкую потайную лѣстницу въ голландскую кухню, никогда не бывшую въ употребленіи, и оттуда въ квартиру генералъ-адъютанта; въ то время это былъ князь Гагаринъ, жена котораго, рожденная княжна Лопухина, была любовницей императора.

[4]) Это былъ нѣкто Аргамаковъ, адъютантъ Преображенскаго полка, онъ являлся каждое утро въ 6 часовъ подавать императору рапортъ по полку. Онъ стучится въ дверь, запертую на ключъ. Камердинеръ встаетъ и спрашиваетъ его, кто онъ такой, и что ему нужно? Аргамаковъ называетъ себя, прибавивъ: — «Можно ли спрашивать, что мнѣ нужно! Я прихожу каждое утро подавать рапортъ императору. Уже 6 часовъ. Отпирайте скорѣе». — «Какъ 6 часовъ, — возразилъ камердинеръ, — нѣтъ еще и 12-ти; мы только что улеглись спать». — «Вы ошибаетесь, — сказалъ Аргамаковъ, — ваши часы, вѣроятно, остановились: теперь болѣе 5-ти часовъ. Изъ-за васъ меня посадятъ подъ арестъ, если я опоздаю, отпирайте скорѣе». Обманутый камердинеръ отперъ, и заговорщики вошли толпой.

[5]) Этотъ вѣрный и храбрый гайдукъ не умеръ отъ своей раны, а впослѣдствіи онъ служилъ камердинеромъ у императрицы Маріи; его звали Кирилловымъ.

черъ [illegible] трогалъ дверь, ведущую въ ея покои,— но онъ могъ спуститься къ Гагариной и бѣжать оттуда. По, повидимому, онъ былъ слишкомъ перепуганъ, чтобы соображать, и забился въ одинъ изъ угловъ маленькихъ ширмъ, загораживавшихъ простую, безъ полога кровать, на которой онъ спалъ.

Мы входимъ. Платонъ Зубовъ [1]) бѣжитъ къ постели, не находитъ никого и восклицаетъ по-французски: «Онъ убѣжалъ!». Я слѣдовалъ за Зубовымъ и увидѣлъ, гдѣ скрывается императоръ. Какъ и всѣ другіе, я былъ въ парадномъ мундирѣ, въ шарфѣ, въ лентѣ черезъ плечо, въ шляпѣ на головѣ и со шпагой въ рукѣ. Я опустилъ ее и сказалъ по-французски: «Ваше величество, царствованію вашему конецъ: императоръ Александръ провозглашенъ. По его приказанію, мы арестуемъ васъ; вы должны отречься отъ престола. Не безпокойтесь за себя: васъ не хотятъ лишать жизни; я здѣсь, чтобы охранять ее и защищать, покоритесь своей судьбѣ; но если вы окажете хотя малѣйшее сопротивленіе, я ни за что больше не отвѣчаю!»

Императоръ не отвѣчалъ мнѣ ни слова. Платонъ Зубовъ повторилъ ему по-русски то, что я сказалъ по-французски. Тогда онъ воскликнулъ: «Что же я вамъ сдѣлалъ?» Одинъ изъ офицеровъ гвардіи отвѣчалъ: «Вотъ уже четыре года, какъ вы насъ мучите!»

Въ эту минуту другіе офицеры, сбившіеся съ дороги, безпорядочно ворвались въ прихожую: поднятый ими шумъ испугалъ тѣхъ, которые были со мною. они подумали, что это пришла гвардія на помощь къ императору, и разбѣжались всѣ, стараясь пробраться къ лѣстницѣ. Я остался одинъ съ императоромъ, но я удержалъ его, импонируя ему своимъ видомъ и своей шпагой [2]). Мои бѣглецы, встрѣтивъ своихъ товарищей, вернулись вмѣстѣ съ ними въ спальню Павла и, тѣснясь одинъ на другого, опрокинули ширмы на лампу, стоявшую на полу посреди комнаты, лампа потухла. Я вышелъ на минуту въ другую комнату за свѣчой, и въ теченіе этого короткаго промежутка времени прекратилось существованіе Павла.

На этомъ Бенигсенъ кончилъ свой разсказ [3]).

(Цареубійство 11 марта 1801 г. Стр. 141—145.)

---

190. Переворотъ 11 марта 1801 г. по запискамъ Саблукова.

Вечеромъ 11 марта заговорщики раздѣлились по небольшіе кружки.

Ужинали у полковника Хитрово, у двухъ генераловъ Уваровыхъ, у Депрерадовича (Семеновскаго полка) и у нѣкоторыхъ другихъ. Позднѣе вечеромъ всѣ соединились вмѣстѣ за однимъ общимъ ужиномъ, на которомъ присутствовали: генералъ Бенигсенъ и графъ Паленъ. Было выпито много вина и многіе выпили болѣе, чѣмъ слѣдуетъ. Въ концѣ ужина, какъ говорятъ, Паленъ будто бы сказалъ: «Вспомните, господа, — что нельзя ѣсть яичницу, не разбивъ яицъ».

Говорятъ, что за этимъ ужиномъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка полковникъ Бибиковъ, прекрасный офицеръ, находившійся въ родствѣ со всею знатью, будто бы выска-

---

[1]) Послѣдній фаворитъ императрицы Екатерины.

[2]) Изъ этого видно, что если бы Бенигсенъ не находился въ числѣ заговорщиковъ, то императоръ, оставшись одинъ и придя въ себя, могъ бы бѣжать къ Гагариной. Паленъ отлично все разсчиталъ, поручивъ ему выполненіе заговора.

Я много разъ ходилъ смотрѣть комнату, гдѣ погибъ несчастный Павелъ I; теперь ее уже больше никому не показываютъ, и она постоянно заперта.

Михайловскій дворецъ, гдѣ жилъ съ недавнихъ поръ Павелъ, отданъ инженерному вѣдомству; тамъ помѣщается инженерное училище и воспитанники учатся въ залахъ, украшенныхъ великолѣпной рѣзной и лѣпной работой и прекрасной живописью; между прочимъ, тамъ есть двери и камины богатой, драгоцѣнной отдѣлки.

[3]) Бенигсенъ не захотѣлъ мнѣ больше ничего говорить, однако, оказывается, что онъ былъ очевидцемъ смерти императора, и не участвовалъ въ убійствѣ. Убійцы бросились на Павла, и онъ защищался слабо: онъ просилъ пощады, умолялъ, чтобы ему дали время прочесть молитвы, и, увидѣвъ одного офицера конной гвардіи, приблизительно одного роста съ великимъ княземъ Константиномъ, онъ принялъ его за сына и сказалъ ему, какъ Цезарь Бруту: «Какъ, и ваше высочество здѣсь?» (Это слово «высочество» очень необычайно при подобныхъ обстоятельствахъ). Итакъ, несчастный государь умеръ, убѣжденный, что его сынъ былъ однимъ изъ его убійцъ, и это страшное сознаніе еще болѣе отравило его послѣдніе минуты. Убійцы не имѣли ни веревки, ни полотенца, чтобы задушить его; говорятъ, Скарятинъ далъ свой шарфъ, и черезъ него погибъ Павелъ. Не знаютъ, кому приписать позорную честь быть виновникомъ его жестокой кончины; всѣ заговорщики участвовали въ ней, но, повидимому, князю Яшвилю и Татаринову принадлежитъ главная отвѣтственность въ этомъ страшномъ злодѣйствѣ. Сознается, что Николай Зубовъ, нѣчто вродѣ мясника, жестокій и разгоряченный виномъ, которымъ упился, ударилъ его кулакомъ въ лицо, а такъ какъ у него была въ рукѣ золотая табакерка, то однимъ изъ острыхъ угловъ этой четырехугольной табакерки ранилъ императора подъ лѣвымъ глазомъ.

(Всѣ прим. автора.)

залъ во всеуслышаніе мнѣніе, что нѣтъ смысла стараться избавиться отъ одного Павла; что Россія не менѣе будетъ съ остальными членами его семьи и что лучше всего было бы отдѣлаться отъ нихъ всѣхъ сразу. Какъ ни возмутительно подобное предложеніе, достойно вниманія то, что оно было вторично высказано въ 1825 году, во время послѣдняго заговора, сопровождавшаго вступленіе на престолъ императора Николая I.

Около полуночи большинство полковъ, принимавшихъ участіе въ заговорѣ, двинулись ко дворцу. Впереди шли семеновцы, которые и заняли внутренніе корридоры и проходы замка.

Заговорщики встали съ ужина немного позже полуночи. Согласно выработанному плану, сигналъ къ вторженію во внутренніе аппартаменты дворца и въ самый кабинетъ императора долженъ былъ подать Аргамаковъ, адъютантъ гренадерскаго батальона Преображенскаго полка, обязанность котораго заключалась въ томъ, чтобы докладывать императору о пожарахъ, происходящихъ въ городѣ. Аргамаковъ вбѣжалъ въ переднюю государева кабинета, гдѣ недавно еще стоялъ караулъ отъ моего эскадрона, и закричалъ: «Пожаръ!».

Въ это время заговорщики, числомъ до 180-ти человѣкъ, бросились въ дверь. Тогда Маринъ, командовавшій внутреннимъ пѣхотнымъ карауломъ, удалилъ вѣрныхъ гренадеръ Преображенскаго лейбъ-батальона, разставивъ ихъ часовыми, а тѣхъ изъ нихъ, которые прежде служили въ лейбъ-гренадерскомъ полку, помѣстилъ въ передней государева кабинета, сохранивъ такимъ образомъ важный постъ въ рукахъ заговорщиковъ.

Два камеръ-гусара, стоявшіе у двери, храбро защищали свой постъ, но одинъ изъ нихъ былъ заколотъ, а другой раненъ. Найдя первую дверь, ведущую въ спальню, незапертою, заговорщики сначала подумали, что императоръ скрылся по внутренней лѣстницѣ (и это легко бы удалось), какъ это сдѣлалъ Кутайсовъ. Но когда они подошли ко второй двери, то нашли ее запертою изнутри, что доказывало, что императоръ, несомнѣнно, находился въ спальнѣ.

Взломавъ дверь, заговорщики бросились въ комнату, но императора въ ней не оказалось. Начались поиски, но безуспѣшно, несмотря на то, что дверь, ведшая въ опочивальню императрицы, также была заперта изнутри. Поиски продолжались нѣсколько минутъ, когда вошелъ генералъ Бенигсенъ, высокаго роста, флегматичный человѣкъ; онъ подошелъ къ камину, прислонился къ нему и въ это время увидѣлъ императора, спрятавшагося за экраномъ. Указавъ на него пальцемъ, Бенигсенъ сказалъ по-французски: «Вотъ онъ», послѣ чего Павла тотчасъ вытащили изъ его прикрытія.

Князь Платонъ Зубовъ [2]), дѣйствовавшій въ качествѣ оратора и главнаго руководителя заговора, обратился къ императору съ рѣчью. Отличавшійся обыкновенно большою нервностью, Павелъ на этотъ разъ, однако, не оказался особенно взволнованнымъ и, сохраняя полное достоинство, спросилъ, что имъ всѣмъ нужно?

Платонъ Зубовъ отвѣчалъ, что деспотизмъ его сдѣлался настолько тяжелымъ для націи, что они пришли требовать его отреченія отъ престола.

Императоръ, преисполненный искренняго желанія доставить своему народу счастье, сохранить нерушимо законы и постановленія имперіи и водворить повсюду правосудіе, вступилъ съ Зубовымъ въ споръ, который длился около получаса и который въ концѣ концовъ принялъ бурный характеръ. Въ это время тѣ изъ заговорщиковъ, которые слишкомъ много выпили шампанскаго, стали выражать нетерпѣніе, тогда какъ императоръ, въ свою очередь, говорилъ все громче и началъ сильно жестикулировать. Въ это время шталмейстеръ графъ Николай Зубовъ [3]), человѣкъ громаднаго роста и необыкновенной силы, будучи совершенно пьянъ, ударилъ Павла по рукѣ и сказалъ: «Что ты такъ кричишь!»

При этомъ оскорбленіи императоръ съ негодованіемъ оттолкнулъ лѣвую руку Зубова, на что послѣдній, сжимая въ кулакѣ массивную золотую табакерку, со всего размаху нанесъ правою рукою ударъ въ лѣвый високъ императора, вслѣдствіе чего тотъ безъ чувствъ повалился на полъ. Въ ту же минуту французъ-камердинеръ Зубова вскочилъ съ ногами на животъ императора, а Скарятинъ, офицеръ Измайловскаго полка, снявъ висѣвшій надъ кроватью собственный шарфъ императора, задушилъ его имъ. Такимъ образомъ его прикончили.

(Цареубійство 11 марта 1801 г. Стр. 86—89.)

---

[2]) Зубовъ, князь Платонъ Александровичъ Ген.-отъ инф., шефъ 1 кадет. корпуса. Впослѣдствіи членъ государ. совѣта. Род. 1767, ум. 1822.

[3]) Зубовъ, графъ Николай Александровичъ. Оберъ-шталмейстеръ. (Прим. *автора*.)

200. Переворотъ 11 марта 1801 г. по запискамъ Фонвизина.

Одиннадцатое число марта было последнимъ роковымъ днемъ несчастнаго Павла I.

Въ этотъ день графъ Паленъ пригласилъ всѣхъ заговорщиковъ къ себѣ на вечеръ. По призыву его собрались всѣ главные его сообщники: Зубовы, Бенигсенъ, многіе гвардейскіе и армейскіе генералы и офицеры въ полномъ мундирѣ, въ шарфахъ и орденахъ. Гостямъ разносили шампанское, пуншъ и другія вина. Всѣ опоражнивали бокалъ за бокаломъ, кромѣ хозяина дома и Бенигсена. Паленъ, Зубовы (въ этомъ собраніи не было графа Панина и Валеріана Зубова), Бенигсенъ обращались къ патріотизму присутствующихъ, говорили о настоящемъ бѣдственномъ положеніи Россіи, что самовластіе императора губитъ ее, и что есть средство предотвратить еще большія несчастія: это —принудить Павла отречься отъ трона; что самъ наслѣдникъ престола признаетъ необходимою эту рѣшительную мѣру. Не было рѣчи о будущей участи императора. Заговорщикамъ, кромѣ весьма немногихъ, и въ голову не приходило, чтобы жизни его угрожала какая-либо опасность. Восторженные подобными рѣчами, а еще болѣе питымъ виномъ и пуншемъ, заговорщики требуютъ, чтобы ихъ тотчасъ вели на славный подвигъ спасенія отечества.

Панинъ и генералъ Талызинъ, предвидя это, распорядились заблаговременно, чтобы къ полуночи генералъ Депрерадовичъ съ 1-мъ Семеновскимъ батальономъ, а полковникъ Запольскій и генералъ князь Вяземскій съ 3-мъ и 4-мъ батальонами Преображенскаго выступили на назначенное сборное мѣсто у верхняго сада подлѣ Михайловскаго замка.

Получа донесеніе, что движеніе войскъ началось, заговорщики раздѣлились на два отряда: одинъ подъ предводительствомъ Бенигсена и Зубовыхъ, другой подъ начальствомъ Палена. Впереди перваго отряда шелъ адъютантъ Аргамаковъ, который долженъ былъ открыть заговорщикамъ входъ въ замокъ по извѣстному подъемному мостику, который сторожъ во всякое время для него опускалъ. Паленъ съ сопровождавшимъ его меньшимъ числомъ сообщниковъ отсталъ отъ перваго отряда, который встрѣтилъ гвардейскіе три батальона уже на сборномъ мѣстѣ. Зубовъ съ своими сообщниками подошли къ замку. Аргамаковъ впереди безпрепятственно провелъ ихъ по мостику. Генералъ Талызинъ двинулъ батальоны чрезъ верхній садъ и окружилъ ими замокъ. (Въ верхнемъ саду на ночь слеталось безчисленное множество воронъ и галокъ; птицы, испуганныя движеніемъ войска, поднялись тучею съ карканьемъ и шумомъ и перепугали начальниковъ и солдатъ, принявшихъ это за несчастливое предзнаменованіе.)

Зубовъ и Бенигсенъ съ своими сообщниками бросились прямо къ царскимъ покоямъ. За одну комнату до Павловой спальни, стоявшіе на часахъ два камеръ-гусара не хотѣли ихъ впустить, но нѣсколько офицеровъ бросились на нихъ, обезоружили, зажали имъ рты и увлекли вонъ. Зубовы съ Бенигсеномъ и нѣсколькими офицерами вошли въ спальню. Павелъ, встревоженный шумомъ, вскочилъ съ постели, схватилъ шпагу и спрятался за ширмами.

Князь Платонъ Зубовъ, не видя Павла на постели, испугался и сказалъ по-французски: «Птица вылетѣла», но Бенигсенъ хладнокровно осмотрѣлъ горницу, нашелъ Павла, спрятавшагося за ширмами со шпагою въ рукѣ, и вывелъ его изъ засады. Князь Платонъ Зубовъ, упрекая царю его тиранство, объявилъ ему, что онъ уже не императоръ, и требовалъ отъ него добровольнаго отреченія отъ престола. Нѣсколько угрозъ, вырвавшихся у несчастнаго Павла, вызвали Николая Зубова, который былъ силы атлетической. Онъ держалъ въ рукѣ золотую табакерку и съ размаху ударилъ ею Павла въ високъ,—это было сигналомъ, по которому князь Яшвиль, Татариновъ, Гордановъ и Скарятинъ яростно бросились на него, вырвали изъ его рукъ шпагу: началась съ нимъ отчаянная борьба. Павелъ былъ крѣпокъ и силенъ: его повалили на полъ, топтали ногами, шпажнымъ эфесомъ проломили ему голову и, наконецъ, задавили шарфомъ Скарятина. Въ началѣ этой гнусной, отвратительной сцены Бенигсенъ вышелъ въ предспальную комнату, на стѣнахъ которой развѣшаны были картины, и со свѣчкою въ рукѣ преспокойно разсматривалъ ихъ.

. . . .

Паленъ пришелъ на мѣсто дѣйствія, когда уже все было кончено. Или онъ гнушался преступленіемъ и даже не хотѣлъ быть свидѣтелемъ его, или, какъ иные думали, онъ дѣйствовалъ двулично: если бы заговоръ не увѣнчался успѣхомъ, онъ явился бы къ императору на помощь, какъ вѣрный его слуга и спаситель.

Но что дѣлала тогда дворцовая стража? Караульные на нижней гауптвахтѣ и часовые Семеновскаго полка во все это время оставались въ бездѣйствіи, какъ бы ничего не видя и не слыша. Ни одинъ человѣкъ не тронулся на защиту несчастнаго царя, хотя всѣ догадывались, что для него насталъ послѣдній

[illegible]

[illegible]... 1801 г. Стр. [illegible])

---

201. Петербургъ 11 марта 1801 г. по запискамъ Чарторижскаго.

...[illegible] 11-е марта 1801 [illegible]

[illegible] внѣшней политики [illegible] въ самой столицѣ мо- [illegible] опасность, что, на- [illegible] изъ присутствующихъ не мо- [illegible] безопасности, [illegible] на слѣдующій день. [illegible] о прекрасныхъ [illegible] наслѣдника престола, [illegible] на котораго по- [illegible] Екатерина всегда смо- [illegible] преемника, [illegible] несомнѣнно, передала бы [illegible] кончина. [illegible] что [illegible] Александръ [illegible] бѣд- [illegible] родины, [illegible] что, такимъ образомъ, это дѣло [illegible]

[illegible] какъ обыкно- [illegible] ужина во [illegible] что Але- [illegible] не выказалъ [illegible] и жестоко об- [illegible] и двуличіи. Это [illegible] несправедливо, такъ какъ въ послѣ- [illegible] бесѣдахъ съ императоромъ Александромъ [illegible] подробно разска- [illegible] искренно о своемъ [illegible] въ эти минуты, когда сердце его буквально разрывалось отъ горя и отчаянія.

. . . .

[illegible] предолжался, и все- [illegible] благодаря обильнымъ [illegible]. Только главари заговора воз- [illegible] сохранить присутствіе духа, столь необходимое въ эти минуты; боль- [illegible] же гостей были сильно навеселѣ, [illegible] человѣкъ уже едва дер- [illegible] на ногахъ.

Наконецъ, время, [illegible] для [illegible]нія заговора, наступило.

Въ полночь всѣ встали изъ-за стола и [illegible]лись въ путь. Заговорщики [illegible] на двѣ партіи. въ каждой изъ которыхъ было по 60-ти человѣкъ. Первая группа, во главѣ которой находились братья Платонъ и Николай Зубовы и генералъ Беннигсенъ, направилась прямо къ Михайловскому замку. другая же, [illegible]тельствомъ гр. Палена должна была проникнуть во дворецъ со стороны Лѣтняго сада. Плацъ-адъютантъ замка (капитанъ Аргамаковъ), знавшій всѣ ходы и выходы дворца по обязанности своей службы, шелъ во главѣ перваго отряда съ потайнымъ фонаремъ въ рукѣ и провелъ заговорщиковъ до передней государевой опочивальни. Стоявшій у двери лакей камеръ-гусаръ [illegible] заговорщиковъ и сталъ звать на помощь. Защищаясь отъ наступавшихъ на него заговорщиковъ, онъ былъ раненъ и упалъ, обливаясь кровью. Между тѣмъ императоръ, заслышавъ крики и шумъ въ передней, проснулся, быстро вскочилъ съ кровати и направился къ двери, ведшей въ комнату императрицы, которая была завѣшена большой портьерой.

Къ несчастью злополучнаго Павла, эта дверь еще недавно была наглухо заколочена по его же приказанію. Въ то же время [illegible]кіе крики [illegible] о помощи [illegible] камеръ-гусара привели заговорщиковъ въ смущеніе: они остановились въ нерѣшительности и стали совѣщаться. Шедшій во главѣ отряда Зубовъ растерялся и уже хотѣлъ скрыться, увлекая за собою другихъ; но въ это время къ нему подошелъ генералъ Беннигсенъ и схвативъ его за руку, сказалъ: — Какъ? Вы сами привели насъ сюда и теперь хотите отступать? Это невозможно, мы слишкомъ далеко зашли, чтобы слушаться вашихъ совѣтовъ, которые ведутъ насъ къ гибели. Жребій брошенъ, надо дѣйствовать. Впередъ! — Слова эти я слышалъ впослѣдствіи отъ самого Беннигсена.

Такимъ образомъ этотъ человѣкъ, благодаря своей рѣшительности, сталъ во главѣ событія, имѣвшаго такое важное вліяніе на судьбы имперіи и [illegible] [illegible]. А между тѣмъ онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ, которые узнали о заговорѣ лишь въ этотъ самый день. Онъ рѣшительно становится во главѣ отряда, и [illegible] слѣдуютъ за нимъ. Они врываются въ спальню императора и идутъ прямо къ его кровати, но съ ужасомъ видятъ, что Павла уже нѣтъ. Тревога снова охватываетъ заговорщиковъ: они ходятъ по комнатѣ и со свѣчей ищутъ Павла. Наконецъ, злополучный монархъ най-

[illegible]

На несчастнаго посыпались удары. Одинъ изъ заговорщиковъ, [illegible] [illegible] не припоминаю, [illegible] свой офицерскій шарфъ и накинулъ его на шею злополучнаго монарха. Несчастный сталъ отбиваться и по естественному чувству самосохраненія, высвободилъ одну руку, просунулъ ее между шеей и охватившимъ ее шарфомъ, крича: «Воздуху! воздуху!» [illegible]

[illegible] испустилъ послѣдній вздохъ. Но озвѣрѣвшіе [illegible] продолжаютъ затягивать петлю и волокутъ безжизненное тѣло по комнатѣ. Между тѣмъ болѣе трусливые, бросившіеся было къ выходу, снова возвращаются въ комнату, принимаютъ участіе въ убійствѣ и даже превосходятъ первоначальныхъ убійцъ своимъ звѣрствомъ и жестокостью. Генералъ Беннигсенъ въ это время возвращается и съ ужасомъ видитъ страшную картину. Не знаю, насколько искренно было его негодованіе при видѣ всего, что произошло въ его отсутствіе, но онъ поспѣшилъ положить конецъ этой возмутительной сценѣ.

Между тѣмъ крики: «Павелъ болѣе не существуетъ!» распространяются среди другихъ заговорщиковъ, пришедшихъ позже, которые, не стѣсняясь, громко высказываютъ свою радость, забывъ о всякомъ чувствѣ приличія и человѣческаго достоинства. Они толпами ходятъ по коридорамъ и заламъ дворца, громко разсказываютъ другъ другу о своихъ подвигахъ, и нѣкоторые проникаютъ въ винные погреба, продолжая оргію, начатую въ домѣ Зубовыхъ.

Паленъ, заблудившійся, повидимому, со своимъ отрядомъ въ аллеяхъ Лѣтняго сада, прибылъ со своей партіей во дворецъ, когда все уже было кончено. Говорили, что онъ умышленно опоздалъ съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ неудачи заговора выступить въ роли защитника императора и при надобности арестовать своихъ единомышленниковъ. Какъ бы то ни было, извѣстно только то, что Паленъ, явившись во дворецъ, тотчасъ проявилъ необычайную дѣятельность, сталъ отдавать приказанія и въ теченіе всей остальной ночи выказалъ распорядительность и энергію, свойственныя его характеру и сдѣлавшія его въ эти времена почти полновластнымъ вершителемъ судебъ государства.

(Цареубійство 11 марта 1801 г. Стр. 223 — 229.)

202. Изъ разсказовъ великаго князя Константина Ланжерону. (Послѣ переворота.)

...«Я ничего не подозрѣвалъ, — разсказывалъ великій князь, — и крѣпко спалъ, какъ могутъ спать двадцатилѣтніе юноши. Пьяный Платонъ Зубовъ съ шумомъ ввалился въ мою комнату (черезъ часъ послѣ смерти моего отца), грубо стянулъ съ меня одѣяло и нахальнымъ тономъ сказалъ: «Вставайте и идите къ императору Александру, онъ васъ ждетъ». Можете себѣ представить мой ужасъ и недоумѣніе. Я смотрѣлъ на Зубова съ заспанными глазами, и мнѣ казалось, что это мнѣ снится. Платонъ съ силой дернулъ меня за руку, чтобы заставить подняться. Я одѣлъ свои брюки, сюртукъ, сапоги и совершенно механически послѣдовалъ за Зубовымъ. Изъ предосторожности я захватилъ съ собой польскую саблю, которую я получилъ въ подарокъ въ Ковнѣ отъ князя Любомирскаго. Въ случаѣ, если бы угрожала опасность моей жизни, я сталъ бы защищаться, думалъ я, потому что совершенно не понималъ, что произошло. Я прихожу въ комнату брата и застаю тамъ толпу очень шумныхъ и разгоряченныхъ офицеровъ. Уваровъ, такой же пьяный, какъ и всѣ другіе, сидѣлъ на мраморномъ столѣ и болталъ ногами. Я вхожу въ залъ моего брата и застаю его распростертымъ на диванѣ, въ слезахъ. Тутъ же была и императрица Елизавета. Здѣсь я впервые узналъ объ убійствѣ моего отца. Я такъ былъ ошеломленъ этимъ ударомъ, что сначала мнѣ показалось, будто заговоръ направленъ противъ всѣхъ насъ. Въ этотъ моментъ моему брату сообщили о претензіяхъ моей матери, и онъ воскликнулъ: «Боже мой, этого еще недоставало!». Онъ приказалъ Палену пойти къ ней, образумить ее и заставить отказаться отъ этой идеи, которая казалась такой страшной и дикой въ этотъ моментъ. Паленъ вернулся черезъ нѣсколько часовъ и увелъ брата, чтобы показать его войскамъ. Остальное вы сами знаете», — закончилъ великій князь свой разсказъ.

(Шиманъ и Брикнеръ. Смерть Павла I. Стр. 131).

203. Изъ писемъ Татищева къ графу Воронцову.

...«Я раздѣляю ваше удивленіе и вашу радость по поводу полученныхъ депешъ. Наше отечество, освобожденное, наконецъ, отъ невыносимаго гнета, подъ которымъ оно стонало цѣлыхъ четыре года, было неожиданно спасено и имѣетъ теперь добраго, кроткаго государя... Намъ все кажется, что мы возродились къ новой жизни. Представленія о тюрьмахъ, застѣночныхъ пыткахъ, проскрипціяхъ исчезли, какъ страшный призракъ, отлетѣли, какъ тяжелый сонъ. Вмѣсто этого у насъ воскресли надежды на общее благосостояніе, на обезпеченное существованіе отдѣльныхъ лицъ, на счастье, о которомъ мы едва смѣли мечтать въ эту ужасную эпоху, которая повергла въ трауръ всю нашу страну и подорвала всѣ ея жизненные источники. Будемъ надѣяться, что

благодѣянія новаго царствованія въ короткое время вознаградятъ насъ за многочисленные удары судьбы, которые поразили насъ въ послѣдніе годы».

(Шиманъ и Брикнеръ. Смерть Павла I. Стр. 148.)

---

204. Эпоха Павла I.

По мемуарам Масона.

...С первого же дня быстрыми и решительными мерами была совершенно обезврежена гвардия, опасный корпус, свергший отца и давно уже считавший восшествие сына концом своего военного существования. С ней обошлись беспощадно. В различные гвардейские полки Павел включил свои батальоны, пришедшие из Гатчины, а офицеров распределил по всем ротам, повысив их на два—три чина. Простые армейские поручики и капитаны получили внезапно высокие и почетные должности гвардейских капитанов, дававшие раньше чин полковника и даже бригадира. Некоторые старые гвардейские капитаны, члены лучших семей империи, оказались под начальством офицеров-выскочек, которые раньше капралами и сержантами перешли из их рот в батальоны великого князя. Такая быстрая и резкая перемена в другое время могла бы стать роковою для своего автора, а теперь единственным следствием ее был выход в отставку нескольких сот офицеров и унтер-офицеров: вышли почти все, имевшие средства к существованию, или не стерпевшие обиды по службе, или, наконец, не выдержавшие изнурительной педантичной дисциплины, вводившейся выскочками. Впрочем, все бесчестье некоторых молодых офицеров заключалось только в том, что блестящую форму им пришлось заменить странной, смешной одеждой по образцам батальонов, над которыми они так долго издевались.

Встревоженный и взбешенный всеобщим стремлением оставить службу, Павел отправился в казармы, польстил солдатам и постарался успокоить и удержать офицеров, заявив, что уходящие в отставку лишаются впредь права занимать какие-либо гражданские и военные должности. Затем он издал странный и жестокий приказ, предписывавший всем офицерам и унтер-офицерам, которые уже подали или подадут в отставку, покинуть столицу в двадцать четыре часа и ехать домой. Ни Павлу, ни составителю указа не пришла в голову нелепость этой фразы: ведь многие офицеры были петербуржцы, их семьи всегда жили там: не покидая столицы, они оказывались дома и, подчинившись второй части приказа, они ослушивались первой. Когда высший исполнитель указа Архаров обратил внимание императора на это противоречие, то он пожелал, чтобы во внимание принимался только приказ покинуть Петербург. Очень многих молодых людей схватили по домам, как преступников, вывезли за город и оставили на дороге в самый лютый мороз, без шуб, без пристанища, запретив им возвращаться в город. Большинство офицеров из отдаленных провинций, не имея средств на дорогу, тоже бродили в окрестностях Петербурга. Многие так и погибли там от холода и нужды.

Эти варварские меры распространились и на всех армейских офицеров и генералов: они должны были вернуться или к своим полкам, или подать в отставку, потому что их должности были уничтожены. Так безрассудно начал Павел переустраивать армию и добиваться ее расположения. И скоро всем стало ясно, что, сделавшись императором, он исключительно занят теми же военными мелочами, которыми занимался, будучи великим князем. С первого же утра своего воцарения он все заботы свои сосредоточил на ранее задуманном мелочном изменении деталей одежды и строевого учения солдат. В один миг дворец приобрел вид взятого приступом неприятельскими войсками: настолько новые караульные и тоном, и костюмом отличались от вчерашних. Павел спустился на двор, и в течение трех или четырех часов обучал солдат вступать по-своему в караул и своему вахтпараду, ставшему главным нововведением и основою его управления. И как бы холодно ни было, он с тех пор ежедневно посвящал ему столько же времени. Там за военным учением проводит он все утро, в простой темно-зеленой форме, высоких сапогах и большой шляпе; там он отдает приказы, принимает рапорты, объявляет милости, награды и наказания, и там же представляются ему все офицеры. Окруженный сыновьями и адъютантами, переступая от холода с ноги на ногу, с плешивой непокрытой головой и задранным носом, заложив одну руку за спину, а другою махая в такт палкой, он кричит: р а з, д в а, р а з, д в а, и всю честь и славу свою видит в том, чтобы без меховой шубы выдержать пятнадцати- или двадцатиградусный мороз. Скоро никто из военных не смел уже являться в шубе, и старые генералы, страдающие от кашля, подагры и ревматизма, должны были стоять вокруг Павла [illegible].

[illegible]

[illegible] стоимостью, с [illegible] Ростопчин [illegible] бриллианты. В эти [illegible] и довольствоваться [illegible] было предписано [illegible] смешной формы. [illegible] заплатить сто [illegible] изготовлению ее в [illegible] на следующее утро [illegible] вахтпарад, знал [illegible] что получит повышение или [illegible] не обладая никакими достоинствами, прибегали к этому средству для [illegible] милости нового монарха.

[illegible] чудачество императора [illegible] круглые шляпы. [illegible] приказ стаскивать или [illegible] их прямо на голове. В результате [illegible] происходило на [illegible] около дворца. Казаки и [illegible] бросались на прохожих, срывали с них шляпы, а не понимавших в чем [illegible] били. Остановили [illegible] в санях английского [illegible] с него шляпу. Думая, что [illegible] он выскочил из саней, [illegible] стражу. [illegible] офицер и избил защищавшегося [illegible] его повалили, связали [illegible] в полицию. К счастью, дорогой [illegible] карету английского [illegible] купец обратился к нему с просьбой о защите. Витворт [illegible] императору, и тот, сообразив, что [illegible] может быть не только [illegible] но и английской национальной [illegible] что его приказание плохо [illegible] и что он все разъяснит Архарову. На [illegible] день по улицам и домам [illegible] что запрещение не распространяется на иностранцев, не состоящих на службе и не принявших русского подданства. Ношение круглых шляп прекратилось, по [illegible] в них, [illegible] удостоверения личности, а если они оказывались русскими, их отдавали в солдаты, а если бы какой-нибудь [illegible] показался в таком виде, ему бы не сдобровать, его осудили бы, как якобинца. Павлу донесли, что уполномоченный Сардинского короля, [illegible] под дымом запрещенной круглой шляпы, сказал, что такие [illegible] бывали причиной бунтов в [illegible] Уполномоченный получил через Архарова приказ покинуть столицу в 24 часа. Опасность и положение лишают [illegible] возможности требовать [illegible] оскорбление, [illegible]

дом и [illegible] между [illegible] а в манифестах [illegible] о правах престола и [illegible], о [illegible] короны и счастии народа.

Столь же непонятно было [illegible] запрещение запрягать [illegible] и [illegible] упряжь. Был дан [illegible] срок на приобретение немецкой упряжи, [illegible] экипажей, [illegible]. С момента [illegible] более [illegible], [illegible] тем более [illegible] в своих [illegible] неделю от двора. [illegible] случаем и брали до 300 рублей за простую [illegible] упряжь. По [illegible] русских извозчиков и кучеров [illegible] неудобно по другой причине. [illegible] них [illegible] бородой, с кафтаном и [illegible] стрижеными волосами: при этом [illegible] самые комичные сцены. [illegible] император принужден был в конце концов [illegible] строгий приказ [illegible] желающим [illegible] одеться постепенно в немецкое платье.

Другая реформа коснулась [illegible]. В один миг [illegible] большинство [illegible] экипажей, [illegible] на огромных улицах Петербурга. Офицеры и даже [illegible] стали являться на парады в [illegible] или пешком, но и тут [illegible] опасность. Один офицер, идя по улице в [illegible] шубе, передал слуге [illegible] шпагу, [illegible] намереваясь взять ее обратно и снять шубу [illegible] ко дворцу. На беду он встретил императора. Офицер был разжалован в солдаты, а слуга [illegible] на его место!

При встрече русского императора, его жены или сына, по [illegible] обычно [illegible] останавливать [illegible], слезать и кланяться [illegible], несмотря на снег или грязь. В [illegible] царствование Екатерины совершенно [illegible] это [illegible] чувств; оно было [illegible] только в большом городе [illegible], быстро несущимися экипажами. [illegible] из первых забот Павла [illegible] этот обычай [illegible]. [illegible] был остановлен и [illegible] под арест только потому, что его кучер не узнал императора, [illegible].

Такая же [illegible] и с некоторыми другими [illegible]. И [illegible], и [illegible] больше всего [illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

существенные и значительные приказы, следовавшие друг за другом в течение первых восьми дней царствования Павла[1]). Что сказать, чего ждать от человека, который, наследуя Екатерине, считал все это безотлагательным! Часто эти новые важные распоряжения противоречили одно другому или исключали друг друга, и на завтра ему приходилось менять или уничтожать объявленное сегодня. Одним словом, Павел, и облачившись в императорскую мантию, выставил на первый план великокняжеское ухо и решил управлять огромным государством, как управлял Павловском, столицей—как своим домом, а тридцатью миллионами людей всех наций и положений,—как дюжиной лакеев.

[1]) Так, особым указом он запретил носить жилеты и панталоны. Академии Павел запретил употреблять термин «возмущение» при сообщениях о движении светил; актерам предписал употреблять слово «позволение» вместо «свобода», которое ставилось в афишах. Фабрикантам он воспретил выделывать какие бы то ни было трехцветные материи и ленты. *Авт.*

«Голос минувшего», 1916 г., № 10. (Стр. 31 — 39.)
